

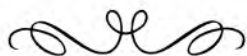


ДЭН
СИММОНС

ЛЕТО
НОЧИ

Роман

thebigbook®



КНИГИ

ДЭНА СИММОНСА,

ОПУБЛИКОВАННЫЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППОЙ
«АЗБУКА-АТТИКУС»

ТЕРРОР

•

ДРУД

•

ПЯТОЕ СЕРДЦЕ

•

ТЕМНАЯ ИГРА СМЕРТИ

•

ЛЕТО НОЧИ



ДЭН
СИММОНС

ЛЕТО НОЧИ



Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
С 37

Dan Simmons
SUMMER OF NIGHT
Copyright © 1991 by Dan Simmons
All rights reserved

Перевод с английского Ольги Брусовой,
Дарьи Кальницкой (предисловие)

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-16582-3

© О. Г. Брусова, перевод, 2007
© Д. С. Кальницкая, перевод предисловия, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

Предисловие к юбилейному изданию

С момента публикации «Лета ночи» в 1991 году я получил столько бумажных и электронных писем с отзывами об этом романе, сколько не получал ни об одном другом (за исключением, возможно, «Гипериона»). Самое интересное, что в подавляющем большинстве эти отправленные из разных уголков мира письма пишут люди приблизительно моего возраста, которые помнят свое детское лето 1960-го (время действия романа) и которых чтение тронуло до такой степени, что им хочется рассказать, насколько ощущение свободы из их детских воспоминаний похоже на свободу описанных в «Лете ночи» детей. А потом мои корреспонденты жалуются, что у их детей и внуков такой свободы нет. Мне всегда странно думать: как так вышло, что у человека, выросшего во Франции, в России, Японии или Израиле (письма приходили и из этих стран), детство оказалось похожим на детство моих героев в маленьком американском городке в 1960 году?

На первый взгляд «Лето ночи» — роман ужасов, но на самом деле он посвящен присущим детству тайнам и недомолвкам. А еще он повествует об отдельном мире детства, который мы потеряли или, вероятно, вот-вот потеряем. Быть может, это и есть основная причина, почему столько людей приняли этот роман так близко к сердцу.

Но каковы же другие общие для всех составляющие, благодаря которым читатели из разных уголков мира смогли так полно отождествиться с Майком, Дейлом, Лоренсом (ни в коем случае не Ларри), Кевином, Харленом, Корди и другими детьми из «Лета ночи»?

Ку-ка-ре-ку!

Я полагаю, что этот тайный и общий для всех компонент — свобода, которая была у детей в 1960-м, возможность обитать в своих собственных мирах... быть детьми в активном физическом мире, отделенном от родителей и других взрослых, но тем не менее настоящем, насыщенном детском мире, который, как я тоже искренне полагаю, в двадцать первом веке почти исчез.

Ранним летним утром Дейл, Лоренс, Майк, Кевин и Харлен махали на прощание своим мамам (хотя мама Джима Харлена не всегда присутствовала), а потом их чаще всего никто не видел до самого ужина или даже до ночи.

На двадцать девятой странице первого издания «Лета ночи» в твердой обложке эти пятеро ребят из Велосипедного патруля отправляются вечером «патрулировать» свой городок Элм-Хейвен в штате Иллинойс:

— Поехали, — тихо сказал Майк.

Он привстал на педалях, пригнулся к рулю и рванул вперед, взметнув за собой тучу пыли.

Дейл, Лоренс, Кевин и Харлен помчались за ним.

В тихом сером сумраке они двинулись вдоль Первой авеню на юг, то минуя густую тень вязов, то внезапно оказываясь на более светлых участках. Слева расстилались поля, темные силуэты домов возвышались справа.

Представьте себе, что сегодня компания одиннадцатилетних ребят куда-то уехала вечером на велосипедах и не вернулась домой до темноты. По телевизору тут же бы объявили тревогу по системе поиска пропавших детей. Ночное небо уже бы пронзали прожектора поисковых вертолетов. Рыдающие родители давали бы интервью в вечерних новостях.

Если бы летним вечером в Элм-Хейвене Майк, Дейл, Лоренс, Кевин и Харлен вернулись на своих велосипедах домой после десяти, их, возможно, отругали бы (Кевина его беспокойная мать, вероятно, ругала бы и расспрашивала обстоятельнее прочих, а Харлен, чья мать, скорее всего, пропадала где-нибудь на свидании, вообще остался бы без взбучки), но вряд ли слишком сильно.

Вот что можно прочесть в начале третьей главы «Лета ночи»:

Не так уж много событий в жизни человеческого существа — по крайней мере, человеческого существа мужского пола — быва-

ют столь роскошными, бесценными, наполненными предвкушением вожаденной свободы и счастливого будущего, как первый день лета для одиннадцатилетнего мальчишки. Грядущее лето можно уподобить роскошному пиру, а времени впереди так много и тянуться оно будет так медленно, что каждый день покажется нескончаемо долгим и позволит смаковать каждое блюдо этого пира.

Как учитель начальной школы с восемнадцатилетним стажем, я читаю множество заявлений из разных школьных округов в разных концах страны, которые призывают отменить летние каникулы, утверждают, что дети должны учиться круглый год, и от этого мне становится тошно.

Разумеется, трехмесячные летние каникулы — это пережиток, оставшийся с тех времен, когда дети всех возрастов использовались в качестве бесплатной рабочей силы на фермах и ранчо во время сева или жатвы или когда клеймили или загоняли скот.

Конечно, детям свойственно забывать кое-что из пройденного за предыдущий учебный год, когда каникулы растягиваются более чем на два месяца, а в школу все возвращаются только в конце августа или в начале сентября, поэтому потом приходится заново втолковывать некоторые темы.

«И что с того?» — отвечаю я на это. Какой же человек в здравом уме променяет роскошный пир, когда времени впереди так много и тянуться оно будет так медленно, что каждый день покажется нескончаемо долгим и позволит смаковать каждое блюдо этого пира, пира свободы, на несколько зазубренных строк из таблицы умножения?

Как учитель начальной школы с восемнадцатилетним стажем, могу подтвердить, что позабытые за лето обрывки знаний преподаватель может восстановить за несколько недель в первый же месяц нового учебного года. (А еще могу подтвердить, что большую часть этих потерянных обрывков на самом деле не стоило и заучивать.)

Но зато всегда будет то самое чувство, которое испытывают Дейл и Лоренс Стюарты, просыпаясь в первый день лета, такое чувство, «как будто мрачная завеса школьного года наконец поднялась и позволила миру вернуть все присущие ему краски».

Кто же в здравом уме променяет это драгоценное летнее многоцветье и детскую свободу на несколько паршивых фактов по обществознанию или списки слов по правописанию?

Радио в курятнике

Дети из Велосипедного патруля любили собираться в курятнике Майка О'Рурка. В романе описывается, как они приехали туда в свое первое свободное летнее утро 1960 года.

Кур там уже не держали, но запашок остался. Кто-то притащил в курятник старый продавленный диван с торчащими пружинами и несколько колченогих кресел. Еще кто-то (вероятно, мистер О'Рурк) водрузил в углу корпус от огромного коротковолнового напольного радиоприемника 1930-х годов. Пока ребята, в том числе и приехавший со своей фермы страшно умный толстяк Дуэйн Макбрайд, слоняются по курятнику в первый летний день, Джим Харлен залезает за радиоприемник, а потом и в сам корпус. Сидя там, он сначала пощелкивает, изображая разогревающиеся лампы, потом шуршит, воспроизводя шум помех, а потом:

— Вот игрок отходит назад! Еще назад! Он направляется к правой стене «Комиски-парк»! Прыгает за мячом! Он уже на стене! Он...

— А-а, тут ничего интересного, — снова пробормотал Дуэйн. — Та-та-ти-та-та... Вот. Попробуем лучше Берлин.

— *Ach du lieber der fershtugginer ball ist op und outta hier!* — донесся голос Харлена, мгновенно сменившего необыкновенно протяжный чикагский говорок на тевтонскую манеру произношения, отрывистую, резкую. — *Der Fürher ist nicht gehappy. Nein! Nein! Er ist gerflugt und vertunken und der veilige pisstoffen!*

— И здесь тоже ничего путного, — пробормотал Дуэйн. — Попробуем Париж.

Когда сейчас я читаю или слышу об интернет-сообществах, я вспоминаю Майка, Дейла, Лоренса (ни в коем случае не Ларри), Дуэйна Макбрайда, Кевина и их друзей из Велосипедного патруля, которые собираются в курятнике Майка, а потом снова вскакивают на велики и мчатся куда-нибудь. Для меня «интернет-сообщества» — это просто очередные тексты, очередные элект-

ронные кляксы на стеклянной странице, очередная стеклянная титька¹, к которой в наши дни дети и взрослые, сидя дома, могут присосаться, вместо того чтобы выйти на свет и вступить во взаимодействие с настоящим миром. Почему же сегодняшние дети до чертиков много говорят, но почти ни черта не делают?

Ответ, возможно, частично заключается в том, что мы украли у них почти весь настоящий мир.

Как мы крадем у наших детей пространство

У мальчишек (и почти всех девчонок) в Элм-Хейвене летом 1960-го был очерчен свой радиус для развлечений, в пределах которого они разъезжали на велосипедах.

Если объехать весь городок Элм-Хейвен — получалась где-то миля. Если ехать на восток от города мимо бара «Под черным деревом», через холмы и в леса к Дохлому ручью у подножия холма и к кладбищу Святого Креста Господня на вершине следующего холма — получалось чуть больше полутора миль по гравийной дороге. До располагавшейся дальше фермы дяди Генри и тети Лины — две мили без особого напряжения, еще через полмили — дом Дуэйна Макбрайда. Если пройти за кладбище Святого Креста Господня и около мили шагать по лесу — попадешь в заброшенные каменоломни, прозванные Козлиными горами, еще две мили по дремучему лесу — выйдешь на загадочную Цыганскую дорогу.

Милях в четырех, в основном по гравийной дороге, располагался Каменный ручей, где ребята плавали на глубине под однополосным автомобильным мостом (это там водились раки). Плевое дело. В четырех-пяти милях по той же дороге от Каменного ручья — национальный парк Джубили, путешествие туда на велосипеде занимало целый день, потому что надо же было еще успеть

¹ Отсылка к сборнику Харлана Эллисона «The Glass Teat: Essays of Opinion on Television» («Стеклянная титька: Сочинения о телевидении», 1970), составленному из его статей с телекритикой, которые публиковались в газете *Los Angeles Free Press* в 1968–1970 гг. Более поздние статьи были собраны в книге «The Other Glass Teat» («Другая стеклянная титька», 1975). (*Здесь и далее примеч. перев.*)

поиграть, побродить по окрестностям, погрозиться сигануть с высоченной скалы Писающих влюбленных¹, которую мальчишки прозвали так, потому что Харлен как-то с нее помочился.

Родители с утра не спрашивали, куда направляются дети, а дети им не рассказывали. Правильная политика.

Таким образом, в любой отдельно взятый летний день территория, на которой эти ребята из Элм-Хейвена могли играть без присмотра (если погода годилась для езды на велосипеде), достигала в поперечнике десятка миль, а путь туда-обратно составлял двадцать миль. С 1960 года ситуация несколько изменилась.

Я пытался найти какие-нибудь надежные социологические данные о том, насколько именно за последние три-четыре десятилетия сократилось пространство, в котором могут свободно перемещаться дети восьми-двенадцати лет, но, даже воспользовавшись помощью гораздо более продвинутых в смысле поиска пользователей с моего интернет-форума, сумел выяснить очень немного. Приходится руководствоваться личными наблюдениями и историями из жизни других, а подавляющее большинство утверждает, что в двадцать первом веке дети практически сделались пленниками в собственных домах и дворах, пленниками составленного их родителями расписания.

Передо мной интересная статья Санфорда Гастера «Доступ городских детей к своему району: как он изменился за несколько поколений» в двадцать третьем выпуске журнала «Среда и поведение» за январь 1991 года.

Как и следует из названия, статья рассказывает о том, что за три поколения американские дети потеряли «пространство, в котором можно свободно перемещаться», но посвящена она городским детям и рассматривает поколения, жившие, в частности, с 1915-го по 1976-й в районе Инвуд на севере Манхэттена. Очевидно, что жизнь манхэттенских детей, скорее всего, не имеет никакого отношения к той свободе, которой пользовались Майк,

¹ Имеется в виду скала Прыгающих влюбленных (Lover's Leap), названная по легенде о спрыгнувшей и разбившейся паре. Скала эта находится не в парке Джубили, а в парке Старвед-рок; именно этот парк фигурирует и в тексте романа. Однако рядом с Бримфилдом (реальный прообраз Элм-Хейвена) расположен не парк Старвед-рок (до него полтора часа езды на машине), а именно парк Джубили.

Кевин, Дейл, Лоренс, Дуэйн, Харлен, Корди и другие в 1960 году в крохотном городишке Элм-Хейвен в Иллинойсе («Население 650 / Внимание: автоматический контроль скорости»).

Но это не совсем так.

Среди самых первых обитателей Инвуда были ирландские, немецкие и русские иммигранты. Позднее несколько раз происходили наплывы выходцев из Италии, Польши, Греции и Армении. Инвуд был районом для рабочего класса, чистым и добропорядочным. В 1950-х там начали появляться первые афроамериканцы, а к моменту написания статьи значительную часть Инвуда занимали исключительно чернокожие семьи, так что в этих местах нельзя было провести исследование, касающееся белых детей.

Привольнее всего, с точки зрения абсолютной свободы, детям в Инвуде было в 1920-х и 1930-х годах: территория для игр включала леса, строительные площадки и огромный парк Инвуд-Хилл. В 1930-х во время политики Нового курса¹ Управление общественных работ США навсегда изменило местность, проложив магистраль Генри Гудзона прямо через парк Инвуд-Хилл. Эта магистраль Великой Китайской стеной пролегла прямо посреди лесов и территории, на которой играли дети. (В рамках того же проекта построили связавший Инвуд с материком мост Генри Гудзона и многочисленные съезды с него — сомнительное улучшение с точки зрения местных ребятишек.)

В то же самое время еще доступные дикие уголки парка Инвуд-Хилл «облагородили»: на месте лесов и тропинок появились дорожки, корты, спортивные и игровые площадки, скамейки и фонари. К середине 1960-х на нетронутых участках Инвуд-Хилла в основном промышляли молодежные чернокожие банды. Афроамериканское сообщество (родители и духовенство) быстро среагировали на эти перемены и перекроили свободное время своих детей, организовав разнообразные занятия под присмотром взрослых: управляемая взрослыми спортивная «малая лига», школьные программы, молодежные центры и тому подобное.

Таким образом, не входившие в молодежные банды дети из афроамериканских семей в возрасте от восьми до тринадцати лет

¹ Экономическая политика, проводившаяся правительством Ф. Д. Рузвельта для вывода страны из Великой депрессии после биржевого краха 1929 г.

первыми попали под строгий родительский контроль, и то время, когда они могли свободно бродить в лесах и на пустырях, сначала сократилось, а потом закончилось вовсе. А к 1970-м и белые дети точно таким же образом перешли под строгий контроль взрослых. Пространство в парке Инвуд-Хилл радиусом в три-пять миль, где дети могли свободно перемещаться в 1920-х, практически исчезло, дети (в основном из-за родительского страха перед бандами, наркодилерами и автомобилями) все больше времени проводили дома, на огороженных заборами дворах и охраняемых детских площадках.

Вот один из приведенных в статье выводов:

В течение почти всего нынешнего века в Инвуде действовали различные факторы, из-за которых значительно ограничились самостоятельные занятия, которым дети могли посвятить свое время в окрестностях дома. Самыми значительными факторами выступили сокращение количества и разнообразия тех мест, куда могли отправиться дети, и все возрастающий контроль взрослых над играми за пределами дома. Нельзя свалить всю вину на преступность, упадок физической среды и автомобильное движение [процитировано точно по оригиналу!].

В 1920-х годах Инвуд был захвачен стремительным и почти безостановочным процессом — там раскапывали, строили, сносили и занимались разными другими преобразованиями, а потому в распоряжении местных детей оказался целый мир, где можно было играть без присмотра, — котлованы, скалы, фермы, болота, леса, амбары, отдельные большие дома и строительные площадки. К 1940-м годам строительство в Инвуде практически завершилось, численность населения достигла максимума, а запланированные в ходе Нового курса изменения ландшафта были воплощены в жизнь, и в результате всего этого среда для игр упростилась и оказалась под контролем: площадки, поля для игры в бейсбол, а в 1950-х годах и многоквартирные дома.

Обстановка, в которой росли дети в Инвуде в 1940-х, зеркально отражает ту, в которой рос я сам с моим младшим братом в Де-Мойне в 1956–1957 годах. За нашим домом располагался частный заказник, дальше на две с лишним мили растянулась лощина с «городскими лесами», которая соединялась с огромным лесным заповедником, где практически не было тропинок или каких-либо облагоустроенных участков. Более того — вокруг этой лощины строились мириады домов, а любой мальчишка вам под-

твердит, что строительные площадки — заброшенные ямы, котлованы, насыпные холмы, недостроенные дома и даже оставленная по вечерам и выходным без присмотра строительная техника — это превосходное место для игр. И мы использовали его по полной и вытворяли, что душе вздумается: забирались на верхние этажи недостроенных домов, где еще не было ни пола, ни крыши, и ходили там по узким доскам; устраивали сражения, бросаясь комьями земли; заклеивали моего младшего брата (он всегда был самым отчаянным сорвиголовой среди всех) скотчем в большой картонной коробке и спускали эту коробку с вершины тридцатифутовой горы напрямик в наполовину заполненный водой строительный котлован глубиной двадцать футов (моему братишке, подобно Гудини, всегда удавалось выбраться).

Потом мы переехали из Де-Мойна в крохотный городишко Бримфилд в центральном Иллинойсе («Население 650 / Внимание: автоматический контроль скорости»), который позже послужил прообразом Элм-Хейвена, и наше пространство, где можно было свободно перемещаться, увеличилось в разы — не только потому, что мы стали на пару лет старше. Теперь нужно было немного дальше (почти пять миль) ехать на велосипеде и идти пешком, чтобы в заброшенном гравийном карьере в лесу (Козлиные горы) заклеивать моего братишку Уэйна скотчем в чуть более просторной коробке и спускать ее с чуть более высокой (пятьдесят футов) горы в чуть более глубокий (двадцать пять футов) котлован, заполненный водой целиком. Но оно того стоило. (Уэйн выбирался из коробки. Так или иначе. Но довольно долгое время мы просто смотрели на пузыри, всплывающие на поверхность темной воды, а потом, еще дольше, на гладкую поверхность без всяких пузырей. Признаюсь, в такие моменты я прокручивал в голове множество всевозможных сценариев — как лучше преподнести пытливым родителям кончину своего младшего братишки. По большей части в таких историях фигурировали цыгане, которые выбежали из леса, заклеили Уэйна скотчем в коробке и сбросили в котлован, пока мы все лежали связанными.) (Трудно быть старшим братом.)

Мои друзья-исследователи нашли довольно большое количество британских материалов, посвященных ограничениям, связанным с играми и перемещением детей, и результаты этих исследо-

ваний по большей части совпадают с тем, что я слышу из рассказов друзей и вижу сам здесь в США: свобода перемещения у детей восьми-одиннадцати лет практически исчезла.

Вот начало одной такой статьи, в которой приводятся результаты различных исследований, в газете «Обсервер» за 3 августа 2008 года:

Сцена, олицетворяющая детство: маленькие братья и сестры бегут к кряжистому дубу, повисают на нижних ветвях и изо всех сил карабкаются вверх. И все же миллионы детей лишены такого удовольствия, потому что обеспокоенные родители не хотят подвергать свои чада риску.

Согласно результатам одного крупного исследования, проведенного в рамках проекта «Плей-Ингленд» под эгидой Национального управления по делам детей Великобритании, половине опрошенных детей запрещали залезать на деревья, 21 % детей запрещали играть в «каштанчики», 17 % — в салочки. Некоторые родители в своем стремлении защитить доходят до того, что отказывают детям в праве играть в прятки.

Я не знаю, как играть в английские «каштанчики», но у меня было детство (и в этом детстве случались под рукой мячики и комки грязи), поэтому я догадываюсь. Дальше в статье говорится:

Стремление обращаться с детьми как с хрупкими предметами, которые следует заворачивать в вату, изменило детство. Согласно исследованиям, у 70 % нынешних взрослых самые значительные приключения в детстве происходили на воздухе, среди деревьев, рек и лесов, сегодня так можно сказать о 29 % детей. Большинство опрошенных детей заявили, что их самые значительные приключения происходили на детских площадках.

Самое значительное приключение в жизни ребенка случилось на вшивой детской площадке??!! Да Дейла, Лоренса, Майка, Дуэйна, Кевина, Харлена и их друзей стошнило бы от подобного утверждения. (А Корди Кук сначала бы посмеялась от души, но потом ее бы тоже стошнило.)

Читая «Лето ночи», вы увидите, что даже в центре города, на огромной детской площадке во дворе большой и страшной Старой центральной школы, самым любимым детским аттракционом была новехонькая гигантская бочка-отстойник высотой восемь футов: эту бочку подкатали к самой высокой горке (такую сего-

дня не разрешили бы ни на одной школьной площадке), и детишки играли там в «короля горы» — сталкивали друг друга вниз, тут же взбегали по горке обратно, снова спрыгивали на предательски скользкий изогнутый бок, и опять все по новой.

Это будет покруче «каштанчиков».

Последняя британская статья, которую раскопали мои друзья-исследователи, называется «Как за четыре поколения дети потеряли право свободно перемещаться», она опубликована в 2007 году, и ее название очень точно описывает положение дел и в Англии, и в США, у детей и из пригородов, и даже из маленьких городков.

Там описывается многолетнее исследование, в котором участвовала одна семья и в котором оценивалось то пространство, где могли свободно перемещаться дети восьми лет (самая нижняя граница интересующей меня возрастной группы от восьми до двенадцати) с 1919-го по 2007-й.

Прадедушке Джорджу, которому восемь исполнилось в 1919-м, разрешали уходить на шесть миль от города на рыбалку. Дорога по большей части пролегалa через дремучие леса, по железнодорожным путям, проселкам и тропинкам.

Дедушка Джек, которому восемь исполнилось в 1950-м, мог углубляться в лес где-то на расстояние мили. *Но он играл в лесу один или с друзьями-одногодками!* Как и мальчишки из Элм-Хейвена 1960-го, Джек большую часть времени проводил на улице, и почти не сидел дома с радио или телевизором. (На момент написания статьи ему было восемьдесят восемь, и он все еще оставался «большим любителем пеших прогулок».)

Мать по имени Вики, которой восемь стукнуло в 1979-м, могла одна ходить в городской бассейн, располагавшийся где-то в полумиле от дома. Но Вики добавляет: «Я вполне свободно перемещалась — ездила на велосипеде по окрестностям, играла с друзьями в парке и сама ходила в бассейн и в школу».

Современному ребенку, сыну Эду, которому восемь исполнилось в 2007-м, разрешают одному доходить лишь до конца улицы — это около трехсот ярдов.

И даже это расстояние свидетельствует о большей свободе, чем та, которой, по моим наблюдениям, пользуются местные дети. Сыну наших соседей не разрешали выходить со двора без

присмотра, пока ему не исполнилось двенадцать, хотя наш «старый район» в исторической части города считался сравнительно безопасным и напоминал отдельный маленький городок. Когда мальчуган наконец начал ездить на велосипеде, ему каждый раз приходилось облачаться в доспехи, достойные средневекового рыцаря, — он надевал не только шлем, но и ножные щитки из магазина для любителей роликовых коньков. (Интересно, как же это Майк, Дейл, Лоренс, Кевин, Харлен и другие ребята из Элм-Хейвена обходились без велосипедных шлемов? В те времена взрослые не катались на велосипедах, так что перед глазами не было прекрасных примеров в виде затянутых в спандекс дядек и тетек, вцепившихся в руль велосипеда стоимостью в три с половиной тысячи долларов и прикрывших свои бесценные черепашки шлемами стоимостью в несколько сотен долларов. Дети из Элм-Хейвена (дети моего поколения) никогда не носили шлемов. Как ни странно, мы не слышали ни об одном погибшем или парализованном в результате черепно-мозговой травмы ребенке. Рано или поздно каждый перелетал через руль, но результатом были царапины и синяки, а не остаток жизни, проведенный на больничной койке в виде овоща.)

Как бы то ни было, в нашем районе каждый ребенок, приближающийся к велосипеду, не только всегда упакован в шлем, словно фашистский штурмовик, — велосипед еще и снабжен торчащим ввысь десятифутовым шестом, на котором болтается оранжевый флажок с надписью: «Пожалуйста, не сбивайте меня!» В последние годы знакомым соседским мальчишкам младше четырнадцати не разрешали выезжать из поля зрения родителей. Да и после четырнадцати — только до конца квартала и обратно. И даже на подобном скромном расстоянии (на такое дети из Элм-Хейвена спокойно отъезжали в семь лет, и никто не поднимал шум) матери наблюдали за ними пристально, словно ястребы.

Вот вывод, приведенный в одном отрезвляющем британском исследовании 2001 года Джилл Валентайн и Джоном Маккендриком:

Игры на открытом воздухе и без присмотра ограничивает не недостаточное количество площадок или оборудования, но тревога родителей, волнующихся о безопасности детей. Родители дума-

ют, что сегодня дети подвергаются большему риску, чем во времена их собственного детства. Во всех исследованиях, касающихся родительских страхов, фигурируют два самых значительных — ребенка похитит незнакомец или сойдет машина. Тем не менее, несмотря на все возрастающую тревогу, реальная ситуация такова, что сегодня безопасность детей, как никогда, высока.

«Погодите! — скажете вы. — Но это в Британии. А здесь в Америке под каждым кустом караулит похититель детей, педофил, псих, убийца!»

Так ли это?

По статистике, американские дети, проживающие за пределами центральных городских районов с их зонами поражения, то есть обитатели пригородов, небольших городков и сельской местности, в наши дни находятся в такой же безопасности, как и дети в 1940-х, 50-х, 60-х годах и далее до конца двадцатого века и после. Это мы, взрослые (мы, родители), не верим, что дети будут в безопасности, если вырвутся из нашего непосредственного поля зрения, из-под контроля старших. (Несмотря даже на свидетельства тех же исследований о том, что многие из вышеупомянутых «педофилов» в конечном итоге работают в школах, на площадках, в детских садах и спортивных школах и осуществляют тот самый «контроль», тогда как раньше дети безопасно и свободно бродили сами по себе и не подвергались подобным опасностям.)

Но в круглосуточных теленовостях рассказывают про каждую объявленную в стране тревогу в связи с исчезновением ребенка. А в полицейских фильмах и сериалах постоянно похищают, убивают и пытаются детей.

Взрослые идут наперекор здравому смыслу (не говоря уже о своих собственных воспоминаниях о детстве, когда они были одиннадцатилетними мальчишками и девчонками, свободно бродили по окрестностям и играли со сверстниками) и перестраховываются.

И таким образом, превращают своих детей в пленников.

А пленников этих, как пациентов психиатрических лечебниц, умиротворяют и удерживают в заключении при помощи транквилизаторов — мобильных телефонов, компьютеров, айпадов, айпэдов, телевизоров, эсэмэсок и других стеклянных титек.

Но я до сих пор утверждаю, и меня поддержат участники Велосипедного патруля — Майк, Дейл, Кевин, Лоренс, Дуэйн, Харлен, Корди и другие: если вы, взрослые, крадете у детей время и пространство, вы крадете и само детство.

Смерть ребенка в романе

И все же...

И все же...

Один из персонажей «Лета ночи», ребенок, погибает. (Прошу прощения, если это спойлер, но больше я не выдам ни одной важной детали, так что вы не догадаетесь, о каком именно персонаже идет речь.) (Разве что это мальчик.)

Мне очень трудно было описывать эту смерть не только потому, что погибает ребенок, или потому, что смерть одного из главных героев всегда тревожит автора, создателя этого персонажа. Следует отметить, что, хотя довольно много написано о том, как влияет смерть ребенка на родителей, найдется очень мало исследований (социологических, психологических или художественных), посвященных влиянию смерти ребенка на его друзей и ровесников из его окружения. (Один из лучших анализов подобной травмы — когда ребенок теряет друга — в художественной литературе, который мне попался, — это малоизвестный роман Уэлдона Хилла «Долгое лето Джорджа Адамса»¹.)

Персонаж, погибший в «Лете ночи», был глубоко интересен мне и в реальности, где я его знал, и в романе, где я воссоздал его, смешав с другим своим хорошим другом. Одного из этих друзей, характеры которых я взял за основу персонажа, убили.

Более того, «Лето ночи» — наиболее автобиографичное произведение из всех мною написанных, и персонажи, хоть и вымышленные, глубоко меня трогали. Еще когда я в 1990 году писал этот роман, я знал, что они, возможно, еще появятся в других моих рассказах, повестях и романах, хотя мне не очень импонирует подход, при котором автор рассовывает одних и тех же героев по разным своим книгам.

¹ Weldon Hill. *The Long Summer of George Adams*. Philadelphia: D. McKay Co, 1961.

И точно, один из персонажей-мальчишек (который, как я узнал, спустя чуть меньше десятилетия после событий в Элм-Хейвене потерял ногу на вьетнамской войне) перебрался в Румынию и стал священником (и одним из двух главных героев) в романе «Дети ночи». Я был рад снова встретиться с ним и обнаружить, что, несмотря на увечье, он остался все тем же великодушным храбрецом, которого я знал еще ребенком в «Лете ночи». Еще через несколько лет он, уже перестав быть священником, промелькнул в качестве второстепенного персонажа (безымянного пилота вертолета на Гавайях) в романе «Костры Эдема», и я был страшно доволен, узнав, на ком он успел жениться после «Детей ночи» и чем теперь занимается.

Храбрая девчонка Корди Кук, «белое отребье» из «Лета ночи», которую я никак не рассчитывал снова повстречать и о которой не рассчитывал услышать, тоже появляется в «Кострах Эдема» важным персонажем второго плана. Сначала я удивился, узнав о ее богатстве, но потом в рассказываемой мною истории обнаружилась причина, и я все понял. Упорства Корди всегда было не занимать.

Еще один мой любимый герой-мальчишка из «Лета ночи» появляется важным персонажем второго плана в ироническом триллере 2000 года «Бритва Дарвина». Тощий младший братишка, отчаянный смельчак из Элм-Хейвена, к 2000-му превратился в калифорнийского специалиста по расследованию несчастных случаев, ростом шесть футов и два дюйма и весом двести тридцать фунтов; у него с женой своя собственная фирма, специализирующаяся на делах о страховом мошенничестве. Его чувство юмора осталось прежним. (И он все так же ненавидел, когда его называли «Ларри».) От этого персонажа мы узнаем кое-что и о том, что случилось с его старшим братом.

Еще один участник Велосипедного патруля из Элм-Хейвена 1960 года появляется в качестве главного героя в романе 2002 года «Зимние призраки». Он успел сделаться преподавателем английского языка в Монтане, потерял жену и семью после вполне заслуженного им развода и, страдая от серьезного нервного срыва, принял решение (ужасное или чудесное — на ваш выбор) вернуться на кишашую призраками ферму рядом с Элм-Хейвеном, которая раньше принадлежала его другу детства, и написать там роман.

Как выяснилось, Элм-Хейвен и его застывшие окрестности из зимы 2000-го кардинально отличались от роскошного залитого теплым светом лета 1960-го. Но и главный герой «Зимних призраков» помнил события 1960-го иначе, чем о них рассказывалось в «Лете ночи». Сверхъестественное перестало быть сверхъестественным. Необъяснимое наконец... по большей части... объяснилось.

Когда я писал «Зимних призраков», моей целью было создать эдакую литературную ленту Мёбиуса из двух романов — почти что буквально перекрученную и закольцованную историю с двумя поверхностями, но с точки зрения топологии всего лишь с одной стороной. Можно прочертить карандашом линию по обеим сторонам физической трехмерной ленты Мёбиуса, не отрывая при этом кончик карандаша от бумаги, — точно так же читатель может прочесть «Зимних призраков» и «Лето ночи» как две отдельные истории, две отдельные, но равные (и странным образом взаимозависимые) реальности, которые обе тем не менее основаны на одних и тех же событиях.

Когда читатели говорят мне, что собираются прочитать обе эти книги, и спрашивают, с чего начинать: с «Лета ночи» или с «продолжения» — «Зимних призраков», я пытаюсь объяснить (и не всегда успешно), что второй роман — это на самом деле никакое не продолжение и не важно, с какой книги начинать. С чего бы вы ни начали, второй роман поможет прояснить второй. (Не важно, где вы приложите карандаш к бумаге, чтобы начертить бесконечную линию на ленте Мёбиуса.)

Но в «Зимних призраках» есть «привидение». Это привидение — неизгладимое воспоминание о персонаже-мальчишке, у которого было бессчетное число возможностей в будущем и который погиб слишком рано, слишком жестокой смертью. Какое бы объяснение его гибели ни выбрал читатель, сама гибель окончательна и бесповоротна.

Или нет?

Как выяснилось, смерть одного из героев «Лета ночи» расстроила не одного меня. Во многих письмах, полученных мною из разных уголков света после публикации романа в 1991-м, корреспонденты требовали, чтобы я «воскресил персонажа». (Произошло ли это в «Зимних призраках» — решать читателю.)

В сердитых (или расстроенных и великодушных) письмах, обычных и электронных, приводились сложные схемы, объясняющие, каким образом этот интересный (и уязвимый) персонаж на самом деле не погиб: его просто унесли и законсервировали под каким-нибудь фермерским полем рядом с Элм-Хейвеном. (И прочее в том же духе.)

Много лет спустя, когда знакомая художница на сто двадцать пятую годовщину Центральной школы в моем колорадском городе, где я преподавал одиннадцать лет, создавала огромное настенное керамическое панно с ее изображением, многие спрашивали: «А кто тот грустный мальчик, выглядывающий из окна второго этажа школы?»

Это мой потерянный герой из «Лета ночи», и таким образом художник смог сделать так, чтоб он остался жить.

Дети, внезапно ставшие целевой аудиторией для коммерции

Огромная разница между детьми из Элм-Хейвена 1960-го и сегодняшними заключается в том, что мощнейшая машина американского капитализма, занятая рекламой и продажами, тогдашних детей из Элм-Хейвена пока еще для себя не открывала.

Самым ценным и дорогим имуществом любого мальчишки из Элм-Хейвена был велосипед, и этот велосипед у всех (за исключением разве что Кевина) либо переходил по наследству от старших братьев и сестер, либо покупался родителями, но весьма и весьма подержанным. Мальчишки обожали свои велосипеды и не могли без них обходиться (в конце концов, это ведь благодаря велосипедам они свободно перемещались на немалые расстояния, а свобода воспринималась ими как должное). Хотя велосипеды и валялись по ночам перед домом и никто не боялся, что их украдут (за исключением того случая, когда негодяй Чак Комптон и его мерзкий прихвостень Арчи — это настоящие имена из моего прошлого — действительно их украли), мальчишки в основном обращались со своими бесценными средствами передвижения довольно небрежно. В частности, ребята из Элм-Хейвена (за исключением Кевина) имели привычку на полном ходу соскакивать с велосипедов, так что те сами по себе катились че-

рез чей-нибудь двор и падали или врезались в стену курятника Майка.

Еще одной действительно ценной вещью, которой обладал каждый мальчишка из Элм-Хейвена, была бейсбольная перчатка. Эти перчатки, дряхлые и по несколько раз перетянутые, не имели цены, поскольку почти все ребята не только выступали в команде «малой лиги» своего городка (и ездили в ближайшие, например в Кикапу в Иллинойсе, где на питчерской горке властвовал великий и ужасный Дейв Эшли), но еще и играли в бейсбол неделями напролет с утра до ночи на школьном поле, располагавшемся за домами Дейла, Лоренса и Кевина, на северной стороне городка, где начинались бесконечные фермерские поля.

Но, кроме этих сокровищ (велосипедов и бейсбольных перчаток), остальное имущество мальчишек из Элм-Хейвена (за исключением Кевина Грумбахера, Чака Сперлинга и еще нескольких «богатеев») было драным, подержанным, перешедшим по наследству от старших или и первое, и второе, и третье сразу.

Мальчишки щеголяли в универсальном детском наряде — футболках и закатанных джинсах (довольно жестких по нынешним меркам). Из логотипов на футболке могла быть изображена разве что эмблема бойскаутов (такую футболку любил носить Дейл Стюарт). Лоренс и Харлен предпочитали старые форменные рубашки бойскаутов младшей дружины, от постоянных стирок сделавшиеся мягкими и тонкими и такие короткие (по крайней мере, у Джима Харлена), что выцветшие синие манжеты едва прикрывали локти.

Сама идея дизайнерских этикеток и логотипов показалась бы мальчишкам из Элм-Хейвена и их родителям дикой (исключение составляло разве что незаметное слово «Levi» на пуговицах джинсов).

Летом ребята из Элм-Хейвена носили простые или высокие кеды. Старые. Очень-очень старые. Носки и пальцы ног торчали почти из каждой такой пары обуви. Здесь выделялся только Дуэйн Макбрайд (этот толстяк весь состоял из исключений), который носил свои древние черные кеды круглый год. (А еще выцветшие вельветовые штаны и фланелевые рубашки, даже в самую жару.)

Здесь следует отметить, что у всех мальчишек из Элм-Хейвена, даже у бедняков вроде Майка О'Рурка, у которого в доме из

водопровода имелась только раковина с насосом, поэтому в туалет даже в самые холодные зимние ночи приходилось ходить на улицу (нужник, к несчастью для Велосипедного патруля, располагался прямо рядом с тем самым курятником, что очень удручало в жаркие летние деньки), так вот, у всех тем не менее, кроме «одежды для игр», была припасена отдельная «школьная одежда». Обычно джинсы в школу не надевали, а если все-таки надевали, то заправляли в них рубашку с воротником. Почти у каждого мальчишки была пара ботинок для школы, старых и разбитых, но эту обувь, как и самих ребят, тем не менее можно было несколько раз в год начистить до блеска.

Только Дуэйн Макбрайд каждый день носил одни и те же кеды и одежду.

Весь гардероб обычного мальчишки из Элм-Хейвена, вышедшего прогуляться летним деньком, можно было бы оценить доллара в четыре с половиной — и то лишь когда те самые джинсы, футболка и кеды были еще новыми.

Порицание коммерциализации уже стало общим местом. (Хотя мне нравится, как это делает юный Элвин Гринман в образе Альфреда, пухлого молодого уборщика, из фильма 1947 года «Чудо на 34-й улице», который втолковывает Эдмунду Гвенну (уж точно настоящему Санта-Клаусу): «Ну да, в нашем мире полно всяких поганых „аций“, но одна из худших — это коммерциализация. Зашибай деньги. Даже в Бруклине то же — и не важно, что символизирует Рождество, просто зашибай деньги».)

Это было в 1947-м. Альфреду (и Санта-Клаусу) пришлось бы расстаться с челюстью, увидь они «коммерциализацию» двадцать первого века.

Пока я восемнадцать лет работал школьным учителем (да и после), моим наставником в важных вопросах образования был Нил Постман, писатель, критик, занимавшийся культурой и СМИ, и неизменный гуманист. Хотя Постман умер в 2003 году, его мысли о воздействия технологий и культурных изменений на всех нас (но особенно на детей) сегодня актуальны как никогда. В 1971-м я дописывал свой магистерский диплом, готовясь стать учителем, и на тот момент важнейшей эпохальной книгой Постмана было «Преподавание как подрывная деятельность»¹. Из-за

¹ Neal Postman, Charles Weingartner. *Teaching as a Subversive Activity*. New York: Delacorte Press, 1969.

этой книги те, кто Постмана не понимал, сочли его очередным радикалом-шестидесятником. Много лет спустя, в 1979-м, в хаосе, последовавшим за 60-ми, Постман написал «Преподавание как сохраняющая деятельность»¹, и те, кто его не понимал, сочли его консервативным сторонником Рейгана.

Нил Постман выходил далеко за рамки обоих этих несправедливо навешенных ярлыков. Он отлично понимал практически позабытое высказывание Андре Жида: «Единственное настоящее образование — это то, которое вступает с тобой в противоречие»².

Что еще важнее, Постман понимал (и весьма красноречиво мог это объяснить), что пространство, место и понятие «детства», как мы его понимаем, не существовало для взрослых (и детей) до конца восемнадцатого века и было практически уничтожено к концу века двадцатого. (Как художник и любитель искусства, я очень хорошо осознавал первую часть этого утверждения: в течение многих веков на картинах и портретах детей просто-напросто не изображали в их естественных пропорциях, по крайней мере до начала девятнадцатого века. До середины восемнадцатого века дети везде представляли в виде эдаких уменьшенных взрослых с неправильными пропорциями головы и туловища, и дело тут было далеко не только в художественном упрощении. Художники, как и остальные их современники, просто-напросто считали детей маленькими взрослыми и изображали их соответственно.)

Эпоха, когда детство наконец признали отдельным самостоятельным периодом в жизни, периодом, для которого действуют другие правила (иными словами, периодом, когда дети не должны подвергаться тем же ужасам, требованиям, явлениям, которые составляют бремя взрослого человека), наступила по-настоящему только после изобретения печатного станка, когда люди дошли до предположения о том, что детская информационная среда должна отличаться от информационной среды взрослых (должна подвергаться большему ограничению).

И эта защитная стена рухнула. (Фактически, я представляю себе конец детства, наблюдаемый мною в конце двадцатого века,

¹ Neal Postman. *Teaching as a Conserving Activity*. New York: Delacorte Press, 1979.

² А. Жид. *Дневники*. Запись от 17 сентября 1935 г.

в виде исчезнувшей двери в родительскую спальню. Больше от детей не скрыто ничего из того, чем занимаются — включая секс, — о чем думают, говорят, спорят или волнуются взрослые, в том числе и родители.)

Повинуясь неосознанной привычке, мы приветствуем все технические и культурные революции последних десятилетий, но есть одна революция, над которой стоит задуматься.

Именно эта революция, провозглашенная почти всеми нами (включая родителей), убила мир детства, которым так наслаждались Дейл, Лоренс (ни в коем случае не Ларри), Майк, Кевин, Харлен, Корди, Донна Лу и многие другие ребята из Элм-Хейвена 1960-го. Постман пишет об этой революции, которая исключила понятие отдельного и защищенного детства, как его понимали в восемнадцатом и девятнадцатом веке, сделала его практически невозможным.

Я, разумеется, имею в виду «информационную революцию», из-за которой стало невозможно хранить от детей секреты — секреты, касающиеся секса, политики, социальной сферы, истории, медицины, то есть взрослой жизни в полном объеме, а ведь ее необходимо хотя бы частично скрывать от детей, если допустить существование этапа, известного как детство.

*Н. Постман. Мост в восемнадцатый век:
как прошлое может улучшить наше будущее¹. С. 124*

Без отдельных секретов и недомолвок нельзя создать защитный барьер между детством и самыми тяжелыми аспектами взрослой жизни.

Детям из Элм-Хейвена казалось, что они имеют дело с ужасающими враждебными потусторонними силами: злобным и разумным колоколом Борджа в башне Старой центральной школы, мертвым пехотинцем, вернувшимся с того света, чтобы преследовать Мемо, неописуемым труповозом, — но дети никогда всерьез не подумали бы обратиться за помощью к родителям или другим взрослым (за единственным исключением, когда Майк пошел к молодому священнику, но это оказалось очень плохой идеей).

¹ Neal Postman. *Building a Bridge to the Eighteenth Century: How the Past Can Improve Our Future*. New York: Alfred A. Knopf, 1999.

В те времена миры детей и взрослых просто-напросто существовали по отдельности. В романе «Лето ночи» каждый из персонажей-детей поневоле сталкивается с каким-либо ужасным аспектом мира взрослых: грубая сексуальность, смерть друга-сверстника, жестокость, одиночество, пьянство, — но в каждой такой ситуации дети из Элм-Хейвена черпают силы друг у друга и из своего отдельного мира с его тайнами и недомолвками, которые и были самым детством.

Сегодня дети всех возможных возрастов стали мишенями для рекламных кампаний и коммерции. Вместо джинсов «Левис» ребята из семей среднего класса хотят носить дизайнерские джинсы. Вместо ничем не примечательных футболок (или любимой футболки с эмблемой бойскаутов) они надевают рубашки с огромными логотипами, словно бы покупая возможность поработать вывеской для какой-нибудь корпорации. Слишком многие мальчишки сегодня хотят носить разную спортивную обувь: баскетбольные кроссовки, универсальные кроссовки, теннисные кроссовки, беговые кроссовки, — которая стоит от шестидесяти долларов за пару и больше, тогда как мальчишки из 1960 года всеми видами спорта занимались в своих обычных или высоких кедах. Девчонки в списке подарков к Рождеству указывают куклы марки «Америкэн гёрл», а те стоят от сотни долларов и выше.

Как писал Нил Постман в 1999 году: «Суть в том, что детство, если оно еще и осталось, теперь является экономическим понятием. Культура почти ничего не желает делать для детей — только превращать их в потребителей». В следующем десятилетии после того, как Постман написал эти слова, ситуация лишь ухудшилась. (Поскольку Постман, как я уже упоминал, умер в 2003-м, он, слава богу, не застал тошнотворный супермаркетинговый феномен а-ля Лолита, известный как «Ханна Монтана» и запущенный на канале «Дисней» в 2006-м.)

У Майка, Кевина, Лоренса, Дуэйна, Корди, Донны Лу, Дейла, Харлена и других детей из Элм-Хейвена 1960-го по большому счету денег не было, разве что иногда перепадал пятицентовик, который можно было потратить на холодную бутылку кока-колы в красном автомате в магазине на Мейн-стрит, где работала мама Майка, или на жвачку в автомате в кафе во время бесплатного

сеанса в парке Бандстенд¹. Огромное всевидящее око Мордора — множасьиеся СМИ и Мэдисон-авеню² со своей армией орков — пока еще этих детей не нашло. Дети еще не были «потребителями».

Они пока были просто людьми.

Самый умный парень не из наших

Весь учебный год перед Старой центральной школой после занятий учителя выстраивали фермерских ребят, чтобы те расселись по автобусам, пока городские ребята ждали в классах, ерзая за партами. Когда эти автобусы разъезжались, наконец отпускали и городских.

Фермерские и городские. Это была серьезная разница. Городские все лето играли друг с другом, вместе разъезжали на велосипедах, организовывали Велосипедный патруль, играли в бейсбол. Фермерские... ну, почти всем им приходилось трудиться. Если поблизости жил какой-нибудь другой ребенок, до фермы которого можно было дойти пешком по бесконечным кукурузным полям, такие дети проводили время вместе, плавали в коровьих водопоях, кидались комьями земли в силосную башню, стреляли по воробьям в амбаре из духовых ружей, но по большей части жизнь у фермерских была более уединенной и одинокой, чем у городских.

За исключением Дуэйна Макбрайда.

Дуэйн Макбрайд был исключением почти из всех правил.

Этот фермерский мальчишка жил в двух с лишним милях от Элм-Хейвена, но летом проводил время с Майком, Дейлом, Кевином и другими завсегдатаями курятника. Дуэйн входил в Велосипедный патруль, хотя у него не было велосипеда. Остальные мальчишки были худыми (отчасти из-за умеренного питания, но в основном потому, что весь год они непрестанно занимались какой-нибудь физической активностью на свежем воздухе), а Дуэйн Макбрайд был толстяком.

Остальные мальчишки мало пользы видели от школы, ведь она (как и учителя) была скучной. А Дуэйн вышел далеко за рам-

¹ Bandstand (англ.) — парковая эстрада.

² Нью-йоркская улица, на которой располагались офисы главных рекламных агентств США.

ки возможностей Старой центральной, да и почти любой другой школы в принципе.

Дуэйн Макбрайд во многом был самоучкой, и притом блестящим. С некоторой помощью своего дяди Арта Дуэйн прочел огромное количество книг, художественных и нехудожественных, которые вполне подошли бы для списка литературы в каком-нибудь весьма солидном колледже. Зимой Дуэйн в основном сидел на ферме один, пока его отец где-то выпивал, и там выучил пять иностранных языков на разговорном уровне, оттачивая произношение с помощью старых пластинок в 78 оборотов, раздобытых в архивах библиотеки Оук-Хилла. Он прочел «Илиаду» на греческом, «Энеиду» на латыни и «Пролегомены ко всякой будущей метафизике» Канта, набранные фактурой, на немецком. И все это успел проделать, пока ему еще не стукнуло и двенадцати.

У Дуэйна Макбрайда было и еще одно важное отличие.

Всех остальных персонажей-детей из «Лета ночи» я создал при помощи художественного искажения, перемешав характеры настоящих мальчишек и девчонок, с которыми был знаком, когда жил в крохотном городке Бримфилд. А Дуэйн Макбрайд — это сочетание двух молодых людей, которых я встретил намного позже, уже в колледже Уобаш в Индиане.

Одним из этих умнейших молодых людей, послуживших образами Дуэйна Макбрайда, был Кит Н. Кит учился на втором курсе, а я на четвертом, но он на много-много лет опережал меня как в учебе, так и в общей эрудиции. Кит жив-здоров, преподает греческий, латынь, античность, историю кино и другие предметы в средних размеров гуманитарном университете в Индиане. На научно-фантастических конвентах меня не раз спрашивали: «Дэн, вы общаетесь со Стивеном Кингом, Дином Кунцем, Харланом Эллисоном, Питером Страубом, Дэвидом Морреллом и многими другими замечательными писателями. Кого вы можете назвать самым умным человеком из всех?»

И каждый раз я вынужден ответить: «Самый умный человек из всех, кого я знаю, — это, вероятно, один парень по имени Кит Н.».

Иногда у меня, возможно, и возникают сомнения по этому поводу, но недавно Кит приезжал на свадьбу моей дочери здесь в Колорадо. Я смотрел и слушал, как он беседует с другими гостями: художниками, социологами, редакторами, домохозяйками,

пилотами, лингвистами, киноагентами, врачами, консультантами, специализирующимися на наркозависимости, членами университетской приемной комиссии, видеопродюсерами, — и абсолютно каждый раз Кит знал о профессиональной сфере собеседника столько, что создавалось впечатление, будто тот беседует с коллегой. Глядя на все это, я понял, что был прав: он почти наверняка самый умный среди огромного количества очень умных людей, с которыми я знаком.

Вторым прототипом Дуэйна Макбрайда (его тоже звали Дуэйн) был мой друг по колледжу, которого убили всего через пару лет после нашего выпуска. На последнем курсе в Уобаши я основал подпольный литературный журнал «Сатир» и работал в нем главным редактором, и там я публиковал некоторые рассказы и публицистику Дуэйна. Блестящие работы. Блестящий автор. Блестящий и несчастный.

О нашей то прекращавшейся, то начинавшейся снова дружбе (и о нашем литературном соперничестве в колледже, которое существовало лишь в голове Дуэйна), а также о его убийстве и моих неудачных попытках учредить в Уобаши литературную премию его имени — обо всем этом можно подробно прочитать в моем эссе «Писать хорошо» в архиве на веб-сайте: http://www.dansimmons.com/writing_well/archive/2009_12.html

Да, я тоже не люблю интернет-ссылки в печатных книгах. Признаю, пользы от такой ссылки мало, разве что вы читаете все это на электронной читалке. И чтоб совсем уж вас доконать, октябрьское и ноябрьское эссе «От Дэна» на том же самом сайте были написаны в форме двухчастного рассказа, действие которого разворачивается в Элм-Хейвене, там есть некоторые мальчишки из Элм-Хейвена, а происходит все — или, во всяком случае, начинается — во время теледебатов Кеннеди и Никсона 21 октября 1960 года.

Но берегись, читатель!

События в этих мини-рассказиках затрагивают не только октябрь 1960-го, следующий за летом, описанным в романе «Лето ночи», но и будущее многих основных персонажей романа несколько десятилетий спустя. Вам может не понравиться. Читайте

эти два бесплатных кусочка на свой страх и риск и только после того, как прочтете «Лето ночи»:

http://www.dansimmons.com/news/message/2008_10.html

http://www.dansimmons.com/news/message/2008_11.html

Но вернемся ненадолго к Дуэйн Макбрайду.

Я с таким удовольствием создавал этого персонажа и писал о нем отчасти по той простой причине, что Дуэйн был, по всей видимости, единственным настоящим гением, которого мне случилось изображать в своих произведениях.

Мы слишком небрежно обращаемся со словом «гений» — часто используем его, лишь чтобы охарактеризовать особенно умного человека. Но магистерский диплом в сфере педагогики и последовавшее за ним обучение в Нью-Йоркской Комиссии контактных образовательных служб, и не только там, подготовили меня к работе как с детьми из начальной школы, имеющими серьезные проблемы в развитии, так и с детьми очень одаренными.

Дуэйн Макбрайд был той самой редчайшей птицей — глубоко и всесторонне одаренным ребенком. В реальном мире у нас с вами столько же шансов наткнуться на живого гения, сколько и на инопланетянина.

Все пренебрежительно относятся к тестам на коэффициент интеллекта, но это до сих пор единственный надежный способ предсказать успех в учебе и профессиональной сфере. Вот уже сто лет в тестах на *IQ* измеряют пресловутый «фактор общего интеллекта», и при этом никто так толком и не знает, что это такое, но (по крайней мере, в западной цивилизации, основанной на книгах и знании) он может быть решающим фактором, определяющим вашу жизнь.

Вспомним, что стандартное отклонение в таком тесте — пятнадцать баллов. Итак, если предположить, что большинство из нас демонстрируют результат около среднего значения в сто баллов, мы все привыкли иметь дело с людьми, входящими в стандартное отклонение — пятнадцать баллов или уровень *IQ* около восьмидесяти пяти баллов, — но ниже нас по шкале. Мы даже знаем, как вежливо держать себя с теми, кто находится на уровне двух стандартных отклонений от нормы, с *IQ* где-то около семидесяти (результат на грани серьезного умственного расстройства).

Разница в три стандартных отклонения уже практически непреодолима (попытка коммуникации с человеком на уровне *IQ* пятьдесят пять или ниже). В каком-то смысле эти люди не входят в человеческое разумное сообщество.

Но то же самое верно и в отношении тех исключительных людей, которые умнее нас. Мы часто поражаемся тем, кто демонстрирует стандартное отклонение в большую от нас сторону. Часто работаем на одаренных людей с уровнем *IQ* сто тридцать и выше (два стандартных отклонения от нормы). Большинство из нас (мы можем знать об этом или не знать) встречают как минимум одного человека с тремя стандартными отклонениями от нормы. К добру или к худу, такие люди обычно меняют этот мир.

А Дуэйн Макбрайд?

Уровень *IQ* у Дуэйна, возможно, был около двухсот двадцати (более семи стандартных отклонений от нормы), но, к несчастью (или к счастью), тесты *IQ* не могут точно измерить интеллект такого уровня. Он в буквальном смысле зашкаливает. И во многих отношениях находится за пределами нашего понимания.

Мне интересен тот факт, что Майк, Дейл, Лоренс, Кевин и большинство других детей так сильно любили Дуэйна Макбрайда, хотя он частенько говорил непонятные тогда для них вещи. Дейл Стюарт, которого мы знаем по «Зимним призракам», стал уважаемым преподавателем колледжа и писателем, но всегда понимал, что даже на пике своей академической карьеры не знает столько, сколько знал его друг Дуэйн Макбрайд в свои одиннадцать лет.

С наибольшим подозрением к Дуэйну относился, пожалуй, Джим Харлен, но, как я позже выяснил в своем рассказе о предвыборных дебатах и в других местах, Харлен сам отличался острым умом, причем ущербным и завистливым. Он последовал своим собственным темным путем.

Я в буквальном смысле любил персонажа Дуэйна Макбрайда. С удовольствием бы проследил за его последующими приключениями (возможно, в политике и уж точно в какой-либо интеллектуальной области). Он был у меня Майкрофтом при менее сообразительном Шерлоке Холмсе; Ниро Вульфом, в дедукции и мышлении на голову превосходившим окружающих его простачков Сэмов Спейдов, да еще добавьте сюда толику таланта рас-

сказчика, как у Питера Устинова¹. Я бы с радостью стал Дуэйну Макбрайду другом, хотя бы для того, чтобы поучиться у него, как я учился у Кита Н. и у того настоящего Дуэйна.

Но в конечном итоге я совершенно не удивился, узнав, что у Дуэйна Макбрайда был лишь один лучший душевный друг — его старый пес колли по кличке Витгенштейн.

Бесплатный сеанс

В жизни нечасто случается воспроизвести произведение искусства, воспроизводящее жизнь. Но не так давно подобная возможность мне представилась.

Центральная метафора и узловый образ в «Лете ночи» — это бесплатный сеанс. Летом в Элм-Хейвене в 1960 году почти каждый субботний вечер на стене кафе в парке показывали кино — точно такие же бесплатные сеансы были частью моего детства в Бримфилде. Я снова отсылаю вас к архиву на сайте, где можно найти настоящую фотографию бесплатного сеанса (вместе с фотографиями настоящих детей, послуживших прообразами для Майка О'Рурка, Кевина Грумбахера, Джима Харлена, Дейла Стюарта, Лоренса Стюарта и остальных):

<http://www.dansimmons.com/about/snapshots2.htm>

На последнем снимке 1960 года с этой страницы изображены люди, сидящие на одеялах и в кузовах пикапов, и дети на эстраде, которые ждут, пока начнется тот самый бесплатный сеанс из реальной жизни.

Смена кадра. Наш новый дом, где мы живем с 2007 года. Почти сразу после переезда сюда мы с Карен (наша взрослая дочь Джейн часто нам в этом помогала) запустили Летние киновечера Симмонсов (кино под звездами!). Летом по субботам друзья и соседи регулярно приходят, усаживаются в нашем дворе, где включено все освещение (за исключением желтых лампочек на

¹ *Ниро Вульф* — частный детектив из романов Рекса Стаута. *Сэм Спейд* — частный детектив из «Мальтийского сокола» и ряда других произведений Дэшила Хэммета. *Питер Устинов* (1921–2004) — британский актер театра и кино, постановщик, драматург, писатель, теле- и радиоведущий; в шести фильмах 1978–1988 гг. («Смерть на Ниле», «Зло под солнцем» и др.) исполнил роль Эркюля Пуаро.

ближайшей беседке, в которой на скамейке выставлены попкорн, лимонад и другое угощение), и смотрят старые фильмы, демонстрируемые при помощи цифрового проектора на огромном экране, который мы с таким трудом установили.

По большей части посетителям Летних кино вечеров Симмонсов, вероятно, известно, что я писатель, но это не имеет никакого отношения к нашим кинобеседам на заднем дворе. Зато к этим беседам имеют отношения электронные письма для киновикторины, которые я рассылаю приглашенным, с вопиюще подробными вопросами, скажем, о «Поющих под дождем». (В конце этого лета господин с дамой, которые выиграли несколько таких весьма сложных викторин, вручили нам с Карен «Почетный Оскар» за поддержание неугасаемого интереса к искусству кинематографа. Как мы выяснили, эту довольно тяжелую статуэтку они приобрели в Голливуде — в единственном лицензированном магазине в США, где можно купить такие.)

В последний кино вечер прошлого лета (так трудно представлять его сейчас, когда я в первый декабрьский день смотрю в окно, где уже садится солнце, хотя еще только минула половина пятого) я сказал всем, что объясню, почему же мы устроили эти вечера. А потом достал экземпляр «Лета ночи» и прочитал следующий отрывок сорока с лишним людям, сидевшим в сумерках на складных стульях, детям, валявшимся на спальных мешках на пахнущей поздним летом траве:

Бесплатный сеанс обычно начинался после заката, но зрители собирались в парке Бандстенд значительно раньше, когда блики солнечного света еще озаряли Мейн-стрит и, подобно рыжей кошке, медленно уползали с прогретого тротуара. Экран натягивали на стене паркового кафе. Фермеры приезжали целыми семьями и спешили занять лучшие места на стоянке вдоль Брод-авеню, на той стороне, что прилегала к парку. Пристроив свои пикапы и фургоны, они располагались на травке или присаживались на эстраду, чтобы поболтать с горожанами и узнать все городские новости. Большинство же местных жителей подтягивались уже в сумерках, когда на фоне быстро темнеющего неба в воздухе бесшумно скользили летучие мыши. Брод-авеню под аркой высоких вязов превращалась в темный туннель, открывающийся в светлую широту Мейн-стрит и заканчивающийся ярко освещенным островком парка, где не смолкали шум и смех.

Традиция бесплатных сеансов уходила корнями во времена Второй мировой войны, когда ближайший кинотеатр — «Эвалтс Палас» в Оук-Хилле — был закрыт в связи с тем, что сын Эвалтс Уолт, единственный в городе киномеханик, поступил на службу в морской корпус. Фильмы еще демонстрировали в Пеории, но из-за нормированного отпуска бензина большинство горожан не могли позволить себе такую роскошь, как путешествие длиной в сорок миль.

Решение проблемы взял на себя старший мистер Эшли-Монтегю: летом 1942 года он каждую субботу привозил из Пеории проектор, вешал на стену кафе белое полотнище высотой двадцать футов и показывал всем желающим журналы новостей, хронику войны, мультфильмы и художественные ленты.

(...)

Вот и сегодня, с наступлением четвертого вечера июня 1960 года, длинный «линкольн» мистера Эшли-Монтегю припарковался на специально приготовленном для него месте у западной стенки эстрады. Увидев, как мистер Тейлор, мистер Сперлинг и другие члены городского совета помогают выгрузить и установить на деревянную платформу массивный проектор, зрители торопливо расселись на скамьях и разостланных прямо на траве одеялах. Детей шуганули из-под эстрады и с нижних ветвей ближайших деревьев. Родители усадили их на складные стулья, поставленные в кузовах грузовичков и пикапов, вручили мешочки с попкорном, и парк погрузился в напряженную тишину ожидания. Небо над верхушками вязов становилось все темнее и темнее, и полотно экрана на стене кафе наконец засветилось и ожило.

Если вы собираетесь прочесть «Лето ночи» в первый раз, надеюсь, что «сеанс» вам понравится. А если вы тут уже бывали — добро пожаловать обратно в Элм-Хейвен.

Дэн Симмонс

Колорадо

1 декабря 2010 года

Я хотел бы поблагодарить Крейга и Криса Вульфов, Джеймса Д. Френча, Брэда Миллера, Уильяма Коулмена и других участников моего онлайн-форума за помощь в поиске исследований для комментариев о пространстве, в котором могут перемещаться дети.

В число этих замечательных исследований входят:

Asthana A, "Kids need the adventure of risky' play," *The Observer*, Sunday 3 August, 2008 (А. Астана. «Детям необходимы приключения в виде рискованных игр»);

Barnardo's, *Playing it Safe*, London: Barnardo's, 1995 (Благотворительная организация Барнардо. «От греха подальше»);

Carver A, Timperio A and Crawford D, "Playing it safe: the influence of neighbourhood safety on children's physical activity," Centre for Physical Activity and Nutrition Research, School of Exercise and Nutrition Sciences, Deakin University, Vic. 3125, Australia Received 31 August 2006; received in revised form 18 June 2007; accepted 19 June 2007 (А. Карвер, А. Тимперио, Д. Кроуфорд. «От греха подальше: как безопасность в районе влияет на физическую активность детей»);

Cunningham, J, "Children's unsupervised play is not a luxury, but a crucial aspect of their development," Play Scotland annual conference 2001, article published 3 January 2002; Derbyshire D, "How children lost the right to roam in four generations," *Daily Mail*, 15 June, 2007 (Дж. Каннингэм. «Игры детей без надзора взрослых — это не роскошь, но важнейший аспект развития»);

Ennew J, "Time for children or time for adults?", in J Qvortrup, M Bardy, G Sgritta and H Wintersberger (eds) *Childhood Matters: Social*

Theory, Practice and Politics, Aldershot: Avebury Press, 1994 (Дж. Иннью. «Время для детей или время для родителей?»);

Gaster S, "Urban Children's Access to their Neighborhoods: Changes over three generations," *Environment and Behaviour*, January 1991, 70–85 (С. Гастер. «Доступ городских детей к своему району: как он изменился за несколько поколений»);

Hillman M, Adams J and Whitelegg J, *One False Move... A Study of Children's Independent Mobility*, London: Policy Studies Institute, 1990 (М. Хиллман, Дж. Адамс, Дж. Уайтлегг. «Один неверный шаг... Исследование независимой мобильности детей»);

Skenazy, L, *Free Range Kids: How to Raise Safe, Self-Reliant Children (Without Going Nuts from Worry)*, одноименный сайт (Л. Скенази. «Свободные дети: как вырастить самодостаточных осторожных детей и не сойти при этом с ума от тревоги»);

Wheway R and Millward A, *Child's play: Facilitating play on housing estates*, London: Chartered Institute of Housing, 1997 (Р. Вивей, А. Миллвард. «Детские игры: как устроить игру в жилом районе»).

Вывод, который можно сделать из всех вышеперечисленных исследований, таков: нынешнее поколение родителей до ***рачки трясется за своих детей, и, руководствуясь этим страхом, родители чрезмерно следят за ними, чрезмерно волнуются за них, чрезмерно организуют их жизнь и чрезмерно ими руководят — и таким образом крадут у молодого поколения пространство, время, тайны и недомолвки, которые необходимы, чтобы детство выжило в двадцать первом веке.

Дэн Симмонс

Уэйну, который был там, когда все случилось

Глава 1

Погруженная в безмолвие Старая центральная школа стояла непоколебимо и упрямо хранила свои тайны. Меловая пыль, скопившаяся за последние восемьдесят четыре года, кружилась в редких проблесках солнечного света, и воспоминания о тех, кто ушел отсюда за более чем восемь десятилетий, витали над темными лестницами и коридорами, наполняя застоявшийся воздух ароматом смерти — характерным запахом гробов из красного дерева. Стены Старой центральной были столь толстыми, что, казалось, поглощали все звуки, а свет, лившийся сквозь высокие старинные окна с искривленными от времени и собственной тяжести стеклами, имел легкий оттенок сепии.

Время в Старой центральной текло медленно, а то и вовсе останавливалось. Гулкое эхо шагов плыло вдоль коридоров и парило над лестницами, но звук его был странно приглушен и никак не совпадал с движением в полумраке.

Первый камень Старой центральной школы был заложен в 1876 году. В тот год армия генерала Кастера была наголову разбита возле реки Литл-Бигхорн¹, что текла далеко на западе, а посетителям филладельфийской Выставки Столетия² продемонстрировали первый телефонный аппарат. Школу возвели в Иллинойсе, как раз на полпути между штатами, где произошли эти два события, но движение истории ее не коснулось.

¹ Битва на реке Литл-Бигхорн между индейцами племен тетонов и шайенов и Седьмым кавалерийским полком во главе с генералом Дж. Кастером произошла в штате Монтана 25 июня 1876 г. После одной из контратак индейцев кавалеристы отступили, потеряв 265 человек убитыми, в том числе и генерала Кастера. Это был последний случай, когда индейцам удалось одержать победу над армейским подразделением, уничтожив всех его солдат.

² Выставка 1876 г., посвященная 100-летию образования США.

К весне 1960 года Старая школа стала походить на тех древних учителей, которые в ней преподавали: слишком старая, чтобы продолжать работать, но слишком самолюбивая, чтобы согласиться на отставку, — словом, сохраняющая горделивую осанку скорее по привычке и из упорного нежелания склониться. Бесплодная самка, озлобленная старая дева, Старая школа десятилетия за десятилетием брала напрокат чужих детей.

В сумраке ее огромных классных комнат и коридоров девочки играли с куклами, а повзрослев, умирали родами. Мальчики с криками носились по рекреациям и отбывали наказание в темных запертых чуланах, а потом находили вечный покой в местах, никогда не упоминавшихся на уроках географии: Сан-Хуан-Хилл¹, Белло-Вуд², Окинава³, Омаха-Бич⁴, Порк-Чоп-Хилл⁵ или Инчхон⁶.

В первые дни существования здание Старой центральной было окружено молоденькими саженцами. Теплыми майскими и сентябрьскими днями росшие возле самых стен стройные вязы дарили спасительную тень классным комнатам нижнего этажа. Но с годами ближние к школе деревья умерли, а уцелевшие гигантские вязы, молчаливыми стражами выстроившиеся по периметру школьного участка, от старости и болезней засохли и превратились в жутких сучковатых уродцев. Их голые ветви, словно узло-

¹ Сражение за высоту Сан-Хуан (Battle of San Juan Hill) — крупное вооруженное столкновение в период испано-американской войны, произошедшее 1 июля 1898 г. недалеко от г. Сантьяго (Куба).

² В ходе Первой мировой войны в битве у леса Белло (Belleau Wood) — лесного массива на севере Франции — морской десант армии США одержал первую победу (6 июня 1918 г.).

³ *Окинава* — самый крупный остров в архипелаге Рюкю (Япония). Во время Второй мировой войны — место кровопролитных боев между японской и американской армиями (1 апреля — 21 июня 1945 г.), закончившихся победой американцев.

⁴ Одно из мест высадки войск союзников на побережье Нормандии (6 июня 1944 г., так называемый D-Day — день высадки) во время Второй мировой войны, где шли наиболее кровопролитные бои, вошло в историю под кодовым названием «Омаха-Бич».

⁵ Неподалеку от холма Порк-Чоп (Pork Chop Hill) 23 июня 1951 г. произошло одно из наиболее ожесточенных сражений корейской войны 1950–1953 гг.

⁶ *Инчхон* (Южная Корея; другое название: Чемульпо) — город на Желтом море, аванпорт Сеула. 15 сентября 1950 г. командующий американскими войсками во время корейской войны генерал Дуглас Макартур провел дерзкую и рискованную операцию по высадке десанта у этого считавшегося практически неприступным порта.

ватые руки самой Старой центральной, отбрасывали длинные тени на игровые площадки и спортивные поля. Но и в строю этих величественных патриархов были свои, хоть и немногочисленные, потери: несколько деревьев давно уже срубили и куда-то увезли.

Те, кто приезжал в городок Элм-Хейвен¹ и не считал за труд свернуть с Хард-роуд и пройти пешком два квартала, чтобы взглянуть на Старую школу, часто ошибались, принимая ее за непомерно огромное здание администрации округа или какого-то иного учреждения, почему-то построенное в столь необычном месте. Абсурдные размеры этого строения многие объясняли чрезмерным — хотя и непонятно, на чем основанным, — тщеславием местных жителей. И действительно, вследствие каких причин и ради какой цели в городке, население которого едва насчитывало тысячу восьмьсот человек, была возведена столь грандиозная трехэтажная постройка, да еще к тому же и стоящая совершенно обособленно?

Однако почти сразу эти же путешественники обращали внимание на хорошо оборудованные детские площадки и понимали, что перед ними школа. Причем довольно странная. Витиевато украшенная медью и бронзой башня покрылась зеленым налетом; ярь-медянка² расцветила даже ее круто поставленную островерхую черную крышу, расположенную в пятидесяти футах над землей. Каменные арки, несомненно относящиеся к романскому стилю Ричардсона³, змеями взмывали над высокими, не менее двенадцати футов, окнами; россыпь круглых и овальных витражей на фасаде создавала впечатление какого-то странного гибрида школы и кафедрального собора; а щипцовая крыша и мансардные окна над ажурными карнизами третьего этажа заставляли вспомнить об архитектуре французских замков. Необычные во-

¹ Как говорил автор в предисловии, прообразом Элм-Хейвена послужил городок Бримфилд в штате Иллинойс, однако название Элм-Хейвен явно перекликается с Нью-Хейвеном — городом-портом на юге штата Коннектикут, на берегу пролива Лонг-Айленд, известным также как Elm City (Город вязов).

² *Ярь-медянка* — зеленые или голубоватые отложения, формирующиеся со временем на меди, латуни или бронзе.

³ *Ричардсон*, Генри Хобсон (Richardson, Henry Hobson; 1838–1886) — архитектор. Окончил Гарвардский университет (1859) и Школу изящных искусств в Париже (1865). Создал неповторимый романский стиль Ричардсона (Richardsonian Romanesque). Функционально четко организуя постройки, заложил основы рационализма в американской архитектуре.

люты, похожие на окаменевшие свитки, создавали своеобразный орнамент над глубоко утопленными в стены дверями и слепыми окнами. Но наиболее сильно поражали всех неоправданно исполинские и даже в какой-то мере зловещие размеры здания.

Так или иначе, но Старая центральная школа с ее неуклюжей башней, с тремя рядами окон и чрезмерно тяжелыми карнизами, с остроконечными окнами мансарды — а фактически четвертого этажа — и необычной крышей казалась совершенно неуместной в таком городке.

Любой обладающий даже незначительным понятием об архитектуре как таковой непременно остановился бы на тихой мощеной улице, вышел из машины и, ахнув от удивления, щелкнул затвором фотоаппарата.

Но тут же, в считанные доли секунды, наблюдательный человек непременно заметил бы, что высокие окна похожи на огромные черные дыры — как будто они были спроектированы для того, чтобы поглощать свет, а не отражать его, — что элементы ричардсонианы, ампира Второй империи, равно как и итальянские мотивы, служили лишь внешним украшением грубой и примитивной в своей основе готики, характерной для архитектуры Среднего Запада, и что наибольшее впечатление производило не само по себе странное здание, сочетавшее в своем облике абсурдное разнообразие архитектурных деталей, а именно увенчанная башней невероятно огромная масса кирпича и камня, явно спроектированная сумасшедшим.

Кое-кто из путешественников, стараясь не поддаваться растущему чувству дискомфорта, а то и вовсе его игнорируя, мог бы обратиться с расспросами о Старой школе к местным жителям или даже поехать в Оук-Хилл, главный городок округа, чтобы просмотреть записи и получить официальные сведения. В таком случае ему удалось бы обнаружить, что Старая центральная школа являлась частью генерального плана восьмидесятилетней давности, согласно которому в округе надлежало построить пять грандиозных школ: Северо-Восточную, Северо-Западную, Центральную, Юго-Восточную и Юго-Западную. Центральную возвели первой, и случилось так, что она осталась и единственной.

В семидесятых годах девятнадцатого века Элм-Хейвен был значительно больше, чем теперь, во второй половине века двадцатого, — отчасти благодаря железной дороге (ныне полностью за-

брошенной), а отчасти по причине массового наплыва иммигрантов, привлеченных из Чикаго амбициями градостроителей. Население округа, в 1875 году насчитывавшее двадцать восемь тысяч человек, к 1960 году, согласно проведенной тогда переписи, уменьшилось до двенадцати тысяч, причем большинство из них составляли фермеры. Число жителей Элм-Хейвена в том же 1875 году составляло четыре тысячи триста человек, и судья Эшли, миллионер и главный вдохновитель постройки Старой центральной школы, предсказывал, что скоро город опередит по числу жителей Пеорию и когда-нибудь сможет соперничать с Чикаго.

Архитектор, которого судья Эшли привез откуда-то с востока, — некий Солон Спенсер Олден — учился как у Генри Хобсона Ричардсона, так и у Р. М. Ханта¹, однако кошмарный плод этого обучения отразил только темные стороны романского Ренессанса и был напрочь лишен того великолепия и открытости, которые предлагали сооружения чисто романского стиля.

Судья Эшли настаивал — и жители городка с готовностью с ним согласились, — что школа должна быть построена с учетом того обстоятельства, что впоследствии она примет под свою опеку не одно поколение детей округа Кревкер² и число учащихся будет постоянно увеличиваться. Кабинеты оборудовали не только для начальных классов, но и для средней школы — ей отвели весь третий этаж. Правда, занятия там шли только до Первой мировой войны. Проектировщики предусмотрели и дополнитель-

¹ *Ричард Моррис Хант* (Richard Morris Hunt; 1828–1895) — американский архитектор, одна из наиболее примечательных фигур в развитии зодчества XIX в. Был первым американцем, окончившим Школу изящных искусств в Париже (1851–1854). Автор проекта постамента статуи Свободы.

² Французский исследователь и путешественник Рене Робер Кавелье де ла Саль (1643–1687) в 1667 г. прибыл в Северную Америку и впоследствии предпринял несколько экспедиций с целью расширения там французских владений. Во время одной из них построил на берегу озера Пеория форт Кревкер, позднее давший название всему административному округу.

Возможно также, что название округа связано с именем Сент-Джона де Кревкера (Crevesoeur, St. John, de; 1735–1813), француза по происхождению, жившего в Америке в 1755–1781 гг. В 1782 г. он опубликовал в Европе сборник «Письма американского фермера» (*Letters from an American Farmer*), в котором создал идеализированную картину жизни поселенцев в Америке, ее природы и политического устройства и одним из первых назвал Америку «плавающим котлом» (melting pot), превращающим иммигрантов в новых, свободных людей.

ные помещения, в которых могла пока расположиться городская библиотека, а впоследствии, если в том возникнет необходимость, даже колледж.

Но колледж так и не был создан не только в Элм-Хейвене, но и во всем округе. После того как во время Депрессии 1919 года сын судьи Эшли разорился, их огромный семейный дом, стоявший в конце Броуд-авеню, сгорел дотла. А Старая центральная на многие десятилетия осталась лишь начальной школой. По мере того как люди покидали город и новые школы возводились в других местах, ее посещало все меньше и меньше детей.

Третий этаж, предназначенный для старших классов, оказался совершенно ненужным уже к 1920 году, когда в Оук-Хилле построили настоящую среднюю школу. В полностью оборудованных классах воцарились мрак и паутина. В 1939 году располагавшаяся на одном этаже с начальной школой городская библиотека выехала из зала со сводами, а книжные полки на его просторных антресолях практически опустели и немо взирали на немногих учеников, семенящих по огромному проходу, спускающихся по чрезмерно широким лестницам или слоняющихся по полутемным подвальным помещениям словно в поисках пристанища в каком-то давно заброшенном городе невообразимо далекого прошлого.

Наконец осенью 1959 года новый городской совет и совет школ округа решили, что Старая центральная пережила свое время и что даже в нынешнем полупустом состоянии это архитектурное чудовище требует слишком много времени, сил и средств для отопления и поддержания в нем элементарного порядка, а потому гораздо целесообразнее с осени 1960 года перевести оставшихся здесь сто тридцать четыре ученика в новую объединенную школу в Оук-Хилле.

Как бы то ни было, но весной того же года, в последний день школьных занятий, всего за несколько часов до принудительной отставки, Старая центральная все еще стояла непоколебимо, погруженная в безмолвие, и упрямо хранила свои тайны.

Глава 2

Шестиклассник Дейл Стюарт сидел за партой в одном из классов Старой школы, твердо уверенный в том, что последний день занятий — это наихудшее из наказаний, выдуманных взрослыми для детей.

Время тянулось медленнее, чем в приемной дантиста, медленнее, чем после ссоры с мамой — в ожидании прихода отца и неминуемого наказания, медленнее, чем...

В общем, все было просто ужасно.

Часы, висевшие на стене над головой Двойной Задницы, показывали два часа сорок три минуты. Календарь на той же стене сообщал, что сегодня среда, 1 июня 1960 года, последний день школьных занятий, последний скучный день, который Дейлу и другим оставалось вытерпеть в чреве Старой центральной. Но на самом деле время словно остановилось, причем так намертво, что Дейл чувствовал себя увязшим в янтаре насекомым, похожим на того паука в желтом камне, которого отец Кавано одолжил однажды Майку.

Делать было *совершенно нечего*. Не было возможности даже учить уроки: все учебники шестиклассники сдали в школьную библиотеку еще в половине второго, и миссис Даббет скрупулезно их проверила, фиксируя малейший урон, нанесенный книге последним обладателем, хотя Дейл понятия не имел, каким образом она отличала новые повреждения от прошлогодних... Когда все было закончено и в сделавшейся вдруг неестественно пустой классной комнате не осталось ничего, кроме голых досок объявлений и дочиста надраенных деревянных парт, Двойная Задница равнодушно предложила ученикам «что-нибудь почитать». При этом ей было отлично известно, что книги, взятые в школьной

библиотеке, были сданы еще в прошлую пятницу под страхом невыдачи табелей с итоговыми отметками.

Дейл, конечно, мог бы принести что-нибудь почитать из дома, например книжку о Тарзане, после полуденного обеда оставленную раскрытой на кухонном столе, или один из «эйс-дублей»¹, который он тоже читал на этих днях. Но хотя Дейл успевал проглатывать по несколько книг в неделю, ему и в голову не приходило, что можно заниматься этим в стенах школы. В школе полагалось выполнять письменные задания и слушать учителей, которые после объяснения материала задавали такие простые вопросы, что даже шимпанзе мог бы отыскать в учебнике правильный ответ.

Итак, Дейл и остальные двадцать шесть его одноклассников томились во влажной духоте класса, а тем временем небо за окнами темнело, обещая бурю. Старую центральную уже окутывал мрак, — казалось, даже сам воздух в здании сделался тусклым и тяжелым. Лето словно застыло у порога школы, замерли стрелки на часах, и пыльное безмолвие накрыло учеников подобно одеялу.

Дейл сидел за четвертой партой во втором ряду справа. Со своего места он отлично видел коридор, темневший за входом в раздевалку, дверь в пятый класс, где сидел его лучший друг Майк О'Рурк, так же как и Дейл, нетерпеливо ожидавший конца учебного года. Майк был ровесником Дейла — даже на месяц старше, — но, после того как О'Рурку пришлось по второму заходу пройти программу четвертого класса, мальчиков разделила пропасть величиной в целый учебный год. Майк воспринял случившееся с тем же апломбом, с каким он воспринимал большую часть жизненных коллизий: посмеялся над своей неудачей и остался прежним верховодом на школьном дворе и среди друзей. И не проявил ни малейшей обиды на миссис Гроссейнт, старую каргу, которая оставила его на второй год просто так, из чистой злобы, — Дейл, во всяком случае, в этом ничуть не сомневался...

В самом классе у Дейла тоже было несколько закадычных приятелей — например, Джим Харлен, которого миссис Даббет сажала за переднюю парту первого ряда, чтобы приглядывать за

¹ *Ace double* (англ.) — сборник из напечатанных «спина к спине», перевертышем, двух фантастических повестей разных авторов; иногда такие сборники, публиковавшиеся издательством «Ace Books» с 1952 г., включали и две повести одного автора.

ним. Сейчас Харлен, положив голову на руки, медленно обводил взглядом класс, и в его глазах плясали озорные искорки. Дейл видел этот танец и вполне разделял настроение друга, но изо всех сил старался скрыть свои чувства. Харлен заметил, что Дейл смотрит на него, и скорчил рожу. Его на редкость подвижный рот мог принимать любую форму, как у фигурки из «Силли Патти»¹.

Двойная Задница кашлянула, и Харлен живо повернулся к доске.

В ряду у окон сидели Чак Сперлинг и Диггер Тейлор — приятели, классные вожак, заводилы. Отчаянные шутники. Дейл нечасто видел Чака и Диггера вне школы, разве что на играх «малой лиги»² и на практике. За Диггером сидел Джерри Дейзингер — как всегда в поношенной, застиранной футболке. Вне школы все носили футболки и джинсы, но только самые бедные из учеников, такие как Джерри и братья Корди Кук, надевали их в школу.

Позади Джерри была парта этой самой Корди. Сейчас ее простецкое, круглое, с навечно застывшим на нем тупым выражением и совершенно бесцветными глазами лицо было обращено к окну, хотя было ясно, что она там ничего не видит. Корди жевала резинку — она всегда ее жевала, но по каким-то странным причинам миссис Даббет никогда этого не замечала и не делала девочке выговоров. Вот если бы Харлен или кто другой из классных фигляров позволил себе такое, миссис Д. тут же выгнала бы его... Но для Корди это было абсолютно естественное занятие. Дейл пока еще не слышал о существовании класса жвачных животных, но Корди всегда напоминала ему корову, пережевывающую жвачку.

За Корди, полным ей контрастом, за последней партой в их ряду сидела Мишель Стеффни — хорошенькая чистенькая девочка в тонкой зеленой блузке и коричневой юбке. В ее рыжих волосах играли солнечные блики, и даже отсюда Дейлу была отлично видна россыпь веснушек на белой, почти прозрачной коже.

Словно почувствовав его взгляд, Мишель подняла глаза от книжки, и, хотя она не улыбнулась, даже намек на понимание

¹ «Силли Патти» (Silly Putty) — фирменное название «глины» для детского творчества.

² «Малые лиги» — объединения детских бейсбольных команд. В городе Уильямспорт, штат Пенсильвания, ежегодно проходит всемирный чемпионат «малых лиг». Поле для игры по площади составляет $\frac{2}{3}$ от стандартного.

заставил учащенно забиться сердце одиннадцатилетнего мальчика.

Не все друзья Дейла учились в одном с ним классе. Кевин Грумбахер еще только заканчивал пятый — он был на девять месяцев младше. А брат Дейла Лоренс и вовсе томился на первом этаже — в третьем классе, где преподавала миссис Хоу.

Но едва ли не лучший друг Дейла, Дуэйн Макбрайд, был здесь, рядом. Дуэйн — в два раза толще, чем самый толстый из остальных одноклассников, — заполнял собой почти все сиденье третьей парты в среднем ряду и, как всегда, что-то торопливо писал в стареньком блокноте, который вечно таскал с собой. Его давно не стриженные волосы торчали вихрами. Дуэйн то и дело автоматически поправлял очки, чуть хмурился, перечитывая написанное, и снова склонялся к листу. Несмотря на жару — температура переревалила за восемьдесят¹, — Дуэйн был в той же теплой фланелевой рубашке и тех же мешковатых вельветовых брюках, что и зимой. Дейл не помнил, чтобы когда-нибудь он видел приятеля в джинсах и футболке, хотя в отличие от самого Дейла, Майка или Кевина с Джимом — ребят городских — тот вырос на ферме и выполнял всю работу по дому.

Дейл встрепенулся. Уже два часа сорок девять минут. Школьный день по каким-то совершенно загадочным причинам, в числе которых было, например, расписание автобуса, заканчивался в три пятнадцать.

Со скуки мальчик уставился на портрет Джорджа Вашингтона на передней стене и в десятитысячный раз задумался, почему это руководство школы предпочло повесить здесь репродукцию незаконченного портрета великого президента. Затем он перевел взгляд на потолок — четырнадцать футов от пола, — на окна не меньше десяти футов высотой, затем оглядел коробки с книгами, сложенные на полках книжных шкафов, и задумался над тем, что сделают с учебниками. Их перевезут в новую школу? Или сожгут? Скорее последнее, поскольку Дейл не мог себе представить эти ветхие, потрепанные книжки в той новенькой школе, мимо которой он как-то проезжал вместе с родителями.

¹ По шкале Фаренгейта. Около 30° Цельсия. При переводе из шкалы Фаренгейта в шкалу Цельсия из исходной цифры вычитают 32 и умножают на $\frac{5}{9}$.

Два часа пятьдесят минут. Двадцать пять минут до наступления настоящего лета, до обещанной свободы.

Дейл устался на Двойную Задницу. Кличка не была злой или насмешливой, училка всегда была именно Двойной Задницей. Целых тридцать восемь лет миссис Даббет и миссис Дагган вели уроки в шестых классах — первоначально в смежных кабинетах, затем, когда число учащихся резко сократилось (это произошло примерно тогда, когда родился Дейл), в одном и том же помещении. Миссис Даббет преподавала чтение, письмо и общественные науки в первой половине дня, а миссис Дагган — математику, естественные науки, правописание и каллиграфию после обеда.

Эта пара была Орестом и Пиладом Старой центральной: худая, высокая, порывистая миссис Дагган и низенькая, толстая и медлительная миссис Даббет. Голоса у них тоже были совершенно разными по тембру и тону, но их жизни странно наложились одна на другую: старые викторианские особнячки, соседствующие друг с другом на Броуд-авеню, одна и та же церковь, одни и те же курсы в Пеории, каникулы во Флориде, — и две незавершенные личности каким-то образом, соединив общий опыт и общие недостатки, создали личность вполне совершенную.

Этой зимой, в последний год владычества Старой школы, как раз перед Днем благодарения, миссис Дагган заболела. «Рак», — сказала миссис О'Рурк матери Дейла, думая, что мальчики ее не слышат. Миссис Дагган не вернулась в класс и после рождественских каникул. Преподавание ее предметов — «только до возвращения Кору» — взяла на себя миссис Даббет, откровенно презиравшая эти дисциплины, однако не желавшая допустить, чтобы в школу пригласили другого учителя и тем самым подтвердили слух о серьезности болезни ее коллеги и приятельницы. Миссис Даббет к тому же ухаживала за больной — сначала в высоком розовом доме на Броуд-авеню, потом в больнице. Но однажды утром в школе не появилась даже Двойная Задница, а уроки в шестых классах впервые за четыре десятилетия провела другая учительница. По школе прошелестела весть, что миссис Дагган умерла. Это было накануне Дня святого Валентина.

Похороны состоялись в Дэвенпорте, и никто из учащихся на них не присутствовал. Впрочем, даже если бы погребение состоялось в самом Элм-Хейвене, картина была бы точно такой же.

Миссис Даббет вернулась в школу двумя днями позже.

При виде пожилой женщины Дейл почувствовал, как в нем шевельнулось что-то похожее на жалость. Она была по-прежнему толстой, но теперь лишняя масса висела на ней, словно слишком просторное пальто. Когда она поднимала руки, подушки предплечий колыхались в воздухе, как гофрированная бумага. Глаза потускнели и так глубоко ввалились в глазницы, что казалось, будто вокруг них сплошные синяки. Сейчас учительница сидела, уставясь в окно с тем же безнадежным и тупым выражением, какое неизменно присутствовало на лице Корди Кук. Голубоватые когда-то волосы пожелтели у корней и висели неопрятными прядями, платье сидело вкривь и вкось — казалось, что женщина неправильно застегнула пуговицы. Вокруг нее витал тот же неприятный запах, что и вокруг миссис Дагган перед Рождеством, вспомнил Дейл.

Он вздохнул и заерзал на месте. Было еще только два часа пятьдесят две минуты.

В темном холле послышалось легкое движение и мелькнула крадущаяся тень, в которой Дейл узнал Табби Кука — толстого придурковатого брата Корди. Тот скользнул по площадке лестницы и теперь заглядывал в класс, пытаясь привлечь внимание сестры, но при этом остаться незамеченным и не попасться на глаза Двойной Заднице. Бесполезно. Корди, будто загипнотизированная, продолжала любоваться небесами и едва ли обратила бы внимание на брата, даже если бы тот швырнул в нее кирпичом.

Дейл едва заметно кивнул мальчишке. Здоровенный четвероклассник в комбинезоне с нагрудником и лямками показал ему кукиш, помахал каким-то листком, похожим на разрешение отлучиться в туалет, и скрылся в темноте коридора.

Дейл опять поерзал. Ему и друзьям иногда приходилось играть с Табби, несмотря на то что Куки жили в одной из крытых рубероидом лачуг, расположенных неподалеку от свалки, у элеватора за железной дорогой. Табби был толстым, уродливым, тупым и вечно грязным, а также проявлял такое вопиющее невежество, какого Дейл до сих пор не встречал ни у одного четвероклассника, однако все это не давало повода запрещать ему участвовать в забавах группы городских ребят, называвших свою команду «Велосипедный патруль». Впрочем, Табби не так уж часто домогался этой чести у Дейла и его друзей.

«Интересно, что задумал этот болван?» — рассеянно подумал Дейл и снова взглянул на часы. Было все еще два часа пятьдесят две минуты.

Ужас! Как медленно тянется время!

Табби прекратил попытки привлечь внимание сестры и направился к лестнице, пока его не засекала Двойная Задница или еще какая-нибудь из училок. Миссис Гроссейнт действительно отпустила его в туалет и дала соответствующую записку, но это еще не означало, что кто-то из старых кошелок не завернет его обратно в класс, если увидит, как он слоняется по коридорам.

Табби зашаркал по лестнице, направляясь к площадке под круглым окном и попутно отметив про себя, как сильно стерты широкие деревянные ступени, отполированные подошвами нескольких поколений учащихся Старой центральной. На улице собиралась буря, и свет, проникавший сквозь стекла, был тускло-багровым. Табби проскользнул под рядами пустых книжных полок бывшей городской библиотеки, располагавшихся на площадке и вдоль узких антресолей, устроенных на промежуточном этаже, но даже не обратил на них внимания. К тому моменту, когда Табби впервые переступил порог школы, на этих полках не осталось ни одной книги.

Он ужасно торопился. До конца занятий оставалось меньше получаса, а ему непременно нужно было попасть в подвал, в умывальные комнаты для мальчиков, прежде чем эту старую развалину запрут навсегда.

На первом этаже, где размещались классы с первого по третий, было чуть светлее и оживленнее, чем наверху. Отовсюду доносился гомон малышей. Табби поспешил миновать открытое пространство, чтобы его не увидела учительница, шмыгнул за дверь и стал спускаться по лестнице в подвал.

Довольно странно, что в этой глупой школе не потрудились оборудовать туалеты на первом и втором этаже, хотя в подвале их было сколько угодно: туалеты для младших классов и для учащихся средней ступени, маленькая, больше похожая на щель в стене, всегда запертая комнатуха, на двери которой красовалась надпись «Для учителей», а дальше, рядом с бойлерной, — еще один крохотный туалет, где, наверное, отливала Ван Сайк. Вполне возможно, что в пустынном коридоре, который вел куда-

то в темноту и которым давно никто не пользовался, имелось еще несколько умывальных и туалетов.

Табби, как и все в школе, знал, что там имеются ступеньки, которые уходят глубоко вниз, но никто из ребят никогда туда не спускался, и Табби не собирался это делать. Господи, там ведь не было даже света! Похоже, что только Ван Сайк и, может быть, директор школы мистер Рун бывали в том подземелье.

«Наверное, там все же какие-нибудь умывалки», — решил Табби.

Ему нужен был туалет, на двери которого висела табличка «Для мальчиков». Она красовалась тут уже целую вечность — даже его Старик рассказывал, что видел эту же табличку, еще когда сам ходил в школу. Табби и его Старик только потому и узнали о существовании этого — как его? — да, мягкого знака, что старуха Дагган, училка шестого класса, причитала и скулила про эту ошибку целую вечность. Она скулила еще тогда, когда Старик был младше Табби. Теперь злюка Дагган сдохла и гниет на кладбище Святого Креста Господня, чуть дальше бара «Под черным деревом», в который частенько заглядывает Старик. А Табби до сих пор удивляется, почему это старой ведьме было самой не исправить ошибку, если она такая умная. Похоже, ей просто нравилось скулить и ныть по поводу несчастного мягкого знака... Она думала, что кажется умнее от этого, а другие, такие как Табби и его Старик, пусть чувствуют себя дураками.

Табби помчался по темному извилистому коридору, торопясь оказаться наконец перед дверью с табличкой «Для мальчиков». Кирпичные стены здесь были выкрашены в зеленый и коричневый цвета не один десяток лет тому назад, с низкого потолка свисали какие-то трубки, душевые разбрызгиватели и густая паутина — при взгляде на все это Табби охватило чувство, будто он находится в глубокой и тесной могиле или еще в каком-нибудь жутком месте, вроде того, что показывали в фильме про мумию, который он видел прошлым летом в Пеории, в кинотеатре под открытым небом, куда их с Корди украдкой протащил, спрятав в багажнике машины, парень его старшей сестры. Фильм классный, но он понравился бы Табби гораздо больше, если б с заднего сиденья, на котором устроилась его старшая сестра Морин со своим прыщавым кавалером по имени Берк, не доносилось все время противное пыхтение, чмокание и сопение. Теперь Морин беременна, и они с Берком живут за свалкой, неподалеку от

Табби с родителями, но лично ему не кажется, что эти двое поженились.

Корди — та вообще, вместо того чтобы смотреть на экран, весь двойной сеанс просидела, обернувшись назад и почти не спуская глаз с бойкой парочки.

У двери с надписью «Для мальчиков» Табби помедлил, прислушиваясь, нет ли кого-нибудь внутри. Иногда там околачивался старый Ван Сайк, вынюхивая, не прячутся ли в туалете ребята, прогуливая уроки, чем они вообще там занимаются и не собираются ли делать что-нибудь вроде того, что наметил для себя сейчас Табби. В таком случае от него вполне можно было схлопотать затрещину или подлый щипок за руку. Причем Ван Сайк не лез ко всем детям подряд. Богатеньких, таких как, например, дочка доктора Стеффни — как ее там? Мишель? — он не трогал. Доставалось по полной программе только беднякам вроде самого Табби или Джерри Дейзингера — тем, чьи предки плевали на все или, наоборот, до смерти боялись Ван Сайка.

А Ван Сайк наводил страх на многих — причем не только на учеников, но и, как подозревал Табби, на родителей.

Табби постоял еще немного, но ничего не услышал и на цыпочках вошел в туалет.

Это была длинная сумрачная комната с низким потолком и без окон, освещаемая одной-единственной лампочкой. Невероятно древние писсуары выглядели так, будто их вырубili из камня или еще из чего-то похожего. Вода в них бежала постоянно. Все семь туалетных кабин были разбиты и испещрены надписями. Имя Табби красовалось на двух из них, а имя его Старика на одной — самой дальней от входа. Все кабинки, кроме одной, были без дверей. Но Табби интересовали не они: то, что привело его сегодня сюда, находилось за раковинами, писсуарами и кабинками — в самом темном углу, возле каменной стены.

Наружная стена была каменной. Противоположная, та, к которой были привинчены писсуары, — кирпичной. Но материалом для внутренней стены, той, вдоль которой располагались кабинки, послужило что-то вроде штукатурки. Возле нее-то Табби остановился и усмехнулся.

В этой стене имелась дыра. Высотой около трех футов, она начиналась в шести или восьми дюймах от холодного каменного пола (интересно, разве под каменным полом может быть еще один подвал?). Табби сразу же заметил кучку свежей пыли от

штукатурки и сгнившую сетку, торчавшую из стены, словно обнаженные ребра.

Выходит, после того, как он ушел отсюда утром, кто-то продолжил работу. Отлично. Дело почти сделано, и ему остается только завершить начатое.

Табби наклонился и заглянул в дыру. Там было достаточно широко, чтобы просунуть руку, что он тут же и сделал. И сразу же наткнулся на другую стену — не то каменную, не то кирпичную, примерно в паре футов от первой. Слева и справа было пустое пространство. Странно... Зачем понадобилось сооружать еще одну стену, если старая стоит на месте?

Табби пожал плечами, вытащил руку и стал колотить по стене. Грохот поднялся адский, штукатурка посыпалась, сетка затряслась, куски стены и пыль полетели в разные стороны, но Табби не сомневался, что его никто не слышит. Стены в этой дурацкой школе были толще, чем в крепости.

Правда, Ван Сайк вечно шнырял в этом подвале, будто тут и жил... «А может, он и вправду живет здесь? — подумал Табби. — Ведь никому не известно, где на самом деле его дом». Но этого странного сторожа с грязными лапами и желтыми зубами никто из ребят не видел вот уже несколько дней, да он и не обратит внимания, если кто из мальчиков («Малчиков», — мысленно усмехнулся Табби) станет стучать по стене в туалете. Какое ему, Ван Сайку, дело? Через день или два эту развалину заколотят досками, а потом и вовсе снесут. Так что Ван Сайку уже все здесь до лампочки.

Табби работал с упорством, которое ему редко доводилось проявлять за все пять лет страданий, начавшихся еще в детском саду и продолжившихся здесь, в этой дерьмовой школе, где на него с первых дней прилепили клеймо «замедленное развитие». Пять лет «проблемного ребенка» заставляли сидеть под самым носом у этих старых кошелок — миссис Гроссейнт, миссис Хоу и миссис Фэррис, причем его парту специально ставили вплотную к учительскому столу, чтобы постоянно «держат под наблюдением», и мальчику приходилось дышать их старческими запахами, слушать их старческие голоса и выполнять их старческие правила...

Табби еще раз стукнул в стену. На этот раз она довольно-таки легко поддалась, штукатурка треснула, кусок ее рухнул прямо на

кеды — и перед Табби возникла большая дыра. Здоровая яма! Настоящая чертова пещера!

Для четвероклассника Табби был весьма крупным и упитанным парнем, но в эту дыру мог свободно пройти даже он. *Мог пройти!* От стены отвалился целый шмат, и дыра теперь была похожа на люк подводной лодки или еще что-то такое. Табби оглянулся по сторонам, сунул левую руку и плечо в отверстие, и лицо его расплылось в широкой ухмылке. Он шагнул внутрь левой ногой. Ого! Да тут прямо тайный лаз!

Табби пригнулся, протиснул в дыру тело, потом втянул туда же и правую ногу — теперь только голова и одно плечо торчали снаружи. Он согнулся еще сильнее и даже чуть слышно крикнул, пятясь в холодный мрак.

«Корди или Старик прямо обделались бы, случись им увидеть меня здесь!» — мелькнуло у Табби в голове. Хотя, конечно, с чего бы Корди оказаться в мужском туалете? Или есть с чего? Табби было прекрасно известно, что его сестра довольно странная штучка. Пару лет назад, когда она сама была в четвертом классе, Корди, не пожалев на это целого утра, выследила Чака Сперлинга, лихого бейсболиста команды «малой лиги», звезду легкой атлетики и вообще первого задавалу, у речки Спун, где он в одиночестве рыбачил, навалилась на него, сбила с ног, уселась ему на живот и, пригрозив разбить ему камнем голову, заставила парня кое-что показать.

По словам Корди, тот, плача и сплевывая кровь, показал. Табби был уверен, что Корди никому, кроме него, об этом не рассказывала, а Сперлинг и подавно постарается держать происшествие в тайне.

Табби откинулся назад, насколько позволяло его убежище, отряхнул волосы от штукатурки и хихикнул в темноте, представив, как выпрыгнет из дыры в тускло освещенный туалет и до усёру напугает того, кто первым зайдет отлить.

Прошло минуты две-три, но никто не появлялся. Табби терпеливо ждал. В какой-то момент подвальный коридор огласился топотом и криками, но шум быстро смолк, а к двери с надписью «Для малчиков» не приблизилась ни одна живая душа. Даже шагов поблизости не было слышно. Единственными посторонними звуками были бульканье воды в писсуарах и гул в трубах, будто школа разговаривала сама с собой.

«Да здесь прямо какой-то потайной лаз!» — снова подумал Табби, повернув голову влево и всматриваясь в черноту, царившую в проходе между двумя стенами. Тут было совершенно темно и пахло точно как под передним крыльцом дома, где он часто прятался от матери с отцом и играл, когда был маленьким. Тот же затхлый, удушливый, гнилой запах.

И как раз когда Табби устал сидеть в скрюченном положении и мышцы стало сводить судорогой, он увидел свет в дальнем конце прохода — примерно там, где заканчивалась стена туалета и, наверное, начиналась наружная... Может, чуть дальше. Это был даже не совсем свет, а скорее слабое мерцание. Примерно такое же чуть зеленоватое свечение источали грибы-гнилушки — Табби видел их в лесу, когда вместе со Стариком охотился на енотов.

Табби почувствовал, как по шее побежали мурашки. Он начал было выбираться из дыры, но быстро сообразил, в чем дело, и ухмыльнулся. В обшивке стены соседнего туалета «Для девочек» (тут все было написано без ошибок) образовалась какая-то щель или дыра — вот через нее и проходит свет. Другого объяснения быть не может.

Если повезет, он увидит, как девчонки отливают. Может быть, это будет даже Мишель Стеффни, или Дарлин Хансен, или еще кто-нибудь из этих задавал-сучек из шестого класса. Интересно посмотреть, как они сидят со спущенными до колен трусами, открыв на всеобщее обозрение свои прелести.

Табби почувствовал, как подпрыгнуло в груди сердце, а кровь быстрее побежала по жилам, и начал потихоньку пробираться по проходу в ту сторону, где виднелось слабое сияние, все дальше и дальше от дыры. Там было очень тесно.

Пыхтя, смахивая с глаз паутину и пыль, вдыхая спертый, пахнущий влажной землей воздух, Табби с трудом продвигался вдоль узкого лаза к призрачному мерцанию, медленно, но неуклонно удаляясь от света.

Дейл и остальные школьники выстроились в линейку и уже приготовились было получить табели и обрести наконец свободу, когда раздался ужасный вопль. Сначала он показался таким оглушающе громким, что Дейл принял его за странный, пронзительный гром, раздавшийся с по-прежнему темнеющего за окнами неба. Но звук был слишком высоким, дрожащим и для грома

продолжался слишком долго. Хотя и человеческого в этом вопле ничего не было.

В первую минуту все решили, что вопль донесся откуда-то сверху — может быть, с лестниц погруженного во мрак третьего этажа, но через несколько мгновений звук шел уже буквально со всех сторон, эхом отражаясь от стен, лестничных маршей, даже от труб и металлических радиаторов. Он все нарастал и нарастал. Прошлой осенью Дейл и его брат Лоренс гостили на ферме дяди Генри и тети Лины и видели, как режут свинью. Когда свинье, подвешенной вверх ногами над оловянным корытом для сбора крови, полоснули ножом по горлу, она вдруг завизжала. Звуки, которые Дейл услышал минуту назад, были очень похожи на тот визг — будто кто-то царапает ногтем стекло. А потом послышался хриплый, низкий, почти звериный вой, который перешел в захлебывающиеся всхлипы — и вдруг оборвался... Затем все началось сызнова... И опять...

Миссис Даббет, протягивавшая в тот момент табель возглавлявшему строй Джо Аллену, на миг замерла, а потом резко повернулась и устояла на дверь. Даже после того, как все стихло, она еще целую минуту не меняла позы и не отводила взгляда, как будто ожидая, что в дверном проеме вот-вот появится виновник столь кошмарного шума. Дейлу показалось, что лицо миссис Даббет выражало странную смесь ужаса и ожидания... нет, скорее даже предвкушения чего-то.

Темный силуэт мелькнул в проеме двери, и ученики, все еще построенные по алфавиту, одновременно затаили дыхание.

Но это оказался мистер Рун, директор школы, — его темный, в едва заметную полоску костюм и черные прилизанные волосы сливались с темнотой коридора за спиной, и казалось, что худое, вечно недовольное лицо парит в воздухе само по себе. «Ну чисто новорожденный крысенок!» — в который уже раз удивился Дейл, взглянув на розовую кожу директора.

Мистер Рун прочистил горло и кивнул Двойной Заднице, которая так и продолжала стоять как каменная, все еще протягивая табель Джо Аллену. Глаза ее были широко раскрыты, а лицо невероятно побледнело, отчего румяна на щеках казались полосками, проведенными цветными мелками на пергаменте.

Мистер Рун бросил взгляд на часы.

— Уже... э... три пятнадцать. Класс готов? Мы можем отпустить детей на каникулы? — спросил он, заикаясь.

Миссис Даббет кивнула. Пальцы ее правой руки судорожно сжимали конверт с табелем, и Дейл ожидал, что вот-вот услышит хруст костей.

— А... ну да... — пробормотал мистер Рун, по очереди обводя взглядом лица всех двадцати семи учеников, словно те были правонарушителями, без позволения вторгшимися в его владения.

— Ну, мальчики и девочки, думаю, мне следует объяснить вам причину... э-э-э... шума, который вы только что слышали... Мистер Ван Сайк сказал мне, что это всего лишь... что это гудел бойлер... В котельной проводится проверка оборудования...

Джим Харлен оглянулся, и Дейл испугался было, что тот опять состроит рожу. А для Дейла это стало бы истинной катастрофой, потому что в таком напряженном состоянии он просто не выдержал бы и непременно разразился истерическим хохотом. А ему отчаянно не хотелось оставаться тут после уроков. Но Харлен лишь в недоумении широко распахнул глаза, и выражение лица его было скорее недоверчивым, чем веселым. А потом он быстро отвернулся и вновь принялся с преувеличенным вниманием слушать директора.

— В любом случае я хочу воспользоваться возможностью и пожелать вам приятных летних каникул, — продолжал мистер Рун. — Прошу вас также всегда помнить о том, что вы имели честь учиться в Старой центральной школе, хотя и не завершили здесь свое образование. Пока трудно с уверенностью предсказать дальнейшую судьбу столь замечательного здания, но мы надеемся, что школьный совет округа проявит мудрость и сохранит его для будущих поколений учеников.

Дейл взглянул в конец строя. Стоявшая там Корди Кук все с тем же равнодушным видом смотрела через плечо в окно и время от времени почесывала нос.

Мистер Рун, казалось, ничего не замечал. Он еще раз откашлялся, как бы намереваясь продолжить речь, но, снова покосившись на часы, передумал и повернулся к учительнице:

— Что ж, хорошо. Миссис Даббет, будьте так добры, раздайте ученикам их табели.

Коротышка кивнул, направился к двери и растаял в сумраке коридора.

Двойная Задница моргнула, словно осознав вдруг, где находится, и наконец-то вручила табель Джо Аллену. Тот, даже не взглянув в него, поспешил к выходу.

Остальные классы уже спускались по лестнице. Дейл обращал внимание, что в фильмах про школу ученики, чуть только их отпустят домой или прозвенит звонок на перемену, всегда несутся как угорелые. Однако его собственный опыт обучения в Старой центральной говорил о другом: все и всегда здесь чинно шествуют строем. И в этом смысле последние секунды последних минут последнего дня не были исключением.

Шестиклассники один за другим проходили мимо миссис Даббет. Дейл, как и все, получил свой табель в коричневом конверте, поморщился от ударившего в нос смешанного запаха тальковой присыпки и пота и поспешно отошел в сторону. Наконец получила свой табель Паулина Зауэр¹, и ученики выстроились возле двери — теперь уже не в алфавитном порядке. Те, кого ожидал школьный автобус, — впереди, городские — за ними. Миссис Даббет встала перед строем, будто собираясь высказать какие-то пожелания или дать последние наставления, но, помедлив немного, лишь молча махнула рукой, жестом приказывая следовать за пятым классом.

Первым пошел Джо Аллен.

Снаружи Дейл вдохнул влажный воздух и от ощущения неожиданной свободы готов был пуститься в пляс. Огромное здание школы молчаливой стеной возвышалось позади него, а вокруг царила праздничная суета: на игровых площадках и спортивных полях мельтешили школьники, кто-то забирал со стоянки велосипед, кто-то мчался к школьным автобусам, водители которых уже завели моторы и кричали, чтобы ребята поторопились. Дейл помахал на прощание Дуэйн Макбрайду, поспешно садившемуся в автобус, и бросил взгляд на третьеклашек, суетившихся, словно перепелки, возле велосипедной стоянки. Брат Дейла Лоренс, оставив своих приятелей, вприпрыжку побежал ему навстречу, сверкая белозубой улыбкой и толстыми стеклами очков и размахивая пустым холщовым ранцем.

— Свобода! — воскликнул Дейл и подхватил Лоренса на руки.

Сбоку подошли Майк О'Рурк, Кевин Грумбахер и Джим Харлен.

— Господи Иисусе! — сразу же начал Кевин. — Вы слышали этот жуткий крик? Кто-то жутко заорал, как раз когда миссис Шривс построила нас.

¹ В оригинале: Zaueг. Z — последняя буква латинского алфавита.

По ровно подстриженной траве бейсбольного поля вся компания двинулась к выходу с территории школы.

— Как вы думаете, что это было? — спросил Лоренс.

Майк усмехнулся:

— Думаю, это Старая центральная поймала и захватила в плен одного из третьеклашек.

Он провел костяшками пальцев по ежику волос Лоренса.

Лоренс рассмеялся и отпрыгнул в сторону.

— Нет, ну правда — что?

Джим Харлен нагнулся, выставив зад в сторону школы.

— А я думаю, что это Двойная Задница испортила воздух, — провозгласил он и издал соответствующий звук.

— Эй, поосторожней, Харлен! — предостерегающе крикнул Дейл и ткнул товарища кулаком в бок, кивком указывая на младшего братишку.

А Лоренс уже катался по траве, держась за живот от смеха, в полном восторге от грубоватой шутки.

Взревели моторы — и автобусы тронулись с места, выезжая с быстро пустевшего школьного двора и сворачивая на разные улицы.

Те, кто пошел домой пешком, поспешили укрыться от надвигающегося дождя под защитой высоких вязов.

Дейл помедлил у кромки поля, заканчивавшегося как раз напротив их дома, и оглянулся на темные облака, клубившиеся над Старой школой. Воздух дрожал от зноя и избытка влаги, как бывает перед грозой, но Дейл был почти уверен, что буря пройдет стороной. В южной стороне над деревьями уже светлела полоса голубого неба. Деревья вокруг словно ожили и наполнили воздух запахом сочной листвы. Ребята дышали всей грудью, с наслаждением впитывая аромат свежескошенной травы и летних цветов, принесенный налетевшим ветерком.

— Смотрите-ка, — проговорил вдруг Дейл, показывая на оставшийся позади школьный двор.

— Это кто? Корди Кук? — спросил Майк.

— Ага.

Около северных дверей школы виднелась одинокая невысокая фигурка. Корди стояла, сложив на груди руки и нетерпеливо притопывая, и в своем слишком просторном платье, которое только что не волочилось по земле, выглядела еще глупее, чем

обычно. Двое из самых младших Куков, мальчишки-двойняшки, одетые в не по росту большие комбинезоны, крутились неподалеку. Для них прошедший учебный год был первым и последним в Старой школе.

Куки жили за пределами города, и им полагалось ездить на автобусе, но ни один водитель не соглашался гонять машину к элеватору и в район свалки. Поэтому Корди и трем ее братьям приходилось топать домой по шпалам железной дороги.

Обернувшись в сторону двери, Корди громко крикнула что-то, но Дейл не смог разобрать ни слова.

Зато он увидел, как на пороге возник мистер Рун и взмахом розовой ладонки велел Корди убираться прочь. Белые блики, игравшие на стеклах высоких окон, на самом деле, возможно, были лицами учителей, привлеченных шумом. В темном дверном проеме позади директора проплыла бледная физиономия Ван Сайка.

Мистер Рун сказал что-то Корди, а потом повернулся к ней спиной и закрыл за собой дверь. А Корди вдруг наклонилась, схватила камень, размахнулась и швырнула его в здание. Камень с громким стуком ударился о дверь.

— Ничего себе, — выдохнул Кевин.

Дверь снова распахнулась, и оттуда выскочил Ван Сайк, но Корди, схватив за руки обоих малышей, уже бежала по гравийной аллее в сторону Депо-стрит. Для девочки с такой комплекцией она двигалась удивительно быстро. На пересечении с Третьей авеню один из братьев споткнулся, но Корди успела схватить его за руку и держала на весу, пока он вновь не обрел равновесия. Ван Сайк добежал до границы школьного участка и остановился, хватая растопыренными пальцами воздух.

— Ничего себе, — повторил Кевин.

— Пошли отсюда, — предложил Дейл. — Мама обещала после школы напоить нас всех лимонадом.

С радостными возгласами ватага мальчишек выбежала со школьного двора. Они вприпрыжку промчались под вязами, в два прыжка пересекли асфальтированную Депо-стрит и понеслись навстречу свободе и лету.

Глава 3

Не так уж много событий в жизни человеческого существа — по крайней мере, человеческого существа мужского пола — бывают столь роскошными, бесценными, наполненными предвкушением вожаемой свободы и счастливого будущего, как первый день лета для одиннадцатилетнего мальчишки. Грядущее лето можно уподобить роскошному пиру, а времени впереди так много и тянуться оно будет так медленно, что каждый день покажется нескончаемо долгим и позволит смаковать каждое блюдо этого пира.

Проснувшись утром, первым восхитительным утром лета, Дейл Стюарт немножко полежал в полудреме, радуясь необыкновенным переменам, произошедшим в его жизни, хотя полностью осознать, в чем именно состоят эти перемены, он смог лишь несколько минут спустя: будильник не звонит, ни его, ни Лоренса не зовет снизу мама, серый холодный туман не липнет к окнам, а в восемь тридцать утра их не ждет еще более серая и холодная школа и громкий хор сердитых голосов не командует, указывая, какую страницу в учебнике следует открыть и какие именно мысли должны появиться в голове по тому или иному поводу. Нет, это утро было наполнено пением птиц, ароматным теплым воздухом лета, плывущим в затянутые сеткой окна, жужжанием газонокосилки трудолюбивого старика, живущего неподалеку, и уже ощутимым благодатным теплом солнечных лучей, проникших даже сквозь шторы и благословенно протянувшихся поперек кроватей обоих братьев, — как будто мрачная завеса школьного года наконец поднялась и позволила миру вернуть все присущие ему краски.

Дейл перекатился на бок и увидел, что брат уже проснулся и смотрит на него поверх головы своего любимого плюшевого мишки с черными глазами-бусинами. Лоренс широко улыбнулся, оба живо вскочили, посбрасывали прямо на пол пижамы, разом прыгнули в джинсы и футболки, поджидавшие их на стуле, натянули белые носки и не совсем белые кеды, выскочили из комнаты, скатились по лестнице в кухню, торопливо проглотили завтрак, посмеялись с мамой над всякими глупостями — и долой из дому... А там с ходу оседлали велосипеды и помчались вниз по улице — все дальше, дальше и дальше... прямо в объятия лета.

Три часа спустя братья уже сидели вместе с друзьями в курятнике Майка О'Рурка, разместившись на продавленном диване без ножек, расшатанных стульях с драной обивкой, а то и прямо на полу их неофициального клуба. Все были в сборе: Майк, Кевин, Джим Харлен... Даже Дуэйн Макбрайд приехал со своей отдаленной фермы и прямым ходом отправился сюда, чтобы поболтать с друзьями, пока его отец отоваривался в одном из магазинов.

Ребята пребывали в некоторой растерянности, потому что казалось положительно невозможным сделать наконец выбор среди целого сонма предоставлявшихся им возможностей.

— Можно двинуть на Каменный ручей или на пруд Хартли, — предложил Кевин. — Поплаваем.

— Да ну-у, — протянул Майк.

Он развалился поперек дивана, закинув ноги на спинку, а голова его при этом покоилась на бейсбольной рукавице, валявшейся на полу. В данную минуту Майк был чрезвычайно занят: вооружившись длинной резинкой, он стрелял по ползающей по потолку долгоножке, однако изо всех сил старался в нее не попасть. Насекомое в легкой панике металось туда-сюда, но, как только ему удавалось приблизиться к спасительной щели или узкой трещине, Майк открывал огонь и отгонял несчастное создание прочь от вожаемого убежища.

— Я не хочу плавать, — заявил он. — После вчерашнего ливня везде наверняка полно водяных змей.

Дейл и Лоренс обменялись понимающими взглядами. Страх Майка перед водяными змеями был им хорошо известен, но, кроме этих тварей, он не боялся никого и ничего.

— Может, покидаем мяч? — предложил Кевин.

— Не-а, — протянул Джим Харлен. Развалившись в допотопном кресле, он увлеченно читал комикс. — Я не захватил с собой перчатку и не собираюсь тащиться за ней домой.

В то время как остальные мальчишки, за исключением, понятно, Дуэйна, жили поблизости друг от друга, семья Джима Харлена обосновалась в конце Депо-стрит, около железнодорожных путей, что вели на свалку и к тем хибарам, в одной из которых обитали Куки. Дом у Харленов был что надо. Старинная постройка, выкрашенная в белый цвет, когда-то считалась домом фермера, но уже много десятилетий тому назад территория, на которой она располагалась, вошла в городскую черту. Только вот многие из соседей Джима были довольно странными людьми. Например, всего за два дома от Харленов жил Джей-Пи Конгден, чокнутый мировой судья. А его сыночек Си-Джей был самым отъявленным хулиганом в городе. Мальчишки не любили играть у Джима и вообще предпочитали по возможности обходить этот район стороной, а потому прекрасно понимали нежелание своего товарища возвращаться домой за перчаткой.

— Поехали тогда в лес, — предложил Дейл. — Может, прогуляемся по Цыганской дороге?

Мальчишки неохотно зашевелились. Никаких очевидных причин отвергать последнюю идею не было, но ленивое оцепенение держало их мертвой хваткой. Майк щелкнул резинкой — и несчастная долгоножка стремительно метнулась в сторону.

— Это слишком далеко, — сказал Кевин. — Мне нужно быть дома к обеду.

Остальные, улыбаясь, переглянулись, но дружно промолчали. Всем был прекрасно знаком голосок миссис Грумбахер — им часто приходилось слышать, как та, распахнув дверь, громко кричала на всю улицу: «Ке-е-ви-и-и-и-ин!» И так же часто приходилось видеть, как приятель в панике бросал любое занятие, мгновенно срывался с места и стремглав мчался к своему белоснежному ранчо, стоявшему на пологом склоне невысокого холма по соседству с много более старым домом Дейла и Лоренса.

— А чем хотел бы заняться ты, Дуэйн? — поинтересовался Майк.

О'Рурк был прирожденным лидером и никогда не принимал решения, не узнав предварительно мнения каждого члена команды.

Рослого фермерского сына с вечно всклоченной шевелюрой и безмятежным взглядом, круглый год одетого в мешковатые вельветовые штаны и к тому же постоянно что-то жующего, причем даже не резинку, можно было принять за слабоумного. Но Дейлу было прекрасно известно, насколько обманчив этот вид. И не только ему. Все мальчишки знали, что на самом деле Дуэйн Макбрайд необыкновенно умен — настолько, что ход его мыслей оставался для остальных неразрешимой загадкой. В школе Дуэйну не было нужды в полной мере демонстрировать свои умственные способности — он и без того заставлял учителей терзаться муками ущемленного самолюбия, когда они выслушивали его крайне скупые, но абсолютно правильные ответы, а то и просто растерянно чесать в затылке, не зная, как реагировать на реплики и замечания дерзкого ученика, произнесенные столь ироничным тоном, что их следовало бы расценить как грубую насмешку. Дуэйна школа не интересовала. Его заботили вещи, о которых его друзья и не помышляли.

Дуэйн прекратил жевать и мотнул головой в сторону старого напольного радиоприемника фирмы «RCA Victor»¹, стоявшего в углу.

— Пожалуй, я бы лучше послушал радио, — буркнул он, и, сделав три косолапых шага, неловко уселся на корточки перед древним аппаратом, и принялся крутить ручку настройки.

Дейл заинтересованно глянул в ту сторону. Огромный, почти четыре фута высотой, приемник был совершенно допотопным. Особенное впечатление производила старомодная шкала настройки, вверху которой сохранилось слово «Национальное», а далее шел список городов: Мехико — на частоте 49 МГц, Гонконг, Лондон, Мадрид, Рио и несколько других — на частоте 40 МГц, против обозначения 31 МГц упоминались Берлин, Токио и Питсбург, далекий и загадочный Париж стоял отдельно — на частоте 19 МГц.

Но внутри корпуса ничего не было. Ни одной детали. Приемник давно не работал.

¹ RCA (Radio Corporation of America) — Американская радиокорпорация; торговая марка грампластинок, проигрывателей и т. д. «RCA Victor» — крупнейший концерн грамзаписи. Всемирно известная фирма JVC родилась в 1927 г. как дочерняя фирма компании «Victor Talking Machine Co», переименованной впоследствии в «RCA Victor».

Дуэйн наклонился поближе и принялся крутить ручку. Он пригнул голову и внимательно прислушивался, будто стараясь уловить хоть какой-нибудь, пусть даже самый слабый, звук.

Первым ухватил идею Джим Харлен. Он проскользнул в угол, подтянул к себе корпус приемника и спрятался за ним.

— Попробую-ка я местные станции, — задумчиво сказал Дуэйн, медленно передвигая указатель станций между надписями «Интернациональные» и «Специальные службы». — Ага, вот Чикаго, — пробормотал он будто про себя.

Изнутри послышалось легкое пощелкивание, как будто нагрелись лампы, затем раздался шум помех в эфире. Дуэйн продолжал крутить ручку настройки. Донесшееся из приемника приглушенное бормотание баритона внезапно оборвалось, будто диктора прервали на середине фразы, его сменил рев рок-н-ролла, через несколько мгновений вновь наступила тишина, а после недолгого безмолвия сквозь треск и шипение помех в эфире прорвались чьи-то далекие голоса и на их фоне отчетливо зазвучал голос комментатора, ведущего репортаж с бейсбольного матча с участием «Чикаго уайт сокс»:

— Вот игрок отходит назад! Еще назад! Он направляется к правой стене «Комиски-парк»!¹ Прыгает за мячом! Он уже на стене! Он...

— А-а, тут ничего интересного, — снова пробормотал Дуэйн. — Та-та-ти-та-та... Вот. Попробуем лучше Берлин.

— *Ach du lieber der fershtugginer ball ist op und outta hier!* — донесся голос Харлена, мгновенно сменившего необыкновенно протяжный чикагский говорок на тевтонскую манеру произношения, отрывистую, резкую. — *Der Fürher ist nicht gehappy. Nein! Nein! Er ist gerflugt und vertunken und der veilige pisstoffen!*²

— И здесь тоже ничего путного, — пробормотал Дуэйн. — Попробуем Париж.

Но вибрации и грассирование французской речи из угла курятника потерялись в хихиканье и хохоте мальчишек.

Очередной выстрел Майка О'Рурка оказался неточным, и долгоножка наконец скрылась в щели.

¹ Бейсбольный стадион в чикагском районе Бриджпорт, тренировочная база команды «Чикаго уайт сокс». Открыт в 1991 г. недалеко от первого стадиона с таким же названием, который был построен в 1910 г. и снесен в 1991-м.

² Искаженная имитация немецких слов, не поддающаяся переводу.

Дейл решил принять участие в представлении и пополз на четвереньках к радиоприемнику. Лоренс в восторге катался по полу.

Майк носком тапочки осторожно тыкал под ребра Кевина, а тот стоял с невозмутимым видом, скрестив на груди руки и скорбно поджав губы.

Чары были разрушены. Теперь мальчики могли делать все, что угодно.

Несколькими часами позже, после ужина, с наступлением долгих, упоительно приятных летних сумерек, Дейл, Лоренс, Кевин и Харлен подъехали на велосипедах к стоянке на углу возле дома Майка.

— Ку-ка-ре-ку! — подал условный сигнал Лоренс.

— Ре-ку-ку-ка! — послышался ответный возглас из тени под вязами, и Майк выехал им навстречу, утопая шиной заднего колеса в рыхлом гравии и почти сразу разворачиваясь в ту сторону, куда смотрели все остальные.

Это и был Велосипедный патруль, который ребята придумали два года назад, когда самый старший из них был в четвертом классе, а самый младший еще верил в Санта-Клауса. Теперь они уже не называли себя патрулем, потому что поняли значение этого слова и были уже слишком большими, чтобы притворяться, будто действительно охраняют Элм-Хейвен, помогая людям справиться с трудностями и защищая невинных от злодеев. Однако они по-прежнему считали Велосипедный патруль стоящим делом. Стоящим, несмотря ни на что. Хотя давно уже молчаливо смирились с суровой реальностью настоящего момента и уже не проводили ночь сочельника без сна, с пересохшим от волнения ртом и укаченно бьющимся сердцем.

На тихой улице они чуть помедлили. Первая авеню сразу за домом Майка плавно переходила в сельскую дорогу, которая вела на север, к водонапорной башне, находившейся примерно в четверти мили от города, затем сворачивала на восток и постепенно исчезала, растворяясь в вечерней мгле, окутавшей поля до самого горизонта, где уже утонули в сумерках леса Цыганская дорога и бар «Под черным деревом».

Словно отполированное невидимой рукой, небо приобрело жемчужный оттенок и постепенно меркло, как это бывает в час

между заходом солнца и наступлением полной темноты. Зерновые в полях еще не доросли даже до колен одиннадцатилетнего мальчишки. Дейл оглядывал поля, которые протянулись на восток до невидимого отсюда леса, встающего на горизонте, и пытался представить себе Пеорию, находившуюся где-то там, вдали, за тридцатью восемью милями чащоб, холмов и равнин, — сияющий тысячами огоньков городок в небольшой речной долине. Но ни единый отблеск не озарял быстро темнеющего горизонта, и было совершенно невозможно вообразить, что там действительно стоит целый город. Не ощущалось ни малейшего ветерка, однако Дейл явственно слышал тихое перешептывание колосьев и шуршание стеблей, тянущихся вверх. Кто знает... Возможно, еще немного — и они поднимутся сплошной стеной, окружают Элм-Хейвен и полностью отгородят его от остального мира.

— Поехали, — тихо сказал Майк.

Он привстал на педалях, пригнулся к рулю и рванул вперед, взметнув за собой тучу пыли.

Дейл, Лоренс, Кевин и Харлен помчались за ним.

В тихом сером сумраке они двинулись вдоль Первой авеню на юг, то минуя густую тень вязов, то внезапно оказываясь на более светлых участках. Слева расстилались поля, темные силуэты домов возвышались справа. Вскоре они оказались на Скул-стрит, и очертания дома Донны Лу Перри смутно замаячили на западной стороне улицы. Проехав вдоль длинной череды вязов и дубов на Черч-стрит, они по привычке чуть притормозили, прежде чем вывернуть на Хард-роуд, шоссе номер 151А, — главную улицу с двумя полосами движения. В этот час она была пустынна, от нагретшейся за день мостовой по-прежнему исходило тепло.

Бешено крутя педали, они быстро миновали первый квартал, в самом конце которого пришлось свернуть на боковую дорожку, чтобы уступить дорогу старому «бьюику», с ревом промчавшему мимо. Теперь они ехали на запад, прямо к едва заметному, угасающему свечению неба, слабо озарявшему фасады домов на Мейн-стрит. Со стоянки перед пивной «У Карла» вырулил пикап и запетлял по Хард-роуд навстречу им. Дейл сразу узнал водителя, сидевшего за рулем старого грузовичка производства «Дженерал моторс»: это был отец Дуэйна Макбрайда, по обыкновению пьяный.

— Фары! — разом выкрикнули все мальчики, поравнявшись с машиной.

Но водитель не услышал их, и пикап с погашенными фарами и задними огнями свернул на Первую авеню.

Велосипедисты соскочили с чуть возвышавшейся над мостовой боковой дорожки и по вновь опустевшей Хард-роуд припустили вперед. Миновали Вторую авеню, потом Третью, промчались мимо банка и магазина «А & Р»¹ по правую руку и мимо укрывшихся под сенью вязов паркового кафе и летней эстрады, безлюдных и темных в этот час, — по левую. Был вечер четверга, но все выглядело так, будто уже наступила суббота, разве что в парке не мелькали призывно разноцветные лампочки кинотеатра, в котором по субботам устраивали бесплатные сеансы. Пока не мелькали. Но субботний вечер не за горами.

Майк призывно крикнул и свернул на Бруд-авеню, тянувшуюся вдоль северной оконечности парка. Мальчики промчались мимо представительства фирмы, торговавшей тракторами, и нескольких скученно стоявших домишек. Уже стемнело по-настоящему. Вдоль Мейн-стрит вспыхнули дорожные фонари, освещая два центральных квартала города, а окаймленная высокими вязами Бруд-авеню стала походить на погруженный во мрак туннель.

— Айда на лестницу! — прокричал Майк.

— Нет! — завопил в ответ Кевин.

Так было всегда: Майк каждый раз предлагал это, а Кевин каждый раз отказывался.

Мальчики продолжали двигаться в южном направлении. Позади остался еще один квартал. В этой части города они бывали только во время своих вечерних патрульных поездок. Здесь формально заканчивалась Бруд-авеню. Дальнейший путь лежал по длинной, завершавшейся тупиком улице, застроенной новенькими домами, где жили Диггер Тейлор и Чак Сперлинг, и по частной подъездной дорожке, ведущей к особняку Эшли.

Изрезанная колеями дорожка уже заросла сорняками. Давно не стриженные ветви деревьев низко нависали над ней, разросшиеся по обе стороны кусты так и норовили сцапать зазевавшегося велосипедиста. Вокруг царил непроглядная тьма.

Дейл пригнул голову и налег на педали, чтобы не отставать от Майка. Лоренс, велосипед которого был меньше, чем у других,

¹ Возможно, имеется в виду один из продовольственных магазинов компании «А & Р» («Great Atlantic & Pacific Tea Co »)

тоже старался держаться рядом. Он пыхтел от напряжения, но, как всегда, не унывал. Харлен и Кевин давно уже остались позади и превратились в две тучки пыли, едва различимые во мраке.

Наконец ребята вырвались на открытое пространство перед развалинами старого дома. В последних отблесках света над зарослями ежевики возвышалась одинокая колонна, то тут, то там виднелись почерневшие от копоти камни фундамента.

Майк промчался полукругом дорожки, будто собирался взлететь по заросшей сорняками каменной лестнице и нырнуть в глубину разрушенного строения, однако вместо этого проехал дальше и соскочил на плоскую каменную плиту террасы.

Дейл не отставал от него и проделал то же самое. Лоренс вильнул в сторону, не сумев повторить трюк, но не повернул обратно. Кевин и Харлен проехали мимо в облаках пыли.

Колеса велосипедов проскальзывали по траве, заполонившей колеи дороги, иногда слышался треск ломавшихся сухих веток или скрип гравия. Мчась по широкой дуге, Дейл отметил про себя, что теперь, когда с наступлением лета заросли вокруг сделались густыми и почти не пропускали света, здесь стало совсем темно. Позади них высилась мрачная бесформенная громада особняка Эшли — окутанная тайной груда обгоревших балок, остатков деревянных стен и покореженных половых досок. Именно таким, как сейчас — загадочным и даже слегка зловещим, — особняк и нравился Дейлу. При дневном свете развалины выглядели совсем не так привлекательно: от них веяло печалью и заброшенностью.

Ребята вырвались из ночной черноты, и, подравнявшись, все пятеро покатали по Броуд-стрит — вниз по склону холма, мимо квартала новых застроек и эстрады парка. Они уже успели отдыхать и вновь быстро крутили педали. На пересечении с Хардроуд им встретился двигавшийся в западном направлении грузовик. Яркий свет его фар на мгновение выхватил из темноты Харлена и Кевина, и Дейл, оглянувшись, увидел, как Джим злорадно показывает шоферу средний палец.

Далекий звук гудка нарушил тишину позади, когда ребята уже ехали по темному асфальту Броуд-авеню; под арками вязов велосипеды скользили почти неслышно, от широких лужаек, раскинувшихся между дорогой и домами, доносился запах свежескошенной травы. Они проскочили мимо почты, мимо маленько-

го белого домика библиотеки и чуть большего, но такого же белого здания пресвитерианской церкви, которую посещали Дейл и Лоренс. Дальше к северу тянулся еще один длинный квартал высоких домов, где свет уличных фонарей и сверху и снизу застилали густая листва и где в старом доме миссис Даббет светилося одно окошко на втором этаже, а не менее старый дом миссис Дагган стоял погруженный во тьму.

Они выехали на Депо-стрит и неторопливо направились к остановке на перекрестке. Опустилась настоящая ночь. Над головами скользили в воздухе летучие мыши. Темный рисунок листвы отчетливо виднелся на фоне светлого неба. Прищурившись, Дейл сумел разглядеть на востоке первую звезду.

— До завтра, ребята, — попрощался Харлен и повернул на Депо-стрит, к дому.

Остальные притормозили, провожая приятеля взглядами. Вскоре он исчез из виду под кронами невысоких дубов и тополей, делавших улицу совершенно темной, а еще через несколько мгновений стихло и поскрипывание педалей его велосипеда.

— Поехали скорей, — прошептал Кевин, — а то мама разозлится.

Майк многозначительно подмигнул Дейлу.

Дейл каждой клеткой тела ощущал какую-то сказочную легкость и энергию, почти электрический заряд бодрости. Лето! Он довольно чувствительно ткнул брата в плечо.

— Полегче, — проворчал тот.

Майк привстал на педалях и порулил по Депо-стрит — в сторону, противоположную той, куда уехал Харлен. На этой улице не горело ни одного фонаря, и последние отблески вечернего неба начертили на мостовой едва заметный узор, то и дело пропадавший в пляске теней листвы.

Они молча миновали Старую школу и все как по команде одновременно повернули головы направо, чтобы взглянуть на темнеющий на фоне чуть более светлого неба силуэт здания, окруженного умирающими вязами.

Кевин попрощался первым, свернул влево и направился к дому. Его матери не было видно, но распахнутая входная дверь безошибочно свидетельствовала о том, что она уже выходила звать сына.

Когда темный пришкольный участок, занимавший целый квартал, остался позади, Майк притормозил у перекрестка Депострит и Второй авеню.

— До завтра? — спросил он.

— Ага, — сказал Дейл.

— Ага, — в тон ему повторил Лоренс.

Майк кивнул и умчался.

Дейл и Лоренс направили велосипеды к небольшой открытой веранде. Окно кухни светилось. Мать с раскрасневшимся от жара лицом что-то пекла.

Лоренс вдруг схватил брата за плечо:

— Слышишь?

С другой стороны улицы, из темноты, окружавшей Старую школу, донеслись свистящие звуки, похожие на шум голосов, что-то торопливо говоривших.

— Просто где-то там телевизор... — начал было Дейл, но его прервал грохот бьющегося стекла, а следом раздался короткий вскрик.

Мальчики постояли еще минуту, однако налетевший ветер и громкий шорох листьев огромного дуба заглушили все другие звуки.

— Пойдем, — сказал Дейл, все еще сжимая руку брата.

Они вошли в полосу света.

Глава 4

В парке Бандстенд у летней эстрады Дуэйн Макбрайд терпеливо ожидал, пока его Старик, сидевший в пивной «У Карла», напьется достаточно сильно, чтобы его оттуда выставили. Когда тот наконец, шатаясь, вышел, было уже половина девятого. Отец постоял у обочины, покачиваясь и проклиная Дома Стигла, владельца пивной (самого Карла здесь в глаза не видели с 1943 года), потом неуверенным шагом двинулся к своему пикапу и рухнул на сиденье. Выронив ключи зажигания на пол, он опять выругался и, продолжая честить всех и вся на чем свет стоит, все-таки отыскал их, выжал сцепление и завел двигатель. Дуэйн заторопился. Он знал, что в таком состоянии Старик вполне может забыть о существовании сына и уж тем более о том, что почти десять часов назад они вместе приехали в город. Приехали, чтобы «прикупить чего-нибудь в лавке».

— Дьюни? — Старик прищурился. — Какого дьявола ты тут делаешь?

Дуэйн промолчал, давая отцу время поразмыслить.

— Ах да, — наконец вспомнил тот. — Ты повидал своих приятелей?

— Да, отец.

С Дейлом и остальными приятелями Дуэйн расстался уже довольно поздно, вечером, когда те отправились на бейсбольное поле городского стадиона, чтобы поиграть там с другими ребятами. Тогда он еще надеялся, что Старик сумеет вовремя остановиться.

— Прыгай сюда, парень.

Отец выговаривал слова с той особой тщательностью, которая, как и южный бостонский акцент, появлялась в его речи, лишь когда он пребывал в серьезном подпитии.

— Нет, спасибо, папа. Если не возражаешь, я лучше поеду сзади.

Старик пожал плечами, снова выжал сцепление и рванул с места. Дуэйн подпрыгивал в кузове рядом с купленными в то утро запчастями для трактора. Он сунул блокнот и карандаш в карман рубашки и съезжился на металлическом сиденье, поглядывая за борт и от всей души надеясь, что отец не угробит и этот новенький пикап, как угробил два предыдущих.

Дуэйн увидел Дейла и остальных ребят, когда те в сумерках мчались на велосипедах по Мейн-стрит, и поспешно прилег на сиденье, надеясь, что они не видели эту машину раньше. А отец тем временем, сидя за рулем, выписывал кренделя. Когда пикап поравнялся с велосипедистами, до мальчика донесся крик: «Фары!» — но Старик либо не услышал его, либо просто проигнорировал. Пикап лихо свернул на Первую авеню, и Дуэйн выпрямился как раз в тот момент, когда они проезжали мимо старого кирпичного здания на восточной стороне улицы. Городские ребята называли его «Дом рабов», хотя никто толком не знал, откуда пришло такое название.

А вот Дуэйн знал. Этот дом принадлежал когда-то старому Томпсону, и в пятидесятых годах прошлого века здесь был перевалочный пункт «подпольной железной дороги»¹.

Дуэйн заинтересовался маршрутом беглых негров еще в третьем классе и даже просмотрел все материалы на эту тему, имевшиеся в городской библиотеке Оук-Хилла. Кроме томпсоновского, в округе Кревкер существовали еще два перевалочных пункта «подпольной железной дороги». Один из них — старый каркасный фермерский дом, стоявший неподалеку от Пеории, в долине реки Спун. Когда-то он принадлежал семейству квакеров, но еще перед Второй мировой войной сгорел дотла. Другой дом принадлежал семье мальчика, с которым Дуэйн учился как раз в том самом третьем классе. И однажды в субботу он приехал туда на велосипеде — восемь с половиной миль в один конец, — просто чтобы своими глазами увидеть историческое место. Дуэйн даже удалось обнаружить и показать хозяевам дома потайную

¹ «Подпольной железной дорогой» называлась существовавшая в XIX в. система переброски беглых негров-рабов из южных штатов через северные в Канаду.

комнату — она по-прежнему находилась за чуланом под лестницей. Опасаясь гнева отца, Дуэйн мчался обратно словно ветер. К счастью, Старик в тот день не напился и порки удалось избежать.

Пикап с ревом пронесся мимо дома Майка О'Рурка, мимо городского парка и свернул на восток, к водонапорной башне. Когда машина помчалась по гравийному шоссе, Дуэйн отвернулся, пригнулся ниже и поплотнее сжал веки, чтобы защитить глаза от летящих камешков и пыли, которая набивалась в волосы, скрипела на зубах, плотным слоем оседала на шее и под рубашкой.

Старик каким-то чудом удерживал пикап на дороге, хотя едва не проскочил поворот на окружное шоссе номер шесть. Он успел ударить по тормозам, машину занесло на крутом вираже, она накренилась, несколько раз подпрыгнула, но в конце концов выровнялась — и они оказались на запруженной машинами стоянке у бара «Под черным деревом».

— Я только на минуту, Дьюни. — Старик потрепал сына по руке. — Заскочу поздороваться со старыми друзьями. А потом мы тут же отправимся домой и займемся трактором.

— Хорошо, отец.

Дуэйн сполз пониже, оперся головой о перегородку кабины и достал из кармана потрепанный блокнот и карандаш. Было уже совсем темно, в кронах деревьев у бара просвечивали яркие звезды, но желтоватого света, льющегося из окон, было вполне достаточно, чтобы Дуэйн мог разобрать написанное.

Почти все страницы пропахшего потом, толстого, с донельзя грязной обложкой блокнота были заполнены убористым почерком Дуэйна. Еще без малого пятьдесят таких блокнотов лежали надежно припрятанными в его комнатке в подвале.

Еще в шесть лет Дуэйн Макбрайд понял, что хочет стать писателем. Чтение — а уже в четырехлетнем возрасте у него хватало терпения прочесть от начала до конца даже очень толстую книгу — открывало перед ним другой мир. Нет, это не было бегством: у Дуэйна редко возникало такое желание, ведь писатель должен хорошо знать действительность, чтобы правильно отобразить ее... Нет, это был просто другой мир — мир, наполненный мощными голосами и важными мыслями.

Дуэйн всегда любил своего Старика за то, что тот разделял его любовь к книгам. Мама умерла так рано, что мальчик почти не

помнил ее, и прошедшие годы были для него нелегкими. Ферма постепенно приходила в упадок, отец пил, иногда поколачивал сына и нередко оставлял в одиночестве. Но бывали и хорошие времена: периоды, когда Старик держал себя в руках, летние месяцы, когда тяжелой работы было немного, хотя и с этим не всегда удавалось вовремя справиться, долгие вечера, когда они болтали с дядей Артом — три холостяка, поджаривающие себе на ужин бекон на заднем дворе и рассуждающие обо всем, что творится под звездами. И о самих звездах.

Старика выставили из Гарварда, но он все-таки получил степень магистра технических наук в Иллинойском университете, после чего отправился хозяйничать на ферму своей матери. Дядя Арт был путешественником и поэтом: один год он плавал моряком на торговом судне, другой — учительствовал в частных школах Панама, Уругвая или Орландо. Даже когда мужчины крепко напивались, их разговоры были все-таки чертовски интересны для юного Дуэйна, третьего члена холостяцкого кружка, и он впитывал поступающую информацию с жадностью очень одаренного ребенка.

Никто из тех, кто имел отношение к школьному обучению в Элм-Хейвене или в округе Кревкер, не считал Дуэйна одаренным. В шестидесятых годах в этом захолустном уголке штата Иллинойс о существовании такого термина вообще не подозревали. Дуэйн был толстым. И странным. В докладных или на редких встречах с родителями учителя характеризовали его как невнимательного ученика с немотивированным поведением, к тому же лишенного надлежащего ухода. Однако ни о каких проблемах с дисциплиной речь не шла — так, мелкие проступки.

Дуэйн не умел, да и не старался подать себя в выгодном свете.

При встречах с кем-нибудь из учителей он с извиняющейся улыбкой торопливо отходил в сторону. Какие бы мысли и проекты ни занимали его, ему и в голову не приходило делиться ими с кем-нибудь. Школа не вызывала у Дуэйна отвращения и, в общем-то, не была в тягость, поскольку учиться ему нравилось. И все же... Школа отвлекала его от других занятий и от подготов- ки к тому, чтобы стать писателем.

Точнее можно было бы сказать, что единственная проблема состояла в этом, если бы... Если бы в Старой центральной не ощущалось нечто странное. Дуэйн и сам не мог понять, отчего в стенах школы его не покидает тревожное чувство. И причиной

были вовсе не дети, которые там учились. И даже не директор или учителя — косные тугодумы. Нет, тут было что-то другое.

Дуэйн прищурился в тусклом свете, раскрыл блокнот и перевернул несколько страниц, возвращаясь к той, где он описал последний день занятий в школе.

«Другие словно не замечают, какой странный в школе запах. Или замечают, но не говорят об этом. А это запах сырости и холода, приправленный слабо ощутимым гниlostным зловонием, похожий на тот, что ощущается в морозильных камерах, где хранится мясо. Такой же запах витал у нас на ферме, когда за южным прудом умерла телка и мы с отцом не могли отыскать ее целую неделю.

Свет в Старой центральной тоже очень странный — как в том заброшенном отеле в Дэвенпорте, который собирался купить отец, чтобы после заработать на нем целое состояние. Я ездил с ним туда и хорошо помню царивший там полумрак — такой же туманный, как воспоминания о былой славе, тусклый, словно всю его яркость поглотили тяжелые драпировки и лежащий повсюду толстый слой пыли. И запах там стоял похожий — затхлый запах безысходности и отчаяния. А еще мне запомнились блики света, падавшего из высоких окон на паркетный пол пустого бального зала того отеля, — совсем как отблески витражей над лестницами Старой центральной.

Нет. Скорее это ощущение... Дурного предзнаменования? Зла? Слишком мелодраматично. И там и там присутствует чувство странной осведомленности. А еще звуки скребущихся за стенами крыс. Интересно, почему никто больше не говорит о крысах в Старой школе? Ведь не может быть, чтобы уважаемых людей нашего округа не тревожило, что там кишмя кишат крысы, что они вылезают отовсюду, бегают по трубам в подвале, где находятся комнаты отдыха. Помню, когда я был во втором классе и спустился однажды туда...»

Дуэйн перевернул несколько страничек вперед — к последним записям, сделанным в то время, когда он ждал отца в парке.

«Дейл, Лоренс (ни в коем случае не Ларри), Майк, Кевин и Джим. Как их описать? Похожи друг на друга словно горошины в стручке.

Дейл, Лоренс, Майк, Кевин и Джим. (Почему все называют Джима „Харлен“? Кажется, даже его собственная мать. А уж она-то наверняка больше не Харлен. Взяла после развода свою старую фамилию. Кто еще разведен в Э.-Х.? Кого я знаю? Никого. Разве что дядюшка Арт... Но его первую жену я в глаза не видел, да и сам он, скорее всего, ее не помнит, потому что она была китаянкой и их брак продолжался только два дня. И случилось это за двадцать два года до моего рождения.)

Дейл, Лоренс, Майк, Кевин и Джим.

Как сравнить горошины в стручке?

Стрижки.

У Дейла прическа в классическом местном стиле — так называемый матросский ежик. Старый Фрайерс делает такую в своей шикарной парикмахерской. Столб с бело-красной спиралью у входа в его салон — знак гильдии. Похоже на стекающую кровь. Кто знает, может, в Средние века цирюльники были вампирами? Спереди волосы у Дейла чуть подлиннее и спускаются на лоб челкой. Дейл не обращает на прическу никакого внимания. (Только однажды, в третьем классе, когда мать коротко подстригла его и оголила все шрамы и следы от царапин на голове — настоящий архипелаг лысых пятен, — Дейл не снимал свою скаутскую кепку даже в классе.)

У Лоренса волосы короче, он укладывает их с помощью специального геля. Носит очки. Передние зубы резко выдаются вперед, отчего его костлявое лицо кажется еще более худым. Интересно, какие прически будут носить в будущем? Году так, например, в 1975-м? Уж наверняка не такие, как у актеров в фантастических фильмах. При этом они еще непременно одеты в блестящие костюмы и какие-то ермолки на голове. Может быть, длинные волосы? Как во времена Томаса Джефферсона? Или прилизанные и расчесанные на прямой пробор, как у моего Старика на старых гарвардских фотографиях? Одно можно сказать точно: когда-нибудь, глядя на наши сегодняшние фотографии, мы будем сами себе казаться чокнутыми гиками»¹.

Дуэйн помедлил, снял очки и принялся размышлять о происхождении слова «гик». Он прекрасно знал, что так называют артистов в цирке, которые откусывают головы несчастным цыпля-

¹ Гик — цирковой или балаганный актер, выполняющий зачастую омерзительные номера (например, откусывание головы у живой курицы).

там. Так ему рассказал дядя Арт, а в таких вопросах он разбирается. Но какова все-таки этимология этого слова?

Что же касается самого Дуэйна, то он стригся сам. Когда вспоминал об этом. На макушке и затылке волосы были очень длинные, много длиннее, чем обычно носили мальчики в 1960-м... А над ушами совсем короткие. Он их даже не расчесывал. Сейчас они на ощупь казались довольно грязными — дороги в Элм-Хейвене очень пыльные.

Дуэйн опять раскрыл блокнот.

«У Майка на голове тоже матросский ежик, — возможно, его стрижет мама или сестры, потому что денег на парикмахерскую у них нет. Но на О'Рурке такая прическа выглядит как-то лучше. Спереди волосы длинные, но не стоят торчком. И никакой челки. Никогда раньше не замечал, но у Майка ресницы как у девочки. И глаза у него странные — такие серо-голубые, что вы замечаете их даже издалека. Его сестрицы, наверное, могли бы убить кого-нибудь, чтобы заполучить такие глаза. Но он совсем не неженка и не женоподобный (посмотреть в словаре, как правильно пишется это слово)... Просто красивый. Вроде сенатора Кеннеди, только совсем не похож на него... Если это что-то объясняет. (Не люблю, когда Мейлер¹ или еще кто-нибудь в описании персонажа сравнивает его с актером или другой известной личностью. Скучно это.)

У Кевина Грумбахера волосы словно вдруг все одновременно подскочили вверх и загнулись, как зубчики на скребнице. А лицо напоминает кроличью мордочку. У него выступающий кадык и веснушки, нервная ухмылка и вечно испуганный вид. Он и вправду всегда боится, что мамочка вот-вот позовет его домой.

Волосы Джима... У Харлена стрижка хоть и короткая, но не ежик. На макушке торчит хохолок, а лицо почти квадратное. Джим Харлен напоминает мне актера, которого мы видели прошлым летом в кино на бесплатном сеансе. Фильм назывался „Мистер Робертс“², и этот актер играл парня по имени Энсайн

¹ Мейлер, Норман (Norman Mailer; 1923–2007) — американский писатель и публицист.

² Слабая версия популярнейшего бродвейского спектакля, поставленного по пьесе Джошуа Логана и Томаса Хеггена, основанной на романе Томаса Хеггена. Режиссеры фильма, вышедшего на экран в 1955 г., — Джон Форд и Мервин ЛеРой. За роль Энсайна Пулвера Джек Леммон был удостоен премии «Оскар» как лучший актер второго плана.

Пулвер. Джек Леммон. (Ух! Ну вот, опять! Достаточно при описании внешности персонажей сравнивать их с кинозвездами — и пожалуйста: кастинг не представит никакой сложности, когда эти книги будут куплены Голливудом.) Но Харлен действительно похож на Энсайна Пулвера. Такой же рот. Такая же неестественная, смешная манерность. Такая же нервная, саркастическая болтовня. По-моему, и стрижка такая же. Ладно, это не важно.

О'Рурк — это само спокойствие, лидер, одним словом. Как Генри Фонда в том фильме. Может быть, и Джим Харлен работает под актера. Может быть, мы все подражаем тем персонажам, которых видели в кино, и не знаем...»

Дуэйн закрыл блокнот, снял очки и потер глаза. Он устал, хотя в тот день практически не работал. И проголодался. Дуэйн попытался вспомнить, что ел сегодня на завтрак, но не смог. Когда все отправились на ленч, он остался в курятнике, чтобы подумать и сделать кое-какие заметки.

Дуэйна утомили бесконечные размышления.

Он выпрыгнул из кузова пикапа и пошел к опушке леса. В темноте мелькали светлячки. С берегов ручейка, текущего по ложбине, доносилось пение цикад и кваканье лягушек. Откос позади бара «Под черным деревом» был завален мусором. Темные кучи на еще более темном фоне. Дуэйн расстегнул ширинку и помогился, прислушиваясь к звону струи, ударявшейся о что-то металлическое. Из освещенного окна донесся чей-то низкий смех, и Дуэйн узнал голос отца, забавляющего посетителей очередной байкой.

Дуэйну нравилось слушать рассказы отца, но не тогда, когда тот был пьян. Стоило отцу напиться — и его обычно веселые истории превращались в злобные и мрачные, граничащие с цинизмом. Отец считал себя неудачником. Не сумевший сделать карьеру выпускник Гарварда, несостоявшийся инженер, фермер, изобретатель, бизнесмен... Несостоявшийся муж и несостоявшийся отец... В общем, Дуэйн был согласен с каждым пунктом обвинения, разве что, пожалуй, за исключением последнего.

Мальчик вернулся обратно к пикапу и забрался в кабину. Дверцу он оставил открытой, чтобы выветрился запах виски. Он знал, что бармен выставит Старика вон, когда тот начнет буянить. И тогда придется посадить отца на заднее сиденье, чтобы он не мог дотянуться до руля, и отвезти домой, а потом поскорее уло-

жить его в кровать, приготовить ужин и отправиться в сарай — посмотреть, нет ли там запасных частей к «Джону Диру»¹. И все это предстоит сделать ему, Дуэйн, которому в марте исполнилось одиннадцать лет, ученику с коэффициентом интеллекта 160. Одному Богу известно, зачем дядюшке Арту понадобилось знать, каковы умственные способности Дуэйна, но два года назад он лично возил мальчика в Иллинойсский университет, чтобы это выяснить.

Прошло много времени, прежде чем Дуэйн проснулся. Его разбудил шепот.

Даже не совсем очнувшись от сна, он сознавал, что находится дома, помнил, как провез отца через два холма, мимо кладбища, мимо усадьбы дядюшки Дейла Генри, свернул с Шестого окружного шоссе на дорогу, ведущую к ферме, а затем уложил храпящего Старика в постель, поставил новый распределитель зажигания и приготовил гамбургер. Но он никак не мог понять, как его угораздило уснуть с наушниками в ушах.

Дуэйн спал в подвале, угол которого отделил для себя с помощью одеяла и нескольких корзин. На самом деле все было отнюдь не так трагично, как могло бы показаться. Зимой на втором этаже было слишком холодно и пусто. Даже сам Старик давно уже не пользовался когда-то общей их с мамой спальней. Он перебрался на кушетку в гостиную, а Дуэйн — в подвал, где стояла печь, отлично согревавшая помещение и в зимнее ненастье, когда над опустевшими полями вокруг городка завывали ледяные ветры. К тому же в подвале был устроен душ, а на втором этаже имелась только ванна. В общем, Дуэйн считал за лучшее перетащить вниз свою кровать, шкаф, фотолабораторию, рабочий стол и электронику.

Уже с трех лет Дуэйн обожал допоздна слушать радио. Старик тоже когда-то этим увлекался, но вот уже несколько лет как бросил.

Приемников у Дуэйна было множество: и детекторные, и настоящие, купленные в магазине, и большие, стоящие на полу,

¹ Речь идет о тракторе. «John Deere Agricultural Holding, Inc.» — одна из старейших промышленных корпораций США, производящая различную технику, в том числе сельскохозяйственную. Основана в 1837 г.

отремонтированные и усовершенствованные; в его коллекции имелся коротковолновый приемник и даже новая модель транзисторного. А еще целые комплекты деталей от «Хита»¹. Дядя Арт полагал, что Дуэйн собирается стать радиолюбителем, но он ошибался. Дуэйна интересовало совершенно не это: он хотел не передавать, а слушать.

И действительно слушал — ночи напролет сидя в сумраке подвала. Антенны были протянуты повсюду, обмотаны вокруг труб и выведены через окна на улицу. Дуэйн ловил станции Пеории, Де-Мойна, Чикаго, крупные станции Кливленда и Канзас-Сити. Но самое большое удовольствие испытывал, поймав в эфире далекие сигналы из Северной Каролины, Арканзаса, Толедо², Торонто... Иногда, если атмосферные помехи были минимальными, а солнечная активность не вызывала магнитных бурь, до него доносилась медленная речь жителей Алабамы, звучащая почти как иностранная, позывные радиостанций Калифорнии или Квебека. В забытом богом уголке Иллинойса Дуэйн слушал спортивные новости и, смежив веки, рисовал в воображении футбольные поля, покрытые ярко-зеленой травой. Или настраивался на волну классической музыки. Он любил биг-бэнд, а еще больше джаз. Но больше всего Дуэйну нравились передачи типа «Звоните — отвечаем», когда доброжелательные ведущие в прямом эфире общались с теми, кому удавалось дозвониться, терпеливо выслушивали их мнения и пожелания, зачастую весьма бестолковые, сумбурные, но всегда искренние.

Иногда Дуэйн воображал себя единственным членом команды летящего к звездам космического корабля, уже отделенного от Земли многими световыми годами, не способного повернуть назад и обреченного на вечный полет. Этому кораблю не суждено было достичь места назначения за время человеческой жизни, но он летел вперед в пространстве, а благодаря широко раскинувшейся дуге электромагнитных излучений, проникающих сквозь луковую шелуху старых радиопередач, сохранял постоянную связь с Землей и устремлялся назад во времени, прислушиваясь

¹ Английская компания «Allen & Heath» — один из ведущих производителей профессионального акустического оборудования, прежде всего микшерных консолей.

² Имеется в виду какой-либо из американских городов с таким названием — например, в штате Огайо.

к голосам, чьи обладатели давно умерли, возвращаясь к тем дням, когда Маркони изобрел радио, и к предшествовавшей им эпохе полного молчания.

Кто-то шептал его имя.

Дуэйн быстро сел в кровати. Надо же! Наушники все еще были на нем. Перед тем как заснуть, он проверял новый набор от «Хита».

Опять слышался тот же голос — возможно, женский, хотя звучал он странно и как-то бесполо. Искажённый расстоянием, голос все-таки оставался таким же чистым, какими были звезды, которые Дуэйн видел на ночном небе, когда шел сюда из сарая.

Она... оно... шепотом звало его по имени:

— Дуэйн... Дуэйн... Мы идем за тобой, мой дорогой.

Дуэйн спустил ноги на пол и крепче прижал к голове наушники. Голос звучал не из них. Казалось, он раздается из-под кровати, из темноты, сгустившейся за трубами отопления, из шлакобетонных стен.

— Мы непременно придем, Дуэйн, мой дорогой. Мы скоро придем.

Никто никогда не называл Дуэйна «мой дорогой». Даже в шутку. О том, как называла его мать, когда была жива, он не имел понятия. Дуэйн пробежал пальцами по шнуру наушника, пока не нащупал холодный разъем, валявшийся поверх одеяла — там, куда Дуэйн его бросил, выдернув из приемника.

— Мы скоро придем, Дуэйн, мой мальчик, — шептал голос ему прямо в ухо. — Жди нас, мой дорогой.

Дуэйн протянул руку, нашарил в темноте шнур выключателя и дернул за него.

В подвале вспыхнул свет.

Наушники не были подключены. Приемник молчал. Ни один из радиоприборов не работал.

— Жди нас, мой мальчик.

Глава 5

Дейл первым ощутил запах смерти.

Была пятница, третье июня, второй день каникул, ребята играли в бейсбол с самого завтрака и теперь, к полудню, были покрыты плотным слоем пыли, которая, смешавшись с потом, образовала на их лицах и шеях коричневую корочку. Вот тогда-то Дейл и почувствовал приближение смерти.

— Го-о-осподи! — завопил Джим Харлен со своего места между первой и второй базой. — Что это такое?

Дейл уже шагнул было к диску, чтобы отбить мяч, но, услышав крик, отступил назад и замер, указывая куда-то.

Запах шел с востока: ветер доносил его с грунтовой дороги, которая соединяла спортивную площадку с Первой авеню. Нет, не запах — зловоние, смрад разлагающихся трупов, газов, перебродивших в кишках бактериями мертвых желудках, газов, вызванных бактериями, кишками в мертвых желудках... И это зловоние становилось все ощутимее.

— Ф-ф-ф-ф-фу, — послышался голос Донны Лу Перри с круга питчера.

Продолжая держать мяч в правой руке, она поднесла к лицу бейсбольную перчатку и зажала ею нос и рот, потом повернулась и посмотрела в ту сторону, куда показывал Дейл.

Медленно двигавшийся по Первой авеню грузовик, принадлежавший живодерне, свернул на раздолбанную грунтовую дорогу и уже успел проехать по ней сотню ярдов в их сторону. Грязно-красного цвета кабина была заляпана землей, а над краями сколоченного из толстых досок кузова торчали четыре ноги, — похоже, это была корова или лошадь, но на таком расстоянии трудно было определить. Труп, наверное, лежал поверх множест-

ва других, и копыта, нацеленные прямо в небо, — так обычно в мультфильмах изображают мертвых животных, — покачивались в такт движению машины.

Но это был не мультфильм.

— Тыфу, давайте сделаем перерыв, — предложил Майк, стоявший на месте кетчера, за диском.

Вонь становилась все сильнее, и он, задрав футболку, прикрыл ею лицо.

Дейл отошел от диска еще на шаг. Из глаз текли слезы, в животе все переворачивалось.

Труповоз проехал до конца грунтовки и свернул на поросшую травой стоянку позади и чуть правее открытых трибун. Теперь он был справа от ребят. Воздух, казалось, сгустился вокруг них, и зловоние словно ладонью накрыло лицо Дейла.

Кевин, стоявший на третьей базе, подбежал к остальным.

— Это Ван Сайк? — спросил он.

Лоренс Стюарт поднялся со скамьи запасных и встал рядом с братом. Теперь они оба, низко надвинув на глаза козырьки бейсболок, прищурившись, смотрели на грузовик.

— Не знаю, — пожал плечами Дейл. — Из-за этих дурацких бликов не видно, кто сидит в кабине. Но ведь летом обычно грузовик водит Ван Сайк, да?

Джерри Дейзингер, стоявший «под рукой» позади Дейла, взял битку на изготовку, точно ружье, и скорчил гримасу:

— Ага, Ван Сайк водит грузовик... почти всегда.

Дейл посмотрел на невысокого парнишку. Все они знали, что отец Джерри иногда садился за руль грузовика-труповоза, или стриг траву на кладбище, или... — в общем, выполнял всякую грязную работу, которую обычно полагалось делать Ван Сайку. Никто и никогда не видел мистера Ван Сайка в компании хоть какого-нибудь приятеля, и только отец Джерри иногда проводил с ним время.

Будто прочитав их мысли, Дейзингер сказал:

— Это Ван Сайк. Мой старик подался сегодня в Оук-Хилл — поработать на стройке.

Донна Лу соскочила с круга и подошла к ним, все еще держа у лица бейсбольную рукавицу:

— Чего ему надо?

Майк О'Рурк пожал плечами.

— Что-то я не вижу здесь мертвецов. А вы? — спросил он ребят.

— Разве что Харлен, — съязвил Джерри, запуская в спешащего к ним Джима комочком земли.

Грузовик стоял ярдах в десяти от ребят. Ветровое стекло отражало яркое сияние солнца, и разглядеть, что происходило внутри, было невозможно. Толстый слой краски на стенках кабины напоминал засохшую кровь. Между досками Дейл разглядел черно-серые шкуры, еще одно копыто около откидного заднего борта, а возле задней стенки кабины что-то большое, раздувшееся, коричневое. Четыре ноги, нацеленные в небо, принадлежали корове. Дейл надвинул козырек пониже на лоб, чтобы защитить глаза от солнца, и смог рассмотреть белую кость, поблескивавшую под истлевшей шкурой. Стаи мух, синеватым облаком роившихся над машиной, наполняли воздух непрекращающимся жужжанием.

— Чего ему надо? — повторила вопрос Донна Лу.

Она закончила шестой класс и уже несколько лет играла в бейсбол с ребятами из Велосипедного патруля. Лучшего питчера, чем Донна Лу, в спонтанно собиравшихся командах не было. Но этим летом Дейл впервые заметил, как выросла их подруга... и как приподнимается футболка, плотно облегающая ее округлившуюся грудь.

— Давайте спросим у него.

Майк бросил перчатку на землю и направился к проходу в заборе, ограждавшем бейсбольное поле.

Дейл почувствовал, как дрогнуло в груди сердце. Он совершенно не переносил Ван Сайка и при одной только мысли о нем испытывал не меньшее отвращение, чем при воспоминании о школьных учителях или директоре. Он мысленно видел перед собой длинные паучьи пальцы с грязью под ногтями, борозды морщин на красной прыщавой шее и желтые, слишком крупные зубы — как у крыс, которые водятся на свалке.

Едва Дейл осознал, что сейчас должен приблизиться к ужасному, жутко смердящему грузовику, как внутри у него все снова сжалось в тугую комок.

Майк уже дошел до забора и пригнулся, чтобы пролезть в узкую щель.

— Эй, погоди! — остановил его Харлен. — Посмотри туда!

Кто-то ехал на велосипеде по грунтовке, затем свернул и по правой стороне поля помчался в сторону ребят. Из-под колес летели комья земли. Дейл увидел, что это женский велосипед и что сидит на нем Сандра Виттакер, подружка Донны Лу.

— У-у, фу-у-у, — произнесла она с отвращением, останавливаясь рядом с ребятами. — Почему здесь воняет дохлятиной?

— Тут как раз подружили мертвые кузены Майка, — сказал Харлен. — Вот он и пошел с ними поздороваться.

Сэнди окинула Харлена ледяным взглядом и отвернулась, взмахнув косами.

— У меня есть новости, — заявила она. — Происходит что-то странное.

— Что? — быстро спросил Лоренс и поправил очки на носу. Голос бывшего третьеклассника звучал напряженно.

— Джей-Пи, Барни и все остальные собрались в Старой центральной. Там еще Корди и ее ненормальная мамаша. И Рун прибежал туда же. В общем, все. Они ищут братца Корди.

— Табби? — Джерри Дейзингер провел рукой под вечно текущим носом и тут же вытер ее о футболку. — Я думал, он убежал еще в среду.

— Ну да, — задыхаясь от возбуждения, откликнулась Сэнди и повернулась к Донне Лу. — Но Корди считает, что он еще в школе. Странно, правда?

— Поехали! — крикнул Харлен и побежал к велосипедам, стоявшим рядком у первой базы.

Остальные последовали за ним. Отцепив велосипеды от забора, к которому те были привязаны, ребята поспешно оседлали их, повесив бейсбольные перчатки на рули или на лежащие на плечах биты.

— Эй! — окликнул ребят Майк с другого конца поля. — А как же Ван Сайк?

— Передай ему от нас поцелуй, — прокричал в ответ Харлен и помчался в сторону грунтовки.

Дейл последовал за ним, Лоренс и Кевин не отставали. Дейл с силой нажимал на педали, притворяясь, что взволнован и напуган новостью, рассказанной Сэнди. Что угодно, лишь бы только оказаться подальше от зловония смерти и от застывшего посреди поля грузовика.

Майк чуть помедлил, провожая взглядом друзей. Из-под колес их велосипедов летела пыль и столбом поднималась над дорогой.

У Джерри Дейзингера велосипеда не было, и он сел на раму впереди Грумбахера, поэтому Кевин ехал медленно, его длинные ноги с трудом крутили педали.

Донна Лу глянула в сторону Майка, потом тоже уселась на свой бирюзово-белый велосипед, забросила рукавицу в корзину и уехала вместе с Сэнди.

Какое-то время Майк оставался на стадионе один. Только он и страшное зловоние от мертвечины в грузовике. Жара была страшная, не меньше девяноста градусов. Солнце пекло так яростно, что пот ручьями катился по шее и щекам мальчика. Как только мог Ван Сайк выдержать такое пекло, сидя в кабине с закрытыми окнами?

Майк постоял, не трогаясь с места, наблюдая за ребятами, пока те не повернули направо, на асфальтированную мостовую Первой авеню. Последними скрылись за темной линией вязов Сэнди и Донна Лу.

Царившее вокруг безмолвие нарушалось только настойчивым жужжанием мух. И вдруг в кузове грузовика что-то шевельнулось. Послышался тихий шипящий звук, и вонь сразу же усилилась, сделалась почти видимой в тяжелом, неподвижном воздухе. Майк почувствовал, как его охватывает ужас — такой же, как той ночью, когда он услышал шорох внизу, в бабушкиной комнате, и подумал, что это ее душа пытается вырваться на свободу... или как во время торжественной мессы, когда он долго стоял на коленях, почти загипнотизированный парами фимиама, пением и мыслями о своих собственных грехах, о языках пламени в аду и о том, что ждет его там...

Майк сделал еще несколько шагов по сухой траве в сторону грузовика. Из-под ног отпрыгивали в стороны кузнечики.

За лобовым стеклом кабины мелькнула чья-то тень.

Майк остановился и, немного подумав, сделал в сторону грузовика и его обитателей — не важно, живых или мертвых, — непристойный жест. Затем медленно повернулся и двинулся обратно к проходу, оставленному в сделанном из дерева и проволоки заборе. Он старался идти спокойно, только усилием воли застав-

ляя себя не сорваться на бег и каждую секунду ожидая, что вот-вот хлопнет дверца машины и за спиной раздастся звук тяжелых торопливых шагов.

Сначала слышно было только жужжание мух. Затем тихо, но совершенно отчетливо из кузова донеслось слабое хныканье, вскоре сменившееся детским плачем. Майк застыл на месте, сжимая в руке перчатку, которую как раз собирался повесить на руль своего велосипеда.

Никаких сомнений! Позади, в этой колыбели смерти, наполненной соскобленными с асфальта останками жертв дорожных аварий и дохлыми собаками с вывалившимися наружу кишками, трупами домашнего скота с раздувшимися животами и лошадей с побелевшими глазами, раздавленными голубями и гниющей требухой, собранной с окрестных ферм, — в этой жуткой колыбели плакал ребенок!

Плач становился громче и громче, постепенно переходя в вой, вполне соответствовавший душевному смятению Майка, охватившему его ужасу, и вдруг вой прекратился, и вместо него слышалось нечто похожее на хихиканье... Как будто кто-то стал нянчить ребенка... или кормить...

Едва держась на ватных, неожиданно ослабевших ногах, Майк оторвал от забора велосипед, кое-как взгромоздился на него и, проехав мимо первой базы, свернул на грунтовку в направлении Первой авеню.

Он не остановился.

И ни разу не оглянулся.

Еще издалека они увидели машины и царившую возле них суету. Матово-черный «шевроле» Джей-Пи Конгдена был припаркован около школы, бок о бок с машиной констебля и старым синим автофургоном, который, похоже, принадлежал мамаше Корди Кук. Сама Корди, одетая все в то же бесформенное платье, в котором весь последний месяц ходила в школу, тоже была здесь, а взволнованная полная круглолицая женщина рядом с ней, похоже, и была ее матерью. Доктор Рун и миссис Даббет замерли на нижней ступеньке лестницы северного входа, словно загоразживая его своими телами. Мировой судья и городской констебль, которого все звали Барни, стояли между ними, готовые исполнить роль посредников.

Дейл с ребятами остановились и соскользнули в траву примерно в двадцати пяти футах от взрослых: не настолько близко, чтобы их шуганули, но и не настолько далеко, чтобы пропустить хоть слово. Дейл оглянулся и увидел приближающегося Майка: тот лихорадочно крутил педали и был бледен как полотно.

— А я вам говорю, что Теренс не появлялся дома со вторника! — кричала миссис Кук.

Ее морщинистое, коричневое от загара лицо живо напомнило Дейлу бейсбольную рукавицу Майка, а серые глаза были такими светлыми, словно вылиняли на солнце, и в них застыло то же безнадежное выражение, какое всегда стояло в глазах Корди.

— Теренс? — повторил шепотом Джим Харлен и скорчил гримасу.

— Да, мэм, — говорил в это время Барни, все еще стоя между директором и женщиной. — Доктор Рун понимает вас. Но учителя уверены, что он не остался в школе. Нам необходимо выяснить, куда он отправился.

— Чушь! — продолжала вопить миссис Кук. — Корделия говорит, что не видела, чтобы он выходил со двора... И к тому же мой Теренс нипочем не ушел бы из школы без разрешения. Он хороший мальчик. А если б только посмел, я бы выпорола его так, что живого места бы не осталось.

Кевин повернулся к Дейлу и вопросительно поднял бровь. Но Дейл не сводил взгляда с разгневанных взрослых.

— Минуточку, миссис Кук, — заговорил низенький, лысый мировой судья. — Нам всем известно, что Табби... гм... что ваш сын Теренс имеет несколько своеобразное представление о дисциплине и...

Миссис Кук стремительно повернулась к нему:

— Вы бы вообще лучше помолчали, Джей-Пи Конгден. Все знают, что ваш сынок самый подлый из местных подонков. К тому же вечно носит с собой нож. Так что нечего наговаривать на моего Табби. — Тут она вновь обернулась к Барни и уставила толстый палец на доктора Руна и на Двойную Задницу. — Констебль, эти люди что-то скрывают.

Барни мгновенно выбросил вперед обе руки, ладонями вверх:

— Минутку-минутку, миссис Кук. Вы же знаете, что они везде посмотрели. Миссис Даббет видела, как Теренс вышел после

обеда из школы еще до того, как остальных детей отпустили на кани...

— А я говорю, что это чушь собачья! — завопила мать Корди.

Сама Корди в этот момент оглянулась через плечо и увидела ребят. Но взгляд ее, брошенный в их сторону, был отсутствующим.

Миссис Даббет словно вдруг очнулась от спячки.

— Со мной никто еще не говорил подобным тоном, — возмущенно заговорила она. — Я преподаю в этом округе уже почти сорок лет, и я...

— А я и гроша ломаного не дам за то, сколько ты тут преподаешь... — вскинулась миссис Кук.

— Ма, она врёт! — зашептала Корди, дергая мать за платье, такое же бесформенное и поношенное, как и на ней самой. — Я все время смотрела в окно и не видела Табби. А Двойная Задница вообще туда не смотрела.

— Одну минуту, юная леди, — начал доктор Рун, беспокойно крутя длинными пальцами цепочку от часов, свисавшую из жилетного кармана. — Мы понимаем, что вы расстроены... э-э-э... временным отсутствием вашего брата, но мы не можем позволить вам такие...

— Вы скажете мне наконец, где мой мальчик?! — завопила миссис Кук, наступая на мирового судью, словно хотела убрать его с дороги и своими короткими пухлыми пальцами ухватить директора.

— Эй! Эй! — вскрикнул Джей-Пи Конгден, делая шаг назад.

Барни торопливо вклинился между ним и миссис Кук и что-то сказал женщине. Говорил он быстро, и тон был явно увещающим, но ребятам не удалось расслышать хоть слово. Затем констебль произнес еще несколько слов, на этот раз обращаясь к доктору Руну.

— Согласен... пожалуй, нашу дискуссию действительно следует перенести в... э-э-э... менее оживленное место, — донесся до ребят замогильный голос директора.

Барни кивнул, сказал что-то еще, и вся группа вошла в двери Старой школы.

Перед тем как скрыться за дверью, Корди обернулась и посмотрела на Дейла. Теперь в выражении ее лица не было и следа враждебности — только грусть и... что-то очень похожее на страх.

— Было бы лучше, если бы... если бы к нам присоединился мистер Кук, — переступая порог школы, заметил доктор Рун.

— Мистер Кук неважно чувствует себя на этой неделе, — усталой скороговоркой ответила мать Корди.

— Мистер Кук пьян в стельку на этой неделе, — удачно имитируя простонародный выговор миссис Кук, передразнил ее Джим Харлен. Затем прищурился на солнце и обвел взглядом опустевшую стоянку. — Черт, уже поздно, а я обещал маме, что сегодня подстригу лужайку перед домом. Тут, наверное, ничего интересного уже не будет.

— Как вы думаете, куда делся Табби? — поправляя на носу очки, спросил Лоренс.

Харлен навис над маленьким третьеклассником, скорчил ужасную гримасу и выставил вперед пальцы наподобие когтей:

— Что-то схватило его, простофиля. А сегодня вечером это что-то придет за тобой!

Джим наклонился еще ниже, струйка слюны потекла по его подбородку.

— Кончай! — резко бросил Дейл, становясь между Харленом и братом.

— Кончай! — фальцетом передразнил его Джим. — Не пугай моего чудного братца!

Он присел и тут же подпрыгнул, выбрасывая вперед руки и ноги.

Дейл промолчал.

— Джим, если ты собирался подстричь лужайку, тебе пора идти. — Голос Майка звучал непривычно напряженно.

Харлен в нерешительности глянул на О'Рурка и после секундного колебания хмыкнул:

— Ладно. Пока, недотепы.

Он вскочил на велосипед и покатил вдоль Депо-стрит.

— Ну, что я вам говорила?! — подала голос Сэнди. — Тут и впрямь происходит что-то странное!

Они с Донной Лу тоже сели на велосипеды и уехали. Уже поравнявшись со стоявшими, словно часовые, вязами, Донна Лу оглянулась через плечо и крикнула:

— До завтра!

Дейл помахал ей в ответ.

— Дьявол! Кажется, ничего интересного больше не предвидится. Пойду-ка я лучше домой, выпью содовой, — сказал Джер-

ри Дейзингер и побежал к своему каркасному, обитому толем дому, стоявшему на шлаковом отвале по другую сторону Скул-стрит.

— КЕВИ-И-И-И-ИН!

В проеме открывшейся двери показались голова и плечи миссис Грумбахер, а ее визгливый вопль напоминал крик Тарзана в исполнении Джонни Вайсмюллера¹.

Не тратя времени на прощание, Кевин мигом вскочил на велосипед и умчался.

Тень Старой центральной протянулась уже почти до Второй авеню, лишая красок футбольное поле и погружая во мрак нижние ветви трех огромных вязов. Лишь в тех местах, куда все еще падали золотые лучи солнца, трава сохраняла нежно-зеленый цвет.

Через несколько минут из школы выскочил Джей-Пи Конгден и, на ходу прокричав какую-то угрозу в сторону ребят, сел в машину и уехал. Из-под колес «шевроле» во все стороны полетел гравий.

— Отец говорит, что этот тип специально подстраивает так, чтобы какой-нибудь водитель превысил скорость, а потом ловит его и штрафует.

— Как это? — удивился Лоренс.

Майк уселся прямо на траву, выдернул из земли тоненький стебелек.

— Он прячется в молочной закусочной на холме, там, где Хард-роуд начинает спускаться к мосту через реку Спун. Как только на дороге появляется машина, Джей-Пи вырубивает за ней и идет на обгон. Если водитель не уступает, Конгден включает мигалку, заставляет его остановиться и заплатить штраф. Говорят, с каждой машины берет по четвертному. А если водитель пропускает его вперед...

— Ну и что тогда?

— Тогда он обгоняет машину перед самым мостом и опять же штрафует — теперь уже за превышение допустимой скорости в непосредственной близости от водной переправы.

¹ *Джонни Вайсмюллер* (Петер Йоханн Вайсмюллер; 1904–1984) — американский пловец, пятикратный олимпийский чемпион, исполнял роль Тарзана в шести фильмах 1930-х гг.

Лоренс тоже выдернул из земли травинку и пожевал ее, качая головой:

— Надо же, какой говнюк!

— Эй, потише! — прикрикнул на него старший брат. — Придержи язычок. Если мама услышит, что ты говоришь такие слова...

— Смотрите-ка! — воскликнул вдруг Лоренс. — Что это такое?

Он вскочил и подбежал к возвышавшемуся над поверхностью земли гребню.

Майк и Дейл подошли ближе.

— Суслик, наверное, — предположил Дейл.

— Вряд ли, — покачал головой Майк. — Слишком много нарыто.

— Наверное, здесь копали канаву, чтобы проложить новые канализационные трубы, вот и остался этот гребень, — высказал еще одно предположение Дейл. — Смотрите! Вон там другой. — Он указал рукой чуть дальше. — И оба тянутся к школе.

Майк подошел ко второму гребню и, продолжая жевать травинку, проследовал вдоль колеи, пока та не исчезла под тротуаром около школы.

— Ни к чему прокладывать здесь новые трубы.

— Почему это? — спросил Лоренс.

Майк махнул рукой в сторону мрачной громады школы:

— Скоро все это снесут. Через пару дней, как только выгребут весь мусор, окна заколотят досками. Если они...

Майк вдруг замолчал, быстро скользнул взглядом по свесу крыши и карнизам и сделал несколько шагов назад.

Дейл подошел к нему:

— Что?

— Посмотри туда. — Майк жестом указал на центральное окно этажа старших классов. — Видишь?

— Не-а. — Как ни щурился Дейл, он ничего не увидел. — А что?

— Кто-то только что смотрел на нас из того окна, — сказал Лоренс. — Я тоже видел чье-то белое лицо, и оно сразу исчезло.

— Не чье-то, — уточнил Майк. — Это был Ван Сайк.

Дейл обернулся, всматриваясь через плечо в даль, в ту сторону, где за его домом простирались поля. Тень деревьев и расстоя-

ние мешали ему разглядеть, стоит ли все еще возле стадиона грузовик.

Как раз в этот момент на школьном дворе показались миссис Кук, Корди, Барни и Двойная Задница. Перекинувшись на прощание несколькими словами, они расселись по машинам и отбыли в разных направлениях.

На месте оставался только похожий на катафалк «бьюик» доктора Руна.

Наконец, когда уже совсем стемнело, а Дейла и Лоренса позвали домой, директор тоже вышел, запер школьную дверь и уехал.

Дейл еще долго стоял в дверях своего дома, не сводя взгляда с дверей школы, пока мама не велела ему идти накрывать на стол. Ван Сайк не появился.

После ужина Дейл еще раз внимательно оглядел территорию вокруг школы. Вечерний свет чуть озарял только верхушки деревьев и обшарпанный зеленый купол башни. Весь остальной мир утопал во тьме.

Глава 6

Субботним утром — первым субботним утром лета! — Майка О'Рурка угораздило проснуться на рассвете. Он прошел в полутемную гостиную проведать Мемо — с некоторых пор она едва ли вообще спала, — увидел неподвижный ворох одеял и шалей, но, заметив бледный отсвет солнца на коже и блестящий глаз, убедился, что бабушка жива. Майк подошел и поцеловал ее, ощутив при этом легкий запах, едва намекавший на начало распада, того самого разложения плоти, отвратительная вонь которого днем раньше исходила из страшного грузовика-труповоза. Мальчик прошел в кухню. Отец уже встал и теперь брился, стоя перед краном, из которого текла холодная вода. К семи часам утра ему нужно уже быть на пивоварне Пабста в Пеории, а до города больше часа езды. О'Рурк-старший был крупным мужчиной: при росте шесть футов он весил не меньше трехсот фунтов¹. Причем большая часть этого веса приходилась на круглый живот, заставлявший отца Майка держаться на большом расстоянии от раковины даже во время бритья. Его рыжие волосы уже поредели, и только над ушами сохранился золотисто-оранжевый венчик. За недели, проведенные за работой в огороде, лоб покрылся красноватым загаром, а сеть капилляров на щеках и носу придавала лицу багровый оттенок. Мистер О'Рурк пользовался старинной опасной бритвой, принадлежавшей еще его деду. Чтобы кивнуть сыну, отправившемуся в туалет, он чуть отвел лезвие в сторону.

Только недавно до Майка дошло, что их семья единственная в городе до сих пор пользуется уборной во дворе. Конечно, такие сооружения сохранились у многих, например позади дома мис-

¹ *Шесть футов* — приблизительно 182 см; *триста фунтов* — около 150 кг.

сис Мун или за сараем для инструментов на участке Джерри Дейзингера, но это были своего рода музейные экспонаты, реликвии ушедших времен. Для всех. Кроме О'Рурков. В течение многих лет мать Майка говорила, что пора ликвидировать выгребную яму и установить в доме нормальную сантехнику, как у всех людей, но отец каждый раз отказывался, уверяя, что это потребует неслыханных расходов. И действительно, в городе не было канализационной сети, а септический резервуар стоил целое состояние. В глубине души Майк подозревал, что причина в другом: отец просто не хочет сооружать ванную и туалет внутри их маленького домика. Мистер О'Рурк сам часто говаривал, что сортир на отшибе — единственное место, где он может насладиться тишиной и отдохнуть от бесконечной болтовни четырех дочерей и их не менее разговорчивой матери.

Закончив свои дела, Майк вышел из уборной и проскользнул вдоль каменной стены, разделявшей мамин садик и отцовский огород. Бросив мимолетный взгляд на уже проснувшихся скворцов, которые, словно спеша поймать первые лучи рассвета, с шумом сновали в листве на вершинах деревьев, он вошел в дом с заднего крыльца и направился к раковине, чтобы вымыть руки, а затем подошел к шкафу, достал школьный блокнот и карандаш и уселся за стол.

— Не опоздаешь за газетами? — напомнил отец, стоя у окна с чашкой кофе в руках и поглядывая в сад.

Часы на стене показывали восемь минут шестого.

— Нет, я помню, — успокоил его Майк.

Газеты оставляли в пять часов пятнадцать минут на тротуаре перед зданием банка, рядом с магазином «А & Р» на Мейн-стрит, где работала мать. Майк никогда не опаздывал на работу.

— Что ты там пишешь? — поинтересовался отец, окончательно взбодрившийся после чашки кофе.

— Записки Дейлу и ребятам.

Отец кивнул, хотя, похоже, не слышал ответа, и снова выглянул в сад:

— Кукурузе не помешал бы хороший дождик в ближайшие дни.

— Пока, я пошел.

Майк сунул записки в карман джинсов, натянул на голову бейсболку и исчез за дверью, по дороге хлопнув отца по плечу.

Оседлав стоявший у крыльца велосипед, Майк погнал на Первую авеню.

Управившись с разноской газет, Майк должен был спешить в западную часть города, к железнодорожным путям, в костел Святого Малахия, где он помогал отцу Кавано в качестве алтарного служки. Каждый день во время мессы Майку полагалось быть в храме. Он служил в церкви с семилетнего возраста, и, хотя время от времени в храм приходили и другие ребята, отец Кавано всегда утверждал, что у него нет более надежного помощника и что никто не произносит латинские слова молитв так отчетливо и с таким благоговением, как юный О'Рурк. В общем, распорядок дня у Майка был очень напряженным, особенно зимой, когда высокие сугробы не позволяли передвигаться по городу на велосипеде. Иногда он прибегал в костел Святого Малахия в самую последнюю минуту, поспешно, даже не сняв пальто и уличных ботинок, натягивал на себя сутану и стихарь, и, пока он произносил слова мессы, снег, оставшийся на подошвах башмаков, превращался в лужицы на полу храма. Потом, если на мессу в семь тридцать собиралась только обычная паства: миссис Мун, миссис Шонесси, мисс Эшбоу и мистер Кейн, — Майк — конечно, с разрешения отца Кавано — убегал сразу после причастия, чтобы успеть к началу уроков.

В школу он опаздывал довольно часто. Миссис Шривс уже даже не делала ему замечаний, когда он наконец появлялся, просто кивала в сторону кабинета директора. Майку полагалось сидеть там и ждать, когда мистер Рун найдет время выбрать его за опоздание и занесет его фамилию в Журнал взысканий — толстую тетрадь, всегда хранившуюся в нижнем левом ящике директорского стола. Замечания уже не тревожили Майка, но он терпеть не мог сидеть в кабинете без дела и ждать, пропуская урок чтения и большую часть урока математики.

Но сейчас на дворе стояло лето. Усевшись на теплый тротуар перед зданием банка, Майк выбросил из головы мысли о школе и стал поджидать грузовичок, который привозил газеты из Пеории.

Мысли о лете, о теплом, согревающим лицо ветерке, о запахе нагретого тротуара и влажных колосьев — о том, что все это наконец-то стало реальностью, — наполняли Майка энергией

и словно раздвигали грудную клетку, облегчая дыхание. Так что, когда прибыл грузовик и Майк подхватил и рассортировал газеты, вложив в некоторые из них свои записки и сунув их в отдельный карман сумки, и даже тогда, когда он неустанно колесил по утренним улицам, засовывая газеты в почтовые ящики и выкрикивая свое «С добрым утром!» женщинам, вышедшим за молочными бутылками, и мужчинам, направлявшимся к машинам, чтобы ехать куда-то, сознание, что лето все же действительно наступило, продолжало удерживать его, что называется, на подъеме. Те же чувства заставили Майка буквально вихрем ворваться в прохладную, наполненную запахом фимиама сень костела Святого Малахия. Больше всего на свете он любил этот сияющий темной позолотой храм.

А Дейл в тот день проснулся поздно, уже после восьми, и еще долго нежился в постели. Комнату заливал яркий солнечный свет, едва приглушенный легкой тенью огромного вяза за окном. Через занавески проникал теплый воздух. Лоренса в комнате уже не было, зато из гостиной на первом этаже доносились лай и хохот: брат смотрел мультики про Хекла и Джекла и про Раффа и Редди.

Дейл встал, заправил кровати — свою и Лоренса, — натянул джинсы, футболку, чистые носки и кеды и отправился вниз — завтракать.

Мама приготовила его любимые хлопья и кексы с изюмом. Она сидела за столом, веселая и оживленная, гадая, какие фильмы будут показывать сегодня на бесплатном сеансе в парке. Отец Дейла все еще был в отъезде — территория, на которой он вел торговлю, охватывала целых два штата, — но должен был вернуться к вечеру.

Из гостиной послышался голос Лоренса, призывавшего брата поторопиться, если не хочет пропустить очередные приключения Раффа и Редди.

— Ну, это для маленьких! — крикнул в ответ Дейл. — Мне такие мультяшки уже не интересны. — Но сам стал есть быстрее.

— Ах да! — спохватилась мать. — Вот, смотри-ка, что лежало в сегодняшней газете.

Она положила рядом с кружкой Дейла записку.

Дейл улыбнулся при виде знакомого листочка. Он сразу узнал дешевый блокнот и аккуратный почерк Майка. А уж что касается ошибок... В этом его приятелю не было равных.

Все встречаемся в пещере в девять тридцать.

М.

Дейл торопливо подобрал с тарелки последние крошки кекса, гадая, что могло случиться такого важного, что всем нужно отправляться в эдакую даль. Еще с той поры, когда они были маленькими и придавали большое значение такого рода вещам, пещера предназначалась для встреч только по особым случаям: обсуждение важных тайн, необыкновенных событий, особые слеты Велосипедного патруля...

— Надеюсь, речь идет не о настоящей пещере, Дейл? — В голосе матери слышались нотки беспокойства.

— Не-а, мам. Ты же знаешь. Это всего лишь старая дренажная штольня за баром «Под черным деревом».

— Хорошо. Только не забудь, пожалуйста, что ты обещал подстричь газон перед домом. После обеда к нам в гости придет миссис Сиберт.

Отец Дуэйна Макбрайда не выписывал газет, издаваемых в Пеории. Он читал только «Нью-Йорк таймс», да и ту лишь изредка. Поэтому Дуэйн не получил записку от Майка. Зато около девяти утра в его комнате зазвонил телефон. Дуэйн не торопился подходить: к одной линии были подключены несколько домов, и один звонок означал, что трубку должны снять Джонсоны, их ближайшие соседи, два — они с отцом, три — швед Олафсон, живший дальше по дороге. Сейчас телефон прозвонил дважды, затем умолк и снова зазвонил.

— Дуэйн, — послышался в трубке голос Дейла Стюарта, — я не особо надеялся застать тебя дома — думал, ты все еще вкалываешь где-нибудь в поле.

— Я уже вернулся, — ответил Дуэйн.

— Отец дома?

— Нет, он уехал в Пеорию купить кое-что.

В трубке воцарилось молчание. Дуэйн не сомневался, что Дейлу прекрасно известны привычки Старика, в том числе и его

обыкновение возвращаться после субботних поездок, называвшихся «купить кое-что», только поздно вечером в воскресенье.

— Слушай, мы собираемся в пещере к половине десятого. Майк хочет что-то сообщить.

— Кто это «мы»?

Дуэйн покосился на свой блокнот. После завтрака он упражнялся в описании характеров. Над этими страницами он работал с апреля, и все они были сплошь заполнены набросками, пояснениями, примечаниями, мелко набросанными на полях. Некоторые абзацы, а то и целые страницы были жирно перечеркнуты, но результат по-прежнему не удовлетворял Дуэйна, ибо, по его мнению, был весьма далек от совершенства.

— А то не знаешь, — хмыкнул Дейл. — Майк, Кевин и Харлен и, может быть, Дейзингер. Не знаю. Я сам только что получил записку в газете.

— А как насчет Лоренса?

Дуэйн бросил взгляд в окно: по обе стороны от дороги, ведущей к их дому, волнами колыхался океан колосьев, поднявшихся уже почти по колено. Пока мама была жива, она категорически запрещала сеять на ближайших к ферме двадцати акрах что-нибудь выше гороха. «Когда зерновые встают в полный рост, я чувствую себя отрезанной от мира, — жаловалась она дяде Арту. — Это своего рода клаустрофобия». Старик подшучивал над ней, но и вправду выращивал на этих землях только горох. Однако Дуэйн плохо помнил то время. Для него приход лета с некоторых пор неизменно означал постепенную, но неуклонную изоляцию их фермы от остального мира. Старая присказка гласила: «К Дню независимости зерно по пояс расти». Но в этой части Иллинойса к четвертому июля зерновые уже достигали плеча Дуэйна, и потом казалось, что на самом деле это не они растут, а ферма съеживается, уменьшаясь в размерах. Во второй половине лета даже окружное шоссе можно было увидеть только из окон второго этажа. Но ни Дуэйн, ни Старик туда давно уже не поднимались.

— Что насчет Лоренса? — переспросил Дейл.

— Он придет?

— Конечно придет. Ты же знаешь, он всегда таскается за нами.

Дуэйн улыбнулся.

— Просто хотел убедиться, что ты не забыл о своем маленьком братике, — сказал он.

В трубке послышалось сердитое сопение.

— Слушай, так ты будешь там или нет?

Дуэйн прикинул, какая работа по дому предстоит ему сегодня, и понял, что закончить все успеет, только если примется за дело прямо сейчас.

— Я сегодня довольно занят, Дейл. Ты правда не в курсе, что там надумал Майк?

— Ну, точно не знаю, но, скорее всего, это что-нибудь связанное со Старой школой. И исчезновением Табби Кука. Ты же видел, что творилось на школьном дворе.

Дуэйн помолчал.

— Ладно, приду. В девять тридцать? Чтобы успеть, мне придется прямо сейчас все бросить и всю дорогу бежать.

— Гос-с-споди! — Из-за помех на линии голос Дейла походил на змеиное шипение. — Неужели у тебя все еще нет велосипеда?

— Если бы Господь хотел видеть меня разъезжающим на велосипеде, — ответил Дуэйн, — Он, наверное, сначала бы позаботился о том, чтобы наградить меня фамилией Швинн¹. Все, до встречи.

И он повесил трубку, не дожидаясь ответа.

Потом быстро спустился по лестнице за блокнотом с набросками о Старой центральной, натянул кепку с надписью «Кот» и вышел позвать собаку. Витт подбежал сразу. Кличка его была образована от фамилии Виттгенштейн, философа, о котором Старик и дядя Арт спорили до хрипоты. Старый колли был уже почти слепым и из-за мучившего его артрита почти не мог бегать, но мгновенно почувствовал, что Дуэйн куда-то собрался, и радостно завилял хвостом, демонстрируя готовность последовать за хозяином куда угодно.

— Ну-ну, успокойся. — Дуэйн приласкал пса и, решив, что прогулка в такую жару будет нелегкой для старого друга, отрицательно покачал головой. — Сегодня ты останешься здесь, Витт. Будешь сторожить дом. Я вернусь к обеду.

¹ Компания «Schwinn Bicycle» была основана в 1895 г. механиком и изобретателем немецкого происхождения Игнацем Швинном (Ignaz Schwinn). В течение многих десятилетий велосипеды «Schwinn» оставались самыми популярными в США.

Замутненные катарактой глаза пса смотрели на хозяина одновременно обиженно и умоляюще. Удивительно, как это ему удавалось? Дуэйн потрепал колли по холке, отвел его обратно в сарай и заглянул в стоящую на полу миску. Воды в ней было достаточно.

— Держи-ка грабителей и расхитителей зерна подальше, Витт.

С чисто собачьим вздохом колли подчинился и улегся на свою соломенную подстилку.

Дуэйн вперевалку зашагал по направлению к Шестому окружному шоссе. Начало припекать. Он закатал рукава фланелевой рубашки и стал думать о Старой школе и о Генри Джеймсе. Дуэйн как раз дочитал новеллу «Поворот винта» и теперь размышлял о поместье Блай, в котором происходит действие этого драматического произведения, и о том, как тонко и в то же время явственно автор дает понять читателю, что это место настолько пропитано злом, что порождает те самые «привидения», которые преследуют детей — Майлза и Флору.

Его Старик, конечно, алкоголик и неудачник, но он сознательный, много размышляющий атеист и убежденный рационалист. И сына он воспитал таким же. С самого раннего возраста Дуэйн рассматривал вселенную как сложный механизм, развивающийся в соответствии с законами логики, которые, возможно, лишь частично доступны для понимания убогому разуму человечества. И тем не менее это законы.

Он на ходу раскрыл блокнот и нашел страницу с записями о Старой школе: «...ощущение... Дурного предзнаменования? Зла? Слишком мелодраматично. И там и там присутствует чувство странной осведомленности...» Дуэйн вздохнул, вырвал страницу и сунул ее в карман вельветовых штанов.

Дуэйн наконец дошел до окружного шоссе и свернул к югу. Солнечный свет, отражаясь от почти белого гравия на дороге, слепил глаза и обжигал обнаженные руки мальчика. Позади, в полях по обе стороны от узкой тропы, что вела к его дому, с громким жужжанием сновали среди подрастающих колосьев насекомые.

Дейл, Лоренс, Кевин и Джим Харлен подъехали к пещере одновременно.

— С чего это надо было переться в такую даль? — проворчал Харлен.

Его велосипед был меньше, чем у других, с семнадцатидюймовыми колесами, и потому, чтобы не отстать от остальных, педали приходилось крутить в два раза быстрее.

В тени огромных вязов они промчались мимо дома О'Рурков, затем свернули на север, к водонапорной башне, а потом на восток, на широкую, покрытую гравием дорогу. Кевин, Дейл и Лоренс выстроились почти вплоты друг за другом по левой колее, а Харлен ехал по правой. Стояла полная тишина: ни шума ветра, ни движения на дороге — ни одного звука, кроме их дыхания и хруста гравия под колесами. До Шестого окружного шоссе было около мили. К северо-востоку от перекрестка, за полями начинались холмы и рос высокий стройный лес. Если бы они проехали по шоссе дальше, за водонапорную башню, то оказались бы в холмистой местности между Элм-Хейвеном и почти заброшенной дорогой под названием Джубили-Колледж-роуд. Шестое окружное тянулось еще полторы мили на юг, до пересечения с шоссе 151А, в черте Элм-Хейвена носившим название Хардроуд, но этот отрезок окружного на самом деле представлял собой всего лишь широкую грязную колею среди полей, совершенно непроезжую на протяжении большей части зимы и весны.

Они свернули на север, миновали бар «Под черным деревом» и, привстав на педалях, понеслись вниз по крутому склону холма. Кроны деревьев аркой соединялись над узкой дорогой, образуя сплошную тень. Впервые услышав «Легенду о Сонной Лощине»¹ — ее прочла им в четвертом классе учительница миссис Гроссейнт, — Дейл сразу представил себе именно это место и мысленно дополнил картину крытым мостиком, построенным у самого подножия холма.

На самом деле здесь никаких крытых мостиков не было — лишь полусгнившие перила по обе стороны от гравийной дороги. Мальчики остановились и пешком, ведя велосипеды рядом, пошли на запад — по узкой тропинке, извивавшейся среди высокой, достававшей им до пояса, пыльной травы. Между кустарником, росшим вдоль дороги, и густым темным лесом тянулось заграждение из колючей проволоки. Ребята надежно спрятали велосипеды под кустами и зашагали дальше. Теперь их путь лежал по берегу небольшой, дарившей долгожданную прохладу речушки.

¹ «Легенда о Сонной Лощине» (1820) — новелла Вашингтона Ирвинга.

Тропинка, прятавшаяся среди густой и высокой травы, была едва заметна, но Дейл уверенно вел друзей вдоль протоки к пещере.

Собственно, это была не пещера. Точнее, не совсем пещера. По какой-то причине власти округа приняли решение установить в этом месте железобетонную штольню, вместо того чтобы проложить тридцатидюймовые гофрированные стальные трубы, как это делалось везде. Возможно, они опасались весенних паводков, а быть может, в их распоряжении оказалась лишняя штольня, которой не нашлось иного применения. Как бы то ни было, под дорогой находилась огромная — шесть футов в поперечнике — емкость, и по дну ее проходил четырнадцатидюймовый желоб, по которому тек ручеек, так что ребята могли сидеть, облокотившись на полукруглую стенку и уперев ноги в край желоба, и при этом не рисковали промокнуть. В пещере было прохладно даже в самые жаркие дни, вход в нее скрывался за плотным переплетением плюща, а шум пролетавших в десяти футах над ними машин делал убежище еще более укромным.

По другую сторону пещеры располагался маленький — всего семь-восемь футов шириной и примерно в половину этого глубиной — дренажный пруд, но в нем таилась какая-то своеобразная красота. Поверхность его даже в самые ясные дни оставалась темной благодаря низко склонившимся деревьям, и покой ее нарушал только миниатюрный водопад, образовавшийся в том месте, где вода вытекала из желоба. Все это вместе придавало крохотному пруду своеобразное очарование.

Майк назвал протоку, впадавшую в пруд, Дохлым ручьем, потому что именно она часто приносила в маленький пруд несчастных жертв дорожного движения: опоссумов, енотов, кошек, дикообразов... А однажды там оказался даже труп немецкой овчарки. Дейл хорошо помнил, как лежал, упершись локтями в холодный цемент, и рассматривал мертвое животное, мирно покоившееся в футах в четырех от него на дне: черные глаза овчарки были открыты, и единственным признаком того, что она сдохла, не считая, конечно, пребывания под водой, была белая полоска у самой пасти, — казалось, собаку вырвало гравием.

Майк уже ждал их в пещере. Минутой позже появился и Дуглин Макбрайд, запыхавшийся и вспотевший, с красным под кеп-

кой лицом. Попад после яркого света в сумрак штольни, он беспомощно моргал, приспосабливаясь к темноте.

— А, заседание общества Созерцателей дохлых моллюсков и любителей моллюсковой похлебки! — все еще щурясь, приветствовал он друзей.

— Что-что? — переспросил Джим Харлен.

— Не важно.

Дуэйн уселся поудобнее и вытер лицо полрой фланелевой рубашки.

Лоренс уже нашел себе занятие: подобранной где-то по пути палкой принялся сбивать нависавшую повсюду паутину. Но как только заговорил Майк, живо обернулся к нему.

— У меня есть идея... — начал Майк.

— О, экстренное сообщение! — ехидно воскликнул Харлен. — Сногсшибательные заголовки для завтрашних газет!

— Заткнись, — беззлобно откликнулся Майк. — Ребята, вы все были вчера возле школы, когда Корди и ее мать искали Табби.

— Меня не было, — уточнил Дуэйн.

— Точно, не было, — кивнул Майк. — Дейл, расскажи ему о том, что случилось.

Дейл описал столкновение между миссис Кук, с одной стороны, и доктором Руном и Джей-Пи Конгденом — с другой.

— Двойная Задница там тоже была, — добавил он в заключение. — И она сказала, что Табби ушел из школы. А мать Корди заявила, что это вранье.

Дуэйн вопросительно поднял бровь.

— Так что за идея пришла тебе в голову, О'Рурк? — спросил Харлен.

С помощью веточек и листьев он устроил запруды в желобке. Вода уже поднялась и стала разливаться по дну штольни.

Лоренс поднял ноги повыше, чтобы не намочил кеды.

— Ты предлагаешь нам заключить Корди в объятия и расцеловать? Думаешь, она после этого успокоится и перестанет горевать о брате? — поинтересовался Джим.

— Да нет же, — отмахнулся Майк. — Я предлагаю найти Табби.

Кевин, все это время бросавший в пруд камешки, замер. В сумраке пещеры его свежeweстиранная футболка казалась ослепительно-белой.

— С чего ты взял, что нам удастся сделать то, что оказалось не по зубам даже Конгдену и Барни? И с чего это вдруг мы должны кого-то разыскивать? — поинтересовался он.

— Потому что мы Велосипедный патруль, — спокойно объяснил Майк. — Именно ради таких дел мы и создали наш клуб. И нам по силам найти Табби, потому что мы можем ходить туда, куда заказана дорога Барни и Конгдену, и видеть то, чего не видят они.

— Я что-то не понимаю, — сказал Лоренс. — Как мы найдем Табби, если он убежал?

Харлен быстро наклонился и притворился, что сейчас прищипывает пальцами нос мальчика:

— А мы тебя, шалопай, используем в качестве ищейки. Дадим тебе понюхать пару старых вонючих носков Табби, и ты будешь искать его по запаху. Идет?

— Заткнись, Харлен, — велел Дейл.

— А ты заставь меня заткнуться, — предложил тот и плеснул водой в лицо Дейлу.

— Заткнитесь вы оба, — велел Майк и продолжил, будто никто его не прерывал: — Вот что... Давайте последим за Руном, Двойной Задницей, Ван Сайком и остальными, тогда и узнаем, имеют ли они отношение к исчезновению Табби.

Дуэйн нашел в кармане какую-то бечевку и принялся замысловато переплетать ее на пальцах, играя сам с собой в «веревочку».

— А почему они должны иметь к этому отношение? — задумчиво поинтересовался он.

— Не знаю, — пожал плечами Майк. — Может быть, потому, что они зануды и врут на каждом шагу. И к тому же... Знаешь, есть в них что-то странное. Тебе не кажется?

Дуэйн даже не улыбнулся:

— Я думаю, что многие люди со странностями. Но это еще не значит, что они воруют толстых мальчишек.

— Если бы это было так, — подал голос Харлен, — ты был бы обречен.

Дуэйн улыбнулся и чуть-чуть повернулся в его сторону. Харлен был на фут короче, чем он, и весил примерно в половину меньше.

— *Et tu, Brut?*¹ — вполголоса произнес Дуэйн.

— И что это значит? — поинтересовался Харлен; его глаза сузились.

Дуэйн снова вернулся к своей игре:

— Это то, что ответил Цезарь, когда Брут спросил его, ел ли он в тот день харленбургеры.

— Эй, — вмешался Дейл. — Давайте решим все по-быстрому. Мне пора домой, подстригать газон.

— А я должен помочь отцу вычистить молочную цистерну, — подал голос Кевин. — Так что и правда надо наконец договориться.

— Договориться о чем? — спросил Харлен. — Будем ли мы следить за Руном и Двойной Задницей, чтобы узнать, не убили ли они Табби Кука? И не съели ли его?

— Ага, — сказал Майк. — И не знают ли они, что с ним случилось, и не прячут ли концы в воду.

Харлен в упор посмотрел на Майка:

— А ты возьмешься следить за Ван Сайком? Среди психов Старой центральной школы этот тип единственный, кто и вправду способен убить ребенка. И он не задумываясь убьет нас, если заметит, что мы за ним следим.

— Ван Сайка я беру на себя, — кивнул Майк. — Кто возьмет доктора Руна?

— Я, — вызвался Кевин. — Он все равно нигде не бывает, кроме школы и той комнатки, которую снимает. Так что следить за ним будет нетрудно.

— Как насчет миссис Даббет? — спросил Майк.

— Я! — в один голос вызвались Харлен и Дейл.

Майк ткнул пальцем в Харлена:

— Поручим ее тебе. Но смотри, она ни сном ни духом не должна узнать о слежке.

— Я растворюсь в тени деревьев, командир.

Лоренс разворошил палочкой запруду Харлена.

— А за кем будем следить мы с Дейлом?

— Кто-то должен присматривать за Корди и ее семейством, — сказал Майк. — Табби может вернуться, а мы даже знать этого не будем.

¹ И ты, Брут? (*лат.*)

— Фу-у-у... — недовольно протянул Дейл. — Они живут за свалкой.

— Но вам же не надо будет бегать туда каждый час. Достаточно проверить разок в день. Или даже раз в два дня. А может, хватит и того, чтобы понаблюдать за Корди, когда она в городе. Ну, в общем, сориентируетесь по обстоятельствам.

— Ладно.

— А как насчет Дуэйна? — спросил Кевин.

Майк швырнул камешек в пруд и взглянул на друга:

— А что ты сам хотел бы делать, Дуэйн?

Узор из бечевки на пальцах Дуэйна по своей сложности напоминал паутину, с которой недавно боролся Лоренс.

— А ведь на самом деле вы, парни, хотите узнать совсем другое, — задумчиво откликнулся он. — Ведь вам нужно выяснить, не стоит ли за всем этим сама Старая школа. Безумная идея. Поэтому я беру на себя школу.

— А ты уверен, что справишься с этим, кубышка с жиром? — спросил Харлен, направляясь к краю штольни, чтобы помочиться в темный пруд.

— Что значит, ты берешь на себя школу? — поинтересовался Майк.

Дуэйн потер нос и поправил очки.

— Я тоже считаю, что в нашей школе есть что-то странное, — тихо пояснил он. — И попытаюсь разузнать о ней побольше, покопаюсь в ее истории. Может быть, удастся добыть какие-нибудь сведения и о Руне, и о других...

— Наш Рун наверняка вампир, — усмехнулся Харлен, застегивая молнию на штанах. — А Ван Сайк — оборотень.

— А Двойная Задница? — оживился Лоренс.

— Она просто старая сука, которая слишком много задает на дом.

— Эй, — предостерег его Майк, — следи за комызы, когда говоришь с енкомреб.

— Я совсем не енкомреб! — возмутился разгадавший хитрость Лоренс.

Майк повернулся к Дуэйну:

— Где ты собираешься раздобыть исторические сведения?

Тот пожал плечами:

— К сожалению, в библиотеке Элм-Хейвена почти ничего нет, но я попробую наведаться в Оук-Хилл.

— Хорошо, — кивнул Майк. — Что ж, давайте соберемся здесь же через пару...

Он вдруг умолк.

За все время разговора по дороге над их головами, осыпая гравием ближайшие кусты и оставляя за собой облако пыли, медленно оседавшее на листья, проехали всего несколько машин. Но шум, донесшийся до ребят сейчас, был таким сильным, как будто наверху громыхал тяжелый трейлер. Заскрипев тормозами, грузовик остановился.

— Ш-ш-ш! — прошептал Майк, и все шестеро бросились на землю ничком, словно надеясь, что так их наверняка не заметят.

Харлен осторожно отполз подальше от входа.

Мотор замолчал, затем хлопнула дверца кабины, и ужасное зловоние наполнило пещеру, окутав ребят ядовитым облаком.

— Фу, ну и вонища, — прошептал Харлен. — Это же труповоз, тот...

— Заткнись, — прошипел Майк.

Джим послушно закрыл рот.

На дороге под чьими-то ботинками заскрипел гравий. Затем наступила тишина, как будто Ван Сайк — или кто это там был — остановился прямо перед прудом.

Дейл поднял палку, которую незадолго до того выронил Лоренс, и крепче сжал ее, держа как палицу. Лицо Майка стало бледным как мел. Кевин оглянулся на остальных и тяжело сглотнул, кадык его резко дернулся. Дуэйн зажал ладони между колен и застыл в ожидании.

Что-то тяжелое с шорохом скользнуло по листьям и плюхнулось в бассейн, обрызгав Харлена.

— Черт! — воскликнул тот и хотел было добавить что-то еще, но Майк зажал ему рот.

Снова послышался скрип гравия под ногами, затем шелест травы, — похоже, Ван Сайк спускался по склону.

Издалека — кажется, со стороны Страстного кладбища — донесся рокот мотора другой машины. Затем звук тормозов и краткий гудок сигнала.

— Ему не проехать, — шепнул Кевин.

Майк кивнул. Шелест сорняков стал тише и в конце концов смолк. Снова хлопнула дверца кабины, и грузовик тронулся с места, направляясь вверх по склону холма, к бару «Под черным

деревом». Машина позади него опять просигналила. Через минуту все стихло и вонь стала слабеть. Но до конца не исчезла.

Майк встал и двинулся к краю штольни.

— Черт поberi, — прошептал он.

А ведь Майк почти никогда не ругался.

Ребята подошли и встали рядом с ним.

— Что за дьявол? — выдохнул Кевин.

Он задрал и прижал к носу футболку, чтобы защититься от запаха, который, похоже, поднимался от темной воды.

Дейл заглянул через его плечо. Рябь на поверхности успокоилась, поднятая со дна грязь осела, и, хотя вода еще не стала прозрачной, сквозь нее уже можно было видеть белую плоть, колышущийся живот, тонкие ручки, пальцы и мертвые карие глаза, обращенные прямо на мальчишек.

— О господи боже, — выдохнул Харлен. — Это какой-то ребенок. Он бросил сюда мертвого ребенка.

Дуэйн взял из рук Дейла палку, лег на живот, опустил руку в воду и, поддев мертвое тело, перевернул его. Редкие волоски на руках шевелились, и казалось, что двигаются сами руки и пальцы. Дуэйну удалось подтянуть голову трупа почти к самой поверхности.

Остальные резко отпрянули. Лоренс отошел в дальний конец пещеры. Он дрожал и явно был близок к слезам.

— Это не ребенок, — сказал Дуэйн. — По крайней мере, не человеческий ребенок. Это какая-то обезьяна. Думаю, резус. Ма-кака.

Харлен старался разглядеть то, что было в воде, но издалека, не решаясь подойти ближе.

— Если это несчастная обезьяна, тогда где ее мех?

— Не мех, а волосы, — рассеянно поправил его Дуэйн.

Он взял еще одну палку и, действуя обеими одновременно, перевернул тело. Спина приподнялась над поверхностью воды, и ребята явственно увидели хвост. Тоже без шерсти.

— Я не знаю, что случилось с волосами, — пожал плечами Дуэйн. — Может быть, это болезнь. А может, это несчастное существо кто-то ошпарил.

— Ошпарил... — повторил за ним Майк, с явным отвращением глядя в воду.

Дуэйн наконец отпустил мертвое тело, и все наблюдали, как оно медленно опускается на дно. Пальцы все еще шевелились, словно посылая им какие-то знаки или прощаясь.

А пальцы Харлена выстукивали стаккато на ближайшей стенке.

— Майк, послушай, ты все еще хочешь следить за Ван Сайком? — спросил он.

— Да, — кивнул Майк, не оборачиваясь.

— Пошли отсюда, — попросил Кевин.

Они выбрались из пещеры, сминая траву, поспешили к своим велосипедам, но, прежде чем направиться вверх по холму, покружили на месте и внимательно осмотрелись. Смерд от труповоза все еще висел в воздухе.

— Что, если он вернется?

Харлен произнес вслух именно то, о чем секунду назад подумал Дейл.

— Велосипеды немедленно в траву, — коротко приказал Майк. — Бежать напрямик через лес к ферме дяди Генри и тети Лины, родственников Дейла.

— А если он вернется, когда мы уже будем на дороге в город? — дрожащим голосом спросил Лоренс.

— Тогда прячемся в поле, — вмешался Дейл и ласково тронул за плечо младшего брата. — Эй, ты не бойся. Ван Сайку мы не нужны. Он просто выбросил мертвую обезьянку в воду.

— Давайте-ка лучше поскорее уносить отсюда ноги, — сказал Кевин.

Все дружно пригнулись к рулям, готовясь к крутому подъему.

— Подождите минуту, — попросил Дейл.

Дуэйн Макбрайд только вылез на дорогу, красный и запыхавшийся, астматическое дыхание стало особенно заметным.

Дейл развернул велосипед:

— Ты в порядке?

— Все нормально. — Дуэйн успокаивающе махнул рукой.

— Хочешь, мы проводим тебя до фермы?

Дуэйн усмехнулся:

— И останетесь поддерживать меня за ручку, пока не вернется Старик? До ночи? Или до завтра?

Дейл заколебался. Он подумал, что Дуэйн мог бы поехать вместе с ним и что им теперь лучше держаться всем вместе. Но тут же осознал всю глупость таких мыслей:

— Я позвоню вам, когда разузнаю что-нибудь о Старой центральной.

Дуэйн сделал прощальный жест и начал взбираться на первый из двух холмов, отделявших его от дома.

Дейл помахал в ответ и присоединился к остальным, усталым, охваченным тревогой, мечтающим поскорее вернуться домой.

После того как ребята миновали бар «Под черным деревом», шоссе совсем опустело — такими безлюдными, безжизненными шоссе могут быть только в Иллинойсе. Мальчики усердно крутили педали. Вскоре они свернули с Шестого окружного на Джубили-Колледж-роуд, и перед их глазами возникла водонапорная башня.

До самого Элм-Хейвена им не встретилась ни одна машина. Ни один грузовик не проехал мимо.

Глава 7

Бесплатный сеанс обычно начинался после заката, но зрители собирались в парке Бандстенд значительно раньше, когда блики солнечного света еще озаряли Мейн-стрит и, подобно рыжей кошке, медленно уползали с прогретого тротуара. Экран натягивали на стене паркового кафе. Фермеры приезжали целыми семьями и спешили занять лучшие места на стоянке вдоль Бруд-авеню, на той стороне, что прилегала к парку. Пристроив свои пикапы и фургоны, они располагались на травке или присаживались на эстраду, чтобы поболтать с горожанами и узнать все городские новости. Большинство же местных жителей подтягивались уже в сумерках, когда на фоне быстро темнеющего неба в воздухе бесшумно скользили летучие мыши. Бруд-авеню под аркой высоких вязов превращалась в темный туннель, открывающийся в светлую широту Мейн-стрит и заканчивающийся ярко освещенным островком парка, где не смолкали шум и смех.

Традиция бесплатных сеансов уходила корнями во времена Второй мировой войны, когда ближайший кинотеатр — «Эвалтс Палас» в Оук-Хилле — был закрыт в связи с тем, что сын Эвалтса Уолт, единственный в городе киномеханик, поступил на службу в морской корпус. Фильмы еще демонстрировали в Пеории, но из-за нормированного отпуска бензина большинство горожан не могли позволить себе такую роскошь, как путешествие длиной в сорок миль.

Решение проблемы взял на себя старший мистер Эшли-Монтегю: летом 1942 года он каждую субботу привозил из Пеории проектор, вешал на стену кафе белое полотнище высотой двадцать футов и показывал всем желающим журналы новостей, хронику войны, мультфильмы и художественные ленты.

Сами Эшли-Монтегю не жили в Элм-Хейвене с того дня в 1919 году, когда их особняк сгорел, а дедушка нынешнего мистера Эшли покончил жизнь самоубийством. Но представители мужской половины семейства довольно часто посещали городок, делали пожертвования на общественные нужды и вообще опекали маленький городок, подобно тому как в старину английские сквайры заботились о маленьких деревушках, выросших на их землях. И теперь, по прошествии восемнадцати лет с того дня, когда сын последнего элм-хейвенского Эшли-Монтегю в июне 1942-го провел в городском парке первый бесплатный сеанс, традицию продолжал уже его сын.

Вот и сегодня, с наступлением четвертого вечера июня 1960 года, длинный «линкольн» мистера Эшли-Монтегю припарковался на специально приготовленном для него месте у западной стенки эстрады. Увидев, как мистер Тейлор, мистер Сперлинг и другие члены городского совета помогают выгрузить и установить на деревянную платформу массивный проектор, зрители торопливо расселись на скамьях и разостланных прямо на траве одеялах. Детей шуганули из-под эстрады и с нижних ветвей ближайших деревьев. Родители усадили их на складные стулья, поставленные в кузовах грузовичков и пикапов, вручили мешочки с попкорном, и парк погрузился в напряженную тишину ожидания. Небо над верхушками вязов становилось все темнее и темнее, и полотно экрана на стене кафе наконец засветилось и ожило.

Дейл и Лоренс вышли из дому довольно поздно, потому что ожидали возвращения отца, чтобы вместе с ним отправиться на бесплатный сеанс. Но он не успел приехать вовремя. Около половины девятого отец позвонил с границы штата и сказал, что задерживается в пути, но скоро будет дома, и велел идти без него. Мама вручила каждому из мальчиков по коричневому бумажному пакету с приготовленным попкорном и по пятьдесят центов на лимонад в парке и велела нигде не задерживаться после окончания фильма, а идти прямо домой.

Братья велосипеды они не стали. Обычно ни один мальчик не шел пешком туда, куда можно было доехать на велосипеде, но для двух братьев прогулка до парка была своего рода освященной временем традицией, идущей с той поры, когда Лоренс был слиш-

ком мал, чтобы самостоятельно ездить на велосипеде, и Дейл вынужден был отводить его в кино, крепко держа за руку на перекрестках притихших улиц.

Сейчас улицы тоже погрузились в тишину. Вечерний свет угас, но звезды еще не засияли, и в промежутках между вязами виднелись несущиеся по черному небу облака. Воздух благоухал ароматом свежескошенных трав и распустившихся цветов. В садах и густых зарослях живых изгородей звучала ночная симфония сверчков, а в ветвях засохшего тополя возле дома миссис Мун уже пробовала свой голос сова. Мрачный массив Старой школы вздымался над пустынными спортивными площадками, и мальчики торопливо миновали его по Второй авеню и свернули на запад, на Черч-стрит.

На каждом углу горели уличные фонари, но расстояние между ними было довольно большим, и на всем его протяжении под огромными деревьями царила непроглядная тьма. Дейл предложил брату пробежаться, чтобы не пропустить мультфильм, но Лоренс боялся споткнуться в темноте на неровных камнях тротуара и просыпать попкорн. Пришлось ограничиться тем, чтобы ускорить шаг. Над головами мальчиков шелестела невидимая листва. Окна больших старых домов на Черч-стрит были либо совсем темными, либо слабо освещались мерцанием черно-белых экранов телевизоров. Кое-где на верандах краснели огоньки сигарет, но силуэты самих курильщиков утопали в черноте ночи. На углу Третьей авеню и Черч-стрит, там, где доктор Рун снимал комнату на втором этаже старого пансиона миссис Сэмсон, Дейл и Лоренс перешли на другую сторону, миновали кирпичное строение, возле которого располагался каток, летом, конечно, не работающий, и свернули налево, на Бруд-стрит.

— Похоже на Хеллоуин, — тонким голоском проговорил Лоренс. — Будто все попрятались в темноте, чтобы мы их не видели. А мешок с попкорном — это моя сумка для выкупов. Но никого нет дома...

— Помолчи, пожалуйста, — приказал старший брат.

Из парка доносилась веселая музыка: показывали мультфильм киностудии «Уорнер бразерс». Темный туннель Бруд-стрит, где в больших, стоящих далеко от проезжей части викторианских особняках светились лишь несколько окон, остался по-

зади. На углу, как раз напротив почты, высилось здание Первой пресвитерианской церкви, которую исправно посещало семейство Стюарт. Сейчас там не было ни души.

— Что это? — вдруг прошептал Лоренс, останавливаясь и крепко сжимая в руках кулек с попкорном.

— Ничего. Ты о чем? — Дейл тоже остановился.

Из темноты над вязами и даже будто из их ветвей послышалось какое-то странное шуршание и поскрипывание.

— Там ничего нет, — поспешил успокоить брата Дейл и, делая шаг вперед, потянул Лоренса за руку. — Наверное, птицы...

Но Лоренс не двигался, и Дейл добавил:

— Или летучие мыши...

Дейл отлично видел этих ночных тварей: их темные тени мелькали в просветах между ветвями, крылья трепетали в воздухе.

— Это просто летучие мыши, — повторил Дейл и снова потянул брата за руку.

Но Лоренс стоял не двигаясь.

— Ты послушай... — прошептал он.

Дейл хотел было силой заставить брата идти вперед и на секунду задумался, что лучше: треснуть его по затылку, поддать слегка сзади или ухватить за ухо и протащить оставшийся отрезок пути — от парка их отделял всего один квартал, — но вместо этого замер и тоже прислушался.

Шуршали листья. Что-то визгливо кричали персонажи мультфильма — расстояние и влага, рассеянная в воздухе, не позволяли разобрать слова. В кронах деревьев хлопали кожаные крылья. Издалека доносились едва различимые обрывки разговоров...

Над головами мальчиков, в наполненной суетливым движением темноте, вместо почти ультразвукового писка летучих мышей раздавался тихий гомон тонких злых голосов. Вопли. Визг. Ругань. Проклятия. Большая часть звуков была за гранью понимания — сводящий с ума, лишенный смысла звукоряд походил на крикливую беседу, плохо слышную из соседней комнаты.

Но два слова мальчики расслышали совершенно явственно.

Дейл и Лоренс застыли на тротуаре, задрав головы и продолжая крепко сжимать в руках пакеты с попкорном, а летучие мыши голосами, которые походили скорее на скрежет зубов, вгрызающихся в классную доску, выкрикивали их имена. Далеко-

далеко голос Поросятки Порки произнес: «В-в-вот и все, ребята!»

— Бежим! — шепотом скомандовал Дейл.

Джиму Харлену не разрешили пойти на бесплатный сеанс в парк. Уезжая в Пеорию на очередное свидание, мать заявила, что он уже достаточно взрослый, чтобы оставаться дома без няньки, но не настолько, чтобы одному разгуливать по городу. Пришлось соорудать в постели чучело, которое должно было изображать его, Харлена, лежащего лицом к стене. Джинсы он скомкал так, чтобы было похоже на торчащие из-под одеяла ноги. Все это предназначалось для матери — на случай, если она вдруг вернется и захочет проверить, чем он занят. Но это вряд ли. Мать никогда не возвращалась домой раньше часа, а то и двух ночи.

В качестве киношной закуски Харлен прихватил с буфета пару бутербродов, вывел из-под навеса велосипед и рванул по Депо-стрит. Он задержался дольше, чем рассчитывал, потому что досматривал по телевизору очередную серию «Дымящегося ружья»¹, и на улице уже стемнело. И теперь, если он не хочет пропустить мультик, следует поторопиться.

Улицы были пусты. Джим знал, что все, кто был в состоянии водить машину и не желал смотреть бесплатный сеанс, уже несколько часов назад уехали в Пеорию или Гейлсберг. Уж он-то точно не станет торчать субботним вечером в Элм-Хейвене, когда вырастет.

Он, Джим Харлен, вообще не собирается оставаться в Элм-Хейвене и непременно уедет. Быть может, мать наконец выйдет за кого-нибудь из своих ухажеров — ну, например, за того механика из гаража, который просадил все свои деньги, пока с ней встречался, и тогда они все переберутся в Пеорию. А если нет, найдется другой способ. Как бы то ни было, он все равно сбежит через год или два. Харлен завидовал Табби Куку. Толстяк, у которого мозгов не больше, чем у той двадцатипятиваттной лампочки, что горит на крыльце дома, и то понял, что пора рвать когти из Элм-Хейвена. Конечно, Харлен был в совершенно другом положении,

¹ «Дымящееся ружье» («Gunsmoke») — еженедельный сериал Си-би-эс (1955–1975) в жанре вестерна, долгое время возглавлял список самых популярных телефильмов.

чем Табби, если судить по беспробудному пьянству Кука-старшего и глупому виду его жены, но и у него были свои проблемы.

Он ненавидел свою мать за то, что она после развода вернула себе девичью фамилию, а ему оставила фамилию отца, о котором в ее присутствии даже упоминать не разрешалось. Он ненавидел мать за то, что она по пятницам и субботам надевала декольтированные блузки и сексуальные черные платья и надолго исчезала из дому. Иногда, при мысли о том, что мать похожа на женщин, изображенных в журналах, которые он прятал в самой глубине шкафа, Харлену даже становилось смешно. Он ненавидел ее, когда она курила, оставляя на окурках полукруглые следы губной помады, а ему вдруг представлялись такие же следы на щеках всех этих подонков, которых он даже не знал... или на их телах. Он ненавидел ее за пристрастие к алкоголю, которое она старалась скрыть, притворяясь скромницей, но всегда выдавала себя подчеркнуто тщательным выговором, замедленными движениями и сентиментальной слезливостью. Стоило матери перебраться, она настойчиво лезла к Харлену с глупыми поцелуями.

Словом, он ненавидел свою мать. Если бы она не была... мозг Харлена испуганно шархнулся от плохого слова... если бы она не была такой плохой женой, то отец не стал бы встречаться со своей секретаршей, с которой он потом и убежал.

Харлен сердито вытер глаза рукавом рубашки и припустил по Бруд-авеню, с силой нажимая на педали.

Что-то белое мелькнуло за деревьями слева от дороги и заставило Джима взглянуть в ту сторону... потом еще раз и... Он резко затормозил.

Кто-то шел по аллее между широкими газонами. Харлен сумел рассмотреть короткое, широкое туловище, бледные руки и светлое платье — и видение тут же поглотила темнота.

«Черт, да это же Двойная Задница!» Он едва не присвистнул.

Аллея тянулась как раз между ее большим старым домом и заколоченным досками розовым викторианским особнячком, принадлежавшим миссис Дагган.

«Какого дьявола Двойная Задница шляется по аллее?» — подумал Харлен. Он уже совсем было решил выбросить это из головы и поспешить в кино, но тут вспомнил, что именно ему поручили следить за учительницей.

«Все это, конечно, ерунда. О'Рурк идиот, если думает, что я стану следить за этим старым динозавром. Вот еще! Что-то я не

видел, чтобы он или еще кто-нибудь следил сегодня за своим объектом. У Майка просто мания отдавать приказы... А все остальные придурки его слушаются... Но я-то не стану забивать себе голову этой детской чепухой.

Но что все-таки делает миссис Даббет на темной аллее?

Выносит мусор, дурак».

Но труповоза не будет до вторника. И к тому же в руках у Двойной Задницы ничего не было. На самом деле она, похоже, нарядилась как на праздник. Наверное, в то потешное розовое платье, что было на ней в последний день перед рождественскими каникулами. Нельзя сказать, чтобы старая ведьма устроила им тогда хорошую вечеринку: всего каких-то полчаса суеты вокруг подарков «от Санта-Клауса», на которых были заранее написаны имена одноклассников.

Какого же черта она там делает?

То-то О'Рурк удивится, если Джим Харлен будет единственным в их несчастном Велосипедном патруле, кто действительно сумеет что-нибудь разузнать о своей подопечной. Ну, например, что Двойная Задница занимается «этим» с доктором Руном или с говнюком Ван Сайком, пока остальные наслаждаются бесплатным сеансом.

От одной только мысли о такой возможности Харлена едва не стошнило.

Он переехал на другую сторону улицы, спрятал велосипед в зарослях со стороны дома миссис Дагган и выглянул из-за кустов. Едва различимый в темноте силуэт маячил почти у пересечения аллеи с Третьей авеню.

Харлен помедлил еще секунду и помчался следом, оставив велосипед: колеса будут слишком громко скрипеть по гравию и шлаку. Он передвигался короткими перебежками, держась в тени, поближе к высоким оградам, старательно огибая мусорные баки, чтобы не наделать шума. Он подумал было о собаках, но вспомнил, что в ближайших домах их нет. Только в доме Гибсонов жил старый кобель по кличке Декстер. Хозяева обращались с ним как с ребенком, так что сейчас он, наверное, смотрит вместе с хозяевами телевизор.

Тем временем училка пересекла Третью авеню, прошла мимо пансиона, в котором снимал квартиру доктор Рун, и через южную спортивную площадку направилась к зданию Старой центральной школы.

«Вот черт! — подумал Харлен. — Да она идет напрямиком в школу! Интересно, что ей там понадобилось?»

Однако он тут же сообразил, что Двойная Задница не сможет попасть внутрь. Когда они с Дейлом и остальными вернулись после дурацкой поездки в пещеру, то заметили, что кто-то забил досками окна нижнего этажа. Вполне возможно, это было сделано для того, чтобы мальчишки, вроде самого Харлена и его друзей, не шастали почем зря по пустым коридорам и классам Старой школы. Обе двери, южная и северная, были заперты на засовы и цепочки.

Миссис Даббет — теперь, в свете фонаря на углу, Харлен видел ее совершенно ясно — исчезла в сумраке около пожарного входа. Харлен спрятался за топодем на другой стороне улицы. Даже в двух кварталах от парка он отчетливо слышал музыку: на бесплатном сеансе уже демонстрировали художественный фильм.

До Харлена донесся стук каблуков по железным перекладинам, и он увидел, как бледный силуэт карабкается по пожарной лестнице. Еще через минуту дверь на втором этаже со скрипом открылась.

«Да у нее, оказывается, есть свой ключ!»

Харлен усиленно гадал, зачем это Двойной Заднице тащиться в Старую школу ночью, да еще в субботу, да еще летом и ко всему прочему — когда школу собираются закрыть навсегда.

«Вот дьявол! Неужели она и впрямь занимается „этим“ с доктором Руном?»

Харлен попытался представить, как миссис Даббет лежит поперек своего дубового стола, а над ней склоняется директор... Но эта задача оказалась не под силу даже его богатому воображению. По правде говоря, он никогда в жизни не видел, как занимаются сексом. Даже в журналах, спрятанных в его шкафу, были изображены только девушки, правда в таких позах, которые не оставляли сомнений в их намерениях, — но не более того.

Харлен чувствовал, как бешено бьется сердце, и, затаив дыхание, ждал, когда же на втором этаже вспыхнет свет. Окна оставались темными.

Почти прижимаясь к стене, чтобы училка не увидела его, если вдруг ей придет в голову выглянуть на улицу, Джим двинулся в обход школы.

Свет не зажигался.

Он подождал еще немного. Наконец в одном из высоких окон угловой комнаты на северо-восточной стороне, бывшего класса миссис Даббет, мелькнул слабый, будто фосфоресцирующий огонек. Именно в этом классе Харлен провел последний учебный год.

Как бы ему увидеть, что она там делает? Двери внизу заперты, окна подвала закрыты металлическими щитами. Можно, конечно, последовать примеру миссис Даббет и подняться по пожарной лестнице... Но стоило Харлену представить, что он столкнется с училкой у входа или — еще хуже — на темной лестнице, как он сразу отбросил эту идею.

Джим постоял еще минуту, наблюдая, как слабый огонек передвигается от окна к окну, будто старая перечница ходит по комнате, держа в руках банку со светлячками.

Издалека, со стороны парка, донесся взрыв смеха, — похоже, сегодня показывали комедию.

Харлен заглянул за угол школы. Там стоял мусорный контейнер, взобравшись на который он мог бы попасть на узкий карниз, проходивший в шести футах над землей. Водосточная труба с металлическими скобами привела бы его к карнизу над окнами второго этажа, к каменному орнаменту, украшавшему угол здания. Тогда ему останется только, цепляясь носками кед за каждую неровность в камне, вскарабкаться дальше по водосточной трубе, проходившей между каменными обрамлениями окон, до карниза, тянувшегося несколькими футами ниже подоконников третьего этажа.

Ширина карниза составляла около шести дюймов. Харлена не раз запирали в классе на переменах, так что времени на изучение всего, что удавалось увидеть за окном, было предостаточно. Он успевал даже покормить голубей, бросая им крошки, завалявшиеся в карманах. Конечно, на таком карнизе не постоишь просто так... и уж тем более по нему не погуляешь вдоль стены, но удержаться на нем некоторое время, балансируя и держась рукой за водосточную трубу, вполне можно. Харлену придется только осторожно продвинуться фута на два в сторону, а потом приподнять голову и заглянуть в окно.

Слабый свет, струившийся из окна, погас и тут же появился снова.

Харлен начал взбираться на мусорный контейнер.

Оказавшись на высоте второго этажа, он наконец остановился, чтобы передохнуть, и опасливо глянул вниз. Футах в двадцати под ним темнели каменные плиты дорожки и гравий.

— Ого! Вот это да!— едва слышно прошептал Харлен. — Хотел бы я посмотреть, что делал бы на моем месте ты, О'Рурк.

И он снова полез вверх.

В этот вечер Майку О'Рурку пришлось остаться дома и вместо бесплатного сеанса ухаживать за бабушкой. Родители оставили Майка с сестрами и Мемо, а сами уехали в клуб «Рыцари Колумба», расположенный в танцевальном центре «Серебряный лист» — стареньком здании, которое стояло в тени серебристых тополей в двадцати милях от Элм-Хейвена, если ехать по Хардроуд в сторону Пеории. Точнее говоря, ответственной за бабушку была старшая сестра Майка — семнадцатилетняя Мэри, но та умчалась на свидание ровно через десять минут после отъезда старших О'Рурков. Мэри категорически запрещалось гулять с мальчиками по вечерам, тем более если родителей не было дома, и к тому же она была наказана на целый месяц за какие-то недавние проступки. В чем именно провинилась сестра, Майк не знал, да его это и не интересовало. В общем, стоило прыщавому ухажеру Мэри подъехать к их дому на стареньком, выпуска пятьдесят четвертого года, «шевроле», она, взяв с сестер обещание не выдавать ее и пригрозив убить Майка, если он проболтается, выпорхнула из дому. Майк только пожал плечами: что ж, он получил лишний козырь и, когда понадобится, сумеет его использовать с максимальной пользой для себя.

Пятнадцатилетняя Маргарет тоже могла бы присмотреть за бабушкой, но не прошло и десяти минут после побега Мэри, как со стороны заднего двора послышались голоса: за Пег заехали три старшекласника и две подружки — все слишком молодые для того, чтобы иметь водительские права. Она тотчас же отправилась с ними в кино.

Обе девушки прекрасно знали, что родители вернутся с танцев далеко за полночь.

Строго говоря, в этом случае ответственность за бабушку переходила к тринадцатилетней Бонни, но Бонни и ответственность — понятия несовместимые. Иногда Майк думал, что на свете нет ни одной девочки, чье имя до такой степени не соответствовало бы

ее внешности¹. В то время как все младшие О'Рурки — и даже Майк — унаследовали прекрасные глаза, привлекательную внешность и свойственные ирландцам обходительность и такт, бедняжка Бонни была толстухой с тусклыми карими глазками и еще более тусклыми каштановыми волосами, обрамлявшими землистого цвета лицо, испещренное ранними юношескими угрями. Кроме того, Бонни, к сожалению, умудрилась перенять худшие черты характера матери, когда та была трезва, и злобную агрессивность отца, которую он проявлял лишь в пьяном безобразии. Вот и теперь Бонни шмыгнула в спальню, которую она делила с семилетней Кетлин, выставила младшую сестренку за дверь, заперлась и отказалась открыть, даже когда та ударилась в слезы.

Кетлин была самой хорошенькой из сестер О'Рурк: рыжеволосая, голубоглазая, с розовым, очаровательно веснушчатым личиком и потрясающей улыбкой, которая заставляла отца рассказывать легенды о сельских красавицах Ирландии — той самой Ирландии, в которой он никогда не бывал... Кетлин была неоспоримо прекрасна. Но так же неоспоримо она была умственно отсталой и в возрасте семи лет все еще ходила в детский сад, в то время как ее сверстники прилежно осваивали в школе премудрости чтения и азы арифметики. Иногда ее отчаянное старание понять простейшие вещи заставляло Майка выскакивать во двор и, спрятавшись в туалете, в одиночестве бороться с подступавшими к горлу рыданиями. Каждое утро, помогая отцу Кавано служить мессу, Майк молился, чтобы Господь помог его сестре стать такой, как все. Но Бог что-то не спешил откликаться на просьбы мальчика, а замедленное развитие Кетлин становилось все более и более очевидным.

Майк успокоил Кетлин, приготовил ей на ужин тушенное мясо с луком, картофелем и густой подливкой, а потом уложил малышку в кровать Мэри, стоявшую наверху, под низкими стропилами.

Убедившись, что с сестренкой все в порядке, он спустился вниз, к Мемо.

Майку было девять лет, когда с Мемо — матерью его мамы — случился первый удар. Он помнил, какой переполох начался в доме, когда бабушка вдруг перестала быть привычной для всех

¹ Bonny (англ.) — красивая, чаще всего по отношению к девушке

властной хозяйкой на кухне и превратилась в умирающую женщину в гостиной. Майк не знал слова «матриархат», но помнил функциональное определение: старая женщина в переднике в горошек, вечно толкущаяся на кухне или что-то шьющая на своем излюбленном месте в гостиной, без труда умеющая решить любую проблему и найти выход из любого положения, единственный человек, которому удавалось несколькими ласковыми словами вывести дочь из нередких приступов депрессии или резким выговором вернуть зятя домой из пивной, куда его затащили друзья, — это Мэри Маргарет Холлиган. Ведь именно Мемо избавила семью от финансового краха, когда отца на год уволили из пивоварни Пабста. Майку в то время было шесть лет, и он до сих пор помнил нескончаемые беседы на кухне, протесты отца: «Это ведь ваши сбережения» — и настойчивость бабушки. И именно Мемо спасла восьмилетнего Майка и Кетлин, которой незадолго до того исполнилось четыре, от самой настоящей гибели, когда на Депо-стрит каким-то непонятным образом оказалась бешеная собака. Майк сразу заметил, что животное ведет себя как-то странно, остановился, медленно отступил назад и велел Кетлин сделать то же самое. Но девочка любила собак и, не осознавая опасности, бесстрашно топала маленькими ножками. Когда Кетлин приблизилась к рычащему, с капающей из пасти слюной чудовищу на расстояние вытянутой руки и собака, уставившись на нее, приготовилась прыгнуть, все, на что был способен Майк, — это закричать тонким, пронзительным голосом, даже не похожим на его собственный.

И тут появилась Мемо: передник в горошек развевается по ветру, в правой руке зажата метла, сбившийся с головы платок болтается на шее. Подхватив Кетлин с земли, она с такой силой огрела метлой собаку, что та взлетела в воздух и приземлилась аж посередине улицы. Мемо передала внучку Майку и спокойным, но непререкаемым тоном велела ему отправляться домой, а сама снова повернулась к собаке, которая уже пришла в себя и готовилась к новой атаке. Мчась к дому с Кетлин на руках, Майк оглянулся через плечо, и зрелище, представшее его глазам, осталось в памяти навсегда: бабушка, широко расставив ноги, застыла в угрожающей позе, платок развевается вокруг шеи... она ждет... ждет... Позже констебль Барни говорил, что даже представить себе не мог, как это собаку, а тем более бешеную собаку,

можно убить обыкновенной метлой, и что миссис Холлиган почти разmozжила чудовищу голову.

Барни произнес тогда именно это слово: «чудовище». И с тех пор Майк пребывал в твердой уверенности, что, какие бы чудовища ни являлись по ночам, его Мемо сумеет дать им достойный отпор.

Но меньше чем через год после этого события Мемо слегла. Первый удар был тяжелейшим: бабушку парализовало, ее лицо, всегда удивительно живое, отражавшее массу эмоций, сделалось совершенно безжизненным. Доктор Вискес сказал, что смерть Мемо — вопрос всего лишь нескольких дней, ну, может быть, недель.

И все же доктор ошибся.

Майк помнил, как странно было видеть гостиную — обычно центр неустанных хлопот Мемо — превращенной в комнату тяжелобольного человека. Вместе с остальными членами семьи он ждал конца.

Но в то лето бабушка победила смерть. К осени она научилась выражать желания с помощью целой системы кодовых морганий, а к Рождеству уже могла говорить, правда разбирать слова удавалось только домашним. К Пасхе Мемо, выиграв битву со своим собственным телом, заставила действовать правую руку и даже иногда садилась в кресле.

Через три дня после Пасхи случился второй удар. А месяцем позже — третий.

Последние полтора года Мемо походила на труп, только этот труп все еще дышал. Лицо пожелтело и сморщилось, кисти рук скрючились, как лапы мертвой птицы. Она не могла двигаться, не могла контролировать физиологические отправления. Единственным средством ее общения с миром по-прежнему оставалось мигание. Но как бы то ни было, Мемо продолжала жить.

Когда Майк вошел в гостиную, за окном уже сгустились сумерки. Он зажег керосиновую лампу — в дом уже давно провели электричество, но в своей комнате наверху Мемо предпочитала пользоваться старинными светильниками, а потому семья решила не лишать старушку этого удовольствия здесь, в гостиной, — и сразу подошел к высокой кровати, в которой лежала бабушка.

Мемо лежала на правом боку, устремив взгляд прямо на внука. Впрочем, такая картина повторялась изо дня в день, за исключением тех, когда больную переворачивали лицом к стене, чтобы по возможности избежать появления болезненных и опасных пролежней. Желтое лицо Мемо, покрытое сетью морщин, казалось восковым и, откровенно говоря, уже мало походило на человеческое. Глаза — чуть навывкате, будто их выталкивала изнутри какая-то неведомая сила или они распухали от обилия таившихся в черной глубине невысказанных мыслей, — казались пустыми и безжизненными, изо рта вытекала тонкая струйка слюны.

Майк взял одно из чистых полотенец, лежавших в изножье кровати, и промокнул бабушке рот, затем проверил, не нужно ли ее переодеть. Предполагалось, что последняя процедура — забота девочек и брат не должен принимать в ней участие, но Майк ухаживал за Мемо чаще и лучше, чем они все, вместе взятые, так что все отправления бабушкиных почек или кишечника не были для него тайной. Постель была чистой и сухой. Майк сел на низенький стульчик и взял Мемо за руку.

— Сегодня такая чудесная погода. Настоящее лето, — прошептал он.

Майк сам не знал, почему шепчет в ее присутствии, но так было всегда, причем остальные тоже разговаривали при бабушке шепотом. Даже мать.

Он оглядел комнату. На окнах тяжелые занавески. Столик заставлен склянками с лекарствами в окружении старинных ферротипий и фотографий, запечатлевших самые разные моменты жизни Мемо — времени, когда она была полна сил и энергии. Как давно бабушка не рассматривала свои реликвии!

В углу пылилась старая виктрола, и Майк поставил одну из любимых пластинок старушки: арию из «Севильского цирюльника» в исполнении Карузо. Прекрасный голос знаменитого тенора, иногда заглушаемый визгливым скрежетом иглы по поверхности диска, заполнил комнату. Однако Мемо не отреагировала на звуки ни одним движением, даже не моргнула, хотя Майк почему-то был уверен, что она слышит музыку. Он снова отер слюну с подбородка бабушки, промокнул уголок рта, поудобнее устроил ее на подушках, потом снова сел на скамеечку и взял Мемо за руку — совершенно сухую и словно неживую. Именно Мемо когда-то в День Всех Святых рассказала маленькому Майку страш-

ную историю «Обезьянья лапа», напугав его так сильно, что мальчик потом полгода не мог спать без света.

«А что, если бы я поклялся на руке Мемо?» — подумал Майк, но тут же прогнал недобрую мысль и во искупление греха поспешил прочесть про себя молитву Богородице.

— Мама с отцом уехали потанцевать... — зашептал он.

Скрежет иглы и шипение пластинки почти заглушали голос великого тенора.

— Мэри и Пег ушли в кино. — Майк старался произносить слова негромко, но как можно разборчивее. — Дейл сказал, что сегодня на бесплатном сеансе показывают фильм «Машина времени». Он говорит, что это про парня, который отправился в будущее... ну, или что-то в этом роде...

Тут Майк замолчал и пристально посмотрел на бабушку: ему почудилось легкое движение под одеялом, слабое подрагивание. Услышав тихий звук выпускаемых газов, он смешался и, чтобы скрыть смущение, заговорил быстрее:

— Довольно дикая идея — отправиться в будущее, правда, Мемо? Дейл верит, что когда-нибудь люди научатся путешествовать во времени, но Кевин считает, что это невозможно. Он говорит, что это совсем не то, что отправиться в космос, куда русские запустили свой спутник... Помнишь, как мы с тобой следили за теми событиями пару лет назад? Я сказал, что в следующий раз они, может быть, пошлют в космос человека, а ты сказала, что хотела бы туда полететь. Но Кев говорит, что путешествовать во времени, особенно назад, невозможно, потому что это может породить множество пара... — Майк попытался выговорить трудное слово. Он не хотел выглядеть тупицей перед Мемо: она единственная в семье не считала его глупым, когда он остался на второй год в четвертом классе. — Пара... парадоксов, вот. Ну, например, что будет, если ты отправишься в прошлое и случайно убьешь там своего дедушку?

Майк сразу заткнулся, сообразив, что ляпнул лишнее. Его дедушка — муж Мемо — погиб тридцать два года назад, когда чистил главный бункер зернового элеватора, а металлическая заслонка случайно открылась, и оттуда изверглось одиннадцать тонн зерна. Майк однажды слышал, как отец рассказывал кому-то, что старый Девин Холлиган боролся с растущей зерновой кучей, как собака, попавшая в бурную реку, но в конце концов все же задох-

нулся. Вскрытие показало, что его легкие были битком забиты зерном и пылью.

Майк снова взглянул на руку Мемо и принялся гладить ее пальцы, вспоминая далекий осенний вечер... Ему тогда было лет шесть-семь, и они с Мемо сидели здесь же, в гостиной, и разговаривали. «Майкл, твой дедушка ушел, когда за ним пришел господин Смерть, — не отрываясь от шитья, рассказывала она. — Человек в черном плаще вошел в зерновой элеватор и взял моего Девина за руку. Но мой муж выдержал целую битву — и какую битву! И я, дорогой мой мальчик, сделаю то же самое, когда он явится за мной. Я не позволю ему войти и схватить меня. Без драки ни за что не сдамся! Нет, Майк, ни за что не сдамся».

Майк вообразил тогда, как Смерть — человек в темном плаще — нападает на Мемо, но она дерется с ним и побеждает, а потом отшвыривает Смерть в сторону, словно бешеную собаку.

Он наклонился и заглянул бабушке в глаза, как будто надеясь, что близкое расстояние поможет установить, так сказать, двустороннюю связь. Но в ее зрачках увидел лишь слегка искаженное отражение собственного лица и мигающей керосиновой лампы. Тонкие светлые волоски на щеках Мемо слегка шевелились от его дыхания.

— Я не впускаю его, Мемо, — прошептал он. — Я не впускаю его без твоего позволения.

Сквозь щель между занавесками Майк видел лишь подступившую к дому ночную черноту. Откуда-то сверху доносилось поскрипывание дощатых стен. Снаружи что-то скребло по стеклу.

Пластинка кончилась, и игла теперь скользила по пустым бороздкам, скрежеща, как коготь по камню, но Майк продолжал сидеть не шевелясь, склонившись к Мемо и крепко сжимая ее руку в своих.

Теперь летучие мыши казались чем-то смешным и далеким и наполовину забытым. Устроившись поудобнее на лужайке парка Бандстенд, Дейл и Лоренс Стюарты увлеченно смотрели «Машину времени». Поскольку мистер Эшли-Монтегю часто привозил ленты через несколько дней после показа их в своем кинотеатре в Пеории, Дейл уже знал, что на бесплатном сеансе покажут именно этот фильм, и до смерти хотел посмотреть его, так как около года назад прочитал комикс.

Ветерок шуршал в листве деревьев, а на экране Род Тейлор спасал тонущую в реке Иветт Мимье, в то время как медлительный злой безучастно наблюдал за происходящим. Лоренс сидел, поджав под себя ноги, — явное свидетельство того, что он нервничает, — и жевал последние крупинки попкорна, запивая их купленным в парке лимонадом «Доктор Пеппер». Широко распахнутыми глазами малыш следил за тем, как Род Тейлор спускается в подземный мир морлоков, и все теснее прижимался к брату.

— Все в порядке, — шепнул Дейл. — Они боятся света, а у этого парня есть спички.

Глаза морлоков вспыхнули желтым огнем и стали похожими на светляков в кустах южной оконечности парка. Род Тейлор зажег первую спичку, и чудовища подались назад, прикрывая морды синими лапами. Листья над головами мальчиков продолжали шуршать, и Дейл, глянув вверх, заметил, что звездное небо постепенно заволакивают тучи. Оставалось только надеяться, что кино успеет закончиться до того, как пойдет дождь.

Помимо микрофона, встроенного в проектор, мистер Эшли Монтегю установил около эстрады еще два дополнительных, выносных, но звук все равно был негромким. Крики Рода Тейлора и вопли разгневанных морлоков смешивались с шелестом листьев на ветру и хлопаньем кожаных крыльев летучих мышей, сновавших в кронах деревьев.

Лоренс еще ближе придвинулся к Дейлу. На его джинсах зазеленело пятно от травы, но он ничего не замечал и даже забыл про попкорн, а потом снял кепку и принялся жевать козырек — еще один признак волнения.

— Все нормально. — Дейл ласково потрепал брата по плечу. — Он выведет Виенну из пещеры.

Цветные образы продолжали мелькать на экране.

А ветер тем временем становился все сильнее.

Дуэйн ужинал на кухне, когда до него неожиданно донесся рокот приближающегося грузовика.

Как правило, сидя в своей подвальной комнатке с включенным радио, он не слышал таких звуков, но сейчас входная дверь была открыта, окна распахнуты настежь и кругом царил полная тишина, нарушаемая лишь привычными звуками лета: непрерывным стрекотом сверчков и кваканьем древесных лягушек возле

пруда. Время от времени в свинарнике хлопала металлическая дверца, ведущая к корытам.

«Что-то Старик сегодня рано», — подумал Дуэйн, но в ту же секунду понял, что шум исходит от незнакомой машины. Этот грузовик был гораздо больше... или, по крайней мере, его двигатель был мощнее.

Приподняв сетку от насекомых, закрывавшую дверной проем, парень выглянул на улицу. Через несколько недель подросшие посевы полностью скроют подъездную дорогу, но пока ближайшая сотня — или около того — ярдов еще оставалась в поле зрения. Машина не появилась. Не слышно было и шороха колес по гравиию.

Дуэйн нахмурился, взял сэндвич с ливерной колбасой и вышел на тропку между домом и сараем, откуда была лучше видна подъездная дорога. Случалось, хоть и довольно редко, что люди пользовались ею, чтобы развернуться. Шум определенно производил грузовик. Дядя Арт ни за что не сел бы за руль такой машины. Он говорил, что жизнь в сельской местности тошнотворна и не стоит делать ее еще более отвратительной, таскаясь по дорогам в кабине самого отвратительного из автомобилей, когда-либо созданных в Детройте. Мотор, звук которого слышал Дуэйн, не мог принадлежать и «кадиллаку» дяди Арта.

Вокруг стояла тишина. Дуэйн жевал сэндвич и смотрел на дорогу. По совершенно темному небу скользили бесформенные облака, и низкие колосья на полях словно замерли в ожидании бури. В канавах и на стволе раскидистой дикой яблони мерцали голубоватые огоньки светляков.

Примерно в сотне ярдов от Дуэйна, почти у самого въезда на подъездную дорогу, виднелась неподвижная громада грузовика. Детали рассмотреть было невозможно, но там, где должны были светиться фары, виднелась лишь чернота.

Дуэйн помедлил несколько секунд, прикончил сэндвич и попытался припомнить, у кого он видел похожий грузовик и кто мог бы приехать к ним в субботний вечер. Нет, таких он не знал.

Возможно, кто-то привез напившегося Старика? Подобное случалось прежде. Но не в такую рань.

Где-то на юге сверкнула молния, но грома Дуэйн не услышал: слишком далеко. Мгновенная вспышка света не позволила полу-

ше разглядеть что-либо, лишь подсказала, что машина все еще стоит на месте.

Что-то теплое прижалось к голени мальчика.

— Ш-ш-ш, Виттгенштейн, — прошептал он, опускаясь на одно колено и обнимая пса за шею.

Тот дрожал и как-то странно поскуливал.

— Ш-ш-ш, — снова шепнул Дуэйн и погладил собаку по голове.

Но Виттгенштейн не переставал дрожать.

«Если они вышли из грузовика, то вот-вот будут здесь, — подумал Дуэйн и тут же недоуменно спросил себя: — Кто *они*?»

— Пошли, Витт, — тихо проговорил он.

Взяв колли за ошейник, Дуэйн вернулся в дом, выключил свет, прошел в соседнюю комнату, которую Старик важно называл своим кабинетом, взял со стола ключ, вернулся в столовую и отпер сундук, в котором, как он давно знал, лежало отцовское оружие. Секунду поколебавшись, Дуэйн оставил на месте двустволку, охотничий карабин калибра тридцать ноль шесть и ружье двенадцатого калибра и взял в руки помповое пневматическое ружье шестнадцатого калибра.

В кухне завыл Виттгенштейн, скребя лапами по линолеуму.

— Ш-ш-ш, Витт, — негромко успокоил пса Дуэйн. — Все нормально, мальчик.

Он проверил казенную часть ружья, убедился, что она в порядке, подкачал воздух, снова проверил, держа пустой магазин против слабого света, проникавшего сквозь занавески, и открыл нижний ящик стола. Патроны лежали, как обычно, в желтой коробке. Присев на корточки возле стола, Дуэйн быстро вставил пять штук в магазин и еще три положил в карман фланелевой рубашки.

Виттгенштейн залаял, но Дуэйн не стал звать его из кухни. Откинув сетку, закрывавшую окно в столовой, мальчик вылез в темноту двора и медленно двинулся вокруг дома.

Фонарь на столбе освещал площадку для разворота машин и ближайшие десять ярдов подъездной дороги. Дуэйн пригнулся и подождал несколько секунд. Почувствовав, как сильно бьется сердце, он сделал несколько глубоких, медленных вдохов, чтобы успокоиться.

Внезапно наступила тишина. Замолкли даже сверчки. Тысячи колосьев стояли совершенно неподвижно. Ветер стих, и казалось, что сам воздух застыл на месте. Неожиданно на юге снова сверкнула молния, но на этот раз секунд через пятнадцать раскатисто прогремел гром.

Дуэйн продолжал ждать, бесшумно дыша ртом и держа палец на спусковом крючке. Ружье пахло порохом. Лай в кухне прекратился, но мальчик слышал, как колли мечется от одной запертой двери к другой и скребет когтями по полу.

Дуэйн ждал.

Прошло по меньшей мере пять минут, прежде чем двигатель грузовика взревел и под колесами захрустел гравий.

Дуэйн метнулся к краю поля, присел за колосьями и чуть пригнул их, чтобы лучше видеть подъездную дорогу.

Фары так и не вспыхнули. Грузовик дал задний ход, выполз на Шестое окружное шоссе, остановился и буквально через мгновение двинулся на юг — в сторону кладбища, бара «Под черным деревом» и Элм-Хейвена.

Дуэйн поднял голову и проводил его взглядом. Задние фары были погашены. Рокот мотора медленно стихал: грузовик удалялся. Мальчик нырнул обратно и снова присел на корточки, положив ружье на колени. Стараясь дышать медленно и глубоко, он напряженно прислушался.

Спустя минут двадцать с неба упали первые капли дождя. Дуэйн выждал еще три или четыре минуты и только тогда вышел из своего убежища. Держась у самой кромки колосьев, чтобы его силуэт не был виден на фоне неба, он обошел кругом дом и сарай — воробьи под застрехой молчали, свиньи в хлеву, как обычно уткнувшись рылами в землю, тихо похрюкивали — и через кухонную дверь вошел в дом.

Виттгенштейн по-щенячьи завилал хвостом и подслеповатыми глазами уставился на Дуэйна. Увидев в руках у мальчика ружье, он принялся носиться по кухне, попеременно подбегая то к хозяину, то к двери.

— Нет, — покачал головой Дуэйн, вынимая из магазина пули и раскладывая их на клетчатой скатерти кухонного стола, — мы не собираемся на охоту, дурачок. Но ты получишь особенный ужин, а потом... будешь ночевать сегодня со мной, внизу.

Дуэйн направился к буфету, а хвост Витта выбивал по линолеуму радостную дробь.

Припустивший было дождь почти перестал, но ветер шумел в колосьях и раскачивал ветви диких яблонь.

Джим Харлен вскоре обнаружил, что взобраться наверх будет не так легко, как ему казалось, тем более когда сильный ветер норовит запорошить пылью глаза. Пришлось даже остановиться на полпути, чтобы как следует их протереть.

«Что ж, по крайней мере стук и грохот, производимые ветром, заглушат шум от моего подъема по этой дурацкой трубе», — подумал Харлен.

Теперь, когда он был уже между вторым и третьим этажом, примерно в двадцати футах над мусорным контейнером, Джим осознал всю глупость своей затеи. Что будет, если Ван Сайк, или Рун, или кто-нибудь еще пройдет мимо? А если здесь окажется Барни? Харлен попытался представить, что скажет мать, когда вернется домой со свидания и обнаружит, что ее единственный сын сидит в каталажке у Джей-Пи Конгдена и ожидает перевода в тюрьму Оук-Хилла.

При мысли об этом он даже слегка улыбнулся, — по крайней мере, мать хоть тогда, может быть, вспомнит о его существовании.

Он взобрался еще на несколько последних футов, достиг карниза третьего этажа, оперся на него коленом и прижался щекой к кирпичной стене. Теперь можно немного передохнуть. Ветер раздувал тонкую футболку. Сквозь листья вяза внизу виднелись отблески уличного фонаря на углу Скул-стрит и Третьей авеню. Ну и высоко же он забрался!

Харлен не боялся высоты. Прошлой осенью он победил О'Рурка, Стюарта и всех остальных ребят, когда они взбирались на большой дуб позади сада Конгдена. Джим тогда залез почти на самую верхушку дерева, и друзья стали уговаривать его спуститься, но он упрямо поднимался выше, пока не ступил на последнюю ветвь, такую тонкую, что, казалось, не удержит и голубя. С верхушки дуба видны были только кроны деревьев, словно Элм-Хейвен неожиданно превратился в безбрежный зеленый океан. В сравнении с тем, на что Джим отважился сейчас, та затея была не более чем детской забавой.

Харлен посмотрел вниз и тут же пожалел об этом. Кроме дренажной трубы и лепнины на углу стены, между ним и бетонным тротуаром не было ничего — только двадцать пять футов пустоты.

Джим опустил веки, сосредоточился, восстанавливая баланс, и, снова открыв глаза, взглянул на окно.

До него было вовсе не два фута, а, пожалуй, больше четырех. Чтобы посмотреть, что делается внутри, придется оторваться от проклятой трубы.

Свет исчез. Он был почти уверен, что сейчас Двойная Задница выйдет из-за угла школы и зычно рявкнет: «Джим Харлен! А ну слезай оттуда сейчас же!»

Что тогда? Может ли она оставить его на второй год в шестом классе? Или лишить его каникул?

Харлен улыбнулся, набрал в грудь побольше воздуха, перенес всю тяжесть тела на колени и медленно двинулся вдоль карниза, распластавшись на стене, словно птица. На узком карнизе его удерживала только сила сцепления.

Правой рукой он нащупал край окна и обхватил пальцами выпуклость орнамента под подоконником. Теперь все в порядке. Он молодец.

Опустив голову, Джим прижался щекой к стене и на несколько мгновений замер в таком положении. Все, что ему нужно было сделать, чтобы заглянуть в комнату, — это приподнять голову.

В эту секунду какая-то часть его разума запретила ему делать это: «Уходи! Отправляйся на бесплатный сеанс. Ступай домой, пока мама не вернулась».

Далеко внизу ветер зашуршал листьями деревьев и снова засыпал пылью глаза Джима. Харлен оглянулся на трубу. Вернуться будет совсем нетрудно: спускаться всегда легче, чем взбираться вверх. Ему вдруг вспомнилось, как Джерри Дейзингер и кое-кто еще из ребят дразнили его, называя «маменькиным сыночком».

«Они не должны знать, что я был здесь», — промелькнуло в голове у Джима.

«Тогда зачем же ты сюда взобрался, дурак?» — поинтересовался внутренний голос.

Харлен подумал о том, что и как можно будет рассказать О'Рурку и другим. Если вдруг окажется, что Двойная Задница

вернулась в школу всего лишь за своим любимым мелом или еще чем-нибудь в том же духе, придется приукрасить историю и заявить, например, что видел, как училка и Рун делали *это* в классе, прямо на ее столе... Да эти хлюпики будут в шоке, когда он им в красках опишет такую картину.

Харлен наконец поднял голову и заглянул в окно.

Миссис Даббет сидела не за своим столом, стоявшим в дальнем конце класса, а за маленьким рабочим столиком почти у самого окна, не дальше чем в трех футах от Джима. Свет в помещении не горел, но оно было наполнено слабым фосфоресцирующим сиянием — так светятся в ночном лесу гнилушки.

Училка была не одна. За маленьким столиком, на расстоянии вытянутой руки от прижавшегося носом к стеклу Харлена, сидела еще одна фигура — именно она и фосфоресцировала в темноте. Джим сразу узнал ее.

Миссис Дагган, бывшая коллега и приятельница миссис Даббет, всегда была очень худой, а за те месяцы, что ее глодал рак, истощала настолько, что руки — Харлен это отлично помнил — казались двумя косточками, обернутыми в веснушчатую плоть. Однако она вела уроки в школе до самого Рождества, а после никто из класса не видел ее до самой смерти. Только мать Сэнди Виттакер навестила как-то раз учительницу дома, а в феврале, когда та умерла, пришла на похороны. Она рассказывала Сэнди, что под конец от старой леди остались только кожа да кости.

Харлен узнал ее сразу.

Он на минуту перевел взгляд на Двойную Задницу: всем телом подавшись вперед, она широко улыбалась и, казалось, была полностью поглощена беседой.

Джим вновь уставился на миссис Дагган.

Сэнди говорила, что миссис Дагган похоронили в ее лучшем шелковом платье зеленого цвета — в том самом, которое она надевала на празднование Рождества, в свой последний день в школе. Именно это платье было на ней и сейчас, только почти совсем сгнившее, и сквозь дыры в ткани пробивалось зеленоватое сияние.

Тщательно причесанные волосы удерживались черепажовыми заколками — их Харлен тоже видел еще в классе, — но во многих местах череп совсем облысел, а кое-где в нем даже зияли дыры, совсем как в шелке платья.

С расстояния в три фута Харлен отчетливо видел руку миссис Дагган, лежавшую на столе: длинные пальцы, ставшее слишком большим золотое кольцо, тусклый блеск костей.

Миссис Даббет склонилась еще ближе к трупку своей подруги и что-то сказала, а потом с озадаченным видом перевела взгляд на окно, за которым замер на коленях Харлен.

Только теперь он понял, что фосфоресцирующее сияние освещает его прижавшееся к стеклу лицо, а значит, делает его таким же явственно видимым, как похожие на спагетти сухожилия на кисти миссис Дагган или темные колонии плесени и гнили на ее прозрачной плоти — вернее, на том, что осталось от плоти.

Уголкем глаза Харлен заметил, что Двойная Задница повернулась и смотрит прямо на него, но не мог оторвать взгляд от спины миссис Дагган, где под лопнувшей и разъехавшейся пергаментной кожей шевелились позвонки, похожие на белые камешки, перекатывающиеся под истлевшей тканью.

Миссис Дагган тоже повернулась в его сторону. С двух футов он отчетливо видел зеленоватый свет, пробивавшийся сквозь темную жидкую массу в том месте, где когда-то был ее левый глаз.

С оскаленными в безгубой улыбке зубами она наклонилась вперед, будто намереваясь поцеловать Джима через стекло. Но стекло при этом осталось прозрачным, не замутненным дыханием.

Харлен вскочил и бросился бежать, забыв, что под ногами лишь узкая полоса карниза, а ниже — двадцать пять футов пустоты, пропасть, на дне которой камень и бетон. Впрочем, даже вспомнив об этом, он все равно помчался бы без оглядки.

Он упал, даже не вскрикнув.

Глава 8

Майк очень любил церковные ритуалы. В это воскресенье, как и во все другие, за исключением особых праздничных дней, он помогал отцу Кавано служить обычную раннюю мессу, начинавшуюся в половине восьмого, а после нее остался в храме, чтобы исполнять обязанности главного алтарного служки во время торжественного богослужения, назначенного на десять часов. К ранней мессе людей обычно собиралось больше, поскольку католики Элм-Хейвена жертвовали лишним получасом своего времени только в тех случаях, когда их присутствие на торжественной мессе было по тем или иным причинам обязательным и избежать его не было никакой возможности.

Свои коричневые полуботинки Майк хранил в комнатке, которую отец Кавано называл алтарной. Прежний священник, старый отец Гаррисон, не возражал против того, чтобы из-под ряс его служек выглядывали тенниски, но отец Кавано говорил, что, помогая людям подготовиться к причастию, следует проявлять к ним уважение. Прежде у Майка не было выходной обуви, и непредвиденные расходы вызвали недовольство в семье. Отец ворчал, что ему и без того тяжело одевать четырех дочерей, а тут еще сыну понадобились праздничные наряды. Но в конце концов он все же согласился выказать почтение Богу. Кроме как в костел, Майк никуда не носил свои ботинки и надевал их только во время мессы.

Майк наслаждался каждой минутой церковной службы, и восхищение его возрастало с каждым днем. Почти четыре года назад, когда он только учился выполнять обязанности алтарного служки, требования отца Гаррисона к помощникам были невысоки: фактически главная задача мальчиков состояла в том, чтобы

не опаздывать к началу мессы. Вместе с остальными Майк опустился на колени, совершал нужные действия и бормотал латинские песнопения, не пытаясь понять их значение, хотя перевод, записанный на ламинированных карточках, всегда был у него перед глазами. Он никогда не задумывался о величии чуда, которое свершалось каждый раз, когда во время обряда причащения он передавал священнику маленькие бутылочки с водой и вином, и считал, что всего лишь исполняет долг, ибо был католиком, и, как полагал, хорошим католиком, хотя другие маленькие католики из Элм-Хейвена старались под любым предлогом увильнуть от исполнения этого долга.

Около года тому назад отец Гаррисон ушел в отставку, вернее, его попросили об этом, поскольку старый священник выказывал все признаки старческой дряхлости, его пристрастие к спиртному становилось все более явным, а проповеди все более туманными и бессмысленными.

Прибытие отца Кавано, которого с полным правом можно было назвать абсолютной противоположностью отцу Гаррисону, изменило жизнь Майка.

Отец Гаррисон — старый седой ирландец с подозрительно розовыми щеками и некоторой путаницей в мыслях, словах и поступках — давно уже устал от церковных ритуалов. Мессы, которые приходилось служить, превратились в тяжкую обязанность и имели для него не больше значения, чем ежедневное бритье. Он жил только ради визитов к прихожанам и обедов, на которые его приглашали. Даже посещение больных и умирающих служило старику поводом для долгих неторопливых бесед за чашечкой кофе, для воспоминаний о прежних временах и рассказов о тех, кого он когда-то знал. Майку доводилось сопровождать священника на некоторые из таких посиделок, если больной изъявлял желание причаститься. Отец Гаррисон справедливо полагал, что присутствие одного из алтарных мальчиков прибавит пышности простому, в общем-то, обряду. Майк же во время этих визитов отчаянно скучал.

Отец Кавано, напротив, был молодым, темноволосым, необыкновенно энергичным человеком. Майку было известно, что, хотя тот брился дважды в день, примерно к пяти часам на смуглых щеках неизменно проступала отчетливая щетина. К мессе отец Кавано относился очень трепетно и говорил, что Господь таким

образом приглашает всех людей присоединиться к Тайной вечере. Почтения к священным ритуалам он требовал и от алтарных служек. По крайней мере от тех, кто остался при нем и продолжал исправно выполнять свои обязанности.

Среди этих немногих был и Майк. Отец Кавано требовал от мальчиков многого, и прежде всего понимания смысла молитв и песнопений, а не бездумного бормотания вызубренных латинских фраз. Поэтому целых шесть месяцев Майк посещал по средам занятия, на которых священник разъяснял основы христианского вероучения, обучал азам латинского языка и приводил разного рода исторические факты, связанные с мессой как таковой. Алтарные служки, считал он, должны сознательно участвовать в церковных ритуалах, всем сердцем постигая их суть и значение. Учителем отец Кавано оказался весьма строгим и был особенно беспощаден к лентяям, которые просыпали мессу или пренебрегали занятиями.

Отец Гаррисон всегда любил вкусно поесть и уж тем более выпить. Эта слабость старика не составляла секрета ни для кого в приходе. Отец же Кавано вино употреблял только во время обряда причащения, а на пищу, казалось, смотрел как на неизбежное зло. Подобное отношение он проявлял и к посещениям прихожан. Если отец Гаррисон любил поговорить со всеми и обо всем и мог провести целый день на скамье в парке, часами обсуждая с досужими болтунами из числа отошедших от дел престарелых фермеров погоду или грядущие урожаи, то отец Кавано предпочитал беседовать исключительно о Боге. А его посещения больных и умирающих походили на рейды иезуитских командос, дающих последние напутствия тем, кому предстояло в скором времени явиться на Страшный суд.

Единственным пороком отца Кавано было, по мнению Майка, курение. Завзятый курильщик, священник практически не выпускал изо рта сигарету, а когда такой возможности не было, только и ждал, когда она представится вновь. Впрочем, Майк относился к этому спокойно. Его родители тоже курили. Да и в семьях остальных ребят курильщиков хватало. Исключение составляли только Грумбахеры, но это немецкое семейство вообще отличалось странностями. А отцу Кавано курение только прибавляло живости и энергии.

В это первое воскресенье наконец-то наступившего лета Майк прислуживал на обеих утренних мессах, наслаждаясь прохладой храма и гипнотическим шепотом прихожан, негромко произносящих ответствия. Майк старательно выговаривал каждое положенное ему по ходу мессы слово — не слишком громко, но и не слишком тихо, артикулируя латинские звуки так, как его учил отец Кавано во время долгих уроков в доме священника.

— *Agnus Dei, qui tollis peccata mundi... miserere nobis... Kyrie eleison, Kyrie eleison, Kyrie eleison...*¹ — разносилось под сводами церкви.

Каждая служба приводила Майка в восторг. В то время как часть его разума готовилась к чуду евхаристии, другая свободно парила, будто и вправду оставляя тело. Майк мог вдруг оказаться в гостинной, рядом с Мемо, но только не с той, которая лежала там сейчас, а с той, которая вела с ним долгие беседы и рассказывала старинные истории, когда он был маленьким... Или же летал свободно, как ворон с разумом человека, оглядывая сверху старинное кладбище, зеленые кроны деревьев, ручьи и холмы... Или парил над заброшенными колеями, оставленными цыганскими кибитками на старой дороге, которая извивалась среди лесов и пастбищ...

Обряд причащения подошел к концу: сказаны последние молитвы, даны последние ответствия, гостии уложены в предназначенный для их хранения сосуд и оставлены на алтаре. Майк тоже причастился — он всегда делал это перед завершением торжественной воскресной мессы.

Отец Кавано благословил паству и во главе прихожан вышел из храма.

Майк направился в маленькую комнатку, где обычно переодевался, аккуратно сложил сутану и стихарь, чтобы отдать их в стирку экономке священника, и спрятал полуботинки на дно кедрового шкафа.

В комнатку заглянул отец Кавано. Он уже сменил черное одеяние на летние брюки из саржи, голубую рубашку и вельветовую спортивную куртку. Вид священника в мирском одеянии неизменно шокировал Майка.

¹ Агнец Божий, взявший грехи мира... помилуй нас... Помилуй нас, помилуй нас, помилуй нас... (*лат., греч.*)

— Ты сегодня хорошо поработал, Майкл, впрочем, как и всегда. — При всей неофициальности их отношений священник всегда называл мальчика полным именем.

— Спасибо, отец...

Майк попытался придумать, что бы еще сказать. Ему хотелось продолжить разговор и тем самым продлить эти минуты, побыть подольше с человеком, которым он восхищался.

— Маловато сегодня народу было на поздней мессе... — нашелся он наконец.

Отец Кавано закурил, и маленькая комнатка тут же наполнилась пахучим голубоватым дымом. Остановившись возле узкого оконца, священник обвел взглядом опустевшую стоянку.

— Разве? По-моему, не меньше, чем обычно.. — задумчиво произнес он и обернулся к Майку. — Присутствовал ли кто-нибудь из твоих одноклассников сегодня на службе, Майкл?

— Вы о ком?

Среди одноклассников Майка было не так уж много католиков.

— Ты знаешь... Мишель... как бишь ее... ах да, Стеффни.

Майк почувствовал, как краска заливает щеки. Он никогда не упоминал о Мишель при отце Кавано — вообще никогда не говорил о ней, но всегда отмечал, была ли она на службе. Мишель редко появлялась в этом храме: ее родители обычно ездили в собор Святой Марии в Пеории, но в тех редких случаях, когда она приходила к мессе, Майк чувствовал, как трудно ему сосредоточиться на своих обязанностях.

— Но я не учусь в одном классе с Мишель Стеффни, — хрипло пробормотал он, хотя изо всех сил старался говорить неприужденно, а про себя подумал: «Если проболтался Донни Элсон, то эта крыса еще получит свое... Я ему покажу».

Отец Кавано кивнул и улыбнулся — очень мягко, без тени насмешки, но Майк снова покраснел до корней волос и поспешно опустил голову, словно завязывание шнурков было в тот момент самым важным для него делом.

— Значит, я ошибся. — Священник затушил в стоявшей на столике пепельнице сигарету и тут же стал хлопать себя по карманам в поисках новой. — У тебя и твоих друзей есть какие-то планы на сегодня?

— Нет, ничего особенного.

Майк пожал плечами. Вообще-то, он собирался немного пошататься с Дейлом и мальчишками, а потом следить за Ван Сайком. Он снова, в который уже раз, покраснел, осознав, какую глупость они затеяли с этой игрой в сыщиков.

— Я намеревался сегодня часов около пяти навестить миссис Клэнси, — сказал отец Кавано. — Мне помнится, что ее покойный муж незадолго до смерти вырыл пруд на своей ферме. Наверное, она не станет возражать, если мы захватим с собой удочки и проверим, как поживает в нем рыба. Хочешь, пойдем вместе?

Майк кивнул, чувствуя, как внутри поднимается радость — подобно тому голубю, что изображен на западной стене храма как символ Святого Духа.

— Отлично. Я заеду за тобой в папамобиле примерно без четверти пять.

Майк снова кивнул. Когда отец Кавано впервые назвал принадлежащий приходу черный «линкольн» папамобилем, Майк пришел в ужас, но затем понял, что священник шутит и вряд ли употребляет это слово в присутствии посторонних лиц. Возможно, у отца Кавано даже возникнут неприятности, если Майк кому-нибудь проговорится. Воображение мальчика услужливо рисовало ему двух кардиналов, прибывающих из Ватикана на специальном вертолете, хватающих виновного и тут же заковывающих его в кандалы. Майк представлял себе, как кардиналы допрашивают, а потом увозят в неизвестном направлении его друга. Значит, шутка отца Кавано — это своего рода доказательство доверия. Он как бы говорил этим: «Майкл, друг мой, мы с тобой все-таки светские люди».

Майк попрощался со священником и вышел из сумрачного храма на ослепительный свет воскресного полдня.

Почти весь день Дуэйну пришлось усиленно трудиться: ремонтировать «Джона Дира», выпалывать сорняки вдоль канавы, переводить коров с западного пастбища на луг между сараем и кукурузным полем и даже осмотреть все ряды посевов — там, слава богу, прополки пока не требовалось.

Старик приехал домой около трех часов дня. Дуэйн, всегда державший окна подвала открытыми, несмотря на то что они не были зарешечены, еще издали услышал шум подъезжавшей машины. Разумеется, Старик был пьян, хоть и не в стельку. Бор-

моча под нос ругательства, он прошел в кухню, чтобы сделать себе сэндвич, и там разразился целым потоком сквернословия и проклятий. Поэтому Дуэйн счел за лучшее не выходить из подвала. Виттгенштейн, поскуливая, лежал рядом, а хвост старого колли выбивал приветственную дробь по каменным плитам пола.

Обычно по воскресеньям, если голова у Старика не раскалывалась с похмелья, они с Дуэйном сражались в шахматы до самого полудня. Но сегодня шахматы не предвиделись.

Дуэйн вернулся с полей около четырех часов дня.

Старик сидел в кресле-качалке под тополем на южной лужайке. На траве перед ним валялся воскресный выпуск «Нью-Йорк таймс».

— Смотри, что я захватил в Пеории, — пробормотал он, потирая небритые щеки. Двухдневная седая щетина красиво серебрилась на солнце. — Забыл тебе сразу сказать.

Дуэйн уселся на траву и принялся перелистывать газетные полосы в поисках колонки «Книжного обозрения».

— Это за прошлое воскресенье? — спросил он.

— А ты что думал, за сегодняшнее? — ухмыльнулся Старик.

Дуэйн молча пожал плечами и углубился в чтение. Почти вся колонка была посвящена книге Уильяма Ширера «Взлет и падение Третьего рейха» и несколькими другими изданиями на ту же тему. Возможно, это было связано с тем, что буквально на днях в Буэнос-Айресе схватили еще одного военного преступника — Адольфа Эйхмана.

— Я, вообще-то, не собирался... гм... возвращаться так поздно... — прочистив горло, заговорил Старик. — Но какой-то долбаный профессор из Брэдли, которого я встретил в маленькой пивнушке на Адамс-стрит, затеял со мной спор о Марксе, и я... ну, в общем, сам понимаешь. Как дома? Все в порядке?

Дуэйн кивнул, не поднимая глаз.

— Тот солдат переночевал у нас или нет? — продолжал расспрашивать отец.

Дуэйн оторвался от газеты:

— Какой солдат?

Старик снова потер щеки и шею, очевидно пытаясь отделить фантазии от реальности.

— Гм... Помню, что я подвозил какого-то солдата. Подобрал его около моста через Спун. — И он опять принялся тереть ще-

ку. — Ты же знаешь, обычно я не пускаю в машину всяких халявщиков... но тут как раз начался дождь... — Он замолчал и оглянулся, как будто ожидал, что солдат все еще сидит в пикапе. — Да, да, теперь я все припоминаю. Он за всю дорогу не сказал ни слова. Только кивнул один раз, когда я спросил, не демобилизовался ли он. Будь оно проклято, я все время чувствовал, что что-то с его мундиром не то, но я был... э-э-э... слишком устал, чтобы обращать внимание на странности.

— А что за странности? — тут же поинтересовался Дуэйн.

— Его обмундирование... Понимаешь, оно было каким-то допотопным. Даже не форма времен генерала Эйзенхауэра, а... знаешь, такая старинная шинель... да, да, коричневая шинель... и еще фетровая шляпа с полями времен испано-американской войны. К тому же ноги у него были в обмотках.

— В обмотках... — повторил Дуэйн. — Ты имеешь в виду такие, что носили пехотинцы в Первую мировую войну?

— Угу, — кивнул Старик, привычно пожевывая ноготь на указательном пальце, что свидетельствовало о недоумении и напряженной работе мысли. — Вот именно. Все говорило о том, что солдат участвовал в той войне... обмотки, высокие башмаки — тогда носили такие тяжелые, подбитые гвоздями, — фетровая шляпа... и даже офицерская портупея. Но при этом парень был слишком молод, чтобы и в самом деле служить в армии все годы. Похоже, он просто вырядился в мундир своего дедушки или возвращался домой с какого-нибудь маскарада. — Старик пристально посмотрел в глаза Дуэйну. — Так он остался позавтракать?

Дуэйн покачал головой:

— Никто не приходил сюда прошлой ночью. Ты, должно быть, высадил его где-нибудь по дороге.

Старик на миг сосредоточился на этой мысли, затем энергично затряс головой:

— Нет-нет. Я уверен, что солдат сидел в кабине рядом со мной, когда я поворачивал на подъездную дорогу. Помню, что на какое-то время я даже забыл о его существовании, потому что он сидел очень тихо. Я собирался дать ему сэндвич и уложить спать на кушетке. — Налитыми кровью глазами Старик снова заглянул в лицо сыну. — Поверь, Дьюни, он точно был рядом.

Дуэйн спокойно кивнул, чтобы не раздражать отца:

— Ну, значит, я просто не слышал, когда вы вошли в дом. А может, он отправился в город пешком?

Старик прищурился и посмотрел поверх колосьев в сторону шоссе:

— Посреди ночи? Вряд ли. Помнится, он говорил, будто живет где-то здесь, неподалеку.

— По-моему, ты сказал, что он все время молчал.

Старик снова принялся жевать ногу.

— Молчал? Нет, не помню... может, и молчал... ладно, дьявол с ним.

И он вновь уткнулся в колонки финансовых новостей.

Дуэйн дочитал обзор книг и направился к дому.

Витт, выспавшийся и отдохнувший, вышел из сарая, всем своим видом демонстрируя готовность отправиться с Дуэйном куда угодно.

— Послушай, — обратился к нему мальчик, — ты, случайно, не видел здесь пехотинца, возвращающегося с Первой мировой?

Пес тихо взвизгнул и недоуменно склонил набок голову, явно не понимая, чего от него хотят. Дуэйн в знак утешения почесал его за ушами и, подойдя к грузовичку, открыл дверцу кабины. Оттуда пахло застарелым запахом виски и нестираных носков. На виниловом сиденье рядом с водительским местом виднелась отчетливая вмятина, но она уже была там, когда они покупали эту машину. Дуэйн пошарил под сиденьем, проверил бардачок и заглянул под коврики. Уйма мусора: тряпки, атласы дорог, открывалка, несколько пустых бутылок из-под виски и пивных банок, патроны для пистолета, — но, в общем, ничего интересного. Ни тебе щегольской трости, ни маузера, случайно забытого таинственным посетителем, ни схемы военных укреплений на Сомме или карты Белло-Вуда.

Дуэйн усмехнулся про себя и вернулся во двор, чтобы дочитать газеты и поиграть с Виттом.

Когда Майк и отец Кавано закончили свою рыбную экспедицию, был уже вечер. Миссис Клэнси, умиравшая не столько от преклонного возраста, сколько от непрерывного брюзжания и бесконечных капризов, не хотела, чтобы в доме присутствовал кто-нибудь посторонний, пока она будет исповедоваться, и Май-

ку пришлось довольно долго гулять вокруг пруда, бросая камешки по воде и с сожалением думая о том, что еще немного — и он останется без воскресного обеда. На свете было не так уж много вещей, способных заставить Майка пропустить воскресный обед, но, как оказалось, необходимость помогать отцу Кавано была одной из них. Когда священник поинтересовался, успел ли Майк перекусить, тот только кивнул в ответ. Придется на исповеди включить этот ответ в раздел «Да, отец мой, несколько раз я обманывал старших». В какой-то момент Майк пришел к выводу, что истинная причина безбрачия священников состоит в том, что едва ли найдется женщина, готовая выйти замуж за человека, которому придется регулярно исповедоваться.

Было уже около семи часов, когда отец Кавано появился возле пруда и принес с собой все необходимое для рыбалки. Майку, правда, казалось, что до вечера еще далеко: июньское солнце только-только начало клониться к закату и по-прежнему высоко стояло над верхушками деревьев. За час с хвостиком им, а точнее, Майку удалось поймать несколько мелких рыбешек, да и те были мгновенно выпущены обратно в воду. Но зато беседа получилась настолько интересной, что у мальчика даже закружилась голова от восторга. О чем они только не говорили! И о таинстве Святой Троицы, и о хулиганах на чикагских улицах в пору юности отца Кавано, и об уличных бандах, и о том, почему все в мире — творение Божие, а сам Он сущ и един и почему в старости многие люди обращаются к Церкви. Отец Кавано рассказал о знаменитом «Пари Паскаля»¹ и о многом-многом другом. Майк обожал такие разговоры. Конечно, болтать с Дуэйном, Дейлом или еще с кем-нибудь из башковитых ребят, высказывавших порой интересные мысли, тоже было довольно забавно, но в отличие от них отец Кавано знал жизнь. Он был умным человеком — не только потому, что одолел премудрости латинского и теологии, но и потому, что подростком прошел суровую школу чикагских улиц, где царили такие жестокость и цинизм, каких Майк не мог и вообразить.

¹ *Блез Паскаль* (1623–1662) — французский ученый, монах. Рассуждение, получившее название «Пари Паскаля», содержится в трактате «Мысли о религии и других предметах». Паскаль размышляет о вопросе спасения с точки зрения вероятностей и утверждает, что если человек верит в Бога, а Его нет, то человек ничего не теряет. А если Бог есть, то не верящий в Него теряет все. Следовательно, делает вывод Паскаль, каждый должен быть христианином.

Тени деревьев потянулись по зеленой траве, окунулись в воду и постепенно накрыли большую часть пруда.

— Боже, Майкл! — глянув на часы, воскликнул отец Кавано. — Ты только посмотри, как поздно. Миссис Маккафферти будет беспокоиться.

Миссис Маккафферти служила экономкой в доме священника. И если с отцом Гаррисоном она обращалась скорее как старшая сестра, пытающаяся удержать беспутного братца на краю пропасти, то с отцом Кавано нянчилась почти по-матерински.

Уложив в машину рыболовные принадлежности, они выехали на Шестое окружное шоссе и направились к городу. Когда папамобиль начал спускаться с холма, сквозь густое облако поднятой колесами пыли Майк сумел разглядеть справа дом Дуэйна Макбрайда, а слева — ферму дяди Генри, который приходился родственником Дейлу Стюарту. Машина вползла на следующий холм и поравнялась со Страстным кладбищем, на золотившейся в вечернем свете территории которого не было ни души. Майк обратил внимание, что поросшая травой обочина шоссе, где оставляли машины посетители кладбища, тоже пуста, и неожиданно вспомнил о том, что как раз сегодня собирался начать слежку за Ван Сайком. Он попросил священника остановиться, и тот свернул на зеленую полосу между дорогой и кованой железной оградой.

— Что случилось? — удивился отец Кавано.

Майк лихорадочно соображал, как вывернуться:

— Я... ну-у... я обещал Мемо сходить на дедушкину могилу. Ну-у... понимаете... посмотреть, не заросла ли она травой, остались ли с прошлой недели цветы и все такое.

«И в этом обмане придется признаться на исповеди».

— Я подожду тебя, — сказал священник.

Майк покраснел и поспешно отвернулся, чтобы отец Кавано не заметил румянца. Хорошо бы, тот не услышал и фальшивых ноток в его голосе.

— Гм... Понимаете, я бы хотел побыть там один. Ну, чтобы помолиться...

«Святой Михаил! Да что же это я несу! Говорю, что хочу помолиться, и при этом прошу священника уйти подальше?» — в ужасе подумал Майк и тут же добавил еще одну ложь:

— Знаете... Мне, может статься, понадобятся цветы, а за ними нужно идти в лес... Понадобится время... Я задержусь...

Отец Кавано посмотрел на заходящее солнце, подобно красному шару повисшее над полями:

— Скоро стемнеет, Майкл.

— Я успею засветло вернуться домой. Честно.

— Но до города еще почти миля.

В голосе священника ясно звучало сомнение, словно он подзревал какой-то подвох, но не мог понять, в чем именно он заключается.

— Ничего страшного, отец Кавано. Мы с ребятами знаем лес как свои пять пальцев. Мы ведь часто гуляем там и успели изучить его вдоль и поперек.

— Но ты обещаешь, что не останешься в лесу до темноты?

— Конечно, — заверил Майк. — Только исполню просьбу Мемо — и сразу домой.

«Интересно, а не боится ли темноты сам отец Кавано?»

Он тут же отбросил эту мысль и несколько секунд колебался, размышляя, не рассказать ли священнику всю правду об их подозрениях, о том, что в Старой школе творятся странные вещи и там явно нечисто, об исчезновении Табби Кука и о том, что сам он собирается всего лишь заглянуть в старую сторожку позади кладбища, где, по слухам, ночует Ван Сайк. Но и от этой идеи он тоже отказался: не хватало еще, чтобы отец Кавано счел его психом.

— Уверен, что все будет в порядке? — обеспокоенно спросил священник. — Ведь твои домашние будут думать, что ты со мной.

— Они знают, что я обещал Мемо. — Очередная ложь далась Майку уже легче. — Я обязательно вернусь домой до темноты.

Священник кивнул и наклонился, чтобы открыть дверцу:

— Хорошо, Майкл. Спасибо за совместную рыбалку и беседу. Завтра придешь к ранней мессе?

Вопрос был чисто риторическим: Майк не пропустил ни одной утренней службы.

— Конечно, до завтра, — ответил он, захлопывая тяжелую дверцу и наклоняясь к опущенному стеклу. — Спасибо за... — Он помолчал, не зная, за что именно хочет поблагодарить священника. «За то, что он, умный взрослый человек, разговаривает со мной как с равным?» — Спасибо за то, что одолжили мне удочку.

— Готов помочь в любое время, — усмехнулся отец Кавано. — В следующий раз мы с тобой отправимся на Спун — вот где водится настоящая рыба.

Он отсалютовал двумя поднятыми вверх пальцами, дал задний ход и выехал на дорогу. Через минуту напамобиль уже спустился по противоположному склону холма, а вскоре исчез из виду.

В низкой траве вокруг ног Майка скакали кузнечики. Он немного постоял в ожидании, пока рассеется пыль, потом обернулся и, окинув взглядом кладбище, с удивлением заметил, что его собственная тень уже протянулась так далеко, что смешалась с тенью от черной остроконечной решетки железной кладбищенской ограды.

«Великолепно! А что, если Ван Сайк собственной персоной сейчас где-то поблизости?»

До этого момента Майку и в голову не приходила подобная мысль. Нет, едва ли Ван Сайк, не то смотритель, не то сторож кладбища — а может быть, просто разнорабочий, мастер, так сказать, на все руки, — сейчас здесь. В воздухе стоял густой запах зреющего зерна и пыли, столь характерный для влажного июньского вечера. Вокруг было тихо и пусто. Майк почти физически ощущал эту абсолютную пустоту. Взявшись за шарообразную ручку калитки, он толкнул створку и вошел на территорию кладбища, с опаской поглядывая на ползущую впереди собственную тень, на скорбно застывшие могильные памятники и на их искаженные копии, которые причудливо тянулись по земле. После оживленной беседы с отцом Кавано повисшее в воздухе оглушительное молчание казалось особенно жутким.

Кладбище занимало площадь приблизительно в четыре акра. Заросшая травой дорожка делила его на две почти равные части. Майк прошел по ней до середины, свернул в сторону и, миновав три памятника, остановился перед могилой дедушки. На этом же участке покоились и другие О'Рурки, а чуть дальше, ближе к забору с другой стороны, были похоронены родственники матери. Рядом с надгробием дедушки оставалось пустое, заросшее травой пространство. Майк знал, что оно предназначено для его родителей, сестер и... и для него самого.

Цветы — поникшие и увядшие — все еще были на месте. Они лежали здесь с прошлого понедельника — со Дня памяти¹. Рядом

¹ 30 мая — День памяти павших в Гражданской войне в США 1861–1865 гг., в испано-американской и других войнах (Memorial Day).

с цветами был воткнут маленький американский флаг: каждый год его приносили сюда ветераны Американского легиона¹, и Майк странным образом связывал чередование времен года с тем, насколько выгоревшим был этот флажок. Во время Первой мировой войны дедушка поступил на военную службу, но побывать за океаном ему не удалось: вместо действующей армии он оказался в Джорджии, в мобилизационном лагере, где и провел четырнадцать месяцев. В детстве Майк с удовольствием слушал рассказы Мемо о военных подвигах американских солдат, и у него сложилось стойкое убеждение, что до конца жизни дедушка так и не смог смириться со своим отсутствием на полях сражений.

Сейчас цвета флага были яркими: кроваво-красный и ослепительно-белый на фоне сочной зелени травы. Последние лучи заката делали тени более густыми, а краски — более насыщенными. На ферме дяди Генри, расположенной примерно в четверти мили от кладбища, по другую сторону холма, мычали коровы — в неподвижном воздухе звук разносился далеко вокруг.

Мальчик опустил голову, шепотом помолился, осенил себя крестным знаменем и по тропинке направился в дальний конец кладбища, где находилась хибара Ван Сайка. Теперь, размышлял Майк, его маленький обман перестал быть обманом, и, возможно, не придется каяться на исповеди.

Вообще-то, эта хибара Ван Сайку не принадлежала. Это был старый сарай для инструментов, с незапамятных времен стоявший почти возле самого забора кладбища. Вечерние лучи солнца освещали западную стену старого сооружения, делая ее похожей на кусок масла. От последнего ряда могил постройку отделяла широкая полоса скошенной травы.

«А ведь еще немного — и от этой полосы ничего не останется, — подумалось Майку. — Кладбище подступит вплотную к сараю».

Майк заметил, что на двери висит замок, и прошел мимо, будто направляясь к лесу и заброшенным рудникам в холмах — любимому месту прогулок местных мальчишек, а затем резко по-

¹ *Американский легион* (The American Legion) — военно-патриотическая общественно-политическая организация, созданная в 1919 г. двадцатью офицерами — участниками боевых действий во Франции с целью защиты интересов ветеранов Первой мировой войны. Позднее в организацию был открыт доступ участникам Второй мировой, корейской и вьетнамской войн.

вернул обратно и нырнул в тень возле западной стены хибары. Кузнечики врассыпную бросились из-под его ног, под подошвами кед трещала сухая стерня.

С этой стороны в стене примерно на уровне шеи Майка было окно — единственное во всем строении и совсем крохотное. Он подошел ближе и, ладонями заслонив от света глаза, заглянул внутрь.

Но ничего не увидел: окно было слишком грязным, а внутри царил мрак.

Небрежно засунув руки в карманы и насвистывая, Майк обошел вокруг сарая, время от времени поглядывая по сторонам, чтобы убедиться, что там никого нет. Шоссе оставалось пустынным: за все время, что Майк провел на кладбище, ни одна машина не проехала мимо. Над рядами могил повисла напряженная тишина. Малиновый шар солнца медленно уплыл вниз и скрылся за дорогой. Такие великолепные, удивительные закаты бывают, наверное, только в Иллинойсе. Осиротевшее небо все еще озаряли багровые отблески, но краски постепенно тускнели, свет июньского вечера уступал место сумеркам, и летняя ночь готовилась вступить в свои права.

Майк внимательно осмотрел замок: автоматический, вполне надежный. Однако деревянный косяк под металлической пластиной, в отверстие которой входил язычок, совершенно сгнил и превратился в труху. Все еще тихо посвистывая, Майк принялся раскачивать и дергать пластину туда-сюда, пока проржавевшие шурупы — сначала два, а потом и третий — не выскочили из гнезд. С четвертым пришлось немного повозиться, но наконец, поддевший перочинным ножиком, вылетел и он. Майк поискал глазами камешек, чтобы было чем забить шурупы обратно, когда придет время уходить, и опасливо переступил порог хибары.

Внутри было совершенно темно. В воздухе пахло свежевырытой землей и еще чем-то кислым. Мальчик прикрыл за собой дверь, предварительно положив у порога камень побольше, чтобы оставить щель для света и услышать шум, если к воротам вдруг подъедет какая-нибудь машина. Прежде чем двинуться дальше, он с минуту постоял, давая глазам привыкнуть к мраку.

В отсутствии Ван Сайка Майк уже успел убедиться. В углу сарая он увидел несколько лопат и кирок — обычный набор инструментов кладбищенского сторожа, на полках — упаковки

с удобрениями и несколько банок с какой-то темной жидкостью. В другом углу валялись ржавые заостренные металлические прутья, явно вытащенные из ограды для ремонта, детали от газосварки и пара небольших ящиков, один из которых, похоже, служил столом — к нему был прикреплен фонарик. Рядом были свалены в кучу какие-то тряпки. Майк сначала не понял, что это, но потом догадался: на таких широких лентах из грубого полотна опускают в могилу гроб.

Под окошком стояла низкая кровать. Едва Майк подошел ближе, в нос ему ударил отвратительный запах плесени. Смятое, грязное одеяло почти касалось пола — словно его бросили в спешке — и тоже воняло какой-то гадостью. Но кто-то, очевидно, был здесь совсем недавно: у стены Майк заметил скомканный номер «Теория джорнал стар» за последнюю среду.

Майк опустился на колени и отодвинул газету в сторону. Под ней оказался толстый гляцевый журнал. Майк поднял его и начал было листать, но тут же отшвырнул прочь.

Все страницы были заполнены черно-белыми фотографиями обнаженных женщин. Женская нагота не была Майку в новинку — в его семье росли четыре девочки, а однажды он даже держал в руках нудистский журнал, который принес в школу Джерри Дейзингер. Но сейчас его глазам предстало нечто невообразимое.

Женщины лежали, раздвинув ноги и все, совершенно все выставив на обозрение. На нудистских фотографиях никаких подробностей не было видно — только белые и гладкие человеческие тела, а здесь... Курчавые волосы вокруг призывно раздвинутых половых губ... наманикюренные пальцы женщин, приоткрывающие самые сокровенные места, ласкающие грудь... На некоторых фото женщины стояли на коленях, выставив попы, и, обернувшись, улыбались прямо в объектив.

Майк почувствовал, как кровь бросилась ему в голову, и в ту же секунду, будто поток крови повернул вспять и понесся к паху, напрягся пенис. Он снова протянул руку к журналу и, не поднимая его с пола, перевернул несколько страниц.

Снова женщины... раздвинутые ноги... Ему и в голову никогда не приходило, что есть женщины, готовые заниматься такими вещами перед объективом фотоаппарата. А что, если это увидят их родные, знакомые?

Мальчик ощущал, как стремительно наступает эрекция. Прежде ему уже случалось возбуждать себя, а однажды, примерно год назад, он даже, к своему несказанному удивлению, испытал оргазм. Но отец Гаррисон в одной из своих проповедей такими страшными красками обрисовал последствия, которыми чревато самоосквернение, будь то духовное или физическое, что у Майка пропала всякая охота к таким номерам. Он совсем не хотел сойти с ума или покрыться ужасными прыщами, которые Господь насылает в наказание тем, кто занимается рукоблудием. Кроме того, Майку пришлось в мрачной темноте исповедальни покаяться в своем грехе перед духовным отцом, и тот его сильно выбранил. Но одно дело признаться в таких вещах отцу Гаррисону и получить от него нагоняй, и совсем другое — повиниться перед отцом Кавано. Майк подумал, что он скорее станет атеистом и отправится в ад, чем расскажет о содеянном нынешнему пастырю. А если он совершит такой страшный проступок и скроет это... Отец Гаррисон достаточно ясно описал адские муки, ожидающие развратников.

Майк вздохнул, положил журнал туда, где нашел его, и прикрыл газетой. Теперь ему придется бежать вниз по склону холма, а потом быстрым шагом взбираться на следующий, чтобы избавиться от гадких мыслей и от напряжения под ширинкой.

Когда Майк встал на ноги, одеяло соскользнуло на пол — и по всему сараю распространился еще более сильный и мерзкий запах гнили.

Майк сначала отпрянул, но потом вернулся, чтобы поднять одеяло.

Пахло сырой землей... и чем-то еще, ужасно отвратительным... Вонь шла откуда-то снизу. Майк на секунду задержал дыхание, затем приподнял кровать и прислонил ее к одному из ящиков.

Под ней оказалась дыра. Больше двух футов в поперечнике и почти совершенно круглая, она была похожа на открытый люк посреди мостовой. Только края ее были ужасно грязными. Майк опустил на четвереньки и заглянул внутрь.

Ну и мерзость! Однажды Майку случилось побывать на скотобойнях в Оук-Хилле, так около помещения, куда сбрасывали внутренности и те части туши, которые не подлежали продаже, запах был примерно таким же. Только здесь он смешивался с гус-

тым запахом сырой земли, и это делало его таким зловонным, что Майк отшатнулся и зажмурился.

Тут же снова открыв их, он уловил в глубине какое-то быстрое движение, будто какое-то существо, прячась от света, стремительно метнулось в сторону. Мальчик быстро мигнул. Края дыры были странного, кроваво-красного цвета, хотя почва здесь совершенно не имела примеси глины, и к тому же испещрены глубокими бороздами. Это напомнило Майку что-то, только он не мог сразу вспомнить, что именно. Но через минуту память подсказала ответ.

Однажды Дейл Стюарт принес в школу издание иллюстрированной энциклопедии Комптона. Мальчики не отрываясь разглядывали изображенные в цвете органы человеческого тела. На одной из картинок был нарисован пищеварительный тракт в разрезе.

Так вот, края этой дыры напоминали внутреннюю сторону человеческих кишок: красные и такие же бороздчатые.

Гребни между бороздами вокруг ямы вдруг дрогнули и зашевелились, будто сжимаясь и расслабляясь. Зловоние усилилось.

Майк, задыхаясь, отполз на четвереньках. И тут же услышал странные звуки — будто кто-то скреб или царапал землю. Что это? Крысы? Или там, внизу, действительно что-то есть?

Воображение нарисовало Майку туннель, уходящий далеко в глубину, соединяющий между собой могилы старого кладбища... Ему представилось, как в этот туннель медленно, извиваясь как змея, вползает Ван Сайк... Заслышав беззаботное насвистывание Майка, он торопится скрыться, исчезнуть в толще земли...

Ван Сайк? А может, что-нибудь еще хуже?

Майк вздрогнул и посмотрел в окно, но сквозь мутное стекло ничего не увидел, как будто на улице уже стемнело. Однако сквозь щель, оставленную у двери, еще пробивался слабый свет.

Майк опустил кровать на место, убедился, что газета и журнал лежат в том виде, в каком он нашел их, и бросил одеяло на кровать так, чтобы оно скрывало яму, хотя в этом-то как раз нужды не было: внутри хибары царил такой мрак, что дыры никто бы не заметил, даже не будь здесь кровати. Он тоже никогда бы не обнаружил это жуткое отверстие, если бы не тошнотворный запах, от которого можно упасть в обморок.

По-прежнему стоя на коленях, Майк вдруг вообразил, как из дыры высовывается белая, как личинка червя, рука и тянется к нему из-под кровати... хватает его за запястье, сжимает локоть...

От эрекции не осталось и следа. На секунду Майку показалось, что его вот-вот вырвет от страха и отвращения. Он крепко сжал веки, приоткрыл рот, чтобы меньше чувствовать ужасный запах, и принялся беззвучно молиться.

Он прочел «Аве Мария», потом «Отче наш», но ничего не помогало.

Майку показалось, что он слышит крадущиеся шаги по траве, возле самой стены сарая...

Не помня себя от ужаса, он бросился к двери, распахнул ее и кинулся бежать, не заботясь о том, что его могут увидеть, а только стремясь оказаться как можно дальше от этой жуткой дыры, от этого страшного места.

На кладбище никого не было. Сумерки сгустились. Далеко на востоке, чуть выше верхушек деревьев, на потемневшем небе вспыхнула одинокая звезда. Лес казался совсем черным, хотя долгий летний вечер пока не уступил место ночи. Ярдах в двадцати от Майка на высоком надгробии сидел краснокрылый дрозд и словно разглядывал его.

Мальчик быстро пошел прочь, но тут вспомнил про замок. Минуту поколебавшись и обозвав себя идиотом, он вернулся к сараю, подобрал присмотренный заранее камень и, прижав металлическую пластину к косяку, начал загонять на место шурупы. Последний пришлось вкручивать с помощью ножа, и Майк заметил, как дрожат руки.

«Если из той дыры что-то выползает, как оно выбирается из лачуги? Может, через окно?» — размышлял он, но, спохватившись, запретил себе даже думать об этом.

Нож соскользнул с головки шурупа и вонзился в мизинец. Капли крови падали в траву возле двери, но Майк, не обращая внимания на рану, продолжал свое дело и наконец подтянул шуруп на последние пол-оборота.

Теперь все. Выполнено, конечно, не лучшим образом. От внимательного взгляда не скроется, что пластину сняли, а потом прикрутили обратно. Ну и что?

Майк повернулся и торопливо зашагал по дорожке.

На Шестом окружном не было ни единой машины. Майк бегом помчался вниз по склону холма, молясь про себя, чтобы тени в ложбине не были такими темными. В лесу по обе стороны от дороги уже, казалось, стояла глубокая ночь.

Дорога пошла вверх, и Майк сбавил темп. Запертый бар «Под черным деревом» смотрел на дорогу черными глазницами окон. Ничего необычного в этом не было: по воскресеньям спиртное продавать запрещалось, но вид пустой автостоянки перед небольшим строением был пугающим. Слева по-прежнему возвышался лес. Цыганская дорога была где-то за ним, но справа уже потянулись кукурузные поля и было чуть светлее. Впереди, всего лишь в паре сотен ярдов, уже показался перекресток, где шоссе пересекала Джубили-Колледж-роуд, а оттуда будет видна водонапорная башня Элм-Хейвена, до которой останется пройти около трех четвертей мили.

Майк чуть успокоился и пошел медленнее, ругая себя за трусость, когда позади вдруг послышался негромкий шорох гравия. Это не было похоже на шум приближающейся машины — шаги явно принадлежали одинокому пешеходу.

Не сбавляя шага, мальчик оглянулся, пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

Заметив на вершине холма тень, отделившуюся от черноты леса, он сначала подумал, что это кто-то из ребят, хотя на таком расстоянии трудно было узнать, кто именно. Майк смог различить только старомодную бойскаутскую шляпу и форму. Расстояние между ними составляло не более пятнадцати ярдов.

Однако уже через пару минут Майк понял, что незнакомец на дороге совсем не мальчик, а вполне взрослый парень лет двадцати с лишним и форма на нем не бойскаутская, а военная. Похожие мундиры Майк видел на старых фотографиях. Бледное лицо солдата в сумеречном свете казалось восковым и словно размытым, лишенным каких-либо черт, ни бороды, ни усов не было.

— Эге-гей! — приветственно прокричал Майк и помахал рукой. Конечно, он не знал этого солдата, но все же почувствовал, как отлегло от сердца: это не Ван Сайк.

Молодой солдат не ответил на приветствие. Майк не видел его глаз, но почему-то решил, что тот, возможно, слеп. Он не бежал, а шел широким, будто строевым, шагом, высоко поднимая напряженно выпрямленные ноги, однако быстро настигал Майка. Расстояние между ними уже сократилось ярдов до десяти, и мальчик явственно видел латунные пуговицы на коричневом мундире и странные, цвета хаки, полосы ткани, подобно бинтам обмотанные вокруг ног солдата. Подбитые гвоздями высокие бо-

тинки скрипели по гравию. Майк вновь попытался рассмотреть лицо незнакомца, но густая тень от широких полей шляпы и темнота вокруг не позволили ему это сделать.

Теперь молодой парень маршировал так быстро, что Майк уже не сомневался в его намерениях: солдат хочет его догнать и из всех сил старается сократить разделяющую их дистанцию.

«Вот дьявол!» — выругался про себя Майк и с тревогой подумал, что теперь надо будет каяться на исповеди еще в одном грехе: придется признаться отцу Кавано, что произнес плохое слово.

Он повернулся и бросился бежать по Джубили-Колледж-роуд — к темнеющим вдали деревьям, к Элм-Хейвену.

Лоренс, младший братишка Дейла, боялся темноты.

Насколько мог судить сам Дейл, этот восьмилетний мальчишка не боялся больше ничего на свете. Он мог забраться на такую высоту, о какой никто другой — кроме разве что Джима Харлена — не осмеливался и помыслить. Лоренс с полнейшим хладнокровием бросался на обидчика, даже если тот был вдвое старше и в полтора раза крупнее его самого. Опустив голову и отчаянно молотя кулаками, он упрямо продолжал драться, не обращая внимания на тумачи, которые давно бы заставили любого другого из ребят со слезами покинуть поле боя. Кроме того, Лоренс презирал опасность и обожал проделывать рискованные трюки: он отважно слетал на велосипеде с самых высоких трамплинов, какие только удавалось отыскать, а когда по условиям очередной безрассудной затеи требовался кто-то готовый лечь перед трамплином в качестве дополнительного препятствия, через которое будут прыгать другие, единственным добровольцем опять же оказывался он сам. Он был блокирующим полузащитником в футбольной команде и играл против парней, которые были гораздо старше его. А еще Лоренс мечтал, чтобы его упаковали в картонную коробку и сбросили с самой высокой вершины Козлиных гор. Дейл был уверен, что отчаянная храбрость и полное пренебрежение опасностью когда-нибудь сослужат братишке плохую службу и в один прекрасный день помогут благополучно угробиться.

Но Лоренс боялся темноты.

Больше всего его пугал мрак на лестничной площадке второго этажа их дома и в спальне.

Дом, в котором жили Стюарты, с тех пор как пять лет назад переехали сюда из Чикаго, был довольно старым. Выключатель, расположенный у подножия лестницы, был соединен с небольшой люстрой, висящей в холле у входа, при этом лестничная площадка наверху, через которую требовалось пройти, чтобы добраться до спальни мальчиков, оставалась неосвещенной. И что еще хуже, по крайней мере с точки Лоренса, в самой спальне не было настенного выключателя около двери. Чтобы зажечь свет, нужно было добраться до середины погруженной во тьму комнаты, отыскать там свисавший с потолка шнур и дернуть за него. Это мероприятие Лоренс откровенно ненавидел и всегда просил Дейла подняться наверх первым.

Однажды, когда они с братом укладывались спать при свете ночника, Дейл поинтересовался, чего, собственно, Лоренс так боится. Ведь это, в конце концов, их собственная комната.

Лоренс долго молчал, а потом сонным голосом ответил:

— Боюсь, что кто-то сидит здесь. И ждет.

— Кто-то? — шепотом спросил Дейл. — А кто?

— Не знаю... — Лоренс говорил медленно, словно в полусне. — Кто-нибудь. Иногда я представляю, как вхожу в комнату и начинаю искать этот шнур... ты же знаешь, его вечно не сыскать сразу... и вдруг вместо шнура натыкаюсь на чье-то лицо...

Дейл почувствовал, как по спине побежали мурашки.

— Понимаешь, — продолжал Лоренс, — мне видится лицо какого-то высокого парня... но оно какое-то нечеловеческое... и я в темноте ощупываю его... чувствую холодные, скользкие зубы... я понимаю, что глаза у него широко раскрыты, как бывает у мертвецов... и...

— Ладно, хватит, заткнись, — шепотом оборвал брата Дейл.

И даже при свете ночника Лоренса не оставлял страх. В старом доме не было встроенных платяных шкафов — отец сказал, что в прежние времена люди хранили одежду в специальных гардеробных, — но в этой комнате не то владельцы, не то предыдущие арендаторы соорудили некое подобие шкафа — точнее, узкий ящик из грубо отесанных сосновых досок, высотой от пола до самого потолка. Лоренс утверждал, что он похож на поставленный стоймя гроб. Дейл был полностью согласен с братом, но предпочитал держать свое мнение при себе. Лоренс никогда не отважи-

вался первым открыть дверцу шкафа, даже днем, и оставалось только догадываться, кого или что брат боится там увидеть.

Но больше всего Лоренса пугало пустое пространство под кроватью.

Мальчики спали всего в двух шагах друг от друга, на совершенно одинаковых кроватях, накрытых одинаковыми одеялами, но Лоренс был уверен, что именно под его кроватью затаилось нечто страшное.

Если в спальне была мама, то он отваживался читать молитву, стоя на коленях, но, если мальчики оставались одни, он мгновенно раздевался, натягивал пижаму и нырял в постель, запрыгивая на нее издали, словно опасался, что кто-то схватит его за ноги и утащит во тьму. Потом он долго и тщательно укутывался в одеяло и подтыкал его под себя со всех сторон. Если Лоренс читал комикс и книга случайно падала на пол, он просил Дейла поднять ее. Если же тот не соглашался, книга оставалась валяться на полу до самого утра.

В течение нескольких лет Дейл неустанно пытался урезонить брата.

— Вот, смотри, дурачок, — авторитетно говорил он, — здесь же ничего нет. Одна только пыль.

— Там может быть дыра, — прошептал однажды Лоренс.

— Какая дыра?

— Обыкновенная, похожая на туннель. И в ней что-то сидит и собирается меня сцапать.

Голос брата звучал едва слышно.

Дейл рассмеялся:

— Ты, заячья душа, сам подумай, наша спальня на втором этаже. Какой же туннель может быть на втором этаже? К тому же здесь крепкий деревянный пол. Вот, смотри.

В доказательство своих слов Дейл, наклонившись, постучал костяшками пальцев по доскам.

Лоренс в страхе зажмурил глаза, словно был уверен, что сейчас высунется рука и схватит Дейла за запястье.

В конце концов Дейлу надоело уговаривать брата и объяснять, что на втором этаже ничего страшного нет. Сам он был в этом абсолютно уверен и считал, что самое опасное место в доме — подвал, а особенно бункер для угля, куда зимой ему каждый вечер приходилось спускаться с ведерком. Но ни Лоренсу, ни кому-

либо еще Дейл ни за что бы не признался в своей трусости. Кстати, лето Дейл любил еще и потому, что ему не нужно было таскаться в подвал за углем. Лоренсу же приходилось трястись от страха весь год.

Первый воскресный вечер летних каникул подходил к концу, и Лоренс, как обычно, попросил брата подняться с ним в спальню и включить свет. Дейл со вздохом закрыл книжку про Тарзана, которую перед тем читал, и направился к лестнице.

Ничье лицо не скалилось в темноте. Никто не выпрыгнул из-под кровати и не выскочил из шкафа, когда Дейл открыл дверцу, чтобы повесить рубашку брата. Лоренс уже натягивал на себя пижаму, и Дейл почувствовал, что тоже не прочь нырнуть в постель, хотя еще не было и девяти. Решив, что сможет еще немного почитать в постели, он переоделся, забросил грязное белье в корзину, поудобнее устроился в кровати и углубился в чтение о приключениях Тарзана в затерянном городе Опар.

За дверью послышались шаги, и на пороге комнаты возникла фигура отца. Он не снял очков, и темная оправка делала его лицо более старым и строгим, чем обычно.

— Привет, папа, — пропищал Лоренс.

Он уже успел подоткнуть со всех сторон одеяло и убедиться в том, что ни один уголок не свисает вниз, а значит, тому, кто таится под кроватью, ухватиться будет не за что.

— Привет, тигрята. Рановато вы что-то сегодня утомнились, да?

— Хотел еще немного почитать, — сказал Дейл и неожиданно понял, что произошла какая-то неприятность: не в привычках отца подниматься к ним в комнату, чтобы пожелать спокойной ночи, а сегодня к тому же выражение его лица было странно мрачным и напряженным. — Пап, что-то случилось?

Отец сделал несколько шагов, снял очки, будто только что вспомнив о них, и присел на кровать Лоренса.

— Вы слышали телефонный звонок?

— Угу, — кивнул Дейл.

— Слышали, — подтвердил Лоренс.

— Это звонила миссис Грумбахер... — Отец замолчал, нервно поигрывая дужками очков, потом наконец сложил их и сунул в карман. — Она сказала, что сегодня в Оук-Хилле встретила мисс Дженсен и...

— Мисс Дженсен? — переспросил Лоренс. — Ты имеешь в виду маму Джима Харлена? — Лоренс никак не мог понять, почему у мамы Джима другая фамилия и почему ее называют «мисс», хотя у нее есть сын.

— Помолчи, — велел брату Дейл.

— Да, маму Джима. — Отец погладил младшего сына по спрятанной под одеялом ноге. — И она сказала миссис Грумбахер, что с Джимом произошел несчастный случай.

Дейл почувствовал, как екнуло и провалилось куда-то сердце. Днем, когда ребята собрались было сыграть в бейсбол, а Майк куда-то запропастился, они с Кевином отправились к Джиму, чтобы позвать его в команду, но дом Харлена стоял темный и пустой. Мальчики решили, что приятель отправился провести родственников или еще что-нибудь в этом роде.

— Несчастный случай? — переспросил Дейл, и его неожиданно охватило страшное ощущение, что Харлен мертв. — Он умер?

Отец удивленно моргнул:

— Мертв? Нет, малыш, что ты. Джим жив. Но он сильно расшибся. И сейчас лежит без сознания в больнице в Оук-Хилле. По крайней мере, так было, когда миссис Грумбахер разговаривала с его мамой.

— А что с ним случилось?

Дейл слышал, как сухо и безжизненно звучит его голос.

Отец задумчиво потер щеки.

— Еще не совсем понятно. Похоже, он хотел забраться на стену школы и...

— Старой школы? — выдохнул Лоренс.

— Да, он лез по стене и сорвался. Его нашла сегодня утром миссис Мун. Он вышла, чтобы поискать газеты и банки в мусорном контейнере, который стоит там возле стены, ну и... Джим упал в него то ли накануне вечером, то ли рано утром... в общем, парень был без сознания.

Дейл облизнул пересохшие губы:

— Он сильно расшибся?

Отец ответил не сразу, будто размышляя, что сказать. Потом погладил обоих сыновей по ногам.

— Мисс Дженсен сказала миссис Грумбахер, что Джим скоро поправится. Но пока он без сознания: травма слишком серьезная и у него сотрясение мозга...

— А что такое сотрясение мозга? — подал голос Лоренс, с широко раскрытыми глазами слушающий разговор.

— Такое бывает, если сильно ударишься черепушкой, — шепотом объяснил Дейл. — Молчи, не мешай папе рассказывать.

Отец чуть улыбнулся:

— Джим не то чтобы в коме, но в сознание еще не приходил. Доктора говорят, что это обычное явление при травме головы. Кажется, у него еще сломаны ребра и рука в нескольких местах... Миссис Грумбахер не сказала, какая именно. Видимо, при падении он ударился о край контейнера. Если бы внутри не было мусора, ослабившего удар, то... ну...

— Он был бы как котенок Майка, да, пап? — тонким голоском проговорил Лоренс. — Помнишь, который прошлым летом разбился в лепешку на Хард-роуд?

Дейл шлепнул брата по руке и, прежде чем отец успел сделать ему замечание, спросил:

— Папа, а мы съездим проведать его в больнице?

Отец снова вынул очки из кармана.

— Разумеется. Почему бы нет? Только, конечно, через несколько дней. Джиму сначала нужно прийти в сознание, а когда доктора убедятся, что он в порядке, обязательно навестим его. А если изменений к лучшему не будет, его переведут в больницу в Пеорию... — Он встал и напоследок еще раз погладил тщательно укрытые одеялом ноги Лоренса. — Мы непременно проведем Джима на этой неделе, как только доктора разрешат. Ребята, вы не читайте долго, хорошо?

Отец направился к двери.

— Папа? — окликнул его младший из сыновей. — А как получилось, что мама Джима не знала, что он ушел ночью из дома? Почему никто не искал его до самого утра?

На лице отца ясно отразился обуревавший его гнев, вызванный отнюдь не вопросом Лоренса.

— Не знаю, малыш. Наверное, мама Джима думала, что он спит дома. А может быть, Джим вышел рано утром и отправился к школе.

— Только не это, — уверенно заявил Дейл. — Харлен спит дольше всех ребят, которых я знаю. Могу поспорить, все произошло вечером.

Дейлу вспомнилось, как во время бесплатного сеанса в парке, в то время как Род Тейлор сражался с морлоками, вдруг засверкали в темноте молнии и на землю посыпались первые капли дождя, заставившие зрителей попрятаться в машины или под деревья. Вторую картину из-за дождя вообще не удалось посмотреть. Они с Лоренсом возвращались домой вместе с одной из сестер Майка и ее тупым ухажером.

«И с чего это Харлену приспичило лезть на стену Старой школы?» — недоуменно подумал Дейл.

— Папа, ты, случайно, не знаешь, в каком месте Джим забирался наверх? — спросил он. — В какой части здания?

Отец озадаченно нахмурился:

— Ну, поскольку он упал в контейнер, что стоит возле автостоянки, то я полагаю, что все произошло недалеко от угла с этой стороны здания. Кажется, в прошлом году там был ваш класс, не так ли?

— Ага-а, — протянул Дейл.

Он мысленно представил маршрут, по которому лез Джим: водосточная труба, затем, наверное, каменный выступ на углу и, конечно, карниз под окном класса.

«Ну и ну! Прямо сказать, путь не из легких. — Дейл не мог прийти в себя от удивления. — Какого черта Харлен вообще туда полез?»

Отец словно прочел мысли сына:

— Мальчики, вы не знаете, зачем Джиму понадобилось забраться в свой старый класс?

Лоренс молча покачал головой и покрепче прижал к себе медвежонка Тедди — так он называл старую плюшевую панду, свою самую любимую игрушку.

— Понятия не имею, — вслед за братом покачал головой Дейл. — Ума не приложу, что это вдруг пришло ему в голову.

— Ну что ж, — сказал отец. — Завтра вечером я уезжаю, и во вторник меня здесь не будет. Но я обязательно позвоню — узнать, как вы тут без меня и как обстоят дела у вашего приятеля. А когда вернусь, мы проведем Джима, если захотите. Наверное, ближе к концу недели.

Оба мальчика согласно закивали.

После ухода отца Дейл вновь открыл книгу и попытался читать, но приключения Тарзана в затерянном городе перестали ка-

заться интересными. Он встал, чтобы выключить свет, и увидел протянутую из-под одеяла руку Лоренса — это было единственное, на что тот отваживался, рискуя быть схваченным таинственным существом, прятавшимся в темноте под кроватью. Лоренс часто просил брата поддержать его за руку — так ему было спокойнее засыпать, — но обычно Дейл не соглашался. Однако сегодня вечером он охотно сжал маленькую ладонь.

Занавески на обоих окнах были раздвинуты, и на противомоскитных сетках причудливо плясали тени деревьев. Где-то стрекотали сверчки. Ветерок негромко шумел в кронах деревьев. Лежа в постели, Дейл не мог видеть здание Старой центральной, но бледный голубоватый свет единственного фонаря у ее северного входа был виден ему отлично.

Дейл закрыл глаза, но, как только начал проваливаться в сон, перед его мысленным взором возникла жуткая картина: Джим лежит без сознания в мусорном контейнере, на куче всякой гадости, а Ван Сайк, Рун и все остальные столпились рядом в темноте, уставившись паучьими глазами на распростертое тело мальчика и злобно скаля крысиные зубы.

Дейл вздрогнул. Сон как рукой сняло. Лоренс тихонько сопел и похрапывал, по-прежнему крепко прижимая к себе плюшевого панду. Тонкая струйка слюны стекала из уголка рта прямо на подушку.

Дейл лежал тихо-тихо, едва дыша и не отпуская руки младшего брата.

Глава 9

В понедельник утром Дуэйн Макбрайд проснулся незадолго до рассвета с мыслью, что ему следует быстренько покончить с неотложными домашними делами и пулей мчаться к шоссе, чтобы не опоздать на школьный автобус. Но уже в следующую долю секунды он вспомнил, что сегодня хоть и понедельник, но первый понедельник летних каникул и что в Старую центральную ему вообще никогда больше ездить не придется. У Дуэйна словно тяжесть упала с плеч, и он, весело насвистывая, отправился наверх.

На столе белела записка от Старика: он договорился встретиться в парке с несколькими старыми друзьями и позавтракать там в кафе, но постарается вернуться домой до вечера.

Дуэйн принялся за привычные утренние хлопоты. Поиск яиц в курятнике напомнил ему о тех временах, когда он был совсем маленьким и больше всего на свете боялся грозных кур. Воспоминания тем не менее были приятными, поскольку воскресили образ матери, хотя в памяти о ней мало что осталось, кроме передника в горошек и ласкового голоса.

После завтрака, состоявшего из пары яиц, пяти ломтиков бекона, тоста, жаркого и шоколадного пончика, Дуэйн уже был готов выйти из дому — в чистке нуждался насос на дальнем пастбище, да и шкив не мешало бы заменить на новый, — но его остановил телефонный звонок. Звонил Дейл Стюарт. Дуэйн молча выслушал новость о Джиме Харлене. Секунду помедлив в ожидании ответа и не услышав его, Дейл сообщил, что Майк О'Рурк предлагает всем встретиться у него в курятнике в десять утра.

— А почему бы не в моем курятнике? — невозможно поинтересовался Дуэйн.

— Потому, что в твоём курятнике полно кур, и ещё потому, что до твоего дома нам придется добираться на велосипедах.

— А у меня вообще нет велосипеда, — заметил Дуэйн. — И мне придется тащиться в такую даль пешком. Может, лучше соберемся в нашем тайнике в старой штольне?

— В пещере? — переспросил Дейл.

В голосе приятеля слышалось сомнение. Откровенно говоря, Дуэйну и самому не хотелось возвращаться к штольне.

— Ладно, — сказал он. — В десять я буду.

Повесив трубку, Дуэйн посидел немного в кухне, думая о том, что придется отложить все намеченные на утро дела, а после обеда покрутиться в удвоенном темпе, но в конце концов пожал плечами, отыскал в шкафу конфету, чтобы подкрепиться перед дорогой, и вышел во двор. Витт бросился ему навстречу, изо всех сил виляя хвостом, и в этот раз Дуэйн решил взять собаку с собой. Небо было затянуто облаками, а значит, была надежда, что день будет не очень жарким и прогулка пошла бы только на пользу старой собаке.

Дуэйн вернулся в дом, набил карманы собачьими галетами, взял ещё одну конфету для себя — надо было подумать и о ланче, — и парочка отправилась в путь. Дуэйн шагал по обыкновению неторопливо, вразвалку, а рядом семенил прихрамывающий от артрита Виттгенштейн, осторожно, как это делают все четвероногие, переставляя лапы по горячему гравию и близоруко щурясь в попытках разглядеть то, что он чуял, но не видел. Любому, кто смотрел на них со стороны, сходство хозяина и собаки сразу же бросалось в глаза.

Подножие холма пряталось в тени, и можно было чуть-чуть отдохнуть от жары, но к тому времени, когда они дошли до бара «Под черным деревом», фланелевая в клетку рубашка Дуэйна насквозь промокла от пота. Возле бара стояли несколько машин, но машины отца Дуэйн среди них не заметил. Значит, «завтрак» получил продолжение в городе, в пивной «У Карла», решил он.

Путешественники повернули на запад по Джубили-Колледж-роуд. Облака начали рассеиваться, и возвышавшаяся вдалеке водонапорная башня тускло сияла в мареве зноя. Дуэйн внимательно оглядел поля, расстилавшиеся с одной стороны дороги, мысленно сравнивая их с полями на своей ферме — на этих колосья были чуточку повыше, — и остановился у желтой таблички, уста-

новленной у обочины, чтобы узнать, какие сорта и гибриды здесь посеяны. Солнце палило не на шутку, обжигая лицо и плечи, и Дуэйн мысленно выругал себя за то, что забыл дома кепку. Витт лениво трусил рядом. Если его вдруг привлекал какой-нибудь интересный запах, пес устремлялся по следу, почти уткнувшись носом в землю и подслеповато всматриваясь в покрытую пылью траву в придорожной канаве. Его исследования неизменно прекращались возле ограды поля, и колли медленно, прихрамывая, возвращался к терпеливо поджидавшему его Дуэйну.

До водонапорной башни и поворота с дороги оставалось примерно четверть мили, когда появился грузовик. Услышав скрип колес по гравию и почти одновременно почувствовав отвратительный запах, Дуэйн догадался, что это за машина. Витт поднял голову, пытаясь отыскать причину запаха и шума, и мальчик, ухватив за ошейник, подтолкнул колли к обочине. Ох уж эти грузовики! Стоит хоть одному из них проехать мимо — даже глаза забиваются пылью, и потом приходится подолгу отплевываться и вытряхивать из волос мельчайшие кусочки гравия, а бывает даже, что и принимать внеочередную ванну.

Дуэйн остановился на траве у обочины и удивленно отметил про себя, что машина мчится слишком быстро. Конечно, это труповоз: не так уж много на здешних дорогах грузовиков с ободранной красной краской на кабине и высокими бортами кузова. В ветровом стекле отражалось слепящее сияние неба. Машина не только делала по меньшей мере пятьдесят—шестьдесят миль в час, но вообще мчалась по правой стороне, не думая смещаться, как полагается, к центру или влево. Дуэйн раздраженно подумал о летящем гравии и отошел, подтянув Витта за собой, к самому краю канавы.

Грузовик мчался по правой стороне, не сбавляя скорости, подминая низким бампером траву... Огромная машина летела со скоростью пятьдесят миль прямо на мальчика с собакой.

Раздумывать было некогда. Дуэйн наклонился, рывком подхватил Витта за ошейник и отскочил за узкую канаву, влепившись спиной в ограду из колючей проволоки. Он едва сумел удержать испуганного, вырывающегося пса, когда машина промчалась мимо них не больше чем в трех дюймах, подняв с дороги тучу мелких камней, пыли и мусора.

Перед глазами Дуэйна мелькнули лежавшие в кузове туши нескольких коров, лошади, двух свиней и того, что походило на собаку светлой масти. Жуткая громадина вильнула, выскочила обратно на полотно дороги и в облаке пыли помчалась дальше.

— Сукин ты сын! — крикнул Дуэйн, с трудом удерживая собаку.

Поскольку руки были заняты, он не мог погрозить кулаком и ограничился тем, что плюнул вслед удалявшемуся грузовику. Плевок был совершенно серым от набившейся в рот пыли.

Труповоз поравнялся с башней и свернул влево, взвизгнув на повороте шинами.

— Безмозглый выродок, — пробормотал Дуэйн. Он почти никогда не ругался, но сейчас требовалось облегчить душу. — Кретин несчастный!

Витт скулил и пытался высвободиться, и Дуэйн только сейчас почувствовал, как тяжела старая собака и как толчками отдается в предплечьях ее учащенное сердцебиение. Он ступил на укатанную колею дороги, поставил рядом Витта и постарался успокоить его, ласково глядя по спине.

— Все нормально, дружище. Все хорошо, — негромко говорил он. — Этот старый полоумный засранец не хотел нас обидеть, правда?

Спокойный голос уменьшил страх собаки, но ее ребра все еще ходили ходуном.

На самом деле Дуэйн не видел, сидел ли за рулем именно Ван Сайк: он был слишком занят Виттом и собственным спасением, чтобы разглядывать водителя. И все же у него не было никаких сомнений, что грузовиком управлял не кто иной, как этот сумасшедший кладбищенский сторож и по совместительству собиратель падали. Ну что ж, надо будет позаботиться, чтобы об этом происшествии как можно скорее узнали все. Одно дело — пугать детей, бросая в воду дохлых обезьян, и совсем другое — пытаться убить одного из этих самых детей.

И тут до Дуэйна дошло, что Ван Сайк — или кто там на самом деле был за рулем — действительно пытался убить его. И это не шутка. И не какая-то угрожающая выходка безумца. Водитель пытался сбить именно их, и только тот факт, что на такой скорости грузовик несомненно перевернулся бы, попади колесо в кана-

ву, помешал ему преодолеть недостающие дюймы и добраться до намеченных жертв.

«А потом какой-нибудь прохожий наткнулся бы на наши с Виттом тела, — с ужасом думал Дуэйн. — И никто бы не узнал, как все случилось. Эка невидаль! Неосторожный ребенок и сбежавший с места происшествия водитель...»

Дуэйн вспомнил об ограде из колючей проволоки и провел рукой по спине. Ладонь стала красной от крови. И что еще хуже, на рубашке появились две большие прорехи, которые теперь ему придется зашивать.

Мальчик продолжал машинально гладить Витта, но сам при этом дрожал сильнее собаки. Свободной рукой он выудил из кармана галету для Витта, а потом и конфету для себя.

Из-за угла водонапорной башни с ревом вынырнул грузовик.

Дуэйн машинально поднялся на ноги и уставился на него. Неразжеванная конфета выпала изо рта. Это был точно труповоз: теперь мальчик ясно видел красную кабину и массивный бампер, перед которым катилось облачко пыли. На этот раз скорость машины была меньше, но все же превышала миль тридцать в час. Вполне достаточно, чтобы эти три тонны на колесах раздавили его и Витта в лепешку и размазали по дороге.

— О черт! — невольно вскрикнул Дуэйн.

Витт взвыл и резко рванулся в сторону.

Дуэйн потянул собаку на левую сторону дорожного полотна, словно направляясь к полям с южной стороны. В этом месте канава, хоть и заросшая травой, была очень мелкой — ее, можно сказать, не было вообще. Разве это препятствие такому громиле?

Труповоз уже успел преодолеть половину расстояния от башни до того места, где стояли Дуэйн и Витт, и теперь вильнул вправо, в их сторону. Силуэт человека в кабине вырисовывался вполне отчетливо: высокий мужчина наклонился вперед, почти к самому рулю, и сосредоточенно смотрел на дорогу — или на тех, кого намеревался сбить.

Дуэйн схватил собаку за ошейник и потянул на другую сторону — колли сопротивлялся, упираясь судорожно вытянутыми передними лапами и царапая когтями по гравию. Наконец мальчику все же удалось дотащить его до противоположной обочины и толкнуть в канаву.

Грузовик срезал влево, съехал с полотна и на полной скорости перелетел через канаву — теперь его левые колеса почти касались забора, передний бампер мял траву. В воздухе повисло облако пыли.

Дуэйн оглянулся через плечо, тщетно надеясь, что появится какая-нибудь машина, что вмешается кто-нибудь взрослый... или что сам он вот-вот проснется.

Труповоз был менее чем в сотне футов и, казалось, опять начал набирать скорость.

Дуэйн понял, что он не успеет еще раз перебежать дорогу вместе с Виттом, а если и успеет, то грузовик настигнет их прежде, чем они сумеют перелезть через ограду.

Витт залился отчаянным лаем и, не помня себя от страха, даже попытался укусить Дуэйна за руку. Мальчик уже хотел было разжать пальцы и предоставить собаке свободу и возможность спастись самостоятельно, но тут же понял, что у старого колли нет ни единого шанса. Даже в паническом возбуждении пес не сумеет убежать: слишком неповоротливы суставы, слишком плохи глаза.

Грузовик был уже в двадцати ярдах и упорно мчался вперед. Его переднее левое колесо ударилось о подгнивший столбик ограды и вырвало его из земли. Металлическая проволока загудела, как потревоженные струны арфы.

Дуэйн наклонился, поднял Витта и одним резким движением перебросил его через ограду. Взлетев высоко над проволокой, колли упал в третью или четвертую от края борозду между рядами колосьев, перевернулся на бок и принялся лихорадочно перебирать лапами, пытаясь подняться.

Времени не оставалось. Дуэйн ухватился за деревянный столб и подпрыгнул. Ограда закачалась и завибрировала. Острые концы проволоки впились мальчику в левую ладонь. Самое ужасное, что ячейки сетки оказались слишком мелкими и один из кедов прочно застрял.

Надвигающаяся стена из красного металла наполнила мир грохотом и пылью. В глаза ударил слепящий блеск ветрового стекла, и водителя теперь вообще не было видно. Между Дуэйном и грузовиком, сметавшим на своем пути столбики ограды, оставалось меньше тридцати футов.

Оставив кед в ячейке, Дуэйн перевалился через проволоку, чувствуя, как ее острые концы царапают живот, рухнул на мягкую землю на краю поля и покатился по стеблям, хватая ртом воздух.

Труповоз промчался мимо, вырвав с корнем столб, за который держался мальчик, и взметнув в воздух над ним обрывки проволоки, клочки травы и гравий.

Оглушенный, дрожащий от ужаса Дуэйн поднялся на колени. Фланелевая рубашка превратилась в лохмотья, из разодранной кожи на животе сочилась кровь, тонкими струйками стекая на брюки. Ладони были сплошь расцарапаны.

Грузовик выпрыгнул обратно на дорогу. Задние фары сверкнули, как красные глаза среди тучи пыли.

Дуэйн огляделся, отыскивая взглядом Витта — тот, все еще не оправившийся от падения, лежал через два ряда от него, — и снова перевел взгляд на дорогу. Красная громадина медленно разворачивалась. Грузовик зарылся носом в канаву на противоположной стороне дороги, задние колеса неистово крутились, словно мелкой дробью, стреляя во все стороны гравием, потом развернулся, на этот раз съехав задом в ту же канаву, нацелил бампер в сторону Дуэйна и ринулся вперед.

Спотыкаясь, виляя из стороны в сторону, Дуэйн бросился к Витту, подхватил его на руки и понесся по полю. Хвост колли волочился по невысоким колосьям.

Поле протянулось на целую милю к северу, в конце его виднелась еще одна ограда, возле которой росли несколько деревьев.

Дуэйн летел вперед без оглядки. Судя по раздававшимся за его спиной звукам, труповоз перескочил через канаву, прорвал сетку ограды и помчался по полю, подминая стебли и колесами перемешивая их с землей.

«Кажется, пару дней назад шел дождь...» — на бегу думал Дуэйн.

Витт безвольно висел на его руках, и только судорожное подрагивание тела и едва уловимое движение ребер при дыхании свидетельствовали о том, что собака еще жива.

«Да, кажется, дождь шел два дня назад... — лихорадочно размышлял Дуэйн. — Верхние дюйм или два почвы, конечно, просохли и превратились в пыль, под ней... под ней должна быть жидкая грязь. Господи, пожалуйста, сделай так, чтоб там была грязь!»

А грузовик тем временем неся по полю, словно огромный разъяренный зверь, преследующий свою жертву. Дуэйн слышал скрежет дифференциала и скрип шестеренок, отчетливо ощущал запах мертвой плоти.

Дуэйн все бежал и бежал по полю.

«Может, стоит остановиться, повернуться лицом к этой чертовой машине и в последний момент нырнуть в сторону, как ловкий матадор, а потом попытаться обежать грузовик сзади, подобрать с земли какой-нибудь камень и швырнуть в ветровое стекло?» — промелькнуло в голове.

Но Дуэйн тут же отказался от этой затеи: не такой уж он проворный, и вдобавок Витт очень тяжелый. Нет, ничего не выйдет...

Он продолжал бежать.

Грузовик ревел футах в сорока позади него... Затем в двадцати... В пятнадцати...

Силы мальчика были на исходе. Бежать он уже не мог и просто пошел, стараясь шагать как можно шире. Стебли хлестали его по лодыжкам и коленям, шерсть колли покрылась пылью цветущих колосьев. Преодолевая очередную борозду, Дуэйн почувствовал под ногами сырость и вязкую грязь и догадался, что это одна из ирригационных канав. Он упорно шел вперед.

Рев двигателя за спиной сменился воем, а потом превратился в отвратительный визг.

Мальчик обернулся. Грузовик стоял, накренившись под каким-то странным углом. Задние левые колеса прокручивались вхолостую. Комья земли и обрывки стеблей дугой разлетались в разные стороны.

Дуэйн вновь поплелся вперед, раздвигая те стебли, которые могли попасть собаке в глаза. Когда он снова оглянулся, расстояние между ним и машиной было уже футов сто. Безнадежно застрявший в грязи труповоз по-прежнему стоял накренившись. Колеса буксовали, мотор натужно ревел, корпус машины тряся, дергался туда-сюда, но не двигался с места.

Дуэйн сосредоточил взгляд на видневшейся впереди ограде. За ней простиралось пастбище Джонсона, а еще дальше к северу и востоку темнел лесной массив, тянувшийся до того места, где стоял бар «Под черным деревом». Там холмы. И глубокий овраг вдоль ручья.

«Еще десять рядов — и я оглянусь».

Пот ручьями стекал по спине, смешивался с пылью и кровью, образуя между лопатками противную корку. Кожа зудела. Витт вздрогнул и дернул лапами, как, бывало, со щенячьего возраста делал во сне, грезя об охоте на кроликов или кого-то еще, а потом снова расслабился, словно отдаваясь на милость хозяина и предоставляя тому полную свободу действий.

Восемь рядов... Девять... Дуэйн отвел в сторону колосья и посмотрел назад.

Грузовик вырвался из грязевого плена и вновь двинулся по полю... Только теперь в обратном направлении. Подпрыгивая и раскачиваясь, он пятился задним ходом обратно к шоссе. Да, несомненно, машина постепенно удалялась.

Дуэйн не остановился. Прислушиваясь к вою мотора и скрежету дифференциала, он ковылял к северной ограде, до которой оставалось меньше сотни ярдов, и не рискнул передохнуть, даже когда под колесами набравшего скорость грузовика зашуршал на шоссе гравий.

«Сюда ему не проехать, — успокаивал себя мальчик. — Ему не достать меня здесь. Если я пойду лесом, подальше от дорог и тропинок, то смогу добраться до дальнего края нашего пастбища».

А вот наконец и ограда. Дуэйн осторожно перекинул через нее Витта, потом перелез сам, оставив на остриях колючей проволоки еще несколько лоскутков кожи, и только тогда позволил себе небольшой отдых.

Опираясь руками о колени, тяжело дыша и слыша оглушительный гул в ушах, мальчик присел рядом с собакой. Затем поднял голову и посмотрел назад.

Водонапорная башня была теперь совсем близко. В четверти мили к югу виднелась густая масса деревьев Элм-Хейвена. Дорога была пуста. Вокруг стояла звенящая тишина. И только медленно оседавшее облако пыли и искореженная сетка ограды на противоположном краю поля доказывали Дуэйну, что все это ему не приснилось.

Он наклонился над собакой и погладил ее по боку. Витт не шелохнулся. Глаза пса были совершенно стеклянными. Дуэйн прижался щекой к его ребрам и задержал дыхание.

Сердце Витта не билось. Возможно, оно было готово остановиться еще тогда, когда они перебирались через первую ограду, и только преданность хозяину и желание оставаться рядом с ним заставили старого колли так долго бороться за жизнь.

Дуэйн коснулся пальцами узкой морды колли, погладил ее и попытался закрыть собаке глаза. Веки не опускались.

Дуэйн встал на колени. Неожиданно возникшая где-то глубоко внутри нестерпимая боль постепенно разливалась по всему телу. Но эта боль была вызвана отнюдь не ссадинами, царапинами или ушибами. Горло перехватило, а боль вдруг превратилась в ужасную опухоль, в тяжелый камень, который нельзя было ни проглотить, ни выплакать вместе со слезами и который угрожал задушить Дуэйна, когда тот, подняв лицо к безоблачному небу, попытался вдохнуть.

Стоя на коленях, Дуэйн в отчаянии колотил кровоточащими ладонями по земле. В эти ужасные минуты он пообещал Витту и Богу, в которого не умел верить, что отомстит, что кто-то обязательно поплатится за содеянное.

На собрание Велосипедного патруля, назначенное Майком, пришли только Майк О'Рурк и Кевин Грумбахер. Кевин нервничал, нетерпеливо мерил шагами курятник и вертел в пальцах резиновую ленту, в то время как Майк сохранял спокойствие, понимая, что и Дейл, и остальные ребята нашли занятия поинтереснее, чем бежать летним утром на какие-то глупые собрания.

— Не бери в голову, Кев, — проговорил он с продавленного дивана, на котором лежал. — Я поговорю с ребятами в другой раз, когда мы будем вместе.

Кевин остановился, открыл было рот, чтобы что-то сказать, да так и замер при виде неожиданно появившихся на пороге Дейла и Лоренса.

Было очевидно, что Дейл необычайно взволнован: его глаза возбужденно горели, волосы были в беспорядке. Лоренс тоже выглядел очень взволнованным.

— Что случилось? — спросил Майк.

Дейл схватился за косяк двери и, задыхаясь, с трудом выговорил:

— Только что звонил Дуэйн... Ван Сайк пытался убить его.

Майк и Кевин изумленно переглянулись.

— Это правда, — выдохнул Дейл. — Он позвонил мне перед самым приходом полиции. Ему пришлось позвонить в пивную «У Карла» и попросить передать отцу, что тому лучше вернуться

домой. Потом он позвонил Барни. А еще он боялся, что Ван Сайк придет, когда он будет ждать дома, но Ван Сайк не появился... А отец, когда приехал, ему не поверил... А его собака погибла... Не то чтобы Ван Сайк ее убил, но виноват все равно он, потому что...

— Да подожди ты, успокойся, — перебил его Майк.

Дейл замолчал.

Майк встал:

— А теперь давай все сначала и по порядку. Так, как ты рассказываешь истории, когда мы собираемся вместе. Сначала скажи главное: жив ли Дуэйн и что с ним? А потом объясни толком, как Ван Сайк пытался убить его.

Дейл бросился на диван, который только что освободил Майк. Лоренс пристроился на подушке, валявшейся на полу. Кевин замер там, где его застало появление мальчиков, и стоял совершенно неподвижно. Только пальцы безостановочно сплетали и расплетали сложные узоры из резиновой ленты.

— Ладно, — кивнул Дейл и, еще немного помолчав, начал: — Мне только что звонил Дуэйн. Примерно полчаса назад... Ван Сайк... вернее, он думает, что это был Ван Сайк, но точно не видел... В общем, кто-то, сидевший в грузовике Ван Сайка, пытался задавить Дуэйна на Джубили-Колледж-роуд. Недалеко от водонапорной башни.

— Господи Иисусе! — изумленно выдохнул Кевин и тут же осекся под строгим взглядом Майка.

Дейл кивнул и растерянно посмотрел на друзей, словно до него самого только что дошел истинный смысл случившегося.

— Дуэйн сказал, — после паузы снова заговорил он, — что грузовик сначала пытался сбить его на дороге, а потом снес ограду и погнался за ним по полю. А колли его умер... вроде как от страха.

— Витт? — переспросил Лоренс.

В голосе восьмилетнего мальчишки прозвучала искренняя боль. Когда они с братом приходили в гости к Дуэйну, Лоренс часами играл со старым псом.

Дейл снова кивнул.

— Чтобы попасть домой, Дуэйну пришлось пешком пройти через пастбище и поля Джонсона, Дохлый ручей и весь лес. И что самое удивительное...

— Что? — тихо переспросил Майк.

— Дуэйн сказал, что он всю дорогу нес Витта на руках. А ведь мог бы оставить пса там, где он умер, и вернуться за ним позже.

Лоренс молча обвел взглядом ребят, всем своим видом показывая, что поступок Дуэйна ему вполне понятен.

— Это все? — уточнил Майк. — А Дуэйн не объяснил, почему Ван Сайк пытался убить его?

Дейл покачал головой:

— Он только сказал, что ничего такого не делал — просто шел по дороге сюда. Я сам позвонил ему утром и сообщил про собрание. И еще. Он уверен, что это не было шуткой... Совсем не похоже, будто бы Джей-Пи Конгден или еще кто из этих старых перду... — Тут Дейл остановился и глянул на младшего брата. — Кто-нибудь из этих старых ослов просто хотел попугать его. Дуэйн говорит, что, кто бы ни сидел в кабине труповоза, он в самом деле хотел убить его и Витта.

Майк кивнул, явно пребывая в полном недоумении.

Дейл пригладил вихры.

— Ему пришлось повесить трубку, потому что как раз явился Барни.

Кевин смял в комок и бросил на пол резиновую ленту.

— Он звонил тебе из дома?

— Угу.

Кевин глянул на Майка:

— Это как-нибудь связано с тем, о чем ты хотел поговорить с нами?

Тот чуть задержался с ответом.

— Может быть. — Он выглянул во двор, где валялись брошенные ими велосипеды. — Ладно, поехали.

— Куда? — вытаращился на него Лоренс, все это время сосредоточенно жевавший козырек своей бейсболки, — верный признак сильного душевного волнения.

Майк чуть улыбнулся:

— Как ты думаешь, куда Дуэйн повел Барни и своего отца? Если грузовик гонялся за ним по полю, то там должна была остаться уйма следов от колес и много чего еще.

Все четверо бросились к велосипедам.

Барни действительно уже был там. Его зеленый «понтиак» с потускневшими золотыми буквами «КОНСТЕБЛЬ» по борту был припаркован на обочине, рядом с пикапом отца Дуэйна и черным «шевроле» Джей-Пи Конгдена. Дуэйн с отцом стояли у огромной брешы в проволочном заборе, мальчик что-то тихо говорил, временами указывая на глубокие рытвины в земле. Барни кивал и время от времени что-то заносил в свой блокнот. Джей-Пи молча пыхтел сигарой и хмурился с таким видом, будто подзревал, что во всем происшедшем виноват Дуэйн.

Ребята затормозили футах в тридцати от собравшихся.

Конгден отвернулся от Дуэйна, сплюнул в траву и крикнул мальчикам, чтобы те убрались.

Они кивнули и остались там, где были.

Теперь говорил отец Дуэйна:

— ...И я хочу, чтобы вы, Говард, разыскали и арестовали его. — Настоящее имя Барни было Говард Силлз. — Проклятый идиот пытался убить моего сына.

Барни кивнул и черкнул что-то в своей книжке:

— Но, Даррен, на самом деле у нас нет никаких доказательств, что это был именно Карл Ван Сайк...

Майк со значением взглянул на Дейла, Кевина и Лоренса, и они ответили ему таким же взглядом: никто из них прежде не знал, как зовут Ван Сайка.

— Ваш сын не разглядел, кто именно сидел за рулем, — быстро договорил Барни, торопясь закончить, пока Макбрайд опять не взорвался.

Лицо отца Дуэйна побагровело, и он готов был вновь разразиться гневной тирадой, но в этот момент Джей-Пи Конгден, передвинув сигару из одного угла рта в другой, неожиданно заявил:

— Это был не Карл.

Барни поправил свою кепку и вопросительно поднял бровь, искоса глянув в сторону мирового судьи.

«Наш Барни, вообще-то, совсем не похож на Барни из шоу», — думал Дейл, по-прежнему стоя в тридцати футах от споривших и наблюдая за происходящим.

Шериф Говард Силлз был коротеньким лысым человечком и действительно в чем-то напоминал Дона Ноттса — возможно, невзрачной внешностью и широко открытыми глазами, — но на

самом деле был ничуть не похож на помощника шерифа из «Шоу Энди Гриффита»¹. Тем не менее все называли его Барни.

Барни повернулся к толстяку:

— Откуда вы знаете, что за рулем сидел не Карл?

Конгден снова передвинул сигару и прищурился, глядя на отца и сына Макбрайдов с таким видом, будто видел перед собой жалкое отребье, которое только зря отнимает драгоценное время мирового судьи.

— Знаю, потому что я сам был с ним все это утро.

Джей-Пи еще раз сплюнул и ухмыльнулся. Его зубы были почти такого же цвета, что и дешевенькая сигара.

— Мы с Карлом рыбачили сегодня на Спуне, неподалеку от моста у главной магистрали, — небрежным тоном пояснил он.

— Но труповоз обычно водит Ван Сайк, — ровным голосом заметил Барни. — Я связался с Билли Дейзингером, и тот сказал, что не садился за руль с прошлого года.

Конгден пожал плечами и снова сплюнул.

— Карл сказал мне, что кто-то украл его грузовик прошлой ночью. Машина была припаркована у масложирового завода.

Мальчики опять переглянулись. Старое, полуразрушенное здание масложирового завода стояло к северу от заброшенного элеватора, если идти в сторону свалки. Когда-то сюда свозилидохлых животных со всей округи, в том числе и тех, что погибали под колесами машин на шоссе. Несмотря на то что заводик давно прекратил работать, в воздухе по-прежнему висела отвратительная вонь, а иногда ветер доносил ее даже до домика Харленов, стоявшего на северной окраине городка.

Барни почесал свой небольшой скошенный подбородок:

— Почему вы не заявили об этом, Джей-Пи? Ни вы, ни Карл.

Конгден равнодушно пожал плечами. Расследование ему явно наскучило и не вызывало ничего, кроме раздражения.

«Надо же, да он почти совсем облысел, — глядя на мирового судью, подумал Дейл. — Остался лишь какой-то жиденский вен-

¹ «Шоу Энди Гриффита» («The Andy Griffith Show») — популярная в 1960-х гг. телевизионная программа, в которой роль Барни Файфа (Barney Fife) — неуклюжего помощника шерифа — долгое время исполнял американский комический актер Дон Ноттс (Don Knotts; 1924–2006).

чик волос за ушами, похожий на мокрый мех хорька. И макушка почему-то совсем не загорает — белая, как брюхо сазана».

— Как я уже сказал, мы были заняты, — снова послышался голос мирового судьи. — Кроме того, сдается мне, что все это дело рук вот этих маленьких говнюков. — Он махнул рукой в сторону мальчишек, все еще сидевших на велосипедах. — Откуда мы знаем, что это не их выходки?

Барни невозмутимо посмотрел на ребят.

— И кто сказал, что этот засранец не подстроил все сам? — повысив голос, продолжал Конгден и большим пальцем указал на Дуэйна. — Да они небось сговорились и орудовали здесь все вместе. Нахулиганили, сломали ограду полей Саммерсона, вытоптали посевы, а теперь отнимают наше время, чтобы выкрутиться и избежать наказания.

Отец Дуэйна шагнул вперед, не обращая внимания на кольца проволоочной сетки, цеплявшейся за ноги. Его лицо пошло от гнева пятнами и теперь было скорее малиновым, чем просто красным.

— Черт вас побери, Конгден, вы лживый кусок капиталистического дерьма. Вы отлично знаете моего парня, и вам прекрасно известно, что ни мой парень, ни эти ребята ничего такого не делали. Кто-то пытался убить Дуэйна, пытался задавить его прямо здесь, а вы, как я понимаю, покрываете этого никчемного австралопитека по имени Ван Сайк только потому, что вы с ним на пару украли машину. Да, это воровство, и оно ничем не лучше того, что вы вытворяете с так называемыми лихачами, которых тащите в суд, чтобы заработать себе на пиво, вы, безмозглый...

Барни быстро шагнул между двумя мужчинами и положил ладонь на плечо мистера Макбрайда. Хватка, видимо, была более чем крепкой, потому что Макбрайд побледнел, сразу замолчал и отвернулся.

— А, хрен с ним, — бросил мировой судья и зашагал к своей машине.

— Передайте Карлу, пусть зайдет ко мне, — вслед ему сказал Барни.

Даже не соизволив кивнуть в ответ, Конгден захлопнул за собой дверцу черного «шевроле» и повернул ключ зажигания. Мотор с усиленной мощностью взревел, и машина резко рванула с места. Песок и гравий, облаком вылетевшие из-под колес, при-

землились лишь футам в двадцати от того места, где только что стоял автомобиль, а ребятам пришлось поспешно съехать в канаву, чтобы не попасть под него, когда разгневанный мировой судья пулей промчался мимо.

Мистер Макбрайд еще несколько минут что-то возбужденно говорил, временами повышая голос и жестами указывая на поле, но в конце концов успокоился и лишь время от времени тихо бормотал себе под нос. Барни тем временем делал какие-то заметки в своем блокноте. Дуэйн молча стоял в нескольких футах от них, сложив на груди руки, глаза его за толстыми линзами очков смотрели безучастно. Как только мистер Макбрайд и шериф направились обратно к дороге, мальчики побросали велосипеды на пыльную траву и поспешили к товарищу.

— Как ты, нормально? — спросил Дейл.

Ему хотелось потрепать Дуэйна по плечу, но в их компании было не принято вести себя так по отношению к старшему.

Дуэйн кивнул.

— Он и вправду убил Витта? — В дрожащем голосе Лоренса слышались слезы.

Дуэйн снова кивнул.

— Сердце не выдержало, — пояснил он. — Витт ведь был уже старый.

— Но кто-то правда хотел переехать тебя? — спросил Кевин.

Дуэйн опять утвердительно кивнул и хотел что-то сказать, но в эту минуту отец позвал его. Дуэйн опустил руки и уже на ходу тихо произнес:

— Происходит что-то странное. Я кое-что расскажу вам сегодня вечером, если сумею выбраться.

Он пролез через дыру в ограде и присоединился к отцу.

Барни начал что-то говорить Дуэйну, о чем-то его спрашивать, но ребята сумели расслышать лишь одну фразу:

— Мне тоже жаль твоего пса, парень.

Констебль снова повернулся к отцу Дуэйна и, как показалось ребятам, о чем-то его предупредил, а потом направился к машине и медленно, осторожно, чтобы не обдать пылью оставшихся, тронул «понтиак» с места.

Дуэйн с отцом постояли с минуту, внимательно оглядывая простиравшееся за сломанной оградой поле, после чего сели в пикап, развернулись и направились по Джубили-Колледж-роуд

в сторону Шестого окружного шоссе. Дуэйн даже не помахал ребятам на прощание.

Четверо мальчишек смотрели вслед машине, рассеянно поддавая ногами сухие комья земли и перебрасываясь вырванными и успевшими уже завянуть колосьями. Время от времени они настороженно посматривали на ряды колосьев, словно ожидая, что оттуда вот-вот выбежит призрак Витта.

Однако ни один колосок не шелохнулся. Вокруг все будто замерло, и воцарилась тишина. Небо снова заволокло облаками.

— Эй, — бросил наконец Кевин. — А вдруг грузовик сейчас вернется?

Уже через несколько секунд все дружно крутили педали и, низко пригнувшись, мчались по направлению к городу. Дейл поначалу приотстал от друзей, чтобы не отрываться от Лоренса, но семнадцатидюймовый велосипед младшего брата, превратившись в туманное пятно, почти мгновенно вырвался в лидеры, оставив позади и Дейла, и Кевина, и красный драндулет Майка.

Только почувствовав себя в безопасности под сенью вязов и дубов Элм-Хейвена, ребята чуть замедлили ход, перевели дыхание и, расправив плечи, опустили руки, чтобы дать отдых пальцам, всю дорогу мертвой хваткой сжимавшим рули велосипедов. Всклопоченные волосы у всех были мокрыми от пота. Проехав по Депо-стрит мимо дома Дейла и Старой школы, они остановились у поворота к дому Кевина, побросали велосипеды и, все еще задыхаясь после неистовой гонки, буквально рухнули на прохладную траву.

— Эй, а что такое капиталист? — подал голос Лоренс.

Глава 10

Покушение на жизнь Дуэйна Макбрайда обсуждалось до хрипоты в течение примерно получаса, а потом ребята отправились играть в бейсбол. Собрание Велосипедного патруля Майк перенес, решив, что его стоит провести либо после игры, либо после возвращения в город Дуэйна — в зависимости от того, что произойдет раньше.

Городская бейсбольная площадка находилась на пустыре позади домов Кевина и Дейла, и мальчишки, как правило, перелезали через забор Стюартов, на толстом деревянном столбе которого очень к месту имелаась деревянная перекладина. Это обстоятельство превратило подъездную дорожку и западную часть довольно большого двора Стюартов в оживленную магистраль, по которой то и дело сновали ребята со всех концов города. Дейлу и Лоуренсу чрезвычайно льстило, что их дом в результате превратился в своего рода штаб игроков и болельщиков. Следует особо отметить, что хозяйка дома не имела ничего против таких гостей. Напротив, она с удовольствием потчевала их лимонадом, сандвичами и другим угощением.

В этот день игра началась вяло — в первый час Кевин и Дейл играли против Лоренса и Майка, но ко времени ленча к ним присоединились Джерри Дейзингер, Боб Маккоун, Донна Лу Перри и Сэнди Виттакер. Сэнди неплохо орудовала битой, но подавала совсем по-девчоночьи. Зато она была подругой Донны Лу, играть с которой в одной команде мечтал каждый. Затем на поле появились ребята из богатых кварталов: Чак Сперлинг, Диггер Тейлор, братья Фусснеры, Билл и Барри, и Том Кастанатти. Крики и суета на поле привлекли других, и уже часам к двум, когда началась третья игра, команды и скамейки запасных были полностью укомплектованы.

Чак Сперлинг, как всегда, захотел быть капитаном. Его отец руководил единственной в Элм-Хейвене командой «малой лиги», так что Чак мог выбирать, то ли ему играть капитаном, то ли питчером, хотя подавал он даже похуже, чем Сэнди Виттакер. Но сегодня за него проголосовало меньшинство, и на четвертую игру капитаном первой команды выбрали Майка, а капитаном второй — Тома Кастанатти, приземистого паренька с очень спокойным характером, хорошего отбивающего, у которого к тому же была лучшая в городе бита из белого ясеня, замечательная «Луисвилль слаггер»¹, которую его отцу подарил друг из чикагской команды «Уайт сокс».

Майк тут же выбрал себе в команду Донну Лу. Никто не возражал: она давно считалась лучшим питчером во всем городе, и если бы «малая лига» допускала в свои ряды девчонок, то все ребята — по крайней мере, те из них, кто не боялся отца Чака Сперлинга, — умолили бы его поставить Донну Лу на место нападающего и таким образом значительно увеличить шансы на победу.

Выбор игроков в определенной степени отражал разделение города на северную, бедную, половину, где жил Дейл, и южную, обитатели которой считались более состоятельными. Хотя форма обеих команд была примерно одинаковой — джинсы и белые футболки, — искушенный наблюдатель без труда определял разницу. Сперлинг и остальные южане играли в новеньких, огромных негнущихся рукавицах, в то время как Майк и другие пользовались старыми, поношенными, в которых сражались еще их отцы. В отличие от конусообразных, с карманами, кожаных красавиц Сперлинга и Тейлора они вообще больше походили на самые обыкновенные варежки. Ловить молниеносные подачи в них было довольно неудобно, но ребята не расстраивались. Это так же входило в ритуал игры, как синяки и царапины, которые им доставались. В софтбол² никто из ребят не играл, за исключением тех случаев, когда в школе этого требовала миссис Даббет или еще кто-нибудь из старых вешалок. Но стоило учителям оставить детей без присмотра, как игра тут же сменялась бейсболом.

¹ «Louisville Slugger» (англ.) — знаменитая марка бейсбольной биты производства компании «Hillerich & Bradsby» (Луисвилль, штат Кентукки).

² Софтбол — спортивная командная игра с мячом; олимпийская дисциплина.

Но сейчас ребятам меньше всего хотелось думать об учителях. Как только миссис Стюарт вышла из дому, держа в одной руке корзину с болонской копченой колбасой и сэндвичами с арахисовым маслом и желе, а в другой — большую бутылку холодного «Кул-эйда»¹, был объявлен короткий перерыв, хотя по правилам его полагается делать после седьмого иннинга², а команды еще не доиграли и второй. Наскоро подкрепившись, игроки продолжили матч. Небо потемнело, но жара не отступала, наваливаясь на людей стеной влажного зноя. Однако никто не обращал на это внимания. Все дружно орали, забивали мячи, подавали и отбегали, отправлялись на скамью запасных и стремглав выбегали на поле, спорили о том, кого пора сменить и кто, вместо того чтобы шевелиться, ловит ворон, но в целом ладили довольно хорошо — гораздо лучше, чем это обычно бывает в командах «малой лиги». Настроение было замечательным. Веселому трепу и шуткам не было конца. А после того как Сперлинг настоял на том, что в четвертом иннинге будет подавать, и проиграл пять пробежек подряд, хохот стоял такой, что пришлось прервать игру. Однако и мальчишки, и обе девочки относились к бейсболу серьезно и играли с полной отдачей.

Хотя никто из ребят и не думал об этом, на самом деле, если разобраться, зажиточные южане соревновались с небогатыми обитателями севера. И северяне побеждали. Кастанатти бил хорошо и сделал четыре из шести пробежек своей команды в первой игре, но Донна Лу отбила большинство остальных — и весьма сильных — ударов, а Майк, Дейл и Джерри Дейзингер выигрывали по меньшей мере по четыре пробежки каждый. День для них явно складывался удачно. К концу второго блока из девяти иннингов команда Майка выигрывала со счетом 15:6 и 21:4.

Игроков перетасовали, и началась третья игра.

Возможно, все вышло бы по-другому, если бы Диггер Тейлор, Маккоун и еще пара ребят не закончили игру в одной команде с Донной Лу. Позади остались уже три иннинга, Донна Лу отбила двадцать одну подачу, ее как всегда железная рука в миллионный

¹ «Kool-Aid» (англ.) — товарный знак растворимого порошка для приготовления фруктовых прохладительных напитков.

² Inning (англ.) — один из девяти игровых периодов в бейсболе. Заканчивается, когда из каждой команды выбывают по три игрока.

раз вышибла из игры Чака Сперлинга — и команда Майка отправилась на отдых. Лоренс рухнул первым, за ним попадали остальные, вытянув ноги и привалившись спиной к щитам ограждения, — десять одинаковых фигур в вылинявших джинсах и белых футболках. Сэнди устала и, когда за ней зашла Бекки Крамер с подружками, ушла. Донна Лу осталась единственной девчонкой.

— Это просто позор, что мы не можем разобраться, кто из какой команды, — сказал Диггер Тейлор.

— О чем ты? — спросил Майк, краем длинной футболки вытирая со лба пот и грязь.

Тейлор пожал плечами:

— О том, что мы все практически ничем не отличаемся друг от друга. Это плохо.

Кевин прочистил горло и сплюнул — странно, но у него это всегда получалось как-то благовоспитанно, даже чопорно.

— Ты хочешь сказать, что нам нужна форма или что-то в этом роде?

Такая идея всех удивила: даже игроки городской команды «малой лиги» выходили на поле в обыкновенных футболках без номеров. Единственным отличительным знаком на них была эмблема, но и она бесследно исчезала после нескольких стирок.

— Не-е, я не об этом, — ответил Тейлор. — Ну-у, пусть, например, одна команда играет в футболках, а другая — без.

— Во! Отлично! — завопил Боб Маккоун, который жил по соседству с Дейзингерами в таком же невзрачном, крытом рубероидом домишке, что и они. — Во всяком случае, будет не так жарко, а то я уже почти спекся. — Он рывком сдернул с себя футболку и повернулся к Лоренсу. — Эй, Ларри! Мы теперь играем голяком! Скидывай футболку, а то выставим тебя из команды!

Лоренс, который терпеть не мог, когда его называли Ларри, бросил на парня возмущенный взгляд, однако послушно стянул с себя футболку и отправился на поле. Его выступающие под бледной кожей позвонки издали походили на чешуйки стегозабра.

— Ух, ну и жара! — крикнул один из близнецов Фусснеров, и они дружно скинули футболки. У обоих были совершенно одинаковые круглые животики.

Маккоун хлопнул себя по голому торсу и толкнул в бок сидящего рядом Кевина:

— Ты раздеваешься или будешь играть за другую команду?

Кевин, пожав плечами, снял футболку и аккуратно положил ее рядом с собой на скамейку. Его впалая грудь была усеяна едва заметными веснушками.

Джерри Дейзингер одним движением сдернул через голову мокрую от пота футболку и театральным жестом забросил ее на щит ограждения. Она повисла на самом верху, футах в двадцати над головами ребят. Все бешено заплодировали. Десятилетний Майкл Шуп — известный заводила в школе и абсолютно пустое место на бейсбольном поле — повторил тот же трюк, и его серая от пыли футболка повисла рядом с Дейзингеровой. При мысли о том, что это был первый удачный бросок Майкла за весь прошедший день, Дейл невольно усмехнулся.

Когда очередь дошла до Майка О'Рурка, тот, хоть и с некоторым смущением, последовал примеру остальных. Он уже неплохо загорел, хорошо развитые мускулы отчетливо ходили под смуглой кожей.

Дейл Стюарт уже снял с головы бейсболку и собрался было раздеться, как вдруг понял, кто сидит рядом с ним. И замер. Последней на скамье сидела Донна Лу. Она не смотрела на него — она вообще ни на кого не смотрела. Как и на мальчишках, на ней были грязноватые кеды, вылинявшие джинсы и белая футболка. И хоть эта футболка была просторнее, чем у большинства ребят, Дейл отчетливо видел выступающие под ней небольшие округлости. Еще прошлым летом грудь Донны Лу была совершенно гладкой, но за последнюю зиму фигура девочки заметно изменилась.

В течение секунды Дейл колебался. Он и сам не понимал, чем вызвано его смущение. Пусть футболка Донны Лу будет заботой самой Донны Лу — его это не касается. Но все же Дейл чувствовал, что что-то здесь не так. Все эти годы он играл в бейсбол с Майком и Кевином, с Харленом и Лоренсом и... с ней. А вовсе не с теми клоунами, которые торчали сейчас на скамье запасных и на поле.

— Чего испугался? — ехидно поинтересовался Чак Сперлинг, отправленный на первую базу. — Есть чего прятать, а, Стюарт?

— Эй, Стюарт, давай пошевеливайся! — в тон ему выкрикнул Диггер Тейлор с дальнего конца скамьи. — Мы уже разделись!

— Заткнись, — отозвался Дейл, чувствуя, как кровь бросилась ему в лицо.

Словно стремясь скрыть не вовремя появившийся румянец, он потянул футболку через голову. Несмотря на палящую жару, по коже у парня побежали мурашки. Он обернулся и посмотрел на Донну Лу.

Она наконец подняла глаза и обвела взглядом всех ребят. Лоренс уже нетерпеливо подпрыгивал у ближнего конца скамейки, а потом, вдруг осознав, что друзья как-то странно притихли, замер с битой на плече и нахмурился. Выглядел он довольно-таки комично: худущее — кожа да кости — незагорелое тело и комически темные по сравнению с ним, припорошенные пылью ладони и шея.

Никто не вставал и не шел на поле, а те, кто уже занял там свои места, молчали и не шевелились. Скамья тоже безмолвствовала, и все головы были повернуты в сторону Донны Лу. Тейлор, Кевин, Билл и Барри, Маккоун, Дейзингер, Майкл Шуп, Майк и Дейл — девять одинаковых фигур в джинсах и кедах, с обнаженными по пояс торсами.

— Ну, давай же, — шепотом проговорил Диггер Тейлор, и в его голосе послышались какие-то незнакомые нотки. — Мы играем без футболки, Перри. Разоблачайся.

Девочка молчала, сверля его взглядом.

— Ага, — поддержал приятеля Дейзингер и подтолкнул локтем Боба Маккоуна. — Чего ты, Донна Лу? Ты в команде или нет?

Порыв ветра, долетевший с середины поля, поднял пыль подле ног Кастанатти, неподвижно стоявшего на питчерской горке.

Все молчали.

— Давай-давай, — послышался похожий на комариный писк голос Майкла Шупа. — Пошевеливайся, а то сейчас отменим игру.

Никто не поправил его, не обратил внимания на то, что Шуп перепутал футбольные правила с правилами игры в бейсбол.

Все молчали.

Дейл сидел так близко к девочке, что касался ее локтем, но заметил это только сейчас и неожиданно для себя смутился, а взглянув Донне Лу в глаза, вдруг увидел, что они голубые-преголубые и полны слез.

Так и не сняв рукавицу с правой руки и уткнув в нее сжатую в кулак левую — руку опытного питчера, она словно застыла на скамейке и не произнесла ни слова.

— Ну в самом деле, Перри, сколько можно? — В голосе Диггера слышались незнакомые и очень неприятные нотки. — Хватит держаться за футболку. Нам без разницы, что у тебя там. Мы играем нагишом. Либо ты с нами, либо выметайся из команды.

Донна Лу не шевельнулась. Повисшая тишина была такой глубокой, что Дейл слышал, как шелестят в поле колосья. Откуда-то издалека донесся короткий крик ястреба. Дейл видел россыпь веснушек на небольшом носике девочки, бисеринки пота на лбу, затененном козырьком бейсболки... И глаза... Удивительно голубые, яркие и блестящие. Взгляд их поочередно остановился на нем, на Майке, на Кевине... В этом взгляде читалась мольба... А может быть, вопрос... Дейл не смог разобрать, что именно.

Диггер Тейлор хотел было что-то добавить, но осекся, увидев, что Донна Лу резко поднялась со скамейки.

Она постояла несколько секунд, потом подхватила лежавшие возле щитов ограждения мяч и биту и пошла прочь. Молча, ни разу не оглянувшись.

— Ути-пути, какие мы обидчивые! — хмыкнул все еще торчавший на первой базе Чак Сперлинг и издевательски подмигнул своему приятелю Тейлору.

— Вот-вот, — расхохотался Диггер. — Думала, мы хотим посмотреть на ее тити-мити.

Майкл Шуп и близнецы Фусснеры одобрительно рассмеялись в ответ.

Лоренс обвел старших непонимающим взглядом и нахмурился.

— А что, игра окончена? — спросил он.

— Да, окончена, — раздраженно кивнул сидевший рядом с Дейлом Майк.

Он поднялся, надел футболку, взял свои рукавицу, биту и мяч и направился к забору позади дома Стюартов.

Дейл словно прирос к месту, испытывая странное, незнакомое доселе чувство: необычную смесь волнения и грусти. Казалось, будто изнутри вдруг выкачали весь воздух. И в то же время он сознавал, что сейчас случилось что-то важное, но он это пропустил, не понял... Нечто существенное коснулось его, но прошло мимо, так же как прошло мимо Лоренса, оставив после себя ощущение осенней печали по навсегда миновавшему, подобное тому, какое возникает в конце августа, по окончании ярмарки в честь отцов-основателей: лето на исходе, ближайшее будущее не сулит

ничего хорошего, впереди только школа, ненастье и безрадостная зима. Дейлу хотелось одновременно и смеяться и плакать, хотя он понятия не имел почему.

— Маменькин сынок! — выкрикнул вслед Майку Диггер Тейлор.

Но тот не оглянулся. Он перебросил свое снаряжение через забор, потом, ухватившись за столб, легко перепрыгнул на другую сторону, подобрал вещи, прошел через двор и вскоре исчез в тени огромных вязов, росших вдоль аллеи у дома Дейла.

Дейл дождался перерыва между иннингами и, хотя до ужина было еще далеко, сказал брату, что пора идти домой. Небо чуть потемнело и сменило цвет на неопределенно-серый, будто поглотив тем самым сияние летнего полдня. Горизонт утонул в предвечерней дымке.

Игра продолжалась.

Дуэйн объявился только к вечеру.

Дейл давно пообедал и валялся наверху, на своей кровати, листая старый комикс про Скруджа Макдака, не замечая, как гаснет за окном ослепительный свет дня, как постепенно сгущаются сумерки и с их приходом усиливается аромат свежескошенной травы, доносимый с поля легким ветерком.

— Ку-ре-ка-ку! — послышалось с лужайки.

Дейл кубарем скатился с кровати и, сложив ладони рупором, подскочил к окну:

— Ку-ка-ре-ку!

Он кубарем скатился по лестнице, выскочил за дверь и спрыгнул с крыльца, разом перескочив через все четыре ступеньки.

Перед домом, засунув руки в карманы, стоял Майк.

— Дуэйн уже ждет в курятнике.

Майк прибежал пешком, не дав себе труда захватить велосипед, поэтому Дейл оставил во дворе и свой.

Мальчики вприпрыжку помчались на восток по Депо-стрит.

— Где Лоренс? — спросил Майк на бегу. Он ничуть не запыхался.

— Пошел прогуляться с миссис Мун и мамой.

Майк понимающе кивнул. Миссис Мун было уже семьдесят четыре года, но она по-прежнему сохраняла любовь к вечернему моциону, и когда ее дочь, мисс Мун, библиотекарьша, бывала занята, то кто-нибудь из соседей выводил старушку на прогулку.

Двор позади дома Майка уже погрузился в тень раскидистых дубов и вязов, выстроившихся вдоль улицы, и яблонь, растущих за домом. За оградой небольшого, занимавшего около половины акра сада О'Рурков мигали огоньки светлячков. Побеленные стены курятника светлым пятном выделялись в окружающем полумраке, и на их фоне отчетливо темнел прямоугольник двери.

Обогнав Майка, Дейл шагнул внутрь и замер, согнувшись, чтобы отдышаться и позволить глазам привыкнуть к мраку.

Дуэйн стоял возле пустого корпуса радиоприемника. Кевин лежал на диване, его свежевыстиранная футболка ярко белела в темноте. Дейл по привычке поискал глазами Харлена, но тут же спохватился, вспомнив, что приятель в больнице.

Подоспевший следом за Дейлом Майк остановился в центре курятника.

— Хорошо, что здесь нет Лоренса, — сказал он. — От рассказа Дуэйна просто мороз дерет по коже.

Дейл повернулся к Дуэйну:

— Ну, как ты? В порядке? Как ты добрался в город?

— Старик отправился в пивную «У Карла». — Дуэйн, выглядевший еще более рассеянным, чем обычно, поправил очки. — Все это произошло на самом деле. — Голос толстяка звучал тихо и невозмутимо, но Дейл слышал в нем нотки нервного напряжения. — Грузовик и вправду пытался наехать на меня.

— Мне так жаль Витта, — снова заговорил Дейл. — И Лоренс ужасно переживает.

Дуэйн молча опустил голову.

— Расскажи им про Солдата, — попросил его Майк.

И Дуэйн поведал друзьям загадочную историю о возвращении отца ночью в субботу, точнее, рано утром в воскресенье и о молодом парне в странном военном мундире, подсевшем к нему в машину.

Кевин со скептическим видом заложил руки за голову:

— И всего-то? Ну и что в этом странного?

Тогда Майк рассказал о том, как тот же самый Солдат преследовал его на Джубили-Колледж-роуд накануне вечером.

— Ну и натерпелся же я страху, — признался он, — и в конце концов дал деру. Знаете, я ведь бегаю неплохо, но этот парень каким-то образом ухитрялся не отставать, хотя он просто шел. И все-таки мне удалось оторваться от него футов на пятьдесят-

шестьдесят, а потом... В общем, когда я домчался до поворота у водонапорной башни и обернулся, то его уже не увидел.

— Было темно? — поинтересовался Дейл.

— Примерно как сейчас. Не настолько, чтобы я не мог его разглядеть, ведь видел же я этого парня всего за минуту перед тем. Я даже вернулся обратно к повороту, но дорога была совершенно пуста. Этот странный субъект как сквозь землю провалился.

Кевин принялся насвистывать мотив из нового сериала «Сумеречная зона».

Дейл плюхнулся в раздолбанное кресло, стоявшее около узкого окошка.

— Парень мог просто спрятаться в поле. Лег на землю — и его не стало видно из-за колосьев.

— Ну да, мог, — согласился Майк. — Только вот зачем? Что он там делал? — И он рассказал друзьям о том, что увидел в сарае на задворках Страстного кладбища.

Кевин прямо-таки подскочил на диване и сел:

— Господи, О'Рурк, неужели ты действительно туда вломился?

— Угу. Но не это главное.

Кевин присвистнул:

— Станет главным, если Конгден или Барни узнает об этом.

Майк опять засунул руки в карманы. Вид у него сейчас был такой же отсутствующий, как у Дуэйна.

— По-моему, Барни нормальный мужик, но зато Конгден настоящий подонок. Вы слышали сегодня, как он разговаривал с отцом Дуэйна? Мне кажется, он врал насчет Ван Сайка.

Дейл всем телом подался вперед:

— Врал? Почему?

— Потому что он с ними заодно, — пожал плечами Майк. — Или просто помогает им.

— Заодно с кем? — переспросил Кевин.

Вместо ответа Майк, все еще продолжая держать руки в карманах, подошел к двери и выглянул наружу. На улице было еще достаточно светло, и его силуэт отчетливо вырисовывался на фоне сумерек.

— С ними, — наконец ответил он. — С доктором Руном, с Ван Сайком... Может, еще и с Двойной Задницей. В общем, со всеми, кто в этом замешан.

— И с тем молодым Солдатом, — добавил Дейл.

Дуэйн прочистил горло.

— Судя по вашим описаниям, на нем мундир пехотинца времен Первой мировой войны, — невозмутимо уточнил он.

— А кто такие пехотинцы? — поинтересовался Майк.

Дейл и Дуэйн одновременно пустились в объяснения, но потом Дуэйн замолчал и кивком головы предоставил слово Дейлу.

— А когда была та война? — спросил Майк, хотя приблизительно знал даты благодаря рассказам Мемо.

Дейл ответил.

Майк резко повернулся и хлопнул ладонью по дверной раме:

— Потрясающе! Что здесь может делать парень, одетый в форму солдата Первой мировой?

— Может, ему нравится прогуливаться неподалеку от собственной могилы, — насмешливым тоном заметил Кевин.

— А где его могила? — спросил Дейл.

— На кладбище — где же еще?

Кевин хотел шуткой разрядить обстановку, но на дворе уже стемнело, а смерть Витта была слишком свежа в памяти, поэтому попытка провалилась.

Повисшее было молчание нарушил Майк:

— Кто-нибудь знает, что там с Харленом? Есть новости?

— Да, — отозвался Кевин. — Мама была в Оук-Хилле сегодня после обеда и встретила там мать Джима. Та зашла перекусить в аптеку напротив больницы, на другой стороне площади. В общем, Харлен все еще без сознания. У него сильно покалечена рука... — Кевин помолчал и с важностью пояснил: — Множественные сложные переломы.

— Это плохо? — спросил Дейл, в глубине души сознавая, как глупо, наверное, прозвучал его вопрос.

Майк кивнул. Ни у кого из знакомых Дейлу ребят не было столько бойскаутских жетонов за умение оказывать первую помощь, сколько у О'Рурка.

— Множественные сложные переломы — это когда кость сломана в нескольких местах, да еще, может быть, и раздроблена. А бывает, и кожа разорвана — тогда это открытый перелом.

— Вот ужас-то... — вполголоса произнес Кевин.

Дейл почувствовал, как к горлу подкатила тошнота.

— Но сотрясение мозга еще хуже, — продолжал Майк. — Если Харлен до сих пор без сознания, дело плохо.

Снова повисло молчание. Где-то под полом скреблась не то мышь, не то землеройка. В погрузившемся во мрак курятнике Дейл видел лишь неясные силуэты друзей. Смутно белела футболка Кевина, темная фланелевая рубашка Дуэйна казалась расплывчатым пятном, тенью в тени, в проеме двери и за окном мелькали огоньки светлячков, похожие на раскаленные угольки. Или на чьи-то горящие глаза.

— Я собираюсь завтра в Оук-Хилл, — наконец заговорил Дуэйн, — и проведу Джима. Потом расскажу вам, как он там.

Футболка Кевина шевельнулась.

— Может, нам всем пойти к нему? — предложил он.

— Нет, не надо, — снова послышался серьезный голос Дуэйна. — У нас ведь у всех есть здесь дела — помните? Ты следишь за Руном, а? — Последний вопрос был обращен к Кевину.

Грумбахер неопределенно хмыкнул:

— Я был занят.

— Ясно, — кивнул Дуэйн. — Мы все заняты. Но мне кажется, что лучше нам всем заняться тем, о чем договорились тогда, в пещере. Происходит что-то странное.

— Может, Харлен видел что-то? — задумчиво произнес Майк. — Его нашли в мусорном контейнере около Центральной школы. Скорее всего, он следил за Двойной Задницей... Или увидел что-нибудь необычное.

— Может быть, — согласился Дуэйн. — Я попытаюсь завтра это выяснить. Но хорошо бы кому-нибудь взять на себя училку, пока Джим в больнице.

— Я присмотрю за ней, — неожиданно для себя вызвался Дейл.

— Ван Сайка не было на кладбище, но я попытаюсь разыскать его завтра, — пообещал маячивший возле двери Майк.

— Только будь поосторожнее, — посоветовал Дуэйн. — Я не видел, кто сидел за рулем грузовика, но почему-то совершенно уверен, что это был он.

Ребята вновь принялись расспрашивать приятеля о недавнем происшествии, требуя, чтобы он постарался вспомнить как можно больше деталей. Дуэйн еще раз рассказал обо всем, что случилось с ним на шоссе.

— Мне пора идти, — сказал он наконец. — Не хочу, чтобы Старик долго торчал в «У Карла» и напился вусмерть.

Остальные трое сконфуженно поерзали, радуясь, что темнота скрывает их смущение.

— Можно я расскажу все Лоренсу? — спросил Дейл.

— Давай, — кивнул Майк. — Только не напугай его до смерти.

Дейл промолчал. Собрание было окончено, всех ожидали другие дела, но никто не хотел расходиться. Один из котов О'Рурка неслышно прокрался в курятник, запрыгнул на колени Дейлу и, быстренько свернувшись в калачик, довольно замурлыкал.

— Черт знает что за чепуха, — со вздохом пробормотал Кевин.

Несколько удивленные таким высказыванием ребята — Грумбахер редко чертыхался — тем не менее молча с ним согласились.

Той ночью Майк О'Рурк долго лежал в постели, пересчитывая огоньки светлячков, мигавшие в траве за окном. Сон представлялся ему чем-то вроде туннеля, войти в который совсем не хотелось.

Неожиданно он заметил какое-то движение на лужайке перед домом: неясная тень шевельнулась под росшей там липой. Майк подался вперед, прижался носом к сетке и попытался хоть что-нибудь рассмотреть, но ему мешали крыльцо дома и густая листва.

Странная тень выскользнула из глубокой темноты под деревом около окна Мемо и направилась к дороге. Майк ожидал услышать звук шагов по асфальту или шорох гравия на обочине, однако снаружи не доносилось ни звука, кроме шелеста колосьев под легким ветерком.

Видение мелькнуло лишь на мгновение. Майку тем не менее показалось, что он заметил очертания круглой шляпы — слишком круглой для ковбойской и скорее похожей на шляпу бойскаута.

Или на тот фетровый головной убор, который, по словам Дуэйна, он видел на солдате-пехотинце.

Майк замер, прильнув носом к сетке, чувствуя, как бешено колотится в груди сердце, и изо всех сил сопротивляясь сну, словно это был враг, которого ни в коем случае нельзя подпустить близко.

Глава 11

Во вторник, прямо с утра, покончив с домашними делами, Дуэйн Макбрайд отправился в библиотеку. Старик уже не спал, был совершенно трезв и пребывал в том отвратительном настроении, которым обычно сопровождалась совокупность этих двух состояний. Дуэйн зашел к отцу в мастерскую и сказал, что уходит.

— По дому все сделал? — ворчливо спросил тот.

Даррен Макбрайд увлеченно занимался усовершенствованием своей «обучающей машины». С тех пор как Дуэйн с отцом стали обедать исключительно в кухне — в тех редких случаях, когда они вообще садились за стол вместе, — Старик переоборудовал бывшую столовую под свою мастерскую. Полдюжины дверей, укрепленных на прочных козлах, служили в качестве верстаков и в данный момент были завалены деталями «обучающей машины» и других изобретений хозяина дома.

В разное время Старик получил пять патентов, из которых только один — на автоматический сигнализатор для почтового ящика — принес ему кое-какие деньги. Большинство же его изобретений были совершенно непрактичны, как и та «обучающая машина», над которой он сейчас трудился: массивная металлическая коробка с бесчисленными рычагами, экраном, кнопками, прорезями для перфокарт и сигнальными лампами. Предполагалось, что устройство в корне изменит процесс обучения: оснащенное рулонами с огромным количеством записанной на них информации и вопросами для закрепления и проверки знаний, а также перфокартами с ответами, оно должно было предоставить широкий выбор тем для индивидуальных занятий. Проблема состояла лишь в том, что устройство было механическим, а стоимость каждого его экземпляра составила бы почти тысячу долларов.

Дуэйн много раз пытался убедить отца, что подобную задачу когда-нибудь возьмут на себя компьютеры, но тот ненавидел электронику так же сильно, как его сын обожал ее. «Да ты отдашь себе отчет в том, каких размеров должен быть этот компьютер, чтобы выполнить самую простейшую автономную операцию по обучению?» — гневно вопрошал Старик. «Размером с Техас, — как правило, отвечал Дуэйн. — Причем для охлаждения его потребуется по меньшей мере Ниагарский водопад. — И тут же добавлял: — Но это если речь идет о ламповой электронике, па. А сейчас стали использовать транзисторы и резисторы и с их помощью творят настоящие чудеса».

Старик обычно бурчал в ответ что-то невнятное и гордо удалялся в мастерскую — колдовать над очередной моделью своей машины. Справедливости ради Дуэйн должен был признать, что отцовское детище довольно-таки толково — в восьмилетнем возрасте он с помощью одной из моделей такой машины прошел весь курс политической истории для высшей школы, — но при этом чрезвычайно громоздко и пользоваться им крайне неудобно. Из всех созданных отцом экземпляров продать удалось лишь один: года четыре тому назад его приобрел школьный округ Бримфилда, да и то только потому, что отделом закупок там ведал какой-то знакомый дяди Арта. Остальные творения пылились не только на верстаках в мастерской, но и во всех пустующих комнатах второго этажа и заканчивали свою жизнь в спальне и коридорах второго этажа.

Впрочем, Дуэйн пришел к выводу, что увлечение созданием «обучающей машины» — своего рода «вечного двигателя для повышения интеллекта» — в меньшей мере чревато нежелательными последствиями, чем организация в их округе круглосуточно работающего универсального торгового центра. Идея эта пришла в голову Даррену Макбрайду в середине пятидесятых годов. «Торговый центр» состоял из двух магазинов: скобяного и продовольственного, которым заведовал отец. Он сам принимал заказы на дому и обслуживал клиентов, доставляя им продукты — главным образом хлеб и молоко — в любое время дня и ночи. Бывало, ему приходилось отправляться в поездку в четыре утра и по размокшим, непроходимым, утопающим в грязи сельским дорогам добираться до дома какой-нибудь старой леди, живущей в округе Нокс, которой срочно понадобился батон белого хлеба.

При этом часто выяснялось, что на самом деле она вовсе не требовала привезти ей хлеб посреди ночи, а хотела лишь, чтобы ее заказ включили в список ежедневных поставок. Дядя Арт, заведовавший отделом скобяных изделий, был рад не меньше Дуэйна, когда это детище творческого поиска приказало долго жить. Правда, теперь, когда в Пеории построили крупный — целых девять магазинов! — торговый центр Шервуда, мистеру Макбрайду доставляло удовольствие лишний раз упомянуть о правоте своей давней идеи. Наверное, он просто слегка опередил время. Старик предсказывал, что придет день, когда торговые комплексы будут занимать огромные площади, где под одной стеклянной крышей разместятся десятки разнообразных магазинов, и при этом представлял себе нечто похожее на великолепные галереи, которые ему довелось видеть в Италии после войны. Большинство из тех, кому мистер Макбрайд рисовал заманчивые перспективы, выслушав его разглагольствования, с недоуменным видом задавали один-единственный вопрос: «А зачем это нужно?» А Дуэйн с дядей Артом лишь молча кивали: они давно уже научились не задавать лишних вопросов.

— Ты все сделал? — переспросил Старик, отвлекая сына от созерцания «обучающей машины».

— Ага. Я собираюсь в библиотеку.

Макбрайд-старший недоуменно посмотрел на него поверх очков:

— В библиотеку? Почему именно сегодня? Разве ты не был там в субботу?

— Был. Но я забыл спросить, есть ли у них руководство по ремонту моторов малой мощности.

Старик нахмурился. Насос на старой ветряной мельнице давно нуждался в починке.

— Я думал, ты на этих штуках уже собаку съел.

Дуэйн невозмутимо пожал плечами:

— Мотор очень старый. Его установили еще до появления в наших краях электрических сетей. И если не хочешь ограничиваться заменой ремней и щеток, надо бы почитать литературу.

Взгляд Старика стал рассеянным, и Дуэйн догадывался, о чем тот думает: отец был напуган историей с грузовиком, пытавшимся накануне убить его сына. Когда ближе к вечеру в тот день они

хоронили Витта, Дуэйну показалось, что в глазах отца стоят слезы, — во всяком случае, никогда прежде они не блестели так странно. Впрочем, вполне возможно, что виной тому была пыль, поднятая с дороги ветром. И потом, не станет же отец держать Дуэйна все лето взаперти, припиленным к собственным штанам, или всюду возить его с собой.

— Ты сможешь добраться туда, держась подальше от проезжих дорог?

— Конечно, с легкостью, — ответил Дуэйн. — Я пойду через южное пастбище, а потом краем полей Джонсона.

Старик повернулся и окинул взглядом разложенные на столе шестеренки, шкивы и другие детали, которыми ему надлежало заняться.

— Ну ладно. Только чтобы был дома к ужину — договорились?

Дуэйн кивнул, прошел в кухню, сделал пару сандвичей с копченой колбасой и сунул их в засаленный пакет, потом налил в термос кофе, завинтил крышку и приторочил его к поясу. Еще раз проверив, на месте ли ручка и блокнот, он наконец вышел из дому и... непроизвольно сделал несколько шагов к сараю, чтобы попрощаться с Виттом. Вспомнив, что любимого колли больше нет, мальчик поправил очки и, пройдя через ворота, направился, как и обещал Старiku, к южному пастбищу.

Миновав владения Джонсона, Дуэйн оказался на их западной границе, возле железнодорожных путей. Он не солгал Старiku. Но и не сказал всей правды: его интересовала отнюдь не крошечная библиотека в Элм-Хейвене, находившаяся чуть больше чем в двух милях от их дома, а та, что была в Оук-Хилле, и до нее нужно протопать миль восемь, если идти по дорогам, и не меньше десяти по тому маршруту, который выбрал Дуэйн.

Солнце вышло из-за туч и светило как никогда ярко, так что нынешнее утро было самым жарким с начала лета. Дуэйн расстегнул две верхние пуговицы фланелевой рубашки и, как обычно, вразвалочку двинулся дальше по высокой траве. Термос постукивал по ноге при каждом шаге, из-под подошв черных от грязи кедров во все стороны разлетались испуганные кузнечики. Дуэйн хотел было засвистеть, но...

Но передумал.

Если бы Дуэйн решил добраться до Оук-Хилла самым коротким путем, ему нужно было пройти на север по Шестому окружному шоссе до того места, где чуть севернее фермы Барминтонов оно переходило в безымянную, покрытую гравием дорогу, по ней — на запад, до пересечения со скоростным шоссе номер 626, больше известным как дорога на Оук-Хилл, и там уже отшагать последние четыре с половиной мили до самого города. Но этот путь означал, что придется все время топтать по дорогам.

Первый опасный участок Дуэйн миновал севернее Элм-Хейвена. Перебежав на другую сторону гравийной дороги, южный отрезок которой назывался Первой авеню, он углубился в запутанный лабиринт проходов между металлическими силосными зернохранилищами, стоявшими к северу от городского стадиона. Ряд сосен с западной стороны водонапорной башни закрывал обзор, мешая увидеть, играет ли сегодня кто-нибудь в бейсбол.

Дальше нужно было повернуть к северу, чтобы обойти городские кварталы и самое начало Броуд-авеню.

Дуэйну все же пришлось выйти на узкую, обрамленную густым кустарником аллею, которая служила продолжением Каттонроуд и вела к железнодорожным путям. Правда, здесь он чувствовал себя в относительной безопасности, поскольку с трудом мог представить, как огромный грузовик проберется сквозь такие заросли. Оглядевшись, Дуэйн понял, что находится всего в сотне ярдов от масложирового завода — того самого, от которого, по словам Конгдена, «угнали» грузовик, — но за плотной завесой листвы не было видно даже покрытой листовым железом крыши здания.

Шагать по железнодорожной насыпи было легко и приятно. Дуэйн замедлил шаг и, не останавливаясь, налил себе чашку кофе и выпил его на ходу, разумеется заляпав пятнами рубашку и брюки. Впрочем, на брюках пятна были совсем незаметны.

Отвратительную вонь свалки он почувствовал еще до того, как увидел горы мусора и скопление лачуг у южного въезда. В одной из них жила Корди Кук, если, конечно, можно называть жизнью пребывание в убогом шлакоблочном, крытом толем сооружении. Какая из хибар принадлежала Кукам, Дуэйн не знал. В кустарнике с западной стороны путей ему почудилось какое-то движение, но, как он ни всматривался, разглядеть что-либо в зарослях не смог.

Дуэйн прошел мимо развалов — горы мусора, который свозили сюда со всего округа, были отчетливо видны сквозь деревья и поверх них, — затем пересек невысокую эстакаду над протокой, примерно в трех милях к западу отсюда соединяющейся с Дохлым ручьем. Ему повезло: ветер дул с севера, поэтому, как только свалка осталась позади, мерзкая вонь уже не ощущалась.

Теперь до города оставалось всего семь миль, и на эту достаточно приятную прогулку лесом и полями округа Кревкер Дуэйн потребовалось чуть более пары часов.

Население Оук-Хилла насчитывало около пяти с половиной тысячи жителей, а сам город был раза в три больше Элм-Хейвена. Здесь имелись маленькая больница, библиотека, располагавшаяся в домике размером чуть больше курятника, окружной суд, небольшая фабрика в предместье — в общем, все, чему полагалось иметься в настоящем городе.

В том месте, где железная дорога поворачивала к востоку в обход Оук-Хилла, Дуэйн сошел с насыпи и по липовой аллее направился в сторону центра. Городские улицы не внушали мальчику опасений, хоть каждый раз, когда из-за угла слышался рокот мотора, он тревожно оглядывался и старался не выпускать из виду ни одного крыльца, на котором можно было бы спастись в случае необходимости.

На лужайке перед зданием суда Дуэйн остановился, чтобы немного передохнуть. Спрятавшись в тени дуба и бронзовой пушки, он съел сандвичи и запил их кофе из гермоса. Жара все усиливалась, но фланелевая рубашка пока еще не прилипла к телу. Прицепив термос обратно к поясу, Дуэйн направился через площадь к зданию больницы.

Мисс Олнат — это имя было написано на зеленой пластиковой карточке дамы, сидевшей за столиком в самом центре единственного коридора, который вел к палатам больных, — казалась суровой и неумолимой.

— Таким маленьким, как ты, посещать больных не положено, — скрипучим голосом старой девы заявила она.

Дуэйн спокойно кивнул. Слабый ветерок, создаваемый вентилятором над головой женщины, доносил до него запах талька и тела старой женщины.

— Да, мэм. Но Джимми мой единственный двоюродный брат, и его мама разрешила мне провести его.

Мисс Олнат дернула головой, что должно было означать неодобрение.

— Ты еще слишком мал. Детям до шестнадцати лет не разрешается входить в палаты больных. И никаких исключений быть не может. — Глаза ее за билинзовыми очками смотрели строго. — Кроме того, у нас запрещено приносить больным продукты и напитки.

Дуэйн покосился на термос и быстро отцепил его от ремня:

— Конечно, мэм, понимаю. Я могу оставить его здесь. Позвольте мне побыть с ним хотя бы пару минут. Обещаю, что просто загляну к нему — и сейчас же вернусь.

Мисс Олнат молча отмахнулась и вновь углубилась в изучение лежащих перед ней карточек. Номер палаты Харлена Дуэйн успел подсмотреть, когда справлялся о состоянии приятеля.

— Благодарю вас, мэм, — скороговоркой пробормотал он и побрел обратно через вестибюль.

Единственный телефон-автомат находился в коридоре, ведущем к туалетам для посетителей, а единственный телефон в вестибюле Дуэйн видел на стойке регистратора за углом, в двадцати шагах от коридора. Собираясь в путь, Дуэйн захватил с собой пятьдесят центов мелочью — так, на всякий случай, и сейчас ему достаточно будет только одного никеля¹. В потрепанном телефонном справочнике он нашел нужный номер.

Похоже, внутренней связи в больнице не было. Одна из нянечек выбежала из-за угла и, приблизившись к мисс Олнат, прошептала что-то ей на ухо. Пожилая дама резко встала и поспешила к стойке регистратора. Да, это был действительно важный звонок.

Дуэйн проскользнул мимо опустевшего поста и, оказавшись в заветном коридоре, во второй раз за сегодняшний день едва удержался от свиста.

После завтрака Дейл Стюарт позаимствовал у отца бинокль и отправился на велосипеде по Депо-стрит в сторону железнодорожного депо, а затем вдоль путей к дому Корди. Появляться в этой части города ему совершенно не хотелось: одна только мысль о стоявшем здесь доме Конгдена вызывала у него нервную

¹ Монета в 5 центов.

дрожь, а лес, начинавшийся за свалкой, и вовсе приводил в ужас. Но после вечернего совещания в курятнике Дейл чувствовал, что обязан выполнить обещанное, хотя, честно признаться, понятия не имел, что общего могут иметь Корди и ее братец Табби с тем идиотом, который гонялся за Дуэйном.

Обшарпанный дом Джей-Пи Конгдена находился в том же квартале, что и дом Харлена. На стоянке, где мировой судья обычно оставлял свой черный «шевроле», машины не было. Никаких признаков жизни Дейл не заметил и на заросшем сорняками заднем дворе его жилища. Сам мировой судья, по мнению Дейла, не представлял никакой опасности, хотя и здорово напугал его вчера. Если кого и стоило бояться, так это сына старого пердуна — Си-Джея, настоящего малолетнего преступника, наводившего страх на всех без исключения ребят в городе.

В прошлом году младшего Конгдена наконец-то выгнали из школы — в шестнадцать лет он все еще учился в восьмом классе, — и большинство мальчишек Элм-Хейвена посчитали этот день настоящим праздником. Отпрыск мирового судьи был точной копией хулигана из маленького городка, какими их показывают в мультфильмах: стилижъя прическа, землистого цвета лицо, щедро разукрашенное прыщами, как будто его обладатель страдает каким-то неизлечимым экзотическим заболеванием, засаленная футболка с неизменной пачкой сигарет в кармане, джинсы, спущенные так низко на бедра, что причиндалы хозяина того и гляди вывалятся наружу, тяжелые ботинки с металлическими набойками, высекавшими искры из цементных полов, жестянка с нюхательным табаком в заднем кармане и складной нож в переднем... Вдобавок высокий тощий мальчишка обладал по-обезьяньи огромными кулаками. Дейл как-то заметил Кевину, что у Си-Джея Конгдена, наверное, есть руководство «Как должен вести себя настоящий хулиган» и он с упорством, достойным лучшего применения, досконально его изучает.

Впрочем, такого рода замечания Дейл позволял себе, только если был уверен, что они не достигнут посторонних ушей. Когда четыре года назад Стюарты переехали из Пеории в Элм-Хейвен — Дейл как раз пошел в третий класс, а Лоренс в первый, — Дейл имел несчастье привлечь внимание Си-Джея. Конгдену в то время было уже двенадцать лет, но он все еще учился в пятом классе и хозяйничал среди младших школьников, как акула в стайке мальков.

После второго избияния в школьном дворе Дейл обратился к отцу за помощью, и тот объяснил, что, как правило, такие хулиганы на самом деле отъявленные трусы и стоит им только встретить сопротивление, как они моментально отступают. На следующий день Дейл решил дать обидчику отпор.

В тот раз он лишился двух молочных зубов, а несколько коренных зашатались. Кровь из носа текла не меньше двух-трех дней, а шрам на бедре, в том месте, куда ударил Конгден, после того как Дейл упал и скорчился на земле, остался до сих пор. С тех пор в душе Дейла навсегда поселились сомнения в неизменной правоте отца.

Следующей попыткой избавиться от преследований был подкуп. Конгден взял шоколадки и деньги, выданные Дейлу на завтрак, и тем не менее учинил ему изрядную взбучку. Пришлось воспользоваться еще одной возможностью: стать верноподданным союзником и даже дойти до того, чтобы прогуливаться по школьному двору в компании самых отъявленных подхалимов Конгдена. Но и это не помогло: Си-Джей все равно каждую неделю выбивал из него дух на общих основаниях.

Значительно ухудшало положение дел то обстоятельство, что в одном классе с Дейлом учился закадычный дружок Конгдена — Арчи Крек, который мог бы по праву пользоваться званием самого отъявленного городского хулигана, не будь в природе уникального явления по имени Конгден. Крепко сбитый коротышка со стеклянным глазом, обладавший чрезвычайно подлой натурой и примерно таким же, как у Си-Джея, гардеробчиком, Арчи Крек во многом походил на Микки Руни¹, точнее, на его порочного двойника.

Никто не знал, при каких обстоятельствах Арчи лишился левого глаза. По слухам, это произошло на школьном дворе: якобы Си-Джей Конгден придумал какой-то отвратительный обряд по-

¹ Известный американский актер Микки Руни (Mickey Rooney; 1920–2014; настоящее имя Joe Yule Jr.) в фильме «Семейное дело» («A Family Affair», 1937) сыграл роль Энди Харди — типичного американского подростка из провинциального городка. Некрасивый, но смысленный, влюбленный в автомобили и в девочек, герой Руни так понравился публике, что эта картина стала началом серии из 15 лент. За фильмы об Энди Харди Руни получил по итогам 1938 г. специальную премию «Оскар»-младший. Не менее успешно актер играл подростков и в других предвоенных картинах.

священия, в ходе которого и выковырял глаз перочинным ножом. Арчи было всего шесть или семь лет... Впрочем, иногда стекляшка неплохо служила своему обладателю. На уроках географии, например, когда миссис Хоу монотонно зудела, объясняя новый материал, Арчи вынимал глаз, аккуратно укладывал его в лунку для карандашей на своей парте и притворялся, что спит, в то время как его око не дремлет.

Увидев это зрелище в первый раз, Дейл невольно рассмеялся и впоследствии дорого поплатился за свою опрометчивость. Как только директор, сделав Арчи очередное внушение, отпустил «шалуна» из кабинета, тот подкараулил Дейла возле туалета «Для мальчиков», как гласила знаменитая табличка на двери, уволок его внутрь и там сунул головой в унитаз. Потом Арчи пять раз спустил воду из бачка, не позволяя Дейлу отвернуть лицо и заставляя его при этом смеяться. В тот же день после уроков Арчи и Си-Джей вдвоем поджидали свою жертву на краю спортплощадки. Дейлу никогда в жизни не приходилось бегать так быстро: он стрелой пронесся по аллее за домом миссис Мун, в мгновение ока прошмыгнул мимо курятника Майка, стремительным броском миновал садик Грейсонов и со спринтерской скоростью ворвался в дверь собственного дома, всего на пару секунд опередив двух доbermanов в человеческом облике, обутых в армейские ботинки.

Двумя днями позже они все-таки настигли его и от души поколотили. Вот тогда-то Дейл понял, что, несмотря на все заверения родителей в обратном, спастись от хулиганов невозможно. А эти двое были к тому же хулиганами поистине мирового класса.

Миновав наконец дом Конгденов, Дейл вздохнул с облегчением. Своей машины у Си-Джея не было, а брать «шевроле» с форсированным двигателем Джей-Пи сыну не разрешал, поэтому тот частенько гонял на машинах своих «друзей». Когда это чудовище садилось за руль, все вздыхали с облегчением: хоть какое-то время по улицам города можно было ходить без опаски.

Харлены жили тремя домами дальше, ровно в сотне ярдов от старого депо. Дейл прислонил велосипед к стенке передней террасы и постучал в дверь. Никто не откликнулся. Дверь была заперта, и дом выглядел пустым. Поминутно оглядываясь, чтобы не прозевать внезапного появления Си-Джея и Арчи, Дейл по-

шел по улице, ведя велосипед рядом. Отцовский бинокль в кожаном футляре болтался на шее и на каждом шагу постукивал по груди.

Чтобы добраться до дома Корди, можно было либо перетащить велосипед через железнодорожное полотно и заросший травой пустырь и таким образом попасть на гравийную дорогу, ведущую к свалке, либо оставить где-нибудь велосипед и пройти пешком по шпалам.

Дейлу не хотелось бросать здесь велосипед без присмотра, как однажды сделал это Лоренс. Глупость брата стоила им двухнедельных поисков, пока Харлен не обнаружил велосипед на заднем дворе Конгденов.

Однако воспоминания о приключениях Дуэйна, которому пришлось играть в пятнашки с грузовиком, были еще слишком свежи в памяти, поэтому Дейл все же предпочел спрятать велосипед в траве возле депо, для верности забросав его ветками и предварительно с помощью бинокля убедившись, что Конгдена поблизости нет. После этого он осторожно двинулся по западной стороне насыпи и, только миновав зерновой элеватор, слегка расслабился, подобрал ветку и пошел по правому рельсу, насвистывая и бросая камешки в поле. Насчет поездов можно было не беспокоиться: по уверениям Харлена, жившего поблизости, на этой дороге неделями не появлялось ни одного состава.

За Каттон-роуд лес исчез почти полностью, за исключением нескольких пирамидальных тополей, росших вдоль протоки, и редких рощиц между полями. Дейл принялся размышлять над тем, что он, собственно, намерен делать и каковы могут быть последствия. А что, если его поймают с биноклем в руках, наблюдающего за домом Куков? А вдруг существует специальный закон, запрещающий такую слежку? Что, если его застукает пьяный отец Корди или еще кто-нибудь из ханыг, ошивающихся на свалке? А если он уронит и разобьет бинокль?

Дейл зашвырнул палку подальше и пошел вперед, придерживая рукой кожаный футляр.

Вся эта затея чистое безумие.

По левую руку вдали показалась крыша масложирового завода. Однако никакого красного грузовика, выскакивающего из-за кустов, чтобы раздавить его всмятку, Дейл не замечал. Вскоре он почувствовал вонь свалки и увидел за деревьями дом Корди.

Дейл спустился с насыпи и заскользил по мокрой траве, стараясь придерживать мест, где деревьев было побольше. До дома еще оставалась добрая сотня ярдов, поэтому в зарослях он мог чувствовать себя в относительной безопасности: ни с дороги на свалку, ни с насыпи его не могли увидеть. Подобраться к нему неслышно тоже было невозможно: хруст сухих веток выдал бы чужака. Дейл нашел укромное место между двумя деревьями и огромным кустом, навел бинокль на дом Корди и принялся изучать обстановку.

Жилище Корди представляло собой нечто несусветное. Трудно было представить, что в таком крошечном доме каким-то образом умещаются четверо взрослых — два дяди Корди жили вместе с ними — и целый выводок ребятишек. По сравнению с этим хлевом лачуга Дейзингеров и крысоловка Конгденов казались просто дворцами.

В лощине у въезда на свалку ютилось три хибары, которые трудно было назвать не то что привлекательными, но хотя бы пригодными для жилья. Та, что принадлежала семейству Кук, была самой отвратной. Все они были сляпаны из шлакобетона, при этом дом Корди заваливался назад и одновременно набок, словно лодка, выброшенная на берег штормом. Всего лишь в тридцати ярдах от него на опушке леса и по берегам протоки густо росла высокая трава, но двор представлял собой сплошное месиво грязи, перемежающееся отвратительными черными лужами и почти сплошь усыпанное мусором.

Как и большинство ребят, Дейл обожал копаться во всякого рода мусоре. Если бы по свалке не сновали полчища огромных крыс и поблизости не селились люди, подобные Конгденам и Кукам, он и все остальные мальчишки проводили бы здесь все свободное время, исследуя ценные залежи в поисках чего-нибудь интересного. Впрочем, и при нынешнем положении дел Велосипедный патруль уделял городским помойкам особое внимание и усиленно занимался их исследованием. Люди часто выбрасывали неожиданные и поистине прекрасные вещи. Однажды Дейл с Лоренсом нашли самый настоящий шлем танкиста — из натуральной кожи, с мягкой подкладкой и надписью на немецком языке внутри. Лоренс до сих пор надевал этот шикарный головной убор всякий раз, когда шел играть в футбол. В другой раз Дейл и Майк обнаружили огромный умывальник и притащили

его в курятник к Майку, но мистер О'Рурк велел им быстренько отнести его обратно.

Как бы то ни было, мусор — это классная вещь.

Но только не такой. Позади дома Корди валялись ржавые пружины, расколотые унитазы — хотя Дейл сам слышал, как Корди говорила, что у них туалет во дворе, — разбитые ветровые стекла автомобилей, острые края которых торчали из густой травы, пришедшие в полную негодность детали машин, похожие на останки чудовищных роботов, сотни ржавых консервных банок с измятыми, зазубренными по краям крышками, поломанные трехколесные велосипеды, выглядевшие так, словно многотонный автомобиль не один день ездил по ним взад и вперед, выпотрошенные, покрытые плесенью куклы, уставившиеся в небо мертвыми глазами...

Потратив по меньшей мере десять минут на внимательное изучение заднего двора участка Корди, Дейл наконец опустил бинокль. «Какого дьявола они делают с этим хламом?» — недоуменно подумал он, потирая уставшие глаза.

Шпионничанье, как выяснилось, было довольно скучным делом. Через полчаса ноги у Дейла затекли, кожа зудела от укусов насекомых, духота и палящий зной заставили сердце учащенно биться... И за все это время он успел увидеть только, как мать Корди вышла развесить белье на веревке — простыни были совершенно серыми и в каких-то ужасных пятнах — и заодно прикрикнуть на двух чумазных маленьких отпрысков, которые сидели в самой глубокой из луж и брызгали друг на друга грязной водой. При этом малявки без конца ковыряли в носу и вытирали пальцы о собственные штаны.

Ни малейшего признака Корди. Ни малейшего намека на то, что он ищет. А что именно он, собственно, ищет? Нет уж, дудки! Пусть Майк сам следит за этой придурочной Корди Кук, если ему так нужно.

Дейл был готов бросить это занятие, когда услышал шаги. Кто-то шел по железнодорожной насыпи. Он присел, заслонив бинокль так, чтобы отблеск солнца в линзах не выдал его присутствия, и попытался разглядеть, кто это. Сквозь листву Дейл увидел мелькание ног в вельветовых штанах, узнал знакомую походку.

«Какого дьявола здесь делает Дуэйн?»

Дейл перебежал на другое место, чуть задев при этом ветки кустарника, но откос железнодорожного полотна по-прежнему заслонял обзор на добрую сотню футов к северу, и, пока Дейл нашел подходящее место, откуда можно было что-то разглядеть, разглядывать уже было нечего.

Дейл направился было обратно к прежнему посту наблюдения, но движение какого-то серого пятна между деревьями привлекло его внимание, заставило присесть и снова приложить к глазам бинокль.

Через лес целеустремленно шагала Корди, направляясь к железнодорожным путям. В руках она держала двустволку.

У Дейла подогнулись колени. Что, если Корди заметит его? Ведь она сумасшедшая. Нет, правда, это не просто слова, а самый настоящий факт. Год назад, когда они учились в пятом классе, в школе появился новый учитель музыки — мистер Алео из Чикаго. Корди его почему-то невзлюбила и накатала письмо, в котором сообщила, что науськает на него своих собак и они поотрывают ему руки, ноги и все остальное. Прежде чем собственно вручить учителю, она прочла свое послание всему классу на школьном дворе.

По-видимому, именно обещание поотрывать «все остальное» и послужило причиной ее временного исключения из школы. Мистер Алео отбыл из Элм-Хейвена и, не дожидаясь окончания учебного года, вернулся в Эвансвилль.

Нет, Корди определенно сумасшедшая. И спорить нечего. Если она заметит Дейла, то вполне может погнаться за ним и, не моргнув глазом, ухлопать.

Дейл распростерся на траве, стараясь не только не дышать, но и не думать, поскольку был уверен, что все сумасшедшие еще и телепаты.

Корди, не глядя по сторонам, упорно шагала через лес, потом взобралась на насыпь, футов в пятидесяти от того места, где с нее спустился Дейл, и направилась к городу. Ружье, которое она тащила на плече, казалось огромным, что делало ее похожей на карликового солдата.

Дейл дождался, пока Корди скроется из виду, и осторожно, чтобы не быть обнаруженным, двинулся следом. Так они прошли половину пути до города и оказались между масложировым заводом и заброшенным элеватором. Дейл все время держался

в паре сотен футов позади, а Корди шагала по шпалам, как заводная игрушка в сером мешковатом платье, и ни разу не оглянулась. Но вдруг скрылась за одним из поворотов и исчезла.

Дейл заколебался, внимательно осмотрел в бинокль полотно дороги и окраину леса впереди, затем осторожно приподнял голову, чтобы посмотреть, не появится ли она по правую сторону от железной дороги.

В эту минуту сзади послышался знакомый голос:

— Эй, да это же засранец Стюарт. Ты что, заблудился, гаденыш?

Дейл медленно обернулся, все еще держа у глаз отцовский бинокль.

Не более чем в десяти футах от него стояли оба врага — Си-Джей и Арчи. Сосредоточив все внимание на Корди, он забыл о необходимости следить за тем, что творится позади.

Арчи был без рубашки, зато на лбу у него красовалась красная бандана, а выше ее топорщились сальные волосы. На жирном лице пылал румянец, стеклянный глаз воинственно сверкал в утренних лучах солнца. Си-Джей стоял, держа одну ногу на рельсе, а другой упираясь в шлаковый откос, и Дейлу отчего-то пришло на ум, что Конгден похож на прыщавого белого охотника, приехавшего в Африку на сафари. Возможно, причиной тому было ружье, удобно покоящееся на согнутой руке Си-Джея.

«Господи Иисусе! — мысленно воскликнул Дейл. — Сегодня что, Национальный день стрелка?»

Ему вдруг подумалось, а не стоит ли произнести это вслух, и именно такими словами. Воображение услужливо нарисовало картинку смеющихся Си-Джея и Арчи и как один из них дружелюбно хлопает его по спине, а потом они оба поворачиваются и отправляются стрелять крыс на свалке.

Ноги стали вдруг словно ватными, и Дейл понял, что не сможет сделать ни шагу, даже если ему вдруг каким-то чудом представится возможность убежать.

— Какого черта ты лыбишься, а, гаденыш? — рявкнул Си-Джей Конгден, единственный отпрыск мирового судьи городка Элм-Хейвен.

Он поднял ружье и прицелился прямо в лицо Дейлу. Что-то щелкнуло: то ли он снял предохранитель, то ли взвел курок.

Дейл пытался закрыть глаза, но не смог. Только машинально сдвинул в сторону бинокль — так, чтобы пуля не разбила его, ко-

гда попадет в грудную клетку. Им вдруг со страшной силой овладело желание спрятаться — такое нестерпимое, какое бывает, когда хочется помочиться и нет никакой возможности это сделать. Но спрятаться было некуда — разве что за собственную спину.

Правая нога Дейла начала слегка подрагивать. Сердце билось так сильно, что каждый удар громом отдавался в ушах. Си-Джей что-то сказал, но он не расслышал ни звука.

Конгден шагнул вперед и упер дуло в горло Дейлу.

Палату Джима Харлена Дуэйн нашел довольно легко. Она была двухместная, но сейчас вторая кровать оставалась свободной и занавеска была отодвинута в сторону. Свет яркого июньского солнца вливался в окно, и на кафельном полу отчетливо выделялся сияющий белый четырехугольник.

Харлен спал. Прежде чем закрыть за собой дверь, Дуэйн выглянул в коридор и убедился, что он пуст. Из-за угла доносилось негромкое шарканье шагов дежурной сестры.

Мальчик направился было к кровати, но остановился в нерешительности. Он не совсем четко представлял себе, какое зрелище его ожидает. Быть может, Харлена держат в кислородной камере из толстого прозрачного пластика, искажающего черты лица лежащего внутри пациента, а вокруг полнейшая стерильная пустота, если не считать ряда кислородных баллонов? Нечто подобное Дуэйну довелось увидеть пару лет назад, когда умирал дедушка. К счастью, все оказалось не так страшно. Джим мирно спал, укрытый накрахмаленной простыней и легким одеялом, и только гипсовая повязка на его левой руке и белая корона бинтов вокруг головы свидетельствовали о полученных травмах. Дуэйн постоял еще немного, дожидаясь, пока стихнет звук шагов по коридору, затем подошел ближе.

Харлен мгновенно, словно проснувшаяся сова, распахнул глаза и спокойно произнес:

— Привет, Макбрайд.

Дуэйн чуть не подпрыгнул от неожиданности, но тут же взял себя в руки и подмигнул приятелю:

— Привет, Харлен. Ну, как ты, жив?

Харлен попытался улыбнуться, и Дуэйн заметил, какими тонкими и бескровными стали его губы.

— Да, все нормально. — Джим все же выдавил из себя слабую улыбку. — Я очнулся уже здесь. Голова жутко болела, и вся рука была размоложена к чертовой матери. А в остальном я в порядке.

Дуэйн кивнул:

— А мы думали, что ты в... — Он запнулся, не желая произносить слово «кома».

— Умер? — договорил за него Джим.

— Нет. — Дуэйн отрицательно покачал головой. — Думали, лежишь без сознания.

Веки Харлена дрогнули, как будто он готов был провалиться обратно в эту самую кому. Затем он открыл глаза пошире и нахмурился, стараясь сфокусировать зрение.

— Думаю, так и было. Наверное, я и был без сознания. Очухался всего несколько часов назад с этой вшивой головной болью и увидел, что мама сидит рядом, на краю постели. В первый момент я даже подумал, что сегодня воскресенье. Черт, несколько минут я даже не мог понять, где нахожусь.

Он обвел взглядом палату, словно еще не до конца был уверен, что находится там, где находится.

— А где твоя мама сейчас, Джим?

— Она пошла на ту сторону площади — перекусить и позвонить своему шефу.

Харлен выговаривал слова медленно, словно каждое слово причиняло ему боль.

— Но ты точно нормально себя чувствуешь? — повторил вопрос Дуэйн.

— Да, пожалуй. Сегодня утром сюда привалила целая толпа докторов — они и лампочками мне в глаза светили, и заставляли считать до пятидесяти, и еще много всякого делали. Даже спросили, могу ли я сказать, как меня зовут.

— А ты можешь?

— Конечно. Я им сразу сказал, что меня зовут Дуайт Хренов Эйзенхауэр.

С трудом, преодолевая боль, Харлен снова улыбнулся.

Дуэйн кивнул. Времени у него было немного.

— Джим, ты помнишь, как расшибся? Что именно произошло?

Харлен поднял на Дуэйна взгляд и долго-долго пристально всматривалось ему в лицо. Дуэйн обратил внимание на его не-

естественно расширенные зрачки. Губы Джима дрожали, словно он пытался удержать улыбку.

— Нет, — выговорил он наконец.

— Ты не помнишь, что был в Старой школе?

Харлен зажмурил глаза, голос его стал тонким, похожим скорее на писк.

— Я не помню вообще ни хрена, — ответил он. — По крайней мере, ничего после нашего сраного собрания в пещере.

— В пещере... — повторил следом за ним Дуэйн. — Ты говоришь о субботней встрече в штольне?

— Ага.

— А ты помнишь ту субботу целиком? Что было после пещеры?

Глаза Харлена блеснули, теперь в них ясно читался гнев.

— Я же только что сказал тебе, толстяк, что не помню.

Дуэйн снова кивнул:

— В воскресенье утром тебя нашли лежащим в мусорном баке у стены Старой школы...

— Угу, мама мне уже рассказала. Она даже заплакала, когда говорила об этом, будто это она виновата.

— Но ты не знаешь, как ты туда попал?

До слуха Дуэйна донесся чей-то голос, вызывавший по громкой связи доктора.

— Не-а. Я ничего не помню из субботнего вечера. Думаю, что ты, О'Рурк и еще несколько засранцев вытащили меня из постели, стукнули чем-то по башке и бросили в мусорный бак.

Дуэйн бросил взгляд на массивную повязку на руке Джима.

— Мама Кевина говорит, что твоя мама сказала, будто твой велосипед нашли на Бруд-авеню, около дома Двойной Задницы.

— Серьезно? А мне она ничего такого не говорила. — Голос Харлена звучал отсутствующе, вяло и был начисто лишен даже намека на интерес.

Дуэйн провел пальцами по мягкому краю одеяла.

— Тебе не кажется, что ты мог оставить его там, когда отправился следить за миссис Даббет? Например, пошел за ней в школу?

Харлен приподнял левую руку и прикрыл глаза. Его ногти были обкусаны почти до мяса.

— Слушай, Макбрайд, я же сказал, что ни хрена не знаю. Оставь-ка меня в покое, ладно? Тебе ведь даже не полагается входить сюда, так?

Дуэйн слегка похлопал приятеля по плечу, прикрытому измятой больничной пижамой.

— Но мы все беспокоились, как ты тут, — оправдывался он. — Майк, Дейл и другие ребята хотят провести тебя, как только почувствуешь себя лучше.

— Ага, ладно...

Ладонь Джима теперь лежала на губах, поэтому голос звучал приглушенно. Пальцы постукивали по тугой повязке.

— Они будут рады узнать, что ты в порядке, — торопливо произнес Дуэйн и покосился в сторону холла, из которого явственно доносился звук множества шагов, — похоже, персонал больницы возвращался после ланча на рабочие места. — Принести тебе чего-нибудь?

— Мишель Стеффни, пожалуйста. И лучше нагишом, — хмыкнул Харлен, все еще не отнимая ладони ото рта.

— Отлично, — отозвался Дуэйн и двинулся к двери, радуясь, что как раз в эту минуту холл опустел. — Увидимся позже, Жареная Картофелина, — бросил он уже на ходу, вспомнив прозвище, которое было очень популярно в их компании, когда ребята учились в четвертом классе.

— Эй, Макбрайд, — неожиданно выдохнул Харлен.

— Что?

— Ты все-таки можешь сделать для меня одну вещь...

Харлен замолчал.

Голос по громкой связи рявкнул что-то на весь холл.

На улице загудела газонокосилка.

Дуэйн молча ждал.

— Включи, пожалуйста, свет, — пробормотал наконец Харлен. — Можешь?

Яркие лучи солнца буквально заливали всю палату. Дуэйн, прищурясь, огляделся, но все же исполнил просьбу друга. В ослепительном сиянии дня ничто не изменилось.

— Спасибо, — пробормотал Харлен.

— Слушай, Джим, а ты хорошо видишь? — Голос Дуэйна звучал очень мягко.

— Нормально. — Харлен убрал ладонь с лица и как-то странно посмотрел на Дуэйна. — Это просто... ну... если я опять засну, то не хочу просыпаться в темноте. Понимаешь?

Дуэйн кивнул, еще секунду помедлил, но, так и не придумав, что бы еще сказать, помахал Харлену, выскользнул в коридор и направился к боковому выходу.

Дейл переводил взгляд то на ружье, которое держал в руках Си-Джей, то на его прыщавую физиономию. «Господи, кажется, я сейчас умру...» — промелькнуло в голове, и эта совершенно новая для него мысль словно бы спрессовала происходящее в монолитный блок впечатлений. Конгден, Арчи Крек, тепло солнечных лучей на лице, темные в тени листья деревьев, голубое небо над головой и позади Си-Джея, волна жара, наплывающая от плака и раскаленных рельсов, голубоватая сталь ружейного ствола, исходящий от него легкий, но странно головокружительный запах масла... — все это сплелось воедино и словно обволокло собою мгновение времени так же прочно, как миллион лет назад капля янтарной смолы обволокла и заключила в вечный плен паука.

— Я, кажется, задал тебе вопрос, поганец, — прохрипел Си-Джей.

Дейл слышал его как будто издалека — в ушах по-прежнему грохотало биение собственного сердца. Он всеми силами сопротивлялся предательскому головокружению и старался удержаться на ногах, справиться с охватившей тело слабостью, но все же сумел выжать из себя ответ, пусть даже состоявший только из одного звука:

— А?

Конгден хмыкнул:

— Я спрашиваю, какого дьявола ты лыбишься?

С этими словами он, не отводя ствола от горла Дейла, поднял приклад к плечу.

— Я не улыбаюсь.

Дейл стыдился дрожи в своем голосе, но чувство это было странно ослабленным, как будто не имело к нему никакого отношения. Сердце, казалось, вот-вот взорвется и разнесет в куски грудную клетку. Земля куда-то уплывала из-под ног, и Дейл боялся, что еще миг — и он упадет перед врагами на колени.

— Ах ты не улыбаешься! — рявкнул Арчи.

Крек чуть повернулся, и Дейл с удивлением отметил, что его стеклянный глаз больше настоящего.

— Заткнись, — бросил своему прихвостню Конгден.

Он поднял ружье так, что дуло перестало давить на горло Дейла, — в том месте, куда оно только что упиралось, осталась лишь боль и, наверное, красная отметина. А дуло теперь смотрело прямо в лицо Дейлу.

— Ты и сейчас еще лыбишься, паскуда, — прошипел Си-Джей. — А как тебе понравится, если я продырявлю твою сучью улыбочку?

Дейл покачал головой, но не смог убрать с лица кривую гримасу: рот словно свело судорогой. Правая нога заметно дрожала, а переполненный мочевой пузырь требовал опорожнения. Главное сейчас — устоять и не намочить брюки.

Ружейное дуло маячило не больше чем в десяти дюймах от его лица. Дейл и представить не мог, что оно может быть таким огромным. Черное отверстие словно заслонило все небо и затмило белый свет. Дейл смог даже определить, что ружье двадцать второго калибра, из тех, которые заряжают с казенной части, вставляя по одному патрону зараз. Хорошая штука для стрельбы по крысам на свалке — туда, наверное, и отправлялись эти двое скотов. Воображение уже нарисовало ему пулю, таящуюся в глубине ствола, поджидающую только удара, чтобы вылететь и впиться ему в язык, разбить зубы, ворваться в мозг. Он попытался припомнить, какие повреждения может причинить пуля двадцать второго калибра мозгу животного, но не сумел: из всего, чему учил его отец, когда они вместе отправлялись на охоту, в памяти осталось только то, что такая пуля может улететь на целую милю.

Дейл едва подавил желание спросить Си-Джея, действительно ли ружье заряжено двадцать вторым калибром.

— Понравится, а, паскуда?

Си-Джей слегка повел стволом, словно выбирая, по какому зубу ударить раньше.

Дейл снова покачал головой. «Может, стоит поднять вверх руки?» — мелькнуло в голове, но он не нашел в себе сил пошевелить хоть пальцем.

— Пристрели его! Пристрели его, Си-Джей! — Голос Арчи дрожал не то от возбуждения, не то от какой-то странной похоти, а может, от того и другого вместе. — Убей этого стервеца.

— Заткнись! — резко бросил Конгден и с прищуром воззрился на Дейла. — Твоя фамилия, кажется, Стюарт, так, что ли?

Дейл кивнул. Ему казалось, что страх перед Конгденом, мучивший его в течение нескольких лет, злость и обида после побоев должны были привести их отношения к такой близости, что мысль о том, что Конгден не знает его имени, была просто непереносима.

Си-Джей продолжал смотреть на него в упор:

— Ты вроде бы собирался рассказать, какого хрена ты тут шпионишь за нами да еще ухмыляешься мне в лицо... Или ты хочешь, чтобы я спустил курок?

Вопрос был слишком сложным для Дейла, и он смог лишь еще раз покачать головой, ибо самым главным сейчас, как ему казалось, было заверить, что он, Дейл, не хочет, чтобы Си-Джей спустил курок. Совершенно не хочет.

Однако жест его был явно понят неправильно.

— Ну что ж, паскуда, ты этого сам захотел...

Решив, что наглый сопляк не желает с ним разговаривать, Си-Джей взвел курок и прижался щекой к прикладу.

Дейл просто перестал дышать. Все внутренности словно замерзли. Он хотел закрыть руками лицо, но тут же подумал, что тогда пуля разmozжит ладони еще раньше, чем вопьется в голову, и не стал этого делать. В этот жуткий момент он впервые отчетливо осознал, что означает смерть: ему уже не придется идти дальше по шпалам, не удастся пообедать сегодня вечером, он больше не увидит маму и не посмотрит по телевизору очередную серию «Морской охоты»¹; ему даже не надо будет стричь лужайку перед домом в воскресенье или помогать отцу сгребать листья...

Смерть исключает всякую возможность выбора — он просто будет лежать рядом с рельсами, птицы станут выклеивать его глаза, словно это ягоды, а муравьи поползут взад и вперед по его языку. Да, никакого выбора, никаких решений — и вообще никакого будущего. Ничего. Его навсегда вычеркнут из списка живых.

— Пока-а, — с ухмылкой протянул Конгден.

— Если ты сейчас спустишь курок, я продырявлю насквозь твою гнилую дыню! — неожиданно донеслось откуда-то из-за спины Дейла.

¹ Сериал «Морская охота» («Sea Hunt») шел на американском телевидении в течение нескольких сезонов (1958–1961)

Конгден и Арчи даже подпрыгнули, будто кто-то напугал их в темной комнате. Си-Джей чуть скосил глаза влево, но ружья не опустил.

Все еще не дыша, Дейл обнаружил, что, оказывается, может чуть повернуть голову вправо, чтобы посмотреть, кто же его спаситель.

Корди Кук вышла из леса и теперь стояла, упираясь одной ногой в траву, а другой — в насыпь. Двустволка была поднята, приклад твердо лежал на ее худом плече, и оба ствола в упор смотрели на Си-Джея Конгдена.

— Кук, ты маленькая сучка... — высоким, срывающимся голосом начал было Арчи.

— Заткнись, — оборвал его Си-Джей и невозмутимо спросил: — Что ты надумала, Корди?

— Ничего. Просто целюсь из отцовского дробовика в твою прыщавую рожу, баран.

Голос Корди был, как всегда, тонким и хриплым, похожим на царапающий скрип мелка о старую грифельную доску, но абсолютно спокойным.

— Опусти ружье, дурища, — приказал Си-Джей. — Это наши дела, и тебя они не касаются.

— Опусти ты свое, — в ответ велела Корди. — Положи его на землю и отойди на несколько шагов.

Си-Джей снова взглянул на нее, словно прикидывая, как быстро сумеет перевести прицел на нее. Несмотря на всю свою благодарность Корди за вмешательство, Дейл в эту секунду от всей души надеялся, что Си-Джей действительно повернет ружье в ее сторону. Все, что угодно, лишь бы перед его лицом перестала маячить эта ужасная черная дыра.

— А тебе что за дело, если я пристрелю этого маленького стервеца? — любопытствовал Си-Джей.

Дуло все еще было не более чем в десяти дюймах от лица Дейла.

— Опусти ружье, Конгден. — Корди говорила тем же тоном, что и обычно в классе, — в тех редких случаях, когда она вообще открывала рот, — тихим, безучастным, скучающим. — Положи его на землю и вали отсюда. Потом, когда я уйду, вернешься и заберешь. Я не собираюсь даже прикасаться к нему.

— А я собираюсь пристрелить его, а потом тебя, маленькая сучка, — огрызнулся Си-Джей.

Теперь он по-настоящему разозлился. Его прыщавое, испещренное отметинами от старых болячек, костлявое лицо сначала побелело от ярости, а потом сделалось синевато-багровым.

— А ты, Конгден, не забыл, что держишь в руках однозарядный ремингтон? — отрезала Корди.

Дейл снова покосился на свою спасительницу. Согнутый палец девочки плотно лежал на обоих курках древнего ружья — огромного, тяжелого, с пятнами ржавчины на стволах, с растрескавшимся от старости деревянным прикладом. Но Дейл не сомневался, что оно заряжено, и равнодушно размышлял о том, долетят ли до него дробины, когда Корди снесет голову Конгдену.

— Тогда я сначала убью тебя! — прорычал Си-Джей, но ствол в ее сторону не перевел.

Дейл видел, как напряглись мускулы на руках парня, и понял, что тот охвачен не меньшим страхом, чем он сам.

— А ну-ка разберись с ней, Арчи, — приказал Конгден.

Крек на секунду заколебался, покрутил головой, словно пытаясь охватить здоровым глазом побольше пространства и лучше оценить ситуацию, затем кивнул, вытащил из кармана мешковатых джинсов нож, клацнул, открывая пятидюймовое лезвие, и на полусогнутых двинулся через рельсы в сторону Корди.

— Если он перешагнет второй рельс, ты — труп, — предупредила Конгдена Корди.

— Стой! — завопил Си-Джей.

Громкий вопль прозвучал как приказ командующего целой армией, хотя единственным солдатом под его началом был Арчи. Тот послушно замер на месте в ожидании дальнейших распоряжений.

— Отвали назад, ты, ублюдок долбаный, — «ласково» велел Си-Джей своему лучшему другу.

Арчи попятился.

К Дейлу вернулась способность дышать, и время опять пришло в движение, хотя и замедленное. Он принялся лихорадочно соображать, что теперь можно сделать. За свою жизнь он пересмотрел миллион ковбойских фильмов, в которых Сахарная Нога, или Бронко Лейн, или кто-нибудь еще, оказавшись в подобных обстоятельствах, совершал чудеса ловкости и неуловимым движением вырывал оружие из рук негодяя. Сделать это сейчас нетрудно: ствол все еще подрагивал в десяти дюймах от лица Дей-

ла, а все внимание Конгдена было сосредоточено на Корди. Сейчас достаточно только ухватиться за ружье и выдернуть его из рук Си-Джея.

Но Дейл понимал, что в данный момент он скорее полетит по воздуху, чем шевельнет хоть пальцем.

— Ну давай, Конгден, шевели мозгами, — монотонным голосом пробубнила Корди. — У меня палец затекает.

Мускулы на щеке Си-Джея свело судорогой. Дейл отчетливо видел, как пот капает с его носа и стекает по подбородку.

— Ты ведь знаешь, что я доберусь до твоей задницы, Корди. В лепешку расшибусь, но достану тебя и жестоко отомщу. Или ты надеешься выйти сухой из воды после такого?

Дейлу показалось, будто Корди пожала плечами, хотя ружье в ее руках не дрогнуло.

— Сделаешь хоть что-нибудь со мной, Си-Джей, и при этом не убьешь, так я тебя точно из отцовского дробовика достану. В прошлом году я натравила собак на этого мистера Алео. А уж с тобой-то и подавно расправлюсь.

Дейл хорошо помнил историю с учителем и собаками. О ней судачил весь город. Корди тогда исключили из школы на целых десять недель, и к тому времени, когда срок наказания истек, мистера Алео и след простыл: он счел за лучшее сбежать из Элм-Хейвена.

— Хрен с тобой, — прошипел Конгден и, медленно, осторожно опустил ружье на деревянные шпалы, отошел от него на несколько шагов. — А ты, ублюдок Стюарт, не думай, что я когда-нибудь забуду про тебя.

С этими словами Конгден отвернулся и пошел прочь, на ходу кивнув Арчи. Тот, все еще держа в руках раскрытый нож, присоединился к старшему командиру. Прошествовав вдоль железнодорожного полотна, парочка свернула в лес и исчезла между деревьями.

Дейл секунду стоял неподвижно, глядя на ружье так, словно оно в любую минуту могло взлететь в воздух и снова нацелиться на него. Однако ничего подобного не произошло. Дейл понемногу пришел в себя и почувствовал, что на земле по-прежнему властвует закон притяжения. Сначала он чуть не упал, затем, с трудом восстановив равновесие, сделал несколько спотыкающихся шагов и плюхнулся на горячий рельс. Колени у него дрожали.

Как только Си-Джей и Арчи скрылись из виду, Корди повернулась — и дуло ружья оказалось направленным на Дейла, точнее, в ту сторону, где он сидел.

Дейл ничего не заметил. Все его внимание, усиленное огромной дозой адреналина в крови, было обращено на Корди, и он разглядывал ее так, словно видел впервые в жизни. А она выглядела так же, как и всегда: низенькая, коренастая, с застарелой грязью под ногтями и на локтях, все в том же бесформенном платье, в котором неизменно ходила в школу, и в грязных кедах, таких поношенных, что большой палец правой ноги высовывался из огромной дыры наружу. Редкие волосы свисали сальными патлами, а крошечные глазки и носик, едва заметный на туповатом плоском лице, были, казалось, предназначены кому-то другому, обладавшему более изящными чертами, и достались Корди совершенно случайно.

Но в ту секунду девочка представлялась Дейлу самым прекрасным созданием на всем белом свете.

— Какого черта ты выслеживал меня, Стюарт?

— Я не высле... — дрожащим голосом попытался возразить он.

— Не вешай мне лапшу на уши, — проронила Корди, и дуло ружья чуть передвинулось в его сторону. — Я видела тебя с этими чертовыми стеклами около дома. Потом ты крался за мной, думая, что я ничего не вижу и не слышу. Отвечай!

Дейл был слишком измотан, чтобы лгать:

— Я выслеживал тебя, потому что... ну, потому что мы решили найти Табби.

— А чего вам надо от Табби? — Когда Корди шурилась, ее глаза вообще не было видно.

Оглушительный грохот сердцебиения в ушах у Дейла стих.

— Ничего не надо. Мы просто хотим... найти его. Выяснить, что с ним.

Корди щелкнула затвором казенника и, переломив ружье, взяла его в правую руку.

— И ты думаешь, что я с ним что-нибудь сделала?

Дейл покачал головой:

— Нет-нет. Я просто собирался посмотреть, что происходит у вас дома.

— Какое тебе дело до Табби?

«Да нет мне до него никакого дела», — подумал Дейл, а вслух сказал:

— Понимаешь, мне кажется, происходит что-то странное. Доктор Рун, миссис Даббет и остальные что-то скрывают.

Корди сплюнула и стукнула по рельсу:

— Ты сказал «мы». Кто еще сует повсюду свой нос, пытаюсь найти Табби?

Дейл покосился на ружье. Сейчас он более чем когда-либо был уверен, что Корди сумасшедшая.

— Кое-кто из моих друзей.

— Хм..., — протянула она. — Должно быть, это О'Рурк, Грумбахер, Харлен и остальные чудики, с которыми ты водишься?

Дейл изумленно моргнул. Он всегда был уверен, что Корди в упор не видит, с кем там он «водится».

Девочка прошла мимо него, подхватила со шпал ремингтон, отомкнула казенник, вытащила патрон двадцать второго калибра и зашвырнула его подальше в лес. Потом аккуратно положила оружие на траву.

— Пошли, — коротко бросила она. — Надо двигать, пока эти засранцы не набрались храбрости и не вернулись.

Корди повернулась и зашагала по шпалам в сторону города. Дейл поднялся и поспешил за ней. Вскоре они спустились с насыпи и углубились в лес, за которым начинались поля.

— Если ты разыскиваешь Табби, — снова заговорила она, не глядя на Дейла, — то возле нашего дома тебе делать нечего — уж там-то его точно нет.

Дейл пожал плечами:

— А ты знаешь, где он?

Корди глянула на него с отвращением:

— Как ты думаешь, если бы я знала, где Табби, стала бы я искать его повсюду где только можно?

Дейл набрал в грудь побольше воздуха:

— А ты имеешь хоть какое-то представление о том, что с ним случилось?

— Угу.

Мальчик подождал продолжения, но Корди молчала, и шагов через двадцать он не выдержал:

— Что?

— Кто-то или что-то в этой чертовой школе убило его.

У Дейла опять перехватило дыхание. При всем интересе Ведосипедного патруля к судьбе Табби, никому из них и в голову не приходило, что он может быть мертв. Они допускали, что парнишка сбежал... или что его похитили... Но такое?! Сама мысль о том, что кто-то из одноклассников вдруг возьмет да и умрет, казалась Дейлу абсолютно дикой. Но теперь, вспоминая о черной пустоте ружейного дула, он в полной мере осознавал реальность такого исхода. И потому промолчал.

Они вышли на Каттон-роуд примерно там, где она пересекалась с другой дорогой, южнее переходившей в Бруд-авеню.

— А теперь давай-ка сматывайся отсюда, — сказала Корди. — И чтоб ни ты, ни твои приятели-бойскауты не вздумали болтаться у меня под ногами и мешать мне искать брата.

Дейл кивнул и глазами показал на ружье:

— Ты собираешься идти в город с этим?

Корди отнеслась к вопросу с тем молчаливым презрением, какого он, по ее мнению, заслуживал.

Тогда Дейл несколько изменил формулировку:

— Что ты собираешься с ним делать?

— Найти Ван Сайка или еще кого-нибудь из этих говнюков.

И заставить рассказать мне, где Табби.

— Но они засадят тебя в тюрьму.

Корди пожала плечами, откинула назад упавшие на глаза пряди и молча пошла дальше.

Дейл еще долго смотрел ей вслед. И только когда маленькая фигурка в сером мешковатом платье оказалась под сенью вязов, росших в начале Бруд-авеню, он вдруг спохватился и крикнул:

— Эй! Спасибо!

Корди не остановилась и даже не оглянулась.

Глава 12

Повидавшись с Джимом Харленом, Дуэйн присел в тени деревьев внутреннего дворика больницы, решив несколько минут отдохнуть, глотнуть кофе из термоса и немного подумать. Он знал Джима не настолько хорошо, чтобы понять, действительно ли тот не помнит того, что произошло субботним вечером. А если Харлен лжет, то почему? Дуэйн потягивал кофе и размышлял, строя догадки. В конце концов у него возникло три предположения:

а) что-то так сильно напугало Харлена, что он не хочет или не может говорить об этом;

б) кто-то запретил ему рассказывать о случившемся, угрозами заставив подчиниться;

в) Харлен кого-то покрывает.

Дуэйн завинтил крышку термоса и решил, что последнее наименее вероятно. Больше всего похоже на правду первое предположение, хотя внутренний голос Дуэйна подсказывал ему, что Джим Харлен не врет. Черепно-мозговая травма, в результате которой человек почти на сутки потерял сознание, вполне может отшибить у этого самого человека память.

Дуэйн пришел к выводу, что сейчас лучше всего поверить, что Джим действительно ничего не помнит. Может быть, позднее...

Он пересек площадь, но перед самой дверью библиотеки остановился в нерешительности. Что он может отыскать здесь такого, что способно помочь Майку О'Рурку и их компании разузнать что-нибудь о Табби, о Ван Сайке, о происшествии с Харленом, о покушении на него, Дуэйна, о том, почему он оказался на волосок от смерти, или о чем-нибудь еще? При чем тут библиотека? И при чем тут история Старой центральной, если совершенно

ясно, что за всеми этими случайными на первый взгляд событиями явно стоит кто-то душевнобольной или, например, извращенец Ван Сайк?

Впрочем, сам Дуэйн понимал, почему пошел в библиотеку. Он привык именно здесь искать объяснение тем явлениям окружающего мира, которые не были ему понятны, и находить ответы на множество вопросов, которые постоянно возникали у слишком смышленного для своих лет мальчика. Библиотека служила ему самым надежным источником информации, которому он мог безоговорочно доверять. Наверное, на свете существует множество интеллектуальных загадок, которые не могут быть решены не то что одним, но многими визитами в библиотеку, но с такими загадками Дуэйн пока не сталкивался.

Кроме того, он отдавал себе отчет в том, что вся эта буря в стакане воды поднялась из-за неприязни, точнее, даже ненависти, которую он и его друзья испытывали по отношению к Старой центральной школе. И чувства эти возникли задолго до исчезновения Табби. Было нечто такое, что тревожило их очень давно и предопределило это расследование.

Дуэйн вздохнул, припрятал термос в кусты возле стены библиотеки и вошел внутрь.

Дуэйну пришлось потратить больше времени, чем он рассчитывал, но зато он выяснил львиную долю того, что его интересовало.

Библиотека в Оук-Хилле располагала всего лишь несколькими микрофишами¹ и только одним аппаратом для их чтения. Чтобы подробно ознакомиться с историей Элм-Хейвена и, в частности, с историей Старой центральной школы, Дуэйну пришлось отправиться в книгохранилище, полки которого были уставлены множеством местных изданий, заботливо собранных Историческим обществом округа Кревкер. Справедливости ради следует сказать, что в действительности это общество состояло лишь из одного члена — доктора Пола Пристмана, бывшего профессора университета Брэдли. Доктор Пристман умер немногим более года назад, но несколько женщин взяли на себя труд собрать пожертвования на посмертную публикацию последнего тома его

¹ *Микрофиша* — карточка с несколькими кадрами микрофильма

работ и таким образом хотя бы номинально продлить существование самого Исторического общества.

Старая центральная школа играла важную роль в истории Элм-Хейвена, да и всего округа Кревкер. Сведения, имевшие к ней хоть какое-то отношение, заняли полтетради, и Дуэйн в который уже раз пожалел, что в библиотеке нет ксерокса. Этими новыми аппаратами для копирования начали пользоваться не очень давно, но они уже завоевали большую популярность в деловых кругах. И будь здесь, в библиотеке, хоть один ксерокс, Дуэйну не пришлось бы так долго выписывать информацию из справочников.

Дуэйн просмотрел фотографии, которыми доктор Пристман проиллюстрировал ход строительства Старой центральной — тогда, в 1876 году, еще просто Центральной школы, — много-много страниц, заполненных выцветшими, но все еще сохранявшими оттенок сепии фотографиями. Напряженные позы, застывшие лица... Техника фотосъемки в те годы была еще слишком несовершенна, и людям приходилось надолго замирать перед аппаратом. Церемония открытия Центральной школы поздним летом 1876 года; пикник на школьном дворе в честь отцов-основателей в том же августе; в школу входит первый класс, переступающий порог школы, — двадцать девять учеников, которые, должно быть, просто затерялись в огромном здании... А вот снимок, сделанный чуть раньше в железнодорожном депо Элм-Хейвена: торжественная церемония по случаю прибытия колокола.

Набранный крупными буквами заголовок под последним фото гласил: «МИСТЕР И МИССИС ЭШЛИ ВМЕСТЕ С МЭРОМ УИЛСОНОМ ВСТРЕЧАЮТ КОЛОКОЛ БОРДЖА, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЙ ДЛЯ НОВОЙ ШКОЛЫ». Ниже, буквами чуть меньшего размера, было добавлено: «Исторический колокол увенчает цитадель знаний и гордость нашего округа».

На этой фотографии взгляд Дуэйна чуть задержался. Сколько он помнил, башня Старой школы была всегда наглухо заколочена и опечатана. И он никогда не слышал никаких разговоров о колоколе, а уж тем более о колоколе Борджа.

Мальчик наклонился чуть ниже. На старой фотографии колокол, заключенный в специальную раму, стоял на железнодорожной платформе. Сам колокол находился в тени, но было видно, что он огромный: футов восемь-девять в основании и в два раза

выше двоих мужчин, которые позировали, изображая крепкое рукопожатие. Один из них — хорошо одетый, с усами — был, видимо, мистером Эшли, второй — пониже ростом, с бородой и в котелке — мэром Уилсоном. Рядом с ними стояла еще какая-то нарядно одетая женщина. Качество изображения оставляло желать лучшего и не позволяло рассмотреть детали. Лошади, впряженные в повозку на заднем плане, больше походили на каких-то странных призраков, поскольку для передачи движения не хватало выдержки. Однако с помощью очков, которые Дуэйн использовал как лупу, ему удалось увидеть, что по бордюру у основания колокола идет какая-то надпись.

Он откинулся назад и попытался прикинуть, сколько может весить такой колокол, если высота его составляет приблизительно десять-двенадцать футов. До точных расчетов дело не дошло, но одна только мысль, что эта громадина покоится на подгнивших от времени бревнах над их головами, заставила Дуэйна поежиться. Нет, не может быть, чтобы колокол до сих пор оставался в башне.

В течение еще нескольких часов Дуэйн изучал сборники Исторического общества, а потом целый час провел в пыльном «архиве» — длинном, узком закутке, располагавшемся за комнатой, в которой обедали миссис Фрейзер и другие сотрудники библиотеки, — листая переплетенные тома старых подшивок газеты «Бдительный страж Оук-Хилла», которую отец Дуэйна неизменно называл не иначе как «Бздительный срач Оук-Хилла».

Газетные статьи лета 1876 года в свойственном тем временам вычурно-возвышенном викторианском стиле повествовали о «колоколе Борджа» и его месте в истории. По словам авторов статей, супруги Эшли обнаружили это сокровище на одном из складов в предместьях Рима во время своего свадебного путешествия по Европе. С помощью местных и зарубежных историков они установили его происхождение, а затем приобрели, заплатив целых шестьсот долларов, в качестве памятного дара школе, строительству которой семья Эшли уделяла много внимания.

Дуэйн писал быстро, заполняя страницу за страницей и радуясь, что предусмотрительно захватил с собой не одну, а несколько тетрадей. Доставке колокола Борджа из Рима в Элм-Хейвен были посвящены по меньшей мере пять газетных статей

и немало страниц в книге доктора Пристмана. Если верить журналистам Викторианской эпохи — большим любителям пышных описаний разного рода таинственных событий и явлений, — колокол обладал способностью приносить несчастье всему и всем с ним связанным. После того как чета Эшли, купив колокол, отправилась на родину, склад, где он хранился, сгорел дотла, при этом погибли трое людей, очевидно давно живших в старом помещении. Большое число неопознанных и неидентифицированных предметов старины погибло в огне, но сам колокол был обнаружен после пожара хоть и закопченным, но в полной сохранности. Корабль Военно-морских сил Великобритании «Эреб»¹, перевозивший колокол Борджа в Нью-Йорк, едва не затонул у Канарских островов, неожиданно застигнутый не по сезону яростным штормом. Поврежденное судно относительно благополучно отбуксировали в гавань, но, прежде чем груз доставили по назначению, пятеро членов команды утонули, а еще один погиб под внезапно сдвинувшимся с места колоколом. Капитан корабля, естественно, был разжалован.

Хранение колокола в течение месяца в Нью-Йорке вроде бы не сопровождалось никакими несчастьями, но небольшая путаница при маркировке чуть не привела к его потере. Несколько адвокатов семьи Эшли занялись поисками пропавшей исторической ценности и после обнаружения выставили колокол в нью-йоркском Музее естественной истории. В числе тех, кто посетил в те дни музей, были Марк Твен, знаменитый импресарио, «отец рекламы» Финиас Тейлор Барнум и сам Джон Д. Рокфеллер. Наконец колокол погрузили в товарный состав, направлявшийся в Пеорию. И тут чары злых духов вновь проявили себя в полной мере: вблизи Джонстауна, штат Пенсильвания, поезд сошел с рельсов, а тот, что был прислан ему на замену, застрял у обрушившейся эстакады около Ричмонда, штат Индиана. В отчетах прессы было много путаницы и противоречий, но, кажется, в обоих происшествиях обошлось без жертв.

14 июля 1876 года колокол прибыл в Элм-Хейвен, и несколькими неделями позже его водрузили на заранее подготовленное место внутри башни Старой центральной школы. Тем летом

¹ *Эреб* (Erebus — *лат.*) — в классической мифологии подземный мир, царство мертвых.

именно колокол был главной достопримечательностью ярмарки в честь отцов-основателей, позволившей заманить в город даже нескольких историков и важных особ из Чикаго и Пеории, прибывших в специально оборудованных по такому случаю вагонах.

Так или иначе, но третьего сентября, в первый день нового учебного года, эта штукавина уже висела в башне. Фотографии, сделанные методом ферротипии, запечатлели начало учебного года в школах округа Кревкер, в том числе и в Центральной школе Элм-Хейвена, здание которой, лишенное привычного теперь обрамления из огромных деревьев, показалось Дуэйнну каким-то чужим, незнакомым. Подпись под снимком гласила: «ИСТОРИЧЕСКИЙ КОЛОКОЛ ВОЗВЕЩАЕТ О НАЧАЛЕ НОВОЙ ЭРЫ ЗНАНИЙ ДЛЯ ЗДЕШНИХ РЕБЯТИШЕК».

Дуэйн выпрямил спину, полой рубашки отер с лица пот и захлопнул огромный том, в глубине души жалея, что предлог, которым он воспользовался для получения от миссис Фрейзер разрешения поработать здесь, — необходимость писать доклад о Старой центральной школе и ее колоколе — на самом деле был выдуманным.

Со временем все, похоже, забыли о колоколе. За следующие полтора часа работы Дуэйн обнаружил лишь три заметки о нем, и ни в одной из них ему не встретилось название «колокол Борджа». Доктор Пристман, правда, перепечатал в своей книге несколько давних заголовков, включавших эти слова, но сам историк их больше нигде не упоминал. В одной из глав Дуэйн нашел такой комментарий: «...массивный колокол, предположительно относящийся к пятнадцатому столетию и, вероятно, действительно сделанный в то время, был приобретен для нашего округа мистером Эшли и его супругой во время их путешествия в Европу зимой 1875 года».

Внимательно просмотрев все четыре тома сборников Исторического общества, Дуэйн понял, что не хватает еще одного. Том, включавший издания 1875–1885 годов, был в сохранности, но содержал лишь фотографии и краткие тезисы. События, произошедшие в течение этого десятилетия, доктор Пристман детально и академически точно, с указанием конкретных дат, изложил в книге «Монографии, документы и первоисточники». Но данные за 1876 год там отсутствовали.

Дуэйн спустился к миссис Фрейзер:

— Извините, мэм, не могли бы вы сказать, где хранятся другие бумаги Исторического общества за этот период?

Библиотекарша улыбнулась и сняла очки, оставив их висеть на груди на бисерной цепочке.

— Конечно могу, мальчик. Ты, должно быть, знаешь, что мистер Пристман покинул нас...

Дуэйн кивнул.

— Так вот, поскольку ни миссис Кэдберри, ни миссис Эстергази... Эти дамы — члены общества, ответственные за сбор средств в его поддержку... Так вот, поскольку ни та ни другая не может или не желает продолжать исследования доктора Пристмана, они передали все его бумаги в дар...

— Университету Брэдли?

Дуэйну казалось естественным, что все труды покойного доктора перейдут в собственность университета, который тот в свое время окончил и где так долго работал.

Миссис Фрейзер удивленно воззрилась на мальчика:

— Нет. Почему ты так решил? Все бумаги были переданы семье, на протяжении многих лет щедро поддерживавшей исследование доктора Пристмана. Думаю, это был наилучший выход.

— Семье... — начал было Дуэйн.

— Семье Эшли-Монтегю, — закончила за него миссис Фрейзер. — Разумеется, поскольку ты сам из Элм-Хейвена... вернее, из его окрестностей... то должен был слышать о них.

Дуэйн кивнул, поблагодарил даму, убедился, что исписанные тетради лежат у него в кармане, и вышел из библиотеки. Он нашел припрятанный в кустах термос, прицепил его к ремню и... и только сейчас с удивлением заметил, что день уже на исходе. Длинные тени протянулись от деревьев через двор у здания суда и центральную улицу. Движение на шоссе было небольшим, шины немногочисленных автомобилей тихо шуршали по остывающему после дневной жары бетонному покрытию, изредка постукивая на залитых смолой стыках плит, иногда скрежетали на поворотах. Центр города постепенно пустел. Приближался вечер.

Дуэйн с минуту постоял в нерешительности, раздумывая, не стоит ли заглянуть в больницу и еще раз поговорить с Джимом, но рассудил, что толку от этого не будет. Приближалось время ужина, и мать Джима, скорее всего, уже снова сидит в палате.

Кроме того, обратный путь домой займет не меньше двух-трех часов, и Старик будет волноваться, если сын не вернется до темноты.

Насвистывая, Дуэйн направился в сторону железной дороги, вспоминая и обдумывая по дороге все, что удалось узнать о таинственном колоколе Борджа, висящем во мраке заколоченной башни Старой центральной школы.

Майк решил бросить это занятие.

После обеда в понедельник и весь вторник он настойчиво пытался найти Ван Сайка, чтобы установить за ним наблюдение, но тот как сквозь землю провалился. Во вторник Майк с самого утра слонялся вокруг Старой школы. Примерно в половине девятого утра туда появился доктор Рун, а еще примерно через час появилась бригада рабочих, но Ван Сайка, к сожалению, с ними не было. Рабочие притащили с собой подъемник с подвесной люлькой, установили его и принялись забивать досками окна второго и третьего этажа. Майк оставался на посту и крутился возле здания, стараясь не выпускать из виду входную дверь, пока доктор Рун не шутанул его.

Затем Майк проверил несколько мест, где мог бы оказаться Ван Сайк. Еще не пробило полдень, а в пивной «У Карла» в центре города уже сидели трое или четверо местных выпивох — к своему сожалению, Майк заметил в их числе отца Дуэйна Макбрайда, — но Ван Сайка и здесь не было. Из магазина «А & Р» Майк позвонил в бар «Под черным деревом» и попросил позвать к телефону Ван Сайка, но бармен ответил, что не видел его уже несколько недель, и не слишком вежливо поинтересовался, кто, собственно говоря, звонит. Майк быстренько повесил трубку. Затем он прогулялся до Депо-стрит, к дому Джей-Пи Конгдена: все знали, что толстяк мировой судья и Ван Сайк частенько околачиваются вместе. Но черного «шевроле» на стоянке видно не было, да и ничто в доме не подавало признаков жизни.

Майк подумал было, не стоит ли сгонять на велосипеде к старому масложировому заводу и посмотреть, что делается вокруг, но тут же отказался от этой идеи, ибо почему-то был уверен, что Ван Сайка там нет. Так и не придумав ничего конкретного, он завалился в высокую траву возле бейсбольного поля, сунул в рот стебелек травы и принялся наблюдать за машинами, выезжавши-

ми с Первой авеню и направлявшимися в сторону водонапорной башни. В основном это были пыльные грузовички и большие старые колымаги фермеров. Ни намека на труповоз с Ван Сайком за рулем.

Майк вздохнул, перекатился на спину и, прищурившись, уставился в небо. Конечно, он понимал, что следует сходить на Страстное кладбище и еще раз осмотреть лачугу Ван Сайка, но он никак не мог заставить себя на это решиться. И объяснение тут простое: его бросало в дрожь при одном только воспоминании о том, что было в лачуге на кладбище, о Солдате и странной фигуре, которая прошлой ночью бродила вокруг их дома.

Он перевернулся на живот и увидел, как с Джубили-Колледж-роуд выезжает сверкающая хромированная молочная цистерна отца Кевина Грумбахера. Майкл знал, что мистер Грумбахер обычно заканчивает собирать молоко с окрестных ферм еще до полудня, а потом гонит цистерну на молочный завод в Кэхилл, находящийся в двенадцати милях восточнее их городка, прямо у истока реки Спун. На этом его ежедневная работа завершается. Вернувшись домой, мистер Грумбахер тщательно моет цистерну и с помощью газового насоса, стоящего на западной стороне двора, заправляет машину.

Перекатившись на левый бок, Майк мог видеть новый дом Грумбахеров, стоявший под вязами, по соседству с большим старым викторианским особняком, в котором жил Дейл. Древний заброшенный домишко миссис Кармайкл на Депо-стрит мистер Грумбахер купил примерно пять лет назад, как раз перед тем, как семья Дейла переехала в Элм-Хейвен. Новый хозяин буквально сровнял с землей все прежние постройки и на их месте возвел длинное одноэтажное строение в стиле ранчо — единственное такого рода здание в старой части города. Мистер Грумбахер лично сидел за штурвалом бульдозера, поднимая уровень почвы на своем участке, и теперь окна на восточной стороне дома Дейла располагались ниже основания соседского дома.

Майку случалось бывать у Кева, и многое в их доме казалось ему странным и забавным. Взять хотя бы кондиционер. Прежде Майк видел такой агрегат только в кинотеатре в Оук-Хилле. Но в доме, где живут люди... Правда, из-за этого кондиционера во всех комнатах как-то странно пахло. Как будто затхлостью, но не настоящей. Было похоже, что даже сейчас, спустя четыре года

после того, как здесь поселились люди, в доме все еще ощущается слабый запах цемента, соснового дерева и краски. Откровенно говоря, Майк иногда сомневался, что люди здесь действительно *живут*: пол в гостиной устлан синтетическими дорожками, дорожная кушетка и стулья накрыты чехлами, кухня сияет стерильной чистотой, а столовая выглядит так, будто длинный обеденный стол из вишневого дерева миссис Грумбахер каждое утро подолгу полирует до ослепительного блеска. А чтобы в кухне обычного жилого дома была посудомоечная машина, да еще и стойка для еды, как в каком-нибудь баре, — такое Майк вообще видел впервые.

В тех редких случаях, когда Майку и остальным ребятам разрешали поиграть у Кева, они отправлялись напрямиком в подвал, вернее, в помещение, которое Кевин по каким-то неясным причинам называл «бомбоубежищем». Там стоял стол для пинг-понга и даже был телевизор. Кев говорил, что наверху есть еще два телевизора и роскошная электрическая железная дорога, занимающая полкомнаты в дальней части дома. Майк с удовольствием погонял бы поезд по рельсам, но в отсутствие отца Кеву запрещали прикасаться к тумблерам и кнопкам, а мистер Грумбахер любил после обеда поспать. В задней части дома имелась и длинная ванна из оцинкованной стали — такая же сверкающе чистая, как и все остальное. Кев говорил, что отец установил ее специально для того, чтобы устраивать гонки радиоуправляемых моделей судов, которые они сами делали в свободное время. Разумеется, Майку, Дейлу и другим разрешалось рассматривать эти модели, но было категорически запрещено к ним прикасаться и уж тем более брать в руки пульты управления.

Откровенно говоря, в доме Грумбахеров компания гостила не часто и подолгу не задерживалась.

Майк встал и побрел к забору Дейла. Он понимал, что забивает себе голову всякими глупостями, только чтобы не думать о Солдате.

Дейл и Кевин валялись на травянистом склоне между участками Грумбахеров и Стюартов. Они поджидали Лоренса, который должен был вот-вот пролететь над их головами на планере, сделанном из бальзы¹. Ребята уже запаслись мелким гравием

¹ Бальза — пробковая древесина.

с подъездной дороги и готовы были устроить Лоренсу суровое испытание. Их задачей было обстрелять планер камешками и заставить его приземлиться. Лоренс же должен был всячески уворачиваться от попаданий.

Майк тоже подобрал несколько камешков и плюхнулся на спину рядом с друзьями. Трюк заключался в том, что целиться следовало, не отрывая головы от травы. Планер Лоренса воспарил, нырнул вниз и снова взмыл ввысь. С земли полетели камни. Описав круг, планер устремился к огромному дубу, ветви которого доставали до окон спальни Дейла на втором этаже, и благополучно опустился на подъездную аллею. Пока Лоренс готовил его к новому полету, старательно выправляя помятые крыло и хвост, мальчишки заготовили новую порцию метательных снарядов.

— Давай соберем камни с вашего двора, — предложил Майк Дейлу. — Они будут мешать, когда придется подстригать газон.

— Я пообещал маме убрать их, как только закончим играть, — отмахнулся Дейл и прицелился.

Высоко в небе планер начал описывать новую дугу. Во время первой атаки «земля — воздух» все три броска не достигли цели, зато каждый из стрелков старательно и довольно похоже изображал треск пулемета или вой ракеты. Со второй попытки Майк попал в правое крыло, заставив планер уйти в штопор и уткнуться носом в землю. Трое мальчишек проиллюстрировали его падение имитацией гула падающего и взрывающегося реактивного самолета. Лоренс оторвал искореженное крыло и помчался к старому пню, возле которого был устроен склад запчастей.

— Я никак не могу найти Ван Сайка, — признался Майк, чувствуя себя как на исповеди.

Кев в это время старательно складывал на траве аккуратную пирамиду из мелкого гравия, пригодного для метания. В их собственном дворе родители никогда не разрешили бы ему бросаться камнями.

— Да ладно, — отмахнулся он. — Я видел сегодня утром Руна. Но он ничего особенного не делал — только присматривал за рабочими, которые заколачивали окна.

Майк перевел взгляд на здание школы. Окна всех трех, точнее, четырех, если считать подвал, этажей были заколочены, и Старая центральная выглядела довольно-таки странно. Похоже, рабочие сначала выставили рамы с сетками от насекомых, за-

били окна досками и потом вернули сетки на место. Школа казалась совсем незнакомой... как будто слепой. Теперь лишь слуховые окна на крутой крыше поблескивали стеклами. Достать их камнями удастся далеко не всякому — Майк знал лишь нескольких парней, способных на такое. Ну а башня, сколько он помнил, всегда стояла заколоченной.

— Может быть, мы вообще зря затеяли всю эту слежку, — задумчиво произнес Майк. — Нехорошо как-то — шпионить за людьми.

Лоренс уже заканчивал оклеивать планер маскировочной лентой.

— Я его укрепляю как следует, — объявил он.

— Да, сегодня утром я уже убедился в том, что это не самое лучшее занятие, — согласно кивнул Дейл и рассказал о том, что произошло на железной дороге.

Майк и Кевин, забыв о камнях, слушали его, открыв рот.

— Ничего себе, — присвистнул Кевин. — Бог знает что творится!

— Интересно, что Корди делала потом?

Майк попытался представить, что почувствовал бы он сам, увидев перед носом дуло ружья. Когда Майк учился в младших классах, Си-Джей Конгден со своим дружкой поддавливали его несколько раз, но всегда получали такой бешеный, отчаянный отпор, что в конце концов эта парочка отъявленных городских хулиганов предпочла оставить нахального малявку в покое. Он еще раз взглянул на школу.

— А вдруг она пошла и застрелила доктора Руна?

— Если она это сделала, то почему же мы ничего не слышали? — сострил Дейл.

— Может, она использовала глушитель, — в тон ему предположил Майк.

Кевин скорчил насмешливую гримасу:

— Дурак. На ружьях не бывает глушителей.

— Шутка, Грумбампер.

— Грум-бахер, — машинально поправил Кевин. Он терпеть не мог, когда коверкали его фамилию, но почти весь город называл его именно «Грумбампер».

— Да что ты говоришь? — улыбнулся Майк. И осторожно бросил маленьким камешком в колено Дейлу. — Что было потом?

— Ничего. Придется и дальше обходить Си-Джея стороной. Какие-то нотки в его голосе говорили о том, что он уже жалеет о своей откровенности.

— Ты не рассказал своей маме?

— Да ну, нет. Как бы я, например, объяснил, почему пошел шпионить за домом Корди Кук, да еще с биноклем в руках, а?

Майк понимающе поморщился и покачал головой. Одно дело — быть Подглядывающим Томом¹ просто по натуре, и совсем другое — совать нос в дела Корди Кук и ее семейки.

— Если Конгден будет приставать, зови меня. Он подлый парень, но ужасно тупой. А Арчи Крек еще тупее. Навались на него со стороны слепого глаза — и никаких проблем.

Дейл кивнул, но вид у него был мрачный.

Майк знал, что Стюарт не силен в драках, но его отношение к приятелю от этого не становилось хуже. Скорее даже наоборот.

Дейл пробормотал что-то невнятное.

— Что? — переспросил Майк.

В это время Лоренс крикнул что-то с дальнего конца подъездной дорожки.

— Я сказал, что даже оставил там свой велосипед, — повторил Дейл таким тоном, каким обычно признаются на исповеди в самых страшных грехах.

— Где он?

— Спрятан за старым депо.

— Я заберу его, — пообещал О'Рурк, прикинув, что возвращаться за велосипедом парню пришлось бы мимо дома Конгденов.

Встретившись глазами с Дейлом, Майк прочел в них и облегчение, и смущение, и гнев и подумал, что именно испытанное облегчение заставило приятеля разозлиться.

— Вот еще! — возмутился Дейл. — С чего это ты будешь забирать мой велосипед?

Майк пожал плечами и сунул в рот несколько травинок, все это время зажатых у него в кулаке.

¹ *Подглядывающий Том* (Peeping Tom) — один из персонажей легенды о леди Годиве. Когда прекрасная дама вынуждена была обнаженной проскакать по улицам Ковентри, она приказала жителям города в назначенный день запереться дома, закрыв все ставни. Только один местный паренек — Подглядывающий Том, — не в силах побороть любопытство, послушался и в наказание ослеп, так и не увидев леди Годиву.

— Да мне это без проблем, — спокойно объяснил он. — Я все равно пойду сегодня в церковь, так что по пути и забегу за велосипедом. Сам рассуди... Меня-то Конгден не достает. Знаешь, если бы мне кто-нибудь сунул в нос дуло ружья, я бы не стал нарываться еще раз. Так что давай лучше я заберу велосипед после ланча, когда пойду выполнять поручения отца Кавано.

«Ну вот, еще одна ложь, — подумал Майк. — Стоит ли признаваться в ней на исповеди?»

И почему-то решил, что не стоит.

А Дейла тем временем охватило чувство такого невероятно-го облегчения, что он с трудом смог его скрыть: пришлось опустить глаза и сделать вид, будто он пересчитывает камешки у своих ног.

— Ладно, — негромко проговорил он и еще тише добавил: — Спасибо.

— Эй, придурки, будем продолжать или вы собираетесь болтать до вечера? — послышался голос Лоренса, который давно уже нетерпеливо переминался с ноги на ногу возле готового к новому полету планера.

— Мы готовы! — крикнул в ответ Дейл.

— На взлет! — скомандовал Кевин.

— Ну держись! — прорычал Майк.

И камешки полетели в цель.

Дуэйн вернулся домой незадолго до захода солнца. Старика еще не было, и он пошел через поле к могиле Витта.

На этот поросший травой холм посреди восточного пастбища Витт всегда приносил оставшиеся после обеда кости и другие любимые лакомства, чтобы зарыть их в мягкую землю подле ручья. Поэтому здесь Дуэйн его и похоронил.

На западе, за пастбищами и огромными пшеничными полями, опускался к горизонту огромный огненный шар. Без этого ослепительного в своем великолепии иллинойсского заката Дуэйн не представлял себе жизни. Казавшийся плотным от духоты воздух к вечеру стал почти серо-голубым, а звуки распространялись в нем с медлительной легкостью мысли. До слуха Дуэйна доносились мычание и сопение коров, возвращающихся с северного края пастбища, хотя их самих за холмом не было видно. Примерно в миле к югу мистер Джонсон жег сорняки, разросшиеся вдоль

ограды, и дым столбом поднимался вертикально вверх. В неподвижном воздухе витал запах пыли и сладковато-терпкий аромат костра.

Дуэйн долго сидел на могиле старого колли. Солнце село, и вечер как-то незаметно соскользнул в ночь. Первой на темном небе засверкала Венера — она ярко вспыхнула на востоке небосклона, словно прилетевший из далекой галактики НЛО. Дуэйну очень хотелось когда-нибудь увидеть настоящий инопланетный корабль, и он часто проводил по многу часов, лежа в траве рядом с терпеливо ожидавшим Виттом. Постепенно появлялись и другие звезды. Здесь, вдали от городских огней, их мерцание казалось волшебным. Воздух неспешно и как будто против воли, неохотно остывал, но по-прежнему оставался влажным, отчего рубашка Дуэйна липла к телу. Наконец стало совсем свежо, и земля под рукой Дуэйна холодила ладонь. Он в последний раз погладил могильный холмик и медленно побрел к дому, с грустью вспомнив о том, как возвращался с прогулок в прежние времена, примераясь к шагам старой, почти слепой собаки.

Колокол Борджа... Дуэйну очень хотелось поговорить о нем со Стариком, но тот вряд ли будет в подходящем для разговоров настроении, после того как весь день проторчал в пивной «У Карла» или в баре «Под черным деревом».

Дуэйн наскоро приготовил ужин. Поджаривая на старой сковороде свиные котлеты и опытной рукой нарезаая лук и картофель, он одновременно слушал передачу из Де-Мойна. В новостях было мало что нового: Тайвань жаловался в ООН на то, что на прошлой неделе коммунистический Китай обстрелял остров Хунтоуюй, но реакции на обращения не было, потому что никто в ООН не хотел новой Кореи; постановки на Бродвее отменены в связи с забастовкой, организованной актерской ассоциацией за справедливость; люди из команды сенатора Джона Кеннеди сообщают, что на следующей неделе их единственный и самый достойный кандидат намерен произнести в Вашингтоне речь на тему внешней политики, но Айк¹ запланировал на это же время поездку на Дальний Восток и тем самым выбил почву из-под ног всех потенциальных кандидатов в президенты; Соединенные Штаты

¹ Распространенное в США прозвище Дуайта Дэвида Эйзенхауэра (Dwight David «Ike» Eisenhower; 1890–1969) — американского военного и государственного деятеля, 34-го президента США (1953–1961).

заявляют, что Советский Союз должен немедленно отпустить на свободу Гэри Пауэрса¹, а Аргентина требует выдачи Израилем похищенного его разведкой Адольфа Эйхмана². В спортивном выпуске прозвучало сообщение о том, что в преддверии 500-мильной гонки в Индианаполисе издан запрет на сооружение трибун, подобных тем, которые обвалились в этом году во время гонок в День памяти, когда погибли два человека и свыше сотни были ранены. Затем последовал репортаж о готовящемся матче-реванше между Флойдом Паттерсоном и Ингемаром Иоханссоном³.

Ужиная в одиночестве, Дуэйн включил радио погромче и прислушался. Он любил бокс. И мечтал когда-нибудь написать о нем рассказ. Возможно, что-нибудь о неграх... О том, как они, одерживая на ринге победу за победой, добиваются равенства. Дуэйн слышал, как когда-то Старик и дядя Арт говорили о Джеке Джонсоне⁴, и этот разговор засел у него в памяти, как запоминается на всю жизнь сюжет любимого романа. «Да, — подумал Дуэйн, — отличный получился бы роман. Если бы я только смог его написать. И знал бы достаточно и о боксе, и о Джеке Джонсоне, и обо всем, что нужно знать настоящему писателю».

Колокол Борджа... Дуэйн покончил с ужином, вымыл тарелку и чашку из-под кофе, а заодно и посуду, оставленную Стариком после завтрака, сложил все в шкаф и прошелся по дому.

¹ *Фрэнсис Гэри Пауэрс* (Francis Gary Powers) — американский шпион. Его самолет-разведчик У-2 был сбит 1 мая 1960 г. над территорией СССР. По приговору суда Пауэрс был заключен во Владимирскую тюрьму, но впоследствии, в 1962 г., на мосту между Восточным и Западным Берлином передан американцам в обмен на советского разведчика Рудольфа Абея.

² *Адольф Эйхман* (Adolf Eichmann; 1906–1962) — сотрудник гестапо, непосредственно ответственный за уничтожение миллионов евреев. 13 мая 1960 г. на улице Буэнос-Айреса был схвачен израильскими агентами и тайно вывезен в Израиль, где предстал перед судом. 15 декабря 1961 г. ему зачитали смертный приговор, а 1 июня 1962 г. повесили в тюрьме города Рамла. Это единственный случай смертной казни в Израиле по приговору суда.

³ Матч-реванш за обладание поясом чемпиона мира по боксу в супертяжелом весе состоялся 20 июня 1960 г. Победил Флойд Паттерсон нокаутом в пятом раунде.

⁴ *Джек Артур Джонсон* (1878–1946) — знаменитый чернокожий боксер-супертяжеловес, получивший на ринге прозвище Гигант из Галвестона. В списках лучших боксеров тех времен, составленных известным деятелем американского бокса Натом Флейшером, имя Джека Джонсона значится под номером один.

Во всех комнатах было темно, свет горел только в кухне, и старый дом казался более загадочным и странным, чем обычно. Наверху, там, где находились спальня Старика и ныне пустующая комната Дуэйна, ощущалось присутствие какой-то мрачной, таинственной силы.

«Неужели колокол Борджа все эти годы висит в башне Старой школы?» — подумал Дуэйн.

Недоверчиво покачав головой, он включил свет в столовой.

«Обучающие машины» сияли во всем своем пыльном великолепии. Остальные плоды изобретательской деятельности Старика загромождали верстаки и пол. Единственным подключенным и работающим прибором был автоматический телефонный ответчик, который отец, опасавшийся пропустить какой-нибудь важный звонок, собрал пару лет назад. Довольно-таки примитивное устройство — простейшая комбинация деталей от телефона и небольшого катушечного магнитофона — подсоединялось к телефонной розетке и, как только поступал вызов, подавало специальный сигнал и предлагало звонящему оставить сообщение.

Почти все позвонившие — кроме дяди Арта, — услышав неожиданный ответ, произносимый явно нечеловеческим голосом, от смущения или гнева бросали трубку, но иногда Старик по голосу или набору ругательств все же вычислял абонента. Кроме того, отцу Дуэйна крайне импонировало раздражение, которое вызывал у людей ответчик. В том числе и у телефонной компании «Мабелл». Ее сотрудники дважды приезжали на ферму и угрожали снять номер с обслуживания, если мистер Макбрайд не прекратит вмешиваться в работу линий связи и портить оборудование, не говоря уже о столь тяжком нарушении закона, как запись разговоров граждан без их ведома.

В ответ на все претензии Старик заявлял, что эти разговоры имеют самое непосредственное отношение прежде всего к нему, поскольку люди набирали его номер телефона, и к тому же они прекрасно знали о том, что их записывают, так как он их об этом предупредил, а стало быть, никакого нарушения гражданских прав не было. А уж если на то пошло, «Мабелл» самая что ни на есть говенная капиталистическая монополия и может все свои угрозы вместе с оборудованием запихать в свою капиталистическую задницу.

Но эти угрозы все-таки удерживали Старика от попыток продать свое изобретение, которое он называл «телефонным мажор-

домом». Дуэйн же был счастлив уже тем, что им еще не отключили телефон.

К тому же за последние месяцы он сам внес в устройство некоторые изменения, и теперь запись сообщения сопровождалась миганием сигнальной лампочки. Дуэйн хотел научить автоответчик распознавать голоса и реагировать на них лампочками разных цветов, чтобы при записи загорался, например, зеленый, когда звонил дядя Арт, синий — для Дейла и остальных ребят, прерывистый красный — для телефонной компании... Но эта проблема пока что не поддавалась решению. И загвоздка была вовсе не в идентификации голосов. Дуэйн построил усовершенствованный тональный генератор, способный различать голоса абонентов на основании прежних записей, затем разработал простую схему подсоединения контура обратной связи к соответствующим лампочкам... Но все эти детали были слишком дорогими, и потому пришлось ограничиться одной лампочкой для всех абонентов.

Сейчас она не горела. Значит, никаких сообщений не было. Впрочем, они появлялись очень редко.

Дуэйн подошел к входной двери и выглянул наружу. Фонарь, горевший около амбара, освещал поворот подъездной дороги и дворовые постройки, но остававшиеся в тени поля казались от этого еще темнее.

Цикады и древесные лягушки устроили сегодня настоящий концерт.

Дуэйн постоял минуту, размышляя над тем, как бы ему уговорить дядю Арта отвезти его завтра в университет Брэдли. Обдумав этот вопрос, он направился было в столовую, чтобы позвонить, но вдруг остановился и сделал то, чего никогда прежде не делал: запер на крючок ту дверь, что вела во двор, а потом прошел к парадному входу, которым пользовались крайне редко, и убедился, что и там все закрыто.

Конечно, теперь ему придется дожидаться возвращения отца, чтобы впустить его, но это не важно. До сих пор они всегда оставляли дом открытым — даже в тех редких случаях, когда отправлялись с дядей Артом на уик-энд в Пеорию или Чикаго. Им даже в голову не приходило запирать двери.

Но сегодня Дуэйн решил поступить иначе.

Он еще раз потрогал крючок, провел рукой по дверной раме и подумал, что достаточно дернуть посильнее — и вся эта легкая

конструкция не выдержит. Да и саму дверь можно пробить насквозь одним ударом кулака. Улыбнувшись собственной глупости, Дуэйн пошел звонить дяде Арту.

Маленькая спальня Майка находилась на втором этаже, как раз над той комнатой, что была когда-то гостиной, а теперь стала комнатой Мемо. Второй этаж не отапливался: теплый воздух поступал сюда снизу через большие решетки, установленные в полу. Одна из таких решеток была рядом с кроватью Майка, и на потолке спальни он часто видел слабый отсвет маленькой керосиновой лампы, которая всю ночь горела в комнате Мемо, потому что маме приходилось заходить туда иногда по нескольку раз за ночь. Майк знал, что если встать на колени и посмотреть сквозь решетку, то можно увидеть небольшой холмик одеяла, под которым лежит бабушка. Но он никогда так не делал, поскольку считал, что это смахивает на подглядывание.

Но иногда мальчика охватывала уверенность, что он слышит мысли и сны Мемо, потоком струящиеся сквозь решетку. Это не были слова или образы — нет: они поднимались к нему в виде едва слышных вздохов, теплого дуновения любви или холодной струи тревоги. Лежа без сна под низким скошенным потолком спальни, Майк гадал, услышит ли он, как отлетает душа Мемо, если в эту самую минуту бабушка вдруг умрет. Помедлит ли она, чтобы обнять его, как бывало прежде, во времена его детства? Когда Майк был совсем маленьким, бабушка каждый вечер поднималась к нему в комнату, чтобы проверить, лег ли он в постель, подоткнуть поплотнее одеяло и поцеловать на ночь. Огонек маленькой керосиновой лампы в ее руках то ярко вспыхивал, то тускнел; фитиль под стеклянным колпаком шипел и потрескивал.

Майк лежал, наблюдая, как слабая тень листьев колыхнется на крутых скосах потолка. Сна не было ни в одном глазу. После обеда глаза слипались, он все время зевал, потому что не выспался прошлой ночью, но теперь, когда его окутывали темнота и тишина, спать совсем не хотелось. Он просто боялся закрыть глаза и изо всех сил боролся с дремотой: вел воображаемые беседы с отцом Кавано, вспоминал те дни, когда мама часто улыбалась и ласкала его, когда ее голос еще не был резким, как теперь, а речь была проникнута ирландским юмором, а не горечью. Или вызывал в памяти образ Мишель Стеффни, ее рыжеватые волосы,

точно такие же мягкие и пушистые, как у Кетлин, но обрамлявшие при этом лицо с умными глазами и выразительным ртом, а не то личико с сонным взглядом и бессмысленным выражением, какое было у его сестренки.

Мальчик уже проваливался в сон, когда почувствовал резкое дуновение ледяного ветра. Он встревоженно приподнял голову.

Несмотря на открытое окно, в комнате стояла жара. Весь день теплый воздух поднимался вверх, а нормальной вентиляции в комнате не было. Однако порыв ветра, который пронесся мимо Майка сейчас, был холоден, как те сквозняки, что гуляли здесь январскими ночами. И этот ветер нес с собой запах мороженого мяса и застывшей крови, который вызвал у Майка ассоциацию с холодильной камерой в магазине «А & Р», где хранятся коровьи туши.

Майк кубарем скатился с кровати и опустился на колени возле решетки. Свет керосиновой лампочки бешено мигал, как будто в маленькой комнатке бушевала буря. Холод надвинулся на Майка с такой силой, будто кто-то сжал студеными пальцами его горло и обхватил лодыжки и плечи. Он ожидал, что вот-вот к бабушкиной кровати подбежит взволнованная мать в наспех запахнутом халате и с растрепанными волосами, чтобы узнать, что случилось. Но весь дом был тих и молчалив, только из родительской спальни доносился мощный храп отца.

Ледяная стынь словно вползала сквозь решетку и с силой врывалась в окно. Керосиновая лампа мигнула в последний раз и погасла. Майку показалось, что из темного угла, где лежала Мемо, донесся тихий стон.

Мальчик вскочил на ноги, схватил бейсбольную биты и по крутой лестнице поспешно спустился. Шаги его босых ног по деревянным ступеням были почти неслышными.

Обычно дверь Мемо оставляли чуть приоткрытой, но сейчас она оказалась захлопнутой наглухо.

Почти готовый к тому, что дверь окажется запертой изнутри — вещь невозможная, если Мемо была одна в комнате, — Майк долю секунды помедлил, ощупывая пальцами створку, словно пожарный, пытающийся ощутить жар бушующего внутри пламени. Правда, в отличие от пожарного Майк чувствовал не жар, а холод. Наконец решившись, он резко распахнул дверь и с битой в руках, намеренный в любой момент пустить ее в дело, буквально влетел в комнату.

Внутри было достаточно светло, чтобы увидеть, что в комнате никого нет. Мемо лежала под одеялом, возле ее кровати стоял специально купленный медицинский столик со множеством баночек и флакончиков с лекарствами, а чуть поодаль — кресло-качалка, фотографии в рамках висели на своих местах, в углу темнело любимое дедушкино кресло, а рядом с ним — старый радиоприемник «Филко»¹, который до сих пор был в рабочем состоянии... В общем, все как обычно.

Однако Майк отчего-то был уверен, что они с Мемо здесь не одни. Приподнявшись на носки и крепко стиснув пальцами биту, он замер и прислушался, готовый к бою с неизвестным врагом. Вокруг него вились и струились потоки ледяного вонючего воздуха. Однажды в доме целых десять дней не было электричества, и Майку потом пришлось чистить холодильник, в котором они хранили кур и мясной фарш. Так вот запах сейчас был точно таким же, как тогда.

Майк выругался и выставил вперед биту. Ледяной поток окутывал его с ног до головы, холодные пальцы словно щекотали живот и спину там, где их не прикрывала короткая пижама, чьи-то мертвые губы касались шеи, смрадное дыхание щекотало щеки... Ощущение было таким, словно в дюйме от Майка стоял кто-то чужой, невидимый, источавший тление могилы.

Майк пробормотал еще какое-то ругательство и ткнул битой в темноту. Ветер завыл, и возле самых ушей мальчика раздалось шипящее рычание. Но ничто в комнате не шелохнулось, ни одна бумажка не дрогнула. Снаружи не доносилось ни звука, только в полях за дорогой слабо шелестели колосья.

Подавив желание выругаться еще раз, Майк покрепче сжал биту обеими руками и снова вскинул ее перед собой, приняв позу, представлявшую нечто среднее между стойкой отбивающего и боксера. Он стоял в центре комнаты, а мерзкий ветер будто съежился и укрылся в самом дальнем углу. Майк шагнул туда, но, оглянувшись через плечо, увидел бледное лицо Мемо на подушке и отступил назад, к ней, чтобы не позволить отвратительному неизвестно чему вновь завертеться вокруг.

¹ «Филко» — товарный знак бытовых электротоваров, а также радио- и телевизионной аппаратуры и магнитофонов компании «Филко-Форд», американской дочерней компании голландской фирмы «Филиппс» и одновременно филиала корпорации «Форд-мотор» Обанкротилась в 1962 г

Он склонился над кроватью, ощутил на щеке сухое дыхание и теперь, убедившись, что она жива, постарался своим телом за-слонить ее от холода.

Новый порыв ветра с легким шелестом, похожим на тихий смех, вихрем пронесся по комнате и шмыгнул в раскрытое окно — так черный водоворот воды исчезает в отверстии сточной трубы.

Фитилек в керосиновой лампе внезапно с шипением вспыхнул, и золотые отблески пламени вновь заплясали на стенах, заставив Майку испуганно выпрямиться. Сердце у него чуть не выскочило из груди. Он застыл с поднятой битой, ожидая нападения.

Но холод исчез. Теперь в открытое окно лился теплый июньский ветерок, доносивший стрекотание воскресших кузнечиков и шорох листьев.

Майк присел на корточки рядом с кроватью. Широко распахнутые глаза Мемо казались совершенно черными и влажными. Он склонился к бабушке и теплой ладонью коснулся ее щеки:

— Ты в порядке?

Иногда она понимала вопросы и давала на них ответы: одно мигание означало «да», два — «нет». Однако чаще всего никакой беседы не получалось.

Одно мигание: «Да».

Майк почувствовал, как взволнованно забилось сердце. Она уже давно не разговаривала с ним... даже с помощью такого примитивного кода.

Во рту пересохло, и он с трудом выговорил следующий вопрос:

— Ты чувствовала это?

Одно мигание.

— Здесь что-то было?

Одно мигание.

— На самом деле?

Одно мигание.

Майк перевел дух. Это было все равно что говорить с мумией — даже мигания Мемо в этом призрачном свете казались ненастоящими. Он согласился бы отдать все, что угодно, все, что у него когда-нибудь будет в жизни, за то, чтобы Мемо могла поговорить с ним сейчас. Хоть пару минут.

Он откашлялся:

— Здесь было что-то плохое?

Одно мигание.

— Это было... привидение?

Два мигания: «Нет».

Майк заглянул ей в глаза. Они оставались неподвижными, как у мертвеца.

Майк потряс головой, чтобы прогнать предательскую мысль.

— Это было... Это была смерть?

Одно мигание: «Да».

Веки Мемо опустились. Майк склонился еще ниже, стараясь уловить дыхание и убедиться, что она еще жива, а потом нежно прикоснулся ладонью к ее щеке.

— Все нормально, Мемо, — прошептал он ей прямо в ухо. — Я буду рядом. Оно сегодня не вернется. Спи.

Он еще какое-то время посидел на корточках рядом с бабушкой, а когда ее тяжелое, прерывистое дыхание выровнялось и стало спокойным, встал, подтащил к кровати дедушкино кресло — качалка стояла гораздо ближе, но Майку почему-то захотелось взять именно его — и уселся, все еще держа на плече бейсбольную биту, с твердым намерением загородить Мемо от окна.

Чуть пораньше в тот же вечер в полутора кварталах к западу от дома Майка Лоренс и Дейл готовились ко сну.

Очередная серия «Морской охоты» с Ллойдом Бриджесом в главной роли только что закончилась. Фильм начинался в девять тридцать, но им позволяли смотреть его, и это было единственным исключением из железного правила укладываться в девять часов. Братья отправились наверх — первым шел Дейл, чтобы включить свет. Хотя было уже десять, в окна лился слабый свет летних сумерек.

Лежа в своих кроватях на расстоянии восемнадцати дюймов друг от друга, Дейл и Лоренс еще несколько минут пошептались.

— Скажи, почему ты не боишься темноты? — тихо спросил Лоренс.

Он лежал, крепко прижимая к себе плюшевого панду. Этого звереныша, которого Лоренс упорно именовал Тедди, несмотря на уверения Дейла, что это именно панда, а никакой не медвежонок, они когда-то получили как приз за победу в шуточных гонках в чикагском парке. Внешний вид игрушки претерпел с тех

пор сильные изменения: один глаз-пуговица потерялся, левое ухо было почти начисто сжевано, мех кое-где вытерся, особенно в тех местах, на которые за шесть лет пришлась наибольшая доля объятий, черная нитка рта размочалилась, отчего казалось, будто панда все время криво ухмыляется.

— Не боюсь темноты? — повторил Дейл. — Но здесь не темно. Ночник включен.

— Ты же знаешь, о чем я.

Дейл и в самом деле знал, о чем говорит младший брат и как трудно ему признаться в своих страхах. В течение дня Лоренс не боялся ровным счетом ничего, но ночью всегда просил Дейла поддержать его руку, пока не заснет.

— Не знаю, — ответил Дейл. — Я же старше. А старшим полагается не бояться темноты.

Лоренс минутку полежал молча. Снизу, из кухни, доносились тихие шаги матери, но вскоре стихли и они, — видимо, мама перешла в гостиную, где пол был устлан ковром. Отец еще не вернулся из деловой поездки.

— Но ведь раньше ты боялся, — проговорил Лоренс почти утвердительно.

«Не так сильно, как ты, трусишка», — хотел было ответить Дейл, однако сдержался: не время для поддразниваний.

— Угу, — прошептал он. — Немного. Иногда.

— Темноты?

— Да.

— Боялся входить в комнату, чтобы отыскать шнур выключателя?

— Когда я был маленьким, в моей... то есть в нашей комнате в Чикаго не было такого шнура. Там на стене был выключатель.

Лоренс прижался носом к Тедди.

— Уж лучше бы мы там и оставались, — пробормотал он.

— Ты что! — энергично зашептал Дейл, закладывая руки под голову и следя за скользящими по потолку тенями листьев. — Этот дом в миллион раз лучше. И в Элм-Хейвене гораздо интереснее, чем в Чикаго. Начать с того, что гулять там можно было только в Гарфилд-парке, да еще и в сопровождении кого-нибудь из взрослых.

— Я немного помню Чикаго, — прошептал в ответ Лоренс, которому было всего четыре года, когда они переехали сюда. — Но

ты действительно боялся темноты? — настойчиво продолжал допытываться он.

— Да, боялся.

На самом деле Дейл не был в этом уверен, поскольку не мог точно припомнить собственные ощущения в той квартире. Но он не хотел, чтобы Лоренс чувствовал себя законченным слюнтяем.

— И чулана?

— Ну, там у нас был настоящий чулан, — с некоторым хвастовством заявил Дейл и глянул в угол комнаты, где высился выкрашенный в желтый цвет сосновый шкаф.

— Но ты боялся его?

— Не знаю. Я уже не помню. А почему тебя пугает чулан?

Лоренс ответил не сразу. Судя по звукам, он пытался поглубже зарыться в постель.

— Иногда там что-то шумит, — прошептал он чуть погодя.

— Это старый дом, и в нем водятся мыши, дурачина. Ты же знаешь, мама с папой всегда расставляют мышеловки.

Освобождать мышеловки от попавшейся добычи было самой ненавистной обязанностью Дейла. Даже здесь, на втором этаже, он часто слышал, как по ночам кто-то скребется за стенами.

— Это не мыши.

Голос Лоренса звучал сонно, но в нем слышалась непоколебимая уверенность.

— Откуда ты знаешь? — Слова брата заставили Дейла поежиться, а по спине пробежал холодок. — Почему ты думаешь, что не мыши? Что же это — привидения?

— Не мыши... — почти проваливаясь в сон, упрямо повторил Лоренс. — Это то же самое, что иногда прячется под кроватью.

— Брось! Под кроватью ничего нет, — устало отмахнулся Дейл, уже отчаявшийся переубедить брата. — Одна только пыль.

Вместо ответа Лоренс протянул руку в его сторону:

— Ну пожалуйста...

Голос звучал совсем сонно. Рукав любимой пижамы едва доставал Лоренсу до локтя: мальчик из нее давно вырос, но категорически отказывался надевать другую.

Дейл не всегда соглашался держать брата за руку, — в конце концов, они оба уже почти взрослые мужчины. Но сегодня он чувствовал, что и сам нуждается в поддержке.

— Спокойной ночи, — шепнул он, не надеясь, впрочем, на ответ. — Приятных снов.

— Рад, что ты ничего не боишься, — словно издалека, из тумана снов донесся до него шепот брата.

Дейл полежал еще немного, держа руку Лоренса и удивляясь тому, какие у брата маленькие пальцы. Наконец веки его опустились, но тут же вновь взметнулись вверх: ему вспомнилось глядящее прямо в лицо дуло ружья. Мальчик буквально подскочил на месте. Сердце судорожно билось.

На самом деле ему есть чего бояться. И это оправданный страх перед настоящей опасностью. В ближайшее время следует держаться подальше от Си-Джея и Арчи. Только теперь Дейл понял, что игра, которую они затеяли, разыскивая Табби Кука и шпиона за Руном и остальными, закончена. Она была глупой и могла доставить кому-нибудь кучу неприятностей.

В Элм-Хейвене не было никаких загадок, здесь нечего было делать Нэнси Дрю¹ или Джо Харди² с их таинственными приключениями и умными рассуждениями. Но зато здесь была куча придурков, вроде Си-Джея и его папаша, готовых не задумываясь прибить любого, кто попадется под горячую руку. Джим Харлен, возможно, и вправду переломал кости из-за этой затеи. Дейл почувствовал сегодня, что и Кевин, и Майк тоже устали от дурацкой игры.

Прошло довольно много времени, прежде чем Лоренс со вздохом перевернулся на другой бок, выпустив пальцы Дейла, но все еще крепко прижимая к груди Тедди. Старший брат тоже задремал. За противомоскитными сетками на окнах шуршали листья старого дуба, стрекот цикад не умолкал ни на минуту. Последний отблеск сумеречного света угас, и во мраке ветвей ярче вспыхнули, перемигиваясь, огоньки светлячков.

Сквозь дремоту Дейл слышал какие-то звуки, — кажется, мама гладила в кухне белье. В спальне мальчиков воцарилась тишина, нарушаемая только их ровным дыханием. Снаружи доносилось уханье совы и отдаленное воркование лесного голубя. Затем ближе, гораздо ближе, в шкафу у них в комнате что-то тихо заскреблось и заскрипело. Потом в шкафу что-то скрипнуло, и оттуда донеслось царапанье когтей. Звуки на мгновение стихли, повторились вновь — и смолкли.

¹ Девушка-детектив, героиня множества романов, с 1930 г. выпускавшихся под коллективным псевдонимом Кэролайн Кин издательским синдикатом Стратемейера.

² Юные детективы братья Фрэнк и Джо Харди — персонажи произведений, выпускавшихся под коллективным псевдонимом Франклин У. Диксон с 1927 г.

Глава 13

Дуэйну удалось-таки убедить дядю Арта в том, что среда — наиболее подходящий день для поездки в университет Брэдли, и сразу после восьми утра они вдвоем туда и отправились. На протяжении многих лет Арт Макбрайд тратил на книги большую часть заработанных денег, но тем не менее никогда не отказывался посетить «приличную библиотеку».

То, что дяде Арту не удалось потратить на книги, он вложил в автомобиль — теперь это был старый-престарый «кадиллак», — и Дуэйн не переставал восхищаться великолепием этой машины размером с эскадренный миноносец. К тому же в ней присутствовали все технологические достижения, освоенные заводами Детройта, вплоть до автоматического реостата для регулирования силы света фар с сенсорным датчиком, установленного на приборной панели и по форме напоминавшего лучевой пистолет, — устройства сродни изобретениям Старика. Небрежно откинувшись и едва придерживая тремя пальцами руль, дядя Арт гордо восседал на водительском месте.

Дуэйн любил дядю, чье круглое цветущее лицо со всегда готовым к улыбке ртом словно говорило окружающим, что он только что услышал или вот-вот услышит веселую шутку и от души рад ей посмеяться. И в отношении дяди Арта это действительно было правдой.

Арт Макбрайд был насмешником. В то время как отец Дуэйна от своих неудач впал в разочарование и горечь, дядя Арт вырабатывал в себе ироническую, приправленную легким юмором покорность обстоятельствам. Старик везде — и в правительстве, и в телефонной компании, и в администрации по делам ветеранов, и в большинстве преуспевающих семей Элм-Хейвена — по-

дозревал интриги и тайные умыслы, в то время как дядя Арт был глубоко убежден, что люди в большинстве своем слишком глупы, чтобы составлять заговоры.

Неудачниками можно было назвать обоих братьев, но их отношение к этому и к жизни вообще было совершенно разным. Отец Дуэйна неоднократно начинал собственный бизнес и каждый раз терпел полный крах по причине отсутствия планирования, неумения правильно выбрать момент и из рук вон плохого менеджмента. Положение не спасала даже та поистине бешеная энергия, с которой Старик брался за дело и пытался его развивать. Кроме того, он обладал удивительной способностью перессориться со всеми лицами и организациями, от которых хотя бы в малой степени зависел его успех. В отличие от брата Арт Макбрайд предпринял лишь несколько попыток стать самостоятельным бизнесменом — и даже заработал кое-какие деньги, которые, правда, практически полностью потратил на своих трех жен, ныне покойных, — а затем он пришел к выводу, что это занятие не для него. Теперь, когда появлялась нужда в деньгах, он работал на заводе по производству гусеничных тракторов, принадлежащем компании «Катерпиллер» и располагавшемся неподалеку от Пеории. Причем, несмотря на наличие диплома специалиста в области технологии и управления, предпочитал трудиться на сборочном конвейере.

Дуэйн пришел к выводу, что склонность к ироническому смирению и способность брать на себя ответственность не всегда сопутствуют друг другу.

— Хотел бы я знать, какие тайны ты собираешься раскрыть в университете Брэдли? — поинтересовался дядя Арт.

Дуэйн поправил очки, вечно съезжавшие на кончик носа.

— Да так, хочу кое-что разузнать. В библиотеке Оук-Хилла не нашлось нужных сведений.

— А как насчет библиотеки Элм-Хейвена — лучшего хранилища человеческой мудрости со времен Александрийской библиотеки?

Дуэйн улыбнулся. «Библиотека» на Броуд-авеню, занимавшая всего одну небольшую комнату и насчитывавшая в своем фонде не более четырехсот книг, издавна была предметом их шуток. Книжное собрание дяди Арта состояло из более чем трех тысяч томов, но Дуэйн знал, что искать там сведения о колоколе

Борджа бесполезно, ибо как раз та эпоха представлена в собрании весьма скудно.

— Извини, я, кажется, сказал «хранилище»? — продолжал дядя Арт. — Скорее следовало бы назвать ее «гноилищем». Повезло тебе, приятель, что я временно свободен.

— Повезло, — согласился Дуэйн.

Дядя Арт бывал свободен большую часть года — в зависимости от роста или снижения спроса на рабочую силу для сборочного конвейера — и ничего не имел против такой свободы.

— Нет, серьезно, что ты разыскиваешь?

Арт выключил кондиционер и тронул кнопку на дверце машины, чтобы опустить стекло. В кабину потек теплый, влажный воздух. Арт пробежал рукой по коротким волосам. Дуэйн помнил, как несколько раз дядя Арт отрачивал их ниже плеч, становясь счастливым обладателем роскошной волнистой и густой белой шевелюры. Но обычно носил такую короткую стрижку, как сейчас. Еще Дуэйну помнилось, как однажды, когда Арт вернулся из годичного путешествия после смерти его третьей жены, он сам, в то время четырехлетний малыш, был поражен сходством между отравившим бороду дядюшкой и Санта-Клаусом.

Дуэйн вздохнул:

— Меня интересуют сведения о Борджа.

— Борджа? — Арт Макбрайд с интересом повернулся к племяннику. — Ты говоришь о Лукреции, Родриго, Цезаре?.. Об этой семейке?

— Ага, — кивнул Дуэйн, выпрямляясь на сиденье. — Ты что-нибудь знаешь о них? А об их колоколе, случайно, не слышал?

— Нет. О Борджа я знаю не так уж много. Обычную ерунду об отравлениях, инцестах и несправедных папах римских, которых они поставляли в Ватикан. Меня больше интересуют Медици. По-моему, об этом семействе стоит почитать побольше.

Дуэйн кивнул. Из Элм-Хейвена они отправились на юго-восток по Хард-роуд, с некоторых пор считавшейся главным шоссе штата, и теперь спускались в долину реки Спун. Холмы высились в стороне, примерно в миле от них, склоны так густо поросли деревьями, что их ветки смыкались над дорогой, а сама земля в долине, часто затопляемая во время паводков, была такой плодородной, что зерновые здесь поднялись на фут выше, чем на полях в окрестностях Элм-Хейвена. Единственными рукотворны-

ми конструкциями на всем обозримом пространстве были амбары и металлический мост через реку. От него отходил еще один, узенький мостик, утыкавшийся в небольшую — максимум четыре фута в диаметре, — заостренную башню из рифленой стали, опиравшуюся на тридцатифутовые сваи. Дуэйн знал, что винтовая лестница внутри башни ведет к складским помещениям, принадлежащим Департаменту транспорта и расположенным на уровне воды.

— Помнишь, когда мы втроем ездили в Пеорию, вы с отцом грозились оставить меня здесь, если я не перестану задавать вопросы? — Дуэйн махнул рукой в сторону башни. — Ты говорил, что это специальная тюрьма для любопытных детей и что вы заберете меня на обратном пути.

Дядя Арт кивнул, закурил сигарету и прищурился, вглядываясь в убегающую вперед дорогу.

— Угроза по-прежнему в силе, парень. Еще один вопрос — и ты проведешь в тюрьме больше времени, чем Томас Мор.

— А что это за Томас такой? — притворно заинтересовался Дуэйн, желая поддразнить дядю, — они оба были страстными поклонниками Томаса Мора.

— Вот это был человек! — тут же купился тот и пустился в нескончаемые рассуждения.

Они выехали на шоссе номер 150 и, свернув на восток, направились к крошечному городку под названием Кикапу и дальше — к Пеории. Дуэйн уселся поудобнее на мягком сиденье «кадиллака» и задумался. Все его мысли были, конечно, обращены к загадке колокола Борджа.

Дейл, Майк, Кевин и, разумеется, Лоренс после завтрака отправились на велосипедах в лес, расположенный за Страстным кладбищем. Когда они мчались через само кладбище, Майк покосился на запертую дверь сторожки, но друзьям ничего не сказал. Оставив велосипеды у дальнего забора, ребята пешком пересекли пастбище, углубились в густой лес и примерно через четверть мили подошли к заброшенным каменоломням, которые называли между собой Козлиными горами. Забравшись наверх, они принялись с криками носиться друг за другом и кидаться комьями грязи. Посвятив столь увлекательному занятию не мень-

ше часа, мальчишки разделись и с шумом кинулись в единственный в этих местах неглубокий карьер.

Джерри Дейзингер, Боб Маккоун, Билл и Барри Фусснеры, Чак Сперлинг, Диггер Тейлор и еще пара ребят приехали около десяти часов, как раз когда Майк с друзьями выбрались из воды и начали одеваться. Братья Фусснеры тут же издали воинственный клич, и все вновь прибывшие начали швырять комья грязи в Майка, Дейла и их компанию, которые еще до купания предусмотрительно перебрались на восточный берег карьера. Какое-то время обе стороны азартно обменивались над гладью воды оскорблениями и лепешками грязи, однако потом ситуация резко изменилась: команда Дейзингера разделилась на две группы и по обоим склонам холма двинулась на противника.

— Кажется, они собираются обойти нас с флангов, — заметил Майк, застегивая джинсы.

Кевин метнул в наступающих снаряд, который упал футах в десяти от северного холма. Дейзингер прокричал что-то оскорбительное, но не остановился и лишь время от времени замедлял бег, чтобы наклониться, подхватить с земли камень и бросить его в противника.

Дейл велел Лоренсу поторапливаться и поскорее натягивать кеды. Он метко швырнул комок — нет, конечно, грязь, а не камень — и с удовольствием увидел, как поспешно отпрянул в сторону, уворачиваясь от удара, Чак Сперлинг.

Теперь камни и комья летели в них сплошным потоком, иногда шлепаясь в воду или в грязную жижу. А нападавшие тем временем уже надвигались с севера и юга. Однако футах в двадцати от того места, где стояли ребята, начинался лес, который тянулся на многие и многие мили.

— Помните, — сказал Майк. — Если они догонят кого-нибудь, то, прежде чем захватить в плен, должны сначала повалить пойманного на землю. Ваша задача — увернуться и опять делать от них ноги.

— Ага, — кивнул Кевин, глядя в сторону леса. — Может, пора уже бежать?

Но Майк ухватил его за рубашку:

— Но если они все же поймают вас по-настоящему, не вздумайте рассказать им, где наши убежища, или сообщить наши пароли. Слышали?

Кевин раздраженно поморщился. Джим Харлен однажды проговорился, и с тех пор они не могли пользоваться пятым лагерем, но больше никто ни разу не сболтнул лишнего, хотя однажды это привело к серьезной драке между Дейлом и Диггером Тейлором.

Нападавшие были уже совсем близко и почти не сомневались, что тактика захвата в клещи принесет им успех. Снаряды со свистом летели с обеих сторон и с гулким стуком падали на землю. Лоренс прицелился, отвел руку и с такой силой метнул ком грязи, что даже на расстоянии тридцати шагов Джерри Дейзингеру пришлось присесть. Он сердито выругался в адрес противника.

— В третий лагерь! — скомандовал Майк, давая таким образом знать, где они должны встретиться через тридцать минут после того, как уйдут от преследования. — Вперед!

И они побежали. Раздвигая в стороны попадавшие на пути ветки, Дейл старался не выпускать из виду Лоренса. Кевин и Майк повернули на юг — к Цыганской дороге и к той ложине, на дне которой у подножия сланцевых холмов прятался Дохлый ручей, а Дейл с братом со всех ног помчались к ручью, который протекал чуть севернее кладбища и впадал в мало кому известный пруд, скрывавшийся в зарослях неподалеку от южной границы владений дяди Генри и тети Лины.

За их спинами близнецы Фусснеры, Маккоун и другие орали и тявкали, изображая свору гончих во время охоты на лис. Грязевой обстрел прекратился. Все были слишком увлечены самим процессом преследования и попытками перехитрить противника, чтобы тратить время на поиски подходящих камней или комьев грязи. К тому же бежать приходилось сквозь густой подлесок, старательно лавируя между кустами, молодыми деревцами, замшелыми пнями и свисающими отовсюду плетями ядовитого плюща, а это было ох как непросто.

С трудом продираясь сквозь кусты и время от времени, когда приходилось резко сворачивать в сторону или преодолевать крутой подъем, оглядываясь на Лоренса, Дейл старался как можно дальше оторваться от погони и одновременно, словно мысленно развернув перед глазами подробную карту, прикидывал, как им добраться до третьего лагеря и при этом не попасть в руки неприятеля.

теля, если фактически бежать туда надо в обратном направлении и буквально по собственным следам.

Холмы эхом вторили воинственным воплям противников.

Библиотека университета Брэдли была не из самых лучших — университет специализировался в области образования, технологии и бизнеса, — но Дуэйн хорошо ориентировался в ее собраниях и достаточно быстро нашел информацию по интересующему его предмету. В поисках материалов он переходил от картотеки к книжным полкам, затем к каталогу микрофильмов и снова к книжным полкам, а дядя Арт тем временем, удобно устроившись в одном из мягких кресел центрального холла, листал подшивки газет и журналов за последние два месяца.

Литературы, напрямую посвященной семейству Борджа и тем более колоколу, здесь не было, и Дуэйну пришлось перелопатить немало книг, прежде чем он нашел первые сведения. Это была небольшая заметка в одном длинном исследовании, посвященном коронации пап римских.

Итальянцы и их соседи, живущие за Пиренейским хребтом, были просто шокированы, когда на конклаве 1455 года его высокопреосвященство дон Алонсо-и-Борха, архиепископ Валенсии, кардинал Кватро Коронати, в возрасте семидесяти семи лет был избран папой. Некоторые считали, что основным поводом к этому избранию послужили его преклонные годы и вполне очевидные недуги: конклаву нужен был слабый папа и никто не сомневался, что Борджа — так итальянцы переделали его исконное испанское имя — окажется именно таким.

Но, став папой Каликстом III, Борджа, казалось, обрел источник энергии в своем высоком чине, занялся укреплением папской власти и весьма преуспел на этом поприще. Кроме того, он замыслил и организовал новый — и, как оказалось, последний — Крестовый поход против турок, все еще удерживавших за собой Константинополь.

Дабы запечатлеть в анналах истории свое папство и возвышение семейства Борджа, Каликст велел отлить огромный колокол из металла, добываемого в легендарных копях Арагона. Колокол был отлит. Согласно легенде, железо для него было взято из так называемого Звездного Камня Коронати — по всей видимости, метеорита, — служившего источником самого чистейшего металла, с кото-

рым уже на протяжении нескольких поколений работали лучшие кузнецы Валенсии и Толедо. В 1457 году колокол был выставлен на обозрение публики в Валенсии, а затем в сопровождении величественной процессии отправлен в Рим. По пути процессия останавливалась во всех крупных городах провинций Арагон и Кастилия, дабы и там колокол могли увидеть все желающие. И эта задержка оказалась роковой.

Великолепный колокол Каликста торжественно прибыл в Рим 7 августа 1458 года. Однако восьмидесятилетний папа не смог его увидеть. Он умер накануне ночью.

Дуэйн тщательно изучил оглавление книги и внимательно просмотрел ее от начала до конца, но больше никаких упоминаний о колоколе Каликста не обнаружил. Тогда он вновь вернулся к каталогу и выписал шифры нескольких изданий, содержащих сведения о Родриго — племяннике папы Каликста.

Информации о Родриго было море. Дуэйн торопливо исписывал лист за листом, довольный тем, что захватил с собой несколько блокнотов.

На заседании конклава 1458 года двадцатисемилетний кардинал Родриго Борджа развил необычайно кипучую деятельность. Не имея ни малейших шансов на избрание папой, молодой Борджа проявил необычайную дальновидность и всеми силами способствовал выборам следующего понтифика, обеспечив поддержку архиепископу Энеа Сильвио Пикколомини, который покинул конклав папой Пием II. Пикколомини не забыл помощь юного кардинала, оказанную в тяжелое время, и папа Пий II позаботился о том, чтобы последующие несколько лет стали весьма плодотворными для Родриго Борджа.

Однако никаких упоминаний о колоколе Дуэйну не встретилось. Он по диагонали пробежал еще два тома и уже почти пролистал третий, когда наткнулся еще на одно свидетельство.

Это была история, записанная самим Пикколомини. Папа Пий II оказался прирожденным летописцем — скорее историком, чем теологом. Его заметки о конклаве 1458 года во всех подробностях рассказывали о том, какую именно поддержку получил архиепископ Пикколомини от кардинала Родриго Борджа и насколько важной и полезной она оказалась. Затем в отрывке, посвященном празднованию Вербного воскресенья в 1462 году, то есть четырьмя годами позже, Пий описал необыкновенную про-

цессию в честь прибытия в Рим головы святого Андрея Первозванного. Прочитав об этом, Дуэйн чуть улыбнулся: пышное празднество в честь прибытия головы показалось ему забавным.

Отрывок был довольно многословным.

Все кардиналы замечательно украсили свои дома... Однако Родриго, наш вице-канцлер, своим искусством, стараниями и расходами превзошел всех. Его огромный, высокий дом, выстроенный на месте прежнего монетного двора, был полностью покрыт богатыми и прекрасными гобеленами. Помимо того, он воздвиг величественный балдахин, украшенный множеством самых разнообразных и поистине удивительных сокровищ. Над балдахином, обрамленным изысканной резьбой по дереву, висел огромный колокол, созданный по заказу брата вице-канцлера, нашего предшественника на престоле. Несмотря на его относительную новизну, колокол считают талисманом и источником могущества семейства Борджа.

Процессия остановилась перед жилищем вице-канцлера, дабы насладиться звучащими там мелодичными песнями и серенадами, а также полюбоваться сияющим золотом дворцом-крепостью, который, по слухам, пышностью не уступает дворцу Нерона. По случаю большого праздника Родриго украсил не только собственный дворец, но и близлежащие дома, так что все пространство вокруг походило на прекрасный, утопавший в роскоши сад. Мы предложили освятить жилище Родриго, его земли и сам колокол, но вице-канцлер отказался от нашей милости, сообщив, что колокол некоторым образом уже был освящен двумя годами ранее, по окончании строительства дома. Немало пораженные, мы продолжили путь, и повсюду нас и нашу бесценную реликвию сопровождали почти-тельные приветствия толпы.

Дуэйн покачал головой, поправил вечно съезжающие на кончик носа очки и улыбнулся. Мысль о том, что этот колокол, всеми забытый, висит в заколоченной башне Старой центральной школы, казалась невероятной.

Он еще раз перечитал свои заметки, потом взял с полок еще несколько книг и вернулся на место.

Новая информация не заставила себя ждать.

Третий лагерь находился на склоне холма, примерно в четверти мили от кладбища. Чащоба здесь была почти непроходимая, во многих местах ветви деревьев едва не касались земли, а сквозь

заросли кустов было почти невозможно продрасться, кроме разве что по нескольким охотничьим тропам или вдоль узкой просеки, по которой водили на водопой скот. Сам лагерь, откуда ни посмотри, выглядел сплошным скопищем кустов: переплетение стволов толщиной с запястье окружало его стеной, а ветви, соединяясь с низко растущими кронами деревьев, создавали нечто вроде шатра. Но стоило в определенном месте опуститься на колени и проползти по запутанному лабиринту стволов — и перед вами открывался вход в чудеснейшее место.

Первыми прибыли Дейл и Лоренс, они запыхались и поминутно оглядывались через плечо, слыша крики Маккоуна и его компании, которые отстали от них всего лишь на сотню ярдов. Уверившись, что их никто не видит, они быстро пригнулись и на четвереньках проползли по траве в третий лагерь.

Внутри они чувствовали себя так же спокойно и безопасно, как в родном доме: зеленые стены окружали почти идеально круглую площадку диаметром восемь футов, причем в толще стен имелись амбразуры, позволяющие видеть все, что творится вокруг, не рискуя быть замеченными снаружи. Какой-то каприз природы создал на склоне холма почти горизонтальный участок, хотя совсем рядом был достаточно крутой спуск. Короткая мягкая трава делала площадку гладкой, как поле для гольфа.

Однажды Дейл оказался здесь во время летнего ливня и остался почти таким же сухим, как если бы сидел дома. А одной снежной зимой они с Майком и Лоренсом лишь с огромным трудом нашли этот лагерь: отсутствие привычной листвы сделало его совершенно другим и практически неузнаваемым. А когда они заползли внутрь, то с удивлением обнаружили здесь полное отсутствие снега: плотное сплетение стволов и ветвей защищало убежище так же надежно, как летом.

И вот теперь братья лежали внутри, задыхаясь от быстрого бега, но стараясь не выдать себя ни единым звуком, и прислушивались к взволнованным крикам преследователей, ломившихся через лес.

— Они побежали вот сюда! — донесся вопль Чака Сперлинга, бежавшего по старой тропинке, которая проходила футях в двадцати от тайника.

Внезапно совсем близко послышался треск и хруст ветвей. Дейл с Лоренсом уже схватили на изготовку заранее припасен-

ные палки, но тут из тайного лаза на площадку вывалился Майк О'Рурк. Его лицо горело ярким румянцем, глаза сверкали, а на лице алела свежая царапина, оставленная острым сучком. Майк широко ухмылялся.

— Где они?.. — начал было Лоренс.

Майк быстро зажал ему рот ладонью и покачал головой.

— Совсем рядом, — едва слышно прошептал он.

Все трое упали ничком на траву, уткнув лица в землю.

— Черт побери! — слышался голос Диггера Тейлора не дальше чем в пяти футах выше по склону. — Я точно видел, что О'Рурк побежал сюда.

— Барри! — крикнул из-за кустов Чак Сперлинг. — Ты видел их там?

— Не-а, — слышался ответ одного из Фусснеров. — Здесь никто не пробегал.

— Дерьмо! — выругался Диггер. — Я же видел его. И эти ублюдки Стюарты тоже бежали в эту сторону.

Лоренс сжал кулаки и начал угрожающе подниматься на ноги, но Дейл рывком уложил его обратно, хотя здесь, в третьем лагере, можно было стоять в полный рост, не боясь, что тебя увидят. Тем не менее старший брат знаком приказал младшему молчать и улыбнулся при виде гневного румянца, вспыхнувшего у того на щеках, — верный признак того, что Лоренс готов, опустив, подобно молодому бычку-трехлетку, голову, мчаться на врага. Такую картину Дейлу приходилось наблюдать достаточно часто.

— Может, они взобрались обратно на холм или вернулись на кладбище? — предположил Джерри Дейзингер, стоявший футах в пятнадцати от затаившихся ребят.

— Сначала вообще все здесь, — скомандовал Сперлинг тем противно высокомерным тоном, каким он обычно разговаривает на тренировках «малой лиги» только потому, что их проводит его отец.

Майк, Дейл и Лоренс замерли с палками наперевес, прислушиваясь к треску ломаемых веток: преследователи отчаянно продирались сквозь кусты. Кто-то из них даже ударил палкой по южной стене третьего лагеря, но она отозвалась глухим звуком плотной массы. Тому, кто не знал всех зигзагов подхода с востока, завершавшегося узким, как канализационная труба, лазом, никогда не попасть в это убежище.

По крайней мере, все трое горячо на это надеялись.

С дальнего конца тропинки донеслись победные крики.

— Они схватили Кева, — прошептал Лоренс.

Дейл кивнул и снова зажал брату рот.

Несколько пар ног протопали в ту сторону. Крики стали громче.

Майк сел, стянул с себя полосатую летнюю рубашку и бросил ее на траву.

— Думаешь, Кевин может нас выдать? — спросил Дейл.

Майк усмехнулся:

— Только не третий лагерь. Возможно, он покажет им пятый лагерь... или пещеру... Но только не этот.

— О пятом номере они знают с прошлого лета, — заметил Лоренс, которому наконец позволили говорить. — А в пещере мы вообще больше не бываем.

Майк опять улыбнулся.

Мальчики провалялись в убежище еще примерно полчаса, отдыхая после азартной беготни по склонам и по доносившимся издали крикам стараясь определить местоположение противника, сочувствовали несчастью Кевина — он будет «пленником», если не согласится перейти на их сторону, — и выворачивали карманы в поисках хоть какой-нибудь еды. Никто не захватил с собой чего-нибудь существенного, но Майк обнаружил в кармане джинсов яблоко, Дейл — шоколадку «Херши» с миндалем, правда почти растаявшую, а Лоренс — несколько заваливавшихся конфет. Все трое с удовольствием уплели импровизированный обед и полежали еще, наблюдая за игрой крошечных бликов солнечного света, почти невидимого за плотной завесой листьев.

Наконец ребята собрались покинуть лагерь. Но в самый разгар обсуждения безопасных путей отхода и возможности устроить противнику засаду возле карьера Майк внезапно шикнул и указал куда-то наверх.

Дейл лег на живот и почти прижался лицом к веткам, пытаясь найти нужный угол обзора и посмотреть, что происходит вокруг.

Прямо перед его носом стояли ботинки. Высокие коричневые мужские ботинки. На секунду Дейлу показалось, что ноги неизвестного обмотаны грязными бинтами, но он тут же вспомнил рассказ Дуэйна о Солдате... Дуэйн, кажется, говорил, что на но-

гах у того Солдата тоже были какие-то тряпки. Как он назвал их? Ах да, вроде бы «обмотки». В шести футах от третьего лагеря стоял какой-то парень в тяжелых ботинках и обмотках. А чуть выше Дейл разглядел что-то похожее на шерстяную ткань коричневого цвета.

— Что там? — шепотом спросил Лоренс, пытаясь тоже что-нибудь увидеть.

Дейл обернулся и прижал ладонь к губам брата. Тот протестующе замотал головой и оттолкнул руку брата, но все-таки замолчал.

Когда Дейл вновь заглянул в щелочку между ветками, там никого не было.

В этот момент Майк стукнул его по плечу и мотнул головой в сторону восточной стены.

У самого входа в их тайное убежище шуршали под тяжелыми шагами листья и с треском ломались ветки.

Дуэйн нашел гораздо больше сведений о семействе Борджа, чем ожидал.

Он быстро листал книги и лихорадочно пробегал глазами нужные страницы. Такой способ быстрого чтения он использовал в тех случаях, когда возникала необходимость за короткое время запихнуть в голову огромное количество информации. Ощущение при этом возникало довольно странное — нечто похожее Дуэйну доводилось испытывать, когда сбивалась настройка приемника и одна станция накладывалась на другую. От такого чтения Дуэйн быстро уставал, даже голова начинала кружиться, но сейчас у него не было выбора. Дядя Арт вряд ли был расположен провести в библиотеке целый день.

Первое, что Дуэйн узнал сегодня, — это то, что все известное о Борджа «широкому читателю» было либо вообще неправдой, либо правдой, но сильно искаженной. На минуту он поднял голову и, грызя дужку очков, уставился в пространство, думая о том, что это открытие относительно недостоверности распространенных убеждений в полной мере относится и ко всему, что ему самому довелось узнать за последние годы. Все в жизни не так просто, как зачастую полагают недалекие люди. Вполне возможно, что это общий закон вселенной. Если так, то отныне ему предстоит

прежде всего забыть то, чему он успел научиться. Дуэйн оглядел бесчисленные полки с книгами — сколько их здесь? тысячи? миллионы? — и почувствовал себя обескураженным при мысли о невозможности прочесть все, что здесь написано, выслушать обе спорящие стороны, узнать все противоречивые факты и оценить выводы, сделанные на их основе. А сколько томов хранится в библиотеках Йеля, Принстона, Гарварда и множества других университетов? Как бы ему хотелось в них поработать!

Дуэйн тряхнул головой, отвлекаясь от грустных размышлений, снова надел очки и просмотрел свои записи.

Прежде всего, Лукреция Борджа скорее пала жертвой клеветнических нападок, чем действительно была виновна в страшных преступлениях, описанных в легендах, которые он слышал: никакие перстни с ядом не впились в руки ее любовников или гостей за обеденным столом, не было и пиршеств, завершавшихся ко времени десерта горами трупов. Нет, определенно Лукреция была опорочена злыми языками. Дуэйн окинул взглядом тома, стопкой лежащие на столе: «История Италии» Гвиччардини, «Государь» и «Лекции» Макиавелли, а также отрывки из его «Истории Флоренции», многословные «Комментарии» Пикколомини-Пия, том Грегоровиуса о Лукреции, «Записки» Бурхарда, ежедневно фиксировавшего бытовые мелочи жизни папского двора того периода.

Но больше ни слова о колоколе.

Потом, совершенно интуитивно, Дуэйн решил просмотреть первоисточники, касающиеся Бенвенуто Челлини, одного из любимых исторических персонажей Старика, хотя Дуэйну было известно, что этот великий художник родился в 1500 году, то есть через восемь лет после восхождения на престол Родриго Борджа, ставшего папой Александром VI.

Как оказалось, Челлини описал свое заключение в замке Сант-Анджело, огромном бесформенном каменном массиве, возведенном за полторы тысячи лет до описываемых событий по приказу императора Адриана, который пожелал сделать его семейной усыпальницей. Папа Александр — Родриго Борджа — приказал укрепить и перестроить огромный мавзолей, дабы превратить его в собственную резиденцию. Одеты в камень и покрытые вековой пылью залы и переходы, более тысячелетия видевшие только мертвецов, стали домом и крепостью папы из семьи Борджа.

Челлини писал и об этом.

Я был заключен в мрачную подземную темницу, располагавшуюся ниже уровня сада, которая периодически затоплялась водой и была полна пауков и ядовитых гадин. Швырнув на пол драный тюфяк из грубой пеньки и лишив меня ужина, тюремщики заперли за мной четыре двери... Всего лишь полтора часа в день мог я видеть крохотный лучик света, который пробивался в эту злосчастную камеру через крохотное оконце. Всю остальную часть дня и ночи я был обречен на пребывание в кромешном мраке. И это узилище было, как говорят, наименее ужасным в этих катакомбах. От моих товарищей по невзгодам я узнал о несчастных душах, которые провели свои последние дни в несравненно худших условиях — в омерзительно грязных казематах, устроенных глубоко под землей, у самого дна вентиляционного колодца, внутри которого висел печально известный колокол жестокого и порочного папы Борджа. По Риму и провинциям ходили слухи, что этот колокол был отлит из нечестивого металла, несправедно освящен по еретическому обряду и до сих пор пребывает на том же месте как знак тайного сговора между бывшим папой и самим Сатаной. Каждый из нас, корчившихся на покрытых зловонной водой камнях и питавшихся гнилыми отбросами, знал, что звон колокола Борджа будет означать пришествие конца света. Признаюсь, были времена, когда я жаждал услышать голос этого предвестника смерти.

Дуэйн лихорадочно записывал факты, становившиеся все более и более любопытными. Ни в автобиографии, ни в записках Челлини упоминаний о колоколе больше не встретилось, но в одном из отрывков о художнике Пинтуриккьо — очевидно, более близком, чем Челлини, современнике папы Александра VI — он обратил внимание на фразу, начинавшуюся словами:

Милостью и повелением папы...

Дуэйн пробежал глазами абзац, желая убедиться, что речь идет о папе Александре VI, урожденном Родриго Борджа. Да, в тексте говорилось именно о нем:

Милостью и повелением папы этот глухой карлик, жалкий маляр...

Дуэйн еще раз наскоро просмотрел текст в поисках упоминания имени «маляра». Да, действительно, Челлини писал о Пинтуриккьо, художнике Борджа:

...столь же подлый внутренне, сколь и отвратительный внешне, получил заказ на роспись стен в башне Борджа. Созданные им фрески оказались на удивление странными и причудливыми, особенно те, что украшали зал Таинств веры в унылых и мрачных апартаментах Борджа.

Дуэйн оторвался от чтения записок Бенвенуто Челлини, дабы выяснить что-нибудь о башне Борджа. Путеводитель по Ватикану сообщал, что это массивная башня, которую папа Александр VI приказал пристроить к папскому дворцу. Предыдущее архитектурное добавление, сделанное по приказу папы Сикста IV, представляло собой темный и насквозь продуваемый коридор, похожий на склад, который получил название «Сикстинская капелла». Папа Иннокентий повелел соорудить очаровательный летний дворец — Палаццетто — на самой высокой точке садов Бельведера. Борджа возвел башню, спроектированную вместе с массивной колокольной, венчающей высокое крепостное сооружение с колоннами. Никто, кроме самого папы и его незаконнорожденных детей, не имел доступа в эту колокольную, скрытую за множеством всегда запертых дверей и тайных ходов.

Дуэйн вернулся к чтению отрывка из Бенвенуто Челлини.

В поисках вдохновения и сюжетов для фресок в апартаментах Борджа Пинтуриккьо по приказу понтифика спустился в Мертвый город, расположенный под землей Рима. Но отправился он не в те катакомбы, где покоились освященные останки христиан, а в район раскопок на месте и поныне величественного в своем славном упадке языческого Рима.

Говорили, что Пинтуриккьо водил в эти подземные экспедиции своих учеников и любопытных художников. Вообразите теперь отблески света факелов на каменных стенах, хранящих память о великих цезарях, проемы дверей, за которыми когда-то располагались жилые помещения, лабиринты переходов, уцелевшие дома и даже улицы мертвого Рима, извивающиеся, словно артерии, под заросшими травой узкими аллеями нашего живого, но утратившего гордое величие города... Вообразите возгласы, раздающиеся, когда

Пинтуриккьо, смело разогнав гигантских крыс и стаи летучих мышей, поднимает свой факел, чтобы осветить рисунки, созданные язычниками, жившими здесь более полутора тысячелетий тому назад.

Этот маленький человечек, нечестивый грешник и великий живописец, перенес языческие образы и сюжеты в апартаменты папы Борджа, в его башню. Он покрыл ими стены, арки и потолки личных покоев порочного папы и даже висевший в башне массивный железный колокол, считавшийся талисманом рода Борджа.

Несведущие люди и поныне называют эти бесстыдные образы гротесками, поскольку они были скопированы с изображений, найденных в нечестивых подземных пещерах, или гротах, которые скрываются во мраке римских подземелий.

— Ты еще не собираешься уходить? — послышался за спиной Дуэйна голос дяди.

Мальчик подпрыгнул от неожиданности, поправил очки и выдавил слабую улыбку.

— Подожди немного, — попросил он. — Я уже почти закончил.

Пока дядя Арт бродил среди стеллажей, с любопытством разглядывая корешки стоящих на полках книг, Дуэйн лихорадочно листал оставшиеся тома и быстро, но внимательно просматривал страницу за страницей. Он нашел еще только одно упоминание о колоколе, и снова оно было связано с искусством живописца по имени Пинтуриккьо:

Но в помещении, которое вело из зала Таинств веры к всегда запертой лестнице внутри колокольни, в помещении, входить в которое разрешалось только самим Борджа, художник наиболее точно и полно воспроизвел те погребенные под землей и уже забытые фрески, что изучал при свете факелов под стук падающих с влажных камней капель. Впоследствии это помещение стали называть залом Святых, из-за созданных там Пинтуриккьо семи огромных фресок. Выполняя свою миссию, художник заполнил всю поверхность между фресками, все арки, колонны, каждый закоулок сотнями — некоторые эксперты считают, что тысячами, — изображений быков.

Загадка заключалась не в том, что быки появились в сюжетах живописца, и тем более в этом секретном зале, ибо бык служил эмблемой дома Борджа, а смирный буйвол уже давно стал олицетворением папской власти.

Однако быки, бесконечно повторяющиеся изображения которых заполняли стены темных проходов, ниш и подступов к запретной лестнице, не имели с этими символами ничего общего.

Они не походили ни на благородную эмблему дома Борджа, ни на мирно пасущегося буйвола. Бесчисленные фигуры животных, заполняющие апартаменты, представляли собой стилизованный, но тем не менее безошибочно узнаваемый вариант быка Осириса, божественного владыки царства мертвых Древнего Египта.

Дуэйн захлопнул книгу и снял очки.

— Ну, ты готов наконец? — спросил дядя Арт.

Дуэйн молча кивнул.

— Тогда давай заглянем в «Макдональдс» на дороге к Военному мемориалу, — предложил Арт. — Их гамбургеры стоят теперь четверть доллара, но они довольно съедобные.

Дуэйн снова рассеянно кивнул и пошел за дядей Артом к выходу.

Звук шагов около третьего лагеря внезапно исчез — да, не затих, не удалился, а именно исчез... пропал. В тревожном ожидании Майк, Дейл и Лоренс съежились у низкого входа и, стараясь не наделать шума, едва осмеливались дышать. Лесные голоса доносились до них совершенно отчетливо. Где-то далеко за холмом сердито зацокала белка, — видимо, что-то нарушило ее покой. Потом послышался отдаленный крик кого-то из компании Чака Сперлинга, — похоже, они сейчас около южного склона карьера. Еще через минуту в верхушках деревьев на другом холме, за кладбищем, раздалось громкое карканье вороны. Но с той стороны, где за кустами только что стоял Солдат, не доносилось ни звука.

Дейл вновь распластался у своего наблюдательного пункта, но ничего не увидел.

Неожиданно ребята услышали громкий шум, чьи-то шаги гулко затопали по тропинке, а следом на восточной стороне убежища зашуршали листья и качнулись ветки кустов, будто кто-то с трудом прокладывал себе путь по извилистому проходу. Дейл отпрыгнул назад и угрожающе поднял палку. Майк сделал то же самое, заняв позицию по другую сторону от лаза. Лоренс с камнем наготове встал в боевую стойку.

Ветки раздвинулись, листья с шумом затрепетали — и на площадку выполз Кевин Грумбахер.

Дейл и Майк облегченно вздохнули и обменялись взглядами.

— Вы что, решили вышибить мне мозги? — усмехнулся Кевин.

— Мы подумали, что ты — это они, — пробормотал Лоренс, с явным сожалением опуская занесенный камень. Он обожал всяческие потасовки.

Дейл непонимающе моргнул, но тут же догадался, что Майк и Лоренс не видели стоявших возле убежища ног в обмотках и, наверное, действительно решили, что виновник шума — кто-то из команды Сперлинга.

— Ты один? — спросил Майк, наклоняясь, чтобы заглянуть в лаз.

— Конечно один. Неужели я притащил бы сюда кого-нибудь? Лоренс подозрительно уставился на Кевина:

— А ты не продал им наше убежище, а?

Парень метнул на него испепеляющий взгляд и, проигнорировав дерзкий вопрос, повернулся к Майку:

— Они заявили, что разрешат мне перейти на их сторону, если я скажу, где наши лагеря. Но я не согласился. Тогда эта сволочь Фусснер связал мне руки за спиной какой-то веревкой, и они стали таскать меня за собой, словно пленника или какого-то раба.

Кевин вытянул вперед руки, чтобы показать красные следы от веревок, оставшиеся на запястьях и предплечьях.

— Как же ты сбежал? — поинтересовался Дейл.

Кевин снова усмехнулся, и его усмешка, с крупными, забавно торчащими вперед зубами и подпрыгивающим холмиком адамова яблока, странным образом выражала высочайшую степень довольства собой.

— Когда они отправились вас искать, Фусснеру надо было охранять меня, и он отстал от остальных. Так этот идиот привязал меня к дереву и побежал вверх по тропе, чтобы посмотреть, куда побежали остальные. Но пальцы-то у меня были свободны, поэтому я быстренько придвинулся к стволу и распутал узлы.

— Оставайтесь здесь, — шепотом приказал Майк и выскользнул наружу так осторожно, что ни одна ветка не шелохнулась.

Ребята ждали его в полном молчании: Кевин все еще потирал свои запястья, Лоренс дожевывал конфету, Дейл напряженно прислушивался, не раздадутся ли снаружи крики, шум схватки или

еще какие-либо свидетельства того, что парень, которого он видел, все еще там.

Майк быстро вернулся назад:

— Они убрались отсюда. Я слышал их голоса где-то возле Шестого окружного. Похоже, Сперлинг и Дигтер отправились домой.

— Точно, — подтвердил Кевин. — Они сказали, что им это уже надоело и дома есть дела поважнее. Дейзингер хотел, чтобы они остались. А Фусснеры всегда заодно с Чаком.

Майк кивнул:

— Дейзингер и Маккоун вернутся тут неподалеку, ждут, когда мы выйдем, чтобы налететь на нас из засады. — И он, взяв палочку, принялся чертить план на маленьком клочке не заросшей травой земли у самого лаза. — Насколько я знаю Джерри, он вернется к карьере и спрячется там за каким-нибудь пригорком так, чтобы обязательно заметить нас, откуда бы мы ни пришли — с пастбища дяди Генри и тети Лины или из леса со стороны Цыганской дороги. Они с Бобом наверняка затаятся вот тут... — Майк нацарапал несколько линий, изображавших тропы и очертания прудов, а потом нарисовал нечто похожее на холм, обозначавшее насыпь на западной стороне гравийного карьера. — Помните, на самой вершине холма есть небольшая впадина?

— Да, пару лет назад мы устраивали там лагерь, — кивнул Дейл.

— А я что-то не помню, — покачал головой Лоренс.

Дейл шутливо ткнул брата в бок:

— Ты был тогда еще сосунком, и мы не брали тебя с собой. — Он снова посмотрел на Майка. — Ну, давай дальше.

Майк продолжал чертить на земле — теперь уже карту другого участка: третий лагерь, сам холм, пастбище позади кладбища и тот склон, где, как он предполагал, устроили засаду Дейзингер и Маккоун.

— Они будут смотреть сюда, сюда и сюда. — Он стрелками указал на юг, восток и запад. — Но если мы укроемся вот за этими соснами на южном склоне, то сумеем подобраться к ним незамеченными.

Кевин хмуро оглядел карту:

— Но футов пятьдесят придется бежать по открытой местности. На этом холме, кроме грязи, ничего нет.

— Правильно, — кивнул Майк и лукаво улыбнулся. — Мы должны продвигаться совершенно бесшумно. Но вы же помните, какой у них обзор. Если мы сумеем подойти тихо, то окажемся чуть выше и позади них — эти ослы даже не поймут, откуда мы взялись.

Дейл почувствовал, как его охватывает азарт охоты:

— К тому же по пути мы сможем набрать уйму комьев грязи и будем вооружены что надо.

Кевин продолжал хмуриться:

— Все так, но если они нас застукают, то нам крышка. Уж они-то точно будут бросаться камнями.

— Если дело дойдет до этого, — сердито сказал Майк, — мы тоже можем взять камни. — Он оглядел свою маленькую гвардию. — Ну, кто «за»?

— Я! — выкрикнул Лоренс, прямо-таки сиявший от предвкушения драки.

— И я, — присоединился к брату Дейл.

Он продолжал изучать карту и не переставал удивляться, как это Майк сумел с ходу разработать такой сложный план. Каждый отрезок их маршрута между третьим лагерем и холмом был максимально скрыт от глаз неприятеля. Дейл сам уже изучил эти места вдоль и поперек, но ему и в голову бы не пришло использовать в качестве прикрытия, например, грязную сточную канаву позади кладбища.

— Ладно, — кивнул он. — Давайте попробуем.

Кевин пожал плечами:

— Только чтобы они не взяли меня снова в плен.

Майк улыбнулся, поднял сжатый кулак и нырнул в лаз. Остальные, стараясь не шуметь, последовали за ним.

— Ты, кажется, чем-то озабочен, малыш? — уже в машине спросил дядя Арт, искоса бросив взгляд на Дуэйна. — Может, я могу чем-нибудь помочь?

Дорога как раз спускалась в долину реки Спун. На небе не было ни единой тучки, и после нескольких часов, проведенных в искусственной прохладе библиотеки, июньская жара казалась еще более нестерпимой. Несмотря на включенный в салоне машины кондиционер, духота казалась мучительной, и Арт опустил

стекла, надеясь, что легкий сквозняк принесет хоть какое-то облегчение.

Дуэйн заколебался. Ему почему-то казалось, что не стоит рассказывать все дяде Арту. А с другой стороны, почему бы и нет? Ведь он всего лишь старается найти кое-какие материалы, касающиеся истории Старой центральной школы. Машина с ревом промчалась по мосту через Спун. Дуэйн посмотрел вниз, на темную, стремительно несущуюся к северу воду, на низко нависающие над поверхностью ветви деревьев и снова перевел взгляд на дядю. А действительно, почему бы и нет?

И Дуэйн пересказал дяде все, что узнал о колоколе Борджа из газетных статей, о записках Челлини, которые он только что прочел в библиотеке. Закончив, он вдруг почувствовал странную усталость и непонятно откуда взявшееся смущение — как будто только что открыл душу и поведал о себе нечто постыдное. Но в то же время он испытывал невероятное облегчение.

Дядя Арт не проронил ни слова — он негромко насвистывал какой-то мотивчик и в такт ему постукивал пальцами по рулю, сосредоточенно глядя вперед. Однако взгляд его голубых глаз был, казалось, устремлен вовсе не на уходящую вдаль Хард-роуд, а на что-то совсем другое. Вскоре машина свернула направо и оказалась на проселочной дороге, отходящей к северу, в сторону Шестого окружного шоссе. Колес здесь были очень глубокими, и, чтобы не повредить камнями днище и бамперы «кадиллака», дядя Арт сбросил скорость почти до минимума.

— Ты думаешь, что этот колокол может все еще висеть там? — спросил он наконец. — Что он до сих пор в школе?

Дуэйн поправил очки.

— Не знаю, — ответил он. — Я никогда не слышал о нем. А ты?

Дядя Арт отрицательно покачал головой:

— Ни разу за все годы, что живу здесь. Правда, я переехал в эти места только после войны. Это семья твоей матери родом отсюда. Но все равно, если бы люди знали о колоколе, до меня дошли бы хоть какие-нибудь слухи.

Они подъехали к пересечению Шестого окружного шоссе и Джубили-Колледж-роуд, и дядя Арт замолчал. Его дом стоял в трех милях к востоку по Джубили-Колледж, но он должен был забросить Дуэйна домой. Впереди слева под сенью могучих вя-

зов и дубов виднелся бар «Под черным деревом». Несмотря на то что время едва перевалило за полдень, на площадке перед баром уже стояли несколько пикапов. Дуэйн предпочел не высматривать среди них машину Старика и отвернулся.

— Давай договоримся так, парень, — снова заговорил дядя Арт. — Я поспрашиваю про колокол в городе... Ну, например, у тех старых пердунов, с которыми часто болтаю о том о сем. И пошурю в своих книжках — нет ли там чего стоящего об этой чертовой штуке. Идет?

Лицо Дуэйна даже просветлело от радости.

— Думаешь, у тебя что-нибудь найдется?

Дядя Арт пожал плечами:

— Пока что это больше похоже на легенду, чем на правду. Но меня всегда интересовала всякая такая чертовщина, и мне нравится опровергать подобные бредни. Поэтому я загляну в свои справочники, в книгу Кроули...¹ В общем, поищу что-нибудь подходящее. Договорились?

— Отлично! — обрадованно воскликнул Дуэйн, чувствуя, будто гора свалилась с его плеч.

Прежде чем они спустились с холма, Дуэйн все же глянул в сторону бара. Пикапа Старика на стоянке не было! В конце концов, сегодняшний день может оказаться неплохим. Проезжая мимо кладбища, Дуэйн обратил внимание на кучу велосипедов у задней стены, — наверное, где-то там, в лесу, Дейл с ребятами. Дуэйн хотел было попросить дядю Арта остановиться, но тут же передумал. Конечно, было бы хорошо отыскать друзей и рассказать им о своих находках, но он и так сегодня достаточно долго увиливал от своих домашних обязанностей.

Старик был дома. Больше того, он, совершенно трезвый, трудился в огороде, занимавшем примерно три четверти акра. Несмотря на покрасневшее на солнце лицо и волдыри на руках, Старик пребывал в отличном настроении. Дядя Арт остался у них

¹ *Алистер Кроули* (1875–1947) — британский чернокнижник, противник христианства. Основал религию, центром которой сделал собственную личность, и называл себя «библейский зверь по имени 666». У Кроули было много приверженцев, особенно среди немолодых женщин. Практиковал жертвоприношения животных, некоторые из проповедуемых им ритуалов имели сексуальную направленность и включали применение сильных галлюциногенов. Написал «Книгу Тота». (Тот — египетское божество мудрости, магии и обучения.)

выпить пива, и Дуэйн, присев рядом и потягивая свою колу, с удовольствием слушал, как братья добродушно подшучивают друг над другом. О колоколе дядя Арт не упомянул.

После его отъезда Дуэйн закатал рукава фланелевой рубашки и вместе со Стариком принялся за прополку грядок. Они работали в согласном молчании примерно часа полтора-два, затем вернулись в дом, помылись, и Старик поднялся наверх подправить кое-что в одной из своих новых машин, а Дуэйн отправился в кухню, чтобы приготовить на ужин гамбургеры с рисом и сварить кофе.

За ужином они болтали о политике. Старик вспоминал о своей работе в команде Эдлая Стивенсона¹ во время предыдущих выборов.

— Я мало что знаю о Кеннеди, — заметил он. — Он, скорее всего, будет одним из реальных претендентов, но я никогда не доверял этим миллионерам. Хотя... Будет хорошо, если на выборах победит католик: хоть и слабый, но все же удар по дискриминации в этой стране.

И отец рассказал Дуэйну о провале избирательной кампании Альфреда Э. Смита² в 1928 году.

Дуэйн, конечно, читал об этом, но внимательно слушал и с подчеркнутым интересом кивал, счастливый уже самой возможностью поговорить со Стариком, когда тот трезвый и ни на кого не злится.

— Так что для католика шансы стать президентом весьма невелики, — заключил тот.

Старик посидел минуту, словно анализируя правоту собственных выводов, затем встал, убрал со стола, ополоснул под краном тарелки и отставил их в сторону для последующего, более тщательного мытья.

Дуэйн бросил взгляд за окно. Было еще только начало шестого, довольно рано, но тень от тополя, что рос позади дома, уже дотянулась до стен.

¹ *Эдлай Стивенсон* (1900–1965) — политический деятель США. По образованию юрист. В 1952 и 1956 гг. был кандидатом на пост президента США от Демократической партии.

² *Альфред Э. Смит* (1873–1944) — губернатор штата Нью-Йорк, демократ, в 1928 г. баллотировался на пост президента США. Первый в истории страны кандидат-католик. Проиграл выборы республиканцу Эдгару Гуверу.

— Ты уходишь куда-нибудь сегодня вечером?

Вопрос был задан равнодушным тоном, хотя на самом деле Дуэйн страшился и долго не решался произнести его вслух.

Старик минуту помолчал, будто обдумывая ответ. Мойка уже почти наполнилась горячей водой, и очки его запотели от пара. Он снял их и вытер полой рубахи.

— Наверное, нет, — наконец проговорил он. — Мне нужно поработать в мастерской. Да и не пора ли нам с тобой закончить ту партию в шахматы, которую начали на прошлой неделе?

Дуэйн кивнул и допил кофе.

— Пойду, пожалуй, займусь пока делами, — сказал он, вставая из-за стола.

Только оказавшись в амбаре с корзинкой для продуктов в руках, Дуэйн позволил себе радостно улыбнуться.

Внезапная атака увенчалась полным успехом.

Одолеть последние тридцать футов было нелегко: они по-пластунски проползли по грязному склону, не имея никакого прикрытия на случай, если Маккоун или Дейзингер вздумает выглянуть из засады. Но несмотря на некоторые помехи, вроде придушенного хихиканья Лоренса, все четверо с честью вышли из этого испытания и благополучно добрались до верха. Когда они как снег на голову свалились на Джерри и Боба, те смотрели совсем в другую сторону, а аккуратно сложенные в две кучки метательные снаряды лежали в шести футах за их спинами.

Майк кинул свой ком грязи первым и попал Бобу Маккоуну в спину, чуть выше пояса. Затем все шестеро открыли яростный огонь, забрасывая друг друга снарядами и старательно заслоняя лица во время броска, и в конце концов сошлись в рукопашной. Борьба продолжалась у самой вершины конусообразного холма, но вскоре Кевин, Дейзингер и Дейл потеряли равновесие и скатились вниз футов на тридцать. Кевин первым вскочил на ноги и ринулся за боеприпасами. Маккоун принялся швырять ему в спину комья грязи, но подскочивший Майк толкнул противника сзади, и теперь уже они оба, подняв тучу пыли, покатались по склону.

Борьба за первенство на холме — игра, известная под названием «король горы», — продолжалась с переменным успехом еще минут пятнадцать. Тех, кто завоевывал верхние позиции, тут же

сбивали с ног и стаскивали вниз, но они снова, осыпаемые градом снарядов, отважно карабкались к вершине. Наконец окончательно низверженные Маккоун и Дейзингер отступили к краю пруда и продолжили обстрел с большого расстояния. Их песенка была спета, но лихорадка тщеславия вызвала небольшую междоусобицу в команде Майка, и вскоре каждый сражался только за самого себя.

Ком грязи попал Дейлу прямо в солнечное сплетение. Удар был таким, что парень рухнул как подкошенный и минуты три не мог отдышаться.

А тем временем вокруг кипела настоящая битва.

Кувыркаясь после толчка вниз по склону, Майк ударился о торчащий из-под земли камень и разбил бровь. Рана была неглубокой, но крови вытекло устрашающее количество.

Дейзингеру удалось овладеть выигрышной позицией на самой вершине, но он имел неосторожность приподнять голову и тут же схлопотал кляп в рот — огромный ком был с силой брошен с довольно-таки близкого расстояния. Прижав ладони к губам и бешено, но невнятно ругаясь, Джерри скатился вниз и минуты две кругами ходил у подножия холма. Убедившись наконец, что все зубы на месте, он стер грязь с расквашенной нижней губы, размазав ее вместе с кровью по подбородку, и снова ринулся в бой.

Кевин случайно оказался как раз позади своего бывшего лидера, когда тот круто развернулся, чтобы швырнуть очередной снаряд, и в результате Кев схлопотал удар кулаком прямо в лоб. Военные действия мигом прекратились, бойцы изумленно застыли и с любопытством уставились на Грумбахера. Но тот обратил происшествие в шутку и не преминул воспользоваться моментом, дабы потешить почтенную публику. Он скосил глаза, закрутился на месте, делая вид, что теряет равновесие и ноги у него заплетаются, а потом опрокинулся на спину и заскользил по склону, изображая окостеневший труп. Ребята расхохотались и в знак одобрения засыпали его градом грязевых снарядов.

Именно Лоренс довел игру до кульминационного момента.

В какой-то момент он неожиданно остался один на вершине, в то время как остальные участники сражения продолжали борьбу у самого подножия холма. Исполненный гордости, мальчишка вскочил на бугорок возле того углубления, где еще недавно

сидели в засаде Маккоун и Дейзингер, вскинул руки над головой и крикнул:

— Я — король горы!

За мгновением всеобщего ошеломленного молчания последовали три залпа, и как минимум шесть или семь снарядов угодили точно в цель. В последний момент Лоренс успел отвернуться и спрятать лицо, а комья грязи продолжали беспрерывно лететь и разбивались о его ноги и спину. Рубашка тут же покрылась грязно-серыми пятнами, бейсболка слетела с головы.

— Эй! — предостерегающе закричал Дейл, жестами приказывая остальным прекратить огонь.

Лоренс не шелохнулся, а Дейл прекрасно знал, что если уж его брат заплакал, значит ему по-настоящему больно.

Но тут Лоренс вскочил, сделал грациозный медленный пируэт и, все еще окруженный облаком пыли, рухнул вперед.

Нет, он не то чтобы рухнул — скорее взмыл в воздух с грацией умирающего лебедя в исполнении каскадера из ковбойского фильма, сделал полный оборот в воздухе, вновь коснулся земли, а затем сложился пополам и исполнил еще один смертельный кульбит. Его широко разведенные в стороны ноги и руки болтались словно неживые. Ребята невольно отшатнулись, когда кувыркающееся тело пролетело над их головами, и заворуженно наблюдали, как оно плюхнулось на ровную полоску берега у самого края воды, перевернулось и замерло, бессильно уронив руку в пруд.

— У-у-у, — с восторженной завистью промышчал Кевин.

Остальные криками выразили свое полное одобрение.

Лоренс встал, стряхнул с одежды и волос пыль и изогнулся в глубоком поклоне.

С этого момента и в течение ближайших примерно пары часов, пока безмятежный день, угасая, переходил в ранний вечер, ребята умирали. По очереди стоя на вершине, они изо всех сил увертывались от летящих со всех сторон комьев земли, а когда снаряды попадали в цель, старательно изображали собственную гибель.

Самое комичное представление, конечно же, устроил Кевин. Он был похож на престарелого актера, который, будучи застреленным, старается поудобнее улечься на пол сцены и при этом еще придерживает на голове бейсболку. Дейзингер и Маккоун

проявили себя как лучшие крикуны и умирали в сопровождении оглушительных жалобных вздохов, стенаний и воплей. Майку удалось изобразить поистине несравненный по грациозности прыжок, к тому же он дольше всех оставался неподвижным: несмотря на непрекращающийся обстрел, он лежал не шевелясь и поднялся, лишь когда решил, что достаточно потешил публику. Дейл заслужил всеобщую хвалу, первым, так сказать, потеряв лицо: он пропахал физиономией бóльшую часть крутого откоса и здорово ободрал при этом кожу на носу и щеках.

Но Лоренсу все-таки удалось вернуть себе лавры победителя. Его финальный *coup de grâce*¹ оказался поистине сокрушительным. Сделав несколько спотыкающихся шагов назад, этот хитрец на полминуты скрылся из поля зрения соперников, и, в то время как все пятеро недоуменно ворчали, гадая, куда мог деться маленький бандит, он выпрыгнул словно ниоткуда и на высоте примерно тридцати футов пролетел над головами потрясенных наблюдателей. Дейл буквально рот разинул, и сердце у него вдруг подскочило и застряло где-то в горле, полностью лишив возможности дышать. Его первой мыслью было: «Боже милостивый, он же разобьется!» А в следующее мгновение ее сменила другая: «Мама меня убьет!»

Лоренс, однако, не разбился. И не умер. Прыжок был таким мощным, что мальчишка перелетел через каменные валуны — правда, всего лишь какими-то тремя дюймами выше — и плюхнулся в воду, окатив при этом Кевина и Майка каскадом брызг.

Этот участок пруда был самым мелким — глубина здесь едва достигала пяти футов, — и Дейл уже мысленно рисовал жуткую картину, представляя, как острая макушка свернутой набок головы брата медленно погружается в илистое дно. Он уже начал стягивать с себя футболку, чтобы нырнуть и попытаться спасти брата, прикидывая, сумеет ли сделать этому стервецу искусственное дыхание, когда Лоренс выскочил на поверхность. Личико его сияло, рот растянулся в торжествующей улыбке, выставив на всеобщее обозрение два далеко не идеальных ряда зубов.

На этот раз аплодисменты были совершенно искренними.

Теперь делом чести каждого было повторить, как выразился Кевин, «смертельный прыжок». Дейлу это удалось только после

¹ Последний удар, удар из милосердия к побежденному (*фр*)

трех фальстартов, да и то исключительно потому, что с берега за ним внимательно следили несколько пар глаз и отступать было нельзя. А пруд темнел так далеко... Несмотря на то что Дейл обладал достаточно высоким для шестиклассника ростом и соответственно длинными ногами, ему пришлось хорошенько разбежаться и как можно сильнее оттолкнуться от земляного вала над впадиной, чтобы благополучно миновать опасную каменистую гряду. Дейл никогда не решился бы на это — да и ни один из ребят тоже, — если бы собственными глазами не убедился, что такое вообще возможно. Когда с четвертой попытки он, к собственному немалому удивлению, все же добился успеха, первым, хотя и неосознанным его ощущением было завистливое восхищение братом.

В течение нескольких секунд Дейл Стюарт словно парил в высоте не меньше двадцати пяти футов, а внизу все еще простирался склон холма и поверхность пруда поблескивала так невозможно далеко за высушенной солнцем до твердости кирпича глинистой береговой полосой. Сила тяжести все же брала свое, и Дейл начал падать, размахивая руками и как будто лихорадочно крутя в воздухе педали невидимого велосипеда... сначала уверенный, что все закончится хорошо... потом абсолютно не сомневаясь, что вот-вот разобьется... Он плюхнулся в пруд буквально в нескольких дюймах от берега. Прохладная зеленая вода сомкнулась над ним, заполнила нос. Он заколотил ногами, чтобы оттолкнуться от заросшего водорослями дна, в конце концов снова оказался среди света и воздуха и завизжал от невообразимого восторга.

Ответом ему были приветственные крики и аплодисменты друзей.

Последним прыгал Кевин. Но прежде чем совершить головокружительный полет, он минут десять откашливался, что-то сосредоточенно бормотал себе под нос, определял направление ветра, проверял, хорошо ли завязаны шнурки... Остальным приходилось только ждать. Набравшись мужества, Кевин наконец оттолкнулся от точки отскока и с силой пушечного ядра взмыл в пустоту. Его прыжок оказался самым дальним: плотно сомкнув ступни и зажав пальцами ноздри, Кевин «солдатиком» вошел в воду футах в четырех от берега. Из всей компании только он

сохранил достаточно самообладания, чтобы предварительно снять футболку и джинсы и прыгать только в боксерах и теннисках.

Он вынырнул на поверхность, победно усмехаясь. Остальные в это время с радостными криками топили в воде его вещи. Кевин проворчал что-то по-немецки и проводил взглядом Лоренса, который прыгнул уже в шестой раз и ради разнообразия сделал сальто-мортале перед самым падением в воду.

Мокрые с ног до головы, ребята, чавкая кедами с водой, отправились на другую сторону пруда, чтобы теперь искупаться по-настоящему и понырять в самом глубоком месте со скал, возвышавшихся над прудом футов на восемь. Обычно они купались не здесь: обилие водяных ужей и родительские предостережения об опасности «бездонного карьера» делали свое дело, и чаще всего мальчишкам приходилось ждать, пока у кого-то из взрослых найдется время, чтобы отвезти их на машине к пруду Хартли, располагавшемуся неподалеку от дороги на Оук-Хилл. Вот почему это вечернее купание доставило всем особенное удовольствие.

Они провели на берегу еще около часа — Дейл даже задремал, но что-то неожиданно заставило его вздрогнуть во сне и мгновенно проснуться, — а потом решили поиграть в лесу в прятки.

— Ну, кто со мной? — с улыбкой оглядывая приятелей, в измятой, сморщившейся после сушки на кустах одежде, спросил Майк.

В его команду вошли Лоренс и Маккоун. Дав им пятиминутную фору, для чего, согласно бойскаутским правилам, пришлось досчитать до трехсот, Дейл, Джерри и Кев отправились на поиски. Дейл был уверен, что ни Майк, ни Лоренс не станут прятаться в их секретных убежищах.

Ребята гонялись друг за другом по лесу и пастбищу еще часа полтора, время от времени меняя состав команд и жадно припадая к бутылке с водой, которую Маккоун захватил из дому. Опустошив бутылку, они вновь наполнили ее водой из пруда. Зеленоватый цвет жидкости не вызывал доверия у Кевина, однако утолить жажду больше было нечем. Наконец все уgomонились и вместе отправились обратно по Цыганской дороге, тянувшейся вдоль южного берега карьера.

Велосипеды валялись там, где они их оставили, — у дальнего забора. Сверкающий, похожий на луковицу красный шар солнца висел над полем старика Джонсона. Воздух был наполнен пыль-

ной влагой, но небо, несмотря на предвечернюю дымку, казалось бесконечным и прозрачным, хотя его голубизна уже темнела и постепенно превращалась в насыщенную синеву.

— Кто последним доберется до бара, тот педик! — вдруг выкрикнул Джерри Дейзингер и, с силой нажав на педали, помчался по гравийной дороге к уже погрузившемуся в тень подножию холма.

Остальные с криками пустились вдогонку, не обращая внимания на крутизну спуска и сгущающиеся вокруг сумерки. Прохладный ветерок, поднимавшийся от ручья, трепал их шевелюры. Привстав на педалях и бешено работая ногами, они, не снижая скорости, буквально взлетели на холм. Если бы в это время какой-нибудь машине случилось проезжать мимо, направляясь к бару «Под черным деревом», ребятам наверняка пришлось бы поспешно съехать на обочину, и дело непременно закончилось бы ободранными в кровь коленками и разорванной одеждой. Но они об этом не думали и упорно неслись вперед. Крики постепенно смолкли, потому что надо было беречь дыхание для последних двадцати ярдов подъема, и тем не менее, достигнув наконец ровной площадки перед баром, все как один судорожно хватали ртом воздух.

Выиграл Майк. Он оглянулся, выдал победную улыбку, а потом вновь опустил голову и, не снижая скорости, покатил дальше, к Джубили-Колледж-роуд, до которой оставалось несколько сотен ярдов.

Только свернув к Элм-Хейвену, все дружно перевели дух и расслабились. Компания разбилась на две равные группы, по трое в ряд. Лоренс первым выпустил руль и убрал руки за спину. Его примеру последовали остальные, и вскоре все шестеро, заложив руки назад, бесшумно скользили между высокими стенами поднимающихся колосьев.

Когда они проезжали мимо того места, где грузовик гонялся за Дуэйном, Дейл даже не обернулся, чтобы взглянуть на восстановленную ограду и на глубокие следы колес, все еще остававшиеся на земле. Прямая на расстоянии нескольких ярдов от забора пшеница так и не поднялась. Но Дейл смотрел не туда, а на запад, где солнце увенчало золотой короной низкую линию деревьев в Элм-Хейвене.

Дейл зверски устал, все тело болело от дюжины ушибов, мышцы ныли от напряжения, подсохшие царапины на руках и ногах зудели, съежившиеся и задубевшие после внеплановой стирки джинсы стесняли движения. Хотелось пить, губы пересохли от жажды, голова болела, а живот свело от голода, потому что по-настоящему он ел только за завтраком, тринадцать часов назад. Однако настроение у него было великолепным.

То чувство опасности и угрожающего мрака, которое владело им с самого начала каникул, сегодня словно улетучилось. Страх перед Си-Джеем с его ружьем исчез. Дейл был рад, что он, Майк и все остальные по молчаливому уговору решили отказаться от затеи с расследованием исчезновения Табби и загадок Старой школы.

Лето есть лето, и теперь все шло так, как и должно было идти.

Выехав с проселочной дороги на едва начавший остывать после дневной жары асфальт Первой авеню, ребята снова схватились за рули. Впереди замаячили деревья, росшие на перекрестке перед домом Майка, за широким полем и стадионом городского парка мелькнула задняя стена особнячка Стюартов.

Маккоун и Дейзингер куда-то заторопились и, махнув на прощание, уехали вперед. Дейл, Кевин, Майк и Лоренс преодолели еще около пятидесяти ярдов и оказались в почти полной темноте, уже воцарившейся под раскидистыми старыми деревьями Элм-Хейвена.

Распрощавшись с Майком, ребята неторопливо поехали по Депо-стрит к дому. Дейл чувствовал себя бесконечно счастливым: да, лето, должно быть, и будет именно таким.

Никогда еще Дейл так не ошибался.

Глава 14

Старик оставался трезвым до самого конца недели. Это нельзя было назвать рекордом, но зато остаток первой недели летних каникул оказался для Дуэйна почти безоблачным.

В четверг, девятого июня, на следующий день после поездки в библиотеку университета Брэдли, позвонил дядя Арт и, не застав дома хозяев, оставил сообщение на автоответчике: пусть, мол, Дуэйн не беспокоится, он объявил охоту на этот чертов колокол, но пока ничего не обнаружил. Перезвонив в тот же вечер, он рассказал Дуэйну, что беседовал по телефону с мэром Элм-Хейвена Россом Каттоном и с кое-кем еще, но никто из его собеседников ничего не слышал о колоколе. Он поговорил даже с мисс Мун, а та потом расспросила свою мать и перезвонила ему. Так вот, мисс Мун сказала, что мать только отрицательно качала головой, но выглядела при этом очень взволнованной. Впрочем, добавила библиотекаряша, в последнее время ее мать волнуется по любому поводу.

В тот же вечер Старик отправился в «А & Р». Дуэйн ждал его, затаив дыхание, опасаясь, что на самом деле цель поездки Старика окажется совершенно другой, но отец вернулся трезвым, и они вместе принялись раскладывать по местам пакеты с мукой и консервы.

— Да, я слышал от миссис О'Рурк, что вчера арестовали вроде бы твою одноклассницу, — неожиданно сообщил Старик.

Дуэйн так и застыл с тяжелой банкой консервированной фасоли в вытянутой руке.

— Да ну? — только и сумел он сказать, свободной рукой поправляя на носу очки.

Старик утвердительно кивнул, провел языком по губам и поскреб щеку, как обычно делал, когда пребывал не в духе вследствие продолжительного периода трезвости.

— Да, кого-то по имени Корди. Миссис О'Рурк сказала, что девчонка на год старше ее сына, и я сделал вывод, что ты с ней в одном классе.

Он вопросительно посмотрел на Дуэйна.

Тот кивнул.

— Вернее сказать, — продолжал Старик, — Корди не то чтобы арестована. Барни поймал ее, когда она болталась на окраине города с заряженным ружьем в руках. Он, конечно, отобрал ружье и отвел девчонку домой, но так и не смог выяснить, что она собиралась делать, — сказала только, что это связано с ее братом Табби. — Он снова поскреб щеку и будто бы удивился, обнаружив, что та чисто выбрита. — Послушай, а Табби не тот паренек, который сбежал пару недель назад?

— Угу, — буркнул Дуэйн и вновь принялся расставлять на полках консервы.

— Ты, случайно, не знаешь, почему его сестра бродит с ружьем вокруг города? Может, она кого-то разыскивает?

Дуэйн опять помолчал.

— Кого она может разыскивать? — наконец отозвался он.

Старик пожал плечами.

— Нелли О'Рурк сказала, что ваш директор... как его там — мистер Рун?.. — позвонил Барни и пожаловался, что эта маленькая девочка слоняется вокруг школы и его квартиры с ружьем. Почему этот ребенок предается такому странному занятию?

Дуэйн хотел было отмолчаться, но потом понял, что любопытство Старика задето, а значит, тот намерен стоять здесь до тех пор, пока не услышит от сына хоть какие-нибудь объяснения, прекратил расставлять банки на полках шкафа и обернулся к отцу.

— Корди вообще ничего, но слегка ненормальная.

Старик постоял минуту, потом кивнул, словно бы удовлетворенный ответом, и ушел в мастерскую.

В пятницу Дуэйн опять отправился в Оук-Хилл и на этот раз вышел из дому еще до рассвета, чтобы вернуться не позднее полудня. В библиотеке он хотел пролистать старые газеты и книги

и поискать упоминания о тех фактах, что узнал в Брэдли, но ничего нового не обнаружил. Статья в «Нью-Йорк таймс» о празднике в честь колокола, состоявшемся в 1876 году, была довольно интересной — по крайней мере, служила еще одним, помимо найденных в Элм-Хейвене, доказательством того, что эта штука действительно когда-то существовала... Но это было все, что удалось отыскать. Он попытался узнать в библиотеке номер телефона Эшли-Монтегю, сказав, что не может закончить школьный доклад, не изучив материалы Исторического общества, доставшиеся в наследство этой семье. Однако хитрость не помогла. Миссис Фрейзер объявила, что понятия не имеет, какой у них номер телефона, поскольку богатые семейства не позволяют помещать номера своих телефонов в справочниках. И это, как уже успел убедиться Дуэйн, было правдой — во всяком случае, в отношении семейства Эшли-Монтегю.

Миссис Фрейзер шутливо потрепала Дуэйна по волосам.

— И вообще, совсем не годится выполнять летом школьные домашние задания, — добродушно сказала она. — Ступай-ка на свежий воздух и понежись на летнем солнышке. Выпей чего-нибудь прохладительного, поиграй... Честно говоря, твоей маме следовало бы последить, чтобы ты одевался полегче: на улице такая жара.

— Да, хорошо, мам.

Дуэйн поправил пальцем очки и вышел.

Он вернулся домой как раз вовремя, чтобы помочь Старика загрузить в пикап четырех поросят. Узнав, что отец намеревается отвезти их на рынок в Оук-Хилл, Дуэйн вздохнул: маршрут его четырехчасовой прогулки будет преодолен на машине за десять минут. Он решил не предпринимать впредь таких вылазок, не выяснив предварительно планы Старика.

В субботу на втором за это лето бесплатном сеансе должны были показывать «Подвиги Геракла» — довольно старый итальянский фильм, который мистер Эшли-Монтегю отобрал в одном из кинотеатров под открытым небом в Пеории. Дуэйн редко ходил в кино по той же причине, по которой они с отцом, имея телевизор, почти никогда его не включали: оба считали книги и радио гораздо более приятными воображению, чем кино и телевидение.

Но Дуэйн нравились итальянские ленты о могучих героях древности. К тому же дублированные фильмы обладали одной забавной особенностью: губы актеров бешено шевелились минуты две-три, а перевод укладывался буквально в пару слов. А еще он где-то читал, что именно в процессе создания таких картин кто-то на римской киностудии научился создавать разные звуковые эффекты: шаги, звон мечей, топот конских копыт, грохот извержения вулкана... — словом, абсолютно любые. Дуэйна это привело в восторг.

Но отправиться в город субботним вечером он решил совсем не по этой причине, а потому, что хотел поговорить с мистером Эшли-Монтегю, и единственным местом, где он мог встретить этого человека, был открытый кинотеатр в парке.

Дуэйн мог бы попросить отца подбросить его на машине, но Старик после обеда занялся усовершенствованием одной из «обучающих машин», и мальчик не хотел подвергать его искушению оказаться поблизости от пивной «У Карла».

Когда Дуэйн подошел к отцу спросить разрешения, тот, увлеченный работой, даже не поднял головы. Лицо его было едва различимо за сизоватым дымком от паяльника.

— Отлично, — пробормотал он. — Только вернись засветло.

— Ладно, — ответил Дуэйн, недоуменно гадая, знает ли отец, во сколько начинается, а уж тем более заканчивается сеанс.

К счастью, ему не пришлось идти пешком весь путь. Когда он поравнялся с домом дяди Дейла Стюарта, Генри, из ворот выехал пикап, в котором сидели сам дядя Генри и тетя Лина.

— Куда ты собрался, сынок?

Дяде Генри было прекрасно известно имя Дуэйна, но он всех мужчин моложе сорока называл «сынок».

— В город, сэр.

— Собираешься на бесплатный сеанс?

— Да, сэр.

— Ну, тогда залезай сюда.

Тетя Лина открыла дверцу старого универсального грузовичка, и Дуэйн вскарабкался внутрь. Оказалось, что там довольно тесно.

— Я с удовольствием поеду сзади, — предложил Дуэйн, сообразив, что занимает половину обтянутого красивой материей сиденья.

— Чепуха, — откликнулся дядя Генри. — В тесноте, да не в обиде. Садись!

Грузовичок зафырчал, тронулся с места и, подпрыгивая на каждой неровности дороги, проехал вниз по склону первого холма, благополучно миновал погруженную в тень долину и вполз на вершину другого холма, к Страстному кладбищу.

— Держись, пожалуйста, правой стороны, Генри, — попросила тетя Лина.

Дуэйн подумал, что старушка, должно быть, произносит эти слова каждый раз, когда они едут по этой дороге в город или куда-нибудь еще. «Сколько же раз это выходит за шестьдесят лет? — попытался прикинуть он. — Миллион?»

Дядя Генри покорно кивнул и продолжал ехать там, где и ехал, — точно посередине дороги. Он не собирался никому уступать удобную колею. Хотя солнце уже минут двадцать как опустилось за горизонт, здесь, наверху, было еще довольно-таки светло. Грузовичок прогрохотал по неровной, похожей на стиральную доску дороге и вскоре нырнул под сень деревьев, растущих вдоль Дохлого ручья. На фоне темневшего по обе стороны леса ярко вспыхивали мерцающие огоньки светлячков. Трава по обочинам, покрытая толстым слоем пыли, казалась неестественно светлой, будто мутант-альбинос. Дуэйн был доволен, что ему не пришлось идти пешком.

Пока они ехали к водонапорной башне, мальчик украдкой поглядывал на Генри и Лину Найквист. Им было примерно лет по семьдесят пять — Дуэйн знал, что на самом деле они приходятся Дейлу двоюродными дедушкой и бабушкой со стороны матери, — но все без исключения жители округа Кревкер называли их «дядя Генри» и «тетя Лина» и все без исключения уважали эту приятную, доброжелательную к окружающим пожилую пару. Знаменитая скандинавская уравновешенность спасала обоих от разрушительного влияния времени и позволяла даже в старости сохранить привлекательность. У тети Лины были совершенно белые, но густые и длинные волосы, розовощекое лицо счастливо избежало сетки морщин, а взгляд сохранил молодую ясность. В отличие от нее дядя Генри лишился большей части шевелюры, но уцелевший надо лбом чубчик придавал лицу выражение напроказившего мальчишки, ожидающего справедливого наказа-

ния от взрослых. Судя по рассказам Старика, дядя Генри, будучи вполне почтенным джентльменом, не упускал случая обменяться парой соленых шуточек за кружкой пива с приятелями.

— Это здесь тебя чуть не задавили? — спросил дядя Генри, жестом указывая на участок поля, где даже в сумерках отчетливо виднелись глубокие следы от колес.

— Да, сэр, — кивнул Дуэйн.

— Держи руль как следует, Генри, — вновь напомнила мужу тетя Лина.

— А того парня, который сделал это, уже поймали?

Дуэйн вздохнул:

— Нет, сэр.

Дядя Генри недовольно хмыкнул:

— Ставлю пять против одного, что это сделал наш совсем не почтенный Карл Ван Сайк. Сукин... — Старик поймал предостерегающий взгляд жены и осекся. — Супостат он этакий. Его вообще нельзя нанимать ни на какую работу, а уж тем более школьным сторожем или смотрителем кладбища. Да ведь все видели, что за прошлую зиму и большую часть весны этот... этот лодырь Ван Сайк ни к чему рук не приложил. Кладбище сплошь заросло бы сорняками, если бы не прихожане костела Святого Малахия, которые добросовестно трудились здесь каждый месяц.

Дуэйн кивнул, не проявляя особого желания поддерживать разговор.

— Перестань, Генри, — мягко проговорила тетя Лина. — Может быть, мальчику неприятно слушать твою болтовню о мистере Ван Сайке. — С этими словами она повернулась к Дуэйну и пухлым, чуть шершавым пальцем коснулась его щеки. — Нам очень жалко твою собаку, Дуэйн. Я помню, как мы помогали Даррену выбрать щенка из помета собаки Виры Виттакер. Это было как раз незадолго до твоего рождения. А щенок предназначался в подарок твоей маме.

Дуэйн снова кивнул и отвернулся к окну, за которым уже тянулся городской стадион, и принялся разглядывать его так внимательно, будто видел впервые в жизни.

Главная улица была запружена народом. Машины уже заполнили всю диагональную парковку, и люди с корзинками и одеялами целыми семьями неторопливо шествовали к парку Бандстенд. Несколько мужчин сидели на высоком поребрике перед

пивной «У Карла», потягивая из бутылок пиво и что-то громко обсуждая. Дядя Генри нашел место для парковки только возле торгового центра «А & Р» и всю дорогу обратно к эстраде сердито ворчал, что терпеть не может сидеть на дурацких складных стульях, которые они на всякий случай привезли с собой. Ему гораздо больше нравилось смотреть фильм из машины и воображать, что он в настоящем кинотеатре для автомобилистов.

Дуэйн поблагодарил стариков и поспешил в парк. Было уже довольно поздно, и времени для беседы с мистером Эшли-Монтегю перед началом сеанса почти не оставалось. Но Дуэйн надеялся поговорить с ним хотя бы недолго.

Дейл и Лоренс не собирались на бесплатный сеанс в эту субботу, но отец, взяв выходной, что случалось довольно редко, остался дома, по телевизору уже в который раз показывали «Дымящееся ружье», да и почти все остальные передачи шли в повторе, и родители предпочли пойти в кино. Как только на город опустились вечерние сумерки, они взяли одеяло и большой пакет с попкорном и не торопясь направились в центр города.

В ветвях деревьев Дейл заметил нескольких летучих мышей, но это были мыши как мыши — жуткие создания, так напугавшие их с братом на прошлой неделе, казались далеким страшным сном.

Людей в тот день собралось больше обычного. Вся трава перед эстрадой была устлана одеялами, и Лоренсу пришлось пробежаться вперед, чтобы успеть занять место под старым дубом. Дейл поискал было глазами Майка, но вспомнил, что тот, как всегда по субботам, остался с бабушкой. Кевин и его домашние никогда не приходили на бесплатные сеансы: у них дома стоял один из двух имевшихся в городе цветных телевизоров. Второй был у Чака Сперлинга.

И как раз когда по-настоящему стемнело и вот-вот должен был начаться мультик, Дейл увидел, как Дуэйн Макбрайд взбирается по ступеням на эстраду. Дейл что-то пробормотал своим и рванул через парк, перепрыгивая через вытянутые ноги зрителей. Впопыхах он едва не наступил на юную парочку, уютно устроившуюся на одеяле — и, похоже, вовсе не затем, чтобы глядеть на экран. Взлетев на верхнюю ступеньку эстрады — а находиться на ней имели право только мистер Эшли-Монтегю и че-

ловек, которого он привозил собой в качестве киномеханика, — Дейл уже открыл было рот, чтобы поздороваться с Дуэйном, но увидел, что тот, стоя рядом с проектором, о чем-то разговаривает с миллионером. Дейл молча прислонился к перилам и прислушался.

— И каким же образом вы намерены использовать эту книгу... если она, конечно, существует? — донесся до него голос мистера Эшли-Монтегю.

Приехавший с меценатом молодой человек быстро установил выносные колонки и начал заправлять в проектор пленку с мультфильмом.

— Как я уже сказал, я готовлю доклад об истории нашей школы, — ответил Дуэйн.

На фоне изящной фигуры миллионера его силуэт казался бесформенной тенью.

— Какие доклады могут быть летом, парень, — пожал плечами мистер Эшли-Монтегю и повернулся к киномеханику.

Тот кивнул, и на стене кафе засветился прямоугольник экрана, а на нем появились цифры, всегда имеющиеся на начальных кадрах пленки. Толпа, собравшаяся на лужайке, и все сидевшие в своих машинах вдоль дороги принялись вслух считать от десяти до одного. Как только на экране возникли первые кадры мультфильма про Тома и Джерри, киномеханик навел получше резкость и слегка увеличил звук.

— Пожалуйста, сэр, — говорил в это время Дуэйн Макбрайд, приближаясь на шаг ближе к миллионеру. — Обещаю, что верну книги в полной сохранности. Они мне очень нужны. Без этих материалов я не могу закончить исследование.

Мистер Эшли-Монтегю присел на легкий стул, специально принесенный для него ассистентом. Дейл никогда прежде не видел этого человека так близко. Ему всегда казалось, что мистер Эшли-Монтегю еще молодой человек, но сейчас, в луче проектора и отраженного света экрана, он видел, что миллионеру по крайней мере лет сорок. А может, и больше. Его несколько чопорная манера одеваться и галстук-бабочка придавали ему довольно-таки солидный вид. Сегодня он был одет в белый полотняный костюм, ярким пятном сиявший в темноте.

— Исследование, — хмыкнул мистер Эшли-Монтегю. — Сколько тебе лет, парень? Четырнадцать?

— Через три недели будет двенадцать, — тихо сказал Дуэйн.

Дейл даже не знал, что у его приятеля день рождения в июле.

— Двенадцать... — повторил мистер Эшли-Монтегю. — В двенадцать лет не производят никаких исследований, мой друг. Так что, дружок, поищи то, что тебе нужно для доклада, в библиотеке.

— Я уже искал в библиотеке Оук-Хилла, сэр, — ответил Дуэйн. — Но там не было сведений за один год. Мне сказали, что часть архива Исторического общества была передана на хранение вашей семье. Я полагаю, что эти документы должны быть доступны всем, кто хотел бы их изучить... Все, о чем я прошу вас, сэр, — это позволить мне взглянуть на материалы, имеющие отношение к Старой центральной школе.

Несмотря на слово «сэр», Дейл не услышал в тоне своего друга большого почтения к собеседнику. Со стороны казалось, что разговор ведут двое взрослых, равных по положению людей.

Мистер Эшли-Монтегю скрестил на груди руки и с большим вниманием уставился на экран, где Том задавал очередную трепку Джерри. Или это Джерри валтузил Тома?.. Дейл никак не мог запомнить, как зовут мышь, а как — кота.

— Можно узнать поточнее тему твоего доклада? — прервал молчание миллионер.

Дуэйн секунду помолчал, словно набирая в грудь побольше воздуха.

— «Колокол Порша», — сказал он наконец.

Или он произнес какие-то другие слова? Возможно, Дейл что-то не так расслышал, потому что раздавшийся в тот момент с экрана шум — очередной всплеск возни между Томом и Джерри — почти заглушил ответ Дуэйна.

Мистер Эшли-Монтегю рывком вскочил со стула, схватил Дуэйна за плечи, затем резко отступил и опустил руки. Он выглядел крайне смущенным.

— Такого колокола нет, — донеслось до Дейла сквозь крики из динамиков.

Дуэйн ответил что-то, но взрыв, раздавшийся рядом с котом, заставил даже мистера Эшли-Монтегю наклониться к Дуэйну, а Дейл и подавно ничего не понял.

— ...Да, колокол действительно был, — говорил миллионер, когда до Дейла снова стали долетать обрывки их беседы. — Но

это было много лет, даже десятилетий тому назад. Кажется, еще до Первой мировой войны. И разумеется, колокол оказался подделкой. Мой дедушка был... скажем так... обманут. Одурачен. Его просто надули.

— Вот-вот, именно этим я и хотел бы закончить свой доклад, — сказал Дуэйн. — Иначе придется констатировать, что колокол таинственным образом исчез и его местонахождение в настоящее время остается загадкой.

Мистер Эшли-Монтегю встал и принялся мерить шагами площадку эстрады. Мультфильм закончился, и его помощник торопился поставить документальный ролик о коммунистической угрозе с комментариями Уолтера Кронкайта¹. Дейл покосился на экран. За письменным столом сидел темноволосый журналист. Эту черно-белую ленту уже показывали в прошлом году в школе на специальном сеансе. Возникшая на экране карта Европы и Азии стала постепенно темнеть, иллюстрируя распространение коммунистического влияния. Толстые стрелы протянулись в Восточную Европу, Китай и еще в какие-то страны, названий которых Дейл не знал.

— Ничего таинственного здесь нет, — огрызнулся мистер Эшли-Монтегю. — Я сейчас вспомнил. В самом начале столетия дедушкин колокол увезли куда-то и оставили на хранение. Он больше никогда не звонил. Из-за каких-то трещин в корпусе, насколько я помню. В самом начале войны его забрали, расплавили, а металл использовали на нужды армии.

Он замолчал и снова повернулся к Дуэйну спиной, как бы давая знать, что беседа окончена.

— Было бы отлично, если б я смог привести в своем докладе цитату об этом из книги, ну и, может, несколько старых фотографий... — не унимался Дуэйн.

Миллионер тяжело вздохнул, как будто в ответ на изображенное расширение территории коммунистического влияния. Речь Уолтера Кронкайта звучала ничуть не тише воплей Тома и Джерри.

— Молодой человек, никакой книги нет и в помине. То, что доктор Пристман завещал мне, представляло собой кучу разроз-

¹ *Уолтер Кронкайт* (Walter Leland Cronkite, 1916–2009) — патриарх американского телевидения, которого часто называли «самым надежным человеком в Америке», звезда телеканала Си-би-эс в 1962–1981 гг

ненных, несброшюрованных и недатированных материалов. Насколько папок, насколько я помню. Уверяю вас, я не сохранил их.

— Не могли бы вы сказать мне, куда их передали, — настойчиво продолжал расспрашивать Дуэйн.

— Я вообще их никуда не передавал! — воскликнул мистер Эшли-Монтегю, и голос его поднялся почти до крика. — Я сжег их. Я оказывал поддержку профессору в его исследованиях, но лично меня они мало интересовали. И уверяю вас, что не существует никакого таинственного тома, который вы могли бы включить в ваш доклад. Если уж вам так необходимо, цитируйте меня, молодой человек. Все, что касается этого колокола, — сплошное недоразумение. Он был... одной из многих совершенно бесполезных вещей, которые дедушка отыскал в Европе во время своего свадебного путешествия и привез сюда. Этот колокол убрали из Старой школы еще в начале века и отправили на склад... в Чикаго, кажется... и расплавили в тысяча девятьсот семнадцатом году, когда мы вступили в войну. Вот так-то! А теперь все, хватит!

Документальный фильм окончился, и киномеханик торопливо вставлял первую бобину с пленкой фильма «Подвиги Геракла». В наступившей тишине несколько голов повернулись в их сторону и с любопытством посмотрели на беседующих. Последняя фраза мистера Эшли-Монтегю прозвучала в почти абсолютной тишине.

— Но в таком случае... — снова начал Дуэйн.

— Никаких «случаев», — прошипел миллионер. — Беседа окончена, молодой человек. Никакого колокола нет. И все.

Он слегка взмахнул кистью, указывая Дуэйну на ступеньки, — жест, по мнению Дейла, скорее присущий женщинам. Другой жест был обращен к ассистенту — и перед Дуэйном возник крепкий мужчина не меньше шести футов ростом, неторопливо засучивавший рукава рубашки. Дейл понятия не имел, кто этот человек на самом деле — дворецкий мистера Эшли-Монтегю, его телохранитель или обыкновенный служащий в каком-нибудь из принадлежащих миллионеру кинотеатров.

А тем временем зрители начали новый обратный отсчет: начинался художественный фильм.

Дуэйн пожал плечами и направился туда, куда ему указали. Однако шел он много медленнее, чем это делал бы сам Дейл, получив столь категорический приказ от взрослого. Хотя Дейл

остался незамеченным в своем темном углу, он поспешил покинуть эстраду и перепрыгнул через перила в траву, едва не попав в объятия дяди Генри и тети Лины.

Он побежал было вдогонку за Дуэйном, но тот уже быстро шагал по Бруд-авеню, засунув руки в карманы и насвистывая, явно направляясь к развалинам старого особняка Эшли, находившимся в двух кварталах к югу от парка. Дейл больше не боялся темноты — эта чепуха осталась в прошлом, — просто ему не хотелось бродить во мраке под старыми вязами. Кроме того, за спиной уже звучала музыка и слышны были первые реплики героев, а он и вправду хотел посмотреть «Подвиги Геракла».

Рассудив, что, если он не поговорит с Дуэйном сегодня вечером, ничего особенного не произойдет, Дейл вернулся в парк. В конце концов, с приятелем он сможет встретиться как-нибудь на днях. Спешить некуда: впереди еще все лето.

Дуэйн шел по Бруд-авеню, слишком взволнованный, чтобы думать о фильме. На тротуаре чернела тень от листьев. Свет фонарей с трудом пробивался сквозь ветви и листву. С северной стороны улицы тянулся ряд небольших домиков, их лужайки незаметно переходили одна в другую и чуть дальше так же незаметно превращались в заросший сорняками пустырь, за которым железная дорога мягко закруглялась к югу, а затем ныряла в поля, где и заканчивалась. Там, вдалеке, одиноко возвышался старый дом, который местные жители до сих пор называли особняком Эшли.

Дуэйн остановился перед подъездной дорожкой. Сомкнувшиеся кроны деревьев и разросшийся кустарник делали ее похожей на погруженный во мрак туннель. От некогда великолепного особняка мало что осталось: лишь обугленные обломки двух колонн и трех каминных труб да несколько почерневших бревен, которые, падая, образовали нечто вроде остова хижины, служившей обиталищем разве что крысам. Дуэйн знал, что Дейл с ребятами часто устраивали на этой дороге велосипедные гонки. Задача участников заключалась в том, чтобы промчаться на максимальной скорости мимо высокой террасы и, перегнувшись далеко в сторону, коснуться ладонью колонны или ступеней, но при этом не свалиться и не замедлить хода. Было уже очень темно,

даже огоньки светлячков не мигали в ежевичной темноте мощного полукруга. Шум, свет, толпа, собравшаяся на бесплатный сеанс, остались далеко позади, за непроницаемой стеной высоких деревьев.

Дуэйн не боялся темноты. Ну, вернее, не очень боялся. Просто прогулка по подъездной дорожке этой ночью не входила в его планы. Насвистывая, он свернул к югу и по гравийной тропе направился в сторону новых улиц, туда, где стоял дом Чака Сперлинга.

Позади него, в темноте, там, где заросли были особенно густыми, что-то зашевелилось, заставив дрогнуть ветки деревьев, и тут же удрало прочь, обежав вокруг старого, давно затерявшегося среди травы и развалин фонтана.

Глава 15

Воскресенье, двенадцатое июня, выдалось очень теплым, но серый купол плотной облачности превратил небосвод в подобие опрокинутой чаши. Уже к восьми часам утра температура превысила восемьдесят градусов, а значит, к полудню следовало ожидать как минимум девяноста. Старик встал рано и уже давно трудился в поле, поэтому Дуэйн отложил на потом чтение «Нью-Йорк таймс» и принялся за работу.

Он как раз проходил по рядам росшего за амбаром гороха, выпалывая случайно оказавшиеся тут колосья пшеницы, когда на подъездной аллее показалась машина. В первую минуту он подумал, что это едет дядя Арт, но потом увидел, что приближающийся автомобиль много меньшего размера и к тому же белый. А еще через минуту разглядел установленную на крыше красную мигалку.

Дуэйн пошел к дому, на ходу вытирая лицо полой расстегнутой рубашки. Это не был и констебль Барни. На водительской дверце четко выделялись зеленые буквы: «Шериф округа Кревкер», а за рулем сидел мужчина с узким загорелым лицом; его глаза прятались за большими стеклами солнцезащитных очков.

— Мистер Макбрайд дома, сынок? — выглянув из окна машины, спросил шериф.

Дуэйн кивнул, подошел поближе к краю горохового поля и, сунув в рот два пальца, свистнул. Видневшаяся вдали фигура выпрямилась, отец обернулся и неторопливо двинулся в их сторону. На мгновение Дуэйну показалось, что сейчас выбежит Витт и залает на незнакомца.

Шериф вышел из машины — высокий, не меньше шести футов четырех дюймов, мужчина с мощной нижней челюстью. Его

широкополая полицейская шляпа, кожаные сапоги, поясной ремень с пистолетом в кобуре и темные очки заставили Дуэйна вспомнить армейского вербовщика с рекламного плаката. Сходству чуть мешали темные полукружия пота, выступившие под мышками.

— Что-нибудь случилось? — спросил Дуэйн, в первый момент испугавшись, что мистер Эшли-Монтегю напустил на него этого копа; накануне вечером миллионер выглядел сильно расстроенным, а когда Дуэйн вернулся в парк, чтобы уехать домой вместе с дядей Генри и тетей Линой, его уже не было.

Шериф серьезно кивнул:

— Боюсь, что да, сынок.

Дуэйн застыл на месте. Чувствуя, как по лицу медленно стекают капельки пота, он не сводил глаз с отца, пока тот преодолевал последние тридцать футов до машины.

— Мистер Макбрайд? — уточнил шериф.

Старик кивнул и вытер лицо платком, оставив грязный след на щеке, заросшей седой щетиной.

— Это я. Если вы насчет этой чертовой телефонной компании, то я уже объяснял...

— Нет, сэр. Дело в другом. Произошел несчастный случай.

Старик вздрогнул, как будто его ударили, и буквально окаменел. Выражение недоумения на его лице сменилось уверенностью. Только один человек носил в своем бумажнике карточку с его именем на случай непредвиденных ситуаций.

— Арт, — без тени вопроса произнес Старик. — Он погиб?

— Да, сэр.

Шериф и Дуэйн практически одновременно и почти одинаковыми жестами поправили очки.

— Каким образом?

Старик устремил неподвижный взгляд куда-то за спину шерифа, словно пытаясь увидеть что-то вдалеке. А быть может, просто смотрел в пространство.

— Автомобильная авария. Примерно час назад.

Старик чуть заметно кивнул, как будто ждал именно такого ответа. Точно так же он кивал, когда вместе с Дуэйном слушал новости по радио или рассуждал о коррупции в политических кругах.

— Где?

— На Джубили-Колледж-роуд. — Голос шерифа звучал твердо, но не столь бесстрастно, как голос Старика. — У моста через Каменный ручей. Примерно в двух милях от...

— Я знаю, где этот мост, — прервал его Старик. — Мы с Артом там частенько купались. — Теперь его глаза будто обрели фокус, и он повернулся к Дуэйну, словно хотел что-то сказать или сделать. Но вместо этого снова обернулся к шерифу. — Где он?

— Когда я уехал, тело еще оставалось на месте происшествия, — ответил тот. — Если хотите, я отвезу вас туда.

Старик кивнул и сел в машину шерифа.

Дуэйн прыгнул на заднее сиденье.

«Это неправда», — мысленно твердил он, пока они проезжали мимо фермы дяди Генри и тети Лины, на скорости не меньше семидесяти взлетали на холм и с ревом мчались мимо кладбища. Дуэйн чуть не стукнулся головой о потолок, когда они ринулись в долину. «Он, кажется, решил и нас угробить», — подумалось ему. Машина шерифа мчалась с такой скоростью, что пыль и гравий из-под колес разлетались не меньше чем на тридцать футов в стороны. Деревья, кусты, трава — словом, все, что росло, лежало или стояло вдоль дороги, было будто осыпано меловой пудрой. Дуэйн прекрасно знал, что это всего лишь пыль, но серая листва деревьев и серое небо над головой заставили его вспомнить о Гадесе¹ и о царстве мертвых — бесконечной серой пустыне. Когда Дуэйн был еще совсем маленьким, дядя Арт прочел ему книгу об Одиссее, спустившемся в царство Гадеса и преодолевшем серые туманы, чтобы встретиться с тенью матери и тенями бывших товарищей и спутников.

Шериф не притормозил около соответствующего знака на перекрестке Шестого окружного шоссе и Джубили-Колледж-роуд. Вместо этого он сделал крутой вираж и свернул на утрамбованный множеством колес гравий боковой дороги. Красная мигалка на крыше крутилась, однако звука сирены Дуэйн не слышал. Странная спешка, подумал он. Спина отца, сидевшего на переднем сиденье, была совершенно прямой. Старик смотрел прямо перед собой, и голова его слегка вздрагивала в такт движению машины.

¹ Гадес, Аид — в древнегреческой мифологии бог подземного царства, обиталища мертвых.

Они проехали еще две мили к востоку. Дуэйн глянул налево, туда, где начиналась длинная полоса леса, через который тянулась Цыганская дорога. Чуть дальше по обе стороны дороги раскинулись пшеничные поля, изредка перемежающиеся небольшими островками деревьев у подножия холмов.

Дуэйн принялся считать распадки между холмами, которые они проезжали. Каменный ручей протекал в четвертом по счету.

Наконец они в четвертый раз спустились с холма, шериф резко затормозил и съехал к левой обочине, припарковав машину против движения. Впрочем, здесь не было никакого движения. Небольшая долина и поросший редким лесочком склон были погружены в тишину воскресного утра.

Вдоль обочины за бетонным мостиком стояло еще несколько автомобилей: тягач, видимо вызванный для буксировки разбившегося «кадиллака» дяди Арта, безобразный черный «шевроле» Джей-Пи Конгдена, черный микроавтобус которого Дуэйн видел в первый раз, и еще один аварийный тягач с принадлежавшей Эрни заправочной станции «Тексако»¹, расположенной на восточной окраине Элм-Хейвена. Ни одной «скорой помощи»! Ни малейших следов машины дяди Арта! «Наверное, все же произошла ошибка», — в который уже раз с надеждой подумал Дуэйн.

Потом он увидел поврежденную конструкцию моста. Старое бетонное сооружение появилось здесь лет сорок — пятьдесят назад, и тогда же установили ограждение высотой около трех футов, а в нем были оставлены отверстия — нечто вроде балюстрады. Теперь с восточной стороны из этой балюстрады был выломан огромный, длиной больше четырех футов, кусок. Торчащая наружу ржавая, искореженная арматура, словно огромная уродливая рука, указывала в направлении берега.

Дуэйн подошел к Старику и глянул вниз. Там суетился хозяин станции «Тексако» Эрни, а рядом с ним еще трое или четверо людей. Дуэйн заметил среди них крысиное личико мирового судьи. А еще там был «кадиллак» дяди Арта.

Что произошло, Дуэйн понял сразу. Проезжая на полной скорости по узкому, с односторонним движением, мосту, Арт так резко свернул вправо, что машина левым передним крылом с си-

¹ «Тексако» — марка бензина и нефтепродуктов одноименной американской компании.

лой ударилась о бетонное ограждение; тяжелый двигатель буквально вонзился в салон, прошел насквозь сиденье водителя, и «кадиллак» полетел вниз, как сломанная игрушка. Двухтонная громадина ударилась о деревья на противоположной стороне ручья, выдрав с корнями молодые саженцы и дуб десяти дюймов в обхвате, а затем наскочила на большой вяз, росший на склоне холма. Дуэйн хорошо видел глубокую трещину в стволе дерева и бегущий по коре длинный шрам, из которого до сих пор вытекал сок. «Интересно, — мелькнула у него посторонняя мысль, — выживет ли после этого дерево?»

Потеряв при этом втором ударе правую заднюю дверцу и примерно четверть приборного щитка, «кадиллак» проехал юзом еще футов тридцать—сорок вверх по склону, выкорчевывая по пути пни и невысокие деревца, и наконец, совершенно искалеченный, наткнулся на огромный валун. Ветровое стекло вылетело и разбилось вдребезги, усыпав осколками землю вокруг камня. В конце концов не то под влиянием силы тяжести, не то после столкновения еще с одним деревом — а может быть, свою роль сыграли оба обстоятельства — машина съехала вниз, перевернулась и оказалась в ручье.

Теперь «кадиллак» валялся вверх тормашками на дне неглубокого ручья. Левое переднее колесо отсутствовало, но зато три остальных, как ни странно, уцелели и даже почти не пострадали. Дуэйн непроизвольно отметил, что покрышки еще совсем новые: дядя Арт всегда очень заботился о резине. Днище машины выглядело чистеньким и почти новым — только ведущий мост оказался выдраным вместе с коробкой передач.

Одна из дверей «кадиллака» распахнулась и болталась на одном креплении. Сиденье рядом с водительским не утонуло и только примерно на фут ушло под воду. Обломки и куски металла, хрома и стекла, усыпавшие почти весь склон, ярко сверкали, хотя день был пасмурным. Дуэйн увидел и другие вещи: носок с ромбовидным рисунком, валяющийся на траве, пачку сигарет около валуна, дорожные карты, зацепившиеся за ветки кустов и трепетавшие на ветру.

— Тело уже увезли, Боб! — крикнул Эрни, едва глянув вверх, и вновь вернулся к своему занятию: он привязывал канат к передней оси машины. — Донни и мистер Мерсер заехали с... а, здравствуйте, мистер Макбрайд.

Старик облизнул пересохшие губы и, не поворачивая головы, обратился к шерифу:

— Он был мертв, когда вы прибыли сюда?

В очках шерифа Дуэйн видел отражение кромки далекого леса.

— Да, сэр. Он был уже мертв, когда тут проезжал мистер Картер и заметил машину в воде у подножия холма. Уже через полчаса я оказался здесь. Мистер Мерсер... Вы знаете, это коронер округа. Так вот, он сказал, что мистер Макбрайд... э... ваш брат умер мгновенно.

Тяжело отдуваясь, по холму взбирался Джей-Пи Конгден. Когда он подошел к остальным, все почувствовали сильный запах виски. Мировой судья подпернул мешковатый комбинезон.

— Примите мои искренние... — начал было он.

Старик, не ответив, отвернулся и начал спускаться, скользя по грязи и хватаясь за ветки кустов, чтобы удержаться на ногах. Дуэйн пошел за ним. Следом осторожно двигался шериф, стараясь не зацепиться за колючки репейника и не запачкать свои коричневые брюки с аккуратно заглаженными стрелками.

Даррен Макбрайд остановился на самом берегу ручья и стал внимательно осматривать изуродованную машину. Крыша была сорвана, и вода поднялась до перевернутой приборной доски. Дуэйн с болью увидел, что автоматические регуляторы фар оторваны начисто. С пассажирской стороны салон был относительно цел, даже крыша здесь, казалось, была меньше искорежена, зато сиденье водителя было раскурочено буквально всмятку и вдавлено в багажник. Руль отсутствовал, но рычаг от него остался на месте и фута на два ушел под воду. Все пространство, предназначенное для водителя, было заполнено грудой искореженного металла и обрывками кожуха двигателя. Эта жуткая мешанина походила на останки безжалостно расчлененного робота.

Шериф отряхнул брюки, присел рядом со Стариком, стараясь держать начищенные ботинки подальше от грязной воды и ила, и откашлялся.

— Когда машина потеряла управление, она ударилась о заграждение моста, и... э... как видите, удар оказался роковым.

Старик кивнул так же бесстрастно, как и раньше. Он сидел на корточках, уперев ладони в колени, ноги по щиколотку в воде, потом, опустив взгляд, принялся разглядывать свои пальцы, буд-то это были какие-то посторонние предметы.

— Где он?

— Мистер Мерсер забрал тело в похоронную контору Тейлора, — ответил шериф. — Он... он должен закончить кое-какие формальности, и тогда вы сможете поговорить с мистером Тейлором и отдать все необходимые распоряжения.

Старик спокойно покачал головой:

— Арт всегда был против похоронных церемоний. И уж тем более в конторе Тейлора.

Шериф в очередной раз поправил очки.

— Мистер Макбрайд, скажите, ваш брат был пьющим человеком?

Старик повернулся и в первый раз взглянул шерифу прямо в лицо:

— Он, разумеется, не мог быть пьян в утро воскресенья. — Голос отца звучал по-прежнему бесстрастно, но Дуэйн чувствовал в нем нотки нарастающего внутри бешенства.

— Конечно, сэр, — кивнул шериф.

Все отступили на шаг, когда Эрни, прицелив наконец трос, включил лебедку, установленную на аварийном тягаче, и начал вытягивать «кадиллак» наверх. Передняя часть медленно приподнялась, из окон хлынула вода, и машина стала разворачиваться капотом в сторону набережной.

— Ну что ж, возможно, у него внезапно случился сердечный приступ или пчела залетела в салон... Многие теряют контроль из-за этих насекомых. Вы просто не поверите, сколько...

— С какой скоростью он ехал? — неожиданно для себя задал вопрос Дуэйн.

Отец и шериф оба разом повернулись и посмотрели на него. Дуэйн удивился, увидев, каким бледным и толстым он кажется, отражаясь в очках шерифа.

— Мы считаем, что примерно семьдесят пять — восемьдесят, — ответил шериф. — Но это предварительная оценка: я сужу по тормозному следу. А точно еще не подсчитывал. Но ехал он достаточно быстро.

— Мой брат никогда не превышал скорость, — процедил сквозь зубы Старик, вплотную приблизив свое лицо к лицу шерифа. — Он чертовски уважал ваши идиотские законы. А я всегда говорил ему, что это глупо.

Шериф минуту постоял, не сводя глаз со Старика, затем перевел взгляд на разбитую балюстраду моста.

— Возможно. Но в это утро он превысил скорость. Вот почему мы должны сделать тест на присутствие в крови алкоголя.

— Берегись! — раздался крик Эрни.

Все трое отступили еще дальше. «Кадиллак» висел вертикально над водой. В грязном потоке, хлынувшем из окон, промелькнул рак, и Дуэйну вдруг вспомнилось, как они с Дейлом, Майком и другими городскими ребятами ловили здесь раков пару лет назад.

— А может, кто-то столкнул его с дороги? — предположил он.

Шериф посмотрел на мальчика долгим взглядом:

— Никаких следов этого нет, сынок. И никто не доложил о столкновении с «кадиллаком» на дороге.

Старик хмыкнул.

Дуэйн подошел ближе к машине, которая теперь была повернута к ним сиденьем водителя, и указал на длинную красную царапину, протянувшуюся как раз по этой стороне:

— А это не может быть краской автомобиля, который столкнул машину дяди Арта с моста?

Шериф тоже подошел поближе, почти вплотную прижавшись очками к искореженному борту:

— На мой взгляд, это старая царапина, сынок. Но мы обязательно займемся этим и выясним, что к чему. — Он отступил назад, положил руки на пояс и усмехнулся. — Не так уж много машин в состоянии столкнуть такой «кадиллак» с дороги, если он сам того не захочет.

— Ну, какая-нибудь размером с труповоз вполне могла бы, — уверенно сказал Дуэйн.

Случайно подняв взгляд, он увидел, как пристально смотрит на него с противоположного берега Джей-Пи Конгден.

— Лучше бы вам всем отойти куда-нибудь, пока мы тянем эту штуковину! — прокричал Эрни.

— Пошли, — мотнул головой Старик.

Это были первые слова, обращенные отцом к Дуэйну с момента появления в их доме шерифа. Скользя и оступаясь, они стали взбираться на крутой берег ручья. И вдруг Старик сделал то, чего не делал уже лет пять, если не больше: он взял Дуэйна за руку.

Когда отец и сын вернулись на ферму, она показалась обоим совершенно чужой. В покрывале облаков появились разрывы, и поля озарил яркий солнечный свет. Дом и амбар стояли словно свежеекрашенные, пикап, замерший у дома, выглядел как новенький. Ожидая, когда отец закончит разговор и попрощается с шерифом, Дуэйн молча стоял у кухонной двери и размышлял. Из немой задумчивости его вывел звук отъезжающей машины.

— Я съезжу в город, — сказал Старик. — Побудь дома до моего возвращения.

Дуэйн направился к пикапу:

— Я с тобой.

Однако отец мягко положил руку ему на плечо:

— Нет, Дьюни. Я заскочу к Тейлору, пока этот чертов ястреб-стервятник не начал раскрашивать Арта. И у меня есть к нему несколько вопросов.

Дуэйн стал было протестовать, но встретил отцовский взгляд и понял, что Старик просто ищет одиночества и что оно необходимо ему, даже если это будет всего несколько минут за рулем машины. Мальчик кивнул и отошел от пикапа.

Он хотел снова заняться прополкой, но передумал. Поймав себя на том, что хочет есть, Дуэйн испытал острое чувство вины. Странно... Ему было много хуже, чем после гибели Витта, горло сжимала горячая боль, грудь, казалось, готова была разорваться от страдания, а голод все же не отступал. Он покачал головой и вперевалку зашагал к дому.

На ходу дожевывая сандвич с ливерной колбасой, сыром, беконом и листьями салата, Дуэйн направился к отцу в мастерскую, пытаясь вспомнить, где мог оставить «Нью-Йорк таймс». А перед глазами по-прежнему стояла страшная картина: разбитый «кадиллак», хромированные детали, осколки стекла, усыпавшие берег, и невеста откуда взявшаяся полоса красной краски на боку машины.

На автоответчике мигала зеленая лампочка. Погруженный в свои мысли, рассеянно доедая сандвич, Дуэйн перемотал катушку маленького магнитофона и нажал кнопку воспроизведения.

«Черт возьми, вы что, не можете отключить этот чертов автомат и взять в руки телефонную трубку?» — услышал он раздраженный голос дяди Арта.

Дуэйн застыл с набитым ртом и поспешно выключил автоответчик. Сердце сначала остановилось, потом как-то странно и почему-то очень громко бухнуло и вновь болезненно забилося. Дуэйн через силу сглотнул, набрал в грудь воздуха, еще раз перемотал катушку и включил прибор.

«...Дуэйн, я тебе звоню! Я нашел то, что ты разыскиваешь. Про колокол. Представляешь, это все время было у меня в библиотеке! Дуэйн, это просто поразительно! Не верится, но сомнений никаких. Я расспросил человек десять своих старых приятелей в Элм-Хейвене, но никто ничего не знает. Не важно... в этой книге написано, что... Впрочем, лучше я все сам тебе покажу. Сейчас... э-э-э... двадцать минут десятого. Я буду у вас в половине одиннадцатого, не позже. Пока, малыш».

Дуэйн еще дважды прослушал запись, выключил автоответчик, потом нащупал за спиной стул и тяжело рухнул на него. Грудь сдавило так, что невозможно стало дышать, и он дал волю чувствам: слезы потоком полились по щекам, судорожные рыдания сотрясали все тело. Время от времени он снимал очки, тыльной стороной ладони вытирал глаза и откусывал кусок сандвича.

Прошло много времени, пока он смог встать и пойти в кухню.

Указанный в справочнике номер телефона шерифа не отвечал, но Дуэйн сумел дозвониться ему домой. Он совсем забыл, что сегодня воскресенье.

— Книга? — удивленно переспросил шериф. — Нет, я не видел никакой книги. А это очень важно, сынок?

— Да, — ответил Дуэйн. И добавил: — Для меня.

— Что ж... На месте аварии я ее не видел — это точно. Конечно, всю местность мы досконально не осматривали. Может, она валяется где-нибудь среди обломков... Или осталась в машине...

— А где сейчас машина? У Эрни?

— Да. У Эрни. Или у Конгдена.

— У Конгдена? — Дуэйн бросил в мусорное ведро оставшуюся корку хлеба. — А почему у Конгдена? Он-то тут при чем?

Шериф вздохнул, и Дуэйну показалось, что с отвращением.

— Ну, понимаешь, Джей-Пи узнает об авариях на дорогах по полицейской рации, а потом связывается с Эрни и иногда покупает у него разбитые машины. Джей-Пи продает их на рынке по-

держанных автомобилей в Оук-Хилле. По крайней мере, мы так думаем. Нам ведь не все известно о его делах.

Как и большинство мальчишек, Дуэйн слышал разговоры взрослых о темных делишках Джей-Пи, в том числе и о том, что мировой судья приторговывает краденными автомобилями. Кто знает, может, он не брезговал и аварийными машинами. Немного помолчав, он спросил:

— Вы не знаете, куда отправили «кадиллак»?

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил шериф. — Наверное, все-таки на стоянку к Эрни, поскольку ему обязательно сегодня нужно было пригнать обратно аварийный тягач. По воскресеньям он дежурит на заправке один, а его жена терпеть не может отпускать бензин. Но ты не беспокойся, сынок, все личные вещи мы вам непременно передадим. Вы ведь его кровная родня и прямые наследники, не так ли?

— Да, — сказал Дуэйн, невольно удивляясь про себя, что такие архаичные слова, как «кровная родня», «наследники», теперь относятся и к нему.

Он встречал их в сборнике сочинений Чосера и книгу эту брал у дяди Арта. Правда, написание их несколько отличалось от современного. А вот теперь его самого называют «кровной родней» и «наследником» дяди Арта.

— Да, — тихо повторил он.

— Не волнуйся, сынок. Все книжки или что там еще было в машине вам вернут. Я утром заскочу к Эрни и лично проверю. К слову сказать, мне кое-что надо бы уточнить, прежде чем писать рапорт. Вы с отцом будете дома вечером?

— Будем.

Закончив разговор, Дуэйн огляделся, и дом показался ему странно пустым. Большие часы в кухне громко тикали, с дальнего пастбища доносилось мычание коров. Небо снова заволокло тучами. Несмотря на жару, день был пасмурным, даже мрачным.

Дейл Стюарт услышал о смерти дяди Дуэйна в тот же день вечером от своей матери, которая разговаривала с миссис Грумбахер, а та в свою очередь узнала об этом от миссис Сперлинг — близкой приятельницы миссис Тейлор. Дейл как раз собирал вместе с братом модель самолета, когда мать сообщила им печальную новость. Глаза Лоренса мгновенно наполнились слезами.

— Господи, бедный Дуэйн, — тихо произнес он. — Сначала у него погибла собака, а теперь еще и дядя.

Сам не зная почему, Дейл с силой сжал ему плечо, не дав продолжить.

Чтобы набраться храбрости позвонить Дуэйну, Дейлу понадобилось некоторое время, но он все-таки взял себя в руки, прошел в холл и набрал номер приятеля. После двух положенных гудков в трубке что-то щелкнуло и странная записывающая машина бесстрастным, совершенно не характерным для Дуэйна голосом произнесла: «Привет. Сейчас мы не можем ответить на ваш звонок. Но все, что вы скажете, будет записано на магнитофон, и мы обязательно вам перезвоним. Пожалуйста, сосчитайте до трех и говорите».

Дейл сосчитал до трех и повесил трубку, чувствуя, как горит у него лицо. Ему стоило больших усилий заставить себя позвонить несчастному приятелю, а уж выражать свои соболезнования этой дурацкой машине... Нет, увольте.

Оставив Лоренса трудиться над моделью — тот работал, высунув от усердия язык и напряженно наморщив лоб, — Дейл отправился к Майку.

— И-и-ку-ку!

Издав условный клич, он соскочил с велосипеда и подтолкнул его вперед. Проехав несколько ярдов без своего седока, двухколесный конь упал в траву.

— Ку-ку-и-и! — Голос Майка донесся из густой кроны гигантского тополя, росшего посередине улицы.

Дейл вернулся немного назад, поднялся по ступенькам до маленького шалаша между нижними ветвями дерева и вскарабкался по стволу к небольшой, скрытой от посторонних глаз площадке тридцатью футами выше.

Майк сидел, прислонившись спиной к развилке толстого сука и болтая ногами.

Дейл подтянулся, уселся напротив, опершись на другой сук, и глянул вниз, но земли из-за листьев было совершенно не видно.

— Слушай, — сказал он наконец, — мне только что сказали, что...

— Я в курсе, — прервал его Майк, пожевывая длинный стебелек травы. — Сам недавно услышал об этом. И как раз собирался к тебе, чтобы поговорить. Ты все-таки знаешь Дуэйна лучше.

Дейл кивнул. Они подружились в четвертом классе, когда обнаружили, что оба обожают читать и интересуются ракетной техникой. Но Дейл мечтал о ракетах, а Дуэйн конструировал их. Книги привлекали Дейла с раннего детства, и уже в третьем классе он взахлеб проглотил «Остров сокровищ» и «Робинзона Крузо», но приятель далеко опередил его в этом вопросе. Как бы то ни было, мальчики проводили вместе почти все свободное время и часто встречались летом. Дейл был, пожалуй, единственным, кому Дуэйн рассказал о своей мечте стать писателем.

— Я звонил. — Дейл смущенно пожал плечами. — Но там никто не отвечает.

Майк внимательно осмотрел изжеванную травинку и бросил ее вниз. Она упала на слой листьев футях в пятнадцати от ребят.

— Угу. Моя мама тоже звонила сегодня после обеда. И нарвалась на эту чертову говорящую машину. Женщины собираются отвезти им еду. Твоя мама, наверное, тоже поедет.

Дейл молча кивнул. Когда в Элм-Хейвене или на одной из окрестных ферм случалась чья-либо смерть, женщины, подобно валькириям, слетались туда с несметным количеством всяческих припасов. «А ведь это Дуэйн рассказал мне о валькириях», — неожиданно мелькнуло у него в голове. Сейчас Дейл уже точно не помнил, кто такие валькирии, — помнил только, что они слетаются, когда человек умирает.

— Я видел его дядю всего раза два, — сказал он. — Кажется, он был очень хороший. Ужасно умный и добрый. Не такой раздражительный, как отец Дуэйна.

— Отец Дуэйна алкоголик.

В тоне Майка не было и тени осуждения: он всего лишь констатировал известный всем факт.

Дейл пожал плечами.

— У его дяди светлые волосы... были... и такая же борода. Я однажды разговаривал с ним на ферме Дуэйна... Интересный был человек... хотя и немного странный.

Майк задумчиво мямл в пальцах сорванный с дерева лист.

— Я слышал, как миссис Сомерсет говорила моей маме, что руль прошил мистера Макбрайда насквозь и буквально разодрал пополам, поэтому его нельзя хоронить в открытом гробу. Так ей сказала миссис Тейлор. И еще она сказала, что к ним приходил отец Дуэйна и пригрозил, что сделает мистеру Тейлору кое-где

еще одну дырку, если тот хоть пальцем прикоснется к телу его брата.

Дуэйн тоже сорвал листик и невольно улыбнулся: уж очень ему понравилось обещание мистера Макбрайда проделать кое-где еще одну дырку. Хорошо сказано. Но тут он вспомнил, о чем они, собственно, говорят, и лицо его вновь сделалось серьезным.

— Отец Кавано отправился в похоронную контору, — рассказывал тем временем Майк. — Никто не знает, какой религии придерживался мистер Макбрайд, в смысле брат мистера Макбрайда, поэтому отец Кавано на всякий случай соборовал его.

— Собо... — что? — переспросил Дейл, отбрасывая в сторону изувеченный листик и принимаясь за другой.

Далеко внизу мимо дерева пробежала стайка девчонок. Им и в голову не могло прийти, что в сорока футах над ними кто-то затаился в ветвях.

— Соборовал перед смертью, — невозмутимо объяснил Майк.

Дейл кивнул, хотя совершенно не понял, о чем говорит приятель. Эти католики обожают всякие странности и почему-то уверены, что их обряды должны быть известны всем. Однажды — они учились тогда в четвертом классе — Дейл видел, как Джерри Дейзингер, решив поиздеваться над Майком, отобрал у него четки, надел их себе на шею и принялся отплясывать какой-то дикий танец, насмехаясь над Майком из-за того, что тот носит женские бусы. Ни слова не говоря, парень бросился на обидчика, ударил его по лицу, потом уселся на Джерри верхом и аккуратно снял с него четки. С тех пор никто не осмеливался отпускать шуточки по этому поводу.

— Отец Кавано как раз был там, когда пришел папа Дуэйна, — продолжал Майк. — Но он не стал даже разговаривать, а просто велел мистеру Тейлору убрать свои вурдалачьи лапы от его брата и сообщил, куда следует отправить тело для кремации.

— Кремация... — только и смог прошептать Дейл.

— Это когда тебя сжигают, вместо того чтобы похоронить.

— Да знаю я, болван, — огрызнулся Дейл. — Я только... удивлен.

«И доволен», — добавил он про себя. Последние пятнадцать минут где-то на периферии сознания его неотступно преследовала мучительная мысль о предстоящей похоронной церемонии в конторе мистера Тейлора, о необходимости попрощаться с телом,

сидеть со скорбным видом, утешая Дуэйна... А если кремация... Значит, никакого погребения не будет — так ведь?

— Когда она состоится? — спросил он. — Я имею в виду кремацию. — Он не удержался от того, чтобы снова повторить это взрослое слово.

Майк поежился:

— Ты хочешь пойти туда и увидеть его?

— Кого? — с ужасом спросил Дейл.

Он знал, что иногда Диггер Тейлор приводит своих друзей в контору отца и показывает им покойников, которых готовят к погребальной церемонии. Чак Сперлинг однажды хвастал, что в помещении для бальзамирования видел совершенно голую миссис Дагган.

— Кого? Дуэйна, конечно, — сказал Майк. — А ты думал кого, чудак?

Дейл проворчал что-то себе под нос, смял в кулаке остатки листка и попытался стереть с ладони следы живицы, а потом, прищурившись, посмотрел на небо, едва просвечивавшее сквозь редяющий сверху балдахин листвы.

— Скоро стемнеет.

— Нет, еще не скоро. У нас в запасе еще часа два. На этой неделе, между прочим, самые длинные дни в году, болван. Просто сегодня пасмурно.

Дейл с тоской подумал о том, как долго придется крутить педали до дома Дуэйна. А потом вдруг вспомнил историю с труповозом. А ведь им с Майком придется ехать по той же дороге. А потом еще и разговаривать с мистером Макбрайдом и другими взрослыми. Что может быть хуже, чем визит в дом, который посетила смерть?

— Ладно, — вздохнул он, — поехали.

Они спустились с дерева и, оседлав велосипеды, отправились в путь. Небо на востоке было почти черным, как будто с той стороны надвигалась буря. Все вокруг словно застыло в ее ожидании, даже воздух казался неподвижным. Незадолго до выезда на Шестое окружное шоссе ребята увидели приближающуюся в облаке пыли машину и так резко подались вправо, что едва не оказались в канаве.

Пикап Макбрайдов, в котором сидели Дуэйн с отцом, проехал мимо них в противоположную сторону и не остановился.

Дуэйн заметил друзей и догадался, что они едут к нему на ферму. Оглянувшись, он увидел, что ребята стоят на обочине и смотрят вслед удаляющемуся пикапу. Еще через несколько мгновений ребята исчезли за пеленой пыли. Старик их даже не заметил, а Дуэйн ничего не стал ему говорить.

Убедить Старика в том, что какая-то книга является делом достаточно важным для того, чтобы отправиться за ней в тот же вечер, было нелегко. Дуэйн прокрутил для него пленку магнитофона.

— Что все это значит? — раздраженно спросил Старик. От Тейлора он вернулся в ужасном настроении.

Дуэйн колебался только долю секунды. Конечно, он мог бы рассказать Старiku все, так же как он рассказал все дяде Арту. Но момент для этого был явно неподходящим. История о колоколе могла показаться отцу досужим вымыслом, пустыми бреднями перед лицом реальной потери и теми чувствами, которые терзали его душу. Дуэйн объяснил только, что они с дядей Артом изучали историю памятника старины — колокола, который кто-то из Эшли-Монтегю вывез из Европы и о котором теперь никто не помнит. Дуэйн придал этому сообщению оттенок несерьезности, представив как один из их с дядей Артом бесчисленных проектов. Вроде, например, увлечения астрономией, когда они даже соорудили собственный телескоп, или предпринятой однажды осенью попытки построить машину по чертежам Леонардо да Винчи.

Старик выслушал его с пониманием, но не видел острой необходимости именно этим вечером снова тащиться в город и осматривать обломки «кадиллака». Дуэйн чувствовал, что вынужденное воздержание от спиртного терзает Старика стальными шипами, и знал, что если ослабит контроль и позволит отцу оказаться поблизости от пивной «У Карла» или от бара «Под черным деревом», то рискует долго не увидеть его дома. Официально оба заведения по воскресеньям не работали, но для завсегдатаев найти черный вход было делом несложным.

— Может, пока я буду искать книжку, ты сходишь и купишь бутылочку вина или еще чего-нибудь? — предложил Дуэйн. — Надо бы помянуть дядю Арта.

Старик внимательно и остро глянул на него, но постепенно черты его лица разгладились. Он редко шел на компромисс, но

умел оценить хорошее предложение. Дуэйн понимал, что отец разрывается между необходимостью оставаться трезвым до тех пор, пока не будут выполнены все необходимые формальности, связанные с похоронами, и сильнейшим желанием напиться.

— Ладно, — буркнул он. — Мы захватим твою книжку, а потом я заскочу купить что-нибудь домой. Помянем его вместе.

Дуэйн кивнул. Единственное, чего он страшился — по крайней мере, до лета, — это спиртного. Он боялся, что болезнь может оказаться наследственной и первый же глоток приведет его на край пропасти, породит ту неукротимую, мучительную тягу к алкоголю, которую вот уже почти тридцать лет испытывал Старик. Но возражать в такой ситуации было неразумно.

Сразу же после обеда, за которым ни отец, ни сын не проглотили ни крошки, они двинулись в город.

Автозаправка «Тексако», принадлежащая Эрни, была закрыта: по воскресеньям она обычно работала до четырех, и сегодняшний день не стал исключением. На площадке стояли три разбитые машины, но «кадиллака» среди них Дуэйн не увидел. Тогда он пересказал Старику то, что узнал от шерифа о Конгдене.

Тот с отвращением пробормотал какие-то проклятия в адрес «вороватого капиталистического отродья» и отвернулся.

Они проехали по Второй авеню мимо погруженной во мрак Старой школы и свернули на Депо-стрит. Краем глаза Дуэйн увидел отдыхавших на веранде родителей Дейла. Те тоже узнали пикап Макбрайдов, и от мальчика не укрылось, какими напряженными сделались их позы.

Вскоре позади остался и перекресток Бруд-авеню.

Черного «шевроле» Конгдена не было ни во дворе, ни на грязной дороге около жалкого домишки. Старик постучал в дверь, но никто не отозвался, кроме пса, огромного, если судить по его злобному лаю. Дуэйн с отцом обошли дом и направились в дальний конец заросшего сорняками двора, осторожно ступая между разбросанными повсюду пружинами, пивными банками и еще каким-то хламом, среди которого валялась даже старая стиральная машина.

За небольшим сараем они наконец обнаружили то, что искали: несколько ржавых автомобилей. Всего их было восемь. Два стояли на каких-то колодах и, судя по виду, еще подлежали восстановлению, остальные представляли собой возвышавшиеся над

травой груды ржавых деталей. «Кадиллак» дяди Арта стоял отдельно, ближе всего к сараю.

— Не лезь внутрь, — предостерег его Старик, и в его голосе прозвучали какие-то непривычные нотки. — Если увидишь книжку, я сам ее достану.

Теперь, когда машина снова была на колесах, страшные повреждения стали еще заметнее. Крыша сплющена и смята почти до уровня дверец. Даже с пассажирской стороны, около которой они стояли, было видно, что тяжелая машина после столкновения с балюстрадой моста несколько раз перевернулась. Капот исчез, и Конгден или кто-то другой уже успел разложить на траве детали двигателя. Дуэйн обошел «кадиллак» и остановился возле водительского места:

— Отец!

Старик обошел вокруг машины и встал рядом с ним. Обе левые дверцы отсутствовали.

— Но они были на месте, когда «кадиллак» вытащили из воды! — недоуменно воскликнул Дуэйн. — Я ведь показывал шерифу полосу красной краски на боку.

— Помню. — Старик поднял металлическую стяжку и стал шарить ею в траве, будто надеясь отыскать пропавшие дверцы.

Дуэйн присел и заглянул внутрь, затем отошел к багажнику и сунул голову в огромную дыру, зиявшую на месте заднего стекла, после чего дернул дверцу с правой стороны, открыл ее и склонился над тем, что когда-то было задним сиденьем.

Искореженный металл. Разодранная обшивка. Пружины. Куски ткани и изоляции, свисавшие с потолка салона, словно причудливые сталактиты. Осколки стекла. Запах крови, бензина и масла, вытекшего из коробки передач...

Книги нигде не было.

— Дверцы куда-то пропали, — сообщил подошедший Старик. — А как ты? Нашел что искал?

Дуэйн покачал головой:

— Нам придется поехать на место аварии.

— Нет. — В голосе отца звучали нотки, делавшие невозможной любую дискуссию. — Не сегодня.

Дуэйн повернулся, чувствуя, как на плечи наваливается огромная тяжесть, что-то еще более невыносимое, чем острое горе, охватившее его после смерти дяди Арта. Он двинулся в обход сарая,

размышляя о предстоящем вечере в обществе Старика и бутылки с выпивкой. Сделка оказалась напрасной.

Но едва он завернул за угол сарая, как на него бросилась огромная собака. Нападение произошло так неожиданно и быстро, что Дуэйн не успел даже вытянуть руки из карманов.

Сначала Дуэйн даже не понял, что это собака: перед самым его носом вдруг возникло что-то массивное, черное, рычащее — таких жутких звуков Дуэйн вообще никогда не слышал. Затем это что-то прыгнуло на него, длинные клыки сверкнули у самых глаз — и Дуэйн рухнул навзничь прямо на пружины и разбитые стекла, придавленный мощным телом разъяренного существа, которое, извиваясь и рыча, подбиралось к его горлу.

В эту секунду, прижатый огромной тяжестью к захламленной земле, не в силах пошевелиться, Дуэйн вдруг осознал только одно: он смотрит прямо в лицо смерти. Время, казалось, застыло, и он в нем тоже застыл. Собака, превратившаяся в сплошное черное пятно, нависла над его лицом, заслонила собой весь мир — он видел только ее страшную пасть и капающую с клыков слюну — и готова была вцепиться в горло.

Старик, вновь подхватив на ходу стяжку, метнулся к лежащему Дуэйну и что есть силы обрушил железяку на пса. Удар пришелся доберману под ребра и отбросил его футов на десять в сторону дома. Хриплый визг пса походил на скрежет изношенных шестеренок.

— Вставай, — прохрипел Старик, занимая позицию между Дуэйном и собакой, уже поднявшейся после падения.

Дуэйн даже не понял, к кому обращены эти слова — к нему или к доберману.

Мальчик едва успел подняться на колени, когда пес вновь бросился в атаку с явным намерением добиться своего и с таким жутким рыком, что у Дуэйна от страха свело кишки.

Но теперь на пути у добермана стоял Старик. Дуэйн увидел, как отец стремительно развернулся, перехватил стяжку обеими руками и мощным движением снизу вверх взмахнул своим оружием как раз в тот момент, когда пес пролетал в прыжке мимо него. Как ни странно, но первой мыслью, мелькнувшей в это мгновение в голове Дуэйна, была мысль о сходстве отца с игроком в бейсбол, отбивающим верхний мяч в дальний конец поля.

Удар пришелся собаке под челюсть, ее голова запрокинулась назад под совершенно невозможным углом, а тело совершило стремительное сальто назад, с глухим стуком шмякнулось о стену сарая и сползло вниз.

Дуэйн встал и, пошатываясь, прошел мимо пса. Доберман был еще жив, но Старик нанес ему еще один удар под челюсть, от которого морда собаки неестественно подпрыгнула, словно была привязана к телу невидимой веревкой. Широко открытые глаза застыли и подернулись смертной пеленой.

— Черт возьми, — пробормотал Дуэйн, чувствуя, что если он не скажет сейчас что-нибудь хоть отдаленно напоминающее шутку, то просто упадет на месте и завоет, — мистера Конгдена ждет большой сюрприз.

— Хрен с ним, с этим Конгденом, — сказал Старик, но в голосе его не было никаких эмоций. — Держись ближе ко мне.

Дуэйну даже показалось, что с тех пор, как восемь часов назад машина шерифа въехала к ним во двор, отец впервые сбросил с себя напряжение и несколько успокоился.

Все еще сжимая в руке стяжку, Старик подошел к дому и несколько раз с силой стукнул ею по входной двери. Изнутри никто не отозвался. Дверь оставалась запертой.

— Слышишь что-нибудь? — спросил Старик, постукивая пальцами по куску металла.

Дуэйн покачал головой.

— Вот и я тоже.

И только тут до Дуэйна дошло, о чем говорит отец: либо собака, которая лаяла внутри дома, внезапно оглохла, либо эта собака сейчас валялась мертвая там, во дворе. А значит, ее кто-то выпустил.

Старик подошел к обочине дороги и бросил взгляд в обе стороны Депо-стрит. Под деревьями стало уже почти темно. Негромкое пока завывание восточного ветра предвещало бурю.

— Пойдем, Дьюни, — позвал Старик. — Мы найдем твою книгу завтра.

Они чуть-чуть не доехали до водонапорной башни, когда Дуэйна наконец перестала бить дрожь. Вот тут-то он внезапно вспомнил кое о чем и повернулся к отцу, заранее ненавидя себя за то, что собирался сказать, и одновременно сознавая, что не

имеет права поступить иначе и должен выполнить условия договора.

— Пап, а твоя бутылка?

— Хрен с ней, с этой бутылкой. — Старик покосился на сына и чуть улыбнулся. — Мы помянем Арта пепси. Вы ведь с ним пили именно пепси — так ведь? Поднимем за него тост, как полагается, расскажем друг другу разные истории, связанные с ним... В общем, устроим настоящие поминки. Потом ляжем спать пораньше, а завтра во всем разберемся. Договорились?

Дуэйн кивнул.

Джима Харлена привезли из больницы домой в воскресенье, ровно через неделю после того, как он туда, в эту больницу, попал. Левая рука по-прежнему была в гипсе, голова и грудь перевязаны, белки глаз оставались красными после кровоизлияния, и ему все еще приходилось принимать болеутоляющие лекарства. Но доктор и мама решили, что дома ему будет лучше.

Сам Харлен не хотел домой.

Все случившееся он действительно помнил смутно, хотя и гораздо лучше, чем признавался. Он помнил, как выскользнул из дома в ту субботу на бесплатный сеанс, как отправился следом за Двойной Задницей и даже как взбирался по стене школы, чтобы заглянуть внутрь классной комнаты. Но сам факт падения — как и то, что непосредственно ему предшествовало, — Харлен на чисто забыл. Каждую ночь в больнице он просыпался с бьющимся от привидевшегося кошмара сердцем и, задыхаясь, с ломотой в висках, хватался за металлические прутья кровати. В первые ночи возле него неотлучно сидела мама, а потом он научился вызывать звонком дежурную медсестру — просто для того, чтобы рядом был кто-нибудь из взрослых. Нянечки и медсестры — особенно самая пожилая из них, миссис Карпентер, — потакали причудам «несчастливого мальчика», жалели и баловали его. Они усаживались возле кровати и поглаживали Джима по коротко остриженным волосам, пока он не засыпал снова.

Кошмаров, заставлявших его просыпаться со страшным криком, Харлен не помнил, но хорошо помнил чувство, которое оставалось после них, — и этого было достаточно, чтобы его трясло и тошнило от страха. Такое же чувство охватывало Джима и при одной только мысли о возвращении домой.

Один из маминых дружков, которого Джим впервые видел, привез их домой. Харлен лежал на заднем сиденье универсала и чувствовал себя полным идиотом: даже в окно толком не посмотреть, потому что для этого нужно было приподняться, а из-за гипса ему с большим трудом удавалось оторвать голову от подушки. Каждая миля пятнадцатиминутной поездки из Оук-Хилла в Элм-Хейвен, казалось, поглощала свет, как будто машина двигалась в зону вечного мрака.

— Вроде бы дождь собирается, — заметил мамин приятель. — Одному только небу известно, как он нам нужен для урожая.

Харлен угрюмо усмехнулся. Кем бы там этот чудак ни был... Харлен уже забыл имя, которое мама в момент знакомства пробормотала так беззаботно и легко, словно сообщала о приезде давнего друга семьи, которого Харлен знал и любил. Так вот, кем бы он там ни был, только никак не фермером. Чистенький, сверкающий салон универсала, ухоженные руки мужчины, его твидовый, городской костюмчик говорили об этом со всей очевидностью. Да и вообще выглядел он странноватенько, что называется «не в себе». Этот тип наверняка и понятия не имел, в чем именно нуждается урожай — в хорошем дожде или сильной засухе.

Они прибыли домой около шести часов — мама собиралась забрать его в два, но слегка опоздала на какую-то пару часов, — и «этот тип» сделал красивый жест, помогая Харлену подняться в его комнату. Можно подумать, что у него ноги были переломаны, а не рука. Джим сел на кровать и огляделся — все казалось очень странным и каким-то незнакомым, — пытаюсь притерпеться к головной боли, пока мама побежала вниз за лекарством. До Джима донесся приглушенный разговор, затем там воцарилась полная тишина. Он представил себе поцелуй, которым обмениваются эти двое, вообразил «типа», пытающегося засунуть язык матери в рот, и ее кокетливо отводящую правую ногу в туфле на высоком каблуке чуть вверх и назад, как она делала всегда, когда обменивалась со своими «типами» прощальным поцелуем, — Джим частенько наблюдал такую картину из окна своей спальни.

Тошнотворно яркий свет, льющийся из окна в комнату, сделал ее освещение каким-то сернисто-желтым. Джим вдруг понял, почему комната показалась ему такой странной: мать навела здесь порядок. Исчезли груды валявшейся по всем углам одежды, кучи комиксов, игрушечных солдатиков и поломанных моделей, за-

громождавшие пол. Мать вымела мусор из-под кровати, добралась даже до кипы журналов «Для мальчиков», которая пылилась там годами. С краской внезапного стыда Джим подумал, не добралась ли она до нудистских журналов, запрятанных далеко в кладовке. Он начал было вставать, чтобы проверить, так ли это, но головокружение и подступившая к горлу тошнота заставили его опуститься обратно. Джим положил голову на подушку. Вот черт! Ко всему прочему еще и рука опять заныла: боль в сраставшейся кости мучила его постоянно, особенно по вечерам. С ума сойти: ему даже вставили стальной стержень! Харлен закрыл глаза и попытался представить железный гвоздь размером с железнодорожный костыль, воткнутый в треснувшую плечевую кость.

«Ничего костяного в моей плечевой кости, — подумал Джим и неожиданно почувствовал, что близок к слезам. — Куда она делась, чтоб ее? Или они, чего доброго, там уже трахаются?»

Мать вошла в комнату, сияя от счастья снова видеть своего ненаглядного сыночка, своего маленького Джимми дома. Мальчику бросился в глаза толстый слой грима у нее на щеках. И духи... От медсестер и нянечек, которые сидели возле него ночью в больнице, исходил приятный легкий цветочный аромат. А мускусный запах матери заставлял вспомнить о каком-нибудь лесном зверьке — о норке, может быть, или о ласке в период течки.

— А теперь прими свои таблетки, а я пойду приготовлю обед, — прошептала мать.

Она протянула Джиму всю упаковку, вместо того чтобы положить в маленькую чашку на столе строго определенное количество таблеток, как делали это медсестры. Харлен проглотил разом три таблетки кодеина вместо положенной одной. Чтоб ее, эту боль! Мать ничего не заметила: она была слишком занята, хлопоча в комнате, взбивая подушки, распаковывая его вещи. Если она и собирается закатить большой скандал по поводу журналов, подумал Харлен, то наверняка отложит это на завтра.

И отлично. Пусть спускается вниз и жарит, что она там собиралась: мать готовила не чаще двух раз в год, и всякий раз это было подлинным бедствием. Лекарство начало действовать. Харлен уже слышал шум в ушах, ощущал, как постепенно его охватывает то блаженное состояние, в котором он провел так много времени в первые дни пребывания в больнице, когда ему давали более

сильные болеутоляющие средства, и был готов скользнуть в теплые, мягкие объятия настоящего кайфа.

Он что-то пробормотал.

— Что, дорогой?

Мать на минуту замерла с его курткой в руках, и Харлен словно издалека услышал собственный голос, невнятно произносящий какие-то слова.

— Мои друзья не заходили? — сделав над собой усилие и сосредоточившись, спросил он.

— Твои друзья? Конечно заходили, дорогой! Они страшно беспокоились о тебе и велели передать тебе пожелания всего самого лучшего.

— Кто из них?

— Что ты сказал, дорогой?

— Кто из них?! — выкрикнул Харлен, но затем, взяв себя в руки, понизил голос: — Кто из них заходил?

— Ну-у... Этот милый мальчик с фермы... как его?.. Дональд, кажется... Он приходил в больницу на прошлой неделе...

— Дуэйн, — поправил ее Харлен. — Но он мне не друг. Он типичный фермерский сынок, соломенные уши. Меня интересует, кто приходил к нам домой?

Мать нахмурилась, и ее пальцы забегали, как бывало всегда, когда она испытывала замешательство. Харлен подумал, что ярко-красные ногти делают их похожими на окровавленные обрубки, и эта мысль почему-то вызвала у него улыбку.

— Кто? — снова спросил он. — О'Рурк? Стюарт? Дейзингер? Грумбахер?

Мать слегка вздохнула:

— Я не помню имен твоих милых друзей, Джимми, но они звонили, и не раз. Во всяком случае, их матери. Они все были очень обеспокоены. И особенно эта милая леди, которая работает в торговом центре.

— Миссис О'Рурк. А сам Майк или кто-нибудь другой не приходил?

Она сложила его больничную пижаму и сунула ее под мышку, будто отнести ее в стирку было сейчас наиважнейшим делом. Можно подумать, до больницы его грязные пижамы и белье не валялись здесь на полу целыми неделями.

— Я уверена, что они приходили, дорогой, но я была... ну, естественно, занята. Чуть не целые дни проводила в больнице... Да и другие дела...

Харлен попытался перевернуться на другой бок. Гипс мешал, словно неудобный нарост на левой руке, тяжелый и неподвижный. Кодеин наконец подействовал: тело стало легким и унеслось в безбрежное пространство. Хорошо бы мать оставила в его комнате весь флакон — тогда он сам решит, когда и сколько таблеток принимать. Докторам безразлично, как ты себя чувствуешь. Их не колышет, если ты просыпаешься среди ночи от ужаса и такой боли, что чуть не писаешь кипятком. Даже всем этим хорошо пахнущим нянечкам ты на самом деле до фонаря. Да, конечно, они приходят, если ты звонишь, но потом, когда их дежурство кончается, бросают тебя и, шаркая тапочками по кафельному полу, отправляются домой, чтобы там убажывать — а может быть, пилить — какого-нибудь несчастного парня.

Мать наклонилась поцеловать его. В нос Харлену ударил запах одеколона «этого типа» и сигарет, и его чуть не вырвало. Он резко отвернулся.

— А теперь поспи, дорогой.

Она, как в детстве, подоткнула вокруг него одеяло, старательно минуя гипсовую повязку, — получилось нечто вроде драпировки под рождественской елкой.

Боль окончательно отступила, и Харлен медленно уносился вдаль на волнах внезапного облегчения, впадая в оцепенение, но чувствуя себя при этом более живым, чем всю предыдущую неделю.

Еще не стемнело. В дневное время Харлен засыпал без опаски... Это чертовой темноты он боялся. Нужно немного подремать, прежде чем он заступит на свою еженощную вахту. Чтобы быть в полной боевой готовности, если *это* придет.

А что может прийти?

Действие лекарства каким-то образом освободило его разум, как будто барьеры, заслоняющие то, что произошло, — то, что он *видел*, — готовы были пасть. Занавес мог подняться в любой момент.

Джим попытался перевернуться на другой бок, но наткнулся на гипс и судорожно застонал, чувствуя, как боль, словно маленькая, но упорная собачонка, тянет его за рукав. Нет, он не по-

зволит барьерам пасть и занавесу подняться. Чем бы ни было то, что будит его каждую ночь, заставляя потеть от страха и задыхаться, *он не хочет, чтобы оно возвращалось.*

К дьяволу этих долбанных О'Рурка, Стюарта, Дейзингера и всех остальных! Хрен с ними со всеми! Разве это друзья? Кому они нужны? Харлен ненавидел этот долбаный город с его толстыми долбаными жителями и их долбаными идиотами-детками.

И долбаную школу тоже.

Джим Харлен окунулся в непрочное забытие. Серно-желтый свет уступил место красному, на обоях заиграли багровые тени... На город опускалась темнота. За окном уже слышались раскаты грома. Надвигалась буря.

Вскоре после захода солнца, сидя на перилах веранды своего дома в нескольких кварталах к востоку по Депо-стрит, Дейл и Лоренс глазели на сверкающие в почерневшем небе молнии. Родители удобно устроились рядом, на плетеных стульях. При каждой вспышке молнии они отчетливо видели плененный могучими вязами силуэт Старой центральной — ее кирпичные стены окрашивались в синий цвет. Ветер, обычно предшествующий грозе, еще не поднялся, и воздух оставался неподвижным.

— Как-то совсем не похоже на начинающийся ураган, — заметил отец Дейла.

Мать пригубила стакан с лимонадом и ничего не ответила. Дышать было трудно, воздух казался тяжелым и вязким. Миссис Стюарт невольно вздрагивала каждый раз, когда яркая молния озаряла призрачным светом здание школы, игровую площадку перед ней и Вторую авеню, протянувшуюся на юг до Хард-роуд.

Дейл сидел, замороженный вспышками в небе и тем странным оттенком, которые они придавали траве, дому, деревьям, асфальту улиц. Было похоже на то, как черно-белое изображение на экране телевизора вдруг на короткое время становится цветным.

Молнии бродили по небу над южным и восточным окоемом, сверкали над верхушками деревьев подобно фантастически ослепительному северному сиянию. Дейлу припомнились рассказы дяди Генри об артиллерийских обстрелах во время Первой мировой войны. Отец Дейла служил в Европе во время Второй мировой, но никогда не упоминал о чем-либо подобном.

— Смотри-ка, — тихо произнес Лоренс, показывая на школьный двор.

Дейл наклонился, чтобы проследить за направлением руки брата, и при следующей вспышке увидел странную борозду, протянувшуюся по бейсбольному полю. За время, прошедшее с тех пор, как они ушли на каникулы, на поле возникло уже несколько таких борозд, как будто там прокладывали трубы. Но за все это время ни Дейл, ни его домашние не видели, чтобы кто-нибудь работал на этой территории днем. Да и кому придет в голову тянуть трубы к зданию, которое через каких-нибудь несколько дней снесут до основания?

— Давай сбегает туда, — шепотом предложил Дейл, и они с братом спрыгнули с перил на каменные ступеньки, а оттуда — на газон.

— Не уходите далеко! — крикнула им вслед мать. — Скоро пойдет дождь.

— Мы быстро, — на ходу бросил через плечо Дейл.

Мальчики пробежали по Депо-стрит, перепрыгнули через неглубокие, заросшие травой канавы, служившие в городе ливневыми стоками, и побежали под раскидистыми ветвями гигантского вяза, который, словно часовой, возвышался над улицей как раз напротив их дома.

Дейл оглянулся, впервые отметив про себя, какими надежными стражами выглядят старые вязы. Вроде бы ты просто проходишь между ними на школьный двор, но стоит это сделать — и ты оказываешься за крепостной стеной во внутреннем дворе замка.

В эту ночь Старая школа более чем когда-либо походила на погруженный в раздумье старинный замок. Отблески молний вспыхивали в незаколоченных окнах и тут же гасли. Камень и кирпичная кладка в этом свете казались позеленевшими. За аркой ворот простирался крошечный мрак.

— Вон там, — указал Лоренс.

Он остановился в шести футах от борозды, протянувшейся через площадку, как будто земля была взрыта огромным кротом или и впрямь кто-то вдруг вознамерился протянуть от школы трубопровод. Дейл даже видел холмик, прижавшийся вплотную к кирпичной стене около подвального окошка, и отходящую от него в направлении второй базы и питчерской горки еще одну

полосу взрытой земли. Но примерно на половине поля борозды заканчивались.

Дейл обернулся и проследил направление борозды, стараясь определить, куда она могла привести, если бы протянулась дальше. Взгляд его уперся в крыльцо собственного дома.

Лоренс неожиданно вскрикнул и отпрыгнул назад.

Дейл круто обернулся и в коротком разрыве света увидел, как земля внезапно выгнулась, на гладкой поверхности появились комья грязи — хотя трава при этом оставалась нетронутой, — и длинная полоса борозды протянулась еще фута на четыре, до самых его кедов.

Майк кормил с ложечки Мемо, а за окнами одна за другой сверкали молнии — такие яркие, что, несмотря на занавески, в комнате становилось светло как днем. Занятие, признаться, было не из приятных. Глотать старая женщина могла, и пищеварительная система работала как положено — в противном случае бабушку нельзя было бы оставлять под присмотром домашних и пришлось бы поместить ее в дом престарелых в Оук-Хилле. Однако есть Мемо могла только протертую пищу, причем каждый раз нужно было помогать ей открывать и закрывать рот. Само глотательное движение скорее походило на внезапный приступ удушья. И разумеется, большая часть пищи оставалась на подбородке и широком нагрудничке, который повязывали старушке на время кормления.

Но Майк терпеливо справлялся с этой работой. Он кормил бабушку и одновременно, во время долгих перерывов между двумя глотками, разговаривал с ней, сообщал о маленьких домашних новостях: о том, что печатали воскресные газеты, о приближении дождя, о проделках сестер.

Внезапно глаза Мемо страшно расширились и она судорожно заморгала, пытаясь что-то сообщить. Майк часто жалел, что они не изучили азбуку Морзе еще до удара, приключившегося с бабушкой. Но откуда же им было знать, что это понадобится? Как бы то ни было, сейчас, когда Мемо моргала, потом делала паузу, снова моргала и опять впадала в неподвижность, знание азбуки Морзе пришлось бы очень кстати.

— Что случилось, Мемо? — прошептал Майк, наклоняясь поближе и вытирая салфеткой бабушкин подбородок.

Он с опаской оглянулся через плечо, ожидая увидеть темную тень за окном. Но там была лишь сплошная темнота. В следующее мгновение ее разорвала внезапная вспышка света, озарившая листья липы и поле на другой стороне улицы.

— Все в порядке, — поспешил успокоить бабушку Майк и набрал новую ложку тертой моркови.

И все же что-то было явно не в порядке. Мемо заморгала интенсивнее, а мышцы на горле так напряглись, что Майк испугался: ему показалось, что еще секунда — и большая часть ужина извергнется обратно. Он опять склонился к лицу Мемо, стараясь понять, не подавилась ли она. Нет, не похоже. А мигание тем временем превратилось в лихорадочное стаккато, — казалось, с Мемо вот-вот случится новый удар, который станет последним. Но позвать родителей он не мог: царившее за окном затишье перед бурей словно каким-то непостижимым образом сковало его движения и заморозило чувства. Майк неподвижно застыл в кресле, держа в вытянутой руке ложку и не в силах шевельнуть хоть пальцем.

Судорожное моргание неожиданно прекратилось, и глаза Мемо вновь невероятно распахнулись и застыли. И в этот же момент что-то заскреблось под половицами старого дома. Майк знал, что ничего, кроме пустого низкого лаза, там нет, но тихий звук, родившийся под кухней, в юго-западном крыле дома, становился все громче и быстро приближался. С такой скоростью не могла ползти ни кошка, ни собака. Это было что-то другое... Вот оно уже миновало кухню... Станный звук послышался в углу столовой, потом под коридором, под полом бывшей гостиной, а теперь комнаты Мемо... И наконец у самых ног Майка, под массивной металлической кроватью, на которой лежала старая женщина.

Майк глянул вниз, под свою протянутую руку, туда, где на портером коврике стояли его кеды. Скребущий, скрежещущий звук под старыми половицами стал таким громким, будто кто-то проложил под домом рельсы и теперь катился по ним на тележке, длинным ножом или железным прутом колотя по каждой поперечной скобе или распорке. Вскоре скрежет сменился стуком и треском, как если бы то же самое лезвие теперь использовали, чтобы взломать пол прямо под подошвами кедров Майка.

Открыв рот, он неотрывно смотрел вниз, ожидая, что буквально через секунду под ногами разверзнется дыра, из нее вылезут жуткие окровавленные пальцы и схватят его за ногу. Краем глаза Майк заметил, что бабушка перестала мигать и крепко зажмурилась.

Однако ужасные звуки вдруг прекратились.

Майк вышел из оцепенения. Пальцы, все еще сжимавшие ложку, задрожали.

— Мама! Папа! Пег! — громко позвал он, едва сдерживаясь, чтобы не сорваться на визг.

Дверь ванной комнаты, располагавшейся наискосок от спальни Мемо, распахнулась, и на пороге появился отец: подтяжки сброшены с плеч, нижняя рубашка вытащена из брюк, массивный живот навис над ремнем брюк. На ходу набрасывая на плечи халат, из родительской спальни вышла мать. По лестнице сбежала одна из сестер — правда, не Пег, а Мэри — и остановилась в проеме двери, прислонившись спиной к косяку.

На Майка посыпался град вопросов.

— Какого дьявола ты тут кричишь? — снова спросил отец, когда первое возбуждение утихло и все перестали говорить одновременно.

Майк переводил глаза с одного лица на другое:

— Вы что, ничего не слышали?

— А что мы должны были слышать? — Голос матери, как всегда, прозвучал более хрипло и резко, чем она сама, быть может, хотела.

Майк опустил взгляд на ковер под ногами, безошибочно чувствуя, что там что-то притаилось. Притаилось и ждет... Он снова глянул на Мемо. Ее глаза все еще оставались закрытыми, а все тело было напряжено.

— Звук, — ответил Майк, слыша, как неловко звучит его голос. — Какой-то страшный звук прямо под нашим домом.

Отец покачал головой и приложил к мокрым щекам полотенце:

— Я был в ванной и ничего не слышал. Должно быть, это одна из прокля... — Он бросил взгляд на нахмурившую брови жену. — Одна из этих драных кошек. А может, скунс. Пойду возьму фонарь, щетку и шугану тварь.

— Нет! — закричал Майк, много громче, чем намеревался.

Мэри скорчила презрительную гримаску, а во взглядах родителей явно читалось недоумение.

— Не стоит ходить сейчас, — уже гораздо тише заговорил Майк. — Там дождь собирается. Давайте отложим до завтра, когда будет светло. Я сам пойду и посмотрю, что там.

— Смотри не навись на пауков. Там водятся черные вдовы, — передернув плечами, сказала Мэри и взбежала по лестнице в свою комнату.

Отец молча вернулся в ванную.

Мать подошла к кровати, погладила Мемо по голове и коснулась пальцем ее щеки.

— Кажется, мама уснула, — негромко произнесла она. — Давай-ка я останусь здесь и покормлю ее, когда проснется. А ты ступай к себе, поспи.

Майк сглотнул и опустил все еще трясущуюся руку на колено, которое, впрочем, тоже подрагивало. Он по-прежнему ощущал чье-то присутствие под полом, и от этого неизвестного существа его отделяли лишь доски меньше дюйма толщиной да старенький, сорокалетней давности коврик. Он чувствовал, что *она* там, внизу, сидит и ждет, чтобы он ушел.

— Нет, — ровным голосом ответил он и даже улыбнулся. — Я останусь и сделаю все сам.

Мать потрепала его по волосам и ушла в свою спальню.

Майк подождал.

Через минуту Мемо открыла глаза.

За окном бесшумно сверкнула молния.

Глава 16

Дождя не было ни в воскресенье, ни в понедельник, хотя дни стояли серые, мрачные и словно насыщенные влагой. Старик сказал, что кремация дяди Арта состоится в среду в Пеории. Оставалось уладить кое-какие формальности и оповестить знакомых. Собирались приехать трое: старый армейский приятель дяди Арта, двоюродный брат, с которым он поддерживал отношения, и одна из бывших жен, — поэтому следовало организовать хотя бы короткую поминальную службу. Церемония была назначена на три часа дня в единственном похоронном бюро Пеории, которое занималось кремацией.

В понедельник Старик много раз пытался позвонить Джей-Пи Конгдену, но там никто не снимал трубку. Дуэйн как раз стоял у входной двери и мог слышать весь разговор, когда констебль Барни явился с жалобой.

— Ну, Макбрайд, — обратился он к Старику, — Джей-Пи всем жалуется, что вы убили его собаку.

Старик ощерился:

— Проклятая собака набросилась на моего сына. Чертов безмозглый доберман! Впрочем, у самого Джей-Пи мозгов не больше.

Барни мял в руках шляпу, пальцы нервно поглаживали гладкую ленту внутри ее.

— Джей-Пи утверждает, что собака была заперта в доме, где он, собственно, и обнаружил ее труп. Заявляет, что кто-то забрался в дом и убил добермана.

Старик сплюнул в пыль:

— Черт подери, да вы прекрасно знаете, что это ложь, как и большинство протоколов о нарушениях, на основании которых

он штрафует людей на дорогах. Да, псина действительно была внутри дома, когда мы с сыном постучали, прежде чем обойти сарай и самостоятельно разыскивать Артов «кадиллак»... который, между прочим, совершенно не должен был там находиться. Это противозаконно: покупать пострадавшую в аварии машину, пока следствие не закончено. Как бы то ни было, пес налетел на Дуэйна уже после того, как мы прошли на задний двор, а это значит, что засранец Конгден специально выпустил собаку, чтобы она напала на нас.

Барни внимательно заглянул Старику в глаза:

— У вас есть доказательства, что все именно так и было?

Старик рассмеялся:

— А почему он послал вас ко мне? У самого-то Конгдена есть доказательства, что именно я убил его добермана?

— По его словам, вас видели соседи.

— Вранье. Рядом с ним живет миссис Дюмонт, а она слепая. Во всем том квартале меня знает только мисс Дженсен, а она уехала в Оук-Хилл к своему сыну Джимми. Кроме того, я имел законное право находиться на его участке. А вот Конгден вопреки законам и правилам завладел машиной моего брата и к тому же снял с нее дверцы, чтобы скрыть следы преступления и помешать установлению истинной причины аварии.

Барни резко нахлобучил шляпу на голову и дернул козырек:

— О чем это вы толкуете?

— О двух пропавших дверцах с водительской стороны «кадиллака», на которых оставались следы, с головой выдававшие настоящего виновника аварии. Следы красной краски. Красной! Точно такой же, как на кабине грузовика, пытавшегося неделю назад сбить моего сына.

Барни вынул из кармана блокнот и огрызок карандаша и принялся что-то записывать. Потом он снова поднял глаза:

— Вы сообщили об этом шерифу Конуэю?

— Вам отлично известно, что я ему звонил, — сердито проворчал Старик. Он очень нервничал и все время потирал щеки; в это утро он побрился, и отсутствие щетины как будто его смущало. — Шериф пообещал разобраться с этим делом, а я попросил его разобраться как следует и предупредил, что в противном случае выдвину против него и Конгдена обвинение в ненадлежащем проведении расследования.

— Значит, вы считаете, что была вторая машина?

Старик оглянулся на Дуэйна, стоявшего возле двери, и вновь повернулся к Барни:

— Я только знаю, что мой брат никогда бы не поехал по мосту со скоростью семьдесят миль. Арт до жути скрупулезно придерживался всех чертовых правил на этот счет, даже на таких дерьмовых дорогах, как Джубили-Колледж. Нет, тут что-то не так. Уверен, кто-то столкнул «кадиллак» с трассы.

Барни направился к своей машине.

— Я позвоню Конуэю и поставлю его в известность, что, со своей стороны, тоже проведу расследование этого дела, — сказал он, не оборачиваясь.

Дуэйн удивленно моргнул: дорожно-транспортные происшествия на окружающих шоссе не входили в компетенцию городского констебля, так что его вмешательство было, по сути, чистой воды любезностью.

— Да, и еще... — продолжил констебль. — Я скажу мировому судье, что соседи, должно быть, ошиблись. Этот чертов кобель и на меня бросался несколько раз. — И он протянул Старика руку. — Я чертовски сожалею о гибели Арта.

Пораженный Старик молча пожал протянутую констеблем руку.

Дуэйн шагнул через порог и встал рядом с отцом, провожая взглядом удалявшуюся машину. Мальчику отчего-то казалось, что если он сейчас обернется и посмотрит на отца, то увидит в его глазах слезы — в первый раз с момента гибели дяди Арта.

Но он не обернулся.

В тот же вечер они поехали домой к дяде Арту, чтобы взять костюм для похорон и отвезти его в Пеорию, в морг.

— Чертовски глупо, — сидя за рулем пикапа, раздраженно бормотал Старик. — Они ведь не будут выставлять его для прощания, а просто сожгут в закрытом гробу. Арт вполне мог бы лежать там голым. Ему теперь уже все равно. Да и нам, в общем-то, тоже.

Дуэйн уловил в этом ворчании знакомые нотки — явное свидетельство долгого воздержания от выпивки. Еще немного — и Старик побьет собственный рекорд двухлетней давности. Впрочем, причиной могло быть и терзавшее душу отца горе, и просто плохое настроение.

Этой поездки Дуэйн ждал с особым нетерпением. Он не хотел привлекать слишком большое внимание к поискам хоть каких-то следов книги, которую дядя Арт обнаружил у себя в доме и вез, чтобы показать племяннику. Но дядя Арт не доехал, потому что его убили. А Дуэйн знал, что Старик непременно должен будет побывать в доме брата до похорон.

Когда они добрались до места, уже стемнело. Этот небольшой белый домик, стоявший в нескольких сотнях ярдов от дороги, дядя Арт арендовал у семьи фермеров. Хозяева трудились на соседних полях — этим летом они выращивали бобы, — а маленький огородик позади дома был вверен заботам дяди Арта. У самой двери Старик вдруг остановился как вкопанный и несколько мгновений не двигался, пристально глядя на огородик. Дуэйн понял, о чем он в этот момент думает: через несколько недель они будут собирать там созревшие помидоры, которые так любил дядя Арт.

Дверь не была заперта. Переступая порог, Дуэйн моргнул и машинально поправил на носу очки, чувствуя, как всем его существом вновь овладевает горькое чувство потери, вызванное, как он решил, по-прежнему витавшим внутри запахом трубачного табака, который обычно курил дядя Арт. В ту же секунду Дуэйну пришла мысль о том, как быстротечна человеческая жизнь и как недолговечны свидетельства его пребывания на этом свете: несколько книжек, запах любимого табака, одежда, которую станут носить другие, несколько фотоснимков, документы, письма, не представляющие никакой ценности для посторонних... Человеческое существо, с внезапно подступившим головокружением подумал Дуэйн, оставляет в этом мире мизерный след, который исчезает так же быстро, как след руки, на минуту опущенной в море: стоит ее вынуть — и воды снова сомкнутся, будто ничего и не было.

Дуэйн вместе с отцом прошел через кухню в темный «кабинет».

— Я сейчас вернусь. — Старик говорил шепотом, но оба, сами не понимая почему, воспринимали это как должное. — Можешь пока побыть здесь, если хочешь.

Дуэйн кивнул и щелкнул выключателем.

Старик исчез в спальне, и мальчик услышал, как открылась дверца шкафа.

В доме дяди Арта были кухня, кабинет, переделанный из оказавшейся ненужной столовой, и гостиная, достаточно просторная, чтобы вместить плетеное кресло-качалку, уйму книжных полок и пару кресел, стоявших по обе стороны от столика с разложенной на нем шахматной доской — Дуэйн узнал партию, которую они с дядей разыгрывали в последний раз, когда он был здесь, — и большой телевизор на консолях. В дальнем конце располагалась крохотная спальня. Передняя дверь вела на небольшую бетонную террасу, выходящую во двор, занимавший примерно два акра. Гости никогда не пользовались этой дверью, но Дуэйн знал, что дядя Арт любит посиживать здесь вечерами, покуривая трубочку, любуясь расстилающимися на север полями и прислушиваясь к шуму машин, доносившемуся сюда со скрытой за холмом Джубили-Колледж-роуд.

Дуэйн прогнал воспоминания и постарался сосредоточиться. Дядя Арт однажды упомянул, что с сорок первого года ведет дневник и хранит все тетради. Вполне возможно, что в этом дневнике сохранились какие-то записи, касающиеся книги, о которой дядя говорил по телефону и которая теперь попала в руки Конгдена — если, конечно, ее не забрал кто-то другой.

Он включил лампу на заваленном бумагами письменном столе. Стены самой большой комнаты, превращенной в кабинет, были заняты высокими, от пола до потолка, книжными полками, заставленными огромным количеством томов в твердых кожаных переплетах. Еще несколько полок стояли в центре кабинета и служили опорой для положенной горизонтально огромной двери — это сооружение дядя Арт и называл своим письменным столом.

Дуэйн бегло перебрал громоздившиеся на столе стопки счетов, писем, вырезок из чикагских и нью-йоркских газет и журналов — главным образом это были статьи о шахматах, — карикатур из «Нью-Йоркера», подержал в руках две одинаковые рамки: в одну из них дядя Арт вставил фотографию своей второй жены, а в другую — рисунок Леонардо да Винчи, изображающий машину, отдаленно похожую на вертолет, погладил пальцами гладкую поверхность банки со стеклянными шариками для игры и с грустной улыбкой взглянул на другую, полную красных лакричных леденцов — его любимого лакомства. Здесь же валялись старые чеки, списки членов профсоюза завода «Катерпиллер», списки

нобелевских лауреатов и великое множество других бумаг и бумажек. Но дневника не было.

Ящики в этом столе, естественно, отсутствовали. Дуэйн внимательно осмотрел комнату, прислушиваясь к звукам, доносившимся из спальни: Старик, похоже, рылся в ящиках — наверное, искал белье и носки.

Времени у Дуэйна было немного.

Где дядя Арт мог хранить дневник? Может быть, в спальне? Нет, он не стал бы писать в постели и наверняка делал это, сидя за рабочим столом. Но на столе тетрадей нет. И ящиков тоже нет.

«Книги... — Дуэйн опустил в старое кресло, отметив про себя, как сильно стерся лак на подлокотниках, отполированных руками дяди Арта. — Он вел записи каждый день... Возможно, каждый вечер, сидя здесь... Так... Дядя Арт был левшой...»

Дуэйн вытянул в сторону левую руку.

Пальцы коснулись одной из нижних полок, находившейся возле левой опоры импровизированного стола. Книги стояли в два ряда, причем корешками в противоположные стороны. Ближе к столу оказались несколько переплетенных, но не имевших названий томов. Дуэйн вытянул один из них: кожаный переплет, плотная дорогая бумага, примерно полтысячи страниц... И ни одной напечатанной буквы — лишь от руки, убогим почерком написанные строки, выведенные старомодной авторучкой. Множество страниц, заполненных текстом, который оказался совершенно нечитабельным...

Дуэйн раскрыл том и, привычным жестом поправив очки, склонился над ним. Все записи были сделаны не на английском, а на какой-то фантастической смеси арабского и хинди: каждая строчка — сплошной забор из крючков, палочек, росчерков и причудливых орнаментов, не поддающаяся расшифровке вязь незнакомых символов. Ни одного пробела между словами. Но над каждым массивом текста были проставлены цифры, и они-то как раз зашифрованы не были. На одной из страниц Дуэйн прочел: «19.3.57».

Дядя Арт часто говорил, что принятая в Европе, да и в остальном мире, манера датирования записи — сначала указывать число, затем месяц и только потом год — более разумна, чем американская. «От малого к большому, — сказал он племяннику, когда тому было лет шесть. — В этом есть чертовски много здравого

смысла». И Дуэйн всегда был с ним согласен. Таким образом, эта запись была датирована девятнадцатым марта тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года.

Мальчик сунул книгу обратно и вытащил самый крайний том. На первой странице было написано: «1.1.60». На последней, незаконченной: «11.6.60». В воскресенье утром дядя Арт не делал записей в дневнике, но он сделал их в субботу вечером.

— Ты готов?

В дверном проеме стоял Старик, держа в одной руке костюм, упакованный после химчистки в полиэтиленовый пакет, а в другой — старую спортивную сумку дяди Арта. Он шагнул в круг света от настольной лампы и кивком указал на том в руках сына:

— Это та книга, которую Арт тебе вез?

— Думаю, да, — после секундного колебания ответил Дуэйн.

— Тогда забирай ее.

Старик направился к выходу через кухню.

Дуэйн выключил свет, постоял еще минуту, размышляя о том, что в остальных толстых томах дневника заключены восемнадцать лет жизни дяди и он, Дуэйн, возможно, поступает сейчас не так, как нужно. Ведь совершенно очевидно, что дядя Арт сознательно вел дневники особым личным кодом, не желая поверять посторонним сокровенные мысли. Но расшифровывать всяческие коды было давним увлечением мальчика. И если он найдет ключ к этому коду, то прочтет то, что не предназначалось ни для него, ни для кого-либо другого.

«Но ведь дядя Арт сам собирался рассказать мне о своей находке, — убеждал себя Дуэйн. — И он был явно встревожен. И как будто слегка испуган. Он говорил так серьезно и взволнованно...»

Мальчик вздохнул и взял со стола тяжелую книгу, особенно остро ощущая в этот момент присутствие дяди: о нем напоминал слабый аромат табака, особый, чуть затхлый запах старых книг и кожаных переплетов и даже едва уловимый запах пота физически работающего человека.

В темной комнате это ощущение будило в душе Дуэйна тревогу, как будто призрак дяди стоял здесь же, за спиной, и приказывал взять в руки дневник, снова сесть за стол, включить свет и читать, читать, читать... А он, призрак, будет витать рядом. Ду-

эйну вдруг показалось, что чьи-то холодные пальцы коснулись его шеи.

Дуэйн неторопливо пересек кухню и присоединился к отцу, ожидавшему его в машине.

Дейл с Лоренсом целый день играли в бейсбол, не обращая внимания на грозные тучи и перенасыщенный влагой воздух. К обеду они с ног до головы покрылись толстым слоем пыли, которая, смешавшись с потом, черными струйками стекала по коже. Едва завидев сыновей, мать приказала им немедленно, не поднимаясь на второй этаж, раздеться, а Дейлу велела отнести все грязное белье к стиральной машине, которая стояла в самом дальнем углу подвала.

Подвал Дейл просто ненавидел. Это была единственная часть старого дома, где он чувствовал себя крайне неудобно. Летом все было нормально и ему почти не приходилось сюда спускаться. Другое дело зимой, когда Дейл должен был каждый вечер после обеда наполнять углем специальный ящик.

В подвал вела лестница, ступеньки которой предназначались, по-видимому, для великана: каждая из них была высотой не меньше двух футов. Огромная бетонная лестница делала поворот налево, проходя между наружной стеной и стеной кухни, отчего создавалось впечатление, что подвал гораздо глубже, чем на самом деле. Лоренс называл лестницу «тайным ходом в подземную темницу».

Голая лампочка над верхней ступенькой почти не освещала ту часть коридора, которая вела к топке. Там была еще одна лампочка, но зажечь ее можно было, только дернув за шнур, висящий над бункером для угля. Проходя мимо него, Дейл глянул вправо, на проем в стене фута в четыре высотой, начинавшийся чуть повыше края бункера и служивший для загрузки. От потолка до пола было не больше пяти футов, и Дейл знал, как трудно отцу стоять здесь, согнувшись в три погибели, и шуровать лопатой. Ящик, сейчас закрытый крышкой, находился ниже уровня прохода, так что уголь в ожидавшее его чрево приходилось сбрасывать сверху вниз. Позади ящика, заполняя собой остаток помещения, располагалась сама старинная топка — огромный уродливый железный остов с протянувшимися во всех направлениях шупальцами труб.

Когда зимой приходилось загружать ящик углем, больше всего Дейл ненавидел не саму работу, хотя с его рук всю зиму не сходили мозоли, и даже не угольную пыль, которая оставалась в уголках рта даже после чистки зубов, — нет, больше всего он ненавидел подземный лаз позади бункера.

Самая дальняя стена начиналась в трех футах над грязным цементным полом и заканчивалась, не доставая до потолка и оставляя обнаженными покрытые паутиной трубы. Дейл знал, что пустое пространство проходит под большей частью той комнаты, которую отец называет кабинетом, и тянется до самой передней террасы. Загружая уголь, Дейл иногда слышал возню мышей и стук коготков более крупных грызунов, а один раз, быстро обернувшись, успел заметить пару маленьких красных глаз, пристально наблюдавших за ним.

Родители часто хвалили Дейла за усердие и быстроту, с которой он наполнял ящик. Для него же самого эти двадцать — или около того — минут зимнего вечера были наихудшим временем в жизни, и он готов был работать с любой скоростью, только бы поскорее наполнить проклятый ящик и пулей вылететь из подвала. Когда бункер бывал только что загружен, Дейлу не было нужды заходить глубоко в подвал, но ближе к весне, когда количество угля уменьшалось до небольшой кучки в самом дальнем углу, приходилось тащиться через весь бункер, загружать ящик, поднимать его и идти обратно спиной к лазу.

Вот почему одной из причин, по которым Дейл любил лето, было отсутствие необходимости спускаться в подвал. И сейчас, бросив один лишь взгляд на темнеющую кучу антрацита, мальчик увидел, что его осталось совсем мало. Жиденький лучик света едва заметно блеснул на гладких поверхностях бункера, но лаз оставался в полной темноте.

Дейл отыскал первый шнур, дернул его, мигнул от вспышки, обогнул топку во втором помещении, где, кроме нее, ничего не было, пересек следующий отсек, в котором отец устроил верстак, и свернул вправо, к последнему закутку — там стояли стиральная машина и сушилка.

Отец когда-то сказал, что засунуть в этот угол оба этих агрегата было сущим мучением и что если они когда-нибудь переедут, то оставят их здесь. Дейл был с ним совершенно согласен: он прекрасно помнил, как его отец, грузчики и два вызвавшихся

помочь соседа боролись с этими машинами не меньше часа. Окон в этом помещении — как, впрочем, и во всем подвале — не было, и шнур от лампы свисал в самом его центре. Около южной стены зияла почти идеально круглая яма примерно трех футов в диаметре, уходящая круто вниз, прямо в крошечный мрак. Рядом с ней был установлен дренажный насос, который откачивал влагу из подвальных помещений, располагавшихся ниже обычного для города уровня грунтовых вод. Тем не менее за те четыре с половиной года, что они жили здесь, в подвале случились четыре потопа, и однажды отцу пришлось долго стоять по колено в холодной воде, налаживая этот самый насос.

Сейчас Дейл зашвырнул скомканную грязную одежду на стиральную машину, на ходу выключил свет и стремглав промчался через мастерскую, потом мимо топки, а оттуда — в коридор. На этот раз он даже не взглянул на бункер и буквально взлетел вверх по ступенькам. В подвале было холодно и влажно, и он с наслаждением ощутил тепло воздуха, льющегося в полуоткрытую дверь, и увидел свет заката, разливающегося на западном склоне неба, прямо над домом Грумбахера.

Дейл быстро проскочил в кухню, несколько смущенный тем, что приходится расхаживать по дому в трусах. Лоренс уже плескался в ванне и вовсю трубил, изображая атакующую противника субмарину. К счастью, мама в этот момент вышла на террасу, и Дейл скоренько перебежал босиком холл, взлетел по ступенькам, крутанулся на лестничной площадке и нырнул в свою комнату, чтобы успеть накинуть халат до маминого возвращения. Вскоре он уже валялся в постели со старым номером «Эстаундинг сайнс фикшн» в руках, ожидая своей очереди принимать ванну.

Дуэйн Макбрайд уединился в своем тихом и светлом уголке подвала. На расшифровку кода ему потребовалось не больше пяти минут.

Дядя Арт делал записи вовсе не на хинди, а на самом обыкновенном английском языке и даже не переставлял слоги. Конечно, небольшой подсказкой Дуэйну послужило восхищение, с которым и он, и его дядя относились к великому Леонардо.

Гений эпохи Ренессанса для своего собственного дневника использовал весьма простой шифр: записывал слова задом наперед

так, чтобы прочесть их можно было только при помощи зеркала. Дуэйн вооружился зеркальцем, и перед ним предстали обыкновенные английские слова, только без интервалов между ними. Кроме того, ради большей сложности дядя Арт соединял верхние части букв, что придавало его письменам странное сходство с арабским или ведическими рунами. Вместо точек он ставил символ, похожий на перевернутую букву «F» с двумя точечками перед ней, а «F» с одной точечкой обозначала запятую.

Дуэйн открыл последнюю страницу, чтобы прочесть текст, который мог быть связан с интересующей его проблемой, и увидел, что вначале речь там шла о каком-то профсоюзном лидере, подозреваемом в расхищении общественных средств, а следующая запись представляла собой пересказ политического спора между Стариком и дядей Артом. Он помнил, что послужило предметом спора: Старик был по обыкновению пьян и призывал к насильственному свержению правительства. Пробежав этот абзац, Дуэйн поспешил перейти к последнему отрывку.

11.6.60.

Я разыскал материал, за которым охотится Дуэйн! Это было в книге «Апокрифы. Дополнения к „Книге закона“» Алистера Кроули. Мне следовало раньше догадаться, что подобную информацию можно найти именно у Кроули, этого самозваного мага нашего столетия, который кое-что знал о подобных делах.

Провел пару часов, сидя на веранде и размышляя. Сначала я собирался придержать информацию, но маленький Дьюни так упорно старается раскрыть эту местную тайну, что, на мой взгляд, имеет право знать все. Завтра я отвезу ему книжку и познакомлю парня со всем отрывком о «талисманах». Раздел, посвященный Борджа, мне показался довольно странным.

Приведу здесь несколько абзацев, имеющих, по-моему, прямое отношение к делу.

В то время как Медичи предпочитали связываться с миром магии, используя традиционные талисманы в виде различных животных, известно, что семья Борджа на протяжении большинства плодотворных столетий эпохи Возрождения (плодотворных, разумеется, с точки зрения высокого Искусства) предпочитала прибегать к помощи совершенно иного талисмана, не имеющего отношения к живому миру.

Легенда гласит, что ими была выбрана так называемая Сте-ла Откровения — одна из святынь Древнего Египта, украденная

в пятом или шестом веке христианской эры из храма Осириса. Стела Откровения надолго стала источником могущества для семьи Борджа, выходцев из испанской Валенсии.

В 1455 году, когда один из членов этого древнего рода чародеев стал папой, великая ирония его возвышения состояла в том, что этим достижением он был обязан темной силе ужасного символа дохристианской эпохи. И первым актом этого папы был указ о сооружении колокола. Почти нет сомнений в том, что этот колокол, привезенный в Рим незадолго до кончины папы Борджа, был отлит из металла расплавленной Стелы Откровения, которая таким образом приобрела новую форму, более приятную глазам христиан и более доступную пониманию людей, с нетерпением ожидавших прибытия святыни.

Этот колокол, как говорили, значительно превосходил своими размерами любой из подобных магических объектов, имевшихся в те дни почти в каждом из мавританских или испанских королевских дворов. Видимо, Борджа смотрели на такие вещи по принципу: «Все поглотим и все породим». В Египте Стела Откровения была известна как «корона смерти», и ее необыкновенная трансформация была предсказана в «Книге бездны».

В отличие от талисманов живой природы, которые по своей сути были не более чем медиумами, Стела, даже став колоколом, требовала жертвоприношений. Согласно другой легенде, дон Алонсо Борха, перед тем как отправиться в Рим на конклав 1455 года, принес в жертву колоколу свою новорожденную внучку, и, как известно, на этом конклаве именно его, вопреки всем ожиданиям, избрали папой. Впоследствии, однако, дон Алонсо, а точнее, папа Каликст III, видимо, утратил интерес к подобным занятиям либо счел мощь Стелы исчерпанной его собственным приходом к власти. Как бы то ни было, жертвоприношения были отменены. Папа Каликст III умер, а колокол был перевезен во дворец племянника дона Алонсо, Родриго Борджа, римского кардинала, преемника архиепископа Валенсийского и ближайшего прямого наследника династии Борджа.

Но, как гласит легенда, Стела — или колокол, в облике которого она теперь пребывала, — по-прежнему требовала жертв.

Приняв ванну, Дейл Стюарт отправился в спальню. Лоренс уже лежал в постели — вернее, не лежал в постели, а сидел на ней, поджав ноги и отодвинувшись как можно дальше от края. Выражение его лица было довольно странным.

— Что случилось? — спросил Дейл.

Лицо Лоренса было таким бледным, что на коже явственно проступили веснушки.

— Я... я не знаю... Я вошел, включил свет и... ну и... В общем, я что-то услышал.

Дейл недоверчиво покачал головой. Ему припомнилось, как пару лет назад зимним субботним вечером, когда мама ушла в магазин, они вдвоем смотрели фильм ужасов «Мсть мумии». Как только он закончился, Лоренс услышал что-то на кухне — странные шаги, такие же медленные, скользящие, как шаги мумии в фильме. Страх брата передался и Дейлу, обоим показалось, что «шаги» приближаются, и мальчишки, распахнув окно и выставив вторую раму, выпрыгнули во двор. Вернувшаяся из магазина мать застала сыновей стоящими в одних носках и футболках на улице и дрожащими от холода.

Но тогда Дейлу еще не исполнилось девяти, а теперь уже целых одиннадцать.

— И что же ты слышал? — скептически поинтересовался он.

Лоренс оглянулся:

— Не знаю. Я не то чтобы услышал... Скорее как-то почувствовал, что ли. Будто в комнате есть кто-то еще.

Дейл вздохнул, зашвырнул грязные носки в корзинку и выключил свет.

Возвращаясь к кровати, Дейл заметил, что дверца шкафа чуть приоткрыта, и толкнул ее, чтобы она захлопнулась.

Но щелчка не последовало.

Думая, что мешает тапка или что-нибудь еще, Дейл остановился и нажал посильнее.

Но дверца не подавалась, — напротив, она спружинила и приоткрылась еще шире. Что-то толкало ее изнутри и хотело выйти...

Дуэйн промокнул лицо банданой. Обычно в подвале было прохладно даже в самые жаркие дни лета, но сейчас по лицу мальчика струился пот. Книга лежала раскрытой на его так называемом письменном столе, представлявшем собой дверь, уложенную на козлы. Дуэйн торопливо выписывал в свой блокнот то, что казалось ему наиболее важным, а потом отложил карандаш в стоноу и стал просто читать.

Он по-прежнему держал перед собой зеркало, хотя уже наловчился и без его помощи разбирать зашифрованный дядей текст.

В определенной мере Стела Откровения, теперь отлитая в виде колокола, пробудилась и обрела новые силы после принесения в жертву маленькой внучки первого папы из семейства Борджа. Но если верить Книге Оттавиано¹, Борджа испугались мощи Стелы и не были готовы к апокалипсису, который, согласно древним папирусам, должен был последовать за пробуждением Стелы. Как гласит «Книга закона», Стела Откровения дарует огромную власть тому, кто ей служит. Но в то же время, когда соответствующие жертвы принесены, талисман становится предвестником «конца света», колоколом, чей погребальный звон *возвещает о том, что ровно через шестьдесят лет шесть месяцев и шесть дней после этого пробуждения наступит апокалипсис.*

Родриго, следующий папа из династии Борджа, поместил колокол внутрь сооружения, пристроенного к Ватиканскому дворцу. Там, в башне Борджа, Александр — так назвал себя Родриго, став папой, — надеялся удержать Стелу от пробуждения с помощью мистических фресок полубезумного карлика, художника по имени Пинтуриккьо. Эти «гротески», рисунки, сюжеты и персонажи которых были заимствованы в римских катакомбах, должны были сдерживать зловещую мощь Стелы, в то же время позволяя династии использовать преимущества силы этого талисмана.

По крайней мере, так считал папа Александр VI.

Как в «Книге закона», так и в тайных записях Оттавиано имеются намеки на то, что Стела начала влиять на жизнь этой семьи. Несколько лет спустя Александр VI велел перенести колокол в огромный и неприступный замок Сант-Анджело, но, даже захороненный в этой каменной гробнице вместе с костями давно умерших, талисман не утратил своей власти над человеческими существами, пробудившими его к жизни.

Оттавиано сообщает о безумии, на многие последующие десятилетия охватившем как Борджа, так и весь Рим: убийства и заговоры, ужасные даже с точки зрения весьма жестоких нравов той эпохи, демоны, обитающие в римских катакомбах, загадочные крохотные существа, которых видели и в замке Сант-Анджело, и на городских улицах... В этих записях можно найти множество свидетельств усиления власти Стелы по мере ее пробуждения.

¹ Вероятно, имеется в виду Петруччи Оттавиано (1466–1539), итальянский книго- и нотоиздатель.

После смерти Оттавиано легенда о Стеле канула во мрак. Великий дом Борджа пал. А когда на трон Святого Петра вступил первый из Медичи¹, его рескрипт повелел удалить колокол из Рима, расплавить, а проклятый металл захоронить в освященной земле подальше от Ватикана.

Никаких сведений, которые могли бы пролить свет на дальнейшую судьбу Стелы Откровения, до наших дней не дошло. Легенда о ее власти, «всепоглощающей и всепорождающей», весьма популярна среди современных некромантов.

Дуэйн медленно отложил в сторону дневник дяди Арта. Наверху, в кухне, слышались спотыкающиеся шаги Старика. Чуть позже до Дуэйна донеслось его невнятное бормотание, хлопнула входная дверь, взревел двигатель пикапа, и машина, пару раз чихнув, рванула с места. Воздержание Старика закончилось. Мальчик не понял, в какую именно сторону поехал отец — к пивной «У Карла» или к бару «Под черным деревом», — но точно знал, что вернется тот очень нескоро.

Несколько минут он просидел, глядя на лежащую на столе книгу и на свои записи, потом встал и пошел наверх, чтобы запечатать входную дверь.

Дверь шкафа медленно открывалась.

Дейл налег на нее всем телом и взглянул на Лоренса. Тот сидел, уставившись на брата широко открытыми глазами.

Дверь замерла, но оставшийся зазор дюйма в четыре зиял чернотой.

— Помоги... — одними губами шепнул Дейл брату.

Нечто, находившееся внутри, надавило с новой силой, и дверь приоткрылась еще на дюйм. Ноги Дейла беспомощно заскользили по голым доскам пола.

— Мама! — крикнул Лоренс, спрыгивая с кровати, и бросился на подмогу.

Братья теперь уже вдвоем навалились на дверь и заставили ее чуть податься назад. Зазор уменьшился дюйма на два.

— Мама! — в два голоса позвали они.

Выкрашенные в желтый цвет доски дрогнули, и дверь снова начала открываться.

¹ Первым папой римским из этого рода был Джованни Медичи, принявший имя Льва X; его понтификат длился с 1513 по 1521 г.

Дейл и Лоренс испуганно посмотрели друг на друга. Оба чувствовали огромную силу, исходящую изнутри.

Зазор вновь расширился — еще на три дюйма. Из шкафа не доносилось ни звука. Там царила полная тишина, резко контрастировавшая с пыхтением и тяжелым дыханием обоих мальчиков. Носки Дейла и голые ступни Лоренса скребли по полу.

Дверь еще подалась. Теперь между нею и стеной зияла пропасть в целый фут шириной, а оттуда тянуло холодом.

— Господи... не могу... удержать... — выдохнул Дейл.

Левым бедром он прижимался к старому комоду, но никак не мог обрести прочную опору, достаточную, чтобы вернуть дверь обратно. Что бы там внутри ни было, оно обладало силой по меньшей мере взрослого человека.

Дверь сдвинулась еще на два дюйма.

— Мама! — вопил Лоренс. — Мама! На помощь! Ма-ам!

Мать что-то прокричала с крыльца в ответ, но Дейл понимал, что до ее прихода им не продержаться.

— Беги! — выдохнул он.

Лоренс глянул на него и послушно отскочил, но не побежал из комнаты, а в два шага и один огромный скачок очутился на своей кровати.

Без помощи брата Дейл не мог противостоять мощному напору: силы были слишком неравными. Дверь распахнулась, ударив Дейла по коленям. Отпрыгнув от двери, он буквально взлетел на комод и уселся там, поджав ноги. Лампа и несколько книжек свалились на пол.

Лоренс завизжал.

На лестнице уже раздавались шаги матери. Услышав ее голос, спрашивавший, в чем дело, Дейл хотел было ответить, но, прежде чем он успел открыть рот, из шкафа вырвался поток ледяного воздуха, как будто кто-то открыл дверь в погреб с тухлым мясом, и оттуда что-то выбежало.

Оно было очень низким, по меньшей мере четыре фута длиной, и бесплотным, как тень, только гораздо темнее. Сама чернота, принявшая форму жуткого обезумевшего насекомого, скользила по полу. Дейл увидел тонкие волокна, подобно страшным лапам молотившие воздух, и невольно подтянул ноги еще выше. Фотография в рамке упала на пол и разбилась.

— Ма-а-ма-а-а! — опять одновременно завопили братья.

Черное существо бежало по полу, размахивая и шурша о доски тонкими отростками. Дейл подумал, что оно похоже на таракана, если только можно вообразить таракана в четыре фута длинной и несколько дюймов высотой, да еще и сделанного при этом из беспросветной тьмы.

— Мам!

Кошмарное существо юркнуло под кровать Лоренса.

Тот совершенно бесшумно метнулся на кровать Дейла и встал там, балансируя и покачиваясь, как акробат на батуте.

Дверь спальни распахнулась, и мать буквально застыла на пороге, недоуменно глядя на визжащих от страха мальчишек.

— Эта тварь... из шкафа... убежала под...

— Под кровать... она черная... и большая...

Мама выскочила в коридор и через мгновение вернулась со шваброй.

— Марш отсюда! — приказала она сыновьям, включая свет.

Дейл колебался только мгновение, а потом спрыгнул вниз и за спиной матери шмыгнул к двери. Лоренс с той же великолепной грацией перепрыгнул с кровати Дейла на свою и последовал за братом. Стремглав проскочив коридор, оба прижались к перилам. Дейл обернулся, стараясь увидеть, что происходит в спальне.

Мать опустила на четвереньки и приподняла пыльную кружевную оборку под матрасом Лоренса.

— Мама! Нет! — крикнул Дейл и бросился к матери, чтобы оттащить ее назад.

Она выронила швабру и схватила сына за плечи:

— Дейл... Дейл... прекрати. Ну перестань же! Тут ничего нет. Вот смотри.

Между двумя всхлипываниями, грозившими перейти в рыдания, Дейл заглянул под кровать... И ничего не увидел.

— Наверное, оно убежало под кровать Дейла, — слышался от двери голос Лоренса.

Мать развернулась, приподняла оборку под матрасом Дейла и наклонилась со шваброй в руках. Сердце все еще цеплявшегося за нее Дейла едва не остановилось.

— Вот видишь, — сказала она, вставая с колен и отряхиваясь, — там ничего нет. А теперь рассказывайте. Что вам привиделось?

Оба брата загалдели одновременно. Словно со стороны слышавшая собственный рассказ, Дейл вдруг понял, как глупо все это звучит: что-то длинное, черное, низкое вдруг открыло дверцу шкафа и, будто гигантский жук, кинулось под кровать...

Ерунда какая-то.

— Наверное, оно вернулось в шкаф, — предположил Лоренс, с трудом переводя дыхание и едва удерживаясь от слез.

Мать внимательно посмотрела на обоих, затем подошла к шкафу и широко распахнула дверцу. Дейл невольно отшатнулся к порогу и оттуда наблюдал, как мама ворошит одежду, сдвигает в сторону тенниски, осматривает все углы и даже дверную коробку. Шкаф был не очень глубоким. И внутри не было никакого ужасного существа.

Мама скрестила на груди руки и посмотрела на мальчиков. Они стояли в дверях, оглядывая через плечо лестничную площадку, всматриваясь в темные проемы дверей, ведущих в спальню родителей и гостевую комнату, будто ожидая, что страшная тень вот-вот появится за их спинами.

— Признайтесь, ребята, вы просто пугали друг друга — так ведь? — строго спросила мама.

Оба мальчика горячо затараторили, стараясь как можно точнее описать все, что видели. Дейл даже показал, как они пытались удержать дверь.

— И этот жук открыл ее? — В мамином голосе слышались веселые нотки.

Дейл вздохнул.

Лоренс смотрел на брата, и во взгляде его явственно читалось: «Это что-то все еще прячется под моей кроватью. Просто мы его не видим».

— Мама, послушай... — Дейл заговорил самым рассудительным и спокойным тоном, на какой только был способен. — Разрешите нам, пожалуйста, спать сегодня в вашей комнате. В спальнях мешках.

Секунду она колебалась. Наверное, подумал Дейл, она вспомнила тот случай зимой, когда они выпрыгнули из окна, напуганные шагами «мумий»... или то, как прошлым летом они до поздней ночи сидели в поле около бейсбольной площадки, пытаясь наладить телепатический контакт с пришельцами, и вернулись

домой обескураженные, когда космический корабль пришельцев оказался обыкновенным самолетом.

— Ладно, — кивнула она. — Возьмите ваши спальные мешки и раскладушку. А мне придется выйти и сказать миссис Сомерсет, что мои взрослые сыновья помешали нам закончить разговор, потому что испугались померещившегося им призрачного жука.

Она спустилась по лестнице. Мальчики пошли следом, стараясь не отставать. Они подождали, пока мама вернется в дом, а потом упросили ее постоять у двери в комнату для гостей, пока они отыщут там раскладушку и спальные.

Мама не позволила оставить на ночь свет даже в коридоре и направилась в спальню братьев, чтобы выключить лампу там. Оба затаили дыхание. Но все, слава богу, закончилось благополучно: она вернулась целой и невредимой, а швабру поставила в изголовье кровати — должно быть, в качестве оружия для защиты. Дейл вспомнил о помповом дробовике, лежащем рядом с двустволкой в отцовском шкафу. Патроны к нему хранились в нижнем ящике кедрового комода.

Свою раскладушку Дейл придвинул вплотную к кровати, на которой спал Лоренс, не оставив между ними ни малейшего зазора.

Мать вскоре заснула, а он еще долго лежал не смыкая глаз и прислушивался к настороженному дыханию младшего брата. Тревога и напряжение не оставляли обоих.

Рука Лоренса скользнула под одеялом и коснулась его пальцев. Дейл не оттолкнул ее. Убедившись, что это действительно ладошка Лоренса, а не что-нибудь, высунувшееся из темноты под кроватью, он крепко сжал ее. Так, держась за руки, братья наконец провалились в спасительный сон.

Глава 17

В среду, пятнадцатого июня, закончив разносить газеты, Майк, прежде чем отправиться в костел Святого Малахия, где отец Кавано вскоре должен был служить мессу, спустился в подвал своего дома.

Утро было солнечным и теплым, солнце уже стояло высоко, но под могучими кронами дубов и вязов царил прохладная тень. Майк оторвал металлическую заслонку, преграждающую вход в лаз. В домах всех его знакомых были нормальные подвалы, а не лазы. «Что ж, — подумал он, — у всех моих знакомых и туалеты в доме, а не на улице».

Он включил предусмотрительно захваченный с собой бойскаутский фонарик. Высота лаза едва достигала восемнадцати дюймов. Паутина... Грязь... Трубы... Потемневшие от времени балки и деревянный настил, служащие опорой для пола... Снова паутина... Отвратительный запах застарелой кошачьей мочи и сырой земли.

Помня про опасных черных вдов и потому извиваясь из всех сил, чтобы не задеть руками липкие беловатые нити их паутины, Майк осторожно продвигался в сторону передней части дома. Чтобы добраться туда, ему нужно было миновать пространство под комнатой родителей и небольшим коридором. Чем глубже он заползал, тем гуще становилась темнота вокруг; сюда уже не проникал ни единый лучик дневного света. Мальчика охватила паника, и он лихорадочно извернулся, стараясь увидеть оставшийся далеко позади небольшой прямоугольник солнечного света. Убедившись, что наружное отверстие лаза по-прежнему остается в поле его зрения, а значит, дорогу к нему будет найти нетрудно, Майк снова пополз вперед.

Когда, по его подсчетам, он уже должен был находиться под гостиной — в трех ярдах впереди показалась каменная кладка фундамента, — Майк остановился, перевернулся на бок и перевел дух. Правой рукой он касался деревянной крестовины связки, левая запуталась в паутине. Витавшая в воздухе пыль плясала в узком луче фонарика, забиралась в волосы и попадала в глаза, заставляя Майка часто моргать.

«Господи, ну и хорош я буду, когда придет время идти помогать отцу Кавано на мессе», — сокрушенно подумал он.

Майк повернулся налево, луч фонарика уперся в северную стену дома футах в пятнадцать от него. Какого дьявола... то есть какую чепуху он тут ищет? Майк сжался и начал осторожно поворачиваться по кругу, внимательно осматривая землю в поисках хоть каких-нибудь следов — доказательства того, что здесь кто-то был.

Ничего определенного. Камень и плотно утрамбованная земля были испещрены следами когтей нескольких поколений кошек, принадлежавших О'Руркам, и множества других зверьков, находивших здесь убежище. Повсюду виднелись затвердевшие кучки кошачьего помета.

«Это наверняка был кот или скунс», — с невольным вздохом облегчения подумал Майк.

И тут он увидел дыру.

В первый момент это пятно показалось ему всего лишь тенью, но оно не исчезло, когда на него упал луч света. Тогда Майк решил, что это, должно быть, кусок черной пластмассы, или брезента, или еще чего-нибудь, брошенного и забытого здесь отцом. Он подполз фута на четыре ближе и остановился.

И все-таки это была дыра — почти идеально круглая, примерно дюймов двадцать в поперечнике. При желании туда можно даже засунуть голову. Однако у Майка такого желания не возникло.

К тому же из дыры воняло. Майк подавил отвращение и подвинулся ближе. Сморд волнами накатывал из туннеля, будто его доносил ветер с кладбища.

Подняв валившийся поблизости камень, Майк бросил его в дыру. Но звука падения не услышал.

Тяжело дыша, с сердцем, бьющимся так сильно, что удары, наверное, слышала даже Мемо в своей комнате, Майк чуть приподнял фонарик и постарался осветить внутренность дыры.

Сначала он подумал, что ее стены сделаны из красной глины, но затем увидел похожие на ребра перепонки, кроваво-красные хрящи, подобные внутренним поверхностям кишок какого-то неизвестного существа. «Совсем как туннель в сторожке на кладбище», — мелькнуло у него в голове.

Майк отпрянул, подняв при этом тучу пыли и вляпавшись одной рукой в паутину, а другой — в кошачий помет. И в то же мгновение, вдруг оглянувшись, он не увидел прямоугольника света...

Кто-то загородил вход?

Нет, вот он: светлое пятно появилось снова.

Майк торопливо полз вперед, не обращая внимания на то, что все время задевает головой доски, а лицом зарывается в паутину. Фонарик теперь оказался где-то под животом и ничего не освещал. Майку показалось, что под кухней чернеет еще одно отверстие, гораздо большего размера, но он не стал задерживаться, чтобы выяснить, так ли это.

Какая-то тень возникла в отверстии лаза, заслонив свет. Майк сумел разглядеть две руки и вроде бы обмотанные какими-то тряпками ноги.

Перекатившись вбок, он схватил железную палку.

Тень пролезла чуть глубже — стало совсем темно.

— Микки? — раздался тихий и чистый голосок его сестренки Кетлин. — Микки, мама говорит, что тебе пора идти в церковь.

Майк почти без чувств свалился во влажную грязь. Правая рука мелко дрожала.

— Хорошо, Кетти. А теперь отойди, пожалуйста, чтобы я мог вылезти отсюда.

Тень исчезла.

Когда Майк выбрался наконец на свежий воздух, сердце буквально разрывалось от боли. Он закрыл заслонкой проход, вбил гвозди.

— Ой, какой ты грязный! — как всегда, чуть замедленно проговорила Кетлин, улыбаясь брату.

Майк оглядел себя. Вся одежда была покрыта серой пылью и паутиной. Ссадины на локтях кровоточили. Лицо испачкано грязью — он даже ощущал на губах ее вкус. Поддавшись мгновенному импульсу, он обнял сестренку, и та радостно прижалась к нему, ничуть не опасаясь, что может тоже запачкаться.

На погребальную церемонию в часовню похоронного бюро Хауэлла в Пеории пришли более сорока человек. Дуэйн показалось, что Старик слегка раздражен таким скоплением людей, как будто ему хотелось проводить брата в последний путь без лишних свидетелей. Но извещение, помещенное в газете, и несколько телефонных звонков сделали свое дело: родственники, друзья и знакомые дяди Арта приехали даже из Чикаго и Бостона. Присутствовали также несколько его коллег с завода «Катерпиллер», и один из них, не скрывая чувств, рыдал в течение всей службы.

Священника не приглашали, ибо дядя Арт твердо придерживался семейной традиции воинствующего агностицизма, но несколько коротких надгробных речей было произнесено. Среди тех, кто пожелал выступить, были коллега дяди по работе — тот самый, который не мог удержаться от слез, кузина Кэрол, прилетевшая из Чикаго и в тот же вечер намеревавшаяся вернуться обратно, и привлекательная женщина средних лет по имени Долорес Стивенс, которую Старик представил как «подругу дяди Арта». Слушая ее, Дуэйн гадал, как долго дядя Арт и эта женщина были любовниками.

Последним говорил Старик. Дуэйн нашел его речь самой впечатляющей: никаких слов о загробной жизни или о награде за достойно прожитые годы — только горькие нотки в голосе из-за потери брата и несколько слов о личности, которая не поклонялась фальшивым ценностям, а посвятила жизнь служению другим людям, честному и беззаветному. В заключение Старик прочел отрывок из Шекспира, любимого драматурга дяди Арта. Дуэйн ожидал услышать что-то вроде «Спи, милый принц. Спи, убаюкан пеньем херувимов!..»¹, зная, как ценил дядя Арт иронию во всех ее проявлениях. Но Старик по памяти, никуда не заглядывая, пропел песню. Временами голос его срывался, но он мужественно держал себя в руках, и последние слова прозвучали на удивление сильно:

Для тебя не страшен зной,
Вьюги зимние и снег,
Ты окончил путь земной
И обрел покой навек.
Дева с пламенем в очах
Или трубочист — все прах.

Все прошло — тиранов гнет,
Притеснения владык.

¹ У. Шекспир. Гамлет. Акт V, сц. II. Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Больше нет ярма забот,
Равен дубу стал тростник.
Царь, ученый, врач, монах
После смерти — все лишь прах.

Не страшись ни молний ты...
Ни раскатов громовых...
Ни уколов клеветы.
Радость, скорбь — не стало их.
Кто любовь таил в сердцах,
Все, как ты, уйдут во прах.

Злобных сил не знай ты...
Духам не внимай ты...
Ада не страшись ты...
К небу вознесись ты.
Спи среди цветов и трав,
Память вечную снискав¹.

В часовне слышались рыдания.

Старик склонил голову и вернулся на свое место.

В задернутом занавесом алькове заиграл орган. Медленно, по-одиночке или небольшими группами, люди начали расходиться. Кузина Кэрл и еще несколько человек немного задержались, чтобы выразить соболезнование Старику или погладить Дуэйна по голове. С трудом застегнутый воротничок и туго повязанный галстук стесняли мальчика — он чувствовал себя словно в костюме с чужого плеча и, вопреки всему происходящему, втайне ожидал, что вот сейчас дядя Арт переступит порог часовни, подойдет к нему и со смехом скажет: «Ради всего святого, парень, сними ты этот дурацкий наряд. Галстуки носят лишь бухгалтеры и политиканы».

Наконец Дуэйн и Старик остались вдвоем. Вместе они спустились в подвальное помещение похоронного бюро, где стояла мощная печь для кремации, — и тело дяди Арта было предано огню.

Майк терпеливо дожидался, когда отец Кавано пригласит его после литургии на завтрак — состоявший обычно из кофе и багелей², намереваясь рассказать священнику о том, что видел в лазе.

¹ У. Шекспир. Цимбелин. Акт IV, сц. II. Перевод П. Мелковой.

² *Багель* — булочка круглой или кольцеобразной формы, изначально принадлежавшая еврейской кухне, однако ставшая очень популярной во всем мире.

Еще три года назад Майк понятия не имел о том, что такое багель. Но с тех пор как отец Кавано стал приглашать на завтрак нескольких самых надежных своих помощников, мальчик стал экспертом в таких делах и теперь с невозмутимым видом уверенно намазывал багель сливочным сыром или укладывал на него аппетитные кусочки копченой лососины. Правда, убедить священника в том, что одиннадцатилетнему мальчику можно разрешить пить кофе, удалось не сразу. Но через некоторое время отец Кавано все-таки согласился, что это не больший грех, чем привычка называть епархиальный автомобиль папамобилем. Так у них появилась еще одна общая тайна.

Майк жевал багель и размышлял, как бы получше все объяснить. Не может же он вот так просто взять и заявить: «Отец Кавано, у меня есть кое-какие трудности в жизни. Дело в том, что мертвый солдат роет туннель под моим домом и пытается схватить мою бабушку. Не может ли Церковь помочь мне от него избавиться?»

— Отец, вы верите в существование зла? — наконец отважился заговорить он.

— Зла? — переспросил священник, отрывая взгляд от газеты. — Ты имеешь в виду зло как абстрактное понятие?

— Я не знаю, что такое абстрактное понятие, — пробормотал Майк. С отцом Кавано он часто чувствовал себя полнейшим дураком.

— Зло как категория или как сила, не зависящая от воли и поступков людей? — уточнил священник. — Или ты имеешь в виду что-то вроде этого? — Он указал на снимок в газете.

Майк увидел фото мужчины по фамилии Эйхман, которого посадили в тюрьму в каком-то Израиле, — Майк ничего не знал об этом человеке и понятия не имел, где этот самый Израиль находится.

— Мне кажется, я имел в виду зло, не зависящее от воли и поступков людей, — ответил он.

Отец Кавано сложил газету.

— А-а-а, древний вопрос о воплощении зла. Ну что ж, тебе известно, чему учит нас Церковь.

Майк покраснел, но все-таки отрицательно покачал головой.

— Так-так-так. — Теперь священник его явно поддразнивал. — Тебе не мешало бы повторить уроки катехизиса, Майкл.

Майк кивнул:

— Ага, но все-таки что говорит Церковь насчет зла?

Отец Кавано достал пачку «Мальборо», щелчком выбил оттуда сигарету и закурил. Потом кончиками пальцев осторожно снял с языка табачную крошку. Его голос стал серьезным.

— Ну, тебе известно, что Церковь признает существование зла как независимой силы. — Он встретил недоумевающий взгляд Майка. — Например, Сатана, то есть дьявол...

— О да. — Майк вспомнил исходящий из туннеля запах. Сатана. Неожиданно собственные опасения показались ему полной глупостью.

— Многие теологи, как, например, Фома Аквинский и другие, на протяжении веков размышляли над проблемой зла, пытаясь понять, как оно может быть самостоятельной силой, если, согласно Священному Писанию, всемогущество Святой Троицы неоспоримо. Вполне удовлетворительных ответов получено не было, но, безусловно, догматы Церкви призывают нас верить, что зло обладает собственной властью и имеет своих приверженцев. Ты следишь за ходом моей мысли, Майкл?

— Да... вроде... — неуверенно ответил Майк. — Значит, могут существовать... посланцы зла? Что-то наподобие ангелов?

Отец Кавано вздохнул:

— Ну, мы с тобой сейчас вторгаемся в средневековый образ мыслей. Но да, по существу так, именно этому учит нас Церковь.

— Какова природа сил зла, отец?

Священник задумчиво побарабанил пальцами по щеке:

— Какова природа? Ну, прежде всего, мы имеем демонов, конечно. Инкубов. И суккубов. Данте дал в своей комедии описание целых семей и образцов демонов. Например, замечательных созданий с именем типа Драгигнаццо, что можно перевести как «подобный большому дракону», и Граффиакане, что означает «тот, кто стришет собак», и...

— А кто этот Данте? — с воодушевлением прервал его Майк, взволнованный перспективой возможной встречи с этим замечательным человеком, который был экспертом в таких важных вещах.

Отец Кавано еще раз вздохнул и затушил сигарету.

— Я забыл, что у нас до сих пор применяется система обучения, которой давно следовало бы находиться в седьмом круге

ада. Данте, мой мальчик, это поэт, живший и умерший приблизительно семь веков назад. Боюсь, что я несколько отвлекся от предмета нашей дискуссии.

Майк допил кофе, вымыл чашку и осторожно поставил ее на сушилку.

— А эти существа... ну, эти демоны... они вредят людям?

Отец Кавано нахмурился:

— Но мы ведь говорим о созданиях, порожденных невежественным человеческим разумом, Майкл. Люди в те времена знали слишком мало. Стоило кому-то заболеть — и они начинали винить в этом демонов. Единственным лекарством в то время были пиявки.

— Кровососы? — Майк был явно шокирован.

— Да. Демонов считали виновными в болезнях людей, в душевных расстройствах... — Он помолчал, видимо вспомнив, что сестра его алтарного служки страдает именно таким расстройством. — Апоплексический удар, плохая погода, безумие... — словом, все то, что не поддавалось тогда объяснению, приписывалось козням демонов. А в те времена люди могли объяснить лишь очень немногое.

Майк вернулся к столу.

— Но вы сами как считаете, такие вещи на самом деле существовали... существуют? Демоны могут преследовать людей?

Отец Кавано скрестил руки на груди:

— Я полагаю, что Церковь дала нам замечательное учение, Майкл. Но постарайся представить Церковь в виде гигантской драги, добывающей золото со дна реки. Она приносит людям много золота, но вместе с ним уйму грязи и пустой породы.

Майк нахмурился. Он терпеть не мог, когда отец Кавано пускался в подобные сравнения. Он говорил, что это метафоры, но сам Майк называл их увертками.

— Они существуют взаправду?

Отец Кавано вытянул руки вперед, держа их ладонями вверх:

— Возможно, не в буквальном смысле, Майкл. Но в фигуральном — да, безусловно.

— Если они действительно существовали, — продолжал настаивать на своем Майк, — могли ли всякие церковные штуки остановить их, как это бывает в кино с разными вампирами?

Священник мельком улыбнулся:

— Церковные штуки?

— Вы знаете, о чем я... Кресты, гостия, святая вода... все такое.

Отец Кавано поднял брови, будто решив, что над ним подшучивают. Майк, напряженно ожидавший ответа, не обратил внимания на такую реакцию.

— Конечно, — кивнул священник, — если все эти... церковные штуки, как ты выражаешься... действуют на вампиров, то они должны подействовать и на демонов. Разве не так?

Майк кивнул. Он решил, что на сегодня достаточно. Если он после всех этих разговоров о вампирах и демонах расскажет отцу Кавано о Солдате, тот подумает, что парень рехнулся. Священник пригласил своего помощника на «холостяцкий ужин» в пятницу, но Майку пришлось отказаться. Еще раньше Дейл предложил ему поехать на ферму к дяде Генри, чтобы вновь заняться поисками пещеры бутлегеров. Вообще-то, с тех пор как они познакомились, это было их обычное времяпрепровождение. И хотя Майк сильно подозревал, что этой пещеры и в природе-то не существует, ему всегда очень нравилось играть на ферме дяди Генри. К тому же на обед там всегда бывало что-нибудь очень вкусное. Конечно, в пятницу Майк не станет есть мясо, но и без этого найдется чем полакомиться. Например, свежайшими овощами прямо с грядки.

Майк попрощался, взял велосипед и как сумасшедший помчался домой, мечтая о том, чтобы лужайка перед домом была подстрижена, все домашние дела переделаны и у него была возможность поиграть. Проезжая мимо Старой школы, он с чувством запоздалой вины вспомнил, что Джим Харлен уже несколько дней как вернулся из больницы, а они до сих пор не собрались навестить друга. Мысли о Джиме напомнили и о том, что сегодня в Пеории Дуэйн хоронит своего дядю.

Майк подумал о Мемо, которая, вполне возможно, лежит сейчас в одиночестве, потому что дома никого нет. Кроме Кетлин, разумеется.

Майк еще энергичнее заработал ногами, проскочил мимо школы и поспешил к дому.

В среду вечером Дуэйну позвонил Дейл, но беседа была краткой и какой-то неловкой. Голос Дуэйна звучал устало, и соблазнавания Дейла смутили их обоих. Дейл рассказал о пригласе-

нии на ферму к дяде в пятницу и наседали на Дуэйна до тех пор, пока тот не сдался и не сказал, что, наверное, придет. После этого разговора Дейл отправился спать в подавленном настроении.

Ночник в спальне братья выключать не стали.

— Ты думаешь, эта штука все еще под кроватью? — прошептал Лоренс часом позже.

— Мы же проверяли, — прошептал в ответ старший брат. — Ты сам видел, что там ничего не было.

Лоренс упросил брата поддержать его за руку. Дейл согласился на компромисс и разрешил тому ухватить его за рукава пижамы.

— Но мы же видели это...

— Мама сказала, что это была тень или что-то вроде.

Лоренс нахально показал фигу:

— Так это, по-твоему, тень толкала дверь шкафа?

По спине Дейла пробежал холодок. Он вспомнил то настойчивое, неумолимое давление, которое тогда ощутил. Что бы это ни было, оставаться внутри оно явно не хотело.

— Ладно, забудь, — тихо сказал он и сам услышал прозвучавшие в голосе нотки страха. — Во всяком случае, оно убежало.

— Нет, не убежало, — едва слышно возразил Лоренс.

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю, и все.

— Ну тогда скажи, где оно?

— Оно ждет.

— Где ждет?

Дейл посмотрел на брата и встретил в ответ его напряженный, полный ужаса взгляд. Без очков глаза Лоренса казались огромными и темными.

— Оно все еще под кроватью, — сонно шепнул он и закрыл глаза.

Дейл вытянул из обмякших пальцев рукав и сжал ладошку брата.

— Оно ждет, — еще тише пробормотал Лоренс, погружаясь в сон.

Кровати братьев разделял десятидюймовый проход. Ребята хотели вообще сдвинуть их вместе, но мама запретила, сказав, что ей будет неудобно пылесосить пол. Ладно, десять дюймов тоже неплохо. Можно держаться за руки, и ничто большое не сумеет выпрыгнуть на них.

«Но рука может достать... Или когтистая лапа... А может, голова на длинной шее...» — ядовито подсказал Дейлу внутренний голос.

Мальчик опять вздрогнул. Нет, это глупо. Мама была права: им это просто почудилось, как почудились когда-то шаги мумии. Или НЛО.

«Но ведь тогда мы ничего не видели...» — мелькнула предательская мысль.

Дейл зажмурился. Ему хотелось провалиться в сон и ни о чем больше не думать, но зияющее пространство между кроватями никак не давало покоя. Он снова широко открыл глаза и напряженно уставился в темноту.

«Черт! Если кровати стоят так близко друг к другу, то *оно* может перебегать то под одну, то под другую, а я этого и не увижу. *Оно* может схватить нас обоих сразу, оплести своими ужасными черными щупальцами...»

Лоренс прерывисто вздохнул, из уголка рта на подушку капнула слюна.

Дейл принялся считать мачты корабликов, нарисованных на обоях, стараясь не шевелиться и как можно тише дышать. Чтобы лучше слышать. Чтобы уловить звук, который может раздаться перед нападением, и успеть приготовиться...

Глава 18

В четверг Старику пришлось поехать в дом к дяде Арту, чтобы найти кое-какие документы, и Дуэйн, несмотря на явное нежелание отца, увязался за ним.

Старик пребывал в мрачном настроении и раздражался по любому поводу. Судя по всему, ему не терпелось расслабиться и уйти в долгий запой. Дуэйн понимал, что только любовь к брату и нежелание ударить в грязь лицом перед остальными членами семьи заставляют отца держать себя в руках.

Частично тревога Старика была вызвана и растерянностью: он не знал, как поступить с прахом дяди Арта. Когда сотрудник похоронного бюро вручил отцу тяжелую декоративную урну, тот буквально пришел в ужас. И в результате урна в качестве безмолвного и нежеланного пассажира отправилась с ними в обратный путь из Пеории.

После обеда в среду, еще до звонка Дейла, Дуэйн решил еще раз взглянуть на урну. Старик с трубкой в руке вошел в комнату следом за ним.

— Белые камешки, которые похожи на кусочки разломанного мела, — это кости, — сказал отец, пытаясь раскурить трубку.

Дуэйн молча приподнял крышку.

— Когда они отправили тело в печь, температура в которой примерно равняется температуре на поверхности солнца, — продолжал Старик, — можно было ожидать, что не останется ничего, кроме пепла и воспоминаний. Но кости, оказывается, намного прочнее, чем кажутся.

Чувствуя, что ноги внезапно стали ватными и в то же время какими-то странно тяжелыми, Дуэйн опустился на стул около камина, которым они почти не пользовались.

— От воспоминаний тоже нелегко избавиться, — произнес он, сам удивляясь этой избитой фразе. Такое было не в его вкусе.

Старик хмыкнул:

— Не имею ни малейшего понятия, куда это деть. Варварский, в сущности, обычай, как подумаешь.

Дуэйн бросил взгляд на урну.

— Думаю, что прах полагается развеять над тем местом, которое имело большое значение в жизни данного человека, — тихо произнес он. — Место, где он был счастлив.

Старик еще раз хмыкнул:

— Ты знаешь, Дьюни, что Арт оставил завешание. Но в нем он ни единым словом не намекнул, где следует развеять его прах. В каком именно месте он был больше всего счастлив...

Старик погрузился в размышления, попыхивая трубкой.

— Главный читальный зал библиотеки университета Брэдли подошел бы лучше всего, — сказал Дуэйн.

Старик рассмеялся:

— Да, Арту бы это тоже понравилось. — Он на минуту отвел глаза в сторону. — Есть еще идеи?

— Еще он любил рыбачить на речке Спун.

Дуэйн почувствовал, как саднящий спазм горя снова сжал горло и сердце, и пошел на кухню за стаканом воды. Когда вернулся, трубка уже не дымилась и Старик старательно выколачивал из нее золу в камин.

Да, зола... прах.

— А ты прав, — сказал Старик неожиданно. — Возможно, только там он и был по-настоящему счастлив. Мы с ним ездили рыбачить на Спун даже до его переезда сюда, когда он еще жил в Чикаго. И он часто брал тебя туда, помнишь?

Дуэйн кивнул и, чтобы не отвечать, сделал вид, что пьет. В эту минуту как раз зазвонил телефон, оказалось, что это Дейл, и, когда Дуэйн вернулся, Старик уже ушел в мастерскую возиться с «обучающей машиной», которую называл «Пятая модель».

На реку они отправились сразу после восхода солнца, когда рыба всплывает к поверхности, чтобы подкормиться, и Дуэйн пожалел, что не взял с собой удилище. Церемонии как таковой не было: Старик несколько мгновений держал урну над водой, буд-

то бы раздумав освободить ее от содержимого, затем, когда первые лучи солнца коснулись ветвей кипарисов и росших чуть ниже ив, внезапно опрокинул ее и постучал по дну, чтобы вытряхнуть оттуда последние частички пепла.

Кости упали с тихим всплеском, привлечшим внимание мальчика и по меньшей мере одного окунька, которого Дуэйн увидел на мелководье. Прах образовал на воде легкую серую пленку. Она поплыла по течению, закружилась вокруг коряги, хорошо знакомой Дуэйну по его рыбацким подвигам, а потом более быстрое подводное течение понесло ее к мосту... Сплошная пелена постепенно распалась на части, ушла ко дну и смешалась с речной водой.

Дуэйн швырнул в воду камешек и вспомнил, что в прежние времена с упоением предавался этому занятию, когда ему становилось скучно в компании взрослых. Наверное, он распугивал таким образом всю рыбу. Но дядя Арт никогда не жаловался.

Дуэйн встал, отряхнул руки и начал взбираться по тропинке на крутой берег, к машине. Только сейчас он заметил, как похудел за последние недели отец, какой темной и морщинистой стала его шея, а на щеках прибавилось серебра. Дуэйн впервые осознал, что Старик его и вправду состарился.

Из дома дяди Арта уже успели выветриться все запахи, свидетельствовавшие о присутствии там человека, и теперь он казался сырым и необитаемым.

Пока Старик рылся в ящиках и перебирал папки с документами и разными другими бумагами, Дуэйн поспешно просмотрел старые блокноты и заглянул в корзину для бумаг. Дядя Арт был таким же маниакальным любителем посидеть с ручкой, как и он сам.

А это что? Скомканный листок лежал в корзине под смятой пачкой из-под сигарет и остальным мусором. Возможно, он попал туда субботним вечером, как раз перед аварией.

1. Проклятый колокол, или Стела, или как его там, в конце концов остался целым и невредимым. Упоминание о нем имеется в «Книге закона», в разделе «Медичи».

2. Шестьдесят лет шесть месяцев шесть дней. Допуская, что абсурдное и невероятное все же стало реальностью и что события,

о которых говорил Дуэйн, имели место из-за того, что эта штука «оживла» после многих веков молчания, можно предположить, что на рубеже столетий состоялось жертвоприношение — вероятнее всего, в начале 1900 года. Следует проверить в городе. Найти людей, которые могут помнить события тех лет. Ничего не говорить Дуэйну, пока не выясню все до конца.

3. Кроули утверждает, что колокол, иначе Стела, использует людей. И заключает словами о каких-то «посланцах Мира Тьмы» — черт знает, что конкретно он имеет в виду. Проверить сведения о «существах на улицах Рима» во времена пребывания на папском престоле Борджа и Медичи.

4. Связаться с Эшли-Монтегю. Заставить его говорить.

Дуэйн перевел дыхание, свернул листок, сунул его в карман фланелевой рубашки и вышел на террасу. Трава на лужайке сильно разрослась. Какие-то насекомые громко жужжали у самых его ног, а цикады в кронах деревьев звенели так оглушительно, что у Дуэйна закружилась голова. Он уселся на металлический стул, закинул ноги на перила и уставился в никуда, погрузившись в размышления.

Только когда Старик вышел на террасу и вдруг замер как вкопанный, схватившись за косяк двери, Дуэйн понял, кого он напомнил отцу... На этом стуле, в этой позе... Понял, на кого он был похож в тот момент.

В руках у Старика были все нужные бумаги. Они заперли входную дверь, понимая, что пройдут, быть может, недели, а то и месяцы, пока они снова приедут сюда, чтобы навести порядок перед аукционом.

Машина, подпрыгивая на выбоинах, помчалась по дороге.

Дуэйн ни разу не оглянулся.

Выбор Дуэйна пал на миссис Мун.

Матери библиотекарши было уже порядком за восемьдесят, и она всю жизнь провела в Элм-Хейвене, причем с самой юности жила в доме на углу Депо-стрит и Второй авеню, то есть прямо напротив Старой центральной школы. Дуэйн не был толком знаком с этой женщиной — он лишь видел ее вместе с мисс Мун на прогулках, когда приезжал в город.

А вот мисс Мун он знал хорошо. Дуэйну было четыре года, когда дядя Арт записал его в библиотеку.

Мисс Мун слегка нахмурилась и покачала головой, глядя на упитанного малыша, стоящего перед ее столом.

— Но у нас совсем немного книжек с картинками, мистер Макбрайд. Мы предпочитаем, чтобы родители... э... наших маленьких читателей пользовались своими абонементом, выбирая книги для малышей.

Дядя Арт ничего не ответил. Вместо этого он взял с полки ближайший том и вручил его четырехлетнему Дуэйн. «Читай», — велел он.

— «Глава первая... Я появляюсь на свет, — читал Дуэйн. — Стану ли я героем повествования о своей собственной жизни, или это место займет кто-нибудь другой — должны показать следующие страницы. Начну рассказ о моей жизни с самого начала и скажу, что я родился в пятницу в двенадцать часов ночи (так мне сообщили, и я этому верю). Было отмечено, что мой первый крик совпал с первым ударом часов...»¹

— Хорошо, — сказал дядя Арт и вернул книгу на полку.

Мисс Мун еще сильнее нахмурилась и затеребила цепочку от часов, но все-таки выписала абонемент на имя Дуэйна Макбрайда. И в течение многих лет эта карточка была самой ценной из всего, что принадлежало Дуэйн, несмотря на то что мисс Мун всегда относилась к нему с холодностью, порою даже обидной. В конце концов она поставила себе задачей строго следить за тем, чтобы чрезмерно пухлый мальчуган не брал слишком много книг одновременно, и всякий раз, когда он не сдавал книги вовремя, делала ему выговоры. Но, как вскоре выяснилось, Дуэйн задерживал книги не потому, что не успевал прочесть, — нет, он буквально проглатывал всю принесенную стопку в первые же несколько дней после возвращения из библиотеки, но потом ему приходилось подолгу ждать, пока отец снова подбросит его в город.

Когда уже во втором классе Дуэйн увлекся приключениями девушки-детектива Нэнси Дрю, морскими романами Сесила Скотта Форестера² и шедеврами Роберта Льюиса Стивенсона,

¹ Ч. Диккенс. Давид Копперфильд. Перевод А. В. Кривцовой и Евгения Ланна.

² *Сесил Скотт Форестер* (1899–1966) — английский писатель, наиболее известный циклом историко-приключенческих романов о Горацио Хорнблауэре, офицере английского военно-морского флота в конце XVIII — начале XIX в. (11 книг, 1950–1958).

мисс Мун как-то заметила, что книги о Нэнси Дрю — это скорее, как она выразилась, «чтение для девочек», и язвительно осведомилась, нет ли у Дуэйна сестры.

Дуэйн усмехнулся, поправил очки, дерзко протянул: «Не-а-а» — и пересчитал отобранные пять книг, дабы убедиться в том, что не превысил установленную норму. Все они были о Нэнси Дрю. Дочитав эту серию до конца, он открыл для себя Эдгара Райса Берроуза и провел великолепное лето, пересекая степи Барсума¹, джунгли Венеры и с наибольшим наслаждением совершая головокружительные прыжки по «средней террасе» вместе с лордом Грейстоком — знаменитым Тарзаном. Дуэйн не был уверен, что понимает, что такое «средняя терраса», но попытался соорудить нечто подобное в куще приземистых дубов, росших вдоль ручья. Витт, склонив голову набок, удивленно наблюдал, как его хозяин скачет с ветки на ветку и ест, не слезая с дерева.

Следующим летом Дуэйн взахлеб читал Джейн Остин, и на этот раз мисс Мун ничего не сказала о том, что это «чтение для девочек».

Покончив с утренними делами, Дуэйн отправился в город. С каждым годом Старик сокращал площадь обрабатываемых полей, сдавая большую часть из своих трехсот сорока акров в аренду мистеру Джонсону, так что и дел становилось все меньше. Дуэйн продолжал ходить за скотом, проверять, чтобы все животные были вовремя накормлены и напоены, но, когда они целыми днями оставались на пастбище, дел было тоже немного. Удобрения были вывезены на поля еще в мае, так что и по этому поводу Дуэйн мог не беспокоиться.

Этим утром он закончил ремонт шестирядного культиватора: гидравлический подъемник на задней рабочей части опускался слишком быстро, поэтому Дуэйн приспособил к нему съемный гидравлический цилиндр, а потом смазал и закрепил дополнительную раму. Все время, пока Дуэйн трудился над культиватором, над ним угрожающе нависал стоявший в углу сарая большой кукурузоуборочный комбайн, снабженный початкоочисти-

¹ В «марсианских» романах Эдгара Райса Берроуза Барсумом называют Красную планету ее обитатели.

телем. Старик отвозил его на центральную ремонтную станцию, чтобы подправить блок очистителя. Он всегда старался улучшить машины, совершенствуя их, снабжая одними дополнительными устройствами и устраняя другие, до тех пор пока они вообще не переставали даже отдаленно быть похожими на агрегаты, полученные с завода. Что касается этого початкоочистителя, то, как понял Дуэйн, Старик хотел улучшить его носовую часть. Теперь со всех восьми блоков была снята защита, и Дуэйн, заглянув внутрь, увидел сверкающую сталь режущих валов, конвейеров и передаточной цепи.

Большинство фермеров в округе цепляли початкоочистители прямо к тракторам или покупали самодвижущиеся початкособиратели. Но Старик приобрел настоящий старый комбайн и уже к нему приспособил восьмирядную головку. Это гарантировало быструю работу в урожайные годы, но усложняло уход за многопрофильным агрегатом и к тому же требовало усовершенствования молотилки, очистителя и других узлов огромной машины.

Дуэйн был почти уверен: Старик для того и осел на ферме, чтобы иметь возможность возиться с техникой.

В то утро, едва управившись с культиватором, Дуэйн повернулся к громаде комбайна. В круге света, льющего в окна над головой, режущие валы сверкали подобно занесенным мечам, и Дуэйн решил было заодно заняться и этим агрегатом, чтобы приятно поразить отца, но передумал, не желая лишать самого Старика такого удовольствия. Кроме того, ему еще нужно было успеть до завтрака накормить скот и прополоть несколько грядок, а потом съездить в город, причем попасть туда он намеревался до десяти вечера.

Дуэйн мог бы дожидаться, пока его отвезет Старик, — он до сих пор не любил проходить пешком последние полторы мили Джубили-Колледж-роуд, — но тот уже целую неделю воздерживался от спиртного и в пятницу точно окажется в пивнушке «У Карла» или в баре «Под черным деревом». Дуэйн не хотел при этом присутствовать.

Поэтому он отправился в путь пешком. День был ясным, солнечным и удушливо-жарким. Дуэйн расстегнул три верхние пуговицы на сорочке, отчего стала видна резкая граница между

загорелым треугольником у горла и молочно-белой кожей на груди.

На окраине города, у дома О'Рурка, он немного передохнул. Майк куда-то ушел, но одна из его сестер разрешила Дуэйнну напиться воды из колонки на заднем дворе. Дуэйн с удовольствием глотал холодную воду, ощущая в ней привкус железа и каких-то других элементов, а потом плеснул несколько пригоршней на голову и плечи.

Когда он наконец постучал в дверь дома миссис Мун, старая леди возникла на пороге, опираясь одновременно на две трости и в сопровождении целого выводка кошек.

— Мы с вами знакомы, молодой человек?

Голос миссис Мун звучал как пародия на голоса дам прошлого века: такой же высокий, дребезжащий, богатый интонациями.

— Да, мэм, — вежливо ответил он. — Меня зовут Дуэйн Макбрайд. Я несколько раз приходил вместе с Дейлом Стюартом и Майком О'Рурком, когда они водили вас на прогулку.

— Как вы сказали? Кто?

Дуэйн вздохнул и повторил все сначала, несколько громче.

— Но я пока не готова идти на прогулку. Я еще не поужинала.

Миссис Мун говорила ворчливо и с некоторой долей сомнения. Кошки, выгибаясь, терлись о ее трости и прижимались к распухшим ногам, обернутым телесного цвета бинтами. Дуэйн вспомнил о солдате в обмотках.

— Я пришел не ради прогулки, мэм, — начал объяснять он. — Мне нужно задать вам несколько вопросов о... кое о чем.

— Вопросы?

Старуха отступила назад, в сумрак гостиной. Старый дом, в котором они с дочерью жили, был совсем небольшим и пропах так, будто в нем безвылазно обитали многие и многие поколения кошек.

— Да, мэм. Всего лишь пару вопросов.

— О чем?

По тому, как близоруко миссис Мун уставилась на гостя, Дуэйн понял, что он для нее не больше чем тень в дверном проеме, и предусмотрительно сделал шаг назад — так поступают умные

коммивояжеры, демонстрируя мирные намерения и уважение к хозяевам.

— Да просто... о прежних временах, — чуть запнувшись, ответил он. — Я пишу школьный доклад о жизни в Элм-Хейвене в начале двадцатого столетия. И я подумал, не будете ли вы так добры дать мне некоторые... ну, как бы описать атмосферу...

— Некоторые — что?

— Некоторые детали, — сказал Дуэйн. — Пожалуйста.

Пожилая дама заколебалась, потом, опираясь на трости, повернулась к Дуэйну спиной и ушла, сопровождаемая кошками, оставив его в одиночестве перед дверью.

Мальчик в нерешительности топтался на месте, не зная, что предпринять.

— Что же вы там стоите? — послышался из сумрака голос старухи. — Заходите. Я сейчас приготовлю чай.

Дуэйн пил чай с печеньем, задавал вопросы и внимательно слушал рассказы миссис Мун о ее детстве, об отце и об Элм-Хейвене в старые добрые дни. Все это время старушка ломала пальцами печенье, и на ее коленях медленно, но верно вырастала горка крошек. Коты поочередно запрыгивали на кушетку и аккуратно подбирали крошки, а миссис Мун рассеянно гладила их спины.

— А как насчет колокола? — спросил наконец Дуэйн, убедившись в надежности памяти пожилой леди.

— Колокол?

Миссис Мун помедлила, а одна из кошек вытянулась вверх, как будто намереваясь выхватить что-то вкусненькое прямо из пальцев.

— Вы упомянули о некоторых своеобразных вещах, имевшихся в нашем городе, — быстро продолжил Дуэйн. — А тот большой колокол из школьной башни? Вы понимаете, о чем я говорю?

Миссис Мун на мгновение растерялась:

— Колокол? Когда был этот колокол?

Дуэйн вздохнул. Похоже, вся эта таинственная история действительно чья-то выдумка.

— В тысяча восемьсот семьдесят шестом году, — тихо произнес он. — Мистер Эшли привез его из Европы...

Миссис Мун неожиданно хихикнула. Ее зубные протезы были чуть свободноваты, и она все время поправляла их языком.

— Глупый мальчик. В тысяча восемьсот семьдесят шестом году я только родилась. Как я могу что-нибудь помнить о том, что тогда происходило?

Дуэйн моргнул. Его воображение тут же нарисовало эту морщинистую и дряхлую старушку в виде тоже морщинистого, но розового и свежего ребеночка, пришедшего в мир в том самом году, когда был наголову разбит отряд Кастера¹. Скольким же переменам в мире стала она свидетелем: появились самодвижущиеся повозки, телефон, разразилась Первая мировая война, Америка стала мощной державой, в космос полетел спутник... И за всем этим она наблюдала из-под вязов на Депо-стрит.

— Значит, про колокол вы ничего не помните? — уточнил Дуэйн и хотел было убрать карандаш и блокнот.

— Почему же, конечно, я помню колокол, — прозвучал ответ, и миссис Мун потянулась за новой порцией лакомства для кошек. — Это был прекрасный колокол. Отец мистера Эшли привез его из Европы после одного из своих путешествий. Когда я училась в Старой центральной школе, он каждый день звонил — сначала в восемь пятнадцать, а потом в три часа.

Дуэйн уставился на нее во все глаза. Он потянулся за блокнотом и начал записывать, но руки дрожали. Это было первое подтверждение того, что колокол Борджа действительно существовал.

— Вы помните что-нибудь необычайное, связанное с ним?

— О мой дорогой, в те дни все, что было связано со школой и колоколом, было необычным. Одного из нас... из маленьких детей... каждую пятницу посылали тянуть за веревку и объявлять о начале занятий. Однажды выбрали и меня. О да, это был прекрасный колокол...

¹ Сражение, вошедшее в историю как последняя битва Кастера, произошло около города Хардин, штат Монтана, 23–25 июня 1876 г. Одному из индейских племен власти велели покинуть ранее предоставленные ему земли. Коренное население встало на защиту своих прав. Подполковник Джордж Армстронг Кастер шел навстречу подкреплению, однако натолкнулся на засаду 3000 индейцев. В результате стычки, длившейся не более часа, все 265 солдат Кастера погибли.

— Вы помните, что потом с ним случилось?

— Да, конечно. То есть... я не уверена...

На лице миссис Мун появилось странное выражение, и она отсутствующим взглядом уставилась на печенье. Две кошки тут же утащили его, когда она подняла дрожащие пальцы ко рту.

— Мистер Мун... — после паузы заговорила старая женщина, — мой муж Орвил, а не мой отец... не был причастен к тому, что случилось. Никким образом. — Она вдруг вытянулась и наставила костлявый палец на блокнот Дуэйна. — Ты это обязательно запиши. Ни Орвила, ни отца даже не было здесь, когда... когда случилось это ужасное событие.

— Да, мэм, — кивнул Дуэйн, держа карандаш наготове. — Так что же случилось?

Обе руки миссис Мун словно вспорхнули.

Кошки метнулись с ее коленей.

— Как же, ужасная вещь. Ты знаешь, об этом ужасном происшествии мы не любим говорить. Почему ты хочешь написать об этом? Ты кажешься таким милым молодым человеком.

— Благодарю, мэм. — Дуэйн буквально затаил дыхание. — Но мне велели написать обо всем. И я буду вам очень признателен за помощь. О каком ужасном событии идет речь? Оно имеет отношение к колоколу?

Миссис Мун словно забыла о том, что мальчик сидит рядом с ней. Она не сводила взгляда с темного угла, где копошились кошки.

— Нет, не... — начала она едва слышным шепотом, — не с колоколом... — Под окном прогрехотал грузовик, но миссис Мун даже не моргнула. — Хотя его повесили именно на колоколе.

— Повесили кого? — Теперь и Дуэйн невольно заговорил шепотом.

Миссис Мун повернула голову в его сторону, но взгляд ее оставался отсутствующим.

— Как же, того ужасного человека, конечно. Того, который убил... — Она издала какой-то странный звук, и Дуэйн увидел на ее глазах слезы, одна из которых медленно стекла по морщинистой коже прямо в уголок рта. — Того, кто убил и съел маленькую девочку, — закончила она чуть громче.

Дуэйн перестал писать и замер.

— Запиши это, обязательно, — скомандовала пожилая леди и снова ткнула пальцем в его сторону. Теперь она словно очнулась: взгляд стал осмысленным и горящие глаза смотрели прямо на Дуэйна. — Пришло время это все записать. Обязательно нужно все записать. Только непременно укажи в своем докладе, что ни мистера Муна, ни Орвила здесь... Да их даже в округе не было в то время, когда произошла эта ужасная вещь. А теперь пиши!

Миссис Мун начала свой рассказ. Голос ее напоминал Дуэйну шелест старых пергаментных страниц, как будто кто-то листал древнюю книгу, которую не открывали много лет. Он лихорадочно записывал все, стараясь не пропустить ни одного слова.

Глава 19

Дейл отправился к Харлену, чтобы пригласить его в пятницу на обед к дяде Генри. Только увидев приятеля, он понял, как одиноко было тому все это время. Мама Харлена, мисс Дженсен, не была уверена, что Джим достаточно здоров для такой далекой прогулки, но, после того как Дейл вручил приглашение и ей, уступила его уговорам.

Отец Дейла вернулся домой около двух часов, и уже в половине четвертого они все вместе отправились на ферму. Харлен с упакованной в тяжелый гипс рукой сидел на переднем сиденье универсала вместе со своей мамой и Кевином, а Майк, Дейл и Лоренс разместились на заднем. Машина тронулась в путь по холмам. Все пребывали в прекрасном настроении и не умолкая пели.

Дядя Генри и тетя Лина вынесли стулья во двор, в тень под деревьями. Сразу после обмена приветствиями началась веселая болтовня, а Бифф, немецкая овчарка дяди Генри, прыгал вокруг них в экстазе гостеприимства. Взрослые разместились в больших адирондакских креслах¹, а мальчики разобрали лопаты в сарае и отправились на дальнее пастбище. Они шли медленнее, чем обычно, и даже против обыкновения не перепрыгнули через забор, а воспользовались воротами, придерживав их для Харлена. Впрочем, Харлен чувствовал себя отлично.

Наконец в самом дальнем конце пастбища, там, где уже был хорошо виден лес, растущий вдоль ручья, они отыскивали отметки,

¹ *Адирондакское кресло* — удобное глубокое кресло с наклонной спинкой и широкими подлокотниками, сделанное из прочных деревянных планок и предназначенное для использования на улице. Название связывают с тем, что изначально такие кресла были популярны в городках Адирондакских гор

которые сделали прошлым летом, и начали копать. Ребята иска-
ли пещеру бутлегеров.

Сведения об этой пещере относились скорее к области преда-
ний, но, после того как дядя Генри рассказал ребятам эту исто-
рию, они ни на минуту о ней не забывали и безоговорочно вери-
ли в ее достоверность. Началось это еще в двадцатых годах, когда
действовал сухой закон, как раз перед тем, как дядя Генри купил
эту ферму. Ее предыдущий владелец позволил нелегальным тор-
говцам спиртным из соседнего округа устроить в старой пещере
тайник, постепенно превратившийся в главный склад, куда даже
проложили грунтовую дорогу. Пещеру расширили, вход в нее
укрепили, а внутри оборудовали кабачок и торговали запрещен-
ным виски.

— Многие из самых классных гангстеров, бывало, останавли-
вались здесь по дороге из Чикаго, — рассказывал детям дядя Ген-
ри. — Я готов поклясться на целой стопке Библий, что однажды
здесь побывал Джон Диллинджер, а трое ребяташек от Аль-Капо-
не приехали сюда, чтобы убраться Микки Шонесси... Но Микки
прослышал об этом и удрал к своей сестре, на другой берег Спу-
на. Поэтому крутая тройка только обстреляла пещеру из «томп-
сонов» да вынесла часть запасов спиртного.

Конец этих рассказов был наиболее интригующим моментом.
Легенда гласила, что однажды, как раз незадолго до отмены су-
хого закона, к пещере бутлегеров прибыл отряд налоговой поли-
ции и еще какие-то люди из финансового управления. Вместо
того чтобы вывезти товар, федеральные власти предпочли взор-
вать вход. Своды пещеры обрушились и погребли под собой вин-
ный погреб, кабачок со столиками, стойкой бара из махагонового
дерева и пианино, а заодно и три грузовика, и «Форд-А», кото-
рые стояли у склада. Дорогу к пещере тоже уничтожили, чтобы
никто и никогда не смог отыскать это веселое местечко.

Друзья Дейла, как и он сам, были уверены, что в действитель-
ности разрушен был только вход, а сама пещера ничуть не по-
страдала. Возможно, только шесть или восемь футов земли отде-
ляют археологическую тайну от остального мира. Если б им
только удалось найти верное место на склоне холма и начать ко-
пать...

На протяжении многих лет дядя Генри оказывал мальчикам
большую помощь: то показывал им старый след от колес или кус-

ки ржавого металла, которые, вероятнее всего, валялись неподалеку от входа в пещеру, то обнаруживал выемку в склоне холма, похожую на бывший вход, то, когда интерес мальчиков угасал после долгих дней бесплодных поисков и раскопок под палящим солнцем, припоминал новые подробности истории.

— Генри, прекрати забивать детям головы всякими сказками, — сказала однажды тетя Лина непривычно строгим голосом.

Дядя Генри выпрямился, перекинул за другую щеку кусок жевательного табака и с достоинством заявил:

— Это не сказки, мать. Эта пещера наверняка где-то здесь, поблизости.

Именно в такой поддержке ребята и нуждались. Со временем самое восточное пастбище дяди Генри, используемое для выпаса бычка в те годы, когда он у дяди Генри имелся, стало выглядеть как ручей у мельницы Саттера¹ в 1849 году. Дейл с друзьями буквально вылизали каждую ямку и лощину, уверенные, что вот уж на этот-то раз они наверняка обнаружат вожаденный вход в пещеру. Дейл часто видел во сне, как он втыкает лопату в землю, а она проваливается в пустоту и перед ними открывается темная пещера, возможно со все еще горячей газовой лампой и застоявшимся за тридцать лет запахом самогона в воздухе.

Дуэйн прибыл часам к шести — отец подбросил его по дороге в бар «Под черным деревом» — и, вместо того чтобы сразу помчаться на дальнее пастбище к ребятам, провел около получаса в разговорах со взрослыми, расположившимися на тенистом газоне. Сегодня ради такого торжественного случая он надел новые вельветовые брюки и красную фланелевую рубашку, подаренные дядей Артом на Рождество. Правда, этого никто не заметил.

Добравшись наконец до дальнего пастбища, он увидел небольшую горку свежевыкопанной земли и усталых приятелей, сидящих вокруг огромной ямы диаметром фута три. Склон под ними был буквально засыпан большими камнями, вывороченными из ямы.

¹ *Мельница Саттера* — небольшой участок в центральной Калифорнии, к северо-востоку от Сакраменто, где в 1848 г было обнаружено месторождение золота. Это открытие дало толчок золотой лихорадке 1849 г

— Привет. — Дуэйн уселся на один из камней. — Думаете, в этот раз наткнулись на вход?

Тени стали длиннее, и в этой части пастбища уже было довольно сумрачно. Ручеек журчал где-то поблизости, не больше чем футах в двадцати ниже по склону, как раз позади ровной площадки, которую Дейл называл «дорогой бутлегеров».

Дейл вытер лоб, оставив на нем полосу грязи:

— Да, может быть. Смотри... Вот за этим большим камнем мы нашли гнилую деревяшку.

— Старая коряга, да? — кивнул Дуэйн.

— Нет! — сердито выкрикнул Лоренс, чья футболка уже превратилась в грязную тряпку. — Это одна из досок над входом в пещеру.

— Притолока, — пояснил Майк.

Дуэйн снова кивнул и носком черного кеда поддел деревяшку, на которой виднелись следы от срубленных сучков.

— Гм... — промычал он.

— Я уже сказал им, что они занимаются глупостями, — беззаботно заметил Джим Харлен.

Он подвинулся, чтобы гипсовая шина легла немного поудобнее; по всему было видно, что его рука все еще болит, а бинт, обмотанный вокруг головы, напомнил Дуэйну фильм «Алый знак доблести» по роману Крейна¹. Он попытался представить Джима в роли Генри Флеминга.

— Ты тоже копаешь? — спросил у него Дуэйн.

Харлен насмешливо фыркнул:

— Еще чего! Я лучше займусь продажей спиртного, когда мы его здесь отыщем.

— Думаешь, оно будет пригодным? — Голос Дуэйна звучал невинно.

— А как же, почему нет? Ведь вино и всякие такие вещи становятся только дороже, после того как их некоторое время выдерживают в подвалах. Правильно?

Майк О'Рурк рассмеялся:

— Не уверен, что это относится и к джину. А ты что думаешь, Дуэйн?

¹ *Стивен Крейн* (Stephen Crane, 1871–1900) — американский писатель. Фильм по его роману «Алый знак доблести» (1895), поставленный режиссером Джоном Хьюстоном, вышел на экраны в 1951 г.

Дуэйн подобрал с земли палочку и принялся что-то чертить на холмике вырытой земли. Яма была достаточно глубока, чтобы Лоренс уже залез туда с головой, и теперь только колени его торчали наружу. Дуэйн заметил, что это скорее не туннель, а просто выемка в склоне. Одна из многих.

— Мне кажется, что можно заработать гораздо больше, если продать машины, что остались там внутри, — вслух заметил он, вступая в игру.

В конце концов, какой вред в том, чтобы рисовать в своем воображении эту до отказа набитую товаром пещеру, которая прячется прямо под ногами? Разве это менее правдоподобно, чем те события, что он расследует вот уже две с лишним недели?

Впрочем, только Дуэйн знал, насколько правдиво и реалистично его исследование. Он машинально коснулся пальцами кармана рубашки, но тут же вспомнил, что оставил блокнот дома, спрятав его в укромном месте, где уже лежали остальные блокноты с записями.

— Угу, — кивнул Дейл. — Или заработать целое состояние, устраивая сюда экскурсии. Дядя Генри говорит, что он разрешил бы нам провести сюда свет и оставить пещеру в том виде, в каком мы ее найдем.

— Отлично, — согласился Дуэйн. — Ах да, совсем забыл передать, что ваша мама велела вам вернуться и привести себя в порядок. Стейки уже кинули на жаровню.

Мальчики чуть помедлили, колеблясь между угасающими надеждами и подступающим голодом.

Победил голод.

Болтая и хохоча, они двинулись обратно к дому дяди Генри. На плече у каждого, подобно ружью, лежала лопата. Коровы из встретившегося по пути стада с недоумением уставились на них и уступили дорогу. Примерно в сотне ярдов от последнего забора все шестеро одновременно приняохались: ноздри им защекотал аппетитный запах поджаренного мяса.

Обедать уселись в патио, как называла тетя Лина внутренний дворик с восточной стороны дома. Вечерние тени уже поглотили последние золотые отблески солнечного света на лужайке. Аппетитный дымок курился над ямой для барбекю, которую дядя Генри соорудил за водопроводной колонкой, рядом с деревянным

забором. Несмотря на уверения Майка, что вареной кукурузы, салата, булочки и десерта на обед более чем достаточно, тетя Лина подала ему целую сковороду зубатки, великолепно прожаренной до вкусной хрустящей корочки. Наряду с рыбой и мясом мальчики получили по две тарелки салата из порезанного колечками лука, перемешанного с другими овощами, всего часом раньше сорванными с грядки. Молоко было очень свежим и таким холодным, что ломило зубы, — дядя Генри утром пропустил его через сепаратор и весь день хранил на льду.

Пока они ели, заметно посвежело. Налетевший ветерок ощутимо смягчил влажность воздуха и зашуршал над лужайкой листвой. Бесконечные поля, раскинувшиеся к северу и западу от дороги, словно бы вздыхали на каком-то неизвестном шелковом языке.

Мальчишки уселись отдельно, разместившись на каменных ступеньках и бордюрах цветочных клумб, — тетя Лина засадила самыми разными цветами как минимум три акра, — в то время как взрослые образовали свой кружок, положив тарелки на колени или широкие подлокотники кресел. Дядя Генри вынес боночок домашнего пива, предварительно охлажденного на льду, и кружки.

Все голоса смешались и словно слились воедино. Дейлу вдруг подумалось, что он, пожалуй, уже и не вспомнит, когда в этом го-моне отсутствовала хотя бы одна из его составляющих: чуть нервное хихиканье и всегда возбужденный голос Кевина, протяжный говор Харлена и его шуточки, которые заставляли их всех буквально складываться пополам от смеха, произнесенные вполголоса короткие реплики Майка, редкие спокойные комментарии Дуэйна, высокий голосок Лоренса — малыш всегда тараторил, будто боялся, что иначе его не дослушают до конца. Голоса взрослых были тоже давно и хорошо знакомы. Пронзительно звучал голос дяди Генри, когда он рассказывал о своей последней находке на пастбище — небольшом обломке кузова «пирс-эрроу» двадцать восьмого года. По его мнению, это был верный признак того, что какой-то гангстер приехал в пещеру бутлегеров и остался там навсегда. Хрипловатый смех тети Лины Дейл любил особенно: ему казалось, что это самый осмысленный и совершенно уникальный из всех человеческих звуков, которые когда-либо слышал Дейл. Голоса его отца и матери, знакомые, как шелест ветра

в листе: отец, менее скованный, чем обычно, рассказывает всякие смешные случаи из своей жизни. Задорные смешки мамы Харлена, возбужденные и порой чересчур громкие, как будто она уже слишком много выпила или, подобно Лоренсу, боится, что ее не услышат.

Ножи прочертили красные полосы на бумажных тарелках. Все уже попросили по второй, а некоторые и по третьей порции. Огромная ваза салата опустела, обернутые в фольгу початки кукурузы, жарившиеся на гриле вместе с барбекю, ушли нарасхват. Дядя Генри весело посмеивался и добродушно подшучивал над гостями, подкладывая на гриль все новые и новые куски мяса. За весь вечер он ни разу не снял передника и ловко орудовал зажатой в руке длинной вилкой.

После обеда мальчикам было предложено на выбор либо по куску домашнего пирога с ревенем, либо по ломтику шоколадного торта, но, как ни странно, все они предпочли получить и то и другое, а потом отправились на верхнюю веранду.

Дядя Генри и тетя Лина годами обустроивали свое жилище, никогда не считая строительство законченным и просто переходя к следующему этапу. Дейл отлично помнил невысокий четырехкомнатный каркасный дом, который он впервые увидел, когда приехал из Чикаго на похороны бабушки. Тогда ему было шесть лет. Сейчас на высоком фундаменте покоился огромный кирпичный дом, с четырьмя спальнями на первом этаже. В тот год, когда Стюарты перебрались на жительство в Элм-Хейвен, дядя Генри пристроил гараж. Дейл помнил, как он играл внутри пустого каркаса, а дядя Генри терпеливо возводил шлакоблочные стены. Теперь гараж был огромным сооружением, рассчитанным на три автомобиля и несколько сельскохозяйственных агрегатов, и был пристроен к южной стороне дома таким образом, чтобы туда можно было пройти прямо из устроенной в подвале мастерской. Над ним была сооружена верхняя веранда, протянувшаяся также над комнатой для гостей и хозяйской спальней.

Дети очень любили располагаться тут по вечерам и знали, что рано или поздно взрослые тоже перейдут из патио сюда. С большой, как теннисный корт (хотя, нужно заметить, никто из ребят, за исключением Дейла и Дуэйна, не мог похвастать тем, что видел настоящие корты), расположенной на нескольких уровнях, с несколькими переходами и лестницами веранды открывался

вид на дорогу и поля мистера Джонсона. Ее южная сторона выходила на подъездную аллею, плавательный бассейн, устроенный дядей Генри, и лес. Поздней осенью, когда деревья теряли листву, было видно даже Страстное кладбище. С восточной стороны располагались амбар и сеновал. Здесь Дейл всегда воображал себя средневековым рыцарем, стоящим на крепостной стене, и обозревал тесное скопление хлевов, настилов и лотков для корма, курятников и еще каких-то сооружений с таким же видом, с каким маршал обозревает фортификационные укрепления.

На веранде тоже стояли адирондакские кресла — массивные, странно удобные конструкции из деревянных реек, новая партия которых каждую зиму появлялась на свет в мастерской дяди Генри, — но ребята, разумеется, предпочитали гамаки. Два из них были укреплены на металлических стойках, а один подвешен к деревянным кронштейнам, служившим одновременно креплениями для ламп, освещавших двор. Первыми в гамаках оказывались обычно Лоренс, Кевин и Майк и, разом в них свалившись, принимались бешено раскачиваться. Матери в страхе отводили глаза, отцы повышали голос, предупреждая об опасности, но поскольку до сих пор никто оттуда еще не сваливался... Правда, дядя Генри клялся, что одним летним вечером задремал в гамаке, и, когда на следующее утро его разбудил своим кукареканьем Бен — самый большой петух в курятнике, — он, ничего не подозревая, шагнул к ванной — по крайней мере, он думал, что там находится ванная, — и оказался лежащим на куче пищевых отходов, сваленных в кузове одной из машин.

Ребята толкались, раскачивались в гамаках, болтали и смеялись, напроць забыв о том, что собирались еще вернуться на пастбище и немного потрудиться в поисках пещеры бутлегеров. К тому же на улице смеркалось. Небо стало темно-синим, на нем появились первые крупные звезды, и стволы деревьев, расположенных к югу от пруда, слились в одно черное пятно. То тут, то там замелькали огоньки светлячков. Хор лягушек в расположенном ниже по склону пруду завел свои унылые песни. В сарае зашуршала соломинками невидимая ласточка, и где-то в глубине леса заухала сова.

Наступивший вечер приглушил тон беседы взрослых до тихого дружелюбного бормотания, и даже голоса детей зазвучали тише, а потом и вовсе смолкли. Над домом повисла тишина, нару-

шаемая только поскрипыванием гамаков да обычными ночными звуками, доносившимися из-за холма. Небо усыпали звезды.

Дядя Генри выключил освещение во дворе и не стал зажигать лампы на террасе. В наступившей темноте Дейл вообразил себя капитаном, стоящим на полуяте пиратского корабля под ночным небом тропиков. Ветер тихо шуршал в рядах кукурузы за дорожкой, и шорох этот напоминал шепот волн. Жалко только, что у него нет секстанта. Кожа щек и шеи все еще горела от жара дневно-го солнца, а подвиги с лопатой напоминали о себе болью в икрах и предплечьях.

— Смотрите-ка, — вдруг тихо сказал Майк. — Спутник летит.

Ребята как один резко повернулись в гамаках и посмотрели в ту сторону, куда указывал приятель. За последние полчаса небо еще больше потемнело, и здесь, на ферме, вдали от городских огней, Млечный Путь был виден особенно отчетливо. Среди звезд плыла какая-то яркая точка — слишком высоко и слишком быстро, чтобы можно было принять ее за самолет.

— Возможно, это «Эхо»¹, — авторитетно предположил Кевин. Именно он рассказал ребятам о гигантском аэростате, который Соединенные Штаты собирались запустить на орбиту, чтобы направить радиоволны вдоль земной поверхности.

— Не думаю, что «Эхо» уже запустили. Насколько я знаю, это должно произойти в августе.

Голос Дуэйна звучал, как всегда, неуверенно. Он оставался таким даже тогда, когда Дуэйн, единственный из присутствующих, располагал точными фактами.

— Что же это тогда? — спросил Кевин.

Дуэйн снял очки и посмотрел на небо:

— Если это спутник, то, возможно, «Тирос»². «Эхо» должен быть гораздо ярче... таким же ярким, как звезды. Мне не терпится его увидеть.

— Давайте приедем к дяде Генри в августе, — предложил Дейл. — Мы устроим день «Эхо»-наблюдений и заодно еще раз поищем пещеру бутлегеров.

¹ В 1960 г. в США был запущен при помощи ракеты-носителя спутник-аэростат связи «Эхо-1». Он просуществовал на орбите 9 лет и использовался как радиотраектор.

² С 1960 по 1965 г. США вывели на орбиту девять метеорологических спутников системы «Тирос», благодаря которым были получены, в частности, подобные карте очертания земного шара, лежащего под облаками.

Ответом ему послужил радостный хор голосов.

— Смотрите! Он удаляется! — выкрикнул Лоренс.

Далеко в вышине затухало сияние спутника. Ребята проводили его взглядами и на мгновение замолчали.

— Интересно, мы когда-нибудь запустим туда человека? — мечтательным тоном задал вопрос Майк.

— Русские работают над этим, — послышался из глубины гамака голос Дуэйна.

Он был единственным из ребят, кто занимал персональное ложе. Напротив него сидели Дейл и Харлен.

— Ха!.. Русские! — огрызнулся Кевин. — Да мы, если захотим, умоем их в любой момент.

Темная масса в гамаке Дуэйна шевельнулась, и две ноги в кедах уперлись в стену террасы.

— Не уверен... Вспомните, как они удивили весь мир своим спутником.

Дейл помнил. Он хорошо помнил, как однажды октябрьским вечером, три года назад, стоял на заднем дворе своего дома. Он только что вынес ведро с мусором и шел обратно, но тут в дверях появились отец с матерью — по радио как раз объявили, что над ними должен пролетать русский спутник. Лоренс, тогда еще сопливыый первоклассник, мирно посапывал наверху в своей кроватке. А они втроем долго смотрели поверх почти голых ветвей в небо, провожая взглядами крохотный огонек, плывущий между звездами. «Невероятно!» — шепотом воскликнул тогда отец. Дейл так до сих пор и не знает, какой смысл был вложен в это восклицание: то ли отец считал невероятным, что человечество сделало шаг в космос, то ли не мог поверить, что столь поразительного успеха добились русские.

Ребята еще долго молча смотрели в небо.

— Ребята, — спросил вдруг Дуэйн, — а вы продолжаете следить за Ван Сайком, Руном и всеми остальными, а?

Майк, Кевин и Дейл обменялись взглядами.

Дейл, сам того не ожидая, почувствовал себя виноватым, будто он нарушил клятву или позорно пренебрег своими обязанностями.

— Ну, мы начали было, а потом...

— Все нормально, — махнул рукой Дуэйн. — Это была глупая идея. Но я хотел с вами кое о чем поговорить... Давайте соберемся завтра... днем...

— Может, в пещере? — предложил Харлен.

Остальные протестующе загудели.

— Я не собираюсь тащиться в такую даль, — заявил Кевин. — Как насчет курятника Майка?

Майк кивнул.

Дуэйн тоже.

— В десять? — спросил Дейл.

Мультфильмы, которые они с Лоренсом любили смотреть утром по субботам, — о приключениях Хекла с Джеком и Рафа с Редди — к этому времени должны были уже закончиться.

— Давайте попозже, — попросил Дуэйн. — Утром я должен сделать кое-что по дому. Лучше в час — а?

На этот раз согласились все, кроме Харлена.

— У меня есть другие дела, поважнее, — завоображал он.

— Могу поспорить, — вставил Кевин, — что ты собираешься попросить Мишель Стеффни дать тебе автограф. Лучше всего, если она напишет пару слов прямо на твоём гипсе.

Хохот и выкрики были такими громкими, что взрослым пришлось подняться на веранду и утихомирить развеселившихся ребят.

Остаток вечера Дуэйн провел чудесно. Он был доволен, что сдержался и не рассказал друзьям о колоколе Борджа и особенно об откровениях миссис Мун, — как раз в ту минуту, когда он уже готов был это сделать, подошли взрослые и начались разговоры о космосе, о звездах, о космических путешествиях, о жизни вне Земли. В этой болтовне прошло несколько часов. Дейл поделился с отцом идеей о проведении дня «Эхо»-наблюдений в августе, и дядя Генри с тетей Линой безоговорочно ее одобрили. Чтобы спутник было хорошо видно, Кевин пообещал принести телескоп, и Дуэйн с удивлением услышал собственный голос, предлагающий принести и свой, самодельный.

Около одиннадцати все стали разъезжаться, и Дуэйн собрался было топать домой один: он знал, что Старика не будет дома до самого утра. Однако отец Дейла решительно заявил, что подбросит его до фермы, и действительно посадил мальчика у самой двери в кухню.

— У вас ни в одной комнате нет света, — сказал мистер Стюарт. — Думаешь, твой отец уже спит?

— Наверное, — ответил Дуэйн и мысленно дал себе пинка за то, что забыл оставить свет включенным.

Мистер Стюарт дождался, пока Дуэйн войдет в кухню, помахал ему из окна машины, и они уехали. Дуэйн немного постоял, глядя, как удаляется по дороге красный свет задних фар.

Понимая, что ведет себя довольно странно, Дуэйн прошел по первому этажу к входной двери и запер ее, прежде чем спуститься к себе в подвал. Затем снял праздничную одежду и принял душ, но вместо пижамы облачился в старые брюки, домашние тапки и залатанную, но чистенькую рубашку. Он чувствовал себя ужасно усталым, все события долгого дня тяжелым грузом лежали на плечах, но мозг, даже утомленный, жаждал работы, и мальчик решил еще немного потрудиться. Тем более что, поскольку входная дверь заперта, ему все равно придется дожидаться возвращения Старика. Он включил радио, отыскал станцию Де-Мойна и начал работать.

Вернее, попытался. Сейчас его очерки и заметки казались ему детскими и пустыми. Он подумал, не сесть ли ему за настоящую повесть, но решил, что пока к этому не готов. Согласно его планам, приступить к такой серьезной работе он должен самое раннее в следующем году. Дуэйн пролистал блокноты с описаниями персонажей, попытками передать динамику действий, с отрывками, написанными в подражание стилю разных писателей: Эрнеста Хемингуэя, Нормана Мейлера, Трумена Капоте, Ирвина Шоу, потом со вздохом спрятал все обратно в тайник и плюхнулся на кровать, задрав ноги в тапочках на металлическую спинку. За прошлую зиму он так вырос, что теперь мог спать на своей старой кровати либо по диагонали, либо поджав ноги. Но Старик у него об этом еще не говорил. Все равно сейчас они не могут позволить себе покупку новой кровати. Правда, на втором этаже стоит кровать, на которой когда-то спала мама, но Дуэйн не хотел просить ее у отца.

Он смотрел в потолок, думал о миссис Мун, о колоколе, о невероятном переплетении невообразимых фактов, вымысла и предположений и старался понять, какие же выводы можно из всего этого сделать. Дядя Арт знал проблему лишь в общем и целом. Если бы он услышал рассказ о событиях января тысяча девятисотого года, что бы он тогда сказал? Дуэйн никак не мог решить, стоит ли посвящать в эту тайну ребят.

Нет, они заслужили право знать обо всем. Что бы ни случилось, это в равной степени коснется и их тоже.

Дуэйн уже засыпал, когда услышал, что пикап Старика приближается к дому по подъездной дороге.

Все еще сонный, Дуэйн поднялся по ступенькам, прошел через темную кухню и отпер входную дверь. Он был уже на полпути вниз, а двигатель пикапа все еще работал: не узнать стук неисправного цилиндра было невозможно. Дуэйн вернулся назад и подошел к открытой двери.

Машина стояла в самом центре двора, дверца со стороны водителя была распахнута, передние фары все еще горели. Свет в кабине тоже горел, и Дуэйн увидел, что машина пуста.

Вдруг из сарая раздался такой грохот, что Дуэйн в страхе отступил обратно в кухню. Из больших южных дверей сарая выкатился комбайн, его передняя часть выдавалась вперед, как нож бульдозера. Свет от уличного фонаря переливался на режущих зубцах и цепях — значит, Старик не поставил защиту ни на один из восьми блоков.

Ворота на южное поле оказались почему-то открытыми. Огромная машина прогрохотала мимо мальчика, пересекла двор и поехала дальше. На мгновение в кабине мелькнул силуэт Старика. Он ненавидел застекленные кабины и всегда покупал комбайны со старыми, открытыми. Через несколько минут громадина врезалась в ряды кукурузы.

Дуэйн застонал. Старика случалось разбить машину, когда он возвращался домой пьяным, но прежде он никогда не трогал их сельскохозяйственные агрегаты. А новый комбайн, или початко-срыватель, стоит целое состояние.

Как был в комнатных тапочках, Дуэйн выбежал из дому и помчался к воротам, пытаясь криком перекрыть рев машины. Но напрасно. Комбайн с ходу ворвался в ближайший ряд и пошел кромсать жнивье, держа направление на юг. Стебли были не выше двадцати дюймов, на них еще даже не завязались ушки, но уборочному механизму это было безразлично. Дуэйн застонал еще громче, когда увидел, как бессильно падают нежные стебли и попадают под резцы, как восемь сборочных направляющих передают их на цепи и потом на длинные металлические валики. Цепям полагалось направить их между валиками, после чего початки должны были поступать в бункер. Если бы они только были!

Воздух наполнился пылью и клочьями стеблей и листьев, комбайн повернул вправо, затем влево и загромыхал прямо по полю, оставляя за собой скошенную полосу шириной по меньшей мере в тридцать футов. Дуэйн с криком выскочил за ворота и побежал дальше, размахивая руками. Старик даже не оглянулся.

Машина уже углубилась в поле почти на две сотни ярдов, как вдруг заглохла и застыла на месте. Мотор замолчал. Дуэйн остановился, хватая ртом воздух. Воображение нарисовало ему Старика, склонившегося над рулем и рыдающего при виде того, что им содеяно.

Дуэйн перевел дух и пошел к молчащей машине.

Передние фары кабины были включены, и дверца распахнута, но внутренняя лампочка горела, и было видно, что кабина пуста. Дуэйн медленно приблизился, чувствуя, как острые стебли колют ступни даже сквозь тапки. Подтянувшись на руках, он взобрался на маленькую платформу с левой стороны кабины.

Никого.

Дуэйн глянул в поле. Кукуруза едва достигала коленей, но расстилалась больше чем на полмили во всех направлениях, за исключением их дома. Выпотрошенный ряд поломанных стеблей, тянувшийся позади комбайна, был отчетливо виден даже в слабом свете звезд. Фонарь около сарая казался таким же далеким, как небо над головой.

Сердце Дуэйна снова сильно забилося. Он наклонился над металлическими перилами платформы и заглянул вниз, с ужасом ожидая увидеть распростертое на земле, скорчившееся тело.

Никого.

Кукуруза росла очень тесно, листья переплелись между собой, и отдельных рядов было уже не различить. Дуэйн отлично знал, что еще несколько недель — и все поле превратится в сплошной монолит высотой до плеч.

Но сейчас разглядеть лежащего человека было бы нетрудно. Мальчик шагнул к краю платформы и осмотрелся.

— Папа? — негромко позвал он. И совсем тихо повторил: — Папа?

Нет ответа. Даже стебли не шелохнутся, чтобы сказать ему, в какую сторону ушел Старик.

На заднем дворе опять раздался шум, и Дуэйн шагнул на другой край платформы, чтобы взглянуть в ту сторону. Пикап тро-

нулся с места и на несколько мгновений исчез из поля зрения, скрывшись за углом дома, потом появился опять и задом поехал к подъездной дороге. Фары теперь были выключены, дверца открыта. Выглядело все как на киноплёнке, прокручиваемой в обратном направлении. Дуэйн закричал было, но тут же понял, что это бессмысленно. Стиснув зубы, он молча наблюдал за удаляющейся машиной. Достигнув конца длинной подъездной дороги, пикап выбрался на Шестое окружное и вскоре пропал во тьме. Фары так и не загорелись.

«Это был не Старик!»

Внезапно пришедшая в голову мысль ошеломила Дуэйна, как будто на него вдруг обрушилась лавина ледяной воды.

Он нырнул в кабину комбайна и поудобнее устроился на высококом сиденье: нужно отвести эту проклятую штуку домой.

Но ключ зажигания отсутствовал. Дуэйн закрыл глаза и попытался припомнить все усовершенствования, которые внес Старик в конструкцию комбайна. Может, стоит поработать стартером? Нет, комбайн решительно не желал заводиться без ключа, который Старик обычно держал на гвозде в сарае.

Дуэйн щелкнул тумблером, чтобы включить мощные рабочие фары. Конечно, он посадит аккумулятор, но зато на поле станет светло как днем. Эти фары светят на расстояние до двухсот футов.

Ничего не получилось. Дуэйн вспомнил, что фары включаются, только когда работает мотор.

Он вышел на платформу и сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Пот градом катился по его лицу. Всего несколько часов назад стебли выглядели совсем низкими, а теперь казалось, что в них может прятаться что угодно. Только тридцатифутовой ширины дорожка, проделанная комбайном, открывала путь обратно к сараю.

Но Дуэйн не собирался ею воспользоваться.

Он обошел кабину и ступил на металлический поребрик, расположенный позади нее, затем подтянулся и запрыгнул на самый верх пустого зернового бункера. Металлическая крышка лягнула под его тяжестью. Мальчик пригнулся, нашел поручень и, держась за него, взобрался на крышу кабины. С высоты двадцати футов поле казалось сплошной темной массой, расстилающейся до границы мира. Западное пастбище было в полумиле

справа, черная линия леса мистера Джонсона тянулась в нескольких сотнях ярдов прямо впереди. Слева, через четверть мили, начиналось шоссе, по которому уехал пикап. Фонари на ферме дяди Генри светились примерно в миле или чуть больше к юго-востоку.

Налетел легкий ветерок. Дуэйн вздрогнул и застегнул пуговицы на рубашке.

«Я останусь здесь, — твердил он себе. — Они уверены, что я пойду назад, но я останусь здесь». Правда, он и сам не знал, кого имеет в виду.

С земли вдруг донеслось тихое шуршание, и Дуэйн наклонился вперед, стараясь хоть что-нибудь разглядеть. Там между стеблями что-то двигалось... скользило... Именно скользило — другого слова было не подобрать. Что-то длинное и большое с тихим шорохом скользило между стеблями примерно ярдах в пятнадцати от комбайна, и только легкое покачивание стеблей указывало его путь.

Если бы это происходило в море, подумал Дуэйн, он бы решил, что дельфин плывет рядом с кораблем, иногда показывая спину.

Отсвет звезд опять блеснул, когда это что-то скользнуло сначала поверх стеблей, потом под ними. По влажному блеску Дуэйн понял, что свет отражается на чем-то вроде чешуи.

Когда Дуэйн увидел след кошмарного существа, двигавшегося против часовой стрелки по огромному кругу и гораздо быстрее, чем мог бы двигаться человек, возникшее было предположение, что по полю, возможно, ползет его Старик, пьяный настолько, что не в состоянии подняться на ноги, отпало само собой. Это существо походило скорее на огромного змея, причем тело его, длиной в несколько ярдов, было толще самого Дуэйна.

Из горла мальчика вырвался сдавленный смешок. Идиотизм какой-то! Неужели он спятил?

Существо проползло примерно четвертую часть окружности и достигло выстриженной комбайном полосы.

Волна изменила направление движения так гладко, будто это вильнула хвостом рыба: она повернула назад и вдоль той же самой невидимой линии поплыла к югу. До слуха Дуэйна донесся новый звук, и мальчик перешел на противоположную сторону крыши. Что-то такое же большое и молчаливое скользило по за-

падной стороне поля. Проследив некоторое время за непрерывающимся движением, Дуэйн заметил, что диаметр каждой следующей окружности, описываемой змееподобными тварями, уменьшается примерно на фут.

«А, дьявол!» — выдохнул Дуэйн. Хорошо, что он остался на комбайне. Если бы он отправился пешком по полю, эти существа уже настигли бы его.

«Нет, это действительно сущее безумие!» Мальчик попытался собраться с мыслями. Это было сумасшествием... безумием... чем-то совершенно невероятным... но тем не менее вполне реальным. Руки Дуэйна чувствовали холод металлической крыши комбайна, ноздри втягивали прохладный воздух, пахнущий влажной землей, и он понимал, что каким бы невозможным ни казалось происходящее, оно происходило на самом деле. А значит, надо не отрицать очевидное, а решать, как действовать в таких обстоятельствах.

Звездный свет то и дело вспыхивал на чем-то длинном и скользком: жуткие полужмеи-полуслизняки продолжали свое непрерывное скольжение по кругу. Дуэйну вспомнилась минога, которую он однажды поймал в Спуне. Там тоже была одна сплошная глотка — глотка и зубы, кругами спускающиеся в багровую гортань. После той рыбалки его не меньше месяца мучили кошмары.

Неподвижно стоя на крыше комбайна, он следил за безостановочным скольжением тварей — их местоположение выдавали только легкое покачивание стеблей и тихий шелест.

«Я останусь здесь до утра. И что дальше?» — размышлял Дуэйн.

Но еще не было и полуночи, а значит, до рассвета не меньше пяти часов. Что он будет делать, если удастся продержаться все это время? Возможно, твари исчезнут при свете дня. Если же нет, он снимет рубашку, станет размахивать ею, чтобы привлечь внимание. Кто-нибудь непременно заметит его со стороны Шестого окружного...

Дуэйн спустился с кабины и подошел к зерновому бункеру, чтобы посмотреть, что происходит позади комбайна. Поблизости вроде никого не было. Если твари двинутся в его сторону, он в одну секунду вернется обратно на крышу.

В эту минуту послышался шум. По подъездной дорожке ехала машина с выключенными фарами.

«Это Старик! Он возвращается».

Но уже через секунду Дуэйн понял, что ошибся: это был не их пикап. Мотор ревел совсем иначе. А потом отблеск фонаря упал на стенку кузова...

Машина была красной. С высокими бортами. Ободранная кабина заляпана грязью.

Грузовик пересек двор и медленно выехал через ворота в поле.

Дуэйн запрыгнул на крышу кабины и сел там, стараясь подавить внезапный приступ тошноты.

«О, черт подери!»

По коридору, оставленному комбайном, грузовик углубился на сотню ярдов в поле, резко свернул и остановился поперек коридора, будто заблокировав самому себе путь. Между ним и комбайном оставалась еще сотня ярдов, но, когда ветер дул с той стороны, Дуэйн отчетливо ощущал омерзительную вонь мертвечины.

«Оставайся там, оставайся там...» — мысленно приказывал он грузовику.

Грузовик и вправду не сдвинулся с места, но в свете далекого фонаря Дуэйн заметил странное копошение в кузове. Какие-то бледные силуэты спускались по высоким бортам и спрыгивали на землю. А потом...

Они заковыляли к комбайну!

«Проклятье!»

Дуэйн стукнул кулаком по крыше. Когда эти странные силуэты оказались между ним и фонарем, он сумел разглядеть их получше. Это были человекоподобные существа, но двигались они странным образом... слегка не то пошатываясь, не то раскачиваясь.

«Один... два...» Дуэйн насчитал шесть.

Мальчик нырнул в кабину и принялся шарить за сиденьем в поисках ящика с инструментами, который Старик обычно держал здесь. Найдя его, он выхватил оттуда большую отвертку и прикрепил ее к поясу, затем вытащил самый большой и тяжелый из всех инструментов — разводной ключ на четырнадцать дюймов, зажал его в кулаке и вылез на платформу.

Ползучие твари были уже не дальше чем в десяти ярдах от комбайна. А шесть неясных фигур упорно шли вперед по ско-

шенной полосе. Сейчас были видны только четыре из них, остальных скрывала темнота. Между ними и комбайном оставалось ярдов двадцать.

— Помогите! — что было силы закричал Дуэйн. — Спасите меня! Пожалуйста, спасите!

Он стоял лицом к ферме дяди Генри, до которой было больше мили.

Дуэйн замолчал. Сердце билось как бешеное, и мальчик был уверен, что с минуты на минуту оно вырвется из груди, если он не успокоится.

«Нужно спрятаться в бункере для зерна, — лихорадочно думал он. — Нет. Слишком долго придется возиться с крышкой, и это ненадежное укрытие. Вот! Надо ударить по ним током высокого напряжения!»

На мгновение у него появилась надежда. Он опустился на одно колено и начал ковыряться в маленьком распределительном щитке. Там была целая путаница проводов, тянувшихся к рулевому механизму, и все они были перекинуты Стариком на другие полюса. Без света Дуэйн не имел возможности разобрать цвет изоляционной обмотки, чтобы узнать, какой именно провод ведет к контуру зажигания, а какой подает ток на фары, вентиляторы или что-нибудь еще. Он наугад вытянул четыре — первые, что попались под руку, — обкусал изоляцию на концах и принялся торопливо соединять их друг с другом. Первая комбинация не дала ничего. Вторая тоже. Он приступил к третьей попытке, но, услышав приближающийся звук шагов, на миг оторвался от этого занятия и выглянул из кабины.

Человекоподобные существа были теперь меньше чем в двадцати футах от комбайна.

Первые два вроде бы мужчины... тот, что повыше, возможно, Ван Сайк. Третий силуэт, похоже, принадлежал женщине. На ней были намотаны какие-то тряпки — или это остатки савана? Лохмотья волочились следом. Когда свет упал на ее щеку, Дуэйну показалось, что блестит голая кость. Он зажмурил глаза.

Три другие фигуры двигались среди стеблей кукурузы. Самая ближняя из них была покороче, широкополая шляпа на ее голове закрывала все лицо.

Дуэйн с трудом перевел дыхание и, покрепче зажав в кулаке гаечный ключ, выбрался на платформу. Шестеро. По меньшей мере.

Он перешагнул через перила и стал взбираться на длинную переднюю часть початкосрывателя, стараясь сохранить равновесие на узкой опорной балке. Все восемь пиккеров холодно блестя, длинные вальцы и подающие цепи опустились до самой земли и зарылись в стебли, росшие там, где остановилась машина.

Звук шагов по металлическим перекладинам эхом отозвался позади: кто-то ступил на платформу. Справа от комбайна возникла тень, но до нее было еще несколько ярдов. Зловоние, исходившее из кузова труповоза, заметно усилилось.

Дуэйн дождался, когда слизни в кукурузе разминутся и окажутся в противоположных точках.

«Пора!»

Мальчик спрыгнул с конца початкосрывателя, ударился о мягкую почву, покатился, вскочил на ноги и побежал. Отвертка больно била его по животу, а в руке он по-прежнему сжимал гаечный ключ.

Слизни изменили направление движения и поползли за ним. Стебли зашуршали справа и слева. За спиной слышались шаги по металлической поверхности, более громкие, чем шорох кукурузы.

Дуэйн неся из всех сил, он и не подозревал, что способен бежать так быстро. Прямо впереди чернела стена деревьев — этот лес принадлежал мистеру Джонсону. Дуэйн видел, как мелькают на темном фоне огоньки светлячков, похожие на горящие глаза.

Что-то обогнало его, волна наклонившихся стеблей прокатилась справа. Дуэйн споткнулся, попытался восстановить равновесие, замер на месте и чуть не упал.

Однажды они со Стариком помогали дяде Арту занести свернутый в рулон ковер в новый дом одного из дядиных друзей. Рулон был футов тридцать пять длиной и высотой фута три. Весил он чуть не тонну. А то, что обогнало Дуэйна сейчас, было гораздо длиннее.

Дуэйн стоял балансируя, а эта штука повернула в его сторону. Она не возвышалась над стеблями, потому что большая часть ее была скрыта в мягкой земле, подобно фантастическому гигантскому корню.

Но когда в следующий момент тварь чуть приподнялась, в свете звезд блеснул ряд зубов.

«Ну точно как минога!»

Жуткое существо набросилось на Дуэйна, словно огромная сторожевая собака. Он увернулся, как матадор, и ударил гадину гаечным ключом. Этот удар мог бы разmozжить череп.

Но у нее не было черепа. Гаечный ключ стукнулся о толстую влажную шкуру. Это все равно что пытаться разрубить глубоко зарытый кабель, мелькнуло в голове у Дуэйна. Пасть чудовища опять нырнула в землю, спина выгнулась подобно змеиной, и на ней мелькнул отблеск света. Этот влажный глянец напомнил Дуэйну скользкую спину зубатки.

Позади него послышались чьи-то быстрые шаги и шорох ломаемых стеблей.

Солдат. Бледные руки вытянуты вперед и вверх.

Дуэйн крутанулся на месте и метнул в ту сторону тяжелый гаечный ключ. Человек в униформе не сделал даже попытки увернуться. Шляпа слетела с его головы, и мальчик услышал глухой отвратительный звук удара о кость.

Но Солдат не пошатнулся и не остановился. Руки его были по-прежнему вытянуты, пальцы скрючены. Какая-то высокая темная фигура надвигалась на Дуэйна справа. А еще кто-то бежал в обход, намереваясь отрезать ему путь к отступлению. В темноте двигалось что-то еще.

Дуэйн отстегнул от пояса отвертку и пригнулся, надеясь спрятаться. Когда рядом с ним что-то зашевелилось, он развернулся и отпрыгнул вправо.

Но недостаточно быстро. Змееподобное чудовище вырвалось из земли, цапнуло Дуэйна по левой ноге и снова исчезло.

Мальчик покатился по земле. Потом, несмотря на онемение, сковавшее левую ногу, будто кто-то пропустил по ней электрический ток, попытался встать. С большим трудом, все время держа отвертку как нож, он все же поднялся, выпрямился, балансируя на правой ноге, и посмотрел вниз.

Что-то укусило его в левую ногу. На штанине виднелась дыра размером с кулак, и еще бóльшая, с рваными краями, дыра зияла в голени. Осознав, что видит обнаженными собственные мышцы, Дуэйн сглотнул слюну. Лившаяся из раны кровь казалась черной.

Опираясь на другую ногу, Дуэйн вытянул из кармана носовой платок и крепко затянул его пониже колена. Об этом он позаботится позже.

Мальчик захромал по направлению к темной линии далекого леса. Внезапная возня среди стеблей заставила его свернуть влево, к окружному шоссе.

Впереди, поблескивая в свете звезд зубами, его поджидали три существа. Самый короткий силуэт — Солдат — двигался вперед так, будто под ним была катившаяся на колесах платформа: держась прямо, едва передвигая ноги, он скользил прямо на Дуэйна.

Дуэйн не пытался бежать. Когда чьи-то белые пальцы потянулись к его горлу, он не то зарычал, не то взвыл, опустил голову и ткнул отверткой прямо в обтянутое защитного цвета рубашкой туловище. Отвертка, так же легко, как входит в гнилую дыню нож, по самую рукоятку проникла в мягкую, подрагивающую плоть. Дуэйн крутанул отвертку.

Выдохнув, он отступил на шаг. Темная фигура продолжала стоять, сжимая обеими руками его предплечье. Дуэйн попытался высвободиться, но не смог. Тогда он плашмя ударил по руке лезвием отвертки.

Что-то тяжелое упало ему сзади на шею, и он рухнул, не переставая отбиваться от нападавших. Кровь обильным потоком хлынула на штаны и рубашку. Очки слетели и упали где-то далеко. Он потерял обе тапки, ноги покрылись толстым слоем глины. Но он продолжал бешено отбиваться от сгрудившихся вокруг темных фигур. Что-то длинное и влажное скользнуло по лицу и тут же зарылось в землю. Дуэйн попытался ударить по твари, но отвертку выбили из его руки. Множество чьих-то пальцев сжимали его, тянули за руки...

Держали Дуэйна по меньшей мере четверо. Костлявая рука давила на лицо, вжимая щекой в грязь. Дуэйн укусил эту руку и почувствовал, что воняет она, как дохлый цыпленок, неделю провалявшийся на солнце. Мальчик сплюнул и почувствовал, как его зубы впились в кость. Но хватка не ослабла. Перед его глазами мелькнуло женское лицо, изъеденное проказой и тленом.

«Это всего лишь кошмарный сон», — уговаривал он себя, точно зная, что на самом деле это не так. Что-то — на этот раз не змей, — рыча, как бешеная собака,глодало его здоровую ногу.

«Витт, — мысленно взмолился Дуэйн, чувствуя, как отчаяние захлестывает его подобно потоку воды, — Витт, спаси меня!»

Кто-то наклонился над его головой и встал тяжелым ботинком на лицо, заталкивая его в грязь. В голову впивались короткие стебли кукурузы. Звуки, которые он слышал, казалось, исторгались из глотки кота, подавившегося клочком меха.

Еще какой-то звук... Весь мир выл, рычал и кружился вокруг него. Но, даже балансируя на грани сознания и понимая, что теряет разум настолько же от боли и страха, насколько от потери крови, Дуэйн узнал этот шум.

Заработал мотор комбайна. Громадина надвигалась на него из темноты. Дуэйн слышал, как машина вырывает из земли стебли, разрубает их, как лязгают цепи, передавая их дальше, на валки. Теперь воздух был наполнен не только зловонием разложения, но и запахом свежескошенной травы.

Дуэйн старался подняться на ноги, отбивался, пытался высвободить хоть одну руку, чтобы вцепиться в нависшие над ним силуэты и сбросить с себя неимоверную тяжесть. Ботинок еще сильнее надавил на лицо, втапывая его в грязь. Мальчик услышал, как хрустнула скула, но продолжал бороться с бешеной силой.

Рядом что-то шевельнулось, обдав Дуэйна новым облаком зловония, где-то в недостижимой вышине сверкнули звезды... В следующее мгновение грохот комбайна заполнил весь мир...

Когда ботинок наконец убрали с его виска, Дуэйн на долю секунды приподнял голову.

Что-то разрывало ему ноги, неумолимая сила подняла его, перевернула, потащила в жуткую мясорубку, приближение которой он чувствовал каждой клеточкой своего тела.

Но в эту долю секунды, в это кратчайшее из мгновений свободы, когда он вновь обрел способность видеть звезды, Дуэйн обратил к ним лицо и не отвернул его даже при виде надвигающейся тьмы...

В Элм-Хейвене Майк О'Рурк заснул прямо на стуле около окна в бабушкиной комнате. Бейсбольная бита лежала у него на коленях. Внезапно его разбудил какой-то шум.

В южной стороне города Джим Харлен проснулся от ночного кошмара и сел, уставившись в окно. В комнате было темно. Рука болела в самой кости, и привкус во рту был ужасный. Он понял, что проснулся от какого-то отдаленного, но мощного звука.

Кевин Грумбахер крепко спал, когда что-то вдруг заставило его буквально подскочить в постели. Он сел, задыхаясь в стерильной чистоте своей спальни. Что же разбудило его? Кевин прислушался, но ничего не услышал, кроме ровного гудения кондиционера, встроенного в вентиляционное отверстие. Но это повторилось снова. И снова.

Дейл проснулся от страха, точно такого же, какой охватывал его, когда снилось, будто он падает. Сердце билось так, будто произошло что-то ужасное. Он заморгал, уставясь на ночник. В кровати рядом послышалось какое-то шевеление, и теплые пальцы Лоренса ухватили брата за рукав пижамы. Сонным голосом он спросил у Дейла, что случилось.

Дейл откинул одеяло и сел, не понимая, что могло разбудить его.

Звук повторился. Ужасный, эхом отдававшийся в самых глубинах мозга. Дейл посмотрел на брата и увидел, что тот заткнул уши и с ужасом смотрит на него.

Значит, он тоже слышал...

Вот опять. Колокол... Громкие, гулкие удары, гораздо более мощные, чем удары колокола церкви в Элм-Хейвене. Разбудил Дейла первый удар. Второй эхом прокатился во влажном мраке. Третий заставил мальчика отшатнуться, зажать уши и нырнуть в кровать, как будто от этого можно было спрятаться. Он ожидал, что сейчас в комнату прибегут мать с отцом, раздадутся крики соседей... Но вокруг стояла тишина. Не было никаких звуков, кроме ударов колокола, и никто, кроме них с братом, не слышал этого жуткого гула.

Колокол, казалось, был здесь, рядом с ними, в этой комнате. Он пробил в четвертый раз, затем в пятый... Пока не пробил полночь.

Глава 20

О случившемся Дейл узнал в субботу утром, когда играл с ребятами в бейсбол. Мимо на своих дорогих велосипедах проезжали Чак Сперлинг и его друзья.

— Эй, твой дружок Дуэйн подох! — крикнул Чак Дейлу, стоявшему на питчерской горке.

Дейл недоуменно уставился на Сперлинга.

— Ты что, псих? — наконец выговорил он, чувствуя, как внезапно пересохло во рту. Затем до него дошло то, что он только что услышал. — Ты говоришь о дяде Дуэйна — так?

— Не-а, — равнодушно бросил Чак. — Нет, я говорю не о его дяде. Он-то помер еще в прошлый понедельник или когда там? Я говорю о Дуэйне Макбрайде. Это он подох. Все равно как собака, которую переехала машина.

Дейл открыл было рот, но не нашелся что сказать. Попытался было сплюнуть, но во рту не оказалось ни капли слюны.

— Ты чертов вун! — выпалил он наконец.

— Нет, — вступил в разговор Диггер Тейлор, сын владельца похоронной конторы, — он не врет.

Дейл моргнул и снова перевел взгляд на Сперлинга, будто тот был единственным, кто мог прекратить эту глупую шутку.

— Без вранья, — сказал Сперлинг, подбросив в воздух и снова поймав мяч. — Отца Диггера сегодня вызвали на ферму Макбрайдов. Толстяк свалился в комбайн... в самую что ни на есть серединку. И сегодня его битый час соскребали со всяких там шестеренок. Размолотило твоего приятеля на кусочки. Правда ведь, твой отец сказал, что его даже нельзя будет хоронить в открытом гробу, да, Диггер?

Диггер не ответил. Он в упор смотрел на Дейла ничего не выражающими бледно-голубыми глазами. Чак Сперлинг продолжал подбрасывать и ловить мяч.

— Забери свои слова обратно!

Дейл выронил рукавицу и медленно пошел на Чака.

Сперлинг отбросил в сторону мяч и нахмурился:

— Ты чего завелся, Стюарт? Я просто подумал, что тебе будет интересно знать...

— Признайся, что ты врешь... — прошептал Дейл, но не стал ждать ответа.

Нагнув голову, он кинулся на Чака Сперлинга. Тот выбросил руки вверх, и ребром ладони стукнул Дейла по голове, когда тот очутился рядом, и замолотил руками по воздуху. Но Дейл сильно ударил Чака в живот, так что тот даже охнул, и затем нанес три или четыре удара по ребрам, один из которых пришелся прямо над сердцем.

Сперлинг зашатался и, сделав шаг назад, повис на заборе. Пригнувшись, Дейл принялся бить его по лицу. После второго удара у того пошла из носа кровь, третий пришелся по зубам, но Дейл даже не почувствовал боли в костяшках пальцев, хотя они оказались разбитыми. Сперлинг рухнул на землю, взвыл и закрыл лицо ладонями, одновременно защищая локтями затылок.

Дейл дважды изо всех сил ударил его в бок. Когда руки Сперлинга бессильно повисли, Дейл схватил его за горло и, приподняв, швырнул на проволоочное ограждение. Левой рукой он стал душить уже теряющего сознание парня, а правой, свободной, продолжал наносить удары в ухо, в лоб, по губам...

Раздались крики. Чьи-то руки тянули Дейла в сторону и рвали на нем футболку. Но он не обращал на это никакого внимания. Сперлинг, бешено извиваясь, вывернулся и ухитрился хлопнуть ладонью Дейла по щеке. И тут же получил в ответ сильнейший удар в глаз.

Вдруг Дейл ощутил ужасную боль в почках, чья-то рука схватила его за подбородок и потащила назад. Он выпустил Сперлинга.

Между ним и Чаком стоял Диггер Тейлор. Дейл что-то выкрикнул и бросился на него. Диггер выпустил его плечо и очень сильно ударил прямо в солнечное сплетение.

Дейл как подкошенный рухнул на землю, в пыль, кашляя и ловя ртом воздух. Он перекатился к ограждению и попытался приподняться. В легких не было ни капли кислорода, и сердце, казалось, остановилось.

Лоренс, окаменевший в первый момент от неожиданности, наконец пришел в себя, с криком сорвался с длинной скамьи запасных, стоявшей вдоль ограждения, подпрыгнул в воздух и упал Диггеру на спину. Тот резким движением отбросил восьмилетнего мальчишку на проволоку забора.

Лоренс спружинил, приземлился на ноги, будто забор был не забором, а вертикальным батутом, и, опустив голову, молотя кулаками в воздухе, двинулся на Тейлора. Диггер присел и попытался, сделав захват, зажать ему голову. Соперники споткнулись о хнычущего Сперлинга и рухнули прямо на него. Даже поверженный наземь, Лоренс продолжал сражаться. Теперь в ход пошли комья земли.

Один из братьев Фусснеров, стараясь держаться подальше от эпицентра рукопашной схватки, попытался стукнуть Лоренса по голове.

— Эй!

Кевин, до сих пор державшийся в стороне, стал боком приближаться к месту побоища. Барри попытался пнуть и его, но Кевин молниеносным движением ухватил его за тяжелый ботинок и резко дернул на себя. Тот шлепнулся прямо в пыль рядом с бейсбольным холмиком. Боб Маккоун и Джерри Дейзингер подбадривали всех участников великой битвы воинственными криками. Том Кастанатти не тронулся с места.

Диггер схватил Лоренса за футболку и, подняв его в воздух, перебросил через длинную скамью. Потом подхватил Сперлинга под мышки и начал отступать туда, где стояли их велосипеды. Лоренс вскочил на ноги, готовый к продолжению драки.

Так и не сумев отдышаться, но не обращая на это внимания, Дейл, шатаясь, оторвался от проволочной ограды и сжал кулаки. Он сделал три шага в сторону Тейлора и Сперлинга, зная, что в этот раз он не уступит, пока эти двое его не убьют или Сперлинг не возьмет свои слова обратно.

Тяжелые ладони, протянувшиеся откуда-то сзади, опустились ему на плечи. Он попытался стряхнуть их, выругался и не глядя

двинул в ту сторону локтем, пытаясь отделаться от неожиданной помехи и окончательно разобраться с Чаком.

— Дейл! Остановись! Дейл!

Оглянувшись, он увидел отца, который теперь держал его, обхватив за пояс.

Дейл на секунду зажмурился, потом поднял голову, заглянул отцу в глаза и все понял. Он стал медленно оседать на землю, и только отцовская рука не дала ему упасть.

Диггер Тейлор и Чак Сперлинг уехали. Велосипед Чака вилял из стороны в сторону, парень не мог разогнуться и, похоже, все еще плакал. Фусснеры вприпрыжку бежали за ними.

Развоевавшийся Лоренс стоял на кромке бейсбольного поля и швырял камни вслед недавним противникам, пока отец не велел ему прекратить это безобразие.

Дейл так никогда и не вспомнил, как в тот день добрался до дому. Возможно, его тащил на себе отец. А может быть, он шел сам. Но одно он помнил твердо: слез не было. Тогда он не плакал. Пока еще не плакал.

Майк как раз готовился принять участие в траурной мессе по случаю похорон какой-то старушки, когда услышал о смерти Дуэйна. Он как раз надевал саккос поверх сутаны, когда Расти Рамирес, другой алтарный служка, помогавший ему в этот день, сказал:

— Господи Иисусе, да ты что, разве не слышал о мальчике, который умер на ферме сегодня утром?

Майк застыл на месте, отчего-то сразу догадавшись, о какой ферме и о каком мальчике идет речь. Но все-таки уточнил:

— Ты говоришь о Дуэйне Макбрайде?

Рамирес рассказал ему все, что знал.

— Говорят, что он упал в какую-то машину. Наверное, рано утром. Мой отец служит в добровольной пожарной команде, и сегодня их вызвали туда. Но ничего уже нельзя было сделать... он уже умер... И им пришлось очень долго стараться, чтобы вытащить его из этой машины.

Майк рухнул на ближайшую скамью. Ноги и руки стали ватными. В глазах потемнело, он уронил голову на руки, опершись локтями о колени.

— Ты точно знаешь, что это Дуэйн Макбрайд? — наконец спросил он.

— Да, конечно. Мой отец знаком с его отцом. В тот вечер он видел его в баре «Под черным деревом». Отец говорит, что мальчик, наверное, хотел побаловаться с комбайном и выехал убирать кукурузу, — представляешь? Как будто он совсем ничего не соображал. Разве можно убирать кукурузу в июне? И он как-то упал и угодил как раз туда, где очиститель... знаешь, где стоят зернодробилки и всякие такие штуки? Отец не стал мне все подробно описывать, но сказал, что они даже не смогли найти все части тела и, когда искали руку...

— Хватит! — оборвал его отец Кавано, вошедший в этот момент в ризницу. — Расти, иди и приготовь вино и святую воду. Прямо сейчас.

Когда мальчик вышел, священник подошел к Майку и положил руку ему на плечо. Теперь уже Майк видел нормально, но дрожал всем телом. Он обхватил руками колени и крепко прижал их к животу, но это не помогло. Дрожь никак не унималась.

— Ты знал его, Майкл?

Майк молча кивнул.

— Это был твой близкий друг?

Майк перевел дыхание. Пожал плечами. Потом опять кивнул. Дрожь словно проникла в кости.

— Он был католиком? — спросил отец Кавано.

Майк снова опустил голову. Первый ответ, который пришел ему в голову, прозвучал бы так: «На кой черт вы это спрашиваете?»

— Нет, — наконец сказал он. — Не думаю. Он никогда не приходил в костел. Не думаю, что они с отцом вообще ходили в какую-нибудь церковь.

Отец Кавано тихо вздохнул:

— Это не важно. Прямо после мессы я пойду к ним.

— Отец, вы не увидите там мистера Макбрайда, — послышался голос Расти, опять стоявшего у дверей. В руках у него были маленькие склянки с вином и водой. — Копы забрали отца этого мальчика в Оук-Хилл. Они думают, что, может, это он убил его.

— Достаточно, Расти! А теперь выметайся отсюда и подожди нас с Майклом за дверью.

Майк удивленно взглянул на священника. Он не помнил, чтобы отец Кавано когда-либо разговаривал так резко.

Челюсть Расти отвисла, секунду он смотрел широко открытыми глазами на отца Кавано, потом поспешил скрыться в алтаре. Майк услышал, как плакальщицы начали вступление к обряду похорон миссис Сарранца.

— Мы попробуем что-нибудь сделать для твоего друга, Майкл, когда отслужим мессу и поблагодарим Господа, — тихо сказал отец Кавано и снова коснулся плеча мальчика. — Готов?

Майк кивнул, поднял высокое распятие, лежавшее у стены, и пошел вслед за священником к алтарю. Процессия, как всегда, выглядела очень торжественно.

В тот же вечер отец поднялся к Дейлу в спальню, чтобы поговорить. Дейл лежал в постели, прислушиваясь к крикам и смеху маленьких ребятишек, игравших на школьном дворе через дорогу. Их счастливые голоса доносились до него словно издали.

— Как ты тут, тигренок?

— Отлично.

— Лоренс немного поел с нами. Может, и ты придешь пообедать?

— Нет. Спасибо.

Отец откашлялся и опустился на кровать. Мальчик лежал на спине, пристально глядя на крошечные трещинки на потолке. Переплетенные пальцы сжимали лоб. Когда отец садился, он непроизвольно прислушался, почти ожидая услышать из-под кровати тихий шорох. Но там было тихо. Только с улицы по-прежнему доносились детские крики, подобно густому запаху проникавшие сквозь защитную сетку на окне. День был хмурым и буквально сочился влагой.

— Я еще раз позвонил констеблю Силлзу, — снова заговорил отец. — И наконец дозвонился.

Дейл ждал продолжения.

— Это правда — насчет несчастного случая. — Голос отца звучал хрипло, напряженно. — Произошла ужасная авария с той машиной, которой они пользовались для уборки урожая. Дуэйн... ну... в общем, Барни считает, что все произошло очень быстро. И по всей вероятности, Дуэйн почти не мучился...

Дейла передернуло, он не сводил глаз с трещины на потолке, как раз над его головой.

— Полиция была там все утро. — Отец, очевидно, считал, что, какими бы ужасными ни были факты, Дейл должен знать все. — Они намерены продолжать расследование, но практически уверены, что произошел именно несчастный случай.

— А что с его отцом? — резко спросил Дейл.

— Что-что?

— С отцом Дуэйна? Полиция не арестовала его?

Отец Дейла поскреб верхнюю губу.

— А кто тебе сказал, что его собирались арестовать?

— Майк заезжал ненадолго. Он услышал об этом от одного мальчика. Тот сказал, что отца Дуэйна арестовали по подозрению в убийстве.

Отец покачал головой:

— Даррен Макбрайд был, как положено, допрошен констеблем. Он... В тот вечер его не было дома допоздна, он был выпивши и сегодня утром не мог объяснить свое отсутствие. Но и мистер Тейлор, и коронер в своем рапорте... Дейл, тебе будет неприятно это слышать...

— Говори, — потребовал Дейл.

— Понимаешь, есть способы установить момент... ну, узнать, сколько времени прошло с тех пор, как человек скончался. Сначала они подумали, что все произошло сегодня утром, после возвращения домой мистера Макбрайда... После того как он... пошел спать.

— Отключился, — понял его заминку Дейл.

— Да. Ну и сначала они думали, что несчастный случай произошел сегодня утром. Но потом коронер определил время точнее: по-видимому, где-то около полуночи. Мистер Макбрайд уехал из бара «Под черным деревом» много позже. Тому есть свидетели. Знаешь, Барни говорит, что он почти не владеет собой... едва ли в состоянии рассуждать здраво...

Дейл снова кивнул. Правильно, именно в полночь. Он помнил звон колокола, отбивавшего двенадцать ударов. Колокола, которого в Элм-Хейвене не было.

— Я хочу пойти туда... — сказал мальчик.

Отец участливо склонился к нему. Дейл чувствовал запах мыла и табака, исходящий от его ладоней.

— На ферму?

Дейл кивнул. Ему показалось, что теперь он разобрал рисунок, в который сложились трещинки на потолке: большой знак вопроса, образованный зигзагообразными линиями.

— Не думаю, что это хорошая мысль, — мягко проговорил отец. — Позже я позвоню туда. Узнаю, нуждается ли мистер Макбрайд в помощи. Спрошу, будет ли поминальная служба в церкви или просто похороны. Затем туда отправятся женщины — отнесут кое-какую еду. Так что, может быть, завтра...

— Я пойду... — повторил Дейл.

Отец подумал, что он имеет в виду похороны, и промолчал. Затем еще раз коснулся головы сына и вышел из комнаты. Ступеньки закрипели под его шагами.

Дейл еще некоторое время лежал, размышляя. Он, должно быть, задремал, потому что, когда снова открыл глаза, комната была залита серым светом наступивших сумерек, голоса детей сменились стрекотом цикад, ему вторили другие ночные звуки и темнота подкрадывалась из всех углов. Дейл лежал очень спокойно, почти не дыша, ожидая какого-нибудь звука из-под кровати Лоренса... звона колокола... чего-нибудь еще...

Когда хлынул дождь — он обрушился внезапно и яростно, будто на полную мощность открыли кран, — Дейл уселся у окна. Он смотрел, как проявляется в свете бесшумных молний четкий рисунок листьев, слушал, как бушует вода в стоках, наблюдал, как постепенно проявляется контур кедра, когда ливень начал стихать. Мгновенная вспышка молнии высветила черную мокрую мостовую Депо-стрит и башню Центральной школы, вздымающуюся над вязами за дорогой.

Сквозь защитную сетку в комнату струился холодный воздух. Дейл дрожал, но не хотел идти в постель, под одеяло. Пока нет. Ему еще надо подумать.

На следующее утро они с Майком отправились каждый в свою церковь. Проповедь преподобного Миллера осталась в памяти Дейла монотонным далеким гудением. Позже, когда они возвращались домой, мать отметила прочувствованность слов, которые произнес священник о трагедии Макбрайдов. Но Дейл этих слов не слышал.

Он сказал матери, что поедет к Майку. Что сказал своим Майк, неизвестно, да и вряд ли тот вообще давал им какие-то объяснения. Кукарекать в этот раз не пришлось, Майк уже ожидал приятеля под большим вязом — там, где они когда-то встретились впервые. На нем была прорезиненная накидка. Такие накидки в редакции «Теория джорнал» выдавали тем, кто занимался доставкой газет, чтобы они могли исполнять свои обязанности в любую погоду.

— Ты совсем промокнешь, — сказал Майк, когда Дейл подъехал к дереву.

Дейл глянул вверх сквозь ветви. Все еще лил сильный дождь, а он даже не заметил этого, хотя машинально накинул ветровку. С козырька бейсболки уже капала вода. Дейл безразлично пожал плечами:

— Пойдем.

Дождь безостановочно барабанил по стеблям поднимавшихся на полях зерновых. Ребята доехали до водонапорной башни, затем свернули на восток по Джубили-Колледж-роуд, а оттуда на север по Шестому окружному. Велосипеды они спрятали в высокой траве на склоне холма неподалеку от фермы дяди Генри. Дождь лил все сильнее, и Майк сокрушенно проворчал, что машины их промокнут и заржавеют.

— Пошли, — шепотом позвал Дейл.

Перескочив через ограду, мальчики оказались в лесочке мистера Джонсона. На ближайшем холме за их спинами виднелось кладбище — его темная чугунная ограда четко выделялась на фоне угрюмого неба, придавая пейзажу зимний вид. В лесу было сыро, и теннисные туфли Дейла сразу же пропитались водой, пока они с Майком пробирались сквозь мокрый кустарник и высокую траву. Склон холма был скользким, и спускаться пришлось, хватаясь руками за ветки деревьев или траву.

Через некоторое время они вышли на узкое пастбище, примыкавшее к южной стороне фермы Макбрайдов, и Майк свернул на запад, прямо к чернеющему полю. Примерно в миле от них стоял дом Дуэйна. Невысокая пока кукуруза не заслоняла ни его, ни другие постройки на ферме. Небо лежало так низко, что походило скорее на потолок в помещении, только раскрашенный разными оттенками серого цвета. Мальчики помедлили у забора.

— По-моему, мы нарушаем закон, — прошептал Майк.

Дейл равнодушно пожал плечами.

— Но это не потянет на вторжение в границы частной собственности. — Майк тряхнул капюшоном, и вода с него хлынула потоком. — Скорее что-то вроде неправомерного проникновения на место преступления или еще что-нибудь такое.

— Но они сказали, что произошел несчастный случай, — возразил Дейл шепотом.

Он и сам не смог бы объяснить, почему говорит так тихо, хотя на целую милю вокруг нет ни души.

— Ты отлично понимаешь, о чем я говорю.

Майк скинул капюшон и огляделся. Ни малейшего признака комбайна. Ни малейшего признака чего-либо необычного. Сарай Макбрайдов был далеко и выглядел так же, как и любой другой сарай в мире.

— Так мы идем или нет? — спросил Дейл.

— Идем.

Майк снова натянул капюшон на голову, и они стали перелезать через забор.

Через поле они шли пригнувшись. Дорога тянулась в нескольких сотнях ярдов от них, и вокруг были одни ряды кукурузы, но среди низких колосьев ребята чувствовали себя как на ладони. У Дейла было ощущение, что они играют в войнушку: он бегом пересекал открытый участок, затем, достигнув следующего ряда, приседал и подавал знак Майку. Именно таким образом они и передвигались по полю.

Ребята миновали уже больше половины пути, когда заметили в кукурузном поле широкую выкошенную плешь. Она выглядела так, будто кто-то пригнал сюда газонокосилку и стал выписывать пьяные кренделя посреди зеленых колосков.

А чуть дальше в глаза им бросилась желтая лента.

Последние двадцать ярдов мальчики преодолели едва ли не на четвереньках, перепачкав землей и руки, и колени.

— Господи! — выдохнул Майк.

На желтой ленточке было написано: «ПОЛИЦИЯ. ЗА ЛИНИЮ НЕ ЗАХОДИТЬ». Натянутая полоска пластика огораживала неровный четырехугольник, с длиной стороны около пятидесяти футов. Внутри четырехугольника выкошенная полоса внезапно обрывалась, и на земле остались следы множества ног.

Дейл секунду помедлил перед лентой, затем перешагнул через нее и быстро двинулся к утоптанному участку. Майк последовал за ним.

— Господи, — снова прошептал он.

Дейл не знал, что он, собственно, ожидал увидеть — возможно, все еще стоящий здесь комбайн, а может, начерченный мелом силуэт лежащего человека, как это показывают по телевизору. Но повсюду была только вытоптанная кукуруза... Место, где огромная машина сделала разворот и где колеса оставили глубокие борозды в пыли, теперь превратившейся в грязь, выделялось вполне отчетливо. В общем, это скорее даже напоминало вытоптанное поле, на котором каждый август проходила в их городке ярмарка в честь отцов-основателей. Среди мокрых, сломанных стеблей Дейл нашел несколько окурков, упаковку из-под табака, клочки бумаги, обрывки пластиковых пакетов. Трудно было сказать точно, где стоял комбайн и где именно произошло... произошел несчастный случай.

— Смотри! — окликнул его Майк.

Дейл бросился к нему, стараясь пригнуться пониже на случай, если мистер Макбрайд или кто-нибудь еще вдруг решит посмотреть в эту сторону. Пикапа видно не было ни на подъездной дороге, ни во дворе, но большая их часть скрывалась за домом и сараем.

— Нашел что-то? — спросил он.

Майк ткнул пальцем в землю. Несколько сломанных стеблей выглядели так, будто их обрызгали какой-то красно-коричневой жидкостью. Часть этой жидкости была уже смыта дождем, но с обратной стороны листьев ее еще можно было заметить.

Дейл присел и коснулся растения, затем поднес пальцы к глазам. Они казались покрытыми слабым налетом ржавчины, который тут стек вместе с дождем.

Кровь Дуэйна? Сама эта мысль была непереносима. Дейл встал на ноги и двинулся по кромке, стараясь держаться внутри круга вытоптаных стеблей. Перед его глазами предстала картина страшного хаоса, и мальчик вспомнил подслушанный им разговор отца с матерью. Отец сказал, что Барни жаловался на патрульных полисменов и добровольную пожарную команду, которые так вытоптали место действия, что воссоздать картину происшедшего теперь совершенно невозможно. «Воссоздать... — подумал

Дейл. — Довольно странное слово для выяснения подробностей гибели человека».

— Что мы ищем? — прошептал Майк, стоя ярдах в двадцати от него. — Тут все вытоптано.

— Ты давай гляди внимательно, — шепнул Дейл в ответ. — Узнаем, что ищем, когда найдем.

Он шагнул в гущу кукурузы, за полицейское ограждение.

Уже через пять минут он обнаружил то, что искал, — всего в десяти ярдах от проплешины. Разглядеть что-либо на земле было трудно из-за листьев густорастущей кукурузы, но вдруг Дейл споткнулся обо что-то и наклонился посмотреть, что это было. Потом махнул рукой Майку, чтобы тот подошел. Оба опустились на колени, дождь барабанил по листьям рядом с их головами.

— Дыра, — шепнул Дейл и попытался ладонями измерить ее величину.

Получалось, что дыра была диаметром примерно в один фут, но земля вокруг нее была сбита в комья и выглядела какой-то странной. Дейл сунул было руку внутрь, но Майк быстро схватил и вытащил ее обратно.

— Не делай этого.

— Почему? — удивился Дейл. — Я просто хотел посмотреть, нет ли внутри паука. Он как раз там и сидит. Вот, проверь сам.

Майк покачал головой.

— Края этой дырки тоже довольно странные, — продолжал Дейл. — Какие-то твердые. И вся она будто бы изборождена изнутри. Давай посмотрим, нет ли здесь еще таких дыр.

Он поднял голову. На ферме Макбрайдов не замечалось ни малейшего движения, но у Дейла было чувство, что за ними кто-то пристально наблюдает.

Они нашли еще шесть дыр. Самая большая — за восемнадцать дюймов в диаметре, самая маленькая была не шире норы суслика. Расположение их выглядело довольно случайным, хотя большинство дыр находились ближе к ферме, по обе стороны от проплешины в кукурузе.

Дейл хотел было заглянуть в сарай и посмотреть, там ли комбайн.

— Какого дьявола... Зачем тебе это надо? — прошептал Майк, пригибая голову приятеля ниже.

Они подобрались довольно близко к ферме и теперь могли даже разглядеть цифры на бирках, привязанных к шеям нескольких коров, стоявших позади амбара.

— Я просто хотел... мне нужно...

Дейл умолк и затаил дыхание.

Звук захлопнувшейся двери заставил обоих мальчиков броситься ничком на землю между рядами. Вскоре они услышали рокот мотора.

Дождь тем временем как-то незаметно закончился. Воздух еще сочился тонким туманом, но с неба уже не лило.

— Он уехал по подъездной дороге, — по-прежнему шепотом сообщил Майк. — Но мне кажется, что кто-то здесь есть. Дуем обратно в лес.

— Я только загляну в сарай, — шепнул Дейл в ответ и начал подниматься.

Майк дернул его вниз:

— Я уже видел такие штуки раньше.

Дейл опять присел и вопросительно глянул на друга.

— Какие штуки?

— Дыры. Эти туннели.

— Где?

Майк отвернулся и двинулся прочь от фермы:

— Пошли обратно — и я тебе все расскажу.

Он не мешкая исчез в рядах кукурузы.

Дейл на мгновение заколебался. До сарая было всего около сотни футов. Ощущение, что на него смотрят — следят за ним, — по-прежнему было очень сильным, но не менее сильным было и желание взглянуть на комбайн. Это отнюдь не было проявлением нездорового любопытства. От одной только мысли, что ему предстоит увидеть ножи, цепи, шестеренки — или что там еще? — убившие друга, ему становилось худо, но он должен знать. . Он должен знать, чтобы понять хоть что-то.

Дождь припустил снова. Дейл глянул на юг, нашел глазами мелькавшую среди стеблей накидку Майка и двинулся следом.

У него еще будет время.

Глава 21

Дождь лил не переставая три недели. Каждое утро безоблачное поначалу небо заволакивало тучами, и после недолгой борьбы стихий где-то к десяти утра начинало накрапывать, а к полудню с потемневшего и низко нависшего неба дождь уже лил как из ведра.

Бесплатные сеансы были отменены и двадцать пятого июня, и второго июля, хотя в последнюю субботу небо было чистым, а вечер тихим и спокойным. На следующее утро дождь начался опять. За пределами Элм-Хейвена голодная иллинойская земля жадно впитывала влагу и требовала еще и еще, становясь все чернее и чернее. Если на территории большей части Америки фермеры обычно говорят: «К четвертому июля кукуруза по колено», то в центральном Иллинойсе эта поговорка звучит уже так: «К четвертому июля кукуруза по пояс». Однако этим летом к четвертому июля колосья доставали даже до плеча.

Праздник выпал на понедельник, и, хотя взрослые явно наслаждались столь редкими трехдневными каникулами, их радость была омрачена дождем, из-за которого отменили городской парад и вечерний фейерверк. Шоу с фейерверком не было предусмотрено городским бюджетом, но по вековой традиции люди запасались фейерверками, сигнальными ракетами и шутихами и шли с ними на школьный двор. В этом году туда тоже пришли несколько семей, но поднялся такой сильный ветер, к тому же принесший с собой ночную грозу, что никаких усилий потенциальных гуляк не хватило бы на то, чтобы зажечь спичку или запалить бикфордов шнур.

Дейл и Лоренс со своего крылечка глазели на сверкавшие молнии, которые вполне заменили фейерверк. Молнии, вспыхи-

вавшие на юго-западе, выделяли темные силуэты деревьев, вычерчивали контуры щипцовых крыш и освещали угрожающе огромную массу Старой центральной. В интервалах между рядами школа будто светилась изнутри едва различимым фосфорическим сиянием, которое бросало на спортивные площадки зелено-синие отблески и, казалось, создавало поле статического электричества вокруг древних деревьев, стоявших возле здания. Один из этих вязов рухнул прямо на глазах Дейла и Лоренса как раз вечером четвертого июля. Попала в него молния или он упал сам, сломленный порывом ветра, мальчики не поняли. Даже на расстоянии шестидесяти ярдов звук был оглушительным. Дерево треснуло точно посередине, и половина его осталась стоять вертикально, подобно обломанному уродливому зубу, в то время как крона с листьями, живая его часть, упала на землю как подрубленная.

Как только гроза закончилась, Дейл и Лоренс пошли в дом. Захватив несколько шутих и огненных гусениц, они вернулись на крыльцо и стали их запускать с каменных ступеней. Но дул холодный ветер, да и душа у них что-то не лежала к этому занятию.

За городом, в той тишине, которая всегда кажется бездонной после шума грозы, зерно на миллионах акров поднялось, образовав плотную массу зелени, превратившей окружные дороги в коридоры, лежащие между высокими стенами. Горизонт исчез, а зелень словно бы высасывала солнечный свет дня, и самое яркое пятно в городе становилось не более ярким, чем самая глубокая тень под вязами.

Стюарты, как и половина семей в городе, отправились на ферму мистера Макбрайда, чтобы отвезти ему еду. Дейл поехал вместе со всеми знакомыми, но сегодня странно чужим маршрутом — мимо кладбища, мимо фермы дяди Генри и затем по узкой и длинной подъездной дороге. Здесь колосья стояли выше, чем на каком-либо из примыкавших полей, и подъездная дорога превратилась в настоящий туннель.

Сначала они долго стучали, но никто не открывал, несмотря на то что пикап мистера Макбрайда стоял во дворе. Хозяин дома подошел к двери только на третий стук, открыл ее, принял запеканку в горшочке и пирог, невнятно пробормотал слова благо-

дарности и еще более невнятно ответил на сочувствие, которое ему выразили отец и мама Дейла. Мальчик всегда считал, что отец Дуэйна гораздо старше, чем родители остальных его друзей, но сейчас он был просто потрясен его видом: редкие пряди волос, казалось, еще больше поседел за последний месяц, глубоко ввалившиеся глаза налились кровью, причем веко на левом было чуть опущено, будто после удара. Лицо скорее напоминало расстрескавшуюся и плохо склеенную глиняную маску, чем лицо человека. Серая щетина, обильно покрывая щеки, сбегала на шею и вниз, под несвежее белье.

На обратном пути родители Дейла долго говорили между собой, и тон их беседы был очень грустным. Никто не знал точно, как прошли похороны Дуэйна. По слухам, мистер Тейлор отправил тело в ту же похоронную контору в Пеории, где состоялась кремация дяди мальчика. Говорили, что Дуэйна тоже кремировали и что церемония была очень скромной.

Никто не знал, что мистер Макбрайд сделал с прахом.

Ночью, как только он начал засыпать, мысль о том, что от друга осталась только пригоршня пепла, заставила Дейла вскочить и сесть в кровати. Осознание несправедливости устройства мира тяжелой болью отзывалось в сердце.

Иногда, либо подстригая лужайку, либо выполняя другую механическую работу, которая высвобождала его подсознание, Дейл воображал, что Дуэйн Макбрайд жив, что он каким-то чудом обманул собственную смерть и теперь прячется где-то, подобно Микки-Маусу в комическом мультфильме о поисках таинственного пятна. В такие минуты Дейл в глубине души верил, что вот сейчас зазвонит телефон и в трубке зазвучит спокойный голос друга: «Встречаемся в пещере. Есть кое-какая информация».

Дейл часто гадал, чем же таким собирался поделиться Дуэйн на совещании в курятнике Майка. На совещании, которое так и не состоялось. Он и представить себе не мог, что Дуэйн сумел разузнать что-нибудь о Табби и о Старой школе, пропадая у себя на ферме или в библиотеке. Но четыре года знакомства убедили Дейла в том, что недооценивать возможности приятеля не следует.

После того как Майк рассказал ему о том, что видел на кладбище туннель, а потом почти такой же обнаружил под своим

домом, мальчики виделись все реже и реже. Каждый из них, казалось, отступил в привычный круг семьи и домашних обязанностей, как будто считал это более безопасным, чем вторгаться в зловещую темноту окружающей действительности.

А Лоренс между тем стал еще больше бояться темноты. Иногда он плакал во сне и настоял на том, чтобы слабый ночник в их комнате заменили лампочкой на сорок ватт. Маме часто приходилось заглядывать к ним и выключать свет, но она не возмущалась. Несколько раз восьмилетний мальчишка с криком просыпался по ночам.

Прежде чем их отец уехал на восемь дней — ему предстояла деловая поездка в Индиану и на север Кентукки, — мама отвела Дейла и Лоренса к местному врачу, чтобы обсудить их страхи и то дикое обвинение, которое однажды за обедом высказал Дейл, заявив, что Дуэйна и Табби Кука убили взрослые. Доктора звали Вискес. Он всего лишь полтора года назад приехал — а точнее, сбежал — из Венгрии и до сих пор плохо говорил по-английски. Все дети в городе звали его доктором Дуркасом и терпеть его не могли. Он был слишком беден, чтобы покупать новые иглы для инъекций, и вынужден был без конца стерилизовать старые, до тех пор пока уколы не превращались в чистой воды пытку.

Доктор Вискес прописал нетяжелую физическую работу и прогулки на свежем воздухе, чтобы дети излечились от этой чепухи. Дейл слышал, как он говорил матери, что с мальчиком Макбрайдом и его дядей произошел «позор» и что иногда несчастья случаются «двумямя».

«Несчастья случаются и „тремямя“», — мрачно усмехнулся про себя Дейл.

Остальные ребята собирались вместе лишь изредка. В течение пяти дней после четвертого июля дождь лил, почти не переставая, и Кевин, Майк и Дейл с Лоренсом целые дни напролет играли в «Монополию» на веранде у Стюартов. Сначала вместо денег они использовали камешки и играли до тех пор, пока кто-то не проигрывал их все, но потом правила изменили так, что оставшийся «без средств» мог взять в банке «заем» и не выходить из игры. С новыми правилами они начинали играть сразу после завтрака и расходились только перед ужином.

Дейлу две ночи подряд снилась «Монополия», и он был этому очень рад.

На пятый день собака Грумбахера, глупый лабрадор по кличке Бренди, пробралась на веранду, разбросала «деньги» и сжевала четыре карты. С общего молчаливого согласия с «Монополией» на этом было покончено, и следующие два дня приятели вообще не виделись.

Десятого июля, в воскресенье, которое вообще не было похоже на воскресенье, так как мистер Стюарт вынужден был привести его в главный офисе фирмы в Чикаго, подвал их дома затопило.

С того дня жизнь уже никогда не была такой, как раньше.

В течение двух дней мама боролась с потопом, переставляя вещи с пола на верстак и пытаясь откачать воду с помощью дренажного насоса. За четыре года такие наводнения случались уже дважды, но каждый раз отец справлялся со стихией, удерживая уровень воды не выше двух дюймов. А сейчас вода продолжала подниматься.

Во вторник насос вышел из строя.

К полудню в доме отключилось электричество.

Услышав, что мама зовет его, Дейл спустился из своей комнаты. Гигантские ступеньки подвала вели в крошечную темноту. Мама стояла на предпоследней: с юбки капала вода, волосы, небрежно перехваченные лентой, растрепались. Она едва не плакала.

Дейл глянул вниз. Вода уже залила нижнюю ступеньку. Там было фута два глубины, возможно, даже больше. Волны плескались о ступеньку, на которой стояла мама, как во время бури на море.

— О Дейл, будь проклят этот потоп!..

Дейл удивленно посмотрел на маму. Он никогда прежде не слышал, чтобы она ругалась.

— Извини, солнышко, но у меня не работает насос, а вода дошла уже до уровня стиральной машины. Мне нужно спуститься в заднюю комнату, чтобы вкрутить пробку и... Черт, как бы я хотела, чтоб отец был здесь.

— Я все сделаю, мама.

Дейл изумился собственным словам. Он ненавидел подвал даже в самые лучшие времена.

Что-то подплыло к ступеням. Это могла быть и щепочка, но выглядело очень похоже на спину утонувшей крысы.

— Только надень старые джинсы, — посоветовала мать. — И захвати фонарик.

Наверх, в свою комнату, чтобы переодеться, Дейл отправился почти в полуобморочном состоянии. Чувство одиночества и потери, которое владело им со дня смерти Дуэйна, теперь как тисками сжало сердце. Он смотрел на свои ладони, будто они были чужими. «В подвал? В темноте?» Он переоделся, натянул самые старые кеды, закатал повыше штанины, захватил из соседней комнаты фонарик, проверил его и отправился вниз.

Мама протянула ему пробку:

— Щит как раз над сушилкой в...

— Я знаю, где он.

Уровень воды вроде бы не повысился за эти несколько минут, тем не менее она уже перехлестывала через вторую ступеньку. Короткий коридор перед отсеком, где стояла топка, казался входом в мрачный затопленный лабиринт.

— Только не стой в воде, когда будешь вкручивать пробку. Залезь на скамейку рядом с сушилкой. Убедись, что руки у тебя сухие, и что рубильник стоит на нуле, и...

— Хорошо, мама. — Дейл поспешил ступить в воду, пока его не покинуло мужество и он не кинулся бежать и из подвала — и из дома вообще.

Вода закрывала его колени и была ледяной. Пальцы сразу запылились от боли.

— Вся дренажная система засорена... — услышал Дейл мамин голос.

Он продвигался вперед по темному коридору, освещая фонариком шлакоблочные стены. Луч был тусклым — надо было все-таки вставить свежие батарейки.

Прямоугольник отверстия в угольном бункере справа от него чернел как раз над линией воды. Темные волны плескались вокруг его ног, на поверхности воды плавали какие-то сгустки, очень похожие на человеческие испражнения. «Это уголь», — сказал себе Дейл и навел луч на многорукое чудовище самой топки.

Вода еще не успела дойти до решетки топки. Мальчик понятия не имел, что произойдет, если под водой окажется все это оружие.

Какой-то звук справа заставил его резко обернуться, и Дейл едва не задел стенку. Он направил луч фонарика прямо в угольный бункер.

Там было сухо, но что-то поскрипывало около потолка, куда не доходила стенка. В этой темноте сверкали какие-то странные искорки... «Это всего лишь трубы, — мысленно твердил Дейл. — Всего лишь изоляция на них. Не чьи-то глаза. Совсем не чьи-то глаза...»

Сразу за топкой он повернул налево. Здесь будто бы было глубже, хотя он знал, что так быть не должно. А может, должно? Может, каждый следующий отсек подвала расположен чуть ниже предыдущего? А что, если последнее помещение уже заполнено водой до самого потолка?

— Ты еще не дошел? — слышался мамин голос, искаженный каменной кладкой стен и водой.

— Почти! — прокричал он в ответ, хотя знал, что не преодолел еще и половины пути.

В подвале не было окон, он был слишком низким. Свет фонарика растекался по маслянистой поверхности воды и освещал лишь участок комнаты: трубы, кусочек дерева, плавающий на поверхности, еще трубы, клочок намокшей бумаги у стены, дверь в мастерскую.

Мастерская казалась огромным темным пространством. Вода поднималась все выше и уже доставала Дейлу до бедра. В следующем отсеке придется быть осторожнее, поскольку возле дренажного насоса было отверстие дюймов восемнадцати в диаметре — маленький колодец в халтурно сработанной дренажной системе.

Точно как те туннели, которые видел Майк. И те, что были на ферме Дуэйна.

Дейл почувствовал, как дрожит луч. Он сжал фонарик обеими руками, сделал еще шаг, машинально отметил про себя, что инструменты отца не намокли, хотя маленький деревянный ящик, в котором они лежали, плавал в воде. Этот ящик Лоренс сам сделал прошлой зимой.

— Я могу позвонить мистеру Грумбахеру!

Голос мамы звучал так, будто ее и Дейла разделяли несколько световых лет. Едва слышная запись на старой пленке, проигранная где-то очень далеко.

— Не надо, — сказал Дейл.

Вернее, он подумал, что сказал эти слова, но, возможно, только подумал.

Помещения подвала образовывали что-то вроде буквы «S»: ступеньки находились в основании этой буквы, отсек с топкой — почти в середине, мастерская — как раз перед верхней загогулиной, а прачечная — в верхнем конце буквы, ближе к угольному бункеру и темному лазу.

Дейл осветил помещение прачечной.

Сейчас она казалась больше, чем при обычном освещении. Чернота создавала иллюзию отсутствия дальней стены. Темнота словно простиралась всюду — под всем домом, под участком, под мостовой — и доходила до самой школы.

Дейл нашел дренажный насос — его мотор располагался на треножнике из труб как раз над линией воды. Мальчик обошел его подальше и направился к южной стене, где стояли стиральная машина и сушилка.

Было замечательно взобраться на скамью и наконец вынуть ноги из воды. Теперь он дрожал от холода, прыгающий в руке фонарик выхватывал из темноты то опутанные паутиной стропила, то переплетение труб под потолком, но, по крайней мере, худшее теперь было позади. Он вставит новую пробку, вспыхнет свет, начнет работать насос, и можно будет вернуться назад без этого дурацкого фонарика.

Онемевшими пальцами он нырнул в карман, чуть не уронил пробку в воду, поймал и осторожно, держа обеими руками, поднял. Зажав фонарик под подбородком и убедившись, что рубильник стоит на нуле, Дейл открыл дверцу щита.

Какая из пробок перегорела, стало ясно сразу же. Третья. Вечно эта третья. Мама крикнула что-то, но Дейл не разобрал и был слишком занят, чтобы отвечать. Да если б он и попытался что-то сказать, то уронил бы фонарик. Он вставил новую пробку на место и повернул рубильник.

Свет. Дальняя стена на месте. Грязное белье, как всегда, лежит в корзине возле стола. Мусор, который они с мамой бросали на верхнюю крышку сушилки, чтобы он не намокал, перестал быть загадочной кучей со зловещими очертаниями и вновь превратился в старые журналы, утюг, бейсбольный мяч, который Лоренс когда-то потерял... Просто мусор.

Мама опять позвала его. Дейл услышал, как она захлопала в ладоши.

— Получилось! — крикнул он, понимая, что это уже лишнее.

Прицепив фонарик на пояс, Дейл закатал повыше джинсы и спрыгнул со скамейки. По воде пробежала рябь, будто проплыла акула.

Дейл улыбнулся собственным страхам и пошел обратно, уже воображая, как он будет рассказывать о своем приключении отцу. Он был уже почти у двери в мастерскую, когда услышал позади негромкий щелчок.

Свет погас.

Мурашки пробежали по всему телу Дейла.

Кто-то выключил рубильник. Этот щелчок невозможно спутать ни с чем.

Мама что-то закричала ему, но голос заглушило расстояние. Дейл дышал ртом, стараясь не обращать внимания на шум в ушах и прислушиваясь.

В нескольких шагах от него забурила вода. Сначала что-то зашумело, потом он почувствовал, как вокруг босых ног заплескались волны...

Дейл отступал назад, пока не вжался в стену. В волосах запуталась паутина, прилипла ко лбу, но он, не обращая на это внимания, пытался отцепить от пояса фонарик. «Только не уронить его! Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы я его не уронил. Пожалуйста!»

Он щелкнул тумблером фонарика. Ничего. Полнейшая темнота.

Футах в пяти перед ним послышался булькающий звук, будто аллигатор скользнул с берега в темную воду.

Дейл ударил по корпусу фонарика, потом стукнул им по ноге. Слабый лучик осветил стропила. Он держал фонарик перед собой как оружие, вода умирающим лучом во все стороны.

Далеко впереди сушилка. Стиральная машина. Скамья. Чернота вместо дальней стены. Немой насос. Щит с пробками. Выключенный рубильник.

Дейл тяжело дышал. Он вдруг почувствовал головокружение и хотел закрыть глаза, но испугался, что потеряет равновесие и упадет. Прямо в воду. В эту темную воду. В воду, где его что-то поджидает.

«Перестань бояться, черт возьми! Прекрати! — Мысль была такой отчетливой, что ему показалось, будто это крикнула мама. — Прекрати! Успокойся немедленно, несчастный слюнтяй!»

Он старался дышать глубоко и продолжал отдавать сам себе приказы, чтобы выйти из паники. Это отчасти помогло.

«Ты не до конца поднял рукоятку рубильника. Рукоятка упала сама».

«Почему? Я поднял ее до упора».

«Нет, не до упора. Пойди и поправь рукоятку».

Свет от фонарика почти погас. Дейл энергичным шлепком вернул его к жизни. По всему отсеку теперь слышались плеск и хлюпанье воды. словно целое поколение пауков проснулось и попадало со стропил. Свет метался по комнате, касаясь всего, но ничего не освещая. Везде были только тени, тени, тени...

«Паучьи лапы!»

Дейл выругал себя за трусость. И шагнул вперед. Вода вокруг него забуригла. Он сделал еще шаг, встряхивая фонарик каждый раз, когда тот готов был погаснуть. Теперь вода поднялась выше пояса. «Это невозможно. Но это так. Смотри не свались в колодец грязевого насоса». Он двинулся влево, стараясь держаться ближе к стене.

Дейл не был уверен, что идет в правильном направлении. Луч света был таким слабым, что не доставал ни до стиральной машины, ни до сушилки. А что, если он идет к задней стене — туда, где стена не доходит до потолка и где маленькие горящие глазки выглядывали из лаза даже при свете и...

«Прекрати сейчас же!»

Дейл остановился. Он с силой ударил по корпусу фонарика, и на секунду луч стал ярким и широким. Скамья была шагах в десяти слева. Он действительно шел не в ту сторону. Еще три шага — и он бы упал в сточный колодец возле насоса. Дейл повернул и начал пробираться к скамье.

Луч потух. Прежде чем Дейл поднес фонарик к своему бедру, к нему прикоснулось что-то другое. Что-то длинное и холодное, казалось, тыкалось в него, как морда старой собаки.

Дейл не закричал. Он заставил себя думать о намокшей газете и упавшем ящике с инструментами и запрещал вспоминать о других вещах. Холодное прикосновение на миг перестало ощущаться, потом появилось снова, стало сильнее. Дейл не кричал. Он

ударил по фонарику, потряс его, перевернул. Вспыхнул слабый лучик, более похожий на язычок свечи, чем на свет фонарика.

Дейл опустил его и навел умирающий луч на поверхность воды.

Тело Табби Кука покачивалось под поверхностью дюймах в десяти от него. Дейл узнал его сразу, хоть тело было обнаженным, совершенно белым, как гнилой гриб, и жутко распухшим. Даже лицо было раза в два или три больше человеческого, будто тесто всходило до тех пор, пока не лопнуло от внутреннего давления. Рот под водой был широко открыт, хоть на поверхности не появлялось никаких пузырей, десны почернели и куда-то провалились, так что зубы казались огромными желтыми клыками. Тело бесшумно плыло под водой — так привычно, будто находилось здесь уже недели и останется навсегда. Одна ладонь была почти над поверхностью, так что Дейл отчетливо видел каждый палец — пять кошмарных белых сосисок. Ему вдруг почудилось, что они слегка шевелятся, но нет, это течение создавало такую иллюзию.

И вдруг в восемнадцати дюймах от лица Дейла существо, бывшее когда-то Табби, открыло глаза.

Глава 22

За эти три недели дождя и ненастья Майк О'Рурк понял, кто и что такое Солдат и как с ним можно бороться.

Смерть Дуэйна Макбрайда глубоко потрясла Майка, хоть он и не считал себя таким близким его другом, каким был Дейл. После того как Майк остался в четвертом классе на второй год — причиной тому были трудности с чтением: буквы в словах, как Майк ни старался понять их смысл, представляли перед ним каким-то случайным рисунком, — он стал считать себя полной противоположностью Дуэйну Макбрайду. Дуэйн и читал, и писал более бегло, чем любой из взрослых знакомых Майка, за исключением, может быть, отца Кавано, в то время как самому Майку едва удавалось за день осилить одну из газет, которые он разносил. Нет, обиды не было, — в конце концов, не вина Дуэйна, что он такой умный. Майк уважал его способности, так же как уважал способных спортсменов или прирожденных рассказчиков, как, например, Дейл Стюарт. Но бездна между двумя мальчиками-сверстниками была гораздо глубже, чем пропасть между классами, в которых они теперь учились. Майк завидовал Дуэйну Макбрайду, поскольку перед тем открывалось множество путей. Речь не о привилегиях: Майк знал, что Макбрайды едва ли не более бедны, чем О'Рурки, — нет, это были пути к постижению истин, пути, которые Майк еле-еле нащупывал во время бесед с отцом Кавано. Он полагал, что Дуэйн обитает в недоступном царстве мысли, слушает голоса давно умерших людей, звучащие со страниц книг, так же как он слушал по ночам радиопередачи в своем подвале.

Майка охватило чувство... не то чтобы личной потери — хотя оно тоже, безусловно, присутствовало, — а скорее утраты миром

равновесия. Будто бы они с Дуэйном сидели на качелях — как когда-то в детском саду миссис Блэквуд, когда были совсем маленькими, — и теперь один из них вдруг соскочил с них, исчез, и равновесие нарушено.

Один из детей, тот, что поглупее, остался в одиночестве.

Бесконечный дождь не смог помешать Солдату прийти снова. Как не помешал кому-то скрестись под полом.

Майк постарался вести себя поумнее: он сказал отцу, что поблизости слоняется какой-то странный парень. И даже рассказал ему о туннелях, обнаруженных в лазе.

Мистер О'Рурк слишком располнел и не мог уже сам проверить, что делается под домом. Он дал Майку веревку, чтобы законопатить туннели, и яд, чтобы обрызгать приманки, как будто внутри лаза поселился гигантский опоссум. Майк полез под дом, не помня себя от страха, но обнаружил, что причин бояться не было. Дыры исчезли.

Отец поверил рассказу о парне в странном мундире — Майк никогда прежде не лгал ему, да и вообще не имел такой привычки, — но решил, что это какой-нибудь лоботряс приударяет за одной из его дочек. Как мог Майк сказать, что это нечто совсем другое и что оно охотится за Мемо? Может, это и вправду был какой-нибудь солдат, с которым Пег или Мэри познакомились в Пеории и который теперь болтался поблизости. Правда, девушки отрицали это, ни одна из них не была знакома ни с одним солдатом, за исключением База Виттакера, которого восемь месяцев назад забрали в армию. Но Баз Виттакер служил в Германии, в городке Кайзерлаутерн, о чем его мать с гордостью рассказывала всем и каждому, демонстрируя при этом его малограмотные письма и красивые открытки.

Нет, это был не Баз Виттакер. Майк прекрасно знал База. У Солдата было совсем другое лицо. Вернее сказать, у него вообще не было лица.

Поздно вечером четвертого июля Майк услышал странный шум, понял, что он реальный, и мигом скатился с лестницы, держа в одной руке битую и надеясь увидеть свернувшуюся калачиком Мемо на ее обычном месте в кровати. Все так и было. Керосиновая лампа горела, и мотыльки, как обычно, билась о ее стекло в попытках добраться до пламени. Но, кроме этого, за окном, прижавшись к стеклу, стоял Солдат.

Майк застыл на месте, не сводя с него глаз.

На улице шел сильный дождь, и внутренняя рама была опущена — оставалась только небольшая щель внизу, чтобы в комнату поступал свежий воздух. Но Солдат так сильно налег на защитную сетку, что она прогнулась внутрь и теперь касалась стекла. В свете лампы, стоящей на столике Мемо, всего в двух футах от окна, Майк отчетливо видел шляпу, с полей которой стекала вода, мокрую рубашку цвета хаки, офицерскую портупею и медную пряжку на ремне.

«У привидений вода не стекает с полей шляпы!»

Лицо Солдата теперь плотно прижималось к стеклу, не к сетке, а именно к стеклу. Открыв рот и чуть не выронив биту, Майк шагнул вперед и загородил Мемо. Между ним и силуэтом за окном было не больше трех футов.

В последний раз, когда Майк видел Солдата, ему показалось, что лицо у того будто покрыто слоем сала, таким оно было блестящим, словно не лицо, а маска из воска. Теперь это восковое лицо протекало через мельчайшие ячейки сетки и снова собиралось воедино у самого стекла — большое и бледное, как медуза.

Пока Майк на него смотрел, Солдат поднял руки и положил их на сетку. Теперь его пальцы и даже ладони потекли сквозь нее, как тающая свеча. У стекла они вновь приобрели прежнюю форму и вытянулись. Восковые пальцы, сально-блестящие ладони. Руки торчали из рукавов как медленно извергающийся фонтан воска, затем одна из ладоней заскользила по стеклу вниз. Майк поднял глаза, чтобы посмотреть, как принимает прежнюю форму лицо: глаза плавали в густой массе, как изюминки в пудинге. Ладони скользнули ниже.

«Боже, они подбираются к форточке!»

Майк закричал, зовя маму и отца. Потом бросился вперед и стукнул битой по верхней перекладине рамы, опуская ее и стараясь прижать как можно плотнее. Руки и пальцы — они потекли уже на целый ярд — шарили по раме в поисках щели.

Майк услышал голос матери, недовольный стон отца, встающего с кровати. Что-то громко спросила с лестничной площадки Пег, Кетлин заплакала. Отец сердито заворчал и стал спускаться, Майк услышал шлепанье босых ног в холле.

Пальцы Солдата и его лицо отодвинулись от стекла, протекли обратно через сетку и снова сформировали подобие челове-

ческой фигуры — как будто кто-то вдруг с бешеной скоростью прокрутил в обратном направлении киноплёнку. Майк закричал, выронил битку и кинулся вперед, чтобы прижать еще крепче раму. По пути он смахнул со столика лампу. Фитиль бешено задрожал, стекло треснуло, но лампа, к счастью, не опрокинулась, а встала на полу вертикально, и Майк успел подхватить ее, прежде чем керосин расплескался на ковер. Слава богу, пожара не случилось.

В ту же секунду, когда на пороге комнаты возник отец, силуэт в окне исчез. Он удалялся, держа руки ровно по швам, и так плавно, будто ехал на тележке.

— Что за дьявол! — закричал Джонатан О'Рурк.

Его жена кинулась к Мемо, которая лежала, болезненно моргая от яркого света.

— Ты видел его? — воскликнул Майк, подняв лампу с пола и не замечая, что держит ее в опасной близости от ветхих занавесей.

Отец глянул на разбитую лампу, на сдвинутый с места стол, захлопнутое окно и валяющуюся на полу битку.

— Черт его возьми, это зашло слишком далеко. — Он отдернул занавеску так резко, что карниз сорвался с гвоздя и рухнул вниз. В черном прямоугольнике окна были только ночь и дождь, поливающий листья деревьев. — Но там никого нет, черт подери.

Майк перевел взгляд на мать:

— Он пытался войти.

Отец рывком поднял раму окна. Налетевший порыв свежего ветра был даже приятен после удушливого запаха керосина и жара, вызванного страхом. Тяжелая ладонь отца шлепнула по подоконнику.

— Но здесь задвижка на раме с сеткой. Как он мог проникнуть к стеклу? — Отец смотрел на Майка, будто его единственный сын на глазах сходил с ума. — Что, это... этот солдат пытался порвать сетку? Но я бы услышал шум.

Теперь, когда в комнате горел яркий свет, Майк прикрутил фитиль у лампы и трясущимися руками поставил ее на стол.

— Нет, он протек через нее...

И он замолчал, осознав, как глупо это звучит.

Мама подошла и прикоснулась к его лбу. Обняла за плечи:

— У тебя горит лоб, детка. Ты заболел.

Майк чувствовал, как его бьет озноб. Комната кружилась перед глазами, а сердце колотилось как бешеное. Он постарался взять себя в руки и как мог спокойнее посмотрел отцу в глаза:

— Папа, я услышал какой-то звук и спустился вниз. Он был... Он сильно налег на сетку. Она прогнулась, чуть не лопнула. Клянусь, я не обманываю тебя.

Мистер О'Рурк некоторое время смотрел на сына, потом молча повернулся, вышел из комнаты и через минуту вернулся, в брюках прямо поверх пижамы и в ботинках.

— Оставайся здесь, — тихо сказал он.

— Отец! — крикнул Майк, хватая его за рукав. И сунул ему в руки свою битку.

Пока все они ждали отца, мама погладила Мемо по волосам, сменила наволочку на ее подушке и отправила девочек в постель. Снаружи мелькнула чья-то тень, и Майк испуганно отпрянул от окна. Там стоял отец, подоконник был почти на уровне его грудной клетки. Майк непонимающе заморгал: когда Солдат стоял у окна, над подоконником была видна большая часть его туловища, а он много ниже отца, Майк это разглядел, когда видел его на перекрестке Шестого окружного и Джубили-Колледж-роуд. Как могло так быть? Или Солдат стоял на какой-нибудь подставке? Тогда понятно, почему он так странно удалялся, плавно и почти вертикально...

Силуэт исчез, а минут через пять отец вошел в дом, с силой захлопнув за собой дверь кухни. Майк кинулся ему навстречу.

Пижамная куртка отца и брюки были насквозь мокрыми. Венчик редких волос прилип к ушам. Капли воды блестели на лбу и лысине. Он протянул к Майку огромную ручищу и увел того в кухню.

— Никаких следов, — тихо сказал он, видимо не желая, чтобы его слышали жена и дочери. — Кругом сплошная грязь, Майк, ты же знаешь, целыми днями идет дождь. Но под окном нет ни одного следа. Вдоль этой стены тянется цветочная клумба, но следов нигде нет. И во дворе никого.

Майк почувствовал жжение в глазах — так бывало в детстве, когда он еще позволял себе плакать. Грудь разрывало от боли. Рот сжался судорогой.

— Но он был там! — все, что он мог выдавить из себя.

Отец пристально смотрел на сына:

— Ты единственный, кто видел его. Около окна Мемо. Ты видел его только здесь?

— Еще один раз он преследовал меня на Шестом окружном и на Джубили-Колледж-роуд, — ответил Майк и тут же пожалел, что проговорился: нужно было либо сказать отцу об этом сразу, либо не рассказывать вообще.

Отец продолжал изучать его взглядом.

— Он мог стоять на лестнице или еще на чем-нибудь таком, — выдавил Майк, сам чувствуя, как отчаянно беспомощно звучат его слова.

Отец медленно покачал головой:

— Никаких отметин, Майк. Ни лестницы. Ничего. — Большая ладонь отца опустилась Майку на лоб. — Горячий.

Майк снова почувствовал, как дрожь пробежала по телу, и подумал, что, наверное, действительно заболевает.

— Но я не придумал этого Солдата. Я видел его. Клянусь!

У мистера О'Рурка было большое, приветливое лицо, тяжелые челюсти, россыпь веснушек, которые он передал своим детям, к большому недовольству трех из его четырех дочерей. Сейчас его щеки чуть вздрагивали. Он кивнул:

— Я верю, что ты что-то видел. Но мне кажется, ты заболел, целыми днями охотясь за этим Подглядывающим Томом...

Майк хотел было запротестовать. Солдат вовсе не был Подглядывающим Томом. Но Майк понял, что сейчас лучше держать рот на замке.

— Отправляйся-ка в постель, и пусть мама измерит тебе температуру, — продолжал отец. — Я перенесу вниз свою койку, сюда, поближе к Мемо, и некоторое время буду спать здесь. Всю ближайшую неделю я свободен от работы в вечернюю смену. И если этот... этот солдат попробует сунуться снова, он найдет тут кое-что получше твоего оружия.

Он отложил битую сторону, подошел к запертому шкафу, открыл его и вытащил старое ружье Мемо — «для охоты на белок», как она говорила, — короткоствольную берданку для стрельбы мелкой дробью.

Майк хотел было что-то сказать, но голова закружилась — то ли от облегчения, то ли от начинающейся лихорадки. Он обнял отца и поспешно отвернулся, чтобы скрыть слезы.

Мама вошла в кухню и повела его наверх. Выражение ее лица было озабоченным и ласковым.

Майк провел в постели четыре дня. По временам ему было так плохо, что он путал сон с явью. Во сне он не видел ни Солдата, ни Дуэйна Макбрайда, ничего из того, что преследовало его. Чаще всего ему снился костел Святого Малахия или служащий мессу отец Кавано. Только в этих снах священником был он, Майк, а отец Кавано виделся ему маленьким мальчиком в большой, не по росту, сутане и стихаре — мальчиком, путавшим слова молитв, несмотря на то что пластиковая карточка с отпечатанными строчками лежала прямо здесь, на ступеньке алтаря, перед стоящим на коленях маленьким отцом Кавано. Майку снилось, что он совершает обряд причастия и в самый важный для любого католика момент высоко поднимает гостию...

Странность же сна заключалась в том, что собор на самом деле выглядел как огромная пустая пещера и там не было никого из прихожан. Только темные тени кружились вне круга света, отбрасываемого алтарными свечами. И во сне Майк знал, что алтарный служка, отец Кавано, запинаясь в молитвах потому, что боялся этой темноты и теней, витающих в ней. Но пока священник Майк О'Брайен О'Рурк совершает обряд причастия, пока он твердо произносил священные магические слова торжественной мессы, опасность ему не грозит.

За конусом света кружили и ожидали чего-то огромные тени.

Джим Харлен пришел к выводу, что это лето даже летом считать нельзя.

Началось оно с того, что он сломал так не вовремя себе руку и чуть не расколол черепушку, но даже не может вспомнить, как это произошло. То ужасное лицо всего лишь сон, ночной кошмар. Затем, когда он наконец поправился достаточно, чтобы выйти из дому, один из ребят, с которыми он дружил, погиб на своей трехклятой ферме, а остальные попрятались по домам, как черепахи, втягивающие свои чертовы головы под панцирь. И конечно, этот дождь. Дождь, который лил целыми неделями напролет.

Первые несколько недель, которые он провел дома, мама оставалась с ним каждый вечер, тащила ему всякие вкусности, когда он хотел есть или пить, а потом смотрела вместе с ним телевизор. Все было почти как в старые дни, за исключением, конечно, того, что теперь рядом не было отца. Когда оказалось, что Стюарты пригласили и его маму тоже на ферму дяди Генри, Харлен места себе не находил от беспокойства, потому что она имела привычку

пить больше, чем следовало, громко хохотать и вообще строить из себя подвыпившую дурочку. Но, как ни странно, вечер прошел отлично. Харлен больше помалкивал, но ему было хорошо с друзьями и даже интересно слушать, как Дуэйн распространяется о межзвездных путешествиях, о космическом пространстве и всех этих штуках, которые лично ему, Харлену, до фонаря. Но все равно вечер был очень приятным... Только вот Дуэйн в ту же ночь погиб.

Несчастный случай, произошедший с Харленом, и долгое пребывание в больнице коренным образом изменили его отношение к смерти. Теперь это было что-то, что он слышал и чувствовал и к чему подошел почти вплотную... старик в соседней комнате, которого утром там уже не было, когда все эти нянечки и доктора ворвались туда с тележкой... И он больше не собирался подходить к этому опять — по крайней мере в ближайшие шестьдесят—семьдесят лет. Нет, не дождутся. Смерть Макбрайда потрясла Джима, себе-то он мог в этом признаться, но такого рода неприятности всегда могут произойти, когда вы живете на какой-то вшивой ферме и возитесь со всякими тракторами и тому подобным дерьмом.

Теперь мама уже не проводила с ним вечера. Она рывкала на него, когда он не убирал за собой постель или не мыл после завтрака посуду. Он все еще жаловался на головную боль, но тяжелый гипс сменила легкая повязка через плечо, которую Харлен, впрочем, находил даже несколько романтичной и вполне способной произвести впечатление на Мишель Стеффни, когда она пригласит его на свой день рождения четырнадцатого июля. Но, к сожалению, у матери эта повязка уже не вызывала сочувствия. А может, она просто исчерпала весь свой запас нежности к сыну. Иногда мать была к нему внимательна и разговаривала тихим, чуть виноватым голосом, как в первые недели после инцидента, но все чаще и чаще огрызалась или замыкалась в молчании, которое так долго висело между ними.

В конце недели она вообще перестала приходить домой на ночь.

Сначала она наняла Мону Шепард, чтобы та присматривала за Джимом. Но скорее это Харлен присматривал за Моной, стараясь ненароком прикоснуться к груди шестнадцатилетней девочки или заглянуть ей под юбку. Иногда Мона поддразнивала его, например оставляя дверь уборной приоткрытой, а потом орала на Харлена, когда он, крадучись, приближался к ней. Но по большей

части она игнорировала его — это с успехом могла делать и мать, если уже на то пошло, — и часто рано прогоняла в постель, чтобы позвонить своему приятелю и привести его в дом Харленов. Джим ненавидел звуки, доносившиеся из гостиной, и ненавидел себя за то, что прислушивается к ним. Иногда он размышлял, правда ли, как говорит О'Рурк, что тот, кто подглядывает за такими вещами, может ослепнуть. Как бы то ни было, однажды он напугал Мону, заявив, что расскажет матери о ее развлечениях на диване в гостиной, и после этого она исчезла. Мама была обескуражена тем, что Мона теперь всегда оказывалась занята, как и девочки О'Рурк: они тоже иногда подрабатывали таким образом, но в это лето увлеклись встречами с поклонниками на задних сиденьях машин.

Итак, Харлен подолгу оставался дома один.

Иногда он выходил покататься, хотя доктор запретил ему садиться на велосипед до тех пор, пока не снимут повязку. Но управлять одной рукой было совсем нетрудно. Черт, да он прекрасно умел ездить вообще без рук, как и все ребята из этого глупого Велосипедного патруля.

Девятого июля он отправился в парк на бесплатный сеанс, ожидая, что опять покажут «Кто-то там наверху любит меня»¹, фильм про бокс, который всем так нравился, что мистер Эшли-Монтегю привозил его каждое лето. Но вместо фильма Харлен увидел пустой парк да несколько фермерских семей из самого захолустья, до которых тоже не дошел слух о том, что третью субботу подряд бесплатный сеанс отменяют из-за гнусной погоды.

Но в эту субботу погода не была такой уж гнусной. Ночной грозы вроде не ожидалось, и вечерний свет низко стелился вдоль длинных лужаек, где трава подрастала прямо на глазах. Харлен теперь ненавидел эти длинные лужайки, хоть трава на них была аккуратно подстрижена. Заборов почти нигде не было, и трудно было определить, где кончается одна лужайка и начинается другая. Он и сам не знал, почему их ненавидит, но ему казалось, что лужайки должны быть совсем не такие, — по крайней мере, по

¹ «Somebody Up There Likes Me» (1956) — фильм режиссера Роберта Уайза (Robert Wise) о чемпионе в среднем весе Рокки Грациано. Роль выросшего в нью-йоркских трущобах бойца сыграл Пол Ньюмен. Премии «Оскар» (1957) за лучшую черно-белую операторскую работу и лучшую работу художников; номинация на «Оскар» за лучший монтаж.

телевизору они выглядели совсем иначе... В фильме «Обнаженный город»¹, например, и вообще не было никаких дурацких лужаек. Миллионы разных историй — и никаких лужаек.

В тот вечер Харлен допоздна катался по городу, не обращая внимания на наступившие сумерки, пока летучие мыши не начали чертить в воздухе загадочные письмена. По привычке он старался держаться подальше от школы — в этом состояла одна из причин того, почему он не любил заезжать к Стюартам или еще каким-нибудь дуракам из тех, кто жил возле Старой центральной. Но, даже косясь по Мейн-стрит или по Брод-авеню, он чувствовал, что нервы у него шалют.

Харлен свернул налево по Черч-стрит, чтобы не проезжать мимо дома Двойной Задницы, не вполне отдавая себе отчет, почему он так делает, быстро миновал несколько темных улиц, где дома казались меньше, а фонари встречались реже и были менее яркими. Возле дурацкой церкви О'Рурка и дома священника было довольно светло, и Джим чуть помедлил, прежде чем свернуть на Вест-Энд-драйв, узкую и плохо освещенную улочку, которая вела к его собственному дому и старому депо.

Он ехал очень быстро, изо всех сил нажимая на педали, уверенный, что никто, выскочив из темноты, не сможет схватить его, — разве только они просунут что-нибудь между спицами, опрокинут велосипед наземь и набросятся на него. Никто его не поймает. Харлен покачал головой и продолжал крутить педали, подставляя короткие волосы прохладному ветру, чтобы выбросить из головы тревожные мысли. «Черт ее возьми. Ведь не явится домой до часу или двух, а то и позже. Тогда я снова посмотрю по телевизору передачу для взрослых. Хотя нет, провались оно все. Сегодня этой передачи не будет. По девятнадцатому каналу сегодня показывают какой-то ужастик. Ну уж нет, увольте. Лучше ничего смотреть не стану».

Харлен решил, что включит на всю мощь радио, а может, снова залезет в мамочкин тайник со спиртным. Он обнаружил, что если отлить немного из бутылки, а потом добавить воды, то она ни о чем не догадывается. Даже не замечает — то ли потому, что вечно ставит туда новые бутылки, то ли потому, что берется за ста-

¹ «Naked City» (1958–1963) — один из самых популярных полицейских сериалов американского телевидения (всего было снято 138 эпизодов). Неоднократный лауреат премии «Эмми».

рые, когда уже изрядно наклюкается. Потом он будет слушать радио, включит как можно громче рок-н-ролл и приготовит себе коктейль с колой, как он любит.

Мимо депо он проехал на максимальной скорости — это место не нравилось ему, даже когда еще он был маленьким, — и быстро миновал широкий перекресток Депо-стрит. Улица протянулась на три квартала. В нормальном городе их было бы целых семь или восемь, он точно знал, но здесь кварталы длиннее, потому что улиц мало. Все три квартала представляли собой сплошной темный туннель, сквозь плотную листву деревьев едва пробивался свет уличных фонарей. Около домов Стюарта и старины Грумбампера было темно.

Как и возле школы.

Он покачал головой и свернул на подъездную дорогу, скользнул к стоянке у гаража и оставил велосипед под навесом.

Мать еще не приехала, стоянка была пуста. Свет горел во всех окнах, как он и оставил его. Харлен подошел к задней двери.

Что-то вдруг появилось в круге света в его комнате наверху.

Харлен приостановился, держась за ручку двери. Мать, оказывается, дома. Наверное, эта проклятая машина опять сломалась или же маму довез один из ее новых приятелей, потому что она слишком набралась. Господи, ну и влетит же ему за то, что он вышел из дому после наступления темноты. Он скажет ей, что за ним заехал Дейл со всем их богоспасаемым семейством и что они взяли его на бесплатный сеанс. Она в жизни не узнает, что кино отменили.

В круге света снова появился темный силуэт.

«Какого дьявола она сунулась в мою комнату?» Со внезапным чувством вины он вспомнил о новых журналах, которые взял у Арчи Крека и спрятал в шкафу. Пока он был в больнице, мать нашла и выбросила все старые. Хоть и ни словом не обмолвилась об этом за все время, что он дома.

Покрасневший, напуганный мыслью о предстоящем скандале, особенно если она порядочно на взводе, Харлен сделал три шага назад, отступив к гаражу и пытаясь быстренько что-нибудь придумать. Может, сказать, что это журналы Моны? Ну да. Или одного из ее приятелей. Она сунула их в кладовку. Если же Мона будет отрицать это, то он расскажет маме о том, что, когда она была здесь в последний раз, он нашел в унитазе презерватив.

Джим набрал в грудь побольше воздуха. Это, конечно, не идеальный выход из положения, но все-таки лучше, чем ничего. Он снова бросил взгляд наверх, пытаясь догадаться, заглядывала ли мать в кладовку.

Но в доме была не мама.

Женщина наверху вновь пересекла комнату и оказалась около освещенного четырехугольника окна. Джиму в глаза бросился прогнивший насквозь свитер, сторбленная спина, космы белых волос, свисающих со слишком маленькой головы.

Харлен, как слепой, двинулся прочь от двери и ударился о велосипед. Тот с оглушительным лязгом упал на землю.

Женщина придвинулась к окну чуть ближе, прижалась лицом к стеклу и глянула вниз. Прямо на него.

Это лицо... оно поворачивается к нему... смотрит прямо на него...

Харлен упал на колени, его вырвало на дорогу, но он тут же вскочил, вспрыгнул на велосипед и понесся как сумасшедший прочь от дома, прежде чем тень у окна успела шевельнуться. Не оглядываясь, он пронесся по Депо-стрит, выписывая петли, будто кто-то стрелял по нему, и стараясь держаться поближе к редким фонарям. Си-Джей Конгден, Арчи Крек и несколько их приятелей сидели на капотах машин, припаркованных на грязной лужайке перед домом Конгденов. Они прокричали вслед Джиму что-то обидное, но грохот работавших на всю громкость радиоприемников помешал ему расслышать, что именно.

Харлен не замедлил ход и не оглянулся. Он выскочил на остановку у перекрестка Депо-стрит и Броуд-авеню. Прямо перед ним возвышалась громада Старой центральной школы. Дома, где жили Двойная Задница и до недавнего времени миссис Дагган, были справа.

«Лицо в окне... Пустые дыры вместо глаз... Черви, копошащиеся под языком... Торчащие зубы... В моей комнате!»

Харлен навис над рулем, задыхаясь, стараясь подавить вновь подступавшую к горлу тошноту. С третьей улицы на Депо-стрит, как раз там, где сквозь вязы виднелись огни школы, повернул темный силуэт грузовика и направился в его сторону.

Труповоз! Он узнал этот запах.

Харлен мчался по Броуд-авеню на север. Здесь огромные деревья нависали над всей мостовой, хотя ширина улицы была не

меньше тридцати футов, и погружали ее в глубокую тень. Но здесь все-таки было больше уличных фонарей и домов.

Он слышал, как позади грузовик подъехал к перекрестку, шины закрипели. Харлен въехал на пешеходную дорожку, несколько раз подпрыгнув на камнях, и свернул в проезд между домами. Здесь были сараи, гаражи и бесконечные дворы, соединяющиеся между собой. Он только успел подумать, что проезжает мимо дома доктора Стеффни, когда собака впереди зашлась бешеным лаем, заметалась, громыхая цепью. В лучах света, лившегося со стороны заднего крыльца, сверкнули желтые зубы.

Харлен крутанул влево, заехал в кипарисовую аллею, тянущуюся к северу позади сараев и гаражей. Собаки со всего квартала заходились в дружном лае, но, несмотря на шум, Харлен отчетливо слышал, как грузовик подъехал к Брод-авеню. Мальчик понятия не имел, что делать дальше.

Он должен что-то придумать.

Дейл Стюарт выронил фонарик и побежал по воде, которая доходила ему до колен, отчаянно зовя мать, натываясь в темноте на стены, оступаясь, теряя равновесие, падая. Он провалился по горло в ледяную черную воду и снова завопил, когда что-то под водой ткнулось в его обнаженную руку, вскочил на ноги и устремился вперед, не уверенный, что бежит в правильном направлении, сбитый с толку абсолютной темнотой подвала.

«А что, если я бегу прямо в заднюю комнату? Прямо к колодцу грязевого стока?»

Но сейчас ему было все равно. Он не мог стоять здесь в крошечном мраке, когда вода бурлила вокруг ног, как холодное масло, и ждать, пока это проклятое тело снова отыщет его. Он представил себе, как мертвый Табби раскрывает свой огромный рот еще шире и под водой впивается зубами в его ногу.

Дейл попытался взять себя в руки и сконцентрироваться на беге. В ту же минуту он стукнулся обо что-то — это могло быть и верстаком отца во втором отсеке, и скамейкой около стиральной машины в дальнем, — круто повернул влево, опустился на четвереньки в воду, которая почему-то стала теплой, как моча или кровь, и заковылял вперед. Там он видел, вернее, думал, что видит, четырехугольник чего-то менее темного, чем чернота вокруг, — возможно, дверь в топочную.

Он рухнул на что-то, на звук удара ответило эхо, порезал лоб, но не обратил на это внимания. «Топка! Вот она! Теперь беги направо, вокруг нее. Найди коридор за угольным бункером...» Он снова закричал, услышал отклик мамы, слившийся с его воплем. Позади послышался звук — что-то скользило по воде, — и он повернулся, чтобы увидеть, что это, снова оступился, ударился обо что-то еще более твердое, чем топка или бункер, и упал лицом вниз в воду... Рот наполнился сточной грязью с кисловато-сладким привкусом крови.

Руки крепко сомкнулись вокруг него, сжали и приподняли над водой.

Дейл барахтался, отбивался и сопротивлялся что было сил. На миг его голова ушла под воду, затем снова вынырнула и оказалась прижатой к мокрой шерсти.

— Дейл! Дейл, прекрати! Перестань! Успокойся... Это я, мама. Дейл!

Ее слова действовали на него как пощечина. Мальчик обмяк, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не разрыдаться, в голове вертелась страшная мысль о черной воде, в которой они стояли: «Это ловушка для нас обоих. Мы не сможем вырваться, и нас утянет на дно».

Мама помогла ему выбраться в коридор, где вода стояла много ниже. Он увидел слабый свет с лестницы, проникающий в подвал. Мама все крепче и крепче прижимала его к себе, а он дрожал все сильнее и сильнее.

— Все нормально, — успокаивала мама, когда они вдвоем взбирались по слишком высоким ступенькам, хотя сама тоже дрожала. — Все будет хорошо, — шептала она.

Они не пошли в кухню, а вместо этого выбрались на яркий солнечный свет и, шатаясь, побрели прочь от дома — так люди, попавшие в аварию, стремятся поскорее отойти от разбитой машины.

Чуть дальше они рухнули прямо на землю под маленьким яблоневым деревцем, оба мокрые и дрожащие.

Дейл испуганно мигал, почти ослепленный ярким светом. Тепло и лучи солнца казались нереальными — радостный сон после тяжелого ночного кошмара темноты и мертвого тела там, под водой... Он зажмурил глаза и попытался удержать дрожь.

Мистер Грумбахер как раз в это время подстригал газон, и Дейл услышал, как вдруг умолкла газонокосилка, затем услышал го-

лос, спрашивающий, не случилось ли что, а следом быстрые шаги по траве. Дейл попытался объяснить, что произошло, стараясь при этом не смахивать на умалишенного.

— Ч-ч-что-то... что-то т-т-там под водой... — Дейл был в бешенстве оттого, что зубы так отчаянно стучали. — Ч-ч-что-то п-п-пыталось с-с-схватить меня...

Мама снова обняла его, утешая, пытаясь свести все дело к шутке, но голос ее срывался на плач.

Мистер Грумбахер внимательно посмотрел на них — он был ужасно высокий, а серый комбинезон, в котором он обычно сидел за рулем своей молочной цистерны, придавал его облику официальность — и ушел.

Мама обняла Дейла еще крепче и снова принялась успокаивать.

Мистер Грумбахер вернулся, а следом в дверях своего дома возник Кевин и с любопытством посмотрел на Дейла и его маму, скорчившихся под деревом. В следующую минуту на их плечи легло одеяло, а мистер Грумбахер направился напрямик к их подвалу и начал спускаться по ступенькам.

— Не-е-ет! — вне себя от ужаса завизжал Дейл, но тут же взял себя в руки и попытался улыбнуться. — Пожалуйста, не спускайтесь туда.

Мистер Грумбахер оглянулся на сына, все еще стоявшего в дверях, махнул ему, чтобы тот шел домой, взял в руку пятиламповый фонарь и исчез за дверью. Ступеньки в подвал начинались из закрытой прихожей, пристроенной к стене кухни, — это делало дом много теплее зимой. Там же на гвоздиках, вбитых в стену над ступеньками, всегда висела запасная теплая одежда.

«Оно ожидает там, внизу... Мистер Грумбахер не выберется оттуда!»

Дейл сильно вздрогнул и вскочил на ноги, сбрасывая одеяло. Мама едва успела схватить его за пояс, но он вырвался.

— Я должен показать ему, где это было... Должен предупредить его о...

Наружная дверь отворилась. Отец Кевина вышел, его аккуратно отглаженные брюки были мокры до колен, рабочие ботинки громко чавкали, оставляя следы на цементном полу террасы. Он выключил зажатый в левой руке фонарик. А в правой руке мистер Грумбахер что-то нес. Что-то длинное, белое, мокрое...

— Он мертв? — спросила мама Дейла.

Но вопрос был лишним: труп раздулся и был раза в два больше нормального человеческого размера.

Мистер Грумбахер кивнул.

— Возможно, он не утонул, — сказал он тем тихим, но не допускающим возражений тоном, каким, как часто слышал Дейл, говорил с Кевином. — Возможно, его отравили... или произошло что-то еще... Может, затянуло в трубу, когда заработал дренаж.

— Он принадлежал миссис Мун? — снова спросила мама, подходя поближе.

Дейл видел, как она вздрогнула.

Мистер Грумбахер пожал плечами и положил труп на траву, поближе к подъездной дороге. Дейл услышал глухой стук. Между острыми зубами вытекла струйка воды. Мальчик подошел ближе и ткнул носком тапочки тело.

— Дейл! — укоризненно произнесла мать.

Он отдернул ногу.

— Это не т-т-то, что я в-в-видел, — сказал он, пытаясь унять дрожь и говорить разумно. — Там был не кот. А это к-к-кот. — И он еще раз ткнул дохлого кота в бок.

Мистер Грумбахер скупо улыбнулся:

— Там больше ничего не было, кроме ящика для инструментов и небольшой кучки мусора. Электричество включилось. Насос заработал.

Дейл изумленно посмотрел на дом. «Как же так? Ведь рукоятка рубильника была опущена... и показывала на ноль!»

Кевин спустился со ступенек и стоял поблизости, обхватив ладонями локти, как всегда делал, когда немного нервничал. Он посмотрел на бледное лицо Дейла, на мокрую одежду, на волосы, с которых стекала вода, облизнул губы, будто собираясь сказать что-то ехидное, но поймал предупреждающий взгляд отца и всего лишь кивнул приятелю. Затем тоже ткнул мокрого кота в бок, отчего у того изо рта вылилось еще немного воды.

— Я думаю, это кот миссис Мун, — повторила мама Дейла, будто это утверждение могло поставить все на свои места.

Мистер Грумбахер хлопнул Дейла по спине:

— Не расстраивайся, что ты немного струхнул. Наступить на дохлую кошку в темноте, да еще когда на фут воды... это напугало бы кого угодно, сынок.

Дейл хотел было отстраниться и сказать Грумбамперу, что он не его сынок и не из-за дохлой кошки он «струхнул». Но вместо этого просто кивнул. Во рту все еще чувствовался горький привкус воды, которой он наглотался в подвале.

«Значит, тело Табби все еще там!»

— Поднимайся. Пойдем переоденемся, — наконец сказала мама. — Мы можем поговорить об этом позже.

Дейл кивнул, сделал шаг к двери и остановился:

— Давай войдем через переднюю дверь?

Джим Харлен мчался через темноту, слыша, как сзади надрывно лают собаки и ревет мотор труповоза. Тот вроде затормозил на углу Депо-стрит и Броуд-авеню.

«Он хочет отрезать мне путь!»

Аллея, по которой он сейчас ехал, шла с севера на юг, между сараями, гаражами и длинными лужайками позади домов, расположенных вдоль Броуд-авеню и Пятой улицы. Дворы были огромные, дома стояли окруженные кустарником и листвой, да и сама аллея была погружена в темноту из-за густых крон деревьев, смыкавшихся над ней и почти не пропускавших лунный свет. Харлен знал, что здесь миллион разных мест, где он мог бы спрятаться: стропила сараев, открытые гаражи, заросли кустов, сад Миллера слева впереди, пустые дома на Каттон-драйв...

«Именно этого они от меня и ждут».

Харлен направил велосипед к стоянке возле темного кипариса на аллее. Собаки прекратили лаять. Даже туман, повисший в воздухе, казался подозрительным: он был словно завеса между Харленом и далекими фонарями и как будто ожидал его решения.

И Харлен решился, гордо заявив самому себе: «Моя мама дураков не рожала».

Тяжело крутя педали, он пересек задний двор, проехал по чьему-то огороду, разбрызгивая в стороны комья грязи, потом, оставив темную защиту аллеи, резко свернул направо, прямо в лапы огромного лабрадора, который так удивился, что даже забыл лаять.

Харлен пригнулся, в последнюю долю секунды заметив натянутую в качестве бельевой веревки проволоку, которая вполне могла оставить его без головы, вильнул влево, чтобы не врезаться в фонарный столб, при этом чуть не упал с велосипеда, поскольку

ку левая рука все еще была в повязке, но удержался и помчался вдоль подъездной аллеи к дому Стеффни. Попавшийся ему навстречу темный сарай он объехал чуть не за милю и резко затормозил рядом со ступеньками, в четырех футах от ярко горящего фонаря.

В половине квартала отсюда темный силуэт труповоза с высокими бортами взревел двигателем и тронулся в направлении Харлена, в туннель ветвей, нависших над пустынной улицей. Фары не горели.

Джим Харлен спрыгнул с велосипеда, одним прыжком одолел пять ступенек и налег на звонок.

Грузовик наращивал скорость. Теперь он был уже не больше чем в двухстах футах, двигаясь по той же стороне широкой улицы. Дом Стеффни располагался в шестидесяти—семидесяти футах от обочины и был отделен от мостовой вязами, широкой лужайкой и несколькими клумбами. Но Харлен не мог бы почувствовать себя счастливым, даже если б их разделяли противотанковые надолбы и крепостной ров, заполненный водой. Он забабанил по двери кулаком здоровой руки, в то же время нажимая на звонок локтем забинтованной руки.

Дверь широко распахнулась. На пороге, в ночной рубашке, стояла Мишель Стеффни, свет, падавший на нее сзади, делал почти прозрачным тонкий батист и создавал вокруг рыжей головки золотой ореол. В обычных условиях Джим Харлен постарался бы подольше насладиться таким зрелищем, но сейчас он пулей пролетел мимо нее прямо в холл.

— Джимми, что ты... эй!

Харлен промчался мимо.

Мишель закрыла дверь и гневно уставилась на него.

Харлен помедлил около торшера, нервно оглядываясь. Он был дома у Мишель всего три раза — по одному разу в год, на ее дне рождения, который приходился на четырнадцатое июля и которому она сама и члены ее семьи придавали большое значение. Но он довольно хорошо помнил этот дом: большие комнаты, высокие потолки, широкие окна. Слишком много окон. Пока он ломал голову над тем, нет ли здесь ванной комнаты или еще какого-нибудь помещения с глухими стенами на первом этаже, но зато с многочисленными замками, на верхней площадке лестницы появился доктор Стеффни.

— Могу ли я вам чем-нибудь помочь, молодой человек?

Харлен тут же напустил на себя вид «сиротинушка-на-границе-слез», причем удалось ему это без особого труда, и рыдающим голосом почти без пауз выпалил:

— Моей мамы нет дома, и никого не должно было быть дома, но, когда я вернулся после бесплатного сеанса — его отменили, наверное, из-за дождя, — там, на втором этаже, была какая-то незнакомая дама, и какие-то люди преследовали меня на улице, и за мной погнался грузовик, и я... вы не могли бы помочь мне? Пожалуйста.

Мишель Стеффни смотрела на него широко раскрытыми зелеными глазами, склонив головку набок, с таким выражением, будто он только что напрудил лужу прямо в ее гостиной. Доктор Стеффни, одетый в брюки, жилетку, галстук и всякую такую ерунду, недоумевающе поглядел на Харлена, водрузил очки на нос, потом снова снял их и начал спускаться по лестнице.

— Пожалуйста, повтори еще раз то, что ты сказал, — попросил он.

Харлен повторил это еще раз, делая ударения на самых волнующих местах. Какая-то незнакомая женщина была у него дома. (Он не стал упоминать о том, что она была мертвой и тем не менее ходила.) Какие-то парни в грузовике преследовали его. (Пока опустим тот факт, что это труповоз.) Его маме пришлось уехать по делам в Пеорию. (Делами это нельзя назвать, но и это уточнять не станем.) Он здорово испугался. (А вот это точно.)

В комнате появилась миссис Стеффни. Как-то Харлен слышал от Си-Джея Конгдена и Арчи Крека, что если хочешь узнать, какой будет твоя девушка лет через несколько, — ну, в смысле груди и все такое, — то посмотри на ее мать. Тут у Мишель Стеффни не было оснований для беспокойства.

Миссис Стеффни захлопотала вокруг Харлена. Она сказала, что прекрасно помнит его по предыдущим дням рождения, но он в этом усомнился: слишком много здесь было ребят, да и пригласили его только потому, что приглашали весь класс. И она настояла, чтобы он прошел в кухню выпить чашечку какао, пока мистер Стеффни позвонит в полицию.

Доктор выглядел несколько смущенным, если не сказать настороженным, но выглянул на улицу — из-за его спины Харлен увидел, что грузовика, разумеется, там уже не было, — и пошел

звонить Барни. Миссис Стеффни попросила запереть двери, пока они будут ждать полицию. Харлен был целиком с ней согласен. Он бы еще запер и все окна, но, как ни странно, у таких богатых людей не было кондиционера, а значит, в доме сразу стало бы невыносимо душно. Он чувствовал себя в относительной безопасности, пока миссис Стеффни суежилась на кухне, разогревая для него еду — он пожаловался, что не обедал сегодня, хотя на самом деле съел спагетти, оставленные мамой на плите, — и пока мистер Стеффни уже в четвертый раз допрашивал его о том, что произошло, и пока Мишель смотрела на него широко распахнутыми глазами. Этот взгляд мог означать все, что угодно: от немого обожания отважного героя до откровенного презрения, поскольку он оказался такой задницей.

В настоящий момент Харлену это было безразлично.

«Старуха в его комнате. Ее лицо в окне, она смотрит вниз, прямо на него...»

Сначала он подумал, что это Двойная Задница, но потом каким-то образом понял, что видел миссис Дагган. Ту, другую. Которая давно умерла.

«Тот сон. Лицо в окне. Он падает...»

Харлен вздрогнул, когда миссис Стеффни предложила ему пирожное. Доктор Стеффни продолжал расспрашивать, как часто его мама уходит по делам и оставляет его одного? Осведомлена ли она о том, что по закону детей не полагается оставлять без присмотра?

Харлен попытался было ответить, но это было нелегко. В первых, у него рот был набит пирожным, а во вторых, не хотелось выглядеть грубым в глазах Мишель.

Барни прибыл ровно через тридцать пять минут после звонка, что, по мнению Харлена, стало новым городским рекордом.

Он повторил свою историю снова, теперь менее искренно, но зато с большей живописностью. Когда он дошел до описания лица в окне и грузовика на улице, голос задрожал вполне натурально. В действительности он как раз подумал о том, что был близок к мысли свернуть с аллеи и спрятаться в одном из пустых домов или темных сараев на Каттон-драйв, и о том, что ждало его там.

Когда он дошел до конца своего повествования, на глазах выступили слезы, но он сдержал их, ни в коем случае не желая плакать при Мишель Стеффни. Он даже пожалел о том, что она

ушла наверх переодеться во фланелевый халатик, пока ее мама занималась горячим шоколадом. И когда девочка вернулась, к чистейшему ужасу и физическому возбуждению от избытка в крови адреналина уже примешалось легкое сексуальное волнение.

Констебль Барни отвез его домой. С ними увязался и доктор Стеффни, который остался посидеть с Харленом в машине, пока Барни ходил по дому. Там все оставалось таким же, каким его оставил Харлен: все лампы горят, двери не заперты. Барни, однако, прежде чем войти, подошел к задней двери и постучал. Хотя, по мнению Харлена, нужно было поступить как раз наоборот: ворваться с пистолетом в руке, размахивая ордером на обыск, как это делали копы в «Обнаженном городе». Барни же, похоже, вообще не имел пистолета, по крайней мере не носил его с собой.

Харлен продолжал отвечать на расспросы доктора о привычках матери относительно проведения уик-эндов, все время ожидая услышать страшные крики из дома.

Барни вышел и помахал им рукой.

— Никаких признаков насильственного вторжения, — сказал констебль, когда они поднимались по ступенькам, и Харлен сообразил, что обращаются не к нему. — Но похоже, что тут кто-то пошуровал. Будто бы что-то искали. — Он повернулся к Харлену. — У вас только сегодня так, сынок, или всегда?

Харлен осмотрел кухню и столовую. Сковородки на плите покрыты слоем застывшего жира. Стопки грязной посуды в раковине, на столе, даже на подоконнике. Кипы старых журналов, всякие коробки и разный хлам на полу. Переполненные пакеты для мусора. В гостиной немногим лучше. Харлен знал, что под всеми этими газетами, бумажными тарелками и другим барахлом имеется кушетка, но он видел, что ни коп, ни доктор об этом и не догадываются.

Он пожал плечами:

— Мама не самый аккуратный человек на свете.

Джим тут же возненавидел себя за тон, которым произнес это: будто он собирается извиняться перед этими задницами.

— Посмотри, может, что-нибудь пропало, Джимми.

Барни как будто только что вспомнил его имя. Харлен терпеть не мог, когда его так называли, — наверное, даже больше, чем когда били. Кроме, конечно, сегодняшнего случая, когда его так назвала Мишель. Он отрицательно покачал головой и пошел

из комнаты в комнату, пытаюсь незаметно навести хоть кое-какой порядок.

— Не-а, — сказал он. — По-моему, ничего не пропало. Но я не уверен.

«Какого черта тут могли бы украсть? Мамину электрогрелку? Бумажные тарелки? Мои нудистские журналы?»

Харлен внезапно покраснел при мысли, что Барни, или ФБР, или кто-нибудь еще устроит в доме настоящий обыск и найдет спрятанные журналы.

— Эта старуха была наверху, а не здесь, — пояснил он чуть более грубым тоном, чем намеревался.

— Наверху я уже смотрел, — ответил констебль и глянул на доктора Стеффни. — Беспорядок большой, но никаких признаков воровства или открытого вандализма.

Все втроем они начали подниматься по ступенькам, Харлен чувствовал себя довольно фигово. Он уже представлял, как доктор возвращается домой и рассказывает своей женушке и дочечке о том бардаке, который здесь увидел. Возможно, он даже отправится и разбудит Мишель, чтобы доложить, какой засранец этот Харлен.

«А ведь она назвала меня Джимми».

— Что-нибудь пропало? — донесся голос Барни из коридора. Харлен заглядывал в мамину комнату, потом в свою.

«Черт подери, уж она-то могла бы застелить собственную постель и выбросить к черту эти вонючие носовые платки, журналы и остальное барахло...»

— Не-а, — ответил он и сам почувствовал, как глупо это звучит.

«Этот тип не только засранец, он еще и умственно отсталый», — скажет завтра утром за завтраком этот доктор.

— Я так не думаю, — добавил он и с тревогой в голосе поинтересовался: — А вы смотрели в кладовке?

— Первым делом, — пробасил Барни. — Но мы можем заглянуть туда вместе.

Харлен вошел в комнату вместе с констеблем и доктором.

«Они смеются надо мной. Потом, когда они уйдут, этот гнилой труп выскочит откуда-нибудь и вырвет мне сердце».

Как будто прочитав его мысли, Барни сказал:

— Я побуду здесь, пока твоя мама не вернется, сынок.

— Я тоже, — добавил доктор и переглянулся с констеблем. — Джим, ты знаешь, когда она должна вернуться?

— Не-а...

Харлен прикусил нижнюю губу. Если он еще раз так скажет, то отыщет отцовский пистолет и пустит себе пулю в лоб прямо на их глазах. Шестеренки заработали.

«Пистолет. Разве отец не оставил матери пистолет, чтобы она могла защищаться?»

— Ступай, ныряй в пижаму, сынок, — сказал констебль. Харлен ни за что на свете не мог бы припомнить его настоящего имени. — У вас найдется кофе?

— Немного есть. Растворимый, — ответил Харлен. Он чуть было опять не сказал «не-а». — На подоконнике. В кухне. Там, внизу.

«Тупица, — обругал он себя. — Мы же только что проходили через кухню».

— Тебе пора в постель, — повторил констебль.

И они с доктором пошли вниз.

Их дом был маленьким. И Джим прекрасно слышал их разговор. Они с мамой и шагу не могли ступить без того, чтобы их не услышали соседи. Харлен иногда думал, что, может, отец и не уехал бы со своей новой девкой, живи они в других условиях. Но сегодня вечером дом был недостаточно мал. Мальчик вышел на площадку.

— А вы проверили под кроватью... сэр? — спросил он, глядя вниз.

Барни подошел к нижним ступенькам:

— Конечно. И во всех углах. Наверху никого нет. И внизу тоже. Док сейчас посмотрит во дворе. А я проверю гараж. Подвала у вас нет, сынок?

— Не-а, — сказал Харлен.

«Проклятье! Опять!»

Барни кивнул и скрылся в кухне. Харлен услышал, как отец Мишель говорит что-то о Департаменте охраны детства.

Харлен вернулся в комнату, не став закрывать за собой дверь, скинул кеды, бросил на пол носки, стащил с себя джинсы и футболку. Потом подобрал носки и джинсы и закинул их в кладовку, не приближаясь к ней.

«Она стояла прямо здесь. Около окна. Ходила туда и сюда».

Он присел на край постели. На будильнике было десять сорок восемь. Рано. Этим ребятам предстоит просидеть здесь еще часов пять-шесть, если все будет как обычно. А вдруг они уйдут? Если уйдут, он побежит за машиной. Ни за что не останется здесь один ночью.

«Где она держит этот чертов пистолет?» Он был совсем небольшой, но вороненой стали и ужасно опасный на вид. Еще там была сине-белая коробочка с патронами. Отец строго-настрого запретил Джиму прикасаться к ней. Обычно они лежали в папином ящике, но мама спрятала пистолет, когда он уехал с этой бабой. Куда? Может, это незаконно? Вдруг Барни найдет его и их с мамой упекут в тюрьму?

Хлопнула задняя дверь. Харлен как раз натягивал пижамные штаны и даже подпрыгнул от неожиданности. Но тут услышал их голоса. Затем шаги на ступеньках и голос Барни:

— Хочешь выпить горячего шоколада, прежде чем ляжешь спать, сынок?

Желудок Харлена уже kloкотал от целого галлона этого напитка, которым накачала его миссис Стеффни.

— С удовольствием! — тем не менее прокричал он в ответ. — Сейчас спущусь.

И он поднял подушку, чтобы достать пижамную куртку.

На пижамной куртке лежало что-то похожее на серое омерзительное дерьмо. Харлен отдернул руки, вытер их о пижаму и откинул покрывало.

Простыня выглядела так, будто была вымазана несколькими галлонами какой-то мерзости, напоминающей что-то среднее между соплями и спермой. В свете настольной лампы мерзость жирно блестела. Будто на простыню кто-то вылил тонну серого джема — густого, скользкого слизистого вещества, которое переливалось под светом. Оно пропитало простыню и уже начало подсыхать в виде длинных сгустков и нитей. Воняло так, будто кто-то засунул мокрое полотенце в вонючую дыру и года на три забыл о нем. А когда вытащил, на это полотенце еще нассала целая свора собак.

Харлен, шатаясь, отступил, уронил пижамную куртку и прислонился к двери. Ему казалось, что его сейчас вырвет. Деревянные половицы пола ходили ходуном, как палуба маленького корабля в бурном море. Харлен облокотился на шаткие перила.

— Сэр! Констебль!

— Что, сынок? — отозвался Барни из кухни.

До Харлена донесся запах горячего кофе и кипяченого молока. Он оглянулся на свою комнату, почти ожидая увидеть простыню чистой — вернее, такой же грязной, какой она была утром. Вроде как бывает в кино, когда кто-то видит миражи и всякие такие галлюцинации.

Серая слизь переливалась при свете, словно жидкий жемчуг.

— Что? — повторил Барни, подходя к ступенькам.

Лоб у него был нахмурен, будто его что-то беспокоило. Темные глаза выглядели... Какими? Встревоженными? Может, заботливыми?

— Ничего, — ответил Харлен. — Я сейчас спущусь выпить какао.

Он вернулся в комнату, скрутил всю постель, стараясь ни в коем случае не дотронуться до дерьма, бросил в ту же кучу пижаму, запихал все в угол кладовки, достал с полки пижаму, хоть и маловатую, но чистую, пошел вымыл руки и только тогда спустился в кухню.

Даже много позже Харлен не мог бы сказать, почему он решил не показывать двум взрослым это очевидное доказательство того, что кто-то или что-то было у него в доме. Возможно, в этот момент он понял, что с этим должен управиться сам. А возможно, такие вещи были слишком постыдными... показать им постель было все равно что достать спрятанные в кладовке журналы и трясти ими перед всеми.

«Она была здесь! Оно было здесь!»

Горячий шоколад оказался отличным. Доктор Стеффни освободил от грязной посуды и вымыл кухонный стол, и они посидели втроем, болтая как равные, до половины первого, когда мать наконец вернулась и вошла через заднюю дверь.

Харлен сразу отправился к себе наверх, достал запасное одеяло из шкафа и завернулся в него, нисколько не беспокоясь о простынях. Заснул он сразу, чуть улыбаясь при звуках доносившихся снизу сердитых голосов.

Все было точно так, как бывало при папе.

Глава 23

Однажды ночью, во время одного из самых тяжелых приступов лихорадки, Майку приснилось, что он разговаривает с Дуэйном Макбрайдом.

Дуэйн не был похож на мертвого. И не был расчленен на куски, как говорили в городе. Он не кружился на одном месте, как зомби или еще кто-нибудь подобный, — нет, это был просто Дуэйн Макбрайд, такой, каким все эти годы знал его Майк: полный, медлительный, одетый, как всегда, в вельветовые брюки и простую фланелевую рубашку. Даже во сне Дуэйн то и дело поправлял съезжающие на нос очки в темной оправе.

Они были в каком-то неизвестном Майку, но показавшемся ему странно знакомом месте: холмистое пастбище с высокой, обильной травой. Майк не совсем понял, что он, собственно, тут делал, но заметил сидевшего на камне у самого края обрыва Дуэйна и пошел к нему. Обрыв был страшно высоким, гораздо выше всего, что Майк видел до сих пор, даже выше, чем скала в парке округа Старвед-Рок, куда однажды они ездили всей семьей, когда Майку было шесть лет. Далеко внизу виднелись города, текла широкая река, по которой медленно скользили баржи. Дуэйн сидел, не поднимая глаз, и, как всегда, записывал что-то в блокнот. Когда Майк подошел и сел рядом, тот перестал писать.

— Мне жаль, что ты заболел, — сказал Дуэйн, поправил очки и отложил блокнот в сторону.

Майк кивнул. Он не был уверен в том, что говорит то, что следует, но тем не менее произнес:

— Мне жаль, что тебя убили.

Дуэйн пожал плечами.

Майк прикусил губу. Нет, он должен спросить об этом:

— Это было больно? Я хочу сказать, больно, когда тебя убивают?

Теперь Дуэйн ел яблоко. Чуть помолчав, он ответил:

— Конечно больно.

— Извини.

Майк не мог придумать, что еще сказать. По другую сторону камня, ближе к Дуэйну, щенок играл с какой-то мягкой игрушкой. Затем со странным спокойствием сна Майк заметил, что это был совсем не щенок, а маленький динозавр. А мягкой игрушкой была зеленая горилла.

— У тебя серьезные проблемы с этим Солдатом, — проговорил Дуэйн и протянул недоеденное яблоко Майку.

Тот покачал головой.

— Ага.

— У остальных ребят тоже есть свои проблемы.

— Да? У кого у остальных? — переспросил Майк.

В эту минуту солнце заслонил какой-то самолет. Оказалось, что это часть птицы.

— Ты знаешь, о ком я говорю. У остальных ребят.

Это объяснило Майку все. Он говорил о Дейле и Харлене. Может быть, и о Кевине тоже.

— Если вы будете продолжать воевать поодиночке, — снова заговорил Дуэйн и поправил очки, — кончите так же, как и я.

— Что же нам делать? — спросил Майк.

Ему послышался лай собаки... настоящей собаки... и некоторые другие звуки, напоминавшие ему о доме и вроде бы не связанные с тем местом, где он сейчас находился.

Дуэйн не смотрел на него:

— Разузнай, кто эти люди. Начни с Солдата.

Майк встал и подошел к краю утеса. Внизу ничего не было видно: все застилал туман или что-то похожее на тучи.

— Как я могу сделать это?

Дуэйн вздохнул:

— Ну, узнай, за кем оно охотится.

Майку даже не показалось странным, что Дуэйн сказал «оно», вместо того чтобы сказать «он». Солдат был именно «оно».

— За Мемо.

Дуэйн кивнул и нетерпеливым движением поправил очки.

— Значит, и спроси у Мемо.

— Ладно, — согласно кивнул Майк. — Но как мы сможем разузнать что-нибудь об остальных? Я хочу сказать, что мы же не такие умные, каким был ты.

Дуэйн не пошевелился, но каким-то образом оказалось, что он сидит теперь гораздо дальше. На том же самом камне, но гораздо дальше. И теперь они оказались не на краю обрыва, а скорее на городской улице. Уже было темно... довольно холодно, как зимним днем. Камень, на котором сидел Дуэйн, превратился в обычную скамейку. И Дуэйн вроде ожидал автобуса. Он хмуро, почти сердито, взглянул на Майка.

— Ты всегда можешь спросить меня, — сказал он, а увидев, что Майк не понял его, добавил: — К тому же ты и сам умный.

Майк хотел было протестовать, сказать Дуэйну, что он не понимает и половины того, о чем тот обычно говорит, и читает не больше одной книги в год, но заметил, что Дуэйн уже встает и садится в автобус. Только это был вовсе не автобус, а что-то вроде гигантской сельскохозяйственной машины с окошками по бокам и маленькой рулевой рубкой наверху, вроде той, что Майк видел однажды на картинке, и гребным колесом впереди, которое ошестинилось блестящими острыми лезвиями.

Дуэйн высунулся из окна.

— Ты очень умный, — проговорил он, обращаясь к Майку. — Умнее, чем думаешь. Плюс у тебя есть одно большое преимущество.

— Какое? — прокричал Майк, стараясь не отстать от автобуса-машины.

Он уже не мог выделить лицо Дуэйна среди окружавших его пассажиров. И не видел, чьи руки ему машут.

— Ты живой, — донесся голос Дуэйна. И улица опустела.

Майк проснулся. Все тело горело и болело, пижама и простыни стали влажными от пота. День едва перевалил за полуденную черту. За окном пылал яркий солнечный свет, в воздухе висело неподвижное марево. Несмотря на работающий вентилятор, жара в комнате стояла невыносимая. Снизу до Майка доносились голоса матери и кого-то из сестер.

Ужасно хотелось пить, но он чувствовал себя слишком слабым, чтобы встать, и знал, что ему не перекричать гудение пылесоса. Тогда он просто перекатился поближе к окну. Отсюда ему

была видна травяная площадка около ванночки для птиц, которую соорудил его дедушка несколько лет назад.

«Спроси у Мемо».

Ладно, как только он почувствует, что способен натянуть джинсы и спуститься вниз, он это сделает.

Весь следующий день, воскресенье, десятого числа, мать Харлена с ума сходила от злости на сына, будто бы это он кричал на нее, а не Барни и доктор Стеффни. В доме повисло безмолвное напряжение, которое Харлен отлично помнил со времен стычек мамы с отцом: час или два остервенелого крика и потом недели три холодного молчания. Но ему лично это было по фигу. Если таким образом можно удержать мать дома, удержать между ним и лицом в окне, то он согласен вызывать констебля каждый вечер, чтобы тот задавал ей хорошую взбучку.

— Разве можно сказать, что я пренебрегаю тобой? — рывкнула она на Харлена, когда тот подогревал себе суп на обед. До этого она вообще не говорила с ним. — Бог знает сколько я работала для тебя, заботилась о доме...

Харлен невольно бросил взгляд в гостиную. Единственным чистым местом были те один-два дюйма стола, которые они очистили накануне вечером. Барни перемыл потом всю посуду, и сверкающий стол казался чужаком на знакомой кухне.

— Не смейте говорить со мной таким тоном, молодой человек, — огрызнулась мама.

Харлен изумленно глянул на нее: ведь он не произнес ни слова.

— Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду. Эти двое... налетчиков ворвались сюда и взяли на себя смелость читать мне нотации, объяснять, как мне следует воспитывать собственного ребенка. «Преступное пренебрежение», — сказал он.

Голос матери дрожал. Она замолчала, чтобы зажечь сигарету, и Харлен заметил, что руки у нее дрожат так же сильно. Мать помахала в воздухе спичкой, выдохнула дым и выпрямилась, забарабанив острыми, ярко окрашенными ногтями по столу. Харлен не мог отвести взгляд от полукружия помады на мундштуке сигареты. Эти следы помады на окурках, разбросанных по всему дому, он ненавидел больше всего. Они доводили его до сумасшествия, хотя он понятия не имел почему.

— В конце концов, — продолжила она, совладав с голосом, — тебе уже одиннадцать лет. Почти взрослый молодой человек. Между прочим, когда мне было одиннадцать, я нянчилась с тремя младшими в доме и еще работала по вечерам в забегаловке в Принсвилле.

Харлен кивнул. Эту историю он уже знал наизусть.

Мать затынулась и отвернулась от него, пальцы продолжали выстукивать бешеное стаккато, сигарета воинственно подрагивала, зажатая между пальцами левой руки, как обычно держат женщины.

— Какие идиоты.

Харлен вылил томатный суп в тарелку, нашел ложку и стал размешивать его, давая остыть.

— Ма, они пришли сюда только из-за той сумасшедшей старухи у нас в доме. Они беспокоились, что она вернется.

Мать не обернулась. Ее спина выражала то же молчаливое возмущение, как это бывало при стычках с отцом.

Он попробовал суп: еще слишком горячий.

— Правда, ма, — снова начал Харлен. — Они не имели в виду ничего такого. Они просто...

— Не надо объяснять мне, что именно они имели в виду, Джеймс Харлен, — оборвала она его, наконец обернувшись: одна рука поддерживает другую, устремленную вертикально вверх. — Я понимаю оскорбление, когда слышу его. Вот чего они не понимают, так это того, что тебе только показалось, будто ты кого-то там увидел. Это они не понимают, что доктор Армитадж из больницы сказал, что у тебя очень серьезное ранение головы... геми... гемо...

— Гематома мозговой оболочки, — договорил за нее Харлен.

Теперь суп был достаточно холодным.

— Очень серьезная контузия, — закончила она. — И доктор Армитадж предупредил меня, что, возможно, у тебя будут... как их там?.. да, галлюцинации. Ведь ты видел не кого-то знакомого? Не кого-то реального?

«В мире полно реальных людей, которых я не знаю», — хотел было ответить Харлен, но не стал обострять ситуацию: на сегодня, пожалуй, достаточно.

— Не-а, — сказал он.

Мать кивнула, как будто поставила точку. Докурив сигарету, она обернулась к окну кухни.

— Хотела бы я знать, где были эти высокочтимые джентльмены, когда я проводила в больнице двадцать четыре часа в сутки рядом с твоей кроватью, — пробормотала она.

Харлен сосредоточился на супе. Затем направился было к холодильнику, но там стояла единственная упаковка молока, которая хранилась с незапамятных времен, и он не имел ни малейшего желания открывать ее. Мальчик налил в стакан воды из-под крана.

— Ты права, мама. Но я очень рад видеть тебя дома.

Внезапное движение спины подсказало ему, что эту тему лучше не затрагивать.

— Ты не собираешься заглянуть в салон к Адели, чтобы уложить волосы? — предпочел спросить он.

— Если я отправлюсь туда, ты, наверное, вызовешь этого копа, чтобы подтвердить, что я плохая мать.

В ее голосе звучал сарказм, которого Харлен не слышал со дня отъезда отца. Дым колыхался в воздухе вокруг ее темных волос и теперь в солнечном свете казался жемчужным нимбом.

— Мама, — заговорил Харлен, — сейчас светло. Днем я не боюсь ничего. Она не вернется в такое время.

В действительности он был полностью уверен в правильности только первого утверждения. Второе было ложью. Третье... этого он и сам не знал.

Мама коснулась пальцами волос, затушила сигарету в раковине.

— Хорошо. Я вернусь примерно через час, может, чуть больше. Ты знаешь телефон салона Адели?

— Ага.

Он ополоснул тарелку под краном и поставил на сушилку. Машина громко протарахтела по направлению к Депо-стрит. Харлен выждал еще пару минут: мама часто забывала что-нибудь и в спешке возвращалась, но, когда убедился, что она все-таки уехала, медленно направился наверх, в ее комнату. Сердце у него билось как сумасшедшее.

В то утро, пока мама еще спала, он застирал простыни и наволочку в ванне и бросил их в стиральную машину, а пижаму сунул

в мешок с мусором, стоявший сбоку гаража. В жизни он не будет спать в ней.

А сейчас он выдвигал ящики маминого гардероба, шарил под шелковым бельем, испытывая при этом такое же волнение, какое испытал, в первый раз притащив домой один из этих журналов. В комнате было душно. Блики солнечного света лежали на смятых простынях и одеяле, в воздухе стоял тяжелый и густой запах ее духов. Скомканные воскресные газеты валялись на кровати там, где она их оставила.

Пистолета в ящиках не было. Харлен заглянул в тумбочку рядом с кроватью, поворошил пустые пачки из-под сигарет и почти полную упаковку презервативов. Кольца, сломанные шариковые авторучки, спички из различных ночных клубов, клочки бумаги и салфеток с нацарапанными на них мужскими именами, какой-то, наверно, механический массажер.

Пистолета не было.

Харлен присел на кровать и оглядел комнату. Шкаф, забитый ее платьями, туфлями и всяким барахлом... подождет. Он подтянул к себе стул, чтобы достать до верхней полки и пошарить за старыми шляпными коробками и мятыми свитерами. Встал на него, вытянул руку. Внезапно его пальцы ощутили холод металла. Он потянул это к себе и увидел старую, в металлической рамке фотографию. Смеющееся лицо отца, одной рукой он обнимает маму, а другой надутого четырехлетнего карапуза, в котором Харлен с трудом мог узнать самого себя. У парня не хватало одного из передних зубов, но ему и дела до этого не было. Все трое стояли перед столиком, мальчик узнал парк Бандстенд. Может, это было перед бесплатным сеансом?

Он бросил фотографию на кровать и провел рукой под старым свитером. Изогнутая рукоятка. Металлический ствол.

Харлен сжал это рукой, стараясь не прикоснуться пальцем к курку. Странно тяжелый для своей величины. Металлические детали выполнены из вороненой стали, ствол на удивление короткий, не больше двух дюймов. Рукоятка сделана из дерева и отполирована. Очень смахивает на тот игрушечный револьвер тридцать восьмого калибра, которым Харлен играл год или два назад. Значит, можно предположить, что это вправду тридцать восьмой калибр. Как там назвал его отец, когда показывал матери? Потрошитель? Только Харлен не был уверен, почему именно

Потрошитель. Потому что пистолет очень мал и его надо носить на животе, у потрохов, или потому что с его помощью потрошат жертву.

Он спрыгнул вниз, осмотрел револьвер, нашел стопор, отодвинул его и заглянул в барабан, позаботившись, конечно, о том, чтобы держать дуло подальше от себя. Гнездо было пустым. Еще одна минута потребовалась, чтобы понять, как барабан вращается... нет, во всех гнездах пусто... Харлен выругался, засунул револьвер за пояс, чувствуя, как холодная сталь согревается его теплом, и принялся шарить на полке, разыскивая патроны. Ничего. А что, если мать выбросила их? Он слез со стула, поставил его на место и задумался, покачивая револьвер на ладони.

На кой черт ему эта вещь, если он не найдет патронов?

Он заглянул под кровать, поворошил содержимое тумбочки. патронов как не бывало. Джим был уверен, что видел их в какой-то коробке.

Харлен на пороге оглянулся, чтобы убедиться, что не оставил улики своего пребывания здесь, хотя в таком беспорядке заметить что-либо было бы трудно даже при очень большом желании, и спустился вниз.

«Как, к черту, я могу купить эти пули? Продают ли их вообще детям? И где их покупают? Вот так, просто, прийти в хозяйственный магазин Майерса или в универмаг Дженсена и заявить, что мне нужны патроны? Просто подойти и спросить, есть ли у них патроны для тридцать восьмого калибра?»

Харлен подумал о том, что вряд ли Дженсен торгует патронами. А Майерс, кстати, его, Джима, никогда не любил. Однажды прошлым летом, когда Харлен строил шалаш на дереве, он едва не отказался продать ему обыкновенные гвозди... Что уж тогда говорить о патронах?

Оставалось еще одно место. Мама обычно держит все спиртное в баре, но одну бутылку всегда припрятывает на самой верхней полке кухонного шкафа. Будто кто-то может украсть все запасы — и тогда у нее останется эта бутылка. Там еще полно всякого барахла.

Харлен взобрался на хозяйственный стол, зажав под мышкой забинтованной руки пистолет. На полке стояли две бутылки водки, банка с рисом и еще одна — с чем-то похожим на горох.

В третьей банке поблескивало что-то металлическое. Харлен поднес ее к свету.

Патроны россыпью лежали на дне стеклянной банки из-под консервов. Крышка была запечатана. Харлен насчитал по меньшей мере штук тридцать пуль. Он отыскал нож, вскрыл крышку и высыпал патроны на стол. Сейчас он волновался даже больше, чем тогда, когда принес домой недозволенные журналы. Всего пара секунд ему потребовалась, чтобы послать в пустой цилиндр патрон, затем, повернув барабан, загрузить следующие. Он насыпал патроны в карманы джинсов, поставил банку на место и вышел из дому в сад, чтобы найти место, где можно было бы потренироваться в стрельбе.

Или что-то, на чем можно было бы потренироваться.

Мемо не спала. Иногда, хоть ее глаза были открыты, она не совсем бодрствовала. Но сейчас было не так. Майк присел рядом с ее кроватью. Мать была дома. В это воскресенье, десятого июля, Майк впервые за последние три года пропустил службу. Пылесос гудел в его комнате наверху. Мальчик пригнулся ниже и увидел, что карие глаза Мемо смотрят прямо на него. Одна рука бабушки лежала поверх одеяла и напоминала птичью лапку: пальцы скрючены, предплечье испещрено венами.

— Ты меня слышишь, Мемо? — прошептал Майк, низко склонившись к ее уху.

Он чуть отодвинулся и заглянул ей в глаза.

Одно мигание. Согласно домашнему коду, одно мигание означало «да», два — «нет», три — «не знаю» или «не понимаю». Именно таким образом они выясняли самые простые вещи в общении с бабушкой: переменить ли ей белье или одежду, подать ли судно и тому подобное.

— Мемо, — шепнул Майк губами, все еще сухими из-за высокой температуры, — ты видела солдата в окне?

Одно мигание: «Да».

— Ты видела его раньше?

«Да».

— Думаешь, он пришел, чтобы принести нам зло?

«Да».

— Ты все еще думаешь, что это смерть?

Мигание. Мигание. Мигание. «Не знаю».

Майк перевел дыхание. Тяжесть виденного сна сковывала его словно веригами.

— Ты узнаешь... узнала его?

«Да».

— Это кто-то, кого ты знала?

«Да».

— Его знали и мама с папой?

«Нет».

— Может, я знаю его?

«Нет».

— Но ты знала, да?

Мемо надолго зажмурила глаза, как будто от боли или изнеможения. Майк чувствовал себя идиотом, но не мог придумать, что бы еще спросить. Мемо мигнула еще раз. Да, она точно знала его.

— Это кто-то... из живых людей?

«Нет».

Майк не был удивлен.

— Кто-то, про кого ты знаешь, что он умер?

«Да».

— Но это реальный человек? Я хочу сказать, что он жил на самом деле?

«Да».

— Ты думаешь... думаешь, это привидение, Мемо?

Три мигания. Пауза. Затем еще одно.

— Это кто-то, кого знали вы с дедушкой?

Пауза.

«Да».

— Друг?

В ответ она совсем не мигнула. Ее темные глаза огнем жгли Майка, требуя, чтобы он задал вопрос правильно.

— Это друг дедушки?

«Нет».

— Враг дедушки?

Она заколебалась. Мигнула один раз. Рот и подбородок стали влажными от слюны, и Майк промокнул их носовым платком, лежавшим на ночном столике.

— Значит, это был враг дедушки и твой?

«Нет».

Майк был уверен, что она мигнула дважды, но не понял почему. Она ведь только что сказала...

— Враг дедушки? — шепнул он.

Пылесос наверху умолк, и он услышал, как мама вытирает пыль в комнате девочек.

— Враг дедушки, а не твой? — переспросил Майк.

«Да».

— Этот солдат был твоим другом?

«Да».

Майк присел, опираясь на пятки. Отлично. Что теперь? Как ему узнать, кто этот человек и почему он преследует Мемо?

— Ты знаешь, почему он вернулся назад, Мемо?

«Нет».

— Но ты боишься его? — Едва задав этот вопрос, Майк понял, до чего он глуп.

«Да». Пауза. «Да». Пауза. «Да».

— Ты боялась его, когда... когда он был жив?

«Да».

— Существует ли для меня способ выяснить, кто он такой?

«Да. Да».

Майк встал и принялся мерить шагами небольшое пространство комнаты. По Первой авеню проехала машина. В окно лился густой аромат цветов и свежескошенной травы. Со внезапным чувством вины Майк понял, что все дни его болезни лужайку подстригал отец. Он снова присел на корточки перед Мемо.

— Мемо, можно мне порыться в твоих вещах? Ты не будешь возражать?

Майк понял, что на вопрос, заданный в такой форме, ответа он не получит. Мемо смотрела на него, ожидая.

— Ты мне даешь разрешение? — прошептал он.

«Да».

Сундук Мемо стоял в углу, и всем детям когда-то строго-настрого запретили совать в него нос. Вещи, которые там лежали, были самыми дорогими для бабушки, и мама Майка хранила их так бережно, будто когда-нибудь ее мать сможет воспользоваться ими сама.

Майк рылся в сундуке до тех пор, пока не добрался до связки писем, большинство из которых были написаны дедушкой во время его разъездов по штату.

— Это здесь, Мемо?

«Нет».

Ниже лежала коробка с фотографиями, в основном выполненными еще в технике сепии. Майк поднял всю коробку, чтобы показать бабушке.

«Да».

Он стал быстро перебирать фотографии, прислушиваясь к тому, что делалось наверху. Теперь мама закончила убирать у девочек и вновь перешла в его комнату. Предполагалось, что сам он отдыхает, пока комната проветривается и мама меняет постельное белье.

В коробке было не меньше сотни фотографий: овальные портреты родственников и совсем незнакомых людей, юношеские фотографии дедушки, когда он был высоким, стройным и сильным, — дедушка перед своим «пирс-эрроу», дедушка, гордо позирующий перед табачной лавкой в Оук-Хилле, которой он владел недолго и весьма несчастливо, дедушка и Мемо на Всемирной выставке в Чикаго, семейные фотографии, снимки, сделанные на пикниках и во время праздников, в минуты досуга на веранде, снимок ребенка в белом платьице, мирно спящего на шелковой подушке. Майк с некоторым даже страхом понял, что это брат отца, умерший в младенчестве. Снимок был сделан после его смерти — что за ужасный обычай!

Майк стал действовать быстрее. Фотографии Мемо в более старшем возрасте, дедушка во время прогулки в парке накидывает подковы на гвозди, Майк, когда был ребенком, девочки, улыбающиеся в камеру, еще фотографии... еще... еще...

И тут Майк буквально задохнулся. Он выронил все фотографии, и в руке у него осталась только одна, заключенная в рамку, которую он неизвестно почему держал в вытянутой руке, будто боялся, что она была отравлена. Солдат гордо смотрел перед собой. Тот же самый мундир цвета хаки, те же штуки на ногах — как их там назвал Дуэйн? — та же широкополая шляпа, патронташ... Это был тот же самый солдат. Только здесь его лицо не казалось вылепленным из воска, а было вполне человеческим: маленькие глазки, прищурившись, смотрели в камеру, тонкогубая улыбка, остатки темных волос, топорщащиеся за ушами, вялый подбородок, сильно выступающий вперед нос. Майк перевернул

фотографию. Великолепным бабушкиным почерком было написано: «Уильям Кэмпбелл Филлипс. 9 ноября 1917».

Майк поднял фотографию.

«Да».

— Это оно? Это и вправду он?

«Да».

— В сундуке есть еще что-нибудь, Мемо? Что-нибудь, что могло бы рассказать мне о нем?

Майк был почти уверен, что больше ничего нет. Он вообще хотел покончить с этим побыстрее, пока не пришла мама.

«Да».

Что же еще? Ничего, кроме твердого, в кожаном переплете блокнота. Он взял его в руки и открыл на первой попавшейся странице. Снова бабушкин почерк. Дата: «Январь 1919 года».

— Дневник! — выдохнул он.

«Да. Да».

Мемо надолго закрыла глаза.

Майк захлопнул крышку сундука, сунул дневник и фотографию под мышку, быстро подошел к кровати и прижался щекой к губам бабушки. Сухое дыхание, едва заметное, срывалось с ее губ.

Он мягко погладил ее волосы, спрятал дневник и фото под рубашку и отправился на кушетку отдыхать.

Харлен выяснил, что словечко «потрошитель», возможно, означало, что вам придется прижать револьвер прямо к потрохам намеченной жертвы, чтобы ее поразить. Эта маленькая штука ни во что не попадала.

Он ушел далеко в сад, расположенный между их домом и домом Конгденов, подыскал дерево, которое вполне могло служить мишенью, отмерил от него двадцать шагов, поднял здоровую руку, стараясь держать ее прямо и твердо, и нажал на спусковой крючок.

Ничего не произошло. Вернее, боек поднялся и упал назад. Нет ли на этой проклятой штуке чего-нибудь вроде предохранителя?.. Вроде нет, вообще никаких приспособлений, кроме того, которое поворачивает цилиндры. Спустить курок оказалось труднее, чем он ожидал. К тому же чертова повязка мешала ему удерживать равновесие.

Он чуть пригнулся и с помощью большого пальца поднял боек так, чтобы тот щелкнул. Перехватив револьвер поудобнее, Харлен прицелился в дерево. И зачем только сделана такая маленькая мушка на стволе? Он снова спустил курок.

Звук выстрела чуть не заставил его выронить оружие. Это был действительно маленький револьвер. Джим ожидал, что звук и отдача будут примерно такими же, как от пистолета двадцать второго калибра, из которого Конгден иногда позволял ему пострелять. Ничего подобного!

От громкого «крак» зазвенело в ушах. Вдоль всей Пятой авеню залаяли собаки. Ноздри зашевелил запах порохового дыма, хоть и не слишком похожий на запах фейерверка, который Харлен устроил всего неделю назад. Запястье ощутило тяжесть отдачи. Мальчик пошел посмотреть, куда попала пуля.

Никуда она не попала. Он даже не задел дерево. Восемнадцать дюймов в диаметре — и он промазал! В этот раз Харлен отошел на пятнадцать шагов, прицелился тщательнее, боек поднял повыше, задержал дыхание и спустил курок.

Револьвер загрохотал и подпрыгнул в ладони. Собаки зашлись в лае. Харлен подбежал к дереву, ожидая увидеть дыру величиной с кулак. Ничего. Он оглядел землю вокруг, будто пуля могла уйти туда.

— Черт возьми, — тихо выругался он.

Теперь, отойдя на коротенькие десять шагов, он снова тщательно прицелился и выстрелил. В этот раз, как обнаружилось, он задел кору с правой стороны, примерно на четыре фута выше того места, куда целился. И это с каких-то десяти шагов! Собаки просто взбесились, и где-то за деревьями хлопнула дверь. Харлен направился на запад, к узкоколейке, подальше от города, к давно заброшенным зерновым элеваторам и масложировому заводу. Там, к западу от дороги, стояла рощица и рос густой кустарник. К тому же насыпь можно использовать как заградительный вал. Сначала он об этом не подумал и теперь с холодным ужасом размышлял о том, что было бы, улети пуля на пастбище и попади она в одну из коров. Хорошенький подарочек был бы кому-то!

Надежно спрятавшись в густом кустарнике примерно в полумиле к югу от свалки, Харлен перезарядил револьвер, отыскал несколько бутылок и банок, чтобы установить их в качестве мишеней напротив поросшей сорняком насыпи, и начал практиковаться.

Его стрельба ни черта не стоила. Нет, револьвер стрелял... У Харлена уже болело запястье и заложило уши... но пули не хотели ложиться туда, куда он их посылал. В кино это выглядело так легко, когда Хью О'Брайан в роли Уайетта Эрпа¹ разил всех врагов наповал с расстояния в шестьдесят футов. Любимым героем Харлена был техасский ковбой Хоби Гилман в фильме «Слежка» в исполнении Роберта Калпа. У Хоби был отличный пистолет, и Харлен с удовольствием смотрел бы этот фильм хоть каждый вечер.

Может, дело в том, что у этого револьвера короткий ствол? Как бы то ни было, Харлен обнаружил, что попасть возможно только с расстояния футов десять и только с третьего-четвертого выстрела. С бойком он стал справляться получше и выяснил, что следует нажимать на спуск до упора, тогда боек сам поднимется и упадет когда надо. Джим уже было наловчился так делать, но сил и времени на это потребовалось много, что, впрочем, только подогрело его азарт.

«Ну, если мне понадобится кого-нибудь застрелить из этой штуки, то сначала придется попросить его постоять, чтобы не промахнуться».

Харлен израсходовал двенадцать пуль и как раз заряжал следующие шесть, когда услышал позади себя шорох. Он круто обернулся, приподняв револьвер, но затвор не был закрыт, и все патроны, кроме первых двух, выпали на траву.

Из-за деревьев выступила Корди. В руках она несла двустволку, которая была почти с нее ростом, но с переломленными в казеннике стволами, как носят охотники. Девочка внимательно смотрела на Харлена своими маленькими свинячьими глазами.

«Господи, — подумал мальчик, — я и забыл, какая она уродина».

Лицо Корди напомнило ему плохо пропеченный пирог, в который кто-то вставил глазки, узкие губы и нос картошкой. Волосы топорщились за ушами, а на глаза падали противными сальными прядями. На ней было то самое мешковатое платье, которое Харлен помнил по школе, только теперь оно было еще бо-

¹ *Уайетт Эрп* (1845–1929) — один из героев освоения Дикого Запада, страж порядка, неоднократно преступавший закон, персонаж множества фильмов *Хью О'Брайан* (1925–2016) — играл главную роль в телесериале «Жизнь и легенда Уайетта Эрпа» (1955–1961)

лее грязным; серые, когда-то бывшие белыми, носки, стоптанные башмаки. Маленькие острые зубы были почти такого же цвета, что и носки.

— Ну, Корди, — сказал Харлен, опуская револьвер и стараясь, чтобы его голос звучал естественно, — что случилось?

Она продолжала молча смотреть на него. Под этими прядями даже не было видно, открыты ли вообще у нее глаза. Наконец Корди сделала к нему несколько шагов.

— Ты выронил патроны, — произнесла она тем монотонным, безразличным голосом, который так удачно передразнивал сам Харлен, вызывая смех товарищей.

Он выдавил улыбку и присел, чтобы подобрать патроны. Но нашел только два.

— Один за твоей левой ногой, — подсказала девочка, — а другой под ней.

Харлен отыскал патроны, сунул в карман, защелкнул барабан и сунул револьвер за пояс джинсов.

— Приглядывай за ним получше, — протянула Корди, — а то как бы тебе не отстрелить свою сосиску.

Харлен почувствовал, как кровь бросилась ему в голову, поправил повязку на руке и нахмурился:

— Какого дьявола тебе тут надо?

Она пожала плечами и переложила тяжелую винтовку с одной руки на другую.

— Просто интересно было посмотреть, кто тут пуляет. Подумала, что, может, Си-Джей обзавелся новой пукалкой.

Харлен вспомнил рассказ Дейла Стюарта о его столкновении с Конгденом.

— Потому ты и ходишь с этой пушкой? — спросил он со всем отпущенным ему сарказмом.

— Не-а, я не боюсь Си-Джея. Мне надо не спускать глаз с кое-кого другого.

— С кого это, другого?

Корди еще больше сощурила глаза:

— С Руна, этого куска дерьма. С Ван Сайка. Это они уволокли Табби.

— Ты думаешь, они похитили его?

Девочка бесстрастно отвернулась, глянула на солнце, затем перевела взгляд на насыпь.

- Никто его не похитил. Они пришли его.
- Убили? — Харден почувствовал, как сжались его внутренности. — С чего ты взяла?

Она пожала плечами и оперлась двустволкой о пень. Ее руки казались двумя бледными тонкими трубками. Наклонив голову, Корди принялась ковырять ранку на запястье.

- Я видала его.

Харлен даже задохнулся:

- Ты видела тело своего брата? Где?
- В окно.

«Лицо в окне. Нет, это была старуха... Миссис Дагган».

- Выдумываешь, — сказал он.

Корди подняла на него глаза цвета застоявшейся воды:

- Ничего не выдумываю.
- Ты видела его из окна? Твоего дома?
- А из какого еще окна я могла его видеть, чудило?

Харлену сразу захотелось стукнуть нахалку, но он взглянул на ружье в ее руках и воздержался.

- А почему вы не вызвали полицию?
- Да он же не торчит там все время. И у нас телефона нет, чтобы звонить.

- Не торчит все время?

День был ужасно жарким. Солнца не было видно. Футболка Харлена была насквозь мокрой от пота, и рука под повязкой чесалась как сумасшедшая. Но сейчас он почувствовал, что весь дрожит.

Корди приблизилась к нему на шаг, так чтобы можно было говорить шепотом:

- Он не объявляется, потому что все время околачивается здесь. То он заглядывал ко мне в окно, то торчал под домом. Ну там, где обычно ползают собаки. Только сейчас они туда не суются.

- Но ты сказала, что его...

— Да, его кокнули, — подтвердила свои слова Корди. — Сначала я думала, что его просто уволокли, но когда увидела его, то поняла, что он мертвяк. — Она подошла поближе и посмотрела на ряд бутылок и банок. Только на двух банках были следы от пуль, и ни на одной из бутылок. — Мать, она тоже его видала, только она думает, что это привидение. Думает, ему охота вернуться домой.

— А ему охота?

Харлен с удивлением услышал, что говорит хриплым шепотом.

— Еще чего! — Корди теперь в упор смотрела на него из-под нависших прядей волос. От нее пахло, как от старого, давно не стиранного полотенца. — Это не настоящий Табби. Табби умер. А это его тело, которое они как-то используют. Он хочет уволочь и меня. Из-за того, что я сделала с Руном.

— А что ты сделала с доктором Руном? — спросил Харлен.

Револьвер охлаждал ему живот. В открытых стволах ружья он заметил два поблескивающих медных кружочка. Эта Корди таскается повсюду с заряженным ружьем. К тому же она психопатка. Интересно, успеет ли он выхватить револьвер, если она прицелится в него из своей двустволки.

— Я стреляла в него. — Корди произнесла это тем же монотонным голосом, каким говорила всегда. — Только не убила. Жалко, что промахнулась.

— Ты стреляла в доктора Руна? Нашего директора?

— Ну. — Внезапно она потянулась, ухватила за его футболку и вытащила из-за пояса револьвер. Харлен от удивления даже не успел остановить ее. — Черт возьми, откуда ты взял эту малявку? — Она поднесла револьвер так близко к лицу, что казалось, она его обнюхивает.

— Мой отец... — кое-как выдавил Харлен.

— У моего дядьки есть такой же. Но он ни хрена не стоит, если расстояние больше двадцати футов или вроде того, — сказала она, все еще держа двустволку на согнутой в локте левой руке. Затем резко повернулась на месте и прицелилась в ряд бутылок. — Капут, — усмехнулась Корди и протянула ему револьвер, держа вперед рукояткой. — Я не шутила насчет того, что нельзя носить оружие в штанах, — продолжила она. — Мой дядька, тот и вправду чуть не отстрелил себе сосиску, когда пьяный сунул револьвер за пояс и не поставил на предохранитель. Держи его в заднем кармане штанов, а футболку вытащи наружу.

Харлен так и сделал. Револьвер сразу показался большим и неуклюжим, но к этому можно было привыкнуть. Чувствовалось, что носить его именно так и надо.

— А с чего ты стреляла в доктора Руна?

— Несколько дней назад, — ответила она. — На следующий день после той ночи, когда за мной явился Табби. Я поняла, что это Рун его науськивает.

— Я спросил не когда, — пояснил Харлен, — а почему.

Корди покачала головой, будто он был самым тупым созданием на свете.

— Да потому, что он убил моего брата и теперь натравливает его на меня, — терпеливо стала разъяснять она. — Что-то странное происходит этим летом. И мать поняла это. И отец. Но ему-то чихать на все.

— Ты не убила его? — спросил Харлен.

Лес внезапно притих и стоял рядом с ними, подобно молчаливому и зловещему живому существу.

— Убила кого?

— Руна.

— Если бы. — Она вздохнула. — Я была слишком далеко. Пули только поцарапали дверцу его старого «плимута» да чуть саданули этого гада по руке. Может, я и попала ему в задницу, но точно не знаю.

— А где?

— В руку и задницу, — повторила она, теряя терпение.

— Нет, я имею в виду, где ты стреляла в него? В городе?

Корди опустилась на насыпь. Между раздвинутыми коленями виднелись трусы. Харлен в жизни бы не подумал, что, увидев девчачьи трусы — причем не отдельно, а прямо на девчонке, — он будет смотреть на них без всякого интереса. Но он действительно остался совершенно равнодушен к открывшейся картине. Трусы Корди были такими же грязно-серыми, как ее носки.

— Если бы я стреляла в него в городе, наверное, была бы уже в тюрьме, а?

Харлен кивнул.

— Не. Я стреляла в него, когда он поехал на масложировой завод. Как раз стал вылезать из своей чертовой машины. Надо было бы подобраться ближе, но между нами было футов сорок открытого пространства. После выстрела он так и подпрыгнул... Поэтому я и думаю, что попала ему в зад. И я видела, что подкладка его костюма разорвалась... А потом он вскочил в этот чертов грузовик и удрал с Ван Сайком. Похоже, они засекли меня.

— Какой грузовик? — спросил Харлен, хотя он уже знал какой.

— Сам знаешь, — вздохнула Корди. — Проклятый труповоз.

Она схватила Харлена за запястье и с силой потянула вниз. Он опустился рядом с ней на колени. Где-то в лесу послышался стук дятла. По Каттон-роуд, примерно в четверти мили от них, проехала машина. Грузовик, как показалось Харлену.

— Слушай, — сказала Корди, все еще держа его за руку. — Не нужно очень много мозгов на то, чтобы понять, что ты засек чего-то в Старой школе. Потому-то ты и сверзился тогда. А может, и потом видел чего-то еще.

Харлен замотал головой, но она не обратила на это внимания.

— Они убили твоего дружка, — продолжала Корди, — Дуэйна. Не знаю, как они это сделали, но это точно они. — Она чуть отвернулась, и на ее лице появилось странно отрешенное выражение. — Смехота, но мы с Дуэйном еще в детский сад вместе ходили. Но никогда не разговаривали. Мне всегда казалось, что он по-настоящему хороший. Вечно о чем-то думал, но меня это не злило. Мне даже хотелось, чтоб мы с ним ушли куда-нибудь, и долго бродили, и говорили бы обо всем... — Тут ее глаза снова обрели фокус, и она глянула на свою руку, все еще сжимавшую запястье Харлена. Рука разжалась. — Слушай, ты ведь здесь не потому, что хотел подышать воздухом. Ты чего-то боишься. И я знаю чего.

Харлен глубоко вздохнул:

— Ладно. — Его голос все еще звучал хрипло. — Что нам со всем этим делать?

Корди Кук кивнула, будто подошло время.

— Нам нужно найти твоих дружков, — сказала она. — Всех тех, кто видал чего-нибудь. Мы соберем всех вместе и выследим Руна и остальных. И живых, и мертвяков. Всех тех, кто охотится за нами.

— И что тогда? — Харлен наклонился к ней так близко, что мог разглядеть светлые волоски у нее над губой.

— Тогда мы убьем живых, — сказала Корди и улыбнулась, обнажив свои серые зубы. — Убьем живых, а мертвых... ладно, что-нибудь придумаем. — Неожиданно она наклонилась и положила руку Харлену на джинсы, прямо на это место. И сжала пальцы.

Он даже подпрыгнул. Ни одна девочка никогда этого не делала. А сейчас, когда Корди вдруг это сделала, он всерьез подумал, не выстрелить ли в нее, чтобы она убралась.

— Хочешь вынуть? — Голос ее звучал пародией на обольстительный шепот. — Хочешь, мы оба разденемся? Здесь никого нет. Харлен облизнул губы.

— Не сейчас, — выдавил он из себя. — Может, позже.

Корди вздохнула, пожала плечами, поднялась на ноги и перекинула через руку винтовку. Затем щелкнула затвором.

— Лады. Что скажешь, если мы пойдем в город к твоим приятелям и обо всем поговорим?

— Сейчас?

«Убьем живых», — эхом пронеслось в голове у Харлена. Он вспомнил добрые глаза Барни и подумал о том, какими глазами тот станет на него смотреть, защелкивая наручники и арестовывая за стрельбу в директора, сторожа и бог знает в кого еще.

— Ясно, сейчас, — сказала Корди. — Какой толк выжидать? До темноты еще уйма времени. А потом они снова могут прийти.

— Ладно, пошли, — услышал Харлен свой голос.

Он встал, отряхнул джинсы от пыли, поправил в заднем кармане отцовский револьвер и зашагал по железнодорожной насыпи следом за Корди.

Глава 24

Майку нужно было пойти на кладбище. Но так как ни за что на свете он не решился бы отправиться туда один, то он попытался убедить мать в том, что им следует отнести цветы на могилу дедушке. Как раз на следующий день у отца начиналась неделя работы в ночную смену, поэтому воскресенье было вполне подходящим для подобного мероприятия.

Майк чувствовал себя подонком, читая дневник Мемо и пряча его под одеяло каждый раз, когда мама заглядывала в комнату. Но это же была бабушкина идея, не так ли?

Тетрадь оказалась толстым, переплетенным в кожу блокнотом и была заполнена ежедневными бабушкиными записями почти за три года: с декабря тысяча девятьсот шестнадцатого по конец тысяча девятьсот девятнадцатого года. Они и подсказали Майку то, что он хотел узнать.

На фотографии было написано «Уильям Кэмпбелл Филлипс», и это имя упоминалось с лета шестнадцатого года. Очевидно, этот Филлипс был одноклассником Мемо... Скорее даже ее школьным вздыхателем. Майк даже прервал чтение — так трудно было представить бабушку школьницей.

Филлипс закончил школу в том же, тысяча девятьсот четвертом году, что и бабушка. Но она уехала учиться в Школу бизнеса в Чикаго, где, как знал по семейным преданиям Майк, однажды и встретила дедушку в кафе-автомате на Мэдисон-стрит, а Уильям Кэмпбелл Филлипс, очевидно, поступил в расположенный через дорогу Джубили-колледж и стал учиться на преподавателя. Потом, насколько Майк понял из каллиграфических записей бабушки, он работал учителем в Старой центральной школе. В то

время, в тысяча девятьсот десятом году, Мемо вернулась из Чикаго, причем уже женой и матерью.

Но, согласно осторожным заметкам в дневнике за тысяча девятьсот шестнадцатый год, Филлипс не прекратил демонстрировать знаки своего внимания. Несколько раз он с различными подарками заглядывал домой к бабушке, причем именно тогда, когда дедушка был занят работой на элеваторе. Судя по всему, он посылал ей и письма, хотя в дневнике не упоминалось их содержание, но Майк догадался об этом. Мемо сожгла их.

Одна запись просто поразила Майка.

29 июля 1917 года.

Сегодня встретила этого гнусного мистера Филлипса, когда ходила на базар с Катриной и Элоизой. Я помню Уильяма Кэмпбелла спокойным и добрым мальчиком. Он мало говорил и только наблюдал мир темными, глубокими глазами, но теперь он очень изменился. Катрина подтвердила это. Матери говорили директору о жестоком характере мистера Филлипса. Он сечет детей даже за самые малые провинности. Ужасно рада, что маленький Джон еще несколько лет не будет у него учиться.

Обращение этого джентльмена еще более разочаровывающее. Сегодня он настоял на том, чтобы вступить со мной в беседу, несмотря на явное мое нежелание. Я уже давно объявила мистеру Филлипсу, что никакие светские контакты между нами невозможны, до тех пор пока он будет вести себя неподобающим образом. Мои слова не возымели успеха.

Райан полагает все это шуткой. Видимо, многие в городе еще считают Уильяма Кэмпбелла маменькиным сынком, не представляющим ни для кого угрозы. Разумеется, я никогда не читала Райану писем, которые сожгла.

Майк наткнулся еще на одну интересную запись, сделанную в том же году.

27 октября

Как только люди немного отдохнули от тяжелой летней страды, все разговоры обратились на мистера Филлипса, школьного учителя, зачисленного в действующую армию.

Сначала это посчитали шуткой джентльмена, которому почти тридцать лет, но вчера он вернулся из Пеории в дом своей матери уже облаченным в мундир. Катрина говорит, что он выглядит в нем неплохо, но она также добавила, что есть слух, будто этот

человек пошел в армию потому, что ему грозило увольнение. С тех пор как родители мальчика Каттона обратились в школьный совет с жалобой на применение преподавателем силы — Томми Каттон из-за него несколько дней пролежал в больнице в Оук-Хилле, хоть мистер Филлипс и утверждает, что тот просто упал с лестницы, — стали жаловаться и многие другие родители.

В общем, какова бы ни была причина, он сделал достойный выбор. Райан говорит, что он сам, не раздумывая, поступил бы на службу, если бы не Джон, Катрина и Райан-младший.

Потом ему встретилась запись от 9 ноября 1917 года.

Сегодня сюда приходил мистер Филлипс. Я не могу писать о том, что последовало во время этого визита, но всегда буду благодарна тому мороженщику, который заглянул к нам через несколько минут после прибытия учителя. В противном случае...

Он утверждает, что вернется за мной. Этот человек невежа, он не чтит ни те клятвы, которые я дала пред алтарем, ни то, что я мать троих маленьких детей.

Все говорят о том, как он хорошо выглядит в мундире. Я этого не нашла: слишком патетично, всего лишь мальчишка в мешковатой форме.

Надеюсь, что он никогда не вернется.

Последнее упоминание об этом человеке Майк обнаружил в записи от 27 апреля 1918 года.

Весь город собрался на похороны мистера Уильяма Кэмпбелла Филлипса. Я не смогла пойти из-за головной боли.

Райан говорит, что армейское командование намеревалось похоронить его на американском кладбище во Франции вместе с другими павшими в боях. Но его мать настояла на том, чтобы тело перевезли в Америку и похоронили дома.

Его последнее письмо пришло ко мне уже после его смерти. Я совершила ошибку, прочитав его, но сделала это, думаю, не из сентиментальных побуждений. Он писал, когда лежал во французском госпитале, еще не зная, что инфлюэнца довершит то, что начала немецкая пуля. В письме он писал, что за время пребывания в окопах его решение только окрепло и ничто не остановит его и не помешает вернуться и получить меня. Это его слово: «получить».

Но что-то все-таки остановило его.

Моя головная боль сегодня была просто невыносима. Мне нужно отдохнуть. Я больше никогда не упомяну об этом несчастном одержимце.

Могила дедушки находилась в самом начале Страстного кладбища, слева от калитки и примерно в трех рядах от нее. Здесь покоились все О'Рурки и Рейли, и еще оставалось место и для родителей Майка, и для него самого, и для сестер. Именно там все они когда-нибудь обретут вечный покой.

Они положили на могилу цветы и молча помолились. Потом, когда остальные стали приводить в порядок могилу и выпалывать сорняки, Майк быстро прошел по рядам.

Ему не нужно было читать надписи на надгробиях, ибо многие из них были хорошо известны, хотя главным подспорьем служили крошечные флажки, которые скауты установили на могилах ветеранов в День памяти. Теперь флажки уже поблекли, цвета полиняли от затяжных дождей и яростного солнца, но большинство остались в целости и по-прежнему отмечали могилы солдат, а их здесь лежало много.

Могила Филлипса располагалась в противоположном конце кладбища. Надпись гласила: «Уильям Кэмпбелл Филлипс. 9 августа 1888 — 3 марта 1918. Он погиб ради того, чтобы жила демократия».

Земля на могиле была странно разворочена, будто кто-то недавно здесь все раскопал, а потом в бешенстве раскидал землю. Поблизости виднелось несколько концентрических окружностей, примерно восемнадцати дюймов в диаметре, где разрыхленная земля, казалось, углубляется внутрь.

Родители Майка окликнули его уже со стоянки у заднего забора. Он бегом кинулся к ним.

Отец Кавано был рад видеть Майка.

— Майкл, Расти совершенно неправильно произносит латинские фразы, даже когда читает их по книге, — пожаловался священник. — Угощайся, бери еще пирожное.

Аппетит еще не вернулся к Майку, но лакомство он все-таки взял.

— Мне нужна помощь, отец Кавано, — произнес он между двумя кусочками. — Ваша помощь.

— Пожалуйста, Майкл, — сказал его собеседник. — Все, что угодно.

Майк набрал в грудь побольше воздуха и начал рассказывать свою историю. Сделать это он решил еще в дни своей болезни,

однако сейчас, начав говорить, сам почувствовал, как странно звучит его рассказ. Но продолжал говорить.

Когда Майк закончил, повисло молчание. Отец Кавано внимательно смотрел на него из-под насупленных бровей. На щеках у него явственно проступала щетина.

— Майкл, ты это серьезно? Не дурачишься, а?

Майк изумленно воззрился на священника.

— Нет. Вижу, что нет. — Отец Кавано глубоко вздохнул. — Итак, ты полагаешь, что видел призрак этого солдата...

— Нет, — энергично заговорил Майк, — нет, я не думаю, что *это* было привидением. Я видел, как под ним прогибалась сетка на окне. Это было... что-то из твердой плоти.

Отец Кавано кивнул, все еще не спуская внимательных глаз с Майка.

— Но это едва ли могло быть неким Уильямом Кэмпбеллом... как его?

— Филлипс.

— Уильямом Кэмпбеллом Филлипсом. Едва ли это мог быть он спустя сорок два года после... то есть мы говорим либо о призраке, либо о каком-то бесплотном видении. Правильно?

Теперь пришла очередь Майка кивать.

— И что ты хочешь, чтобы я сделал, Майкл?

— Обряд экзорцизма, отец. Я читал об этом и...

Священник молча покачал головой. Затем заговорил:

— Майкл, Майкл... Экзорцизм — это обряд из Средневековья, своего рода народное колдовство с целью изгнания дьявола. В те времена каждый считал, что все болезни — от насморка до самых тяжелых, таких как чума, — и несчастья посылают демоны или дьявол. Ты же не думаешь, что это... видение, которое явилось тебе во время болезни, от дьявола, не так ли?

Майк не стал уточнять, когда именно он видел призрак Солдата.

— Не знаю, — честно признался он. — Я только знаю, что он приходит за Мемо, и думаю, что вы можете нам помочь. Вы пойдете со мной на Страстное кладбище?

Отец Кавано нахмурился:

— Кладбище — это святая земля, Майкл. И я не так уж много могу сделать там, кроме того, что уже сделано. Усопшие там покоятся в мире.

— Но экзорцизм...

— Экзорцизм означает изгнание дьявола из тела или из места, которым он овладел, — прервал его священник. — Ты же не предполагаешь, что дух этого солдата обитает в теле твоей бабушки или в вашем доме, не так ли?

Майк заколебался:

— Нет, но...

— И экзорцизм используется против демонических сил, а не против призраков. Тебе известно, что мы молимся за мертвых, да, Майкл? И мы не разделяем языческих верований первобытных племен в то, что души усопших — это злые духи... и их следует избегать.

Майк снова сконфуженно покачал головой.

— Но вы все-таки сходите со мной на кладбище, отец? — Майк чувствовал, что это очень важно, хоть и сам не знал почему.

— Конечно. Можем поехать прямо сейчас.

Майк бросил взгляд в сторону окна. Пока они сидели в доме священника, стало уже почти темно.

— Нет, лучше завтра, отец.

— Завтра я должен уехать сразу после ранней мессы, чтобы встретиться с одним своим другом-иезуитом в Пеории, — ответил священник. — И вернусь довольно поздно. А во вторник и среду мне нужно быть в соборе Святой Марии. Это дело может подождать до четверга?

Майк задумчиво пожевал губу.

— Тогда давайте поедем сейчас, — решительно сказал он. — Вы могли бы взять с собой что-нибудь?

Отец Кавано на минуту застыл на месте с ветровкой в руках:

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, знаете, например распятие. Или, еще лучше, гостию, которая лежит в алтаре. На всякий случай что-нибудь в этом роде.

Священник покачал головой:

— Смерть твоего друга на тебя плохо подействовала, да, Майкл? Мы что, снимаемся в фильме о вампирах? Ты ожидаешь, что я вынесу тело Господа нашего с алтаря ради забавы?

— Тогда немного святой воды.

Майкл вынул из кармана джинсов припасенную пластмассовую бутылочку:

— Я захватил с собой вот это.

— Хорошо, — вздохнул священник. — Ты позаботишься о нашей экипировке, а я пока выведу из гаража папамобиль. Нужно поторопиться, если мы хотим успеть до того, как вампиры восстанут из могил.

Он хмыкнул, но Майк уже не слышал его. Выскочив за дверь, мальчик во весь дух мчался к костелу Святого Малахия.

В субботу мама Дейла вызвала к нему доктора Вискеса. Беженец из Венгрии торопливо осмотрел мальчика, обратил внимание на постукивание зубов и другие симптомы нервного срыва, подсадовал, что он не «сиккиатор детям», видимо имея в виду «детского психиатра», прописал теплый бульон и никаких комиксов или страшных фильмов перед сном и отбыл, бормоча что-то себе под нос.

Мама Дейла ужасно расстроилась, тут же попросила друзей найти адрес «сиккиатора детям» в Пеории, дважды позвонила мужу в Чикаго.

Дейл постарался успокоить ее.

— Мне так жаль, мама, — сказал он, сев в кровати и при этом стараясь унять дрожь и тщательно контролируя свой голос. Днем это ему лучше удавалось. — Я всегда боялся нашего подвала. А когда свет потух и до меня дотронулся под водой этот дохлый кот... ну, я и...

Он постарался выглядеть расстроенным и смущенным, а также вполне здоровым. Последнее было особенно трудно.

Мама принесла ему столько бульона, что в нем можно было бы утопить не одного кота.

Зашел провести Кевин, но ему сказали, что Дейлу нужно отдохнуть.

Лоренс, который только что вернулся от друзей, подождал, пока мама вышла из комнаты, и прошептал:

— Ты и вправду видел там что-то, а, Дейл?

Тот на минуту заколебался. Он привык по справедливости делиться с братом всем, но не такими секретами.

— Ага, — все-таки кивнул он.

— Что это было? — шепотом спросил Лоренс, придвигаясь к нему ближе, но все-таки стараясь держаться подальше от своей кровати. Темное пространство под ней пугало мальчика даже днем.

— Табби Кук, — также шепотом ответил Дейл, чувствуя, как при этих словах ужас охватывает все его тело, подобно тошноте. — Он был... мертвый. Но с открытыми глазами.

Едва произнеся эти слова, Дейл порадовался, что не был столь откровенным с мамой или мистером Грумбахером. А то сидеть бы ему сейчас в психушке.

Лоренс только кивнул. Дейлу даже стало страшно, оттого что брат поверил ему сразу и безоговорочно.

— Возможно, оно не вернется сегодня ночью, — сказал Лоренс в порядке утешения. — Мы попросим маму оставить лампу включенной.

Дейл глубоко вздохнул. Хотел бы он, чтобы все решалось так просто, как думал Лоренс: включить свет — и все.

В ночь на воскресенье они не выключали лампу. И спали по очереди... Неся свою вахту и читая комикс, Дейл краем глаза следил за темными углами. Один раз, часов около трех, под кроватью Лоренса раздался слабый шорох — такой тихий, будто это проснулся и потянулся котенок... Дейл быстро сел и схватил теннисную ракетку, которую взял с собой в постель.

Однако шорох не повторился. Ближе к рассвету, когда небо посветлело настолько, что на его фоне стал отчетливо различим каждый листик на деревьях, Дейл наконец позволил себе провалиться в сон.

В восемь утра мама, как обычно, пришла, чтобы разбудить их — пора было собираться в церковь, — но мальчики выглядели такими усталыми и измученными, что она отправила их обратно в постель.

Вечером в воскресенье, после ужина — в тот же час, когда Майк О'Рурк ехал по Джубили-Колледж-роуд на кладбище с отцом Кавано, — Дейл с братом играли во дворе в мяч, пользуясь последними лучами солнца. Неожиданно они услышали тихое «ку-ка-ре-ку».

Перед домом стояли Джим Харлен и Корди Кук. Вид этой парочки поразил Дейла — они казались совершенно не подходящими друг другу. На самом деле их никогда не видели даже просто разговаривающими друг с другом в классе. Он готов был расхохотаться, но при виде выражения лица Харлена, потемневшего гипса на его руке и двустволки, висящей на локте у Корди, смех застрял в горле.

— Господи, — еле выговорил Лоренс, показывая на ружье, — ты схлопочешь крупные неприятности, если будешь таскать это с собой.

— Закрой пасть, — бесстрастным голосом посоветовала Корди.

Лоренс тут же переменялся в лице, сжал кулаки и шагнул к ней, но Дейл успел помешать ему и приобнял брата, молча призывая его к молчанию и выдержке.

— Ну, чего вам? — спросил он пришедших.

— Что-то происходит, — шепнул Харлен и тут же замолчал и нахмурился при виде подходившего к ним со своего двора Кевина Грумбахера.

Кев глянул на Корди, подчеркнуто внимательно осмотрел ружье, поднял брови чуть ли не до уровня челки и скрестил руки в ожидании.

— Кев один из нас, — пояснил Дейл.

— Что-то происходит, — повторил Харлен. — Пошли к О'Рурку, там поговорим.

Дейл кивнул и пропустил вперед брата, взглядом приказывая тому помолчать и не заводитьсь. Они вывели велосипеды, Кев отправился за своим. Но поскольку Корди была без своего транспорта, то все четверо мальчишек шли пешком, ведя велосипеды сбоку. Дейл мысленно торопил их, пока не появился кто-нибудь из взрослых и, увидев в руках этой ненормальной ружье, не шуганул их домой.

Машин не было. Депо-стрит представляла собой пустынный туннель, чуть светлевший к западу. Третья и Вторая авеню просматривались до самой Хард-роуд, и машин на них тоже не было. Улицы были по-воскресному пустынные. Сквозь листву еще виднелся догорающий закат, но под вязами почти стемнело. Кукуруза, стеной встававшая с восточной стороны Депо-стрит, поднималась выше головы и казалась сплошной темно-зеленой стеной, полностью поглощавшей солнечный свет.

Майк не отозвался на их кукареканье, хотя его велосипед стоял здесь же, прислоненный к порогу. В доме зажгли свет, и ребята видели, как мистер О'Рурк в рабочем комбинезоне уселся в машину и вырулил со двора. Из-под персикового дерева они проследили, как он поехал по Первой авеню в направлении Хард-роуд.

Тихо пошептавшись, вся пятерка отправилась в курятник дожидаться Майка.

Сидя рядом с отцом Кавано в его папамобиле, Майк испытывал то великолепное чувство, которое можно было бы назвать «Вот погодите, я все расскажу моему старшему брату». Это чувство было незнакомо ему, поскольку старшего брата у него никогда не было и никто не защищал его от школьных хулиганов, не выручал из всяких разборок — скорее это ему приходилось всегда и везде защищать младших. И как это было отлично — отдать решение проблемы в надежные руки.

Страх Майка показаться дураком в глазах отца Кавано уравновешивался — и даже больше того — страхом за Мемо, а также ужасом перед той силой, что посылала Солдата по ночам к ее окну. Когда они свернули на Шестое окружное и проехали мимо темного и пустого в воскресный вечер бара «Под черным деревом», Майк непроизвольно прикоснулся к пластмассовой бутылочке в кармане брюк.

В долине между холмами уже стусилась тень, лес стоял черный, листва с обеих сторон дороги была непроницаемо густой и покрылась толстым слоем пыли. Майку оставалось только радоваться, что сейчас он не сидит в тайнике под дорогой. На открытом склоне холма было все-таки лучше: солнце садилось, перистые облака отливали коралловыми и розовыми оттенками. На гранитных памятниках играли теплые отблески вечернего солнца. Станных теней не было.

Отец Кавано чуть помедлил у черных ворот, когда они тихо закрылись за машиной. Он указал на позеленевшую от времени бронзовую статую Христа, стоявшую в дальнем конце кладбища.

— Видишь, Майкл, это место, где все покоятся в мире. Он охраняет покой мертвых так же, как хранит покой живых.

Майк кивнул, хоть в ту же минуту его пронзила мысль о Дуэйнне Макбрайде, который был совсем один на своей ферме, когда ему пришлось встретиться с тем кошмаром, который был ему уготован. «Но Дуэйн все-таки не был католиком, — пронеслось у него в голове, но он тут же сам себе возразил: — Это ничего не значит».

— Сюда, отец, — подсказал он священнику.

Они прошли между рядами могил. Подул легкий ветерок, зашуршали листья деревьев, росших вдоль линии забора, и затрепетали маленькие американские флажки на могилах ветеранов. Могила Уильяма Кэмпбелла Филлипса пребывала в прежнем со-

стоянии: вся земля вокруг была вскопана, будто здесь кто-то орудовал лопатой.

Отец Кавано в задумчивости потер подбородок:

— Тебя беспокоит состояние могилы, Майкл?

— Ну... да.

— Ничего особенного, — сказал священник. — Случается, что старые могилы оседают, и тогда нужно подсыпать землю. Видишь, тут уже проклюнулись свежие побеги: скоро все зарастет травой, и недели через две от раскопок и следа не останется.

Майк прикусил ноготь.

— За могилами здесь следит Карл Ван Сайк, — тихо проговорил он.

— Да?

— Могли бы вы благословить эту могилу, отец? — спросил Майк.

Отец Кавано слегка нахмурился:

— Произвести обряд экзорцизма, Майкл? — Он улыбнулся. — Боюсь, что это не так легко, мой друг. Лишь немногие из священников обладают правом производить обряд экзорцизма. Это уже полузабытый ритуал. И слава Богу... В любом случае требуется особое разрешение — либо от епископа, либо от самого папы.

Майк пожал плечами.

— Ну просто благословите, — попросил он снова.

Священник вздохнул. Налетевший опять ветер теперь казался гораздо холоднее, словно предвещал бурю. Стемнело, и краски мира постепенно угасли: камни на всех могилах стали одинаково серыми, травяной ковер побледнел, линия деревьев у горизонта казалась почти черной. Даже облака утратили кораллово-розовый оттенок. В восточной стороне неба зажглась одинокая звезда.

— Думаю, наше благословение опоздало для бедного солдата, — вздохнул отец Кавано.

Майк потянулся было за бутылкой со святой водой, но увидел, что священник уже поднял правую руку, сложив пальцы для благословения в жесте, который самому Майку казался наиболее могущественным из всех жестов в мире.

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа, — произнес отец Кавано. — Аминь.

С некоторой долей поспешности Майк протянул ему бутылочку. Отец Кавано улыбнулся и покачал было головой, но по-

том окропил могилу несколькими каплями воды и снова перекрестил ее. С некоторым опозданием Майк повторил его жест.

— Ты удовлетворен? — спросил его отец Кавано.

Майк напряженно смотрел на могилу. Никаких стонов из-под земли. Никаких струек дыма из тех мест, куда упали капли святой воды. Он подумал, а не идиот ли, собственно, он.

Они медленно двинулись к воротам кладбища — туда, где стояла машина, и священник начал рассказывать мальчику о некоторых погребальных обрядах разных времен.

— Отец!

Майк замер на месте и испуганно схватился за рукав ветровки священника, указывая в другую сторону.

До ограды кладбища оставалось всего несколько рядов могил. Кусты вечнозеленых растений с толстыми, мощными сучьями и колючими иглами, типа можжевельника, темнели футах в пятнадцать от них. Они казались такими же старыми, как самые ранние из могил, примерно начала века. Три дерева образовали почти правильный треугольник, между ними темнела маленькая полянка.

В самой гуще кустов стоял Солдат. Последний отсвет сумерек освещал его широкополую шляпу, медную портупею, грязновато-серые обмотки.

Что-то внутри Майка даже воспарило от радости, хоть сердце испуганно забилося. Он настоящий! Отец Кавано видит его! Он настоящий!

Священник действительно видел это. Его тело напряглось, потом расслабилось, и он наклонился к Майку. Чуть улыбнувшись, он произнес шепотом:

— Конечно, Майкл. Мне следовало бы догадаться, что если кто и станет подшучивать над такими вещами, то не ты.

Солдат стоял не двигаясь. Лицо скрывалось в тени полей шляпы.

Отец Кавано, отстранив рукой Майка, пытавшегося его удержать, сделал три шага навстречу Солдату.

Мальчик застыл на месте.

— Сын мой, — проговорил священник. — Подойди ко мне. — Его голос звучал негромко, увещающе, будто он звал спуститься с дерева непослушного котенка. — Подойди ко мне, и мы побеседуем.

Никакого движения в тени деревьев. Солдат казался высеченным из камня серым монументом.

— Сын мой, давай побеседуем, — повторил отец Кавано.

Он сделал еще два шага вперед и был теперь примерно в пяти футах от молчаливой фигуры.

— Отец, — встревоженно позвал Майк.

Отец Кавано оглянулся через плечо и улыбнулся:

— В какую бы игру они ни играли сейчас, Майкл, думаю, что мы можем...

И в это самое мгновение Солдат не то что прыгнул, а скорее каким-то жутким образом катапультировался из кустов. Звук, с которым он бросился на священника, напомнил Майку ту бешеную собаку, с которой Мемо сражалась несколько лет назад.

Отец Кавано был примерно на фут выше Солдата, но фигура в хаки ударила его в грудь, а потом руками и ногами обвила тело священника, подобно тому как большая кошка обхватывает ствол дерева. Оба упали и покатались. Священник был слишком ошеломлен, чтобы издать какие-нибудь звуки, кроме кряхтения, а из груди Солдата вырывалось лишь рычание. Они катились по скошенной траве, пока не оказались прижатыми к одному из старых камней. Солдат оседлал священника и длинными пальцами сжал его горло.

Глаза отца Кавано вылезли из орбит, рот широко раскрылся, и из него наконец вырвался крик. Нет, скорее не крик, а сдавленное хрипение. Шляпа Солдата все еще держалась на его голове, но поля взметнулись кверху, и теперь Майк отчетливо видел бледно-восковое лицо и глаза, похожие на мраморные шарики. Рот Солдата был распахнут и зиял подобно дыре, вырубленной в глине, а внутри этой дыры Майк разглядел зубы — целый круг коротких белых клыков внутри беззубого отверстия пасти.

— Майкл! — прохрипел отец Кавано.

Видно было, как он изо всех сил сопротивляется длинным пальцам Солдата, сжимающим его горло. Священник корчился и извивался, но небольшая фигурка плотно оседлала его грудную клетку, колени в хаки словно впились в траву.

— Майкл! — послышался новый хрип.

Майк очнулся, одним прыжком одолел те десять футов, которые отделяли его от борющихся, и стал молотить обеими руками по узкой спине Солдата. Но это не было похоже на удары по человеческой плоти — казалось, что он борется с мешком, наполнен-

ным кишашими червями. Спина корчилась и извивалась под тканью мундира. Майк стукнул Солдата по голове, сбив с него шляпу. Макушка была совершенно безволосой, противного бело-розового цвета. Мальчик еще раз ударил по этой лысине.

Солдат высвободил одну руку, оторвав ее от горла отца Кавано, и наотмашь двинул Майка. Футболка на мальчике лопнула, и он, пролетев несколько футов, упал в заросли можжевельника.

Майк перекатился на живот, вскочил на ноги и с треском рванул огромный сук с ближайшего дерева.

Солдат наклонялся все ниже к шее и груди священника. Щеки его стали раздуваться, будто рот был набит табачной жвачкой и теперь она лезла наружу. Сам рот странно удлинился, будто зубы внезапно выросли из десен.

Отец Кавано высвободил левую руку и кулаком ударил Солдата в лицо. Майк увидел, как на щеке и брови у того появились вмятины от удара, будто кулак рассерженного скульптора оставил след в мягкой глине. Но всего лишь через секунду эти вмятины затянулись, и лицо Солдата вновь приняло прежнюю форму, глаза вернулись на место и уставились на священника.

Пасть чудовища вытягивалась прямо на глазах у Майка, становилась похожей на вылепленную из плоти воронку. Отец Кавано закричал. Непристойный хобот был теперь пяти дюймов в длину, потом вырос до восьми, он почти касался горла отца Кавано.

Майк бросился вперед, крепко уперся ногами в землю, так, будто принимал стойку на ринге, и, сильно размахнувшись, треснул своей палкой Солдата по черепу. Гулкий звук удара разнесся по кладбищу.

На мгновение Майку показалось, что он снес твари голову. Череп и челюсть Солдата согнулись под невозможным углом и, повиснув на длинной нити шеи, упали на плечо. У любого существа позвоночник непременно бы сломался от такого наклона.

Белые глаза бешено завертелись, болтаясь, как комочки белой глины, и сфокусировались на Майке. Левая рука Солдата быстрее змеи рванулась вперед, схватила сук и вырвала его из руки мальчика. Толстая ветка, не меньше трех дюймов толщиной, хрустнула, как спичка.

Голова Солдата выровнялась, к ней вернулась прежняя форма, пасть стала расти быстрее, все больше приближаясь к телу священника.

— Боже мой! — выкрикнул отец Кавано.

Крик завершился странно захлебывающимся звуком. Солдата вырвало прямо на священника. Майк отшатнулся, его глаза в ужасе расширились, и он увидел, что поток, извергшийся из вытянувшейся пасти, представлял собой коричневую массу кишаших и копошащихся червей.

Они сыпались на лицо отца Кавано, на его грудь, шею. Они ползли по закрытым векам священника, забирались под расстегнутый воротник рубашки. Некоторые из них упали прямо в его распахнутый рот.

Отец Кавано захлебывался и извивался, пытаясь выплюнуть на траву живую массу, увернуться от нового потока. Но Солдат склонялся все ниже, лицо его продолжало удлиняться, теперь горло священника сжимали нечеловечески длинные пальцы. Сцена походила на отвратительную карикатуру, изображающую настойчивого любовника, который любой ценой хочет сорвать долгожданный поцелуй. Черви извергались из кошмарной воронки рта.

Майк шагнул вперед и замер. Сердце остановилось от ужаса, когда он увидел, как черви, извивавшиеся на груди отца Кавано, впиваются прямо в его плоть и скрываются внутри. Они проникали и сквозь кожу щек и напряженной шеи.

Майк закричал, потянулся за сломанным суком и вспомнил вдруг про пластмассовую бутылочку в кармане.

Он схватил Солдата за воротник, почувствовав пальцами грубую шерсть и тягучую, колышущуюся субстанцию под ней, и выплеснул воду из бутылки прямо на спину этого существа, не ожидая, что результат будет большим, чем в момент благословения могилы.

Но случившееся превысило все его ожидания.

Спина при попадании на нее святой воды зашипела, как закипает с шипением кислота, попадая на мясо. В ткани появились дыры, как будто ее прошила пулеметная очередь. Солдат издал звук, подобный тому, какой вырывается из пасти большого зверя, попавшего в кипяток, — скорее рычание и бульканье, чем визг, — спина его неправдоподобно изогнулась, затылок восковой головы коснулся ботинок. Бескостные руки скрючились, как щупальца, и замотали воздух, пальцы удлинились дюймов до десяти и сделались острыми, как лезвия.

Майк отпрыгнул назад и выплеснул остаток содержимого бутылки прямо в лицо чудовищу.

В воздухе запахло серой, мундир Солдата охватило зеленое пламя, и он покатился прочь со скоростью, невообразимой для человеческого тела. Отец Кавано, освобожденный от давившей на него тяжести, лежал без сил. Тело его сотрясала рвота.

Майк шагнул вперед, понял, что запаса святой воды у него больше нет, и остановился футах в пяти перед зарослями можжевельника. Солдат замер, уткнувшись лицом в землю, а потом, согнув пальцы, начал быстро зарываться в глубину. Он скользил сквозь мертвый дерн, и сухие иглы так же легко, как черви, проникали в плоть отца Кавано.

Уже через двадцать секунд Солдат полностью исчез из виду. Майк подошел ближе и увидел на том месте в земле свежий туннель, из которого несло вонью разложившегося мяса. Прямо на его глазах туннель стал затягиваться, съеживаться и вскоре превратился еще в одно углубление в земле. Мальчик повернулся к отцу Кавано.

Священник с трудом поднялся на колени и бессильно прислонился головой к могильному камню. Приступы рвоты повторялись снова и снова, несмотря на то что желудок явно опустел. На теле уже не видно было червей, остались только кроваво-красные отметки на щеках и груди. Отец Кавано рванул рубашку, чтобы убедиться в их отсутствии. Хватая ртом воздух, он беспрерывно шептал молитву:

— О Иисус, Иисус, Иисус...

Майк перевел дух, подошел поближе и обнял священника за плечи.

Отец Кавано рыдал. Он позволил Майку помочь ему подняться на ноги, и они, шатаясь, побрели к воротам.

Уже совсем стемнело. Автомобиль казался темной тенью у черной ограды кладбища. Слабый ветер шуршал листьями деревьев и колосьями, а Майку чудилось, что эти звуки издают твари, ползущие по траве позади него, роющие туннель под землей, по которой они шли.

Он пытался поторопить отца Кавано и с трудом подавлял в себе отвращение, поднимающееся при каждом прикосновении к телу священника. Майк воображал, как черно-коричневые чер-

ви, кишащие под кожей его спутника, переползают на него, но не мог оставить отца Кавано в одиночестве. Тот еле переставлял ноги.

Они достигли ворот, машина стояла рядом. Мальчик подтолкнул отца Кавано к сиденью водителя, быстро обежал кругом машины, уселся сам и, перегнувшись, захлопнул дверцы с обеих сторон. Отец Кавано оставил ключ зажигания в машине, и Майк повернул его. Двигатель заработал, Майк тут же включил фары, осветив ближайшие могильные камни и купы деревьев. Высокое распятие в дальней стороне кладбища осталось в тени.

Священник что-то пробормотал.

— Что? — переспросил Майк, прерывисто дыша.

Эти темные тени вправду ползут по кладбищу или ему только кажется? Трудно было сказать.

— Ты... Тебе придется... самому вести машину, — выдохнул отец Кавано и обмяк на сиденье, навалившись на Майка.

Мальчик досчитал до трех, распахнул дверцу, стремглав обежал машину и шмыгнул на сиденье водителя, отодвинув тело стонущего священника. Он быстро захлопнул за собой дверцу. Что-то действительно двигалось вдоль стены сторожки.

Майку доводилось несколько раз вести отцовскую машину, да и отец Кавано несколько раз позволял ему садиться за руль папамобиля, когда они отправлялись с пасторскими визитами. Майк едва мог разглядеть дорогу поверх высокого приборного щитка и капота «линкольна», но ноги твердо стояли на педалях. Слава богу, в машине была установлена автоматическая коробка передач.

Майк снова включил зажигание, дал задний ход и выехал на Шестое окружное шоссе, чуть не скатившись в противоположную канаву, быстро остановился и... нечаянно заглушил мотор. Но машина довольно легко завелась снова.

«Тени среди могильных плит... Они ползут к ограде!»

Майк газанул, позади машины струя гравия хлестнула футов на тридцать, когда он преодолевал крутой подъем холма, затем на высокой скорости машина миновала пещеру, бар «Под черным деревом», черную стену леса. Майк чуть было не проехал поворот на Джубили-Колледж-роуд и снизил обороты, заметив, что мчится уже мимо водонапорной башни со скоростью семьдесят восемь миль в час.

Он почти полз по темным улицам городка, уверенный, что сейчас Барни или кто-нибудь еще увидит и остановит его, и почти желая этого. Отец Кавано молча полулежал на сиденье, сотрясаясь от дрожи.

Майк выключил мотор и чуть не разрыдался от облегчения, когда остановился у круга света рядом с домом священника. Выйдя из машины, он помог выбраться отцу Кавано.

Священник был смертельно бледен, его трясло как в лихорадке, глаза закатились под трепещущими веками. Отметины на груди и щеках походили на шрамы от стригущего лишая. В свете фонаря они казались багровыми.

Майк забарабанил в дверь, молясь, чтобы миссис Маккафферти, экономка отца Кавано, не ушла домой. На крыльце вспыхнул свет, и невысокая женщина выступила вперед. Ее лицо покраснелось, видимо, от жара плиты — на ней все еще был передник.

— Боже милостивый, — всплеснула она руками. — Ради бога, что?..

Она бросила на Майка вопросительно-укоризненный взгляд, как будто мальчик был виновен в несчастье со священником.

— Он заболел, — все, что смог сказать Майк.

Миссис Маккафферти бросила еще один взгляд на отца Кавано, кивнула и помогла Майку втащить того по лестнице и довести до спальни. Майку показалось странным, что леди помогает священнику раздеться, но потом он сообразил, что миссис Маккафферти относится к отцу Кавано как к сыну.

Когда наконец священник был уложен в постель и укрыт чистыми простынями, он продолжал стонать, лицо покрывал пот. Миссис Маккафферти уже успела измерить ему температуру и протереть его лицо влажным полотенцем.

— Что это за следы? — спросила она, чуть не касаясь пальцем багровых окружностей.

Майк только пожал плечами, не решаясь заговорить. Когда она вышла из комнаты, он тут же метнулся к зеркалу и распахнул на груди рубашку, чтобы убедиться, что на нем нет таких же следов.

«Они зарывались прямо в тело отца Кавано!»

Возбуждение, вызванное притоком адреналина, угасло, и теперь Майк ощущал только тошноту и сильное головокружение.

— Я позвоню доктору, — объявила, входя в комнату, миссис Маккафферти. — Но не этому Вискесу, а доктору Стеффни.

Майк кивнул. Доктор Стеффни не практиковал в Элм-Хейвене: он работал в качестве хирурга-ортопеда в больнице Святого Франциска в Пеории. Но он был католиком. Майк видел его несколько раз в год во время мессы, а миссис Маккафферти, конечно, не собиралась доверять своего господина доктору-протестанту.

— Ты останешься здесь, — приказным тоном сказала она, — и расскажешь доктору, что именно произошло.

«Черви вгрызались прямо в тело...»

Но Майк покачал головой. Он и сам бы хотел остаться, но было уже темно, а отцу нужно уходить на работу в ночь. Мемо останется дома одна, не считая мамы и девочек. Он снова сделал отрицательный жест.

Миссис Маккафферти стала было укорять мальчика, но тот молча прикоснулся на прощание к руке отца Кавано — холодной и липкой на ощупь — и на ватных ногах сбежал вниз по лестнице.

Майк пробежал уже почти половину квартала, когда кое о чем вспомнил. Задыхаясь, с рвущимися наружу рыданиями, он повернул назад к дому священника, пробежал мимо него и юркнул в дверь бокового входа. Схватив с полки чистый льняной алтарный покров, он направился в мрак алтаря.

Внутри храма было тепло и тихо, пахло ладаном, красноватые огоньки свечей бросали отсветы на висевшие по стенам иконы, изображавшие крестный путь Спасителя. Майк набрал в пластмассовую бутылочку святой воды из купели, стоявшей у входа, преклонил колени и, поднявшись, снова подошел к алтарю.

Опустившись на колени, он постоял минуту, сердцем понимая, что то, что он собирается делать, — смертный грех. Ему не позволялось прикоснуться к гостии, даже если она падала во время причащения и он не успевал подхватить ее маленьким медным блюдом. Только отец Кавано, рукоположенный в сан священника, мог коснуться евхаристии, представлявшей частичку тела Господня.

Майк про себя произнес слова покаянной молитвы, поднялся по ступенькам и снял освященную евхаристию с ее места наверху алтаря. Затем он снова преклонил колени, произнес короткую молитву, обернул гостию в чистое покрывало и положил в карман.

Весь путь до дома Майк проделал бегом.

Уже у двери Майк услышал тихое движение вне дома, около курятника. Мальчик замер, сердце было готово выпрыгнуть из груди, но виду он не подал. Медленно вытащив из кармана бутылочку, он отвинтил крышку и высоко поднял сосуд со святой водой.

В темноте послышались тихие звуки.

— Выходи, проклятый, — прошептал Майк, делая шаг в ту сторону. — Выходи, раз ты явился.

— Эй, О'Рурк, — послышался тихий голос Джима Харлена. — Где тебя носило?

Вспыхнуло пламя зажигалки и осветило лица Харлена, Кева, Дейла, Лоренса и Корди Кук. Даже непредвиденное появление девочки не могло удивить Майка. Он шагнул к двери сарая.

Пламя вспыхнуло и погасло. Глаза Майка постепенно привыкали к темноте.

— Ты даже не согласишься, что у нас произошло. — Голос Дейла звучал напряженно.

Майк улыбнулся, зная, что в темноте никто не увидит его улыбки.

— А ты попробуй Расскажи, — шепотом сказал он.

Глава 25

Утром мальчики отправились на ферму Дуэйна Макбрайда. Вся четверка ехала на велосипедах, и это обстоятельство заставляло ребят сильно нервничать. Стратегический выход из создавшегося положения предложил Майк: в случае появления грузовика половина из них должна спешно укрыться в поле с левой стороны дороги, а вторая половина — с правой. Веское возражение, разумеется, выдвинул не кто иной, как Харлен, который заметил, что именно в поле и погиб Дуэйн.

— Им не стоило никакого труда схватить его в поле, — напомнил он.

Но других, лучших предложений ни у кого не нашлось.

Сама идея отправиться на ферму Дуэйна принадлежала Дейлу. Прошлой ночью они проговорили в курятнике почти час, и каждый из ребят откровенно рассказал свою историю. Предварительно они уговорились, что никто не станет ничего скрывать, если только дело касается тех странных событий, которые происходят этим летом. Каждый рассказ был еще более загадочным, чем предыдущий, но никто ни над кем не подтрунивал и не обзывал психом. Последним рассказывал Майк.

— О'кей-хоккей, — подытожила все услышанное Корди. — Теперь мы слышали обо всем, что случилось. Какие-то гады уколошили моего брата и вашего друга, а теперь пытаются пришить остальных. Чего нам делать?

Ответом на этот вопрос послужило общее невнятное бормотание.

— А почему вы решили ничего не рассказывать взрослым? — послышался голос Кевина.

— Но я рассказал! — возразил Дейл. — Я рассказал твоему папе о том, что видел что-то в подвале.

— И он нашел там дохлого кота.

— Ну да, только я-то видел совсем другое...

— Мы тебе верим, — успокоил его Кевин, — но почему ты не рассказал ему и своей маме, что там был Табби Кук? Его тело то есть. Извини, Корди.

— Я тоже видала его, — пожала она плечами.

— Итак, почему вы ничего не рассказали взрослым? — Теперь Кевин обратился к Харлену. — Вот ты, Джим. Почему ты не предъявил Барни и доктору Стеффни доказательства твоих слов?

Харлен заколебался:

— Я подумал, они примут меня за психа и отправят куда подальше. Когда я сказал, что это был кто-то посторонний, они восприняли мои слова серьезно.

— Ну да, — сказал Дейл. — Вот смотри, я запаниковал тогда в подвале — и мама уже готова отправить меня к детскому психиатру в Оук-Хилл. А что бы она сделала, скажи я...

— Я рассказала матери, — тихо произнесла Корди.

В помещении повисло настороженное молчание. Все ждали продолжения.

— Она поверила мне, — снова заговорила Корди. — Конечно, к тому же на следующую ночь она и сама увидела, как Табби-мертвяк бродил по нашему двору.

— И что она сделала? — заинтересованно спросил Майк.

Корди пожала плечами:

— А что она могла сделать? Она рассказала старику, но он только двинул ей по башке и велел заткнуться. Теперь она держит малышей взаперти и каждый вечер запирает дверь на засов. Что еще она может сделать? Ей кажется, что это дух Табби стремится вернуться домой. Мать ведь выросла на юге и по уши напичкана историями черномазых про жмуриков.

При слове «черномазых» Дейла покорило. Минуту все молчали. Наконец заговорил Харлен:

— Слушай, О'Рурк, вот ты рассказал кому-то. Видишь, что хорошего из этого вышло.

Майк вздохнул:

— По крайней мере, отец Кавано знает, что происходит что-то странное.

— Да, знает, если он еще не помер от этих червяков, что у него внутри, — возразил Харлен.

— Перестань. — Майк принялся мерить шагами маленький курятник. — Я понимаю, что вы, ребята, имеете в виду. Отец поверил мне, когда я сказал, что какой-то парень торчит под нашими окнами. Но если бы я сказал, что это старый знакомый Мемо приходит за ней с кладбища, то он бы точно решил, что я рехнулся. Он бы ни за что не поверил.

— Нам нужны доказательства, — подал голос Лоренс.

Из темноты на него уставились несколько пар внимательных глаз. Лоренс, самый младший, молчал все время, с тех пор как рассказал историю о том, как какое-то существо выскочило из кладовки и метнулось к нему под кровать.

— Итак, что нам известно? — заговорил Кевин тоном профессора.

— Нам известно, что ты зануда, — передразнил его Харлен.

— Слушай, помолчи, он ведь прав, — оборвал его Майк. — Давайте думать вместе. Против кого мы сражаемся?

— Против твоего Солдата, — сказал Дейл. — Если только ты не убил его своей святой водой.

— Святой водой... — с сомнением в голосе повторил Майк. — Не, он не умер... я имею в виду, не разрушился... Это точно. Он где-нибудь здесь.

Майк встал и, подойдя к окну, с тревогой взглянул на свой дом.

— Все нормально, — успокоил его Дейл. — Твоя мать и сестры не спят — они присмотрят за бабушкой.

Майк кивнул.

— Значит, Солдат, — сказал он, будто начиная составлять список.

— Рун, — подала голос Корди. — Этот зас-с-сранец.

— А мы уверены, что он замешан в этом? — подал голос Харлен.

В сумраке курятника кушетка, на которой он валялся, даже не была видна.

— Ну, — произнесла Корди таким тоном, что всем стало ясно, что и говорить тут не о чем.

— Значит, Солдат и Рун, — кивнул Майк. — Кто еще?

— Ван Сайк, — сказал Дейл. — Дуэйн был уверен, что именно Ван Сайк пытался переехать его на дороге.

— Может быть, это он и прикончил его? Но уже дома, — заметил Харлен.

У Дейла непроизвольно вырвался приглушенный стон.

— Итак, Рун, Солдат, Ван Сайк, — сказал Майк.

— Двойная Задница и миссис Дагган, — слышался напряженный, сдавленный голос Харлена.

— Дагган примерно то же, что и Табби, — сказал Кевин. — Может, их просто используют. Нам ничего не известно о миссис Даббет.

— Я видел их, — огрызнулся Харлен. — Вместе.

Майк снова принялся мерить шагами курятник:

— Хорошо. Двойная Задница либо одна из этих, либо с ними заодно.

— Какая разница? — спросил Кевин из дальнего угла.

— Помолчи, — оборвал его Майк, все еще продолжая рассказывать взад и вперед. — Мы записали Солдата, Руна, Ван Сайка, труп Дагган, миссис Даббет... кого еще мы забыли?

— Теренса, — сказала Корди. Ее голос звучал так тихо, что мальчики его едва расслышали.

— Кого? — раздалось сразу несколько голосов.

— Теренс Малреди Кук, — повторила она. — Табби.

— А, да, — сказал Майк. И он еще раз перечислил все имена, добавив в список Табби. — Теперь их шестеро. Кто еще?

— Конгден, — сказал Дейл.

Майк перестал ходить.

— Кто именно? Си-Джей или Джей-Пи?

Дейл пожал плечами:

— Наверное, оба.

— Не думаю, — сказал Харлен. — По крайней мере, не Си-Джей: он слишком глуп для этого. Его отец, правда, вечно шлялся с Ван Сайком, но не думаю, что он в этом участвует.

— Мы все-таки внесем Джея-Пи в список, — решил Майк, — по крайней мере, пока все не выясним поточнее. Ладно, теперь их восемь. Некоторые из них живые люди. Другие...

— Мертвые, — закончил за него Дейл. — Трупы, которых они как-то используют.

— О господи, — выдохнул Харлен.

— Что?

— Что, если они и Дуэйна Макбрайда начнут использовать как Табби? Что, если его труп будет заглядывать по ночам к нам в окна?

— Не будет, — замотал головой Дейл. Волнение сдавило его горло, и он едва мог говорить. — Его отец кремировал тело.

— Ты точно знаешь? — спросил Кевин.

— Точно.

Майк вышел в середину комнатки и присел на корточки.

— Итак, что мы должны делать? — тихо спросил он.

Первым прервал молчание Дейл:

— Мне кажется, что Дуэйн наметил какой-то путь. Об этом он и хотел поговорить с нами в то воскресенье.

Харлен прочистил горло:

— Но он ничего...

— Ну да, — кивнул Дейл. — Он ничего не успел нам сказать. Но вы же помните, как Дуэйн любил всегда все записывать.

Майк прищелкнул пальцами:

— Его записи! Но как бы нам добраться до них?

— Пошли сейчас, — сказала Корди. — Еще нет и десяти.

Сразу раздался хор возражающих голосов. Никто не мог идти прямо сейчас. Некоторые из причин были весьма убедительны: Майку нужно остаться с Мемо; мать Харлена просто сдерет с него шкуру, если он уйдет из дому, заставив ее волноваться; Кевину вообще нельзя выходить после комендантского часа, установленного его мамой; а Дейл все еще на положении тяжелобольного. Но никто из ребят не упомянул истинной причины. На самом деле причина заключалась в том, что было уже совершенно темно.

— Заячьи душонки, — пробормотала Корди.

— Мы отправимся завтра рано утром, — предложил Дейл. — Самое позднее в восемь часов.

— Все вместе? — спросил Харлен.

— Почему бы нет. Они, наверное, дважды подумают, прежде чем решатся напасть на нас, когда мы все вместе. Помните, что случилось с Дуэйном.

— Ага, — протянул Харлен. — А может, наоборот, они только и ждут, как бы разом расправиться со всеми нами.

Майк жестом прекратил дебаты:

— Утром мы пойдем все вместе. Но в дом пойдет кто-то один. Остальные останутся в засаде и придут на помощь, если будет нужно.

Корди откашлялась и сплюнула на деревянный пол.

— Есть еще одно дело, — заговорила она.

— Что еще?

— Я хочу сказать, еще кое-что. Для начала одно.

— Какого хрена ты нас пугаешь, Корди? — возмутился Харлен.

Девочка чуть изменила положение, продолжая сидеть в том колченогом кресле, но теперь стволы ее ружья смотрели прямо в сторону Харлена.

— Не пачкай меня своим поганым языком, — сказала она, обращаясь прямо к нему. — Я говорю, что я видала еще кое-чего. Чего-то, что в нашем дворе ползало по земле.

— И Солдат исчез в земле, — кивнул Майк.

— Не. Это было гораздо больше... больше человеческого роста... навроде змеи или еще чего.

Ребята обменялись взглядами. В курятнике было почти совсем темно.

— Под землей? — спросил Харлен.

— Ага.

— Дыры... — начал Дейл, ни к кому в отдельности не обращаясь. От мысли, что есть что-то, чего они еще не видели, его даже затошнило.

— Может быть, это то самое, что уползло под мою кровать? — предположил Лоренс.

Дейл слушал беседу как будто со стороны, будто голоса доносились откуда-то издалека. Ему даже казалось, что он стал свидетелем разговоров в сумасшедшем доме, причем сам он тоже из числа его обитателей.

— Решено, — сказал Майк. — Встречаемся завтра в восемь и отправляемся к Дуэйну на ферму, посмотреть, не осталось ли после него записей, которые могли бы нам помочь.

Никто не хотел идти домой в темноте в одиночку. Ребята старались как можно дольше держаться все вместе. Но постепенно кучка таяла, когда каждый из них бегом бросался к приветливому свету над своим порогом. В конце концов на темной пустынной дороге осталась одна Корди Кук.

Майк изо всех сил нажимал на педали, чтобы не отстать от ребят. Хотя было еще очень рано, но солнце уже всюду светило с безоблачного неба, было очень жарко, и над гравием дороги поднималось жаркое марево. Майк ужасно устал.

Большую часть ночи он просидел с Мемо, сменив на этом посту маму. Он обрызгал святой водой раму окна, хотя и не знал толком, может ли это помочь. Интересно, а святая вода продолжает действовать и после того, как испарится? Во всяком случае, никаких посещений этой ночью не было, и только один раз Майк в испуге проснулся, услышав под домом тихое поскрипывание. Но это вполне могли скрипеть рассыхающиеся доски пола. Хор кузнециков и цикад звучал очень громко и не затихал ни на минуту, а Майк помнил ту тишину, которая вдруг наступила, перед тем как в окне появился Солдат.

Майк разнес газеты вовремя, непрерывно зевая после почти бессонной ночи. Затем поспешил в дом священника проведать отца Кавано перед мессой.

Но мессы в тот день не намечалось. Миссис Маккафферти велела мальчику говорить потише и вывела его из кухни на веранду. Священнику очень плохо. Доктор Стеффни рекомендовал строгий постельный режим и госпитализацию, если отцу Кавано не станет лучше до вторника. Экономка также сказала, что в среду служить мессу придет отец Динмен, помощник пастора из храма Святого Бонавентуры, и попросила Майка оповестить об этом прихожан. Майк попытался было настоять на том, что ему необходимо повидать отца Кавано, но миссис Маккафферти оставалась непреклонной. Возможно, она разрешит ему зайти вечером, если священнику станет лучше.

Майк сообщил о болезни священника прихожанам и потом ненадолго зашел в храм, чтобы пополнить запас святой воды. В этот раз он прихватил с собой целую фляжку и опорожнил почти всю купель. Затем он отправился на встречу с Дейлом и остальными ребятами.

У него были сомнения относительно того, стоит ли ехать на ферму Макбрайдов, в первую очередь потому, что дорога туда проходила мимо кладбища. Но яркий солнечный свет и присутствие друзей делали отказ невозможным. Кроме того, Дейл мог оказаться прав и Дуэйн действительно оставил записи, способные пролить свет на весь этот кошмар.

Ребята спешили, спрятали велосипеды в гуще стеблей кукурузы у самого начала подъездной дороги и дальше пошли пешком. Дом казался темным и необитаемым. Машины мистера Макбрайда на стоянке не было, сарай с комбайном и другими сельскохозяйственными машинами стоял запертый и опечатанный. Ребята видели на двери тяжелый замок и цепь.

— Думаю, что его нет дома, — прошептал Харлен.

Велосипедный пробег и короткий переход через поле отняли у мальчика много сил, и теперь его побледневшее лицо было покрыто потом. Каждую минуту он теребил тяжелую повязку на руке. Стало еще жарче, зной раскаленным одеялом накрывал все вокруг.

— Не уверен, — возразил Майк. — Позволь я посмотрю в бинокль? — обратился он к Кевину, который захватил с собой отцовскую оптику.

— Дай-ка попить, — хрипло сказал Харлен и потянулся к фляжке, висевшей у Майка на плече.

Майк отвел его руку:

— У Лоренса есть бутылка с водой. Попроси у него.

— Жадина, — обиделся Харлен и повернулся к Лоренсу.

Тот помотал было головой, но потом достал из рюкзака и протянул Джиму бутылку.

— Ничего не вижу. — Майк протянул бинокль Дейлу. — Но мы должны вести себя так, как будто он здесь.

Дейл отпил глоток воды из бутылки, протянутой ему Харленом. Прополоскав рот и сплюнув на сухую землю, он снова глянул на дом:

— Я пойду туда.

— Пойдем вместе, — возразил Майк.

— Нет. Имеет смысл идти мне одному. Но если возникнут трудности, то вы, ребята, помогите.

— Я помогу, — шепнул Харлен и достал маленький револьвер.

— Боже, — прошептал Дейл. — Он настоящий?

— Ух ты! — восторженно ахнул его брат, наклоняясь поближе.

— О черт! — выдохнул Кевин. — Поверни-ка его лучше в другую сторону.

— Убери, — равнодушно велел Майк.

— Проглоти и умри. — Харлен отложил револьвер и обратился к Дейлу: — Представь, настоящий. Нам всем не мешало бы обзавестись такими. Та сторона играет по-серьезному. Думаю...

— Об этом попозже, — оборвал его Майк. И протянул биннокль обратно Кевину. — Отправляйся, Дейл. Мы будем насто-
роже.

До дома предстояло преодолеть долгие двадцать ярдов. На стоянке, которую теперь отчетливо видел Дейл, пикапа мистера Макбрайда не было. Тем не менее мальчика не оставляло чувство, что кто-то за ним следит. Он постучал в заднюю дверь, как делал много раз, приходя навестить Дуэйна. Он был почти готов к тому, что сейчас из гаража послышится лай Виттгенштейна, затем появится он сам, учуяв знакомый запах и смущенно повиливая хвостом. А потом и Дуэйн выйдет из дому, как всегда подтягивая вельветовые брюки и поправляя на носу очки.

Никто не ответил. Но дверь не была заперта. Дейл секунду поколебался, затем открыл ее и вошел внутрь, на всякий случай оставив за собой щелку.

В кухне было темно, но не холодно: солнце прогрело маленькое помещение. Воздух был спертым, и в кухне витал запах заплесневевших объедков. В раковине высилась гора немытой посуды, на подоконнике валялись какие-то куски. Стол был заставлен грязными тарелками.

Как мог неслышно Дейл двинулся через комнату, стараясь идти на носках. В доме было тихо, и он казался пустым. Уверенность Дейла в том, что здесь никого нет, крепла с каждым шагом. Он чуть помедлил, чтобы заглянуть в столовую, прежде чем спуститься в подвал, где обитал Дуэйн.

В кресле около верстака был виден темный силуэт. В руках он держал какой-то предмет. Дейл увидел, что на него направлено дуло винтовки.

Мальчик застыл на месте, все еще стоя на цыпочках. Его сердце на миг замерло, потом вдруг забилось с удвоенной силой, затем снова замерло.

— Чего ты хочешь, мальчик?

Это был голос мистера Макбрайда. Медленный, глухой, странно безжизненный, но определенно его голос.

— Извините, — выдавил из себя Дейл, чувствуя, что теперь сердце колотится у него в горле. — Я думал, вас нет дома. То есть я хочу сказать, что стучал...

По мере того как его глаза привыкали к темноте, он стал видеть более отчетливо. На мистере Макбрайде была нижняя ру-

башка и темные рабочие брюки. Плечи его опустились, будто их придавила огромная тяжесть. И на полу, и на верстаке валялись бутылки. Винтовка в его руках оказалась пневматическим ружьем, и дуло не сдвинулось в сторону ни на дюйм.

— Чего ты хочешь, мальчик?

Варианты возможных ответов Дейл заготовил еще загодя.

— Я хотел посмотреть, не оставил ли Дуэйн блокнот.

— Зачем он тебе?

Дейл почувствовал ужасную боль в грудной клетке, когда сердце снова начало биться с огромной силой. Он хотел было поднять руки вверх, как делали в кино, но боялся пошевелиться.

— Мне кажется, что Дуэйн знал кое-что, что могло бы помочь нам узнать, кто же его убил, — ухитрился он сказать.

— Кому нам? — спросила тень.

— Остальным ребятам. Его друзьям, — пояснил Дейл.

Теперь он видел лицо мистера Макбрайда. Оно было ужасным, много хуже, чем тогда, когда Дейл вместе с семьей привозил ему продукты. Серая щетина превратила отца Дуэйна в столетнего старика, а щеки и нос были красными от лопнувших капилляров. Глаза глубоко запали и почти скрылись в складках кожи. Дейл чувствовал тяжелый запах пота, смешанный с запахом виски.

— Ты думаешь, что кто-то убил моего Дуэйна? — Эти слова он произнес с вызовом, по-прежнему направляя дуло прямо в лицо Дейлу.

— Да, — ответил мальчик.

Колени дрожали, ему казалось, что еще миг — и он рухнет на пол.

Мистер Макбрайд наконец опустил ружье.

— Мальчик, ты единственный, кто так думает. Кроме меня. — И он поднес к губам стакан, стоявший рядом. — Я говорил этому сукину сыну констеблю, говорил полиции в Оук-Хилле, говорил патрульным... говорил всем, кто мог меня слышать. Но никто не слушал. — Он поднял бутылку, опрокинул ее содержимое в стакан и пустую швырнул в угол. — Я просил их потрясти сволочь Конгдена... Он украл машину Арта, а потом снял с нее дверцы, чтобы мы не увидели следов краски...

Дейл понятия не имел, о чем говорит мистер Макбрайд, но не осмеливался прерывать его вопросами.

— Просил их заставить Конгдена сказать, кто убил моего мальчика...

Мистер Макбрайд принялся искать полную бутылку среди множества пустых. Наконец нашел и сделал большой глоток.

— Говорил им, что Конгдену известно, кто убил моего мальчика... — после паузы продолжил он. — А они ответили, что Дуэйн был не в себе из-за смерти Арта. Ты слышал, что мой брат погиб, да, мальчик?

— Да, сэр, — еле слышно выдохнул Дейл.

— Они и его убили тоже. Первым. А потом моего мальчика. Они убили Дуэйна.

Он поднял винтовку с коленей, будто позабыв, что она там лежала, опустил ее обратно на то же место и, прищурясь, поглядел на Дейла:

— Как тебя зовут?

Дейл сказал.

— Да, помню. Ты приходил к нам раньше, чтобы поиграть с Дьюни. Да?

«Дьюни? Надо же!» — удивленно отметил про себя Дейл.

— Да, сэр.

— А ты знаешь, кто убил моего мальчика?

— Нет, сэр. Точно не знаю. По крайней мере, до тех пор, пока не увижу записей Дуэйна.

Мистер Макбрайд тем временем прикончил вторую бутылку.

— Я просил их потрясти сволочь Конгдена, этого дерьмового мирового судью. А они сказали, что он, видите ли, исчез со дня смерти Дьюни, и стали спрашивать, что мне о нем известно. Они что, решили, что я убил его? Тупые сукины дети.

Мистер Макбрайд опять принялся шарить на столе, сбрасывая на пол пустые бутылки в поисках хотя бы одной, в которой что-нибудь осталось. Он с трудом встал на ноги, пошатываясь, дошел до дивана, смахнул оттуда тряпье и рухнул на него, все еще продолжая держать винтовку в руках.

— Мне нужно было убить его. Нужно было заставить его рассказать, кто сделал это с Артом и моим сыном, а потом убить... — Неожиданно он резко сел. — Что, ты сказал, тебе нужно, мальчик? Дуэйна здесь нет.

Дейл почувствовал, как холодок пробежал у него между лопатками.

— Да, сэр. Я знаю. Я пришел, чтобы поискать тетрадь с записями Дуэйна. Может, их даже несколько. Там были важные для меня записи.

Мистер Макбрайд покачал головой и ухватился за спинку дивана, чтобы не упасть.

— Нет. В своих тетрадях он записывал наброски будущих рассказов. Там ничего нет для тебя, мальчик. Как и для меня...

Он опустил голову на подлокотник и закрыл глаза.

— Может, я сделал неправильно, что никого не позвал на его похороны? — прошептал он. — Но я просто забыл, что у него были друзья.

— Понимаю, сэр, — тихо откликнулся Дейл.

— Я не знал, где лучше развеять его прах, — продолжал бормотать мистер Макбрайд, будто во сне. — Они называют это прахом, но там ведь есть и кости. Ты знал об этом, мальчик?

— Нет, сэр.

Человек на диване снова заговорил:

— Поэтому я развеял часть праха там же, где и прах Арта... Дьюни это бы понравилось, я знаю. А остальное развеял в поле, там, где они играли с Уиттом. Там, где похоронена собака. — Мистер Макбрайд вдруг открыл глаза и уставился на Дейла. — Ты считаешь, что я поступил неправильно, мальчик?

Дейл проглотил слюну. В горле неожиданно засадило, и ему стало трудно говорить.

— Нет, сэр, — все-таки выдавил он из себя.

— И я не считаю.

Отец Дуэйна закрыл глаза.

— Можно мне взглянуть на них, сэр? — спросил Дейл.

— На что, мальчик? — Голос стал сонным, отсутствующим.

— На тетради Дуэйна. Те, о которых мы говорим.

— Не мог найти их, — не открывая глаз, покачал головой мистер Макбрайд. — Смотрел внизу... везде... но не нашел тетрадей Дуэйна. И дверец от «кадиллака» не нашел...

Его голос почти угас.

Дейл подождал целую минуту, слушая, как храпит его собеседник, затем сделал шаг в сторону лестницы.

Мистер Макбрайд перехватил винтовку поудобнее.

— Уходи, мальчик. Ступай. Держись подальше отсюда.

Дейл посмотрел на лестницу, ведущую в подвал, — она была так близко...

— Да, сэр, — шепотом произнес он и вышел из дома.

На улице было ослепительно светло. Дейл прошел примерно сотню футов по подъездной дороге, чувствуя, как липнет к телу футболка, затем нырнул в тень вязов и зашагал к полю. Он не думал, что мистер Макбрайд подошел к окну кухни, чтобы за ним следить. Он шел напрямик, пока не наткнулся на ожидавших его Майка и ребят.

— Господи, — прошипел Харлен. — Чего ты там торчал так долго?

Дейл рассказал им все.

Майк вздохнул и перекатился на спину, прищурившись, уставился на небо, виднеющееся между стеблями.

— Значит, на сегодня все. Похоже, он не поедет в город, пока не проспится.

— Нет, не все, — покачал головой Дейл. — Я пойду обратно.

Окно оказалось меньше, чем ожидал Дейл. Зацепившись обо что-то, он разорвал футболку и даже поцарапался.

С внутренней стороны окна стоял еще один верстак — в этом доме их было прямо пропасть, — и Дейл сначала осторожно поставил на него одну ногу, затем перенес на нее вес тела, чувствуя, как затрепали под ним козлы.

В подвале было много холоднее, чем снаружи, пахло, как обычно в таких помещениях, плесенью, стиральным порошком, канализационными трубами, опилками, цементом и, что довольно странно, озоном. Возможно, из-за множества всяких устройств и радиодеталей, разбросанных повсюду.

Дейл бывал и прежде в подвале у Дуэйна и знал, что сначала попадет в дальнюю часть, где стояла стиральная машина и был устроен душ. «Спальный» угол Дуэйна находился около лестницы. «Замечательно. Как раз чтобы человеку наверху было меня получше слышно. И чтоб было не добраться до окна».

Дейл на цыпочках пересек комнату, помедлил у открытой двери, прислушиваясь. Сверху не доносилось ни звука. Дейл пожалел, что дверь не оказалась закрытой.

В комнате было гораздо темнее, поскольку здесь не было ни одного окна. «Выхода нет», — напомнил себе Дейл. Источников света было много: и свисающая с потолка лампочка, и лампа рядом с темневшей массой кровати, и лампа на большом столе ря-

дом с кроватью. Однако Дейл не стал включать ни одну из них: свет мог быть виден сверху. «Он ничего не заметит, пока спит», — подсказал ему внутренний голос. Но другая, более осторожная часть разума Дейла возразила, что спящий может все увидеть, если вдруг проснется. И даже услышать звук его шагов.

Пока что Дейл старался дышать потише и стоял, скорчившись около кровати, давая привыкнуть глазам к почти полной темноте.

«Что, если что-то бросится на меня из-под кровати... белая рука... Дуэйн! Его лицо, распухшее и мертвое, как у Табби... конечно, искалеченное и растерзанное, как сказал тогда Диггер...»

Дейл заставил себя выбросить эти мысли из головы. Постель была аккуратно застелена. Дейл видел маленькие складочки на покрывале. Из-под кровати ничего не выскакивало.

Везде были книги. Они стояли на самодельных полках, кипы книг громоздились позади кровати, рядами выстроились на подоконнике и столе, коробки с книгами пылились под кроватью, длинные вереницы корешков бежали даже вдоль плинтусов. Единственное, что могло соперничать по количеству с книгами, это различные виды радиоприемников: часы-радио, настольные модели, старомодные приемники в корпусах из пластика и собранные из запасных радиодеталей, крошечные транзисторы — и один большой напольный радиоприемник в корпусе размещался между кроватью Дуэйна и его столом. Высота его была примерно четыре фута.

Начал Дейл с того, что внимательно оглядел полки, затем коробки с книгами. Он помнил, как выглядели тетради Дуэйна: маленькие блокноты на спиральных, размером со школьную тетрадку, некоторые много меньше. Они могли быть где угодно.

На столе валялось несколько записных книжек, стояли стаканы для карандашей и ручек, имелась даже пачка бумаги для пишущей машинки и сама старая машинка. Блокнотов не было. Дейл на цыпочках подошел к кровати, пощупал под матрасом, заглянул под подушку. Ничего. Он двинулся к сбитому из досок шкафу и заглянул туда. Там лежало несколько фланелевых рубашек Дуэйна и аккуратно сложенные вельветовые брюки. Дейлу становилось все более и более странно, что он находится тут и роется в вещах своего погибшего друга, стоя на коленях у его кровати, перебирает его книги. Вдруг он замер.

— Кто здесь? — Голос мистера Макбрайда был медлительным и вроде смущенным, но раздавался он недалеко от лестницы.

Дейл быстро оглядел узкую комнату, его взгляд метнулся к распахнутой двери, заметил отблеск света, идущий от маленького окошка на противоположной стене. Ему не успеть даже добежать до окна, не то что вылезти из него. Мистер Макбрайд проснулся от своего пьяного сна; возможно, он даже не помнил о том, что приходил Дейл, и теперь для него мальчик будет просто темным силуэтом, который невесть как забрался в его дом. У Дейла даже спина зачесалась от мысли, что сейчас его прошьет навывлет картечь.

Шаги приближались.

— Я сейчас спущусь, черт тебя возьми. Я тебя достану.

Дейл слышал, как щелкнул затвор ружья. Еще раньше он заметил, что повсюду на полу валяются патроны. Теперь один из них и послал в казенник отец Дуэйна. Шаги звучали уже возле самой лестницы.

«Под кровать! — мгновенно подумал Дейл и тут же отказался от этой идеи. — Нет, это первое место, куда заглядывают взрослые». У него есть еще десять секунд на то, чтобы спрятаться, пока мистер Макбрайд будет спускаться по ступеням и потом повернет в комнату.

И тут Дейлу вспомнилось, как они когда-то придуривались, прячась за пустым радиоприемником в курятнике Майка. Мистер Макбрайд уже прошел половину ступеней, когда Дейл одним прыжком перемахнул через кровать, отодвинул консольный радиоприемник от стены, шмыгнул за него, присел и потянул его на себя. Шаги звучали теперь с конца лестницы.

— Я вижу тебя, мерзавец! — это уже был бешеный крик. — Думаешь, тебе удастся справиться со мной, как ты расправился с моим братом и сыном?

Теперь шаги остановились в центре комнаты. Там была протянута бельевая веревка, и Дейл услышал, как что-то щелкнуло по ней, — похоже, это был приклад ружья, затем веревка порвалась.

— Выходи оттуда, черт возьми!

Этот приемник был исправен, но внутри корпуса было достаточно места для того, чтобы Дейл мог поместиться там, скорчившись. Он закрыл лицо руками, пытаясь не шевелиться и представляя, как с расстояния в восемь футов в него целится дуло ружья.

Мальчику доводилось стрелять из отцовской пневматической двенадцатизарядной винтовки и из своего собственного дробовика. Он знал, что картонный футляр не защитит его ни на секунду. Он хотел выкрикнуть что-нибудь: попросить пощады, сказать, будто они играли в прятки, — но голос не слушался его. Дейл изо всех сил зажимал рот руками, чтобы подавить визг.

— Я вижу тебя! — закричал отец Дуэйна. Но шаги удалились в другую сторону подвала. — Будь ты проклят, я же знаю, что здесь кто-то есть. Выходи сейчас же!

«Он не видит меня». Что-то острое, наверное какая-то трубка, впивалось Дейлу в спину. Какие-то детали царапали его шею сзади. В плечо врезался угол корпуса. Но Дейл не смел шевельнуться, чтобы устроиться удобнее.

Шаги приблизились. Теперь мистер Макбрайд находился в спальной части подвала. Медленно, спотыкаясь, он подошел к дальней стене, потом к шкафу, потом обратно к лестнице, затем, крадучись, к столу, который был не более чем в трех футах от Дейла.

Внезапно послышался шум: мистер Макбрайд присел, откинул покрывало и просунул под кровать ствол ружья. Встал. Почти облокотился на приемник со спрятавшимся внутри Дейлом. Мальчик словно видел его и даже чувствовал запах, исходивший от этого человека.

«Интересно, а он может меня унюхать?» — мелькнула паническая мысль.

В течение долгого времени в комнате стояла глубокая тишина, и Дейл подумал, что этот безумец с ружьем вот-вот уловит биение его сердца.

А потом Дейл услышал то, что едва не заставило его закричать.

— Дьюни? — Голос мистера Макбрайда был уже не угрожающим, а надтреснутым, даже надломленным. — Дьюни, это ты, сынок?

Дейл затаил дыхание.

Прошла целая вечность, пока снова послышались тяжелые шаги, теперь они были еще тяжелее. Мистер Макбрайд помедлил еще минуту и стал подниматься вверх. Оттуда послышался звук разбившегося стекла, — видимо, он сбросил на пол бутылки. Через какое-то время раздался шум заработавшего мотора

машины — она, оказывается, стояла позади дома, потому ребята и не видели ее, — затем удаляющийся скрежет шин по гравию.

Дейл выждал еще четыре или пять минут, спина и шея теперь дико болели, но тишина была полной. Затем отодвинул радиоприемник от стены и выполз наружу, потирая болевшую руку, которую оцарапал то ли о полку, то ли о что-то еще...

Он приостановился около кровати, по-прежнему на четвереньках, и выдвинул приемник еще дальше. Света в помещении было достаточно, чтобы разглядеть скрытое в нише за приемником.

Блокноты Дуэйна, по крайней мере несколько десятков, лежали стопкой на полке — так, чтобы было удобно их доставать и прятать обратно, не вставая с кровати.

Мальчик стянул с себя футболку, разорванную и пропотевшую, завернул в нее блокноты и направился в другую комнату, чтобы выбраться из окна. Теперь он мог бы подняться наверх и выйти через кухонную дверь, но все-таки не был до конца уверен, что мистер Макбрайд уехал.

Дейл направился туда, где ждали остальные. Но на поддорожке-то руки схватили его и втащили в заросли кукурузы. Он свалился прямо на стебли, и чья-то грязная ладонь зажала ему рот.

— Господи, — прошептал Майк, — мы уж решили, что он тебя убил. Дай ему отдышаться, Харлен.

Джим Харлен убрал руку.

Дейл сплюнул и вытер струйку крови с порезанной губы:

— С чего это ты на меня кинулся, дурак?

Харлен странно посмотрел на него, но ничего не сказал.

— Ты добыл их! — вскрикнул Лоренс, хватая блокноты.

Мальчики тут же стали перелистывать страницы.

— Черт! — проговорил Харлен.

— Ну, — сказал Кевин и критически посмотрел на Дейла. — Ты в этом разберешься?

Дейл помотал головой. Все страницы были исписаны какими-то закорючками и иероглифами, со странными петлями, росчерками и кружками. Это было похоже на язык марсиан.

— Разберемся, — решительно бросил Харлен. — Пошли по домам.

— Погоди-ка, — нахмурился Майк. Внимательно разглядывая одну страницу, он вдруг улыбнулся. — Я знаю, что это такое.

— Ты можешь это прочитать? — Голос Лоренса звучал даже испуганно.

Дейл подвинулся ближе:

— Ты можешь разобрать этот шифр?

— Это не шифр, — махнул рукой Майк, все еще улыбаясь. — Моя глупая сестрица Пег изучала эту ерунду. Это стенография... ну, знаете, как пишут секретари, когда у них нет времени.

Мальчики выли и улюлюкали, пока Кевин наконец не призвал всех к порядку. Блокноты сложили в рюкзак Лоренса так осторожно, будто это были свежеснесенные яйца, затем как по команде отправились к оставленным велосипедам.

Еще задолго до того, как они достигли Джубили-Колледж-роуд, Дейл почувствовал, как, несмотря на загар, солнце жжет спину и шею. Далекая водонапорная башня поблескивала и будто дрожала в знойном воздухе. Она казалась миражом, чудом, которое вот-вот может исчезнуть.

Они проехали уже не меньше половины пути в город, когда позади послышался гул приближающегося грузовика.

Майк взмахнул рукой, и Кевин с Харленом и с самим Майком подались в одну сторону, а Дейл с Лоренсом в другую. Мальчики свалились в канаву, побросали велосипеды и приготовились лезть через ограду в поле.

Грузовик замедлил ход, выкрашенная в темный цвет кабина так же яростно сверкала на солнце, как и дорога. Из окошка выглянул водитель. Грузовик затормозил и чуть подал назад.

— Что ты тут делаешь? — раздался голос отца Кевина. Длинная цистерна так сверкала на солнце полированной сталью, что на нее было больно смотреть. — Что вы все здесь делаете?

Кевин по возможности беззаботно улыбнулся и неопределенно махнул рукой:

— Да так, просто решили прокатиться.

Его отец прищурился на мальчиков, рассеявшихся на ограде и походивших на птичек, которые готовы взлететь в любой момент.

— Давай-ка быстрее домой, — строго велел мистер Грумбахер. — Поможешь мне вымыть цистерну, да и мама хотела, чтобы ты сегодня после обеда занялся прополкой.

— Слушаюсь, сэр!

Кевин шутливо отдал честь.

Отец снова нахмурился, грузовик тронулся и исчез впереди.

Мальчики минуту постояли на дороге, придерживая велосипеды за рули. Интересно, подумал про себя Дейл, у всех ли трясутся коленки так же, как у него.

Больше ребятам не встретилось ни одной машины, и они спокойно добрались до города. Там было чуть потемнее, солнце не так жгло сквозь многослойную листву деревьев, но было по-прежнему жарко. Лето достало их и в курятнике, где они собрались ненадолго, перед тем как разбежаться по домам, чтобы пообедать и заняться домашними делами.

Блокноты остались у Майка. Сестра сохранила учебник по стенографии, и он пообещал ребятам достать его и начать разбираться в записях. Дейл пришел после обеда, чтобы помочь.

Майк проведал Мемо, нашел в комнате сестры учебник — он стоял рядом с ее дурацким дневником, и Майк подумал, что Пег убила бы его на месте, застукав в своей комнате. Собрав это богатство, он отправился в курятник.

Вместе с Дейлом они прежде всего убедились в том, что это действительно стенография, расшифровали одну-две строчки. Сначала дело шло туго, но потом наладилось. Крючки Дуэйна Макбрайда были не совсем такими, как в учебнике, но похожими. Майк сбегал в дом, принес большую тетрадь и два карандаша. И мальчики молча принялись за работу.

Шесть часов спустя мама Майка пришла звать сына на ужин и застала его и Дейла увлеченно работающими.

Глава 26

Переговорить с миссис Мун вызвался Майк, поскольку знал ее лучше всех.

Накануне вечером, когда постепенно и неторопливо угасал дневной зной и блеск солнца, все ребята, кроме Корди, собрались в курятнике, чтобы почитать записки в тетрадях Дуэйна, расшифрованные Дейлом и Майком.

— Где эта девчонка? — поинтересовался Майк.

Джим Харлен пожал плечами:

— Я зашел за ней в эту крысиную нору, где они живут...

— Один? — прервал его вопросом Лоренс.

Харлен подозрительно прищурился на него, но вопрос проигнорировал:

— Говорю, я зашел к ним сегодня после обеда, но дома никого не было.

— Может, разошлись по магазинам или еще куда, — предположил Дейл.

Харлен покачал головой. С рукой на перевязи, он выглядел сегодня особенно бледным и непривычно беззащитным.

— Нет, я хочу сказать, что дом был пустым. Везде разбросан мусор... старые газеты, обломки мебели, топор... Как будто их семья спешно побросала пожитки в грузовик и смылась...

— Неплохая идея, — пробормотал Майк. Он как раз закончил расшифровывать последние записи Дуэйна.

— А? — не понял Кевин.

— Вот, послушайте, — сказал Майк О'Рурк, поднося тетрадь к глазам и начиная читать.

Вся четверка не меньше часа слушала его самым внимательным образом. Когда Майк охрип, на смену ему пришел Дейл. Он

все прочел, еще когда они с Майком сравнивали то, что успели расшифровать, но слышать подобное, даже когда вслух это произносил его собственный голос, было почти невозможно. У него даже ноги не переставали дрожать.

— Господи Иисусе, — прошептал Харлен, когда они дочитали отрывок о колоколе Борджа и дяде Дуэйна. — Елки-палки, — добавил он почти таким же почтительным тоном.

Кевин сложил на груди руки. Уже почти стемнело, и его свежевystиранная футболка сияла ослепительно-белым пятном.

— И этот колокол все это время висел там, пока мы ходили в школу... все эти годы?

— Мистер Эшли-Монтегю сказал Дуэйну, что колокол сняли и на что-то там переплавили, — пояснил Дейл. — Об этом было сказано в одном из блокнотов, да я и сам слышал их разговор во время бесплатного сеанса.

— Бесплатных сеансов уже почти месяц как нет, — пропищал Лоренс.

— Помолчи, — оборвал его брат. — Вот... Тут я немного пропущу... начну отсюда. Дуэйн пересказывает свой разговор с миссис Мун... Это было в тот же день, когда мы ездили к дяде Генри, в тот же день...

— ...Когда Дуэйна и убили, — закончил за него Майк.

— Ну да, — сказал Дейл. — Слушайте. — И он стал читать особенно выразительно.

Июнь, 17-е

Говорил с миссис Эммой Мун. Помнит колокол! Говорит о нем как об ужасной вещи. Утверждает, что ее Орвил не был в этом замешан. О колоколе нечто страшное. Зима 1899/1900 года. Несколько детей в городе... нет, один из этих детей был с фермы... пропали. Мистер Эшли (но не Монтегю — в то время двойной фамилией еще не пользовались) назначил награду в тысячу долларов. Но никаких нитей.

Затем в январе — миссис Мун положительно уверена, что это было в январе 1900 года, — нашли тело одиннадцатилетней девочки, которая исчезла перед Рождеством. Ее имя: Сара Левеллин Кэмпбелл.

ПОДНЯТЬ ИСТОЧНИКИ! ПОЧЕМУ В ГАЗЕТАХ НИЧЕГО НЕ БЫЛО?

Миссис Мун уверена... Сара Л. Кэмпбелл. Не хочет говорить об этом, но я продолжал задавать вопросы. Девочка была убита,

возможно, изнасилована, обезглавлена и частично съедена. Относительно последнего миссис Мун вполне уверена.

Поймали негра... «цветного»... спал позади масложирового завода. Был организован отряд самообороны из гражданского населения. Говорит, что ее муж Орвил даже не был в это время в городе. Уезжал на «конскую ярмарку» в Гейлсберг. Поездка длилась четыре дня. (При возможности проверить, кем он тогда работал...)

Клан в те времена в Элм-Хейвене представлял собой большую силу. Миссис Мун говорит, что ее Орвил ходил на собрания... как ходили почти все мужчины города... но в ночь облавы его не было в городе... покупал лошадей...

Остальные мужчины, проживавшие в городе, под предводительством мистера Эшли (того, который привез из Европы колокол) и сына мистера Эшли — как раз ему исполнился двадцать один год — потащили негра в Старую школу. Миссис Мун не знает имени негра. Обычный бродяга.

Устроили подобие суда. (Правосудие Клана?) Тут же вынесли приговор. И в ту же ночь повесили.

На колоколе.

Миссис Мун помнит, как звонил колокол той ночью. Ее муж сказал ей, что это потому, что негр продолжал раскачиваться и стучался о колокол. (Миссис Мун забыла, что утверждала, будто ее мужа не было в городе!) (*Nota bene*: когда повешение проводят официально, приговоренного сбрасывают с высоты и у него ломается шея, этот же долго раскачивался...)

В башне? Миссис Мун не знает. Думает, что так. Или на центральной лестнице.

Худшее она не хочет рассказывать... уговариваю.

Худшим оказалось то, что они оставили тело негра в башне. Запечатали дверь и оставили его.

Почему? Она не знает. Ее Орвил не знал. Мистер Эшли настаивал, чтобы тело оставили там.

(СВЯЗАТЬСЯ С ЭШЛИ-МОНТЕГЮ. НАВЕСТИТЬ ЕГО ДОМА, ПРОСМОТРЕТЬ ТЕ ЖУРНАЛЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА, КОТОРЫЕ ОН СКРЫВАЕТ.)

Миссис Мун плачет. Почему? Говорит, что было нечто еще более ужасное.

Я жду. Печенья отвратные. Жду. Сейчас она разговаривает скорее со своими котами, чем со мной.

Говорит, что самое наихудшее... еще хуже, чем повешение... это то, что через два месяца после того, как этого негра линчевали, пропал еще один ребенок.

Они повесили невиновного.

— Тут есть еще записи, — после паузы продолжил Дейл. — Но они все о том же. Самая последняя указывает на то, что Дуэйн планировал повидать мистера Денниса Эшли-Монтегю лично, чтобы узнать кое-какие детали.

Пятеро мальчишек молча обменялись взглядами.

— Колокол Борджа, — прошептал Кевин. — Вот те на.

— Дальше некуда, — послышался голос Харлена. — И он еще работает, он еще приносит зло.

Майк присел на корточки, бережно, будто это был талисман, прикоснулся к одному из блокнотов.

— Ты думаешь, что это все крутится вокруг колокола? — обратился он к Дейлу.

Тот молча кивнул.

— И Рун, и Ван Сайк, и Двойная Задница участвуют в этих делах, потому что они работают в школе? — продолжил Майк.

— Думаю, да, — тихо ответил Дейл. — Не знаю как и почему, но думаю, что так.

— Я тоже, — кивнул Майк. Затем обернулся и посмотрел на Джима Харлена. — Твой револьвер все еще у тебя?

Вместо ответа Харлен сунул здоровую руку под повязку и вытянул оттуда тупоносый револьвер.

— Дейл, а ты? — обратился Майк к Дейлу. — У тебя дома есть оружие, да?

Дейл глянул на младшего брата, затем серьезно посмотрел на Майка:

— Да. У папы есть ружье. И у меня.

Майк не отводил от него вопросительного взгляда:

— Это то, с которым ты охотился на перепелов?

— Нет, другое. Оно станет моим, когда мне исполнится двенадцать.

— Это дробовик, верно?

— Нижний ствол под четыреста десятый патрон, — объяснил Дейл. — Верхний двадцать второго калибра.

— Стреляет по одному заряду с каждого ствола, правильно? — Голос Майка звучал бесстрастно, почти отсутствующе.

— Ага. Чтобы перезарядить, нужно открывать затвор.

Майк кивнул:

— Ты можешь принести эту винтовку?

Дейл некоторое время молчал.

— Отец убьет меня, если я выйду с ней из дому. Да еще без его разрешения.

Он перевел взгляд на приоткрытую дверь. На фоне темных яблонь во дворе Майка мелькали светляки.

— Ладно, — наконец сказал он. — Принесу.

— Хорошо. — Майк повернулся к Кевину. — А у вас дома есть что-нибудь?

Кевин поскреб щеку:

— Нет. Я хочу сказать, что у отца есть автоматический пистолет сорок пятого калибра... вернее, полуавтоматический... Но отец держит его в нижнем ящике своего шкафа. И ящик запирает.

— Ты можешь взять его оттуда?

Кевин принялся мерить шагами пол курятника, продолжая тереть щеки.

— Это его боевое оружие! Это как... ну, как трофей... или сувенир от однопольчан. Папа был офицером на Второй мировой и... — Кевин неожиданно замолчал и остановился. — Ты думаешь, оружие годится против того, что убило Дуэйна?

В полумраке согнувшаяся фигура Майка казалась присевшим перед прыжком большим животным. Но волнение, которое он испытывал, отражалось только в напряжении его позы, но никак не в голосе.

— Я не знаю, — произнес он так тихо, что его голос едва можно было разобрать за писком насекомых в саду позади курятника. — Но я думаю, что Рун и Ван Сайк являются частью всего этого, а никто не сказал, что их нельзя убить. Ты можешь принести пистолет?

— Могу, — после долгого молчания кивнул Кевин.

— А патроны к нему?

— Да. Отец держит их в том же ящике.

— Все оружие будем хранить здесь, — объяснил Майк. — Если понадобится, мы его заберем отсюда. У меня есть идея...

— А как ты? — спросил Дейл. — Твой отец ведь не ходит на охоту, так?

— Нет, не ходит, — согласился Майк. — Но у Мемо есть ружье для охоты на белок.

— Какое ружье?

Майк развел руки дюймов на восемнадцать.

— Помните в кино эту пушку Уайетта Эрпа? Ну, вот такой примерно длины, — пояснил он.

— Тот «бантлайн спешиал»? — сразу воодушевился Харлен, и его голос зазвучал чересчур громко. — У твоей бабушки есть «бантлайн спешиал»?

— Да нет же, — отмахнулся Майк. — Просто похожее ружье. Дедушка заказал его для бабушки в Чикаго сорок лет назад. Это, как и у Дейла, дробовик под четыреста десятый патрон, только с пистолетной... как ее там...

— Рукояткой, — подсказал Кевин.

— Ага. Ствол длиной фута полтора и еще такая симпатичная пистолетная рукоятка. Мемо всегда называла его «ружьём для охоты на белок», но, мне кажется, дедушка привез его потому, что там, где они тогда жили, в Чичеро, было довольно неспокойно.

Кевин Грумбахер присвистнул:

— Приятель, такие ружья запрещены. Натуральный обрез, вот что это такое. Твой дедушка, случайно, не ходил под Аль-Капоне, а, Майк?

— Заткнись, Грумбахер, — холодно оборвал его О'Рурк. — Ладно, все приносим сюда оружие, какое сумеем достать. Домашним ничего не говорим. И спрячем его...

Он огляделся вокруг.

— За большим радиоприемником, — подал голос Дейл.

Майк неторопливо повернулся к ребятам, в лунном свете, падавшем на лицо, сверкнула улыбка.

— Заметано. Завтра нам кое-что предстоит. Кто хочет переговорить с миссис Мун?

Мальчики поежились и промолчали.

— Я хочу, — заявил вдруг Лоренс.

— Нет, — мягко сказал Майк. — Ты нам нужен для другого важного задания.

— Какого? — Лоренс поддал ногой пустую банку на полу. — У меня нет даже ружья, как у вас.

— Ты слишком мал... — начал хрипло Дейл.

Майк коснулся его руки и повернулся к Лоренсу:

— Если тебе понадобится ружье, ты всегда можешь взять двустволку Дейла. Тебе когда-нибудь приходилось стрелять из нее?

— Да тысячу раз... Ну-у... пару-то уж точно.

— Отлично, — кивнул Майк. — В таком случае мы поручим тебе, когда будет необходимо, слетать на велосипеде на поиски Руна и, вернувшись, доложить, где он.

Лоренс кивнул. Он, конечно, понял, что его подкупают, но полагал, что не останется в проигрыше.

— С миссис Мун поговорю я сам, — заключил Майк. — Я знаком с ней довольно хорошо, потому что часто подстригаю им газон и иногда вожу ее на прогулки. Просто постараюсь выяснить, не знает ли она еще чего, кроме того, что рассказала Дуэйну.

Они посидели еще немного, не желая расходиться по домам в такой темноте.

— А что ты сделаешь, если Солдат придет сегодня ночью? — обратился Харлен к Майку.

— Отыщу бабушкино ружье, — прошептал тот. — Но сначала попробую подействовать на него святой водой. — И он прищелкнул пальцами, будто припоминая что-то. — У меня же есть кое-что для вас, ребята. Принесите завтра с собой по бутылке.

Кевин высокомерно сложил на груди руки:

— Интересно, почему это действует только твоя католическая святая вода? А не всякие причиндалы из моей лютеранской церкви? Или пресвитерианские штучки Дейла?

— Не смей называть святыни моей церкви штучками, — огрызнулся Дейл.

Майк с любопытством посмотрел на них:

— А в вашей церкви тоже есть святая вода?

Трое мальчиков помотали головами.

— Ни в одной церкви нет таких странностей, как у вас, католиков, — сказал Харлен.

Майк пожал плечами:

— Но на Солдата эти странности подействовали. По крайней мере, святая вода... Тело Господне я еще не пробовал. А у вас есть причастие?

— Да, — в один голос ответили Дейл и Кевин.

— Мы можем притащить немного хлеба, оставшегося после причащения? — обратился Дейл к Лоренсу.

— Как? — спросил тот.

Дейл на минуту задумался.

— Ты прав. Легче стащить у них из-под носа двустволку, чем Святые Дары. — И он кивнул Майку. — Ладно, так как твои штучки сработали, то тащи и для нас немного святой воды.

— Давайте наполним ею воздушные шары, — вмешался Харлен. — И разбомбим этих чудил. Пусть-ка повернутся и пошипят, словно черви на сковороде.

То ли эта шутка подействовала на ребят, то ли что другое, но они спокойно разошлись по домам, решив подумать об этом до утра.

На следующее утро Майк разнес газеты за рекордно короткое время и к семи часам пришел в дом священника. Миссис Маккафферти была уже там.

— Он спит, — зашептала она прямо на лестнице. — Доктор Пауэлл дал ему что-то для сна.

— А кто такой доктор Пауэлл? — недоуменно спросил Майк.

Миниатюрная женщина стояла перед ним, сложив руки на животе, и взволнованно вертела пальцами над передником.

— Это доктор из Пеории, которого привез доктор Стеффни вчера вечером.

— Все так серьезно? — прошептал с ужасом Майк, но тут же вспомнил: коричневые черви падали из открытого воронкой рта Солдата прямо на отца Кавано, извиваясь, заползали прямо под кожу.

Миссис Маккафферти поднесла руки ко рту, будто собираясь заплакать.

— Они не знают, что это с ним. Я слышала, как доктор Пауэлл сказал, что отца Кавано перевезут в больницу Святого Франциска прямо сегодня, если ему не станет лучше...

— Больницу Святого Франциска? — шепотом повторил Майк, взглянув на верхние ступеньки лестницы. — Прямо в Пеорию?

— Там у них есть аппарат для искусственного дыхания, — объяснила она и замолчала, не в силах говорить. И уже совсем тихо, почти неслышно, добавила: — Я всю ночь провела в молитвах. Просила Пресвятую Богородицу, чтобы Она помогла несчастному молодому человеку...

— Можно мне войти? Я только посмотрю на него, — спросил Майк.

— Нет-нет, нельзя. Они боятся, что это заразно. Никому не разрешается входить туда, кроме меня и докторов.

— Но я был рядом с ним, когда это случилось, — сказал Майк, не став уж упоминать о том, что они вместе внесли больного в дом.

Он не думал, что черви могут перебираться с одного человека на другого, хотя одна мысль об этом сразу заставила его сердце сжаться.

— Пожалуйста, — попросил он, напустив на себя самый что ни на есть ангельский вид кроткого алтарного служки. — Я даже не стану входить в комнату, только посмотрю с порога.

Миссис Маккафферти неохотно уступила. Они на цыпочках прошли вместе в холл, затем как можно тише открыли темную тяжелую дверь. Она даже не скрипнула.

Волна тяжелого запаха накатила на Майка даже прежде, чем он успел отшатнуться. Запах чрезвычайно напоминал то зловоние, которое распространялось от труповоза и шло изнутри туннелей, только здесь он был гораздо хуже. Зловоние распространялось из темной комнаты на волнах горячего спертого воздуха. Майк зажал рукой нос и рот.

— Мы не открываем окон, — чуть извиняющимся тоном объяснила миссис Маккафферти. — Его две ночи трепала самая жесточайшая лихорадка.

— Но запах... — еле выговорил Майк, чувствуя ком в горле.

Экономка оскорбленно нахмурилась:

— Ты хочешь сказать, что пахнет лекарствами? Белье я меняю каждый день. Тебе не нравится этот легкий запах лекарств?

Запах лекарств? Можно сказать и так, если называть лекарством гниющее и разлагающееся тело. Можно сказать и так, если вы считаете медный привкус крови и вонь давно сгнившего мяса лекарством. Он посмотрел на миссис Маккафферти. Совершенно очевидно, что она ничего не чувствует.

«Или этот запах существует только в моем воображении?»

Майк шагнул чуть ближе, все еще закрывая рукой лицо, он старался привыкнуть к темноте. И почти ожидал увидеть на кровати смердящий труп.

Отец Кавано выглядел плохо, но называть его смердящим трупом Майкл не стал бы. Было очевидно, что молодому священнику очень дурно: глаза закрыты, но почти черные веки глубоко утонули в глазницах; губы совершенно белые и растрескавшиеся, будто он брел без воды по пустыне дней десять; кожа на лице блестит, но не тем здоровым блеском, который появляется после пребывания на солнце, а лихорадочным блеском тяжелобольного человека; слипшиеся волосы спутанными прядями облепили череп; руки со скрюченными пальцами, лежащие на одеяле, напоминают птичьи лапы. Рот отца Кавано был широко распахнут, и тонкая струйка слюны стекала из него на ворот пижамы. Дыша-

ние клокотало в горле так громко, словно там ворочали камни. В этот момент он совсем не был похож на прежнего священника.

— Достаточно, — шепнула миссис Маккафферти, выпроваживая Майку на лестницу.

Действительно, совершенно достаточно. Майк выскочил из дома, прыгнул на велосипед и помчался к дому миссис Мун с такой скоростью, что встречный ветер вызвал слезы на его глазах.

Она была мертва.

Он почти ожидал этого, когда, постучав в дверь, не услышал ответа. Он почти знал это, когда, войдя в небольшую полутемную гостиную, не увидел ее котов.

Майку было известно, что мисс Мун, библиотекарьша, обычно приходит по утрам, часов в восемь, чтобы позавтракать с матерью. Сама она жила в старом большом доме на Брод-авеню, один из этажей которого снимала вместе с миссис Гроссейнт, учительницей четвертого класса. Сейчас было примерно половина восьмого.

Майк переходил из комнаты в комнату небольшого дома, чувствуя ту же поднимающуюся тошноту, какую ощущал в доме священника.

«Перестань быть таким дураком. Она просто вышла на утреннюю прогулку. И коты вышли вместе с ней».

Он понимал, что котов нельзя убить на улице, вне этого аккуратного беленького домика.

«Ладно, коты ночью сбежали, и она отправилась их искать. А может, мисс Мун наконец отвезла мать в Оук-Хилл, в дом престарелых. Давно пора было это сделать».

Такое предположение было вполне логичным. Но неправильным.

Тело он обнаружил на крохотной лестничной площадке второго этажа. Второй этаж весь был маленьким — только спальня миссис Мун и миниатюрная ванная комната, — и на площадке едва поместилось даже ее хрупкое тело.

Майк застыл на верхней ступеньке, сердце забилося с такой бешеной силой, что он опасался потерять равновесие. Не хватало ему еще скатиться по ступенькам. За исключением похорон его бабушки, которые были несколько лет назад, он никогда не видел мертвого человека... если, конечно, не считать Солдата. И сейчас

Майк смотрел на представшее перед ним зрелище со смесью ужаса, горя и любопытства.

Видимо, она была мертва уже довольно давно. Конечности одеревенели, левая рука сжимала перила, как будто старушка, падая, пыталась за что-то ухватиться, а правая торчала вертикально вверх, и пальцы были скрючены так сильно, будто она хватала воздух... или будто бы она отталкивала от себя что-то ужасное.

Глаза миссис Мун были открыты. Майк подумал, что у тех сотен мертвецов, которых он видел в бесконечных фильмах по телевизору, глаза всегда были закрыты... но здесь, у миссис Мун, они были так широко распахнуты, что, казалось, вот-вот выскочат из орбит. Но тем не менее это были глаза мертвого человека, Майк это ясно видел по тому, как остекленели и помутились их зрачки.

Старческие пятна у нее на лице казались почти выпуклыми, потому что вся кровь от него отхлынула. Шея была так отчаянно напряжена даже после смерти, что каждая мышца и сухожилие выделялись подобно веревкам. На ней было надето что-то вроде стеганого халата, под ним виднелась розовая ночная сорочка, и костлявые ноги торчали из-под нее прямыми палками, будто старуха падала навзничь, как падает клоун в цирке. Один из розовых пушистых домашних шлепанцев слетел с ноги, и обнажившаяся ступня, вся сморщенная и шишковатая, но с выкрашенными в розовый цвет ногтями, казалась чем-то нереальным.

Майк наклонился вперед, осторожно прикоснулся к левой руке миссис Мун и тут же отдернул руку обратно. Тело было очень холодным, несмотря на то что в помещении было тепло. Он заставил себя взглянуть на ее лицо. Это было самое ужасное.

Рот миссис Мун был широко распахнут, очень, очень широко распахнут, будто она продолжала кричать и после смерти. Зубной протез торчал в темном провале рта как нечто неестественное и потому отталкивающее в этой своей искусственности. Казалось, он только что свалился ей прямо в рот откуда-то сверху. Все линии лица исказились и образовали маску непреодолимого ужаса.

Майк отвернулся и, не разгибая спины, стал спускаться по ступенькам, не в силах выпрямиться. В воздухе уже чувствовался легкий запах гниения, так иногда пахнет забытый в вазе букет цветов. Ничего похожего на зловоние, царившее в доме священника.

Кто бы ни убил ее, он, возможно, еще в доме. Вдруг он поджидает Майка за дверью?

Майк не мог заставить себя ни поднять глаза, ни побежать. Он должен минуту посидеть. В ушах так громко стучало, словно там поселился целый хор цикад, и перед глазами прыгали, метались черные точки. Он опустил между колен голову и принялся растирать щеки.

Через несколько минут сюда войдет мисс Мун. И увидит свою мать.

Майк не был в особенном восторге от библиотекарши. Однажды эта противная старая дева спросила его, зачем он, собственно, пришел в библиотеку, раз так плохо учится, что даже остался на второй год. Усмехнувшись, Майк ответил, что пришел заодно с друзьями, в тот раз так оно и было, но по каким-то причинам ее слова больно задели мальчика, и несколько дней они неотступно звучали у него в ушах.

Тем не менее ни один человек на свете не заслуживает того, чтоб увидеть свою мать в таком виде.

Майк знал, что если б на его месте был Дуэйн или, по крайней мере, Дейл, то они наверняка бы придумали что-нибудь очень детективно-умное, отыскиали б какой-нибудь след или еще что... Он ни минуты не сомневался, что те... те силы, которые расправились и с Дуэйном и с его дядей, убили и миссис Мун. Но все, на что оказался способен Майк, — это прочистить горло и позвать: кис-кис-кис.

Никакого движения наверху: ни в спальне, ни в ванной комнате. Двери обоих помещений были чуть приоткрыты. Никакого движения в сумраке кухни и в небольшом холле.

С трудом поднявшись на ноги, Майк заставил себя подойти к лестнице, подняться на второй этаж и еще раз взглянуть на миссис Мун. Если смотреть на нее сверху, она казалась еще старше и еще миниатюрней. Мальчиком овладело сильное желание вынуть наполовину вывалившийся из распахнутого рта протез, чтобы она не подавилась. Но он тут же вообразил, что если он это сделает, то челюсти сразу захлопнутся и его пальцы останутся зажатыми между этими мертвыми губами, а мертвые глаза будут смотреть и смотреть на него...

«Прекрати сейчас же, трус».

Когда Майк ругался, он всегда мысленно слышал голос Джима Харлена, пользующегося тем же словарем. В эту минуту голос Джима велел ему поскорее сваливать из этого долбаного места.

Майк поднял правую руку тем движением, которое он тысячи раз видел у отца Кавано, и осенил крестным знамением тело миссис Мун. Он прекрасно знал, что старушка не была католичкой, но если б он знал положенные слова, то в эту секунду он бы выполнил для нее обряд соборования.

Вместо этого Майк произнес короткую немую молитву и шагнул к дверям спальни. Дверь была открыта достаточно широко, чтобы он смог протиснуться внутрь, даже не прикоснувшись ни к филенке двери, ни к косяку.

Все коты были здесь. Несколько размозженных и изуродованных трупиков лежали на аккуратно застеленной кровати. Несколько других были насажены на прикроватные столбики, как на колья. Головы примерно пяти котов кто-то разложил на туалетном столике миссис Мун, между ее щеткой для волос и флакончиком духов. Один кот, рыжевато-коричневый — насколько Майк помнил, ее любимец, — был подвешен на бисерной цепочке люстры посередине комнаты. Глаза кота остановились на Майке, когда оказавшееся на удивление длинным кошачье туловище, медленно и безмолвно раскачиваясь, повернулось в его сторону.

Со сжавшимся в позыве рвоты горлом Майк скатился по лестнице и уже был почти у двери, когда вдруг остановился.

«Я не могу позволить мисс Мун увидеть все это!»

В его распоряжении было всего несколько минут, а возможно, даже меньше.

Старинный предмет, стоявший у дальней стены гостиной, оказался чем-то вроде письменного стола. В самом его центре располагался чернильный прибор. Схватив допотопную перьевую ручку, Майк макнул ее в чернильницу и вывел крупными заглавными буквами: «НЕ ВХОДИТЕ! ВЫЗОВИТЕ ПОЛИЦИЮ!»

На секунду задумавшись, не нужно ли стереть с ручки и крышки чернильницы отпечатки пальцев, он решил на всякий случай сунуть и крышку, и ручку в карман. Поместив лист бумаги за сетку входной двери, откуда его будет видно каждому, кто подойдет, он, обернув руку футболкой, распахнул дверь и, выскользнув наружу, прикрыл ее за собой. Затем, перемахнув через клумбу азалий и ирисов, чуть не споткнувшись о две ванночки с водой для

птиц, Майк перепрыгнул через забор и очутился в саду позади дома Сомерсетов. На полной скорости он понесся к своему дому, благодаря небо за то, что густая листва превратила аллею в своего рода туннель, скрытый от посторонних глаз.

Оказавшись дома, Майк забрался на дерево и, усевшись в сплетенный из ветвей шалаш, задумался. Он до сих пор дрожал, а тут еще ручка, засунутая в карман, принялась больно царапать его бок. Хорошо еще, что у него хватило мозгов закрыть перо колпачком, а то сейчас у него на джинсах расплывалось бы огромное чернильное пятно. Майк уже мысленно видел заголовки завтрашних газет: «КРОВОЖАДНОГО УБИЙЦУ ИЗ НЕБОЛЬШОГО ГОРОДКА ВЫДАЛО ЧЕРНИЛЬНОЕ ПЯТНО НА БРЮКАХ». Вынув ручку и крышку от чернильницы из кармана, он засунул их в небольшое дупло и забросал чем попало.

Возможно, осенью, когда начнут осыпаться листья, кто-то и найдет их, но Майк справедливо считал, что и беспокоиться об этом надо будет осенью. Если кто-нибудь из них еще доживет до осени.

Он сидел, прислонившись спиной к огромному стволу, иногда прислушивался к движению редких машин по дороге в тридцати футах под ним или к тихому бормотанию Кетлин, игравшей прямо под деревом в классики.

Майк думал.

Сначала он попытался выбросить из головы те ужасные картины, которые ему пришлось увидеть этим великолепным жарким утром, но затем понял, что сделать это ему не удастся. Тяжелое хрипение отца Кавано и бездыханный распахнутый рот миссис Мун владели его разумом. Но постепенно в голове Майка начал складываться план.

Майк провел на дереве почти три часа. Уже давно он слышал сначала завывание сирены, столь редкое в Элм-Хейвене, потом скрип тормозов, а следом громкий, тревожный гул взрослых голосов. Он знал, что власти обнаружили тело миссис Мун. Но к тому времени Майк был уже глубоко погружен в свои мысли, так и этак обмозговывая зреющий план. Так бейсболист внимательно изучает свою биту, перед тем как нанести удар.

Было позднее утро, когда Майк спустился с дерева. Его ноги затекли от долгого сидения, футболка и джинсы были выпачканы в смоле, но он не обратил на это внимания, быстро вскочил на велосипед и помчался к дому Дейла.

Известие о смерти миссис Мун поразило обоих младших Стюартов. Если бы она просто была найдена мертвой, а коты остались целыми и невредимыми, то никто бы ничего не заподозрил. Но изуверское надругательство над животными всколыхнуло небольшой городок так сильно, как не встряхивало ни одно событие за последние несколько месяцев.

Майк покачал головой. Смерть Дуэйна, так же как и гибель его дяди, люди восприняли как случайные события, хоть результатом одной из этих случайностей была ужасная смерть ребенка. Бессмысленное же убийство котов заставило жителей города захлопнуть двери и окна и только тревожно перешептываться друг с другом в тишине своих домов. Для Майка же смерть миссис Мун уже отступила на задний план. Эта смерть была частью того мрака, который намеревался поглотить Мемо, его самого и всех остальных людей этим же летом. Эта смерть была отдаленным раскатом грома, предвещавшим приход грозы.

— Пошли, — позвал он Дейла и Лоренса, потянув их за собой. — Заедем за Кевом и Харленом и поедем куда-нибудь, где нас действительно никто не сможет услышать. Мне нужно вам кое-что рассказать.

Когда они проезжали мимо Старой школы, Майк не мог не бросить взгляд на огромное здание. Казалось, что школа стала еще больше и безобразнее, чем была всегда. Свои тайны она хранила внутри себя, они были запечатаны там, где царил вечный мрак, каким бы ярким ни был день снаружи.

Теперь Майк точно знал, что это проклятое место ждет его.

Глава 27

Они доехали до бейсбольного поля и там остановились. Сообщение Майка длилось примерно десять минут. Остальные молча слушали. Никто не задал ни одного вопроса, пока он описывал, в каком положении нашел тело миссис Мун. Никто не стал спорить, когда он высказал мысль о том, что если они в самое ближайшее время не предпримут что-нибудь, то все погибнут. И никто не сказал ни одного слова, когда он выдвинул свои предложения.

— Мы можем все закончить к утру субботы? — наконец задал вопрос Дейл.

Велосипеды лежали одной общей кучей, брошенные около горки питчера. На пятьсот ярдов вокруг ребят не было видно ни одного человека. Солнце грело короткие волосы мальчишек, их обнаженные руки, сверкало на никелированных деталях велосипедов, заставляя мальчишек щуриться.

— Да, — сказал Майк. — Я думаю, да.

— Вылазку нельзя назначать на вечер четверга, — сказал Харлен.

Остальные с изумлением посмотрели на него. Сейчас было утро вторника, с чего это он так беспокоится о вечере четверга?

— А почему, собственно? — поинтересовался Кевин.

— Да потому, что я приглашен на день рождения к Мишель Стеффни, — ответил Харлен. — И намерен пойти туда.

Лоренс глянул на него с явным отвращением. А остальная тройка почти в тот же момент перевела дух.

— Гос-с-споди, — прошипел Дейл, — да мы все туда приглашены. Половина ребят в нашем городе приглашена на этот глупый день рождения. Как всегда. Большое дело!

Это было правдой. День рождения Мишель Стеффни, приходившийся на четырнадцатое июля, был праздником середины лета для всех ребят города. Огромный сад и особняк Стеффни наполнялся детьми, праздник продолжался до самого вечера и заканчивался обычно часов около десяти огромным фейерверком.

Доктор Стеффни всегда объявлял, что они празднуют не только день рождения его дочери, но и в такой же степени День взятия Бастилии. Ребята весело смеялись его словам, хоть никто из них понятия не имел, что это за Бастилия такая. Да и какие могли быть размышления, если столы уставлены сладостями, а небо расцвечено огнями.

— Дело не большое, — самодовольно проговорил Харлен, тоном, ясно говорящим, что именно большое, — но тем не менее я намерен пойти.

Дейл хотел было затеять спор, но Майк остановил его:

— Ладно, не суетись. В таком случае вылазку совершим завтра. В среду. Так нам еще удобнее. Тогда все станет ясно к бесплатному сеансу в субботу.

Лоренс выглядел озадаченным. Его маленький нос покраснел и уже шелушился.

— А откуда вы знаете, что именно будет ясно к субботе?

Майк вздохнул и присел на корточки. Остальные ребята расселись вокруг него, как бы отгородив свою беседу от остального мира собственными спинами. Майк лениво водил по песку пальцем, будто вычерчивая тайную схему их плана. На самом деле он просто выводил на песке разные кружки и стрелы.

— Мы проверим наши предположения, когда кто-то из нас переговорит с мистером Эшли-Монтегю. Если совершим вылазку завтра, то все выяснится к среде или к утру четверга и к субботе мы будем полностью готовы. — Он бросил на Харлена лукавый взгляд. — К тому же в четверг у нас день рождения.

Дейл вынул из заднего кармана бейсболку и надел ее на голову. На верхнюю часть лица упала тень и закрыла его, словно темной маской.

— Почему так скоро? — спросил он: навестить Эшли-Монтегю Майк поручил именно ему.

Его приятель пожал плечами:

— Ну сам посуди. Мы не можем приступить к выполнению остальной части плана, пока не убедимся во всем сами. Вот этот богатенький и скажет, правы мы или нет.

Дейл не был убежден:

— А если не скажет?

— В таком случае проверкой нам послужит сама вылазка, — сказал Майк. — Но все-таки лучше знать все точно, прежде чем начнем действовать.

Дейл потер вспотевшую шею и бросил взгляд на видневшуюся вдали водонапорную башню и бесконечные ряды кукурузы. Початки уже качались выше голов мальчишек, зеленая стена обозначила конец города и начало бесконечного однообразия полей.

— Ты пойдешь со мной? — спросил он Майка. — К Эшли Монтегю, я хочу сказать.

— Нет, — покачал головой Майк. — Мне нужно будет разыскать то, другое лицо, о котором мы говорили. И попытаться разобраться с теми делами, о которых упоминала миссис Мун. К тому же я думаю, что понадобится отцу Кавано.

— Я пойду с тобой, — вызвался Кевин.

Дейл почувствовал немедленное облегчение, но Майк покачал головой:

— Нет. Тебе придется отправиться с отцом и заниматься цистерной. Мы же договорились.

— Но этим мне нужно будет заняться еще только в конце недели, — возмущенно начал Кевин.

— Но начать все работы по чистке цистерны тебе надо будет уже сегодня. И если ты будешь так делать всю неделю, то твой отец в субботу ни о чем не догадается.

Кевин кивнул. Дейл мгновенно почувствовал себя несчастным.

— Я пойду, — предложил тогда Харлен.

Дейл с сомнением глянул на щуплого парнишку с рукой на перевязи. Храбрости это зрелище в него не вселило.

— И я. — Это сказал Лоренс.

— Уж ты определенно нет, — отрезал Дейл. Теперь в нем говорил только старший брат. — Ты ведь у нас разведчик, забыл? Как мы разыщем грузовик, если тебя не будет?

— А, черт, — вздохнул Лоренс. И тут же бросил опасливый взгляд за спину, словно опасаясь, что его услышит мама. Убедившись, что от дома его отделяет полторы сотни ярдов, добавил: — Черт и Сатана.

— Надо говорить: чертова мать и сатана, — в полном восторге от его смелости рассмеялся Харлен.

— Мне не нравится наш план этой вылазки, — озабоченно проговорил Кевин. — Мы там окажемся все вместе.

— Меня с вами не будет, — улыбнулся Майк.

— Ты понимаешь, что я имею в виду. — Голос Кевина звучал очень серьезно.

Майк действительно понимал, о чем он говорит.

— Вот поэтому я и думаю, что это сработает, — тихо прошептал он, продолжая чертить на песке бессмысленные узоры. — Мы ведь никогда не бываем все вместе, только с нашими домашними. — Он поднял глаза на ребят. — Но возможно, нам не придется этого делать, если Дейл... и Джим... что-нибудь разузнают у мистера Эшли-Монтегю. Что-нибудь такое, что убедит нас: этого делать не нужно.

Дейл все еще смотрел куда-то вдаль, вид у него был озабоченный.

— Проблема в том, что я не знаю, как добраться до Пеории. Мама не повезет меня... Да нашему старому «бьюику» и не под силу такое путешествие, даже если б она захотела... а папы до воскресенья не будет.

Кевин молча перекатывал во рту огромный комок жвачки. Потом повернулся и сплюнул через плечо.

— Мы редко ездим в Пеорию. Разве что на День благодарения или на Рождество — посмотреть парад Санта-Клауса. Думаю, что так долго ждать не стоит, а?

Харлен ухмыльнулся:

— Я только что заставил мать не ездить в Пеорию. Если теперь я попрошу подвезти меня к особняку одного богача на Гранд-Вью, то она меня просто прибьет.

— Точно, — кивнул Майк. — Но может, потом, я имею в виду, после того как прибьет, она бы тебя все-таки отвезла?

Харлен бросил на него ненавидящий взгляд:

— Слушай, Мико, твой папочка, кажется, работает на пивоварне Пабста, верно? Так, может, он нас с Дейлом и подбросит?

— Конечно подбросит, если вы согласитесь выехать в половине девятого вечера. К тому же пивоварня находится в нескольких милях к югу от Гранд-Вью... И вам придется добираться туда в полной темноте, где-то около полуночи вы заявитесь с визитом к мистеру Эшли-Монтегю, ну и потом придется дожидаться семи утра, чтобы вернуться опять с моим отцом.

Харлен пожал плечами. Затем вдруг его лицо просветлело, и он прищелкнул пальцами:

— Эй, у меня есть идея. Дейл, сколько у тебя денег?

— Всего?

— Я не говорю сейчас об облигациях твоей тетушки Милли и серебряных долларах дяди Пола. Я имею в виду деньги, которые у тебя есть наличными. Прямо сейчас.

— Я накопил около двадцати девяти долларов, они лежат в носке, — ответил Дейл. — Но до пятницы автобуса не будет, и если ты собираешься...

Харлен покачал головой, усмешка все еще сияла у него на лице.

— Ни о каком чертовом автобусе я не говорю, амиго. Я говорю о нашем собственном персональном такси. Двадцать девять долларов — самое то... Ладно, я еще добавлю для ровного счета. Итак, ровно тридцать. Мы можем ехать. Хоть прямо сейчас.

Дейл почувствовал, как по-сумасшедшему забилося у него сердце. Он совсем не хотел встречаться и разговаривать с мистером Эшли-Монтегю, и Пеория казалась ему расположенной на расстоянии нескольких световых лет от их городка.

— Прямо сейчас? Ты серьезно?

— Ну.

Дейл глянул на Майка, увидел серьезные серые глаза своего друга, которые, казалось, говорили: ты должен сделать это.

— Ладно, — кивнул Дейл. И ткнул пальцем брата в грудь. — Ты останешься с мамой, пока Майк не поручит тебе выполнить сам знаешь что.

Харлен уже вовсю пылил по дороге к городу. Дейл обвел медленным взглядом остальных ребят.

— Это просто сумасшествие, — совершенно искренно сказал он.

Спорить с ним никто не стал.

Дейл вскочил на велосипед и, налегая на педали, принялся догонять Харлена.

Си-Джей Конгден смотрел на них с недоверчивым прищуром. Он стоял, небрежно облокотившись на бампер отцовского «шевроле» и держа в одной руке банку пива. Как всегда, на нем была черная кожаная куртка, засаленные джинсы и тяжелые армейские ботинки. Сигарета, как приклеенная, свисала из угла его рта, не падая даже тогда, когда он говорил.

- И куда ты, сучонок, хочешь, чтобы я вас отвез?
 - В Пеорию, — сказал Джим.
 - Тебя и этого задрота? — полувопросительно бросил тот.
- Джим с сомнением посмотрел на Дейла:
- Ну да, меня и этого задрота.
 - И сколько вы готовы отслупить?

Харлен незаметно бросил на Дейла ликующий взгляд, как бы говоря: «Разве я не говорил тебе, что мы имеем дело с безмозглым корытлом?» Но вслух произнес:

- Пятнадцать баксов.
- А пошел ты, — отмахнулся Си-Джей и снова присосался к банке.

Харлен небрежно пожал плечами:

- Можем поднять до восемнадцати.
- Двадцать пять, или никуда не поедет, — бросил Си-Джей, стряхивая пепел от сигареты.

Харлен выразительно покачал головой, как будто названная сумма была запредельной. Затем кинул на Дейла вопросительный взгляд и махнул рукой:

- Ну... ладно.

На прыщавом лице Конгдена отразился некоторый испуг.

- Плата вперед, — сказал он, явно воспроизводя реплику из какого-нибудь боевика.

— Половину сейчас, половину, когда работа будет сделана, — в тон ему с видом крутого деляги ответил Харлен.

Конгден сильно прищурился, стараясь получше разглядеть ребят сквозь дым сигареты, но, очевидно, парни из его любимых фильмов всегда соглашались на такие предложения, так что и у него выбора не было.

- Выкладывай половину, — приказал он.

Дейл отсчитал двенадцать с половиной долларов из своих сбережений.

- Сюда, — небрежно бросил Конгден.

Сам он затушил сигарету, сплюнул, подтянул штаны и устался на двух мальчишек, съездивших на заднем сиденье.

- Это вам не какое-нибудь долбаное такси! — рывкнул он. — Пусть один садится вперед.

Дейл ожидал, что на переднее сиденье перейдет Харлен, но тот выразительно приподнял свою перевязанную руку, как бы го-

воря, что нуждается в свободном пространстве, и вперед перебрался Дейл. Отработанным движением Си-Джей забросил пустую банку в свой двор и, усевшись, с треском захлопнул за собой дверцу. Затем вставил ключ зажигания, и мотор взревел.

— А отец точно разрешает тебе брать машину? — спросил Харлен из относительной безопасности заднего сиденья.

— Заткни пасть, пока я тебе не врезал.

Несмотря на рев двигателя, ответ Си-Джея расслышали все.

Парень перебросил рычаг переключения скоростей влево и вперед, и огромные задние колеса швырнули грязь и гравий прямо на веранду его собственного дома, когда машина, сорвавшись с места, рванула по Депо-стрит. Заложив почти прямой угол, отчего колеса прямо-таки завизжали, Конгден вырвался на Бруд-авеню. Следующий поворот был еще более крутым, они описали почти полную окружность, прежде чем он, вывернув руль до отказа, справился с управлением. Позади них стлалось облако сизого дыма. Когда они достигли Черч-стрит, они уже делали шестьдесят миль в час, и Конгдену пришлось резко давануть на тормоз, чтобы миновать перекресток на Мейн-стрит. Затем это угреватое тшедушное создание, не отпуская руля, щелчком забросило в рот сигарету «Пэлл-Мэлл» из пачки, лежавшей в кармане рубашки, и прикурило ее, одновременно объезжая следующий в том же направлении полутрейлер.

При звуке негодующе загудевшего клаксона Дейл зажмурил глаза, а Конгден издевательски показал палец в зеркало заднего вида и ударил по газам.

Хотя знак, висевший у придорожного кафе в парке, показывал ограничение скорости до двадцати пяти миль в час, а Конгден делал не меньше шестидесяти, он добавил еще, когда проезжал прямо под знаком. Под аккомпанемент скрежещущих по дорожному полотну покрышек они миновали автозаправку и последний кирпичный дом слева и вырвались из города. Обдавая выхлопом мощного мотора ряды стеблей кукурузы, растущей с обеих сторон Хард-роуд, машина помчалась вперед.

Дейл буквально чуть не свалился с велосипеда, когда Харлен сказал ему, каким образом они поедут.

— Конгден? Ты что, спятил?

Мальчик был напуган всерьез.

Перед его мысленным взором до сих пор маячило черное бездонное дуло ружья двадцать второго калибра, которое Конгден наставил ему в лицо.

— Выкинь из головы, — сказал он, разворачивая велосипед к дому.

Харлен схватил приятеля за руку:

— Ну ты подумай сам, Дейл. Никто больше не повезет нас аж в Пеорию, да еще на Гранд-Вью... Твои домашние просто решат, что ты рехнулся. Автобуса не будет до пятницы. Мы не знаем, у кого еще есть водительские права...

— Сестра Майка Пег... — начал было Дейл.

— Четыре раза провалила экзамен в автошколе, — закончил за него Харлен. — Родители не разрешают ей даже смотреть в сторону машины. Кроме того, у О'Рурков только одна тачка, и отец Майка каждый вечер ездит в ней на работу. Он просто не спускает с машины глаз.

— Найду какой-нибудь другой способ, — продолжал стоять на своем Дейл.

— Ладно, хорошо. — Харлен скрестил на груди руки и вызывающе посмотрел на Дейла. — Ты, кажется, не на шутку струхнул, да, Стюарт?

Дейл почувствовал, как краска залила ему щеки, и уже собрался положить велосипед на землю и броситься на приятеля — ему уже доводилось задавать Джиму трепку, хоть тот и дрался отчаянно, — но заставил себя помедлить и обдумать ситуацию.

— Ты подумай. — Харлен словно подслушал его мысли. — Нам нужно сделать это сегодня. Больше обратиться не к кому. Конгден такой тупой засранец, что за деньги сделает все и даже не спросит, зачем нам это нужно. К тому же это самый быстрый путь. Конечно, если не считать самолета.

Дейл даже моргнул от убедительности последнего аргумента.

— Его старик не разрешает ему водить машину, — сказал он, думая только о том, что произнес слово «старик», поскольку считал, что парни, подобные Си-Джею, никогда не употребляют такие слова, как «папа» или «отец». Но он тут же вспомнил, что так всегда называл своего отца Дуэйн.

— Его старика уже несколько дней нет дома, — возразил Харлен, упираясь носком тапки в асфальт и раскачиваясь в седле велосипеда. — Говорят, они с Ван Сайком, или мистером Дейзинге-

ром, или еще с кем-то из старых пердунов отправились в Чикаго пропивать денежки, которые сделали на каких-то идиотах-туристах. Как бы то ни было, их бомбовоз остался дома и Си-Джей целыми днями раскатывает на нем.

Дейл ощущал приятную тяжесть денег, лежавших у него в кармане. Здесь были все его сбережения, не считая облигаций и серебряных долларов дяди Пола, которые он — в этом не было сомнений — никогда и ни за что не станет тратить.

— Ладно, — сказал он, разворачивая велосипед и медленно направляясь по Депо-стрит. Он ехал с таким чувством, будто направляется к месту своей казни. — И как только такой тупица, как Си-Джей, сумел получить права, если Пег О'Рурк даже не смогла сдать экзамен?

Харлен подождал, пока они не оказались вблизи дома Конгденов, около которого стояла машина, а около нее предмет их разговора, и тихонько ответил:

— А кто тебе сказал, что у Си-Джея есть права?

Чтобы добраться до скоростного шоссе номер 150А, нужно было проехать восемнадцать миль по окружной дороге, которая не была рассчитана на подобную скорость даже в те далекие времена, когда была новенькой, только сооруженной магистралью и не имела нынешних выбоин и заплаток через каждые двадцать футов. Черный «шевроле» ястребом промчался по долине реки Спун, а на вершине холма ребятам показалось, что сейчас он вообще взмоет в небо.

Дейл ощутил тяжелую подозрительную задумчивость, когда заметил, как Конгден опускает глаза, небрежно поигрывая рулем. Но он и сам прикрыл глаза, правда руками, когда их машина юзом съехала на встречную полосу во время спуска под уклон. Если б на этой полосе находилась еще хоть одна машина — а только что по ней проехали целых семь грузовиков, — они были бы уже мертвецами. Дейл твердо решил, что, даже если они вернутся домой, он все равно задаст Харлену хорошую взбучку.

Неожиданно Конгден стал замедлять ход, одновременно прижимаясь к обочине моста через Спун. К этому времени они проехали всего треть пути до Пеории.

— Выматывайся, — обратился он к Дейлу, когда машина остановилась.

— Как это я...

Конгден сильно ударил Дейла в грудь, так, что тот стукнулся головой о дверцу машины.

— Выматывайся, я кому сказал.

Дейл, помедлив, вышел из машины. Перед тем как выйти, он вопросительно посмотрел на Харлена, но тот сидел, невозмутимо изучая обивку сиденья. Поддержки тут ожидать было нечего.

Да Конгден и не обращал на него никакого внимания. Он снова толкнул Дейла, заставив того отступить к самому ограждению моста. Машина остановилась на самой высокой точке дуги моста, и теперь прямо под их ногами видны были только купы дубов и прибрежных ив, растущих далеко внизу. До поверхности воды было по крайней мере тридцать футов.

Дейл сделал еще шаг назад и почувствовал, как перила впиваются ему в спину. В бессильном гневе он сжимал кулаки. Ему было очень страшно.

— Какого дьявола ты... — начал он.

Рука Конгдена скользнула за спину и вытащила складной нож. Восьмидюймовое лезвие играло на солнце всеми гранями бриллианта.

— Заткни-ка пасть и выкладывай остальные денежки.

— Пошел ты...

Дейл почувствовал, как все его тело содрогнулось от ужасного сознания того, что он произнес это слово.

Конгден двигался очень быстро. Уже очень давно Дейл имел возможность, вернее сказать, несчастье убедиться в том, что совет его отца оказался ерундой. Они не были трусами, по крайней мере в тех ситуациях, свидетелем или участником которых становился Дейл. Они не отступали, когда их припирали к стенке. И что было наиболее важно, они не были хвастунами и пустобрехами. По крайней мере, Си-Джей Конгден и его друг Арчи Крек. Скорее это были самые настоящие садисты, обожающие мучить других.

Конгден двигался очень быстро, прекрасно иллюстрируя это умозаключение. Он небрежно отбросил в стороны тонкие руки Дейла, прижал его к перилам так, что тот даже прогнулся в спине и навис над пропастью, и провел лезвием по его подбородку. Дейл почувствовал, как что-то горячее потекло по его шее.

— Ты, говнюк, — прошипел Си-Джей, его желтые зубы маячили в нескольких дюймах от лица Дейла. — Я сейчас тебе кое-

что отрежу и отправлю бежать домой. Ты ведь понимаешь, о чем я говорю, — так?

Кивнуть Дейл не мог, лезвие царапало тонкую кожу под подбородком. Он мог только моргнуть.

Конгден ухмыльнулся еще шире.

— Видишь вон ту вонючую штуковину? — спросил он, небрежно показав свободной рукой в сторону стальной опоры, возвышавшейся не меньше чем на двадцать пять футов над узким переходом, на котором они стояли, с правой стороны моста. — А сейчас, поскольку ты позволил себе раскрыть пасть, я заставляю тебя туда взобраться и прыгнуть с моста вниз головой. Ты об этом подумал, говнюк?

Лезвие врезалось все глубже, и ответить Дейл уже просто не мог. До него явственно доносился запах пота и пивной дух изо рта Конгдена, и по тону этого бандита он понял, что тот действительно собирается это сделать. Не поворачивая головы, Дейл бросил косой взгляд на саму башню, на ведущий к ней карниз... и на глубокую пропасть под ними.

Конгден опустил нож, ухватил Дейла за шиворот и нагнул его голову над перилами. Ни одной машины не было видно. Ни одного фермерского домика поблизости. В голове Дейла сложился простой план: если он сумеет вырваться, то убежит. Если же не сумеет и Конгден столкнет его на карниз, то он обхватит его и они упадут вместе. Падать им предстоит очень долго, Спун была речкой неглубокой даже весной, не говоря уж об июльской жаре, и Дейл решил, что попытается упасть сверху на своего мучителя... Конгден принялся подталкивать его к карнизу, ни на мгновение не отпуская. Каким-то образом он ухитрился вынуть у Дейла из кармана джинсов носок с остатком денег и сунул его к себе. Они уже достигли карниза. Конгден улыбнулся и поднес нож к левому глазу Дейла.

— Отпусти его, — слышался негромкий голос Джима Харлена. Мальчик вышел из машины, но не подходил близко к ним. Голос звучал, как всегда, спокойно.

— Чтоб тебя! — Конгден ухмыльнулся, ничуть не испугавшись. — Ты будешь следующим, говнюк. Не думай, что я не... — Тут он глянул через плечо и замер. Рука с ножом так и осталась поднятой.

Джим Харлен стоял рядом с распахнутой задней дверцей, повязка и гипс делали его особенно маленьким и беззащитным. Но

серо-голубой пистолет в правой руке не выглядел даже маленьким, не то что беззащитным.

— Отпусти-ка его, Си-Джей, — повторил Харлен.

Конгден замер не больше чем на секунду. Затем он схватил Дейла за руку, мгновенно дернул его и поставил между собой и дулом пистолета. Лезвие ножа снова уперлось в грудь мальчика.

Опять похоже на какой-то фильм, мелькнуло в какой-то сумасшедше смелой части мозга Дейла. Этот засранец думает, что жизнь — сплошное дурацкое кино. Затем Дейл выбросил из головы и эту мысль и сосредоточился на том, чтобы дышать.

Конгден орал как резанный, брызгая слюной на правую щеку Дейла:

— Харлен, жалкий говнюк, да ты не попадешь даже в стену сарая из этого ствола, не то что в меня, сука! Давай стреляй, чего ж ты. Стреляй.

И он выдвинул вперед Дейла, загорodившись им как щитом. Дейлу ужасно хотелось двинуть его по яйцам или, на худой конец, по голени, но угол, под которым они находились друг относительно друга, был явно неудобным. Этот засранец был достаточно высоким, чтобы держать Дейла почти на весу. И мальчику приходилось чуть ли не пританцовывать, чтобы не быть задушенным. К тому же он был почти уверен, что Харлен на самом деле собирается выстрелить... и попасть в него.

Но пока что Харлен смотрел на свой револьвер с таким видом, словно сам не верил, что держит его в руках.

— Хочешь, чтобы я выстрелил? — спросил он, его голос звучал невинно и даже как будто был полон любопытства.

Конгден бесновался, вгоняя себя не то в раж, не то в истерику:

— Давай стреляй, падло долбаное, стреляй, говнюк вонючий...

Харлен пожал плечами, поднял короткоствольный револьвер, прицелился в капот «шевроле» и спустил курок. Выстрел прозвучал оглушительно громко даже в этой открытой речной равнине.

Конгден, увидев это, чуть не съехал с катушек. Он отбросил в сторону свою жертву — Дейл упал на перила и несколько секунд так и висел, видя только головокружительную пропасть, прежде чем нашел в себе силы схватиться за поручень и восстановить равновесие. А Конгден рванулся к машине, изрыгая слюны и омерзительную брань.

Харлен шагнул вперед, снова направил оружие на сверкающий капот «шевроле» и негромко сказал:

— Стоп.

Си-Джей Конгден замер как вкопанный, чуть ли не по стойке смирно, стальные подковы высекали искры из бетонного покрытия. Он был шагах в десяти от Харлена.

— Убью! — вопил он. — Я тебя сейчас замочу, говнюк!

— Может, и замочишь, — согласился Харлен, — но к тому времени в машине твоего папаши будет ровно пять дырок. — И он снова направил револьвер на капот машины.

Конгден подпрыгивал на месте, будто револьвер был уставлен ему в лоб.

— Джимми, ну пожалуйста, Джимми, я не... — проблеял он умоляющим тоном, который оказался еще более тошнотворным, чем в своем угрожающем варианте.

— Заткнись, — сказал Харлен. — Дейл, тащи сюда свою задницу, быстрей.

Дейл заставил себя оторваться от перил и пошел к машине, как можно дальше обойдя замершего Конгдена. Он остановился за спиной Харлена, рядом с дверцей.

— А теперь брось-ка свой нож через перила, — скомандовал Харлен и, когда Конгден пытался что-то промямлить, заорал: — Ну! Тебе что сказано?!

Тот швырнул лезвие через перила, прямо в гущу кустов, растущих на берегу реки.

Харлен кивком указал Дейлу на заднее сиденье.

— Почему бы нам не продолжить нашу прогулку, — предложил он Си-Джею. — Пора ехать. И если ты опять что-нибудь отмочишь, хотя бы просто нарушишь правила движения, я продырявлю обивку твоей тачки... или вот эту шикарную приборную доску. — С этими словами он уселся рядом с Дейлом и захлопнул дверцу.

Конгден плюхнулся на сиденье водителя. Он попытался зажечь сигарету, но руки и губы так тряслись, что проявить браваду не удалось.

— Ты знаешь, на что нарываешься, а? — ухитрился выговорить он, щурясь на ребят в зеркальце. Но в его голосе явно звучали нотки страха. — Да я рано или поздно пришибу тебя. Я подстерегу вас обоих и вышибу из вас дух, я...

Харлен вздохнул и поднял револьвер, метя в обрамленное искусственным мехом зеркальце заднего вида со свисающим пушистым брелком.

— Заткни пасть и рули, — бросил он.

Дверь в дом священника стояла нараспашку, и миссис Маккафферти нигде не было. Она не охраняла ни подъемный мост, ни ров с водой. Поэтому Майк тихо поднялся по лестнице в комнату отца Кавано. Негромкий звук переговаривающихся мужских голосов заставил его прижаться к стене и тихо приблизиться к двери.

— Если температура и рвота будут продолжаться, — послышался голос доктора Стеффни, — придется перевезти его в больницу Святого Франциска и начать внутривенное вливание, чтобы избежать обезвоживания организма.

Другой голос, незнакомый Майку, видимо, принадлежал доктору Пауэллу.

— Мне не нравится мысль о перевозке больного в таком состоянии за сорок миль. Давайте здесь подсоединим его к капельнице и поручим экономке и сиделке присматривать... Таким образом, мы, не подвергая больного лишнему риску, попытаемся сбить температуру или же проследим за появлением вторичных симптомов.

Наступило недолгое молчание, затем голос доктора Стеффни произнес:

— Смотрите, Чарльз.

Майк заглянул в щель двери, как раз когда послышался звук извержения рвотных масс. Незнакомый доктор держал судно — к такой работе он явно не привык, — в то время как отец Кавано — глаза его были закрыты, а лицо блее подушки, на которой он лежал, — сотрясаясь в приступе сильнейшей рвоты.

— Боже правый, — заговорил доктор Пауэлл, — неужели все рвотные массы имели такую же консистенцию? — В его голосе, помимо явного отвращения, слышалось любопытство профессионала.

Майк чуть присел и прижал глаз к щели. Он увидел, как металась по подушке голова отца Кавано, тазик был прижат прямо к его щеке. Рот священника словно был забит блевотиной, которая черной патокой извергалась в таз. Она не была жидкой — скорее

представляла собой твердые коричневые выделения, массу, состоящую из отдельных слизистых частиц. Тазик был уже почти полон, а рвотный поток казался неукротимым.

Доктор Стеффни в это время отвечал на вопрос своего коллеги, но Майк не слышал его слов. Он отшатнулся от щели и прислонился к стене, борясь с подступившей тошнотой.

— Где эта чертова экономка, в конце концов? — возмущался доктор Пауэлл.

— Она поехала за сиделкой в Оук-Хилл, — ответил доктор Стеффни. — Вот, возьмите это.

Майк на цыпочках спустился по лестнице и был счастлив, что выбрался на свежий воздух, несмотря на то что на улице царил ужасный зной. Голубое утро, к десяти часам небо приобрело оттенок матовой белизны, а к полудню уже блестело подобно вороженной стали. Безжалостный зной и липкая влажность придавили землю невидимым одеялом.

Улицы были пустынные, когда Майк миновал центральную часть городка, стараясь держаться подальше от торгового центра, чтобы мать не углядела его и не поручила ему какое-нибудь дело. Сейчас у него было полно своих дел.

Минк Харпер, городской пьянчужка, был хорошо известен в городе, и не только взрослым, но и каждому ребенку, в том числе, конечно, и Майку: Минк был неизменно вежлив и добродушен с детьми и охотно делился с ними своими находками, сделанными во время бесконечных поисков «похищенных сокровищ». Вечно выпрашивающий милостыню Минк был бельмом на глазу взрослого населения, но детям своими просьбами никогда не докучал. Было известно, что он никогда не имел «постоянного места жительства»: в дневную жару укрывался под эстрадой в парке, переходя вечером к «отдыху на свежем воздухе», то есть оставаясь ночевать на одной из парковых скамеек. Минк всегда имел свое, постоянное место во время субботних бесплатных сеансов и охотно делился этой привилегией с ребятами, позволяя им залезать под эстраду и сквозь проломы в решетке смотреть фильм вместе с ним.

Зимой Минк, как правило, был более неуловимым; некоторые утверждали, что он ночует на заброшенном масложировом заводе или в ангаре на площадке, где торговали тракторами, другие говорили, что наиболее мягкосердечные из городских семей, на-

пример Стеффни или Виттакеры, позволяют ему ночевать в своих сараях, а иногда даже пускают в дом, чтобы угостить тарелкой супа. Но меньше всего в жизни Минк заботился о тарелке. Гораздо больше его волновала бутылка. Завсегдатаи пивной «У Карла» часто ставили ему выпивку, хоть хозяин и не разрешал ему угощаться «распивочно», а только «навынос». Но обычно щедрость посетителей оборачивалась жестокостью, и несчастный Минк служил мишенью их плоских шуточек.

Он словно и не возражал против этого: главное — получить выпивку. Никому в городе не было известно точно, сколько Минку Харперу лет, но его пример служил наглядным пособием в деле воспитания всех мальчишек города уже на протяжении по меньшей мере трех поколений. Майк прикинул, что ему, должно быть, семьдесят с лишним, что вполне годилось для его целей. А так как статус городского пьяницы и случайного работника делал его незаметным для большей части населения, то именно на этой незаметности и норовил сыграть Майк.

Проблема была лишь в том, что ему нечего было предложить в качестве оплаты. Несмотря на то что отец Майка работал на пивоваренном заводе и был весьма не прочь при случае посидеть с друзьями за кружкой-другой пивка, миссис О'Рурк категорически запрещала держать дома спиртное.

Майк затормозил напротив парикмахерской, расположенной между Пятой авеню и железнодорожными путями, и принялся лихорадочно размышлять.

«Если б у меня была хоть капля мозгов, — сокрушался он, — я бы попросил Харлена притащить какой-нибудь выпивки, пока он не уехал с Дейлом». У матери Харлена дома хранились целые галлоны спиртного, и, если верить его рассказам, она даже не замечала, куда оно девается. Но сейчас Джим вместе с Дейлом отбыли, пытаясь выполнить миссию, возложенную на них самим Майком, а он — их бесстрашный предводитель — остался без средств к достижению цели. Даже если он разыщет Минка, тот ни за что не согласится на разговор, если его не подкупить небольшой взяткой.

Майк пропустил мчащийся грузовик, который даже не потрудился снизить скорость до установленной в пределах городской черты, и направился по выжженной солнцем Хард-роуд, затем срезал угол через территорию конторы по продаже тракторов,

объехал с юга небольшой парк и по узкой аллее подъехал к пивной «У Карла».

Майк спешил, прислонил велосипед к кирпичной стене и шагнул к открытой двери. Из полутемного зала до него донесся взрыв смеха, сопровождаемый приглушенным гулом вращающихся лопастей вентилятора. Некоторое время назад большая часть мужского населения городка подписала петицию с просьбой установить здесь кондиционер — до сих пор в городе единственным общественным помещением с кондиционером была почта, — но, как утверждали злые языки, Дом Стигл высмеял это требование, поинтересовавшись, не считают ли его, собственно, каким-нибудь поганым сенатором или еще кем-нибудь в этом роде. Достаточно того, что чертовое пиво здесь еще никому не подавали теплым, а если кому что не нравится, то они могут убираться в бар «Под черным деревом».

Майк нырнул в сторонку, когда хлопнула дверь туалета и чьи-то тяжелые шаги направились в сторону зала. Вошедший что-то громко сказал, и присутствующие ответили ему взрывом хохота. Майк снова заглянул внутрь: две двери по сторонам и одна напротив. Надпись на одной из них гласила: «Бабцы», на другой — «Жеребцы», на третьей значилось просто — «Стойло». Майк знал, что последняя, и ближайшая к нему, вела в кладовую: чтобы заработать несколько монет, ему не раз приходилось помогать Дому перетаскивать ящики.

Майк скользнул внутрь, открыл эту дверь и тихо затворил ее за собой, шагнув на первую ступеньку лестницы, ведущей в подвал. Шум в зале делал шаги неслышными даже для него самого. Он начал медленно спускаться по лестнице, давая глазам привыкнуть к темноте. Над высокими каменными подоконниками когда-то были окна, но пару десятилетий назад их заколотили досками, и теперь помещение освещалось лишь теми лучиками, которые просачивались сквозь щели и пыльные наружные стекла.

У подножия лестницы Майк помедлил, обозревая штабеля коробок с сигаретами и большие металлические бочки. Позади невысокой кирпичной стенки были устроены высокие полки, где, как туманно припоминал он, хранилось вино. Он на цыпочках направился туда.

Это нельзя было назвать винным погребом, — по крайней мере, в рассказах Дейла о прочитанных книгах винные погреба были несколько иными: там замшелые винные бутылки хранились

каждая в своем гнездышке на длинных полках. Но картонные коробки с бутылками Дом держал именно здесь. Майк свернул вправо, скорее нащупал, чем разглядел, ближайшую из коробок и запустил туда руку, его ноздри ловили непривычный запах хмеля и солода. Паутина коснулась лица, и он отвел ее рукой. Неудивительно, что Дейл ненавидит подвалы.

Майк на ощупь нашел открытую коробку, наугад ухватил бутылку и замер. Если он возьмет ее, это будет считаться — и вполне справедливо — первым в его жизни воровством. Притом что из всех грехов воровство повергало его в наибольший ужас. Он никогда и никому, даже своим родителям, не говорил об этом, но человек, уличенный в воровстве, не заслуживал даже его презрения. Тот эпизод, когда Барри Фусснера поймали на том, что он украл у одного из одноклассников цветные мелки, самому юному воришке стоил всего лишь нескольких неприятных минут у директора школы, Майк же больше никогда не мог даже разговаривать с этим толстым ублюдком. Смотреть на него ему и то было противно.

Майк подумал о том, как он будет исповедоваться в этом грехе. Даже шея у него покрылась краской стыда, когда он представил себе эту картину: он стоит на коленях в маленькой исповедальне, экран отодвигается так, что сквозь решетку он может видеть профиль отца Кавано, а потом шепчет: «Простите меня, отец мой, я украл...» Но тут внимательное лицо священника склоняется к решетке, Майк видит мертвые глаза и воронку прижатого к деревянной панели рта. И вдруг в этой воронке начинают кишеть и копошиться черви, они падают на молитвенно сложенные руки Майка, на его колени, покрывая их отвратительно шевелящейся коричневой массой...

Напрочь забыв об угрызениях совести, Майк взял бутылку и вышел вон.

В парке Бандстенд царила тень, но прохлады она не давала. Зной и влажность чувствовались в тени так же неотступно, как и на солнцепеке, но здесь по крайней мере не так сильно припекало голову. Под высоким бельведером эстрады, кажется, кто-то был. Майк присел на корточки перед шпалерой и заглянул внутрь. Пространство под эстрадой было довольно грязным, пол почему-то уходил вниз и был по меньшей мере на фут ниже окружающей земли. Оттуда тянуло влажной землей, глиной и гнилью.

«Дейл ненавидит подвалы, — подумал Майк, — а я вот такие лазы».

Но это можно было назвать лазом лишь с большой натяжкой. Майк мог бы встать там во весь рост, если бы только удалось пригнуть голову до уровня плеч. Но он не встал, а вместо этого скорчился еще больше и попытался разобрать, что за куча тряпья шевелится в дальнем углу.

«Корди сказала, что те, кто убил Дуэйна, могли зарываться в землю...»

Майк мотнул головой, чтобы отогнать соблазнительную мысль выбраться отсюда, вскочить на велосипед и уехать. Куча тряпья в дальнем углу походила на старика в обтрепанной шинели, а в такой шинели Минк ходил зимой и летом последние шесть лет, и, что еще важнее, тут пахло Минком. Помимо крепкого духа дешевого вина и мочи, чувствовался тот специфический мускусный запах, который отличал старого попрошайку, а возможно, даже и обеспечил ему прозвище, данное много десятилетий назад¹.

— Кто там? — послышался равнодушный старческий голос.

— Это я, Минк... Майк.

— Майк? — Казалось, что говорит лунатик, разбуженный в незнакомом ему месте. — Майк Гернолд? А я думал, что тебя убили под Батааном².

— Нет, Минк. Я — Майк О'Рурк. Помните, мы с вами прошлым летом вместе подстригали газон перед домом миссис Дагган? Я работал газонокосилкой, а вы подстригали кусты.

При этих словах Майк проскользнул сквозь дыру в чугунной решетке. Крохотные бриллианты солнечного света плясали на земле, и теперь он мог получше разглядеть лицо Минка: гноящиеся глаза, поросшие неровной щетиной щеки, в красных прожилках нос, сероватая бледность шеи, запавший рот. Майку сразу пришло на ум то описание, которое Дейл дал отцу Дуэйна.

— Майк? — прохрипел Минк, прожевывая имя, будто оно было куском жесткого мяса, которое он не мог разжевать из-за отсутствия зубов. — Майк... А, парнишка Джонни О'Рурка.

¹ Mink (англ.) — норка.

² Батаан — населенный пункт на одноименном полуострове (Филиппины), где в сражении с японской армией 9 апреля 1942 г. американские войска потерпели поражение.

— Точно, — кивнул Майк и подошел чуть ближе. Все пространство под эстрадой казалось ему собственностью Минка, и он не хотел вести себя как непрошенный гость.

— Чего хочешь, сынок?

Голос Минка звучал устало и отрешенно, совсем не напоминающая тот, которым он говорил прежде.

«А вдруг... — подумал Майк, — вдруг я слишком взрослый для него. Минк вроде любил болтать только с малышами».

— Я кое-что принес для тебя, Минк. — И он показал принесенную бутылку.

На улице он не успел прочесть этикетку, а тут было слишком темно. Майк только надеялся, что не прихватил флакон с очистителем в подвале у Дома. Хотя было непохоже, чтобы Минк особенно заметил разницу.

Красные, в прожилках глазки алчно блеснули, когда перед ними мелькнули вожаденные формы неожиданного подарка.

— Ты принес это мне?

— Ага. — Майк почувствовал себя злодеем, когда чуть отодвинул бутылку назад; это было все равно что дразнить щенка. — Только я хочу взамен кое-что получить.

— Черт. — Из рта старика до Майка долетали пары алкоголя и гадкий запах. — Вечно так. Ладно, сынок, выкладывай, чего тебе надо. Хочешь, чтоб старина Минк сгонял в лавочку за куревом? Или купить тебе пива «У Карла»?

— Не-а, — помотал головой Майк, становясь на колени. — Я отдам тебе вино, если ты мне что-то расскажешь.

Шея Минка даже чуть вытянулась — с таким вниманием он глядел на Майка.

— Чего рассказывать? — подозрительно спросил он.

— Расскажи мне, пожалуйста, о том негре, которого повесили в Старой школе в самом начале тысяча девятисотого года, — прошептал Майк.

Он ожидал, что старый пьянчуга заявит, мол, ничего не помню. Так оно вполне и могло быть: мозг старика был безнадежно разрушен алкоголем. Или скажет, что его тогда здесь не было. Или что ему было всего десять и он все забыл. Все это вполне могло оказаться правдой. Но вместо этих слов из груди старика вырывалось только хриплое дыхание. Затем Минк протянул к нему обе руки, будто готовясь принять ребенка.

— Лады, — сказал он.

Майк отдал ему бутылку. Старик странно долго возился с ее горлышком, бормоча:

— Что за черт? Здесь настоящая пробка, что ли?

Затем послышался тихий хлопок и что-то ударилось в крышу над головой Майка. Он испуганно отпрянул, услышав, как Минк сначала выругался, а потом рассмеялся своим особенным, кашляющим смешком:

— Вот черт, да ты знаешь, что мне принес, сынок? Шампанское! Настоящая ломбардская шипучка!

Майк не мог разобрать по голосу старика, хорошо это или плохо. Но предположил, что хорошо, услышав, как тот сделал пробный глоток, поперхнулся, затем снова жадно припал к горлышку и начал пить уже более размеренно и спокойно.

Вот так, между глотками и вежливо подавляемой икотой, Минк повел свой рассказ.

Выглядывая из-за набриолиненной головы Конгдена, ребята разглядывали особняк мистера Денниса Эшли-Монтегю, видневшийся сквозь кованую решетку ворот. Дейл подумал, что это первый настоящий особняк, который он видит в жизни: стоящий позади нескончаемых акров идеально зеленого газона, окруженный густым лесом и сооруженный на самом краю утеса над Иллинойс-ривер, особняк представлял собой нагромождение кирпича, острых шпиль и ромбовидных зарешеченных окон в стиле Тюдоров. Его стены до самых карнизов были увиты плющом. Позади ворот полукруглая подъездная аллея, асфальтовое покрытие которой не шло ни в какое сравнение с заплатанным бетоном Гранд-Вью, изящно изгибаясь, вела к высокому крыльцу в сотне или даже больше ярдов от ворот. Низкие фонтанчики с тихим журчанием орошали даже самые отдаленные уголки газона.

На кирпичной колонне с левой стороны ворот располагалась коробка переговорного устройства и микрофон. Дейл вышел из машины. Горячий воздух, врывающийся в открытые окна машины, пробежал по коже, будто ее терли невидимой наждачной бумагой, но сейчас, когда машина остановилась, мертвящий зной и беспощадное ярмо солнца были еще хуже. Футболка промокла мгновенно. Дейл надвинул пониже бейсбольную кепку и, прищурившись, уставился на покрытую солнечными бликами дорогу.

Дейл никогда прежде не бывал на Гранд-Вью. В этой части штата каждый знал об улице, которая бежит вдоль гряды холмов на север от Пеории, знал о располагавшихся вдоль нее больших домах местных миллионеров, но семья Дейла во время своих поездок в Пеорию, не заезжая в этот район, ограничивалась посещением центра города, если только его можно было так назвать. Они непременно навещали либо новый торговый центр Шервуда (целых шесть этажей), или первый и пока единственный в городе «Макдональдс», расположенный на Мемориал-драйв. Но эта крутая и тенистая дорога была незнакома Дейлу; холмов такого размера он никогда не видел. Вся жизнь мальчика прошла на равнине между Пеорией и Чикаго, и все, что превосходило небольшие лесистые возвышенности около Страстного кладбища или вдоль Джубили-Колледж-роуд, казалось Дейлу необыкновенным.

И эти поместья, каждое из которых было расположено в своей тенистой обособленности, а самые значительные из них угнездились на неприступных на вид утесах, как, например, поместье Эшли-Монтегю, казались нереальными, словно сказочные замки из книжек.

Харлен что-то прокричал из машины, и Дейл пришел в себя и понял, что уже не меньше минуты стоит тут на самом солнцепеке. Кроме этого, он осознал, что здорово напуган. Тогда мальчик поскорее наклонился к черной решетке переговорного устройства, чувствуя, как напрягается от страха шея и сжимается желудок, и попытался понять, как привести эту штуку в действие.

— Могу я помочь вам, молодой человек? — раздался голос из динамика.

Это был мужской голос, произносивший слова с четкой артикуляцией, как обычно делали актеры в английских фильмах. Дейл тут же вспомнил Джорджа Сандерса в фильме «Ястреб», который недавно показывали по телевидению. Мальчик заморгал и стал оглядываться. Камеры вроде нигде не было видно, откуда же они узнали, что он здесь стоит? Кто-то следит за ним в бинокль из дома?

— Могу я помочь вам? — повторил голос.

— Ну да, — сказал Дейл, чувствуя, как у него во рту внезапно пересохло. — Вы мистер Эшли-Монтегю? — Едва произнеся эти слова, он уже понял, что сморозил глупость.

— Мистер Эшли-Монтегю занят, — сказал голос. — Вы, джентльмены, имеете какое-нибудь дело к мистеру Эшли-Монтегю или мне придется вызвать полицию?

Сердце Дейла подпрыгнуло и ухнуло куда-то вниз, но уголком разума он отметил: «Где бы этот парень ни был, он нас видит».

— Нет-нет, — сказал Дейл, не зная, чему именно он говорит «нет». — Я хочу сказать, что у нас есть дело к мистеру Эшли-Монтегю.

— Пожалуйста, изложите ваше дело, — попросила черная коробка.

Кованая решетка ворот была такой высокой и широкой, что, казалось, никогда в жизни не бывала открытой.

Дейл заглянул в машину, как бы обращаясь к Харлену за помощью. Джим сидел, сжимая в руках пистолет, но все-таки предусмотрительно держал его ниже уровня сиденья, опасаясь то ли камеры, то ли перископа, то ли еще чего-то. Господи, что, если сейчас нагрянут копы?

Из машины высунулся Конгден и визгливо закричал, обращаясь к черной коробке:

— Эй, скажите там, что эти ублюдки целятся из пистолета в мою машину. Эй! Скажите им это!

Дейл подошел поближе к микрофону, стараясь загородить орущего Конгдена. Он не знал, слышала ли эти крики коробка, но голос с британским акцентом больше не заговорил. Все: и ворота, и лес, и холмы, и газон, и небо цвета вороненого металла — все, казалось, ожидало его ответа.

«Какого дьявола я не подготовился как следует, пока ехал сюда?» — со злостью на себя подумал Дейл.

— Скажите мистеру... э... скажите ему, что я здесь из-за колокола Борджа, — заговорил наконец Дейл. — Скажите ему, что мне нужно срочно с ним поговорить.

— Одну минуту, — произнес голос.

Дейл смахнул с лица пот, и вдруг ему на ум пришла сцена из фильма «Волшебник из страны Оз», когда парень, охранявший ворота в Изумрудный город, заставил мучиться перед ними Дороти и остальных путников, которые только что перенесли такие ужасные мучения во время своих скитаний.

— Мистер Эшли-Монтегю занят, — наконец сказал голос. — Он просил его не беспокоить. Всего доброго.

Дейл смущенно потер нос. Еще никто и никогда не желал ему «всего доброго».

Сегодня был день настоящих открытий.

— Эй! — закричал он, хватая рукой микрофон. — Скажите ему, что это очень важно. Скажите, мы приехали, чтобы поговорить с ним! Скажите ему, мы проделали такой долгий путь, чтобы...

Коробка оставалась немой. Ворота оставались запертыми. Никто и ничто не появилось в пространстве между домом и воротами.

Дейл шагнул назад и измерил взглядом высокую кирпичную стену, отделявшую владения миллионера от Гранд-Вью. Можно было бы влезть на нее, если Харлен подсадит его, но, возможно, тут есть овчарки или доберманы-пинчеры... А люди, прячущиеся между деревьями, с автоматами в руках... А копы, которые тут же принесутся и засекут Харлена с револьвером...

«Боже милостивый, мама думает, что я играю в бейсбол или сижу у Майка, а тут ей звонят из полицейского участка в Пеории и говорят, что я задержан за посягательство на чужую собственность, ношение незарегистрированного оружия и попытку похищения ребенка. Нет, — подумал он тут же, — ношение и похищение достанутся на долю Харлена».

Дейл схватил микрофон и, прижавшись к нему лицом, закричал что есть силы, даже не зная, включена ли эта штукавина вообще и есть ли на другом конце слушатель, или он давно ушел по своим делам в Изумрудный город.

— Слушай меня, черт возьми! — кричал он. — Скажи мистеру Эшли-Монтегю, что я знаю все о колоколе Борджа, и о том цветном, которого повесили, и о погибших детях... о тех, которые погибли тогда, и о тех, которые погибли недавно... о черт.

Выпустив пар, Дейл уселся на горячий тротуар.

Из коробки не донеслось ни звука, но зато вдруг послышалось электрическое гудение, затем механическое клацанье — и широкие ворота медленно стали открываться.

Впустил Дейла не мистер Джордж Сандерс, это был молчаливый тонколицый человек, который больше походил на мистера Тейлора, отца Диггера, владельца похоронного бюро в Элм-Хейвене.

Харлен оставался в машине. Было очевидно, что если мальчики уйдут вместе, то Конгден тут же слиняет, прихватив с собой

даже ворота, если сумеет. Предстоящая награда в двенадцать долларов пятьдесят центов не помешает ему в этом — не помешает даже убить их, если представится возможность. Только ошущимое присутствие револьвера, нацеленного на капот его «шевроле», могло утихомирить его и даже привести в дрожь.

— Давай-давай, — сказал Харлен сквозь зубы. — Только не расслаживайся там за чаем или за угощением. Выясни что нужно и делай ноги.

Дейл кивнул и выбрался из машины. Конгден начал было угрожать, что вызовет полицию, на что Харлен ему спокойно ответил:

— Вызывай. У меня в кармане еще восемнадцать патронов. И посмотрим, сколько дырок я успею провертеть в капоте твоей тачки. Пока полиция появится, она станет похожа на швейцарский сыр. А тогда я скажу, что это ты затащил нас сюда. Мы с Дейлом не имеем приводов в участок в качестве малолетних правонарушителей, в отличие от некоторых, кого я знаю, но называть не хочу.

Конгден зажег следующую сигарету и уставился на Харлена, будто обдумывая достойную месть.

— Пошевеливайся, — уже без всякой на то необходимости добавил Харлен.

Дейл шел за мужчиной, который, как он уже догадался, работал здесь в качестве дворецкого, через анфиладу комнат, каждая из которых была больше, чем весь первый этаж дома Стюартов. Затем человек в темном костюме открыл высокую дверь и ввел мальчика в комнату, которая, видимо, служила библиотекой или кабинетом: обшитые махагоновым деревом стены и бесконечные полки высотой футов в двенадцать заканчивались узким мостиком, огороженным медными перилами, выше шел следующий ряд тоже махагоновых, но еще более высоких полок. Весь уставленный книгами, этот ряд тянулся до самого потолка и прятался среди подчеркнуто грубых деревянных стропил. На самом мостике стояло несколько переносных стремянок. Восточную стену комнаты, шагах в тридцати от того места, где стоял Дейл, занимало огромное окно, из которого лился солнечный свет прямо на огромный письменный стол, за которым сидел мистер Эшли-Монтегю. Сам миллионер выглядел очень миниатюрным, узкие плечи, серый костюм, очки и галстук-бабочка не делали его более внушительным.

Когда Дейл вошел, он и не подумал встать.

— Что вы хотите?

Дейл перевел дыхание. Теперь, когда он находился здесь, он не чувствовал страха и совсем не нервничал.

— Я сказал вам, что я хочу. Кто-то или что-то убило моего друга, и я полагаю, что это имеет отношение к тому колоколу, который привез ваш дедушка для школы.

— Чепуха, — отрезал мистер Эшли-Монтегю. — Этот колокол был просто забавной редкостью, которая, как убедили моего деда, имела некоторую историческую ценность. И, как я уже говорил вашему юному другу, колокол был разрушен примерно сорок лет назад.

Дейл покачал головой.

— Мне известно другое, — сказал он, хотя на самом деле ему ничего не было известно. — Колокол все еще здесь. И он влияет на судьбы людей так же, как это было при Борджа. И мой «юный друг», как вы его назвали, теперь мертв. Мертв так же, как мертвы те дети, которых убили шестьдесят лет назад. Мертв, как тот негр, повесить которого помогал ваш дедушка.

Дейл слышал собственный голос — сильный, отчетливый, и уверенный — как бы со стороны. Словно смотрел кино. При этом какая-то часть его разума наслаждалась видом из окна: Иллинойс-ривер, широкая и серая, блестела под солнцем, между лесистыми утесами, далеко внизу бежала железная дорога, тянулась серая лента шоссе, ведущего в Пеорию.

— Об этом я ничего не знаю, — сказал Деннис Эшли-Монтегю, нервно перекладывая на столе бумаги. — Сожалею о несчастном случае, происшедшем с вашим другом. Конечно, я уже читал об этом в газетах.

— Это не было несчастным случаем, — покачал головой Дейл. — Кто-то, кто уже давно связан с колоколом, убил его. Существуют еще и другие явления... Что-то, что появляется по ночам...

Теперь мистер Эшли-Монтегю стоял позади своего стола. Очки на нем были в круглой темной оправе и делали его похожим на одного комического персонажа из фильма. Того, который вечно выпрыгивал из окон.

— Какие явления? — Голос его снизился до шепота и был едва слышен в огромной комнате.

Дейл пожал плечами. Он знал, что не должен слишком откровенничать, но понятия не имел, каким образом все же дать понять этому человеку, что им известно о том, что здесь что-то происходит. В эту секунду Дейл представил себе, как вдруг в одной из стен открывается потайная панель и оттуда выходят Ван Сайк и доктор Рун и тихо обходят его сзади. А позади них, из углов на него набрасываются призраки...

Дейл подавил желание оглянуться через плечо. Интересно, если он не выйдет отсюда, Харлен уедет без него или нет? Дейл уехал бы.

— Например, мертвый солдат, — ответил он. — Человек по имени Уильям Кэмпбелл Филлипс, если быть точным. Например, возвращение мертвой учительницы. И другие явления... существа, возникающие из земли...

Даже для самого Дейла это звучало глупо. Он был рад, что замолчал прежде, чем успел упомянуть о змее, выползшем из кладовки и спрятавшемся под кроватью его брата. Внезапно у него мелькнула мысль: «Я ведь не видел ничего этого. Я принял на веру слова Майка и Харлена. Все, что я видел, — это дыры в земле. Боже милостивый, сейчас этот человек позвонит в полицию, и меня упекут в психушку. Я окажусь там даже прежде, чем мама поймет, что я опаздываю к ужину». Рассуждение было здравым. Но Дейл не поверил ему ни на секунду. Он верил Майку. Он верил записям Дуэйна. Он верил своим друзьям.

Мистер Эшли-Монтегю почти рухнул в кресло.

— Боже мой, боже мой, — прошептал он и наклонился вперед, будто хотел спрятать лицо в ладонях. Но вместо этого он снял очки и принялся протирать их белоснежным носовым платком. — Что вы хотите?

У Дейла чуть не вырвался вздох облегчения.

— Я хочу знать, что происходит, — сказал он. — Я хочу видеть записи историка... доктора Пристмана... Хочу, чтобы вы рассказали мне все, что знаете о колоколе и о том, что произошло когда-то. И больше всего... — Теперь у него все-таки вырвался вздох облегчения. — Больше всего я хочу знать, как можно остановить это все.

Глава 28

Сквозь решетку с западной стороны подвала, расположенного под эстрадой, пробивался солнечный свет и бликами ложился на темную, влажную землю. Майк сидел рядом с Минком, пока тот вел свое повествование, часто прерываемое большими глотками шампанского, долгими приступами кашля и еще более долгими приступами молчания.

— Та зима была очень холодной, холода настали как раз после наступления нового года... и нового века... Я тогда был маленьким пацаном, не старше, чем ты сейчас. Сколько тебе? Двенадцать? Нет, одиннадцать?.. А, ну и мне было примерно столько же, когда повесили того негра.

Школу я тогда уже бросил. Большинство из нас не ходили в школу подолгу... только чтобы научиться подписывать свое имя да немного считать... вот и все, что требовалось человеку в те времена. Мы с братьями нужны были отцу на ферме. Поэтому к тому времени, когда повесили негра, я уже забросил школу...

В том году у нас в городке стали пропадать дети. Когда исчезла маленькая Кэмпбелл, это привлекло внимание всех потому, что ее тело обнаружили, и потому, что они были богачами и все такое... но и до нее пропало четверо или пятеро ребятшек. Они просто не вернулись домой. Помню, я тогда дружил с одним маленьким поляком, Стрбнски была их фамилия, его отец работал в бригаде железнодорожных рабочих, которые тянули дорогу через наш город, да так здесь и остался. Стефан его звали. Ну, мы со Стефаном как-то слонялись возле салуна, поджидая своих отцов. Как раз за несколько недель до Рождества. Я-то своего дождался, и мы с братом усадили его на телегу и повезли домой, а Стефана больше никто не видел. Никогда. Последнее, что я по-

мню, — это как он брел через сугробы по Мейн-стрит в своих заплатанных штанах и в руках у него была банка, в которой он таскал пиво для своей старухи... Что-то сцапало Стефана, то самое, что потом утащило двойняшек Майерсов и этого... как его звали... маленького мексиканца. Они жили там, где сейчас свалка... Но конечно, внимание всех привлекла смерть маленькой Кэмпбелл: она все-таки была племянницей доктора и все такое.

Когда ее двоюродный брат Билли Филлипс ворвался в салун... нет, не к Карлу, этой пивной тогда еще не было... большой салун был там, где теперь этот дурацкий магазин... ладно, в общем, когда этот сопляк Билли Филлипс ворвался холодным вечером и заорал, что у негра, который живет за путями, нашли платье его сестры, ну, тут салун опустел через полминуты... И я тоже, помню, как бежал, чтобы не отстать от отца... а на улице в своей двуколке сидел мистер Эшли, и на коленях у него лежало ружье... То самое, из которого он выстрелил в себя через несколько лет... Сидел так, будто ждал нас.

«Надо идти, ребята! — закричал он. — Справедливость должна восторжествовать».

И тут вся толпа мужчин заревела... ну, знаешь, толпа соображает не лучше, чем кобель, когда перед его носом сучка в течке... ну и все мы побежали туда, и пар валил у всех изо рта, он казался прямо золотым на солнце... я даже помню, как пар вырывался из ноздрей лошадей, двух черных кобыл, запряженных в коляску мистера Эшли... Да и некоторые другие были в колясках... И мы помчались в северную часть города, где позади свечного заводика проходила старая одноколейка, и этот негр задрожал и стал тарашиться на нас... А до этого он что-то жарил на сковороде, готовил жратву, в общем... И парочка его друзей была здесь же, они тогда никогда не ходили поодиночке, и им не разрешалось бывать в городе после темноты, конечно... Но они не стали ввязываться, они брызнули в разные стороны, как перепуганные псы, понявшие, что сейчас будет порка.

У черномазого была кровать-скатка, ну, мужчины разорвали ее, и все увидели... там было платье маленькой Кэмпбелл, все в засохшей крови, ну и еще кое в чем... Ты понимаешь, сынок, о чем я говорю.

И они потащили негра к школе, тогда она была навряд ли центром города. В школе и все собрания проходили, и на выборы мы

туда ходили, и все сделки тоже там совершались... И негра они туда поволокли... Я, помню, всегда болтался на улице, когда начинали звонить в колокол, чтобы все собирались побыстрее, если дело было важное. И тогда, помню, я тоже там стоял, мы еще пулялись снежками с Лестером Коллинзом, Мерри Уиттакером и отцом Конни Дейзингером... не помню, как его звали. Там и все пацаны собрались, которые пришли с отцами. Но вдруг как-то быстро стемнело... стало по-настоящему темно... и жутко холодно... как у ведьмы за пазухой... В тот год весь чертов город был отрезан начисто, ты понимаешь, навроде как опечатан, из-за того что дороги стали жуть какими скользкими и сугробы. Даже в Оук-Хилл было не добраться, понимаешь, такие были дороги. Поезда еще ходили, но не каждый день. Так ведь сугробы — во, и никаких снегоочистителей на дорогах, и холодина... Вот мы и остались сами по себе.

Когда мы замерзли, то пошли в суд... они называли это судом... и этот суд уже почти закончился. Все дело заняло не больше часа. Настоящего судьи, конечно, не было. Судья Эшли вышел в отставку молодым, да он все равно был чуть-чуть психом... но они все равно называли это судом. Мистер Эшли — он знал свое дело. Помню, я стоял вместе с другими пацанами в бельэтаже школы, там, куда все эти книги складывали, и глядел в главный зал, где собрался народ, и дивился на судью Эшли. Он был такой важный — в дорогом костюме, шелковом галстуке и в том шелковом котелке, который он прямо не снимал с себя. Но конечно, когда он вел этот суд, то снял его... Я помню, что видел, как свет блестит на его белых волосах, и удивлялся, как это он такой молодой и уже такой умный.

В общем, Билли Филлипс как раз кончал рассказывать, как он шел домой, когда этот негр попытался напасть на него... сказал, что он гнался за ним и кричал, что убьет и съест... как съел девочку до него... А этот Билли, скажу тебе, был самым большим вралем, которого я когда-нибудь видел... маленький говнюк прогуливал школу как хотел, а потом являлся и утверждал, что ухаживал за больной мамочкой... Правда, его старуха и впрямь болела все время, потом она вскоре и умерла... или врал, что сам болел, а мы все знали, что он болтался по городу, или рыбачил, или еще что... В общем, Билли говорит, что он вырвался от негра, а потом пошел тайком за ним в его лачужку и там увидел одежду

маленькой Кэмпбелл, я тебе говорил, что она приходилась сестрой Кэмпбеллу, и этот негр навроде как шурудил эту одежду и всем показывал. И Билли сказал, что он побежал в город и рассказал мужчинам в салуне.

И другой парень, кажись, это был Клемент Дейзингер, что ли... ну да, он сказал, что видел этого черномазого, когда тот болтался возле дома доктора Кэмпбелла, как раз перед Рождеством, когда девочка и пропала. Сказал, что раньше забыл про это, а теперь вспомнил и понимает, что черномазый вел себя очень подозрительно. После Клемента и другие стали вспоминать, что вроде видели этого негра в городе.

И судья Эшли ударил своим кольтом, будто это был этот... ну как его там... а, молоток... и говорит черномазому: «Вы имеете что-нибудь сказать в свою защиту?» — а тот только глядит на всех своими желтыми глазами и молчит. Конечное дело, его толстые губы были в кровь разбиты, потому что некоторым таки удалось его стукнуть, но я думаю, если б он захотел говорить, то заговорил бы. Видать, он просто не хотел.

И судья Эшли... мы всегда думали о нем как о настоящем судье... так он опять ударил своим кольтом по столу, который они притащили вниз, и говорит: «Я объявляю вас виновным и приговариваю вас к смерти через повешение. И пусть Господь примет вашу душу». И тут вся эта толпа встала и стояла, пока он что-то еще не прокричал, а потом старый Карл Даббет схватил этого черномазого, и еще несколько человек тоже схватили его и потащили мимо комнат для маленьких учеников к лестнице, которая идет мимо витражей, и потом туда, где стояли мы, мальчишки... Они протащили черномазого так близко от нас, что я мог бы дотронуться до его толстых губ, которые уже стали совсем синими... и мы отправились за ними, когда они волокли черномазого мимо старших классов... и там то ли Карл, то ли Клемент надел ему на голову черный капюшон... и они протащили его по оставшимся ступеням. Теперь-то их больше нет, этих ступеней, их замуровали, знаешь... Ну и вытащили негра на такой узкий мостик, который шел внутри башни.

Ты его не видал... Я-то знаю, о чем говорю, я целых сорок лет сам помогал Карлу Ван Сайку, а до него еще Миллеру, убирать там, но ты его не видал. Мостик шел внутри башни, и с него было видно все три этажа вниз, словно три ряда балконов, до самого

главного зала, а в середине болтался этот колокол, который мистер Эшли привез из Европы. В общем, мы все стояли вокруг этих балконов... и весь первый этаж был запружен толпой мужчин... да и женщинами тоже. Помню, я видел там Салли Мун, мать Эммы, она стояла со своим мужем Оливером, слабак еще тот был, и у них даже щеки блестели, такие они были счастливые и взволнованные... И все смотрели на судью Эшли.

Помню, я подумал, что они собираются его попугать... повесить ему на шею веревку, чтоб он раскололся и сказал всю правду... но было не так. Нет, сэр, не этого они хотели. Судья Эшли взял у кого-то из них нож, кажись у Сесили Виттакера, и перерезал эту чертову веревку, которая тянулась вниз от языка колокола до самого пола. Я стоял на балконе старшекласников и провожал ее глазами, когда она падала и ложилась на пол кольцами. Люди расступились, и все смотрели мимо меня, вверх, на этого черномазого. И тут судья Эшли сделал странную вещь.

Мне нужно было догадаться об этом, еще когда он обрезал веревку, но я не дотумкал. Они возились около его головы и что-то делали с его капюшоном, и я подумал, вот они сейчас сдернут его и негр испугается. И они пригрозят, что скинут его вниз и все такое... но никто не собирался его пугать. Вместо этого они обвязали короткий конец веревки вокруг шеи, на голове у него все еще был капюшон, и как-то они умудрились поставить его на узкие перила, которые шли вдоль мостика... и, паренек... тут настала такая чертова тишина... прямо ни хрена не было слышно. Там было чуть не три сотни людей, но ни звука не было слышно. Не слышать было ни кашля, ни сопения, даже дыхания и то не было. Только тишина. Все, каждый мужчина, женщина, ребенок, включая меня самого, таращились на этот балкон и на черномазого, стоявшего на самом краешке, его лица не было видно из-под проклятого черного капюшона, руки были связаны за спиной, и ничего не держало его. Ничего, кроме рук какого-то мужчины.

И затем кто-то, кажись это был судья Эшли, но точно не знаю, я не видел ясно, потому что было темно в башне и я смотрел только на черномазого, как и все, — в общем, кто-то толкнул его вниз.

Черномазый упал, конечно. Вережка была короткая, и падение не сломало ему шею, как было бы, если б его повесили по-настоящему. Он болтался как сукин сын, раскачиваясь от одной сторо-

ны колокола до другой, и каждый раз стучался задом. И из-под капюшона слышались какие-то захлебывающиеся звуки. Я их слышал хорошо. Его ноги оказывались всего в нескольких футах от моей головы каждый раз, когда он был с моей стороны балкона для старших классов. Помню, с него слетел один башмак, а в другом была дырка и из нее торчал большой палец ноги. Еще помню, что Клемент Дейзингер протянул руку и хотел дотронуться до черномазого, пока тот так болтался и раскачивался. Он не хотел ни толкать его, ни тянуть, просто дотронуться, ну как в цирке, понимаешь... но тут мы увидели, как черномазый обоссался... Клянусь Богом, его драные брюки вдруг прямо на наших глазах потемнели, и что-то потекло по ногам... И люди внизу как-то загудели и прыснули в разные стороны. И затем черномазый перестал болтаться и повис неподвижно, и Клемент быстренько убрал руку, и никто из нас уже больше ничего не пытался сделать.

И знаешь, парень, что странно? Как только этот черномазый соскользнул с перил, старый колокол вдруг начал звонить, вот что странно. И он звонил все время. Пока негр болтался, и раскачивался, и давился под своим капюшоном, никто ничего не замечал, потому что он болтался на веревке как какой-то сукин сын... Но понимаешь, парень? Некоторые из нас там остались, пока черномазого не сняли и не выбросили его тело на свалку или еще куда, чтоб избавиться... Так вот, этот колокол так все время и звонил. Кажется, он звонил всю ночь и весь следующий день, как будто черномазый все еще раскачивался на нем. Кто-то сказал, что когда вешали негра, то нарушили какой-то баланс... или еще чего-то. Но звук был странный... клянусь тебе... Мы в ту ночь уехали с отцом из города, я помню холодный воздух, помню снег, запах виски от моего старика, стук лошадиных копыт по льду и замерзшей земле. Элм-Хейвен в ту ночь был сплошная чернота деревьев, да дым над трубами был заметен в лунном свете позади нас... И гул колокола.

Слушай, парень, а у тебя нет еще бутылочки этого отличного шампанского? А то здесь уже ни капли.

— Итак, вы видите, — говорил мистер Деннис Эшли-Монтегю, — что ваша так называемая легенда о колоколе Борджа столь же фальшива, как и так называемый сертификат атрибутации, который побудил моего деда купить эту вещь. Никакой легенды не

существует... существовал только старый литой колокол, проданный легковерному американскому путешественнику.

— Нет, — сказал Дейл; мистер Эшли-Монтегю говорил уже несколько минут, солнечный свет из ромбовидного окна позади него заливал дубовый письменный стол и создавал некое подобие нимба вокруг редееющих волос мистера Эшли-Монтегю. — Извините, я не верю вам.

Миллионер вспыхнул и скрестил на груди руки; похоже было, что лет с одиннадцати его никто не называл лжецом. Он надменно выгнул светлую бровь:

— О? А чему верите, молодой человек? Тому, что этот колокол послужил причиной некоторых сверхъестественных событий? Вам не кажется, что вы выросли из таких сказок?

Дейл проигнорировал этот вопрос. В эту минуту он подумал о Харлене, который, сидя в чужом «шевроле», сторожил строптвого Конгдена. Времени у него было не много.

— Вы сказали Дуэйну Макбрайду, что колокол был разрушен? Мистер Эшли-Монтегю нахмурился.

— Не припоминаю, чтобы мы обсуждали этот вопрос, — веско сказал он, но голос его звучал фальшиво, будто он подозревал, что, возможно, были свидетели. — Действительно, он вроде бы расспрашивал меня об этом. Да, колокол был разрушен и расплавлен во время войны.

— А как насчет негра? — настойчиво продолжал расспросы Дейл.

Худощавый человек тонко улыбнулся. Дейл знал слово «свысока» и подумал, что, пожалуй, оно тут больше всего уместно.

— Какого негра вы имеете в виду, молодой человек?

— Негра, которого повесили в Старой школе, — ответил Дейл. — На том самом колоколе.

Мистер Эшли-Монтегю медленно покачал головой:

— В начале этого века действительно произошел некий досадный инцидент, в который оказался вовлечен представитель цветного населения, но, уверяю вас, никто повешен не был. И уж тем более никто не был повешен на колоколе в школе Элм-Хейвена.

— Ладно, — кивнул Дейл, сидя на стуле с высокой спинкой и скрестив под столом ноги. Он старался держаться так, будто

у него был вагон времени. — Расскажите мне, пожалуйста, что тогда произошло.

Мистер Эшли-Монтегю вздохнул, сделал вид, будто тоже хотел бы сесть, но вынужден ходить взад и вперед по кабинету. Бросив короткий взгляд за окно, Дейл увидел, как по серой глади реки скользит огромная баржа.

— У меня имеются только отрывочные данные, — заговорил миллионер. — Моему отцу тогда было примерно лет около тридцати, но он еще не был женат... Эшли-Монтегю всегда стремились вступать в брак в довольно позднем возрасте... Так вот. Во всяком случае, вот что мне известно из семейных преданий. Мой собственный отец умер в тысяча девятьсот двадцать восьмом году, как вы, полагаю, знаете, вскоре после моего рождения. Поэтому я не имел возможности уточнить некоторые детали. Доктор Пристман не упомянул об этом инциденте в своих трудах... Итак, насколько я понимаю, в начале столетия в нашей части округа произошел неприятный инцидент. Исчез один или два ребенка. Впрочем, я полагаю, что они, скорей всего, сбежали из дома. В то время жизнь на фермах была нелегкой, и не было ничего необычного в том, что дети предпочитали убежать из дома, вместо того чтобы непосильно трудиться вместе со своими семьями. Тем не менее один из детей... дочь местного доктора, если я не ошибаюсь... была найдена мертвой. Кажется, ее... э... над ней надругались и затем убили. Вскоре после этого несколько почтенных граждан городка, включая моего отца, который имел честь быть судьей в отставке, как вам, полагаю, известно... Так вот, нескольким горожанам были представлены неопровержимые доказательства того, что преступление совершено негром, не имевшим определенного места жительства...

— Какого рода доказательства? — прервал его Дейл.

Мистер Эшли-Монтегю замедлил шаги и нахмурился:

— Неопровержимые. Это взрослое слово, не так ли? Слово «неопровержимые» означает, что...

— Я знаю, что означает слово «неопровержимые», — сказал Дейл, проглотив слово «говнюк». Он уже начинал думать и выражаться, как Харлен. — Это значит, те, которые нельзя отрицать. Я имею в виду, что за доказательства?

Миллионер взял со стола изогнутый нож для разрезания бумаг и принялся раздраженно постукивать им по столу. Дейл уже

подумал, что, наверное, сейчас он вызовет дворецкого и велит вышвырнуть его вон. Но этого не произошло.

— Какого рода доказательства? — повторил он и снова начал рассказывать по кабинету, постукивая маленьким ножом по столу всякий раз, когда оказывался рядом. — Припоминаю, что это была какая-то часть туалета девочки. Возможно, орудие убийства. Что бы это ни было, доказательства были неопро... Бесспорными.

— И тогда его повесили? — спросил Дейл, думая о нервничающем в эту минуту Конгдене.

Мистер Эшли-Монтегю выразительно посмотрел на Дейла, хотя выразительность взгляда была несколько смазана присутствием толстых линз очков.

— Я уже сказал вам, что никто не был повешен. Был созван суд, возможно, это происходило в школе, хотя надо признать это довольно странным. Присутствовали горожане... все уважаемые жители города... и я бы добавил, что де-факто было созвано большое жюри... Полагаю, вы знаете, что такое большое жюри?

— Да, — буркнул Дейл. На самом деле он не имел об этом никакого понятия, а о значении выражения «де-факто» догадался только по смыслу.

— Итак, в этом происшествии мой дед не являлся каким-нибудь предводителем толпы линчевателей. Он представлял глас закона и правосудия. Возможно, среди горожан присутствовали элементы, которые хотели бы вершить суд и расправу короткой рукой... Я не знаю, мой отец никогда не говорил об этом. Но дед настоял на том, чтобы этот человек был препровожден в Оук-Хилл и отдан в руки правосудия... в полицейский участок, если хотите.

— И он был препровожден? — спросил Дейл.

Мистер Эшли-Монтегю неожиданно прекратил рассказывать взад и вперед.

— Нет. В этом и состоит трагедия, которая лежала тяжелым грузом на совести моего отца и деда. Кажется, негра посадили в повозку, но он спрыгнул с нее... и побежал... и несмотря на то, что он был в наручниках и кандалах, он сумел добраться до болот, тянувшихся вдоль дороги. Это произошло там, где теперь ферма мистера Виттакера. Сопровождавшие его люди не смогли догнать его, поскольку предательский грунт не мог выдержать их веса. Этот человек утонул... задохнулся.

— Но я думал, что была зима, когда это все произошло, — заметил Дейл. — Январь.

Мистер Эшли-Монтегю пожал плечами.

— Неожиданное потепление, — сказал он. — Может быть... Вполне вероятно, что обвиняемый провалился под лед... Оттепели в середине зимы часто случаются в этих местах.

Дейл не стал возражать.

— Мы могли бы взглянуть на заметки, оставленные доктором Пристманом? — спросил он.

Своим видом мистер Эшли-Монтегю постарался дать понять, как он относится к столь дерзкому заявлению, и, высокомерно скрестив на груди руки, спросил:

— И тогда вы позволите мне вернуться к прерванной работе?

— Конечно, — ответил Дейл. «Интересно, что скажет Майк, когда он вернется домой после такой безрезультатной беседы. И теперь еще проклятый Конгден будет пытаться меня убить. Из-за чего все это?»

— Подождите здесь, пожалуйста, — сказал миллионер и направился к крутой лестнице, ведущей на балкон библиотеки. Медленно идя вдоль рядов, он пристально разглядывал через очки заглавия книг.

Дейл сделал несколько шагов вдоль балкона и оказался рядом с письменным столом хозяина. Позади стола плотными рядами стояли книги. Сам Дейл предпочитал держать самые любимые книги под рукой, чтобы их всегда можно было легко достать. Возможно, и миллионер рассуждал таким же образом.

— Где вы там? — послышался голос сверху.

— Я здесь. Смотрю в окно, — ответил Дейл, изучая ряды старинных, переплетенных в кожу томов. Названия многих из них были на латинском. Но и английские заголовки мало что говорили ему. Запах старых фолиантов щекотал ему ноздри.

— Не уверен, что я... а, вот она... — сказал мистер Эшли-Монтегю.

Дейл услышал, как он достает одну из книг.

Палец мальчика пробежал по корешкам. Если б не это, Дейл бы и не заметил, что одна из книг стоит несколько глубже остальных. Он не смог разобрать название, выведенное золотом на корешке, но когда он чуть потянул на себя книгу, то прочел английский подзаголовок на переплете: «Книга закона». Под этим заго-

ловком шли другие слова: *Scire, Audere, Velle, Tacere*¹. Дейл знал, что Дуэйн Макбрайд легко читал на латыни, даже немного на греческом, и пожалел, что друга нет рядом.

— Да, это она, — раздался голос прямо над Дейлом. И послышались шаги, идущие к лестнице.

Дейл вытащил всю книгу, увидел несколько белых маленьких закладок между страницами и — из чистой бравады — сунул ее за спину, за пояс джинсов. Потом он расправил футболку так, чтобы не было ничего заметно.

— Молодой человек, — сказал мистер Эшли-Монтегю, его лакированные черные ботинки и серые брюки показались на ступеньках футах в трех выше головы Дейла.

Мальчик быстро разровнял книги так, чтобы пропажа одной из них не бросилась в глаза, сделал три шага к окну и принял скушающий вид, будто бы он был полностью поглощен представшим за окном зрелищем.

Мистер Эшли-Монтегю, слегка запыхавшись, спустился по лесенке, прошел через комнату и протянул мальчику книгу:

— Вот, пожалуйста. Данный сборник, в котором содержатся довольно любопытные заметки и некоторые редкие фотографии, — это единственное, что передал мне доктор Пристман. Понятия не имею, что вы ожидаете здесь найти... Ни о колоколе, ни о прискорбном происшествии с представителем негритянского населения здесь нет ни слова... Но я разрешаю вам взять эту книгу домой и изучить ее, при условии, конечно, что вы вернете книгу по почте... и в таком же состоянии, в каком она находится сейчас.

— Конечно верну, — сказал Дейл, принимая тяжелый том и чувствуя, как более тонкий выскользнул из-под пояса и опустился чуть ниже. Контур книги сейчас чуть заметно обрисовался под футболкой. — Извините, что побеспокоил вас.

Мистер Эшли-Монтегю любезно кивнул и вернулся за стол, пока Дейл медленно отступал, стараясь не поворачиваться к нему спиной.

— Полагаю, вы сумеете найти обратную дорогу, — сказал мистер Эшли-Монтегю, уже склоняясь над бумагами.

— Э... — протянул Дейл, думая о том, что ему нужно повернуться, чтобы выйти из комнаты, и миллионер в это время поднимет глаза и... Интересно, стащить книгу — это уже воровство?

¹ Выслушать, узнать, хотеть, безмолвствовать (*лат.*).

Наверное, смотря какую книгу. — Пожалуй, нет, сэр, — продолжил он.

На уголке стола стоял небольшой колокольчик, и Дейл был уверен, что хозяин кабинета сейчас в него позвонит, войдет костлявый дворецкий, чтобы проводить его, и тогда они оба увидят странный четырехугольник под его джинсами. Может, удастся использовать появление дворецкого, чтобы незаметно подтянуть штаны и одернуть футболку...

— Сюда, пожалуйста.

Голос мистера Эшли-Монтегю звучал донельзя утомленно. Быстрыми шагами он вышел из кабинета. Дейл поспешил следом, даже не замечая огромных комнат, мимо которых они шли, прижимая к груди исторический сборник и чувствуя, как тоненькая книжка соскальзывает все ниже и ниже. Ее верхняя часть уже чуть ли не выглядывала из-под футболки.

Они уже почти дошли до вестибюля, когда звук включенного в одной из комнат телевизора заставил обоих обернуться. На экране было изображение что-то скандирующей толпы, какой-то человек, стоя на трибуне, произносил речь, его слова эхом отзвучивались в огромном зале. Мистер Эшли-Монтегю приостановился на мгновение, и Дейл сделал то же самое, стараясь держаться позади него. Одной рукой сжимая большой том, другой он уже взялся за ручку двери. В коридоре слышались шаги дворецкого. Дейл мог бы уже выскользнуть наружу, но то, что он увидел на экране, заставило его замереть и уставиться в телевизор. Говорил политический комментатор Дэвид Бринкли, его уверенный, отрывистый голос звучал взволнованно:

— Итак, демократы сделали свой выбор... в этом году... то, что несомненно является... наиважнейшим завоеванием в области прав человека... Демократическая партия... Вы согласны со мной, Чет?

Грозный облик комментатора Чета Хантли заполнил маленький черно-белый экран.

— Без сомнения, Дэвид. Но что было самым любопытным в этих дебатах...

Однако внимание Дейла привлекла отнюдь не речь двух политических комментаторов и не толпа, по которой скользила камера. Нет, он смотрел на лицо, изображенное на сотнях плакатов, паривших над толпой. Они походили на обломки кораблекрушения, происшедшего в политическом море. На всех плакатах бы-

ло написано одно и то же: «ВСЮ ДОРОГУ С ДЖЕКОМ» или «КЕННЕДИ — В 60-м ГОДУ». А над этими словами было изображено лицо молодого красивого человека с очень белозубой улыбкой и целой шапкой каштановых волос.

Мистер Эшли-Монтегю скептически покачал головой и хмыкнул, будто увидел что-то, недостойное даже его презрения. Дворецкий подошел и встал рядом с хозяином, который как раз вспомнил о своем посетителе.

— Надеюсь, у вас больше нет вопросов, — обронил он, пока Дейл открывал дверь и, пятясь задом, выходил на широкое крыльцо.

Футах в тридцати отсюда стояла их машина, из окна которой высывалось лицо Харлена. Он что-то кричал.

— Только один, — сказал Дейл, чуть не упав со ступенек. Шурясь на солнце, он продолжал вести беседу для того, чтобы не поворачиваться спиной к хозяину особняка. — А какой фильм будут показывать в субботу на бесплатном сеансе?

Мистер Эшли-Монтегю выразительно закатил глаза, но все-таки повернул голову в сторону дворецкого.

— Фильм с Винсентом Прайсом, сэр, — ответил тот. — «Падение дома Эшеров»¹.

— Отлично! — воскликнул Дейл. Теперь он был уже почти рядом с черным «шевроле». — Еще раз спасибо! — повторил он, когда Харлен открыл позади него дверцу. — Давай, поехали, — бросил он Конгдену, едва усевшись.

Тот даже хрюкнул от такой наглости, щелчком выбросил на подстриженную траву сигарету и вдавил акселератор. Машина подпрыгнула и помчалась по полукруглой подъездной аллее. К кованым железным воротам они подъехали на скорости не меньше пятидесяти миль.

Тяжелые створки медленно распахнулись перед ними.

Майку совершенно не хотелось здесь задерживаться. Полумрак, царивший под эстрадой, запах сырой земли и тяжелый дух, идущий от самого Минка, все это вызывало в мальчишке ужасное

¹ Выпущенный в 1960 г фильм Роджера Кормана, первая из нескольких его картин, снятых по рассказам Эдгара По *Винсент Прайс* (1911–1993) — известный американский актер, с 1950-х гг специализировавшийся на фильмах ужасов

чувство клаустрофобии и тошноты, как будто они вдвоем со старым пьянчужкой лежали в просторном гробу, ожидая прихода людей с лопатами. Но Минк еще не закончил ни следующей бутылки, которую он разыскал среди газет, ни своего рассказа.

— Думали, что как повесят того негра, — продолжал Минк, — так все и закончится. Но оказалось, что ничего-то и не закончилось. — Он сделал глубокий глоток, закашлялся, вытер ладонью мокрый подбородок и уставился на мальчика. Его глаза были ужасно красными. — На следующее лето пропало еще несколько детей...

Майк выпрямился. До него доносился шум проехавшего по Хард-роуд грузовика, голоса малышей, игравших в парке, болтовня нескольких фермеров, собравшихся на тракторной стоянке, но все его внимание было поглощено рассказом Минка Харпера.

Минк сделал еще один глоток и улыбнулся, будто понимая нетерпение Майка. Улыбка была быстрой и едва заметной: у Минка во рту имелось всего три зуба, и ни один из них не стоил того, чтобы его демонстрировать.

— Так вот, — продолжал он, — на следующее лето... Это был, э... тысяча девятьсот... э, в общем, когда пропали еще несколько детей. Одним из них был мой дружок, Мерривезер Виттакер. Взрослые говорили, что никого так и не нашли, но через пару лет я как-то проходил Цыганской дорогой... Да, точно, через пару лет, потому что я уже был с подружкой... Собирался залезть ей в трусы, если ты понимаешь, о чем я. Тогда девушки не носили трусов, у них под юбками были просто панталоны, и все, так что я выражаюсь, так сказать, приблизительно. — Минк сделал еще один глоток, вытер грязной ладонью грязный лоб и нахмурился. — О чем это я?

— Вы проходили Цыганской дорогой, — шепнул Майк. У него мелькнула мысль о том, как странно, что уже тогда дети ходили гулять на Цыганскую дорогу.

— А, ну да. Ну, моя подружка, та, с которой я пришел, чего-то зачехлялась... Не знаю, что она себе думала, чего я ее сюда привел, гладиолусы нюхать, что ли... И она смылась к своей подружке. Мы пришли вчетвером, навроде как на пикник... А я от злости стал рвать пучки травы и бросать их в дерево... ну, знаешь, как это бывает, когда ты уже наготове, а ничего не вышло... Ну я и вытянул пук травы, смотрю, а под нею кости. Настоящие бе-

лые кости. Целая куча костей. Человеческих, это точно... и маленький череп, размером примерно с голову Мерри. Вся эта проклятая штука была навроде как выдолблена, ну совсем пустая... будто кто-то вычерпал из нее мозги, как бы на десерт... Вот.

Минк сделал последний глоток и зашвырнул бутылку подальше. Потом потер щеки, словно стараясь восстановить нить рассказа. Когда он заговорил, голос его звучал очень тихо, почти конфиденциально:

— Шериф сказал мне, что это были коровьи кости... че-е-ерт, будто я не могу отличить коровьи кости от человеческих... и стал болтать, что я черепа вообще не видал... А я видал. И я знаю, что та сторона Цыганской дороги проходила позади участка старого Льюиса. И что кому-то было совсем нетрудно выманить туда Мерри, сделать с ним то, что они сделали, и потом зарыть его кости. А потом... после того как я нашел кости Мерри... я как-то выпивал с Билли Филлипсом. Как раз перед тем, как он ушел на войну...

— С Уильямом Кэмпбеллом Филлипсом? — переспросил Майк.

Минк Харпер воззрился на него:

— Ну конечно с Уильямом Кэмпбеллом Филлипсом... А с кем же? Кто, по-твоему, был Билли Филлипс? Брат той бедной малютки Филлипс. Билли всегда был гаденышем... вечно шмыгал сопливым носом да отлынивал от работы или бегал к своей мамочке жаловаться, что его обижают... Я тебе говорю, я чуть не обоссался от радости, когда он ушел на войну... О чем это я, парень?

— Вы выпивали вместе с Билли Филлипсом.

— О да, мы с Билли слегка покочегарили как раз перед тем, как его забили. Обычно Билли не пил с такими простыми рабочими парнями, как я... он же был учителем... Просто учил этих маленьких сопляков в школе, а послушать его, так он вообще профессор из Гарварда... В общем, мы с ним сидели в «Под черным деревом», он уже был в мундире и все такое... Билли, когда чуточку набирался, становился почти человеком... Ну, он и начал жаловаться на свою мамочку, какая она у него сука, не разрешает ему развлекаться... и послала в колледж специально, только для того, чтобы не дать жениться, на ком он хотел...

— А на ком он хотел жениться, — прервал его Майк, — он не сказал?

Минк прищурился и облизнул губы:

— Чего? Нет... Кажись... нет, точно не сказал... наверное, на одной из тех училок, с кем он работал. Одна баба среди десятка других, так мы о нем тогда думали... О чем я?

— Вы выпивали с Билли... он стал почти человеком...

— А, да. Мы с Билли слегка покеросинили, как раз перед тем, как ему уехать во Францию. Туда, где его и убили... то есть он умер от пневмонии или еще чего-то... Ну и когда он налимонился, он мне и говорит: «Минк, а ты помнишь ту маленькую девочку, одежду которой нашли у негра, а? И ему инкриминировали преступление». Этот Билли обожал такие слова, «инкриминировали». Наверное, думал, что их больше никто не знает...

— И что он сказал про ту девочку? — торопил его Майк.

— А? Ну, он сказал: «Минк, у того негра и не было ничего. Я никогда его не видел. Это судья Эшли дал мне серебряный доллар, чтобы я спрятал ее платье у негра в скатке». Понимаешь, когда Билли был еще сопляком, судье он понадобился, чтобы скрыть то, что тот сделал. Ведь никаких других доказательств у них не было. Но, наверное, когда Билли стал старше, походил в колледж и, может, поумнел, он наконец и дотумкал до того, что последний поляк уже давно бы понял... Откуда это у судьи взялась одежда маленькой девочки?

Майк наклонился к нему:

— Вы спросили его об этом?

— А? Гм... Нет, не спросил. Или спросил, а теперь не помню, что он ответил. Только помню, что Билли что-то бормотал о том, что ему надо сматываться из города, пока судья и остальные не поняли, что он теперь не с ними...

— С кем? — прошептал Майк.

— Откуда, к дьяволу, я знаю, парень? — зарычал Минк Харпер. Он придвинулся к мальчику, прищурился и дохнул винными парами в лицо Майку. — С того прошло уже сорок лет, понимаешь? Ты чё думаешь, я тебе машина?

Майк оглянулся через плечо. Вход в их подземелье, маленький четырехугольник света, казался так далеко. Голоса малышей, игравших в парке, стихли, шум проезжавших машин не был слышен.

— Вы что-нибудь еще помните о Старой центральной школе или о колоколе? — спросил Майк, стараясь не отодвигаться от Минка.

На лице Минка снова мелькнула щербатая улыбка.

— Никогда... не видел и не слышал... До самого прошлого месяца, когда он вдруг разбудил меня... здесь, в моей маленькой сухой квартирке... Но я знаю одну вещь...

— Какую вещь?

Вдыхать винные пары, вырывающиеся изо рта Минка, не отводить глаза и сидеть здесь было довольно трудно.

— Я знаю, что когда старый Эшли вставил себе в рот двустволку и спустил курок, примерно через год после того, как кончилась война... Первая мировая, я хочу сказать... он сделал всем нам большое одолжение. И когда сжег свой проклятый дом — тоже. Его парень приехал домой из Пеории, где у старика родился внук, и нашел своего папашу... судью то есть... мертвым, с разбрызганными по полу мозгами. Все думают, что это был несчастный случай или что это судья сжег свой дом... так нет... Я как раз был в садовом домике с одной из служанок, когда увидел, как приехала коляска мистера Эшли... это он после того, как женился на своей красотке из Венеции, стал называться Эшли-Монтегю... Так вот, я был в садовом домике, когда мы услышали выстрел и увидели, как мистер Эшли-Монтегю выскочил из дому и стал орать и задирать голову к небу, а потом как схватит бензин и принялся обливать дом со всех сторон. Один из слуг хотел было его остановить... в те времена у них было много слуг, это после войны, когда дела пошли хуже, их уволили... но не сумел. Он облил все бензином и поджег. И стоял и смотрел, как оно горит. После этого они никогда не возвращались домой, ни он, ни жена, ни сын. Только с бесплатными сеансами приезжают, и все.

Майк кивнул, поблагодарил Минка и пополз к выходу. Его охватило внезапное стремление поскорей выбраться к солнечному свету. Уже почти выбравшись, он обернулся и спросил Минка:

— Минк, а что он кричал?

— Ты чего, сынок?

Старик уже, казалось, забыл, о чем они беседовали.

— Ну, сын судьи. Когда он поджигал дом. Что он кричал?

Три зуба Минка желтовато блеснули в темноте.

— А, ну, он кричал, что им его не получить... «Нет, Господи, меня им не получить!»

— А он не сказал, кому «им»? — Майк почти не дышал.

Минк нахмурился, собрал губы в оборочку, что должно было означать серьезный мыслительный процесс, и снова усмехнулся:

— Ага, а ты знаешь, я вспомнил. Он назвал этого парня по имени.

— Парня?

— Ну да... Сирус, вот как. Только произнес он как-то по-другому... Сирис. Он кричал: «Нет, О'Сирис, тебе меня не получить». Вот как было. Я еще подумал, что тот, наверное, ирландец. И зовут подходяще. О'Сирис.

— Спасибо, Минк.

Майк встал, чувствуя, как футболка прилипла к телу, вытер с носа капли пота. Волосы были влажными, а ноги почему-то дрожали. Он отыскал свой велосипед и поехал домой по Хардроуд, отмечая, что тени стали длинными под высокой аркой ветвей. Он прекрасно помнил записи Дуэйна и тот медленный перевод, который они с Дейлом делали по учебнику стенографии. Ту часть, которую Дуэйн переписал из тетради своего дяди, было особенно трудно переводить. Из-за одного слова они снова и снова возились с этими закорючками. Узнал это слово Дейл, он помнил его по какой-то книжке про Египет. Осирис.

Глава 29

На следующий день, в среду, тринадцатого июля, Дейл, Лоренс и Кевин, прихватив с собой Харлена, отбыли в намеченный заранее поход сразу после завтрака. Из всех родителей только мама Харлена не хотела отпускать его, но и она в конце концов уступила, когда, как заметил Джим, «поняла, что сможет слинять на свиданку, пока меня не будет».

Ребята тащили с собой чуть не тонну снаряжения, укрепить которое на велосипедах и привезти на место было делом нелегким. Горы спальных мешков, еда, одежда и рюкзаки нагрузили их и без того тяжелые велосипеды, так что почти весь путь они проделали, стоя на педалях и пытая от напряжения. Хорошо, что дорожные колеи на Джубили-Колледж-роуд и Шестом окружном были утрамбованы достаточно сильно и колеса не увязали в гравии.

Несколько рощиц — вернее, что-то вроде них — росли вдоль железнодорожных путей к северу от города, но и они были до смешного жиденькими и располагались слишком близко к свалке, чтобы представлять для ребят интерес. Настоящие леса росли в полутора милях к востоку от фермы дяди Генри и к северу от Козлиного карьера, позади кладбища. Приблизительно на том месте, где почти пятьдесят лет назад Минк Харпер обнаружил кости Мерривезера Виттакера.

Вечером во вторник мальчики провели в шалаше у Майка почти три часа, сравнивая результаты обеих поездок и уточняя дальнейшие планы, пока по Депо-стрит эхом не прокатился зычный крик мамы Кевина: «КЕ-Е-ЕВИ-И-ИН!» — и не прекратил затянувшееся совещание.

Переплетенная в кожу книга, которую Дейл стащил у мистера Эшли-Монтегю — поступок, в который он сам не мог до конца поверить, пока не вернулся в Элм-Хейвен, — представляла собой месиво из иностранных фраз, таинственных ритуалов, неудобопонятных описаний различных божеств с непроизносимыми именами и массы каббалистических цифровых выкладок. «Едва ли стоило ради этого рисковать задницей» — такой вердикт вынес Джим Харлен.

Но Дейл не сомневался, что где-то на этих убористо отпечатанных страницах должны упоминаться Осирис или Стела Откровения, о которых говорилось в записях Дуэйна. Дейл не поленился взять эту книжку с собой в загородную вылазку: еще один дополнительный груз, который надо было тащить с собой по холмам.

Всю дорогу четверка друзей держалась начеку, и стоило только слышать шум грузовика или любой другой машины, они оглядывались через плечо и внимательно провожали ее глазами. Но труповоз не появлялся. А самым агрессивным по отношению к ним существом оказался один чумазый ребенок — трудно сказать, мальчик это был или девочка, из-за спутанных волос и перепачканной рожицы, — который, проезжая мимо в машине, показал им язык.

Они передохнули в тенистом патио на ферме дяди Генри, пока тетя Лина готовила лимонад. Развалившись в знаменитых адирондакских креслах, ребята обсудили детали предстоящей вылазки. Тетя Лина предложила им отправиться на пустующее пастбище, мотивируя это открывающимся оттуда прекрасным видом на ручей и ближайшие холмы, но мальчики предпочли раскинуть лагерь в лесу.

— А где ваш приятель Майк О'Рурк? — поинтересовалась тетя Лина.

— У него оказались сегодня дела в городе, в церкви, что ли, — соврал, отдуваясь за всех, Джим Харлен. — Он приедет позже.

Примерно в три часа пополудни вся четверка отправилась на восток, к лесу, оставив велосипеды на попечение тети Лины. Рюкзаки, которые тащили с собой ребята, отличались крайним разнообразием: недорогой бойскаутский рюкзачок Лоренса был сделан из нейлона; холщовый армейский мешок Кевина, который он позаимствовал у своего отца, слегка припахивал плесенью;

длинная неуклюжая дорожная сумка Дейла больше подходила для путешествия на каноэ, чем на велосипеде; толстая скатка Харлена казалась лишь немногим больше, чем гипс на его руке, и была обмотана по меньшей мере сотней ярдов веревок и шпагата. Все это снаряжение без конца рассыпалось, и пришлось сделать не одну остановку, чтобы собирать и увязывать его снова и снова.

К половине четвертого ребята пересекли ручей вблизи пещеры бутлегеров и перелезли через забор из колючей проволоки, отгораживающий южную сторону земель дяди Генри. Почти сразу за забором начинался густой лес. Тут было значительно прохладнее, чем на солнцепеке, хотя покров листьев пропускал не только солнечные блики, но и крупные мазки света на короткой траве.

То и дело поскальзываясь, они спустились с крутого обрыва в ущелье, проходившее с северной стороны кладбища, причем скатка Харлена, конечно, тут же развязалась, и еще минут десять они все вместе ползали и собирали его пожитки. Оттуда было уже рукой подать до Бревна Робин Гуда, расположенного в нескольких сотнях ярдов от третьего лагеря, — миновал его, ребята, следуя прямо по отпечаткам коровьих следов, направились на восток, к небольшой уютной полянке неподалеку от лесной опушки.

Время от времени они останавливались, опускали на землю свои пожитки и отправлялись побродить, затем, как научил их Майк, замирали и застывали в молчании на несколько долгих минут, прислушиваясь. Полнейшая тишина. Лишь один раз тишину нарушило мычание коровы, которая оказалась вблизи места их расположения и сама напугалась при виде ребят больше, чем они. Ни малейших следов присутствия кого-либо. Сделав несколько таких экспериментов, ребята снова взвалили на плечи рюкзаки и углубились в лес.

Затем они долго делали вид, что обсуждают место стоянки, хотя оно было выбрано заранее, еще накануне вечером. Ребята поставили две палатки, одна из которых принадлежала отцу Кевина, другая была реликвией, сохранившейся от дней юности отца Дейла, решив расположиться на опушке небольшой рощицы. Рощица располагалась в пятистах ярдах от карьера и примерно в четверти мили к северо-востоку от Страстного кладбища. Цы-

ганская дорога проходила почти рядом, футах в пятистах от выбранной ими рощи.

Поляна представляла собой пологий склон холма, поросший высокой, чуть ли не до колен, травой, порядком уже выгоревшей в безжалостных лучах солнца. Кузнечики брызнули из-под их ног в разные стороны, когда ребята принялись натягивать палатки, готовить яму для костра и стаскивать камни, чтобы потом этот костер огородить. Рядом протекал небольшой ручеек.

В нормальных обстоятельствах ребята, чтобы заполнить время, оставшееся до обеда, непременно затаежили бы игру в Робин Гуда или в прятки, но сегодня они лишь бесцельно побродили по бивуаку да полежали, болтая, на траве. Мальчики сделали было попытку устроиться в палатках, но под прогретым солнцем полотном оказалось невыносимо душно, да и битком набитые рюкзаки были далеко не такими мягкими, как трава.

Дейл попытался было почитать принесенную с собой книгу. Там и вправду оказалось упоминание об Осирисе, но, хоть и написанная на английском, она с таким же успехом могла быть написана и на любом другом языке — понять, о чем идет речь, было невозможно. Какая-то ахинея о боге, командовавшем целыми легионами умерших, о каких-то пророчествах и возмездиях. До смысла всего этого было не докопаться.

Небо по-прежнему оставалось ясным, никакого дождя, который бы заставил их вернуться к дяде Генри, не предвиделось. Возможный дождь был единственным непредусмотренным обстоятельством в их планах, в таком случае пришлось бы просто все отменить. Видимость во время бури отвратительная, да и слышимость не лучше.

Они рано поели, сначала расправившись с принесенными с собой бутербродами и печеньем, и только потом принялись поджаривать на костре сосиски. Каждый разыскал прямую палочку, обстругал ее так, чтобы сосиска удержалась во время жарки и не упала в костер. Каждый раз, когда слышалось слово «сосиска», Харлен прыскал со смеху.

— Ты чего? — поинтересовался наконец Лоренс. — Расскажи, чего ты хихикаешь.

Харлен начал было объяснять, в чем дело, упомянул Корди Кук, но потом махнул рукой и сказал:

— Ладно, забудем.

Жара не спадала, и часов в семь Лоренсу захотелось сходить на карьер выкупаться. Остальные, помотав головами, с величайшим терпением и тактом напомнили ему об их плане. Еще через полчаса Харлен выдвинул предложение прямо сейчас испечь в костре зефирки, но и эта мысль не встретила поддержки. Все должно было идти согласно протоколу. Кевин не находил себе места, он был готов уже в восемь часов нырнуть в спальный мешок, но вечерние тени только что протянулись по поляне, и даже в лесу было еще слишком светло.

Однако уже минут через двадцать похолодало и стало постепенно темнеть. Между деревьями замелькали светлячки, похожие на далекие вспышки выстрелов. Скоро завели свой хор лягушки из карьера и древесные лягушки из ближайшего болота, наполнив сумерки оглушительной какофонией звуков. Ничуть не тише стрекотали цикады и кузнечики в лесу, расположенном позади бивуака ребят.

К восьми сорока пяти бледное прежде небо потемнело, на нем появились первые звезды, и темный фон листьев слился с таким же темным фоном небес. В лесу сгустился мрак. Движение по Шестому окружному шоссе, проходившему в полумиле от леса, уже стихло, последние рабочие вернулись домой, а гуляки обосновались в баре «Под черным деревом». Если хорошо прислушаться, можно было расслышать позвякивание металлических крышек автоматической поилки на свиноферме у дяди Генри, но звук был очень далеким и едва различимым, да и он скоро стих.

Наконец окончательно стемнело. Со всей великолепной неторопливостью лета ночь опустилась на землю и накрыла ее легким покрывалом.

Дейл продолжал подбрасывать в костер мелкие сучья. Искры взлетали наверх и маленькими посланцами земли устремлялись к звездам. Мальчишки сгруппировались поближе друг к другу, теперь их лица освещало только пламя костра. Они попытались затянуть какую-нибудь песню, но не пелось. Харлен предложил было порассказывать страшные истории о привидениях, но ребята рассерженно на него зашикали.

Вниз по холму, тихо журча, стекал ручеек. У ребят появилось ощущение, что как раз в эту минуту обитатели леса выходят на ночную охоту, их ноздри расширяются, приносясь, а узкие зрачки зорко оглядывают лес в поисках добычи.

Сквозь хор насекомых и отдаленное кваканье сотен лягушек ребята пытались разобрать тихую поступь мягких лап хищников, отправлявшихся на охоту за свежим мясом.

Мальчики натянули припасенные старые свитеры, подбросили в костер побольше дров и уселись еще теснее. Их плечи плотно сомкнулись. Пламя фыркало и потрескивало; постепенно угасая, оно превращало мальчишеские лица в демонические маски, и скоро оранжевый свет огня стал единственным цветом, существовавшим в окружавшем ребят мире.

Главной заботой Майка было не заснуть. Почти всю прошлую ночь он не спал, присматривая за Мемо. Он сидел в старом кресле, сжимая в одной руке бутылочку со святой водой, а в другой — освященную гостию, тщательно завернутую в носовой платок. Около трех часов ночи мама Майка спустилась провести Мемо и отправила его наверх спать, предварительно выругав за глупое дежурство. Майк послушался и ушел, но гостию все-таки оставил, припрятав на подоконнике.

Утром, разнеся газеты, он зашел провести отца Кавано, но священник исчез, и миссис Маккафферти была вне себя от беспокойства. Накануне доктора решили перевезти его в больницу Святого Франциска в Пеорию, но, когда вечером прибыла карета «скорой помощи», больного уже не было. Миссис Маккафферти клялась, что она весь день провела на кухне на первом этаже и что непременно услышала бы его шаги, если бы священник спулся по лестнице... кроме того, бедный молодой человек был слишком болен, чтобы спускаться... но доктора качали головами, уверяя почтенную экономку, что летать больные тоже не могут. В то время, когда Майк с ребятами, сидя в шалаше на дереве, обсуждали свои планы и пытались расшифровать загадочную книжку, украденную Дейлом у мистера Эшли-Монтегю, в городе проводились интенсивные поиски, организованные миссис Маккафферти и несколькими прихожанами. Никаких следов присутствия отца Кавано обнаружить не удалось.

— Клянусь моими четками, что несчастный не в состоянии был даже поднять голову от подушки, а не то что выйти из дому, — говорила миссис Маккафферти Майку, промокая глаза уголком передника.

— Может, он уехал домой? — выдвинул предположение Майк, сам в него нимало не веря.

— Домой? В Чикаго? — Экономка глубоко задумалась над этой идеей. — Но каким образом? Епархиальный автомобиль стоит в гараже, а поезд Гейлсберг—Чикаго идет только завтра.

Майк пожал плечами, пообещал немедленно сообщить ей и доктору Стеффни, если узнает что-либо о местонахождении отца Кавано, и отправился в церковь. Мессу служил священник из Оук-Хилла, и во время всей службы, которую монотонными голосами вели заместитель отца Кавано и невнимательный служка, Майка сверлила мысль о тех коричневых червях, которые, извиваясь, заползли прямо в плоть отца Кавано. Что, если его друг стал сейчас одним из *них*?

От этой мысли внутри у Майка все холодело.

Он заставил маму поклясться, что она будет сидеть с Мемо всю ночь. Но затем на всякий случай обрызгал пол и подоконник святой водой и разложил кусочки разломанной гостии в уголках оконной рамы и в ногах постели Мемо. То обстоятельство, что ему приходилось сегодня оставлять Мемо одну, было самой худшей стороной их плана.

Затем Майк упаковал рюкзак и отбыл, примерно на час с лишним раньше своих друзей. Напряжение от поездки по Шестому окружному немного проветрило ему мозги, но бессонные ночи сказывались тяжестью в голове и шумом в ушах.

Немного не доехав до фермы дяди Генри, Майк свернул с дороги и через запасные ворота покатил по заросшей колее, тянувшейся вдоль кладбища. Затем спрятал велосипед в гуще елей как раз над ущельем, в котором должны были обосноваться его друзья, и, присев, принялся их ждать. Они приехали примерно через полтора часа, и у Майка вырвался вздох облегчения: если б появился грузовик и начал их преследовать, весь план пошел бы насмарку.

Все время, пока ребята гостили у тети Лины, Майк просидел в кустах, наблюдая за ними в отцовский бинокль. Тот был не совсем исправен, одна из линз треснула, но все-таки Майк отлично видел своих друзей, пока они уютно посиживали и распивали лимонад с тетей Линой, в то время как ему приходилось без конца ерзать и чесаться в этих колючках.

Позже Майк, стараясь не приближаться к ребятам больше чем на пятьдесят футов и двигаясь параллельным курсом, проследил, как они пошли в лес. Помогало то, что он хорошо знал, куда они должны идти. На мальчишке была надета зеленая рубашка и хлопчатобумажные брюки, этот наряд должен был обеспечить некоторую маскировку до приближения ночи. Но конечно, Майк предпочел бы настоящий армейский камуфляж.

Майк снова потряс головой. Самым трудным было не заснуть.

Свой наблюдательный пункт он устроил над самым ущельем, менее чем в двадцати ярдах от Дейла и ребят. Место было отличным: два больших камня загораживали мальчику, вместе с тем совершенно не мешая обзору лагерного бивуака и всей поляны. Позади него росли три дерева, обеспечивая ему прикрытие с тыла. Кроме того, Майк отыскал сломанный сук и выкопал небольшой окопчик, такой, чтобы в нем можно было полностью укрыться вместе с вещами. Когда же он замаскировал свое укрытие ветвями и подтянул поближе сломанный ствол дерева, Майк почувствовал себя почти в полной безопасности.

Затем он аккуратно разложил в пределах досягаемости принесенные с собой вещи: бутылку с питьевой водой, бутылку со святой водой, на которой он предварительно сделал отметку фломастером, чтобы не перепутать. Поблизости положил бутерброды и бинокль, тщательно завернутая гостия хранилась в нагрудном кармане рубашки. Наконец, с большой осторожностью он достал и положил на землю ружье Мемо.

Теперь он уже знал, почему такое оружие — восемнадцать дюймов ствол и орехового дерева рукоятка — запрещено: на вид оно было точно таким, какие носили гангстеры в тридцатые годы. Майк нажал на казенник, тот щелкнул и открылся, и до мальчику донесся сильный запах оружейного масла. Стальные стволы неясно блеснули в сгущающихся сумерках. В коробке, хранившейся вместе с ружьем, лежали и патроны к нему, но они выглядели такими старыми, что Майк набрался храбрости и отправился в магазин мистера Майерса покупать новые. Мистер Майерс просительным поднял одну бровь и спросил:

— Не слышал, чтоб твой отец собирался на охоту, Майкл.

— Он и не собирается, — правдиво ответил Майк. — Просто ему житья не дают вороны в нашем саду.

Сейчас, когда последний отблеск сумерек угас, Майк положил перед собой новую коробку с патронами, послал один из них в казенник, щелкнул затвором и через прицел глянул на ребят, сгрудившихся вокруг костра. Расстояние для такого ружья было слишком велико, и он это знал. Отсюда даже из двустволки Дейла невозможно было бы попасть в цель, а уж для обреза Майка целиться на расстояние больше нескольких ярдов было вообще бесполезно. Но при стрельбе по близкой мишени результаты выстрела были ужасающи. Майк купил патроны номер шесть, подходящие для охоты на перепелов и более крупную дичь.

Кусты, с юга огораживающие место, где ребята разбили лагерь, делали невозможным не только бесшумный, но и вообще всякий подход к бивуаку. Майк же устроился на самом краю обрыва, расположенного к северу от них, и, чтобы подобраться к нему, нужно было перейти ручей и подняться на холм, что тоже было невозможно без некоторого шума. Оставался проход через довольно редкий лесок с юга или по поляне с запада. Но со своего наблюдательного пункта Майк видел эти проходы довольно ясно, хотя в сгустившихся сумерках и не мог разобрать детали. Голоса его друзей эхом раздавались по полянке и словно бы с дымом костра поднимались вверх, к Майку.

Ружье Мемо было снабжено насечкой на прицеле и маленькой мушкой, правда и та и другая казались всего лишь украшением. Стоило только прицелиться и спустить курок, как вылетевшее из ствола облачко дробы расширилось и накрывало цель. Майк почувствовал, как затекла его рука, сжимавшая рукоятку. Тогда он положил в карман рубашки еще два патрона, несколько других в карман брюк и сунул коробку обратно в рюкзак. Затем взвел предохранитель и положил ружье на ложе из сосновых веток позади камня. Сам же решил сосредоточиться на бутербродах с арахисовым маслом, которыми запасся выйдя из дому, и на регулировке дыхания. Запах поджариваемых на костре сосисок не на шутку раздразнил его аппетит.

С наступлением темноты похолодало. Майк надел старый черный свитер и еще одну пару теплых штанов и уселся неподвижно, вглядываясь в темноту. Он постарался сосредоточиться, чтобы за стрекотом насекомых и хором лягушек не пропустить другого шума, а за шевеленьем листьев не упустить другого движения. Но ничего настораживающего не было.

Майк видел, как Дейл и Лоренс принялись устраиваться в открытой палатке, их ступни смешно выделялись в спальных мешках, освещенных светом костра. Кевин и Харлен уползли во вторую палатку, которая находилась в нескольких ярдах левее и чуть дальше от костра. Со своего места Майк отчетливо видел козырек бейсболки Кевина. Харлен, видимо, лег головой в другую сторону, так как подошвы его кедров торчали над скаткой. Майк потер глаза и стал смотреть в темноту, избегая яркого света костра и от души надеясь, что ребята выполнили все его указания.

«И кто только назначил меня командиром и начальником?» Он устало покачал головой.

Труднее всего было удержаться и не заснуть. Несколько раз Майк начинал дремать, но сразу просыпался, как только его подбородок падал на грудь. Тогда он поменял положение таким образом, чтобы расщелина между камнями приходилась как раз за его спиной. Теперь прислониться ему было не к чему и заснуть стало невозможно. Одной рукой он опирался о землю, и эта неудобная опора лишала мальчика последней возможности заснуть.

Но несмотря на все эти мелкие неудобства, он почти задремал, когда вдруг почти сквозь сон услышал, что кто-то идет по полянке.

Два силуэта медленно двигались с запада, со стороны Шестого окружного, — они пробирались с осторожностью охотников, следящих за каждым своим шагом. Судя по виду, это были двое взрослых, довольно высоких мужчин. Сделав один шаг, они замирали. Потом делали другой. Они переставляли ноги чрезвычайно медленно, их движения напоминали балет.

У Майка бешено застучало сердце, голова пошла кругом. Обими руками он сжимал «ружье на белок», держа его перед собой. Затем вспомнил о предохранителе и с тихим щелчком снял его. Пальцы мгновенно вспотели и через некоторое время чуть онемели.

Теперь две высокие фигуры были уже в двадцати футах от лагеря мальчишек и замерли, слившись с темнотой. Только свет звезд, отражавшийся в глазах, выдавал их присутствие, когда они остановились. Майк наклонился вперед, пытаясь разглядеть их получше. У них в руках было что-то длинное — трости, что ли? Но тут Майк поймал отблеск света на металлической поверхности и понял, что оба держат в руках топоры.

Майк затаил дыхание, затем набрал полную грудь воздуха и снова замер, не дыша. Он заставил себя не смотреть в ту сторону; ясно было, что это люди, двое высоких, длинноногих мужчин в темной одежде, но ему было необходимо держать под контролем ближайшее к нему пространство. Все эти приготовления и планы имели смысл только в том случае, если никто не сумеет к нему украдкой подобраться.

Но пока никто не подобрался. По крайней мере, насколько он мог судить. А вот среди деревьев позади палаток стало заметно небольшое движение. Теперь мальчик это отчетливо видел. Похоже было, что там ползет человек, он приближался так же медленно, как первые двое, но не так бесшумно. Под его ногами то и дело тихо поскрипывали ветки. Тем не менее если б Майк не ожидал его появления примерно с той стороны, то ни за что бы его не увидел и не услышал.

По листьям пробежал легкий ветерок. Два первых силуэта еще на пять шагов приблизились к лагерю. Топоры они подняли до уровня груди и держали их наготове.

Майк резко мотнул головой, пытаясь отделить сон от реальности. Он так устал.

Трое людей стремились к одной точке. Теперь они стояли почти вплотную к костру, три длинные человеческие тени среди теней леса. Майк, увидев неяркий блеск, прищурился и понял, что третий силуэт, самый дальний от него, тоже несет в руках топор или что-то длинное и металлическое. Майк буквально взмолился, чтобы это не оказалось ни ружьем, ни пистолетом.

Этого не должно быть. Они не любят шума.

Руки Майка дрожали, когда он оперся ими о камень, прицеливаясь в темный силуэт, но стараясь, чтобы пуля ни в коем случае не задела рикошетом ни одну из палаток.

«Стреляй. Стреляй сейчас». Нет. Он должен это сделать наверняка. В этом было все дело... В том, чтобы все делать наверняка. Что, если эти парни просто фермеры, которые вышли на рубку дров? Среди ночи? Майк не верил в это ни секунды. Но сама мысль о том, что придется выстрелить в человеческое существо, заставляла его руки дрожать все сильнее. Он теснее прижал ладони к камню и стиснул зубы.

Двое у костра бесшумно двинулись к палаткам, обойдя угасающий костер. Огоньки тлеющих углей освещали только темные

одежды и высокие сапоги. Лица их были укрыты под низко надвинутыми шляпами. Из палаток не доносилось ни звука. Майк по-прежнему отчетливо видел выделяющиеся под спальным мешком ноги Дейла и Лоренса, в другой палатке из спальника торчали шапка Кевина и кеды Харлена. Мужчина на противоположной стороне бивуака бесшумно двигался в тени деревьев, приближаясь к палатке Кевина.

Майку неудержимо хотелось закричать, вскочить, выстрелить в воздух. Но он не шелохнулся. Он должен знать наверняка. Теперь ему было жаль, что он не выбрал наблюдательный пункт поближе к стоянке. Было жаль, что его ружье не бьет на таком расстоянии. Все было сделано неправильно, ошибочно...

Майк заставил себя сосредоточиться. Теперь все трое сошлись вместе, двое около палатки Дейла и Лоренса, один — около палатки Кевина и Харлена. Они стояли неподвижно, молча. Казалось, что они выжидают, когда ребята проснутся и присоединятся к ним. Майк вдруг испытал странное чувство: казалось, что замершие фигуры, безмолвные палатки, умирающий свет костра — все это будет длиться, длиться и длиться всю ночь.

Неожиданно двое из пришельцев шагнули вперед и занесли топоры вверх. В то же мгновение топоры обрушились на полотно палаток, ткань затрещала, поддаваясь, лезвия вонзились в спальные мешки. Долей секунды позже топор третьего вонзился прямо в шапку Кевина.

Молчаливая атака была столь яростной и внезапной, что Майка полностью захватило представшее перед ним зрелище. Он шумно втянул носом воздух, будто одновременно с ним втягивал в себя реальность происходящего.

Ближайшие к нему люди снова замахнулись топорами и снова изо всех сил обрушили их на спящих. Майк слышал, как лезвия разрывают грубый холст, как рвется ткань спальных мешков, как вонзаются в них лезвия топоров, как затем уходят они в мягкую почву. Люди занесли топоры в третий раз. Позади них бешено орудовал топором третий, громко ухая при каждом взмахе. Майк увидел, как взлетел в воздух один кед Харлена и громко шмякнулся около костра. Лоскутья красного носка — или это был не носок — все еще висели на нем.

Доносилось тяжелое дыхание и односложные восклицания, которыми они обменивались. Звуки очень походили на те, которые издают животные. Топоры снова взвились в воздух.

Майк передвинул затвор, щелкнул предохранителем и спустил курок. Вспышка выстрела буквально ослепила его, а руки при отдаче подлетели высоко вверх и чуть не выпустили ружье.

Он с хрипом втянул в себя воздух, увидел, как оба человека замерли и затем медленно повернулись в его сторону. Теперь было видно, как блестят их глаза при свете звезд. Майк полез за вторым патроном. Но они лежали в нагрудном кармане рубашки, поверх которой он совсем недавно натянул свитер.

Майк опустил на колени и дрожащей рукой стал искать патроны в кармане джинсов. Нашупав искомое, отомкнул казенник и попытался выбросить гильзу. Но та застряла в стволе. Ногти отыскивали небольшой зажим на медном ободке, пальцы обожгло горячим металлом, но он ее все-таки вытащил. Затем послал в казенник второй патрон и передернул затвор.

Один из мужчин перепрыгнул через костер и теперь двигался в его направлении. Второй замер на месте, высоко подняв топор. Третий что-то прорычал и продолжал рубить то, что осталось от палатки Кевина и от спальных мешков.

Первый бежал к Майку, громко топая сапогами. Майк поднял ружье и снова выстрелил. Звук был оглушительным.

Он быстро присел, отбросил пустую гильзу, опять зарядил ружье. Когда он снова поднялся на ноги, мужчины уже не было. Либо он скрылся в лесу, либо был убит. Двое других продолжали стоять, освещенные лунным светом.

И тут началось светопреставление.

В густом кустарнике менее чем в десяти ярдах от костра сверкнули вспышки выстрелов. Рывнуло еще одно ружье. Третий мужчина, словно его дернули за невидимую пружинку, выпустил из рук топор; тот взлетел в воздух и, описав плавную кривую, упал прямо в пламя костра. Сам человек покатился по поляне. Отрывисто и гулко заговорил пистолет — явно полуавтоматический кольт сорок пятого калибра: три выстрела, пауза, еще три. Тут же к нему присоединился второй пистолет, паля так быстро, как невидимый стрелок успевал спустить курок. Послышалось тоненькое щелканье двадцать второго калибра, затем опять рывкнул дробовик.

Третий человек побежал. Прямо на Майка.

Майк встал, подождал, когда бегущая фигура приблизится к нему футов на двадцать, и разрядил в нее ружье Мемо, целясь прямо в голову.

Головной убор бегущего — а может, это были обломки черепа — разлетелся в разные стороны. Невидимые руки еще успели метнуть топор в сторону Майка, и человек со стоном рухнул на землю, покотившись по высокой траве в сторону ущелья. Под тяжестью тела громко затрещали молодые саженцы. Как огромное насекомое, что-то прожужжало возле Майкова уха, и в то же мгновение топор врезался в камень рядом, осыпав мальчика дождем осколков.

Майк перезарядил обрез, снова поднял его, сжал обеими руками рукоять и приготовился передернуть затвор, когда он вдруг понял, что и бивуак, и вся поляна опустели. Остались лишь изрубленные останки палаток да догорающий костер. Он вспомнил, что по плану нужно делать дальше.

— Пошли! — рявкнул он и покатился кубарем вниз, не забыв прихватить рюкзак и направляясь наискось поляны к краю ущелья.

Он чувствовал, как цепляются за его одежду ветки, когда он продирался сквозь кусты, как что-то острое оставило длинную царапину на его щеке. Но вот он уже в первом условленном месте, около поваленного ствола, там, где коровья тропа огибала самую крутую часть ущелья.

Он присел на землю, сжимая в руках обрез.

Справа от него послышались шаги.

Майк прищурился и свистнул один раз. Бежавшая на него фигура издала ответный двойной свист, и человек, не останавливаясь, пробежал дальше. Майк коснулся его плеча.

Еще две фигуры пробежали мимо, два ответных свиста. В тишине звякнули застежки рюкзака. Майк легко тронул их за плечи. В темноте приближался четвертый силуэт. Майк свистнул, но никакого ответа не получил. Мгновенно вскинув ружье, он прицелился в самую середину темного контура.

— Это я! — задыхаясь от быстрого бега, прохрипел Джим Харлен.

Майк, протянув руку, почувствовал под пальцами гипс и пропустил мальчика мимо. Тот бесшумно нырнул в лес.

Майк съезжился позади поваленного ствола и выждал минуту, отсчитывая про себя секунды, как их учили в бойскаутском отряде. Ружье он держал наготове. Эта минута оказалась самой долгой в его жизни. Затем и он двинулся по тропе, низко при-

гнувшись, держа в левой руке рюкзак, а в правой — обрез. Ни на минуту он не выпускал из поля зрения окружающую местность. Ему казалось, что он пробежал не меньше мили, но понял, что это всего лишь несколько сотен ярдов.

Впереди и чуть слева послышался тихий свист. Он в ответ свистнул три раза. Чья-то рука ухватила его за плечо, и он увидел, как блестит в темноте дуло пистолета сорок пятого калибра, который принес с собой Кевин. Тропа пошла под уклон, это был уже овраг, и Майк кубарем покатился по высокой траве, чувствуя, как царапают его колючки, но не обращая на это никакого внимания. Он пропустил мимо себя Кевина, снова досчитал до сорока пяти и только после этого заскользил по мягкому суглинку и ковру прелых листьев, стараясь не издать ни звука.

Секунду Майк не мог отыскать вход среди плотной массы веток и кустарника, но тут опять к нему протянулась чья-то рука, и он на животе вполз в третий лагерь.

Крохотный лучик фонарика осветил его лицо и ускользнул. Четверо мальчишек перешептывались высокими, взволнованными голосами.

— Тише, — прошипел Майк.

Он вынул фонарик из руки Кевина и пробежал лучом по кругу лиц, шепотом спрашивая каждого: «Ну, ты как? В порядке?» Все были в порядке. Все пятеро, включая самого Майка, были на месте. И никого чужого.

— Рассыпались, — прошептал Майк, и они разошлись к стенкам третьего лагеря, оставив у входа Кевина с заряженным пистолетом.

Майк обрызгал святой водой стены и пол. Пока что не было видно существ, выползающих из земли, но ребятам предстояло провести здесь всю ночь.

Они прислушались. Где-то заухла сова. Хор кузнечиков и лягушек, притихших было на время выстрелов, зазвучал с новой силой, но теперь чуть приглушенной, поскольку отсюда до карьера расстояние было гораздо большим. Где-то далеко по Шестому окружному проехала легковая машина или небольшой грузовик.

Минут тридцать спустя ребята снова сошлись вместе около входа в укрытие. Тяга к многословию уже прошла, теперь они шептались по очереди, сдвинув головы друг к другу, чтобы ни звука не просочилось наружу.

— Мне даже не верится, что они так поступили, — выдохнул Лоренс.

— Ты чего, не видел мой кед? — зашипел на него Харлен. — Изрубили его в капусту, прямо вместе со старым свитером, который я в него затолкал.

— Все наши вещички того, — прошептал Кевин. — И моя шапка. И все, что я напихал в спальный мешок.

Постепенно восклицания утихли, возбужденный блеск глаз погас, и Майк мог говорить дальше. Они выполнили свой план. Дейл рассказал, что самое трудное было ожидать темноты, поджаривая на огне сосиски и пытаясь вести себя как ни в чем не бывало. Затем ребята заползли в палатки, приготовили, как было условлено, чучела из спальня мешков и скаток, а затем, когда стемнело, по одному выползли из палаток и отошли на заранее подготовленные позиции. Почти все ребята расположились в кустарнике позади поляны.

— Меня угораздило улечься прямо на какой-то дурацкий муравейник, — прошептал Харлен.

Остальные прыснули со смеху, и Майк с трудом заставил ребят утомониться.

Он заранее обдумал расположение позиций, чтобы ребята не попали друг в друга при перестрелке, поляна простреливалась ими с юга на север и северо-восток. Но Кевин признался, что в волнении он разок выстрелил в сторону Майка, и действительно тот вспомнил, как большое насекомое просвистело мимо его уха почти одновременно с топором. Мальчик вздрогнул.

— Ладно, — шепнул он, подзывая ребят поближе, — теперь мы всё знаем. Но дело еще не кончено. Мы не сможем уйти отсюда до утра... еще несколько часов. Они могут вызвать... подкрепление... причем не только людей.

Слова упали среди полного молчания. Но тут Майк опять заговорил, он не собирался пугать ребят, он просто хотел заставить их держаться настороже.

— Но я не думаю, что так случится, — продолжал он; ребята совещались, тесно прижав друг к дружке головы, и напоминали игроков, собравшихся на поле. — Думаю, мы достали их. Больше они этой ночью не явятся. Когда рассветет, мы осмотрим место лагеря, соберем свои вещички и уберемся отсюда. Кто захватил с собой одеяло?

Их планы предусматривали ночевку впятером, но почему-то одеял хватило только на троих. Майк натянул на себя лишнюю куртку, назначил двоих нести вахту в течение первого часа — у Кевина были с собой часы со светящимся циферблатом, — а остальным велел дежурить по очереди. Первыми, конечно, были они с Дейлом, и никаких перешептываний.

Но они с Дейлом все-таки еще немного пошептались, когда сидели, скорчившись, у стены густого кустарника.

— Даже не верится, что они так поступили. — Сам того не замечая, Дейл повторил слова брата, сказанные тем за полчаса до того. — Они действительно пытались убить нас.

Майк кивнул, хоть и не был уверен, что собеседник видит его кивок.

— Ага. Теперь нам известно, что они пытаются сделать с нами то же самое, что и с Дуэйном.

— Потому что они думают, что мы всё знаем?

— Может, и нет, — прошептал Майк в ответ. — Может, они и со всеми собираются поступить так. Но теперь мы всё знаем. И можем действовать дальше.

— Но что... если они используют... других существ? — шепнул Дейл.

Кто-то из мальчишек тихо засопел. Чьи-то носки забелели в темноте, когда нога сбросила одеяло.

Майк сжимал в руках бутылку со святой водой. Ружье висело у него на локте, в случае опасности оставалось только снять его с предохранителя и передернуть затвор.

— Тогда мы сделаем и их тоже, — ответил он Дейлу. Но в действительности он не чувствовал себя настолько уверенным, насколько уверенно звучал его голос.

— Господи, — послышался тихий голос Дейла. Это было больше похоже на молитву, чем на простое восклицание.

Майк кивнул, придвинулся к нему поближе, и оба мальчика стали ожидать рассвета.

Глава 30

Сразу после рассвета они отправились разыскивать тела нападавших.

Прошедшая ночь была одной из самых длинных, которые мог припомнить Дейл. В первые минуты ребятами владели ужас и волнение, адреналин волнами гнал кровь по жилам, но, когда, отдежурив вахту, Дейл отправился спать, остался только ужас. Это был глубокий, тошнотворный ужас перед темнотой, смешанный с тем страхом, который овладевает вами, если кто-то неожиданно начинает возиться у вас под кроватью. Это был страх от лезвия, сверкающего перед вашими глазами, страх от холодной руки, сжимающей вашу шею. Дейл уже знал этот страх. Этот страх охватывал его в подвале, где он боялся угольного бункера, тот же всепоглощающий страх владел им, когда на него в упор смотрело дуло ружья Конгдена или когда в темной воде медленно раскрылись глаза Табби... Но сегодняшний ужас перекрыл все былые страхи. Дейл словно терял почву под ногами, он чувствовал, что ничему нельзя доверять. Земля могла расступиться и поглотить его — в самом буквальном смысле; под слоем почвы находились опасные существа; другие существа бродили в ночи за хрупким пологом ветвей, бывшим единственной защитой ребят. Позади этой ненадежной стены могли таиться люди с топорами. Ярko светились во мгле их мертвые глаза. Дыхание не вздымало их грудь, но в горле клокотало нетерпение ненависти.

Эта ночь была нескончаемой.

При первых же проблесках серого рассвета, когда сквозь густую листву заглянули к ним первые лучи солнца, все ребята проснулись. К половине шестого, согласно часам Кевина, они собрали рюкзаки и двинулись по тропинке. Майк, чутко прислу-

шиваясь, шел в тридцати шагах впереди всех. Затем либо жестом подзывал ребят к себе, либо давал команду замереть.

Отойдя от лагеря примерно на сотню ярдов, они рассредоточились и стали двигаться на некотором расстоянии друг от друга, но так, чтобы каждый видел своих соседей с обеих сторон. Ребята медленно переходили от дерева к дереву, от куста к кусту, стараясь, чтоб их не было видно над высокой травой. Вот показались палатки. Дейл был почти готов к тому, что увидит их нетронутыми и что ужас и насилие ночи окажутся всего лишь кошмарным сном. Но оказалось не так, даже с расстояния было видно, что обе палатки изрублены в клочья. Полотно разрезано, одежда раскидана. Брошенный топор лежал прямо на пепелище костра, почти зарытый в золу. Рядом валялся один кед Харлена.

Ребята двигались медленно. Майк шел крайним с одной стороны, замыкал полукруг Дейл, который шел с другой стороны. Дейл был уверен, что сначала он увидит тела: одно должно было быть на поляне, там, где этого человека застрелил Майк, второе — в ущелье. Но тел нигде не оказалось.

Первым побуждением ребят было пройтись колесом по поляне, запеть, обменяться шутками, смеясь от переполнившего их облегчения, но Майк сделал знак снова рассредоточиться, и они таким же образом прошли весь путь до карьера. С северной стороны они уже видели забор фермы дяди Генри, с восточной — виднелась дорога. Тел нигде не было.

Но зато они обнаружили кровь. Пятна крови на траве поляны, примерно там, где выстрел Майка уложил первого человека. Следы крови на камнях и пнях в ущелье. Еще больше кровавых отпечатков было на противоположной стороне небольшой лощины, около забора.

— Достали-таки одного из ублюдков, — сказал Харлен, но его бравада показалась наигранной.

Солнечный свет падал на подсыхающие пятна крови. Все вещи ребят оказались разбросанными. Мысль о том, что они действительно кого-то убили — убили человека, — заставила Дейла содрогнуться. Но затем он вспомнил занесенные над палатками топоры, скрежет разрываемого полотна, разрубленный спальный мешок, в котором он должен был спать.

Они вернулись в лагерь. Обугленный топор по-прежнему валялся в золе.

— Жалко, отец расстроится, — проговорил Кевин, вертя в руках лохмотья палатки.

— А моя старуха вообще вся на мыло изойдет, — поддержал его Харлен, поднимая остатки одеяла и разглядывая их. Затем он устался на Кевина через одну из дыр. — Тебе хорошо, ты можешь сказать, что порвал палатку, перелезая через забор из колючей проволоки. А мне что сказать? Что случился поллюционный сон и я в порыве страсти разорвал одеяло в клочья?

— А что такое поллю... — начал было Лоренс.

— Не важно, — торопливо перебил его Дейл. — Давайте-ка побыстрее соберем вещи, зароем то, что не будем брать с собой, и смотаемся отсюда.

Ребята несли свои винтовки, обрезы, револьверы и остальное вооружение в открытую только до владений дяди Генри. Затем они сложили их либо спрятали в сумки и рюкзаки. Дейл позволил брату нести их двустоволку, пока они шли по лесу, но все патроны к ней держал у себя в кармане. После часа ходьбы двустоволка стала заметно тяжелее, но все равно она была и легче и короче, чем большинство ружей. Накануне вечером, когда стрельба была в разгаре, Дейл пожалел было, что не взял с собой отцовское пневматическое ружье, хотя оно было значительно больше и тяжелее. Делать только по одному выстрелу из каждого ствола, затем кропотливо вставлять новые патроны, каждый раз открывая казенную часть, было просто сумасшествием. Дейл помнил, что ему хотелось заткнуть уши, когда Кевин и Харлен, сидя в кустах, палили изо всех сил. Он отчетливо слышал тяжелый кашель пистолета сорок пятого калибра, который имел на вооружении Кевин, и впечатляющие вспышки и сверканье тупоносого револьвера Харлена. «Неужели мы и вправду сделали это?»

Они и вправду сделали это. И теперь не меньше получаса им пришлось, ползая на коленях, собирать отработанные пистолетные гильзы и все выпущенные из ружей пули. Собрав все, они захоронили найденное неподалеку от стоянки, вместе с одеялами, спальными мешками и палатками, которые были слишком изорваны, чтобы нести их домой. Майк еще должен был прихватить свой велосипед.

Тетя Лина предложила им позавтракать, но времени у ребят не было. Дядя Генри как раз собирался в город, и они торопливо

побросали свои пожитки в кузов маленького пикапа и забрались туда сами.

Долгое возвращение домой на велосипедах очень страшило и Дейла, и остальных мальчиков. Теперь же оно превратилось всего в несколько минут брэнчания всех металлических частей старого грузовичка и в пыль и гравий, вылетающие из-под машины по мере того, как они преодолевали сначала крутизну холма, а затем спуск в узкую ложину возле кладбища. На стеблях кукурузы и придорожной траве все еще виднелись капельки росы.

— Смотри! — толкнул брата в бок Лоренс, когда они проезжали мимо пивной «Под черным деревом».

Все глянули в ту сторону. Старый дом, спрятавшись за большими деревьями на краю большого оврага, казался пустым и темным. На стоянке не было видно ни одной машины, не было даже машины хозяина кафе. Косые лучи восходящего солнца скупо освещали асфальтовое покрытие дороги.

Но с западной стороны стоянки в самой густой тени что-то пряталось. Грузовик. На секунду стал виден кричащий красный цвет кабины, в ветровом стекле, полускрытом ветвями, отразилась листва, кузова с высокими бортами было почти не видно.

— Это труповоз? — Голос Кевина был почти не слышен из-за грохота мотора старой машины.

Они уже подъезжали к перекрестку на Джубили-Колледж-роуд, а грузовик так и не тронулся с места.

Майк пожал плечами:

— Может быть.

Дейл почувствовал, что начинает дрожать, и ухватился за борт машины. От напряжения даже свело руки. Воображение тут же нарисовало ему страшную картину: они едут по пустынной дороге, усталые после ночного происшествия, задыхаясь от изнеможения, жмут на педали, и вот это красное чудовище вырывается из своего укрытия, его мотор ревет, грузовик, скрипя и раскачиваясь, мчит им наперерез, и вонь разложившейся плоти накачивается на них мутной волной.

С западной стороны дороги тянулась глубокая канава, создавая своего рода преграду между ними и лесом. Успели бы они спрыгнуть с велосипедов и укрыться в лесу вовремя?

А что, если у Ван Сайка было ружье? И что, если он того и хотел, чтобы они спрятались в лесу и оказались ближе к Цыганской дороге?

Даже сейчас, когда они проезжали мимо рядов кукурузы, спокойно колосившихся на ветру, и солнце уже стояло высоко в небе, и было рукой подать до водонапорной башни, и облачко пыли мирно вздымалось за старым пикапом, даже в эту секунду Дейл был полностью и абсолютно убежден: что-то поджидало их в лесу.

Они непременно должны были проехать здесь. Только неожиданное предложение дяди Генри подвезти ребят изменило их план и превратило смертельно опасную прогулку в беззаботную поездку в автомобиле. Дейл взглянул на Майка, увидел его глаза, подернутые дымкой усталости, и понял, что Майк все знает. Ему захотелось потрепать друга по плечу, сказать ему, что все в порядке, что никто не мог предусмотреть все... но руки по-прежнему дрожали так сильно, что он не смог бы отцепиться от борта машины. И что было еще более важным, Дейл знал, что далеко не все было правильным, что ошибка в расчетах, допущенная Майком, едва не стоила им жизни и что это прелестное июльское утро могло стать для них последним.

Что же все-таки поджидало их в темноте леса?

Дейл зажмурил глаза и представил миссис Дагган, умершую шесть месяцев назад; представил Табби Кука, каким он видел его в подвале, белым и распухшим, с облезавшей, как у гниющего изнутри кролика, кожей; представил то длинное и мокрое существо, которое ползало под землей, жадные челюсти, ожидающие под тонким покровом дерна и листьев; наконец, представил Солдата, каким описывал его Майк, лицо, вытягивающееся в воронку, вооруженную острыми зубами...

Молча они въехали в город. Дядя Генри поочередно высадил каждого у его дома, и ребята помахали ему на прощание.

Смеркаться начало в этот день чуть раньше, чем накануне, совсем чуть-чуть, едва заметно, но все-таки внимательный наблюдатель мог понять, что дни солнцестояния миновали и вечера стали чуть длиннее, чем были еще неделю назад. Закаты были долгими и пронзительно-красивыми, великолепное торжество покоя, в котором солнце словно бы парило над западным горизонтом подобно большому розовому цветку, а небо ловило послед-

ние отблески угасающего дня. Закаты, совершенно уникальные для Среднего Запада, но которые тем не менее местные жители исправно игнорировали. Сумерки несли с собой обещание прохлады, но вместе с тем и неясную угрозу ночи.

Весь день Майк собирался вздремнуть, он так сильно устал, что даже горло саднило от переутомления, а под веками словно был насыпан песок. Но времени на сон совершенно не было. Какие-то «хулиганы» разорвали этой ночью сетку на окне в комнате Мемо. Мама Майка, заслышав шум, сбежала вниз и увидела рассыпанные по полу бумаги и старые фотографии, которыми так дорожила Мемо, развевающиеся занавеси. Было впечатление, что кто-то только что выпрыгнул в окно.

Мемо чувствовала себя нормально, но была взволнована до такой степени, что ее мигание не имело смысла и она не могла дожждаться вопросов, чтобы ответить на них. Мать Майка ужасно расстроилась как самим актом этого вандализма, так и тем, что наихудшие подозрения ее сына получили подтверждение. Она тут же позвонила мужу на работу и затем Барни. Последний приехал в середине ночи, задумчиво почесал в затылке и объявил, что подобные случаи нередки нынешним летом и представляют большую проблему, а также поинтересовался у миссис О'Рурк, не было ли у ее сына или дочерей какой-нибудь стычки с Сиджеем Конгденом или Арчи Креком. На что миссис О'Рурк ему сварливо ответила, что ее дочери с таким отребьем, как эти двое, даже говорить не станут, а Майку и в голову не придет затевать с подобными типами стычки. Затем она в свою очередь поинтересовалась, не имеют ли это происшествие и то неизвестное лицо, которое видел Майк, какого-либо отношения к убийству котов миссис Мун, о котором до сих пор говорит весь город. Барни снова поскреб в затылке, пообещал, что теперь он будет чаще патрулировать в районе их дома, и отбыл восвояси. Отец Майка позвонил с работы и сказал, что он может с кем-нибудь поменяться сменами и что начиная с субботы у него все лето не будет ни одной ночной смены.

Сетку Майк починил — мама вынула ее из рамы и оставила рядом с окном, — но задвижка была вырвана из подоконника, а оконная рама разломана в двух местах. Работая над сеткой, Майк заметил на раме следы слизи. Высохшая, она сохранила цвет и запах старой мокроты, заметить ее сразу было трудно из-за над-

ломов в дереве подоконника. Но она была. Когда Майк нечаянно прикоснулся к этим выделениям, его даже передернуло.

Однажды, пару лет назад, когда ему было то ли восемь, то ли девять лет, они с отцом отправились на рыбалку на какой-то из грязных притоков речушки Спун. И вдруг на удочку Майка поймался угорь. Угри редко водились даже в широкой и полноводной Иллинойс-ривер, и Майку никогда не приходилось видеть подобные существа. Едва длинное желто-зеленое змеевидное тело появилось над поверхностью воды, Майк подумал, что это один из всегда внушавших ему ужас водяных змеев, и кинулся бежать, совершенно забыв о том, что находится в лодке. Отец едва успел ухватить его за пояс и, заинтригованный уловом, выпавшим на долю его сына, вытащил сначала его самого, а потом угря, велел Майку накрыть того сетью.

Майк прекрасно помнил отвращение, охватившее его при взгляде на чудище. Тело его было толще змеиного, он больше походил на рептилию и казался совершенно доисторическим существом. Он подергивался и извивался, словно был порождением иного мира. Весь он был покрыт пленкой слизи, будто его железы выделяли ее постоянно.

Отец Майка завязал сетку и повесил ее за борт лодки, с тем чтобы угорь оставался в воде, пока они доберутся до моста, рядом с которым припарковали машину. Все время обратного пути Майк помнил о том, что рядом с их лодкой волочится то ужасное существо. Но когда они добрались до моста, угря уже не было. Каким-то образом он проскользнул через отверстие в сетке, которое было в пять раз меньше его. От угря осталась лишь слизистая пленка, будто и кожа и тело его состояли из одной слизи.

Точно как засохшая мокрота на подоконнике.

Майк хорошенько протер древесину бензином, чтобы убить даже невидимых микробов, если они здесь остались, как мог лучше склеил раму, заменив поломанные места свежеструганными, и установил ее на место, добавив еще две задвижки: одну на подоконнике, вторую — наверху.

На земле под окном валялся кусочек Святого причастия. Майк вообразил, как в ночной тиши Солдат карабкается на стену, как его пальцы просачиваются сквозь отверстия сетки, как его рыло, удлинняясь, тянется в сторону Мемо, подобно миноге, учуявшей особо лакомую рыбу...

Остановили ли его гости и святая вода? И вообще, Солдат ли это был? Вполне возможно, что на его бабушку сегодня ночью охотились совсем другие существа...

Майк чуть не плакал. Его тщательно продуманная схема едва не закончилась катастрофой. Майк видел притаившийся в густой тени деревьев грузовик. Он чувствовал его запах. И это злобное дыхание смерти могло сейчас распространяться от них, от его тела и от тел его друзей, стоило бы им только отправиться домой на велосипедах, как он это планировал.

Теперь Майк знал, что они сражаются на войне, так же точно, как знал это когда-то его отец, в то время когда воевал на полях Второй мировой. Только здесь не было линии фронта и не могло быть перемирия. Врагу принадлежали ночи.

После обеда Майк отправился к костелу Святого Малахия, но никаких сведений об отце Кавано там не было. В дорожный патруль и полицию Оук-Хилла сообщили о его исчезновении, но, как сказала Майку миссис Маккафферти, все были уверены, что священник обессилел от болезни и предпочел самостоятельно отправиться к себе домой в Чикаго. Мысль о молодом священнике, больном и беспомощном, стоящем где-то на автобусных остановках, исторгала из глаз почтенной экономки обильные слезы.

Майк уверил ее, что отец Кавано не уехал домой.

Затем он отправился к Харлену и пробыл у него ровно столько времени, сколько понадобилось, чтобы выпросить у Джима бутылку вина. Харлен сказал, что мать никогда ее не хватится, поскольку это был какой-то особый сорт вермута, который она называла «ослиной мочой». Майк сунул ее в сумку и направился в парк Бандстенд. Не то чтобы он считал, что сможет узнать у Минка что-либо важное, нет, но у него было какое-то чувство, что тот знает что-то еще. Плюс к тому же для него было важно еще раз поговорить с человеком, который был очевидцем некоторых из событий, заполнивших теперь жизнь Майка и его друзей.

Но Минка не было. Его бутылки, газеты и даже лохмотья старой шинели, той самой, которую он не снимал ни зимой, ни летом, были разбросаны по всему грязному подвалу, будто бы здесь пронесся небольшой, но разрушительный ураган местного значения. В земле виднелось пять совершенно круглых отверстий — края каждого из них были словно обведены красным — величи-

ной примерно по восемнадцать дюймов в поперечнике, они испещряли грязный пол так, будто здесь кто-то пролил нефть.

Ты просто воображаешь самое худшее, сказал себе Майк. Возможно, Минк просто подыскал себе работенку и теперь пропивает с приятелями заработанные денежки.

Но в душе Майк был уверен, что все обстоит не так. Воображение рисовало ему страшные картины, — возможно, это происходило сегодня ночью: Минк просыпается от своего пьяного сна и чувствует, как коробится и встает вокруг него земля, как вонь распада и разложения обволакивает так хорошо знакомое ему за последние семь десятилетий пространство. Майк вообразил, как старик отпрянул, когда что-то большое и белое вырвалось из земли, так же как отпрянул он сам, когда вырвался из воды тот ужасный угорь. Щелкали длинные челюсти, по всем углам шарили слепые глаза.

Последнее из отверстий находилось не более чем в трех футах от входа. Майк видел его хрящевидные кроваво-красные стенки. Все вокруг было пропитано запахом Минка, но сейчас гораздо сильнее ощущалась вонь мертвецкой.

Майк зашвырнул бутылку в глубину подвала, она упала рядом с лохмотьями шинели — своеобразный надгробный памятник в миниатюре, — и уехал. Он мчался на велосипеде почти по самой середине мостовой, встречный водитель возмущенно просигналил ему, на полной скорости миновал кусты возле дома доктора Вискеса и помчался по Второй авеню, в сторону Старой школы, к дому.

Идти на день рождения Мишель Стеффни он и не собирался — сама мысль об этом казалась ему даже смешной после всего, что с ними произошло за последние дни, — но потом к нему забежал Дейл и произнес речь, смысл которой заключался в том, что сегодня вечером им лучше держаться всем вместе.

— Праздник кончится часам к десяти, — сказал он, — когда начнется фейерверк. Но если захочешь, мы уйдем пораньше.

Майк кивнул. Мать и сестры, конечно, раньше десяти спать не лягут. Сегодня было дежурство Пег, и Майк не думал, что может что-либо произойти в такую рань. Просто не может. Был ли то Солдат или что другое, но они предпочитают появляться в более поздние часы.

— Почему бы тебе не пойти с нами, — продолжал Дейл. — Там будет светло и множество народу... Всем нам нужна небольшая разрядка.

— А что Лоренс? Он тоже пойдет? — поинтересовался Майк.

— Нет. Он не хочет идти на глупый девчоночий праздник, — пожал плечами Дейл. — Да его и не приглашали. Мама пообещала, что они весь вечер будут играть в «Монополию». По крайней мере до тех пор, пока я не вернусь домой.

— Но мы же не сможем взять с собой ружья, — сказал Майк. Даже сквозь вату усталости он чувствовал, до чего странно звучат его слова.

Дейл улыбнулся:

— Харлен захватит свой револьвер. Если будет нужно, мы им воспользуемся. Но мы должны хоть чем-то заняться, пока будем ожидать утра воскресенья.

Майк хмыкнул.

— Ты придешь? — спросил Дейл.

— Посмотрим.

Вечеринка по случаю дня рождения Мишель Стеффни была назначена на семь часов вечера, но некоторые приглашенные заявлялись и на час-полтора позже; родители подвозили детей на машинах и отправлялись назад. Как всегда в эти дни, большой участок Брод-авеню преобразился и стал напоминать то ли фантастическую сказочную страну, то ли карнавал. Некоторая его часть, правда, превратилась в стоянку старых машин, а все вместе представляло собой самый настоящий хаос. Гирлянды разноцветных лампочек и японских фонариков тянулись от длинного парадного крыльца к деревьям, от деревьев к фонарным столбам, возвышавшимся над уставленными яствами столами, от фонарных столбов к деревьям позади дома, а оттуда к огромному сараю, стоявшему в глубине участка. Дети безостановочно сновали взад и вперед, несмотря на все усилия взрослых держать их в узде. На заднем дворе шла азартная игра в дартс: дети метали в мишень увенчанные тяжелыми металлическими наконечниками дротики. Каждый такой дротик был вполне способен свалить даже крепкого буйвола, а не то что ребенка. Другие сгрудились на соседней лужайке, где было разбросано несколько разноцвет-

ных хулахупов, оживив — правда, только на один день — увлечение, которым пару лет назад была охвачена не только вся округа, но и вся страна. Еще большая группа детей, масса которой уже достигала критической величины, толпилась вокруг барбекю, где доктор Стеффни с двумя помощниками поджаривали и раздавали горячие сосиски и гамбургеры, обеспечивая едой нескончаемый поток прожорливых ротиков и жадных ручек. Поблизости длинный ряд накрытых нарядными клетчатыми виниловыми скатертями столов являл множество блюд с чипсами, кувшинов с напитками и аппетитными десертами. Именно тут нашли свое пристанище наиболее прожорливые или наиболее проголодавшиеся из ребят.

На крыльце установили проигрыватель, и многие из девочек, собравшись вокруг него, расселись либо на полу, либо на перилах и предались самому безудержному хихиканью. Мальчики играли в салочки, носясь сквозь толпы народу, и остановить их могли только добродушные увещевания доктора Стеффни или аппетитные запахи.

Как правило, полученные приглашения предъявляла только первая дюжина ребяташек, затем, когда число гостей переваливало за полсотни, приглашения уже никто не показывал, и в числе гостей зачастую оказывались и кузены одноклассников Мишель, никогда ею в жизни не виденные, и фермерские детишки, с которыми ей не случалось перемолвиться ни одним словом. Еще позднее появлялась стайка ребят постарше, которых, к неудовольствию переднего крыльца, взрослые отправляли восвояси. Даже Си-Джей Конгден со своим верным Арчи Креком пару раз с ревом проехали мимо, но не остановились. Двумя годами раньше доктор Стеффни вызвал дорожную полицию, чтобы выставить вон этих «детишек».

Ближе к вечеру, когда вечеринка была уже в разгаре, на крыльце устроили танцы — девочки пытались, подражая старшим, изобразить джиттербаг, а некоторые, самые смелые, пустились отплясывать рок-н-ролл, имитируя Элвиса Пресли, пока взрослые не велели им остановиться и прекратить это безобразие. Самые старшие из мальчиков присоединились к этой группе, при этом они всячески хихикали, подталкивали под локти и дергали за хвостики девочек. В общем, норовили всеми возможными способами занять руки.

Дейл и Майк сошлись вместе в очереди за своей порцией жареных сосисок, причем Дейл уже жевал одну сосиску, одновременно пытаясь крутить желтый хулахуп. Получив вожаденное лакомство, они вместе побрели через двор, чуть опьяневшие от смеха и беготни.

Харлен и Кевин тут же присоединились к ним. Пытаясь перекричать рев толпы, восхищенной тем, что один из метателей дро-тиков попал в ломоть дыни, Кевин прокричал:

— Я сейчас видел кое-что такое, что нам не помешало бы иметь прошлой ночью.

Майк и Дейл подошли к нему поближе.

— Что это было?

Еще до вечеринки они решили не говорить ни о чем важном, когда их могли услышать, но в общем гвалте они и сами едва слышали друг друга.

— Пошли, — позвал друзей Кев, махнув рукой в сторону заднего двора.

Там обосновались Чак Сперлинг и Диггер Тейлор, демонстрируя уоки-токи двум маленьким группкам пораженных малышей. Те были вне себя от радости, возможность поболтать друг с другом с расстояния шестидесяти футов через всю лужайку и перекрывающая шум голосов привела их в неопиcуемый восторг.

— Они настоящие? — спросил Майк.

— Что?

Майк наклонился поближе к большому уху Кевина:

— Они... настоящие?

Кевин кивнул, продолжая потягивать через соломинку коку. Дома родители никогда не позволяли ему пить такой вредный напиток.

— Да, они настоящие. Отец Чака купил несколько таких штук оптом.

— И каков у них радиус действия? — спросил Дейл. Ему пришлось дважды повторить этот вопрос.

— Примерно миля. По крайней мере, так говорил Диггер, — ответил наконец Кевин. — Они работают на коротких волнах, чтобы не требовалось получать на них лицензию. Но почти такие же мощные, как настоящие уоки-токи.

— Ага, — протянул Майк. — А они могли бы нам пригодиться. Да еще и не поздно, пожалуй. Интересно, мы сумеем достать пару таких штук до воскресенья?

Тут выступил вперед Харлен. По его лицу бродила неопределенная улыбочка, и держался он довольно странно. Майку понадобилось не меньше минуты, чтобы понять, что Джим Харлен сегодня принарядился: нацепил шерстяные брюки, хотя они были явно не по погоде, голубую рубашку и галстук-бабочку. И даже повязку на руке сменил на свежую.

— Эй, — ухмыльнулся он. — Вам нужны эти штуки? Могу достать.

Майк наклонился поближе к нему и принялся:

— Господи Иисусе, Джим, да ты что, выпил виски или еще чего-то?

Харлен расправил плечи и довольно, хоть и несколько смущенно ухмыльнулся.

— Самую чуточку, — сказал он, стараясь выговаривать слова медленно и отчетливо. — Это ты подал мне идею, старый дружище. Ну, когда приходил занять у меня ту бутылочку.

Майк покачал головой:

— А ты принес... ну... ту вещь?

— Какую вещь? — изумился Харлен. — Что еще за вещь? Ты имеешь в виду цветы для нашей хозяйки? Или пакетик резиновых изделий? Ты про эту вещь? Для моего свидания с мисс С. попозже?

Дейл потянулся вперед и схватил Харлена за руку достаточно крепко, чтобы почувствовать под повязкой что-то твердое.

— Вот эту вещь, дубина.

Тот вытаращил глаза и притворился ничего не понимающим:

— А, эту. — И тут же начал доставать пистолет.

Майк быстро загородил его от света:

— Ты напился. Только достань эту штуку, и доктор Стеффни выставит тебя отсюда еще раньше, чем ты увидишь даму своего сердца.

Харлен поклонился и сотворил нечто подобное намазу:

— Как прикажете, мой капитан. — Затем выпрямился, но слишком быстро и принужден был схватиться за забор, чтобы сохранить равновесие. — Ну так вы хотите заполучить это или нет?

— Что — это? — Майк скрестил руки и внимательно оглядел улицу перед домом.

— Да радио же! — Харлену явно надоело непонимание его собеседников. — Если хотите, то я берусь завтра же притащить его. Скажите только слово.

— Слово, — сказал Майк.

Харлен опять с восточным подобострастием поклонился и направился к толпе гостей, при этом, правда, чуть не сбив по дороге семилетнего малыша.

В десятом часу Майк собрался идти домой, даже в том случае, если Дейл и Кевин надумают остаться. Когда он доедал третью за вечер сосиску, к нему неожиданно подошла Мишель Стеффни:

— Привет, Майк.

Рот у Майка был занят, так что он пробурчал что-то невнятное, затем попытался проглотить остаток булочки и предпринял новую попытку ответить на приветствие. Она оказалась не более удачной.

— Я давно не видела тебя, — проговорила рыжеволосая девочка. — С тех пор как... ты перешел в другой класс.

— Ты хочешь сказать, с тех пор как я остался на второй год, — выговорил наконец Майк. С кашей во рту он наконец справился, но улыбнуться бы он и сейчас не решился из страха, что изо рта у него полетят кусочки еды.

— Ну да, — мягко согласилась Мишель. — Мне иногда кажется, что я скучаю по нашим разговорам.

— Угу, — кивнул Майк, не имея, впрочем, ни малейшего понятия, какие, собственно, разговоры она имеет в виду.

Они учились в одном классе с первого по четвертый, но он что-то не мог припомнить, чтобы за эти годы говорил с Мишель более двух раз. Да и в эти разы весь разговор ограничивался окликом: «Эй, Мишель, подкинь-ка нам мяч, а!» — где-нибудь на спортивной площадке.

— Угу, — повторил он.

— Знаешь, — начала она, наклоняясь ближе и чуть ли не шепотом, — я помню, как мы с тобой говорили о религии.

— А, угу, — повторил Майк, отчаянно желая, чтобы в руках у него оказался стакан любого напитка, хоть воды, лишь бы было жидкое.

Он смутно помнил, как однажды, во втором классе, действительно разговаривал с Мишель — они ожидали своей очереди покататься на качелях, — что-то о том, как странно быть католиком, когда почти все другие ребята вовсе не католики.

— Угу, — повторил он в четвертый раз, отдавая себе отчет в том, что этот сам по себе чрезвычайно остроумный ответ уже несколько навяз в зубах.

Мишель выглядела отлично, хоть Майку пришлось на ум другое словечко. Восхитительно. На ней было зеленое шифоновое платье, с какой-то пышной юбочкой вроде как у балерины, только не такой короткой, а свои длинные волосы она завязала сзади такой же зеленой лентой. И глаза у нее были тоже зеленые. И очень длинные ноги. Майк заметил, что она... ну как бы изменилась за последние несколько месяцев. А может, даже за недели, прошедшие с последнего дня школьных занятий. Платье сидело по-новому, особенно в груди, и ноги стали другими, и талия, и, когда она подняла руку, чтобы поправить ленту в волосах, Майк заметил, что и руки у нее тоже стали другими. Неужели она тоже бреет подмышки, стрелой пронеслась мысль в голове у Майка, как Пег и Мэри? И ноги?

Майк понял, что Мишель ему что-то говорит:

— Извини, я не расслышал... Что?

— Я сказала, что хотела бы поговорить с тобой чуть позже. О чем-то очень важном.

— Да, конечно. Когда? — поинтересовался он, предполагая, что речь идет об августе.

— Давай через полчаса. В нашем сарае.

Девочка изящно махнула рукой в сторону огромного темного сооружения. Майк повернулся и посмотрел на сарай с таким видом, будто никогда не видел его прежде.

— Давай, — озадаченно сказал он, но Мишель уже убегала от него, чтобы смешаться с толпой гостей. «Наверное, она всех их хочет пригласить в сарай», — мелькнула у Майка мысль, но он ее тут же отмел как несостоятельную.

Он поплелся обратно к барбекю, все мысли о том, чтобы уйти пораньше, вылетели у него из головы. Мама и девочки позаботятся о Мемо сегодня вечером. Лучше б Харлен прихватил с собой ту бутылку с виски, или что там у него было, чем свой дурацкий револьвер.

«Давай через полчаса. В нашем сарае?» — эхом отдавалось у него в голове, и он снова и снова расшифровывал ее интонацию, связывал ее с выражением лица. Как и большинство мальчишек в Элм-Хейвене, Майк был неравнодушен к Мишель

Стеффни... чуть-чуть. Но в отличие от большинства других мальчишек, возможно, потому, что его оставили на второй год, он на этом чувстве совсем не заиклился. Не обращать на нее внимания было гораздо легче, когда вы виделись только на спортплощадке да изредка в церкви, ну еще в школе на перемене, когда она жевала сэндвич с колбасой.

Сейчас Майк сомневался, сможет ли он теперь не обращать на нее внимания. «Бедняга Харлен, — подумал он о приятеле с болью внезапного сочувствия. И затем: — К черту Харлена».

Часов у Майка не было, поэтому следующие тридцать минут он оставался возле Кевина, время от времени поднимая руку приятеля, чтобы узнать время без лишних расспросов. Один раз, когда он заметил в группе девочек у веранды Донну Лу Перри с ее подружкой Сэнди, то решил было подойти и поговорить с ней, извиниться за ту выходку ребят на бейсбольном поле. Но Донна Лу смеялась и болтала с девочками, а у Майка оставалось всего восемнадцать минут.

Зона веселья и света на сарай не распространялась, и, хотя широкие двери были закрыты, в стене сарая, расположенной рядом с дубом, имелась небольшая дверца. Майк отодвинул задвижку и вошел. «Мишель?» — окликнул он. Внутри пахло старым деревом и нагретой за день соломой. Майк собрался было еще раз позвать девочку, но вдруг подумал, что, наверное, его разыграли: у Мишель и мысли не было говорить с ним наедине, это был всего лишь розыгрыш, такой же, какими она донимала беднягу Харлена.

А теперь и беднягу Майка, подумал он, поворачиваясь обратно к двери.

— Иди сюда, — послышался тихий голос Мишель.

Сначала Майк даже не мог разобрать, откуда идет этот голос, но затем в свете пыльной лампочки увидел, что стоит рядом с небольшой лесенкой, расположенной между пустыми стойлами. Вела она к тому, что могло быть чердаком. Крыша сарая терялась в темноте.

— Сюда, глупый, — позвала снова Мишель.

Майк стал взбираться по лесенке, чувствуя, как ему мешает маленькая склянка со святой водой, которой он запаса на всякий случай перед выходом из дому. Эй, это действительно из-за склянки, может, ты просто счастлив видеть Мишель?

Чердак являлся всего лишь сеновалом, но через дверцу лился мягкий свет, делавший это помещение довольно уютным. Дверца вела в соседнюю комнатку. Оказывается, Стеффни надстроили над сараем целый этаж.

Из этой двери выглядывала улыбающаяся головка Мишель. Неяркий свет, лившийся через два маленьких оконца, освещал ее сзади и создавал сияющую корону вокруг ее головы.

— Входи же, — лукаво сказала она, отступая, чтобы пропустить его вперед. — Это мое убежище.

— Гм... — промычал Майк, оказавшись рядом с Мишель, он скорее был поглощен ее теплым присутствием, чем обстановкой комнаты. В комнате стоял старый стол и несколько разномастных стульев. Вдоль стены располагался старый диван. — Похоже на клуб, да? — сказал он и мысленно тут же стукнул себя за это. Идиот.

Мишель улыбнулась. Она стояла почти вплотную рядом с ним.

— Сказать тебе, почему июль в этом году совершенно особенный месяц, Микки?

Микки?

— Да. Потому что у тебя день рождения?

— Ну да, — кивнула Мишель и подошла к нему еще на шаг ближе. Майк чувствовал доносящийся от нее запах шампуня и мыла. Запах чистоты. Бледная кожа рук будто светилась розовым в свете разноцветных лампочек, висевших на ветвях дуба за окном. — Двенадцатый день рождения в жизни девочки — это очень важно, — продолжала она почти шепотом. — Но есть вещи, которые для нее еще важнее. Ты знаешь, о чем я говорю?

— Конечно знаю. — Майк тоже почти шептал, ведь она стояла так близко. Но ему даже в голову не приходило, о чем она может говорить.

— Ты знаешь, что я уже давно люблю тебя, Микки?

— Э... нет, — правдиво сказал Майк.

— Это так. Еще с тех пор, как мы играли вместе, когда ходили в первый класс. Помнишь, ты был папой, а я мамой?

Майк смутно что-то в таком роде припоминал. В первом классе он иногда еще участвовал в девчачьих играх, пока не понял окончательно, где его место.

— Конечно, — с несколько бóльшим, но не совсем искренним энтузиазмом отозвался он.

Мишель повернулась на одной ноге, будто делая пируэт, как настоящая балерина или еще кто-нибудь в этом роде.

— Микки, а ты любишь меня?

— Конечно.

Интересно, а что он еще мог бы сказать? «Нет, терпеть не могу, на мой взгляд, ты похожа на жабу»? Если сказать правду, то в эту минуту он ужасно сильно любил ее. Ему нравилось, как она выглядит, как пахнет, нравился звук ее голоса и то напряжение, которое он ощущал в ее присутствии. Это было так не похоже на ту тошнотворную нервозность, в которой он прожил последние дни этого сумасшедшего лета.

— Да, — повторил он, — я люблю тебя.

Мишель кивнула, будто услышала то магическое слово, которого ожидала. Затем отступила на шаг, оказалась почти рядом с окном и попросила:

— Закрой глаза, пожалуйста.

Майк колебался только секунду. Зажмурившись, он чувствовал запах соломы с соседнего чердака, запах свежеструганных бревен из гаража внизу и неуловимый, но настойчивый аромат шампуня и теплого душистого тела.

Послышался тихий шорох, и Мишель прошептала:

— Теперь можно.

Майк распахнул глаза и почувствовал, что его будто бы ударили в солнечное сплетение.

Мишель выскользнула из своего нарядного платья и теперь стояла перед ним в одном маленьком белом лифчике и крохотных трусиках. Майку казалось, что никогда в жизни он не видел столь отчетливо: бледная кожа плеч с едва заметными веснушками, округлость груди над полоской лифчика, длинные, заброшенные за спину рыжеватые волосы, светящийся нимб над головой, темная тень от ресниц, лежащая на щеках, — Майк чувствовал, что голова у него идет кругом, когда смотрел на ее округлые упругие бедра, узкие колени и тонкие лодыжки, которые все еще были обтянуты беленькими носочками.

Мишель переступила с ноги на ногу, и он увидел, как краска румянца разливается у нее по щекам и даже по шее. Ее шепот был едва слышен.

— Микки... я думала, что... мы могли бы... просто посмотреть друг на друга. — Она подошла так близко, что он легко мог бы обнять ее, если бы осмелился. Прохладной рукой она коснулась его щеки.

Теплое дыхание долетело до его лица, и Майк понял, что она еще что-то сказала.

— Что? — Его голос прозвучал слишком громко.

— Я только сказала, — повторила она так же шепотом, — что если ты снимешь рубашку, то я тоже сниму кое-что.

Когда он стягивал рубашку через голову и потом бросал ее в угол, у него было такое чувство, что это делает не он. А просто он сам видит все происходящее в каком-то взрослом кино. Его руки обвились вокруг Мишель, и они оба невольно развернулись, так что стояли теперь лицом к окну. Темные переплеты рамы находились не больше чем в шести футах от Майка.

— Твоя очередь, — прошептал Майк.

Почему-то он был уверен, что девочка снимет носки, но вместо этого она завела одну руку за спину и движением, от женственной незнакомости которого у Майка занялось дыхание, что-то там расстегнула. Лифчик бесшумно упал на пол между ними.

Невольно Майк проводил его глазами, заметив, что глаза у Мишель почти закрыты и ресницы тихо подрагивают. Ее груди были белыми-пребелыми, розовые соски почти не отличались от ареола вокруг них.

Одной рукой Мишель прикрыла грудь, будто внезапно смутившись, и, чуть придвинувшись к Майку, подняла к нему лицо. С каким-то испугом, от которого даже закружилась голова, он понял, что она хочет поцеловать его, и что он должен будет поцеловать ее в ответ, и что губы у него стали сухими, как наждак.

Она тихо прижалась к его рту губами, затем чуть отклонилась назад, как будто чтобы взглянуть на него, и поцеловала его снова.

Майк охватил ее руками, чувствуя, как нарастает в нем волнение, и зная, что она чувствует то же самое, но не отстранился. В голове у него мелькнула мысль об исповеди, о темноте исповедальни, о тихом, вопрошающем голосе священника. Подобное волнение было уже знакомо ему, Церковь называла это «грехом рукоблудия», но теперь было совсем другое. Теплота между ними, прикосновения рук, все длившийся и длившийся поцелуй, его нараставшее возбуждение и ответное волнение Мишель, едва за-

метное движение ее бедер к нему навстречу — все это принадлежало совершенно другой, неизвестной вселенной. А не той, в которой существовал грех Майка. Это был новый, незнакомый ему космос ощущений, и какой-то частью своего сознания Майк отдавал себе в этом отчет даже сейчас, когда он был полностью захвачен чувством, даже сейчас, когда они на миг прервали свой романтический поцелуй, чтобы совсем неромантически набрать в грудь воздуха и снова прижаться друг к другу губами. Правая рука Мишель лежала теперь на груди Майка, а пальцы мальчика гладили совершенную округлость ее спины и чуть передвинулись вверх, к хрупким лопаткам.

Они опустили на колени, и как-то чуть сдвинулись вправо, и легли на диван, ни на минуту не разжимая объятия. Когда поцелуй на секунду прервался, Майк услышал тихий вздох Мишель у самого своего уха и изумился тому, как чудесно ее щека угнездилась у него между челюстью и шеей. Он ощущал тепло ее тела и понимал, что ничто из его прежней жизни не подготовило его к обморочному головокружению этой секунды.

Волосы Мишель коснулись его губ.

Майк мягко тронул их ладонью и открыл глаза.

Менее чем в шести футах перед ним через небольшое окно в стене, которое находилось примерно в двадцати футах над землей, на них смотрел отец Кавано мертвыми белыми глазами.

Майк охнул и подался назад к подлокотнику дивана.

Белое лицо и черные плечи священника словно парили за окном. Рот его был широко распахнут, как у покойника, которому забыли подвязать челюсть. Дорожка коричневой слюны бежала у него изо рта по подбородку. Лоб и щеки были испещрены тем, что, как показалось Майку, было шрамами и коростой. Но когда он вгляделся лучше, то увидел, что это были идеально круглые отверстия, каждое не меньше дюйма в диаметре. Волосы привидения вздыбились, как бывает при ударе электрического тока. В зловещей ухмылке черных губ обнажился ряд длинных клыков.

Глаза отца Кавано были раскрыты, но слепы и затянuty белой пленкой, а веки вздрагивали, будто у эпилептика.

Секунду Майк был уверен, что это труп священника, повешенный кем-то на дереве, но тут челюсть шевельнулась и послышался клацающий звук, подобный тому, какой издают камни, когда их встряхивают в мешке. Затем скрюченные пальцы потянулись к оконной раме.

Мишель тоже услышала этот звук и испуганно отстранилась от Майка, прижав к груди руки.

Должно быть, перед ее глазами мелькнул след чего-то белого, хоть мертвое лицо мгновенно исчезло из окна, будто его дернули. Чтобы она не закричала, Майк зажал девочке рот.

— Что это? — выдавила она, когда он отпустил ее.

— Одевайся, — прошептал Майк, чувствуя биение пульса у него в боку и только не понимая, чей он. — Скорее.

Через несколько секунд послышался тот же скрежет у второго окна, но теперь они оба уже спускались по шаткой лесенке. Первым в темноту опускался Майк, чувствуя, как исчезает его возбуждение, хотя мгновением раньше казалось, что оно полностью владеет им.

— Что это было? — повторила Мишель свой вопрос, когда они уже достигли двери. Она чуть не плакала.

— Кто-то подглядывал за нами, — прошептал в ответ Майк.

Он оглядел стены сарая в поисках хоть какого-нибудь оружия — вил, лопаты, чего угодно, — но стены были голы. Только в одном месте висел на гвозде старый кожаный мешок.

Повинуясь импульсу, Майк наклонился, быстро и уверенно поцеловал в губы Мишель и распахнул дверь.

Никто не видел, как они вышли из-под огромного дуба.

Глава 31

Вечеринка уже утомила Дейла, и он готов был отправляться домой, когда вдруг увидел подходящих к дому Майка и Мишель.

Отец девочки уже несколько минут разыскивал ее в толпе гостей, расспрашивая, не видел ли кто его дочь. В руках доктора был новый фотоаппарат марки «поляроид», и он хотел сфотографировать веселую компанию, пока не начали запускать фейерверк.

Разыскивая ванную, чтобы вымыть руки, Дейл прошел кухню и миновал холл. Эта часть дома была предоставлена в распоряжение гостей. Затем он вошел в небольшую комнату, стены которой были сплошь уставлены книгами, где работал никому сегодня не нужный телевизор. Сейчас экран показывал толпу, собравшуюся под бело-красно-синими знаменами. Со времени своего визита к мистеру Эшли-Монтегю Дейл несколько углубился в политику и теперь знал, что сегодня последний день конгресса Демократической партии. С экрана вещали Хантли и Бринкли, они уверенно говорили, что сенатор Кеннеди опередил своих соперников и почти избран кандидатом в президенты от партии демократов. Пока Дейл стоял у телевизора, на экране появился потный, взъерошенный человек и прокричал в микрофон: «Вайоминг отдает все свои голоса за следующего президента Соединенных Штатов!»

Камера выхватила табло с цифрой 763. Толпа неистовствовала. Раздался голос Дэвида Бринкли: «Голосование штата Вайоминг решило все дело».

Дейл вышел из дома как раз вовремя, чтобы увидеть, как на лужайке появились Майк с Мишель. Ее тут же подхватила стайка подружек, и они побежали к дому. Майк с довольно диким выражением лица оглядывался вокруг.

Дейл подошел к нему.

— Эй, у тебя все нормально? — спросил он.

Похоже было, что тут не все в порядке. Майк был страшно бледен — даже губы у него были белыми, — и лицо его было покрыто потом. Его правая рука, как всегда в минуты волнения, была сжата в кулак и слегка дрожала.

— Где Харлен? — прозвучало вместо ответа.

Дейл указал на группку ребят, в центре которой Харлен с увлечением рассказывал, как он на спор взобрался по стене Старой центральной школы, но порыв ветра сбил его с ног, и он сверзился с высоты не меньше пятидесяти футов.

Майк решительно подошел к нему и резко вывел Харлена из круга.

— Эй, что за черт... — начал было тот.

— Дай мне это, — оборвал его Майк таким тоном, которого Дейл никогда прежде от него не слышал. И он нетерпеливо щелкнул пальцами перед лицом Харлена. — Быстрей.

— Дать что?.. — не понимал Джим, очевидно расположенный поспорить.

Майк сжал его загипсованную руку, тот даже скривился.

— Дай это мне. Сейчас же.

Ни Дейл, ни любой из мальчишек — а тем более Харлен — не мог бы послушаться Майка в такую минуту. Дейл даже подумал, что, пожалуй, и никто из взрослых не послушался бы сейчас его товарища.

Харлен оглянулся, вытащил из-под повязки свой револьвер и протянул его Майку.

Майк взглянул на оружие, дабы убедиться, что оно в порядке, и с такой небрежностью опустил руку с револьвером вдоль тела, что никто бы и не заподозрил, что у него в руке. Затем он быстрыми крадущимися шагами направился к сараю.

Дейл посмотрел на Харлена, тот вопросительно поднял бровь, и они оба поспешили вслед за товарищем, лавируя в толпе ребятшек, позировавших доктору Стеффни.

Майк крался вдоль южной стены сарая, в тени деревьев. Он старался держаться ближе к стене, подняв правую руку с пистолетом, на коротком стволе играл отблеск висевших над головой лампочек. Услышав позади себя шаги Дейла и Харлена, он оглянулся и жестом велел им идти потише.

Майк достиг конца сарая, обошел кусты, пригнулся, чтобы заглянуть под них, затем резко оглянулся, держа под прицелом всю аллею. Дейл глянул на Харлена, вспомнив, что тот рассказывал, что бежал именно по этой аллее, спасаясь от грузовика. Что Майк тут видел?

Теперь они обходили сарай сзади. Свет от единственного фонарного столба, казалось, делал еще гуще мрак вокруг них, темную массу листвы, черные силуэты строений, гаража. Двигаясь боком, Майк продолжал держать под прицелом аллею, но вдруг он резко повернул голову и глянул на заднюю стену гаража. Дейл и Харлен подошли поближе к нему.

Всего минута понадобилась Дейлу, чтобы увидеть неровный ряд выбоин в стене, поднимающихся до маленького окошка, расположенного на высоте двадцати футов над землей. Они походили на те, которые остались бы от шипов на ботинках телефонного мастера, если б он взбирался по вертикальной деревянной стене. Дейл глянул на Майка:

— Ты видел что?..

— Ш-ш-ш... — Майк махнул ему, призывая к молчанию, и медленно двинулся на другую сторону аллеи, где рос густой малинник.

Дейл чувствовал густой запах малины, ботинками раздавил несколько упавших ягод. Но вдруг его ноздрей коснулся другой запах — тяжелый запах какого-то животного.

Майк снова махнул ребятам и поднял револьвер. Теперь его дуло смотрело прямо в гущу кустов, рука мальчика держала оружие уверенно и совершенно не дрожало. Дейл ясно услышал клацанье взводимого курка.

В кустах мелькнуло что-то белое — бледный абрис лица между черными ветками, — затем послышалось тихое рычание и хрип-лосое дыхание какого-то огромного существа.

— Ужас какой, господи, — торопливо зашептал Харлен. — Стреляй! Да стреляй же!

Майк продолжал целиться, держа палец на курке, когда белое лицо и чудовищный силуэт, слишком большой и слишком странный, чтобы принадлежать человеческому существу, отделился от темноты ветвей и двинулся к ним.

Дейл отступил на шаг, прижавшись к стенке сарая, сердце билось у него в горле. Он чувствовал, что Харлен готов дать стрелка. Майк все еще не стрелял.

Низкий вой нарастал в крещендо, слышалось царапанье когтей по гравию, в слабом свете сверкнули огромные клыки.

Майк стоял не двигаясь, ожидая.

— Сидеть, чертовы псы! — донесся невнятный голос. Последние два слова прозвучали скорее как «ррсы».

— Это Корди, — выдохнул Майк и опустил оружие.

Теперь Дейл видел, что сверкавшие в темноте клыки и темные силуэты принадлежали двум огромным собакам — доберману и отдаленному родственнику немецкой овчарки. Корди держала их на коротких поводках, больше похожих на ремни из сыромятной кожи.

— Чего тебя сюда принесло? — спросил Майк, изучая больше аллею, чем девочку.

— Хотела у тебя спросить то же самое, — огрызнулась она.

Дейл расслышал только «спсжсо».

Майк проигнорировал вопрос, если только это был вопрос.

— Ты никого здесь не видела? Кого-то... очень странного?

Корди хмыкнула, и собаки быстро подняли к ней морды, как бы спрашивая, чем могут помочь.

— Щас до фига всякого странного. Ты про что?

Майк обернулся, теперь он обращался не столько к Корди, сколько к своим друзьям:

— Я находился там, наверху. — И он махнул рукой в сторону окна над ними. — И за окном что-то было. Вернее, кто-то. Кто-то... очень странный.

Дейл автоматически поднял глаза, чтобы взглянуть на окно, и подумал: Майк был там с Мишель? Он понимал всю странность такого допущения, но сама мысль об этом причинила ему боль. Харлен же просто таращился на окно, затем опять на Майка, он явно не понимал, в чем дело. Дейл вспомнил, что тот не видел возвращавшихся вместе Майка с Мишель.

— Я только что пришла сюда, — сказала Корди. — Мы с Люцифером и Вельзевулом зашли, чтобы посмотреть, кто крутится на этой занюханной вечеринке.

Харлен подошел поближе и уставился на собак:

— Вельзевул и Люцифер? — При звуке его голоса псы злобно ощерили пасти, и мальчик торопливо отступил.

— Я думал, что вы переехали, — сказал Дейл. — Что твоя семья переехала.

Он чуть было не сказал «смылись». Манеры Корди были чрезвычайно заразителны.

Бесформенная мешковина, которая служила девочке одеянием, колыхнулась, что, по-видимому, явилось следствием пожатия плеч. Огромные собаки перевели внимание с Харлена на своего хозяина... вернее, хозяйку... как ее там.

— Отец сбежал, — ответила она равнодушно. — Он всегда был жидок на расправу. А мама с двойняшками и сестрой Морин, за ними увязался и ее дружок Берк, отправились в Оук-Хилл.

— А где же ты живешь? — спросил Майк.

Корди посмотрела на него, как будто удивляясь, неужели он может даже предположить, что получит ответ на этот вопрос.

— В одном безопасном месте, — коротко бросила она. — А с чего это ты целился в меня из пукалки Джима? Подумал, что я одна из них?

— Из них, — повторил Майк. — Ты их опять видела?

Корди снова хмыкнула.

— А какого же дьявола, ты думаешь, сбежал мой папаша? И мать ушла, бросив дом и забрав детей? Эти чертовы твари бродят вокруг нас ночи напролет, а иногда и днем.

— Табби? — спросил Дейл со страхом. Бледная масса под черной водой, широко распахнутые безжизненные, как у куклы, глаза.

— Табби, и тот солдат, и дохлая старуха, и другие. На вид будто дети, сплошные кости и сгнившее тряпье.

Дейл покачал головой. В манере Корди излагать сущность цепи этих жутковатых событий было что-то, от чего ему хотелось хохотать и хохотать.

Майк поднял руку и медленно, так как собаки сразу насторожились и зарычали, притронулся к ее плечу. Корди чуть не подпрыгнула от этого прикосновения.

— Извини, что мы не стали разыскивать тебя, — сказал он. — Мы пытались сами выяснить, что тут творится, и даже попробовали кое с кем схватиться. Но конечно, следовало подумать о тебе.

Корди тряхнула головой, став на минуту похожей на одну из своих собак.

— Подумать обо мне? — Ее голос странно зазвенел. — Какого черта ты тут болтаешь, О'Рурк?

— А где твой дробовик? — спросил Харлен.

Корди снова хмыкнула:

— Собаки лучше, чем ствол. У меня есть ружье, но, если эти типы набросятся на меня опять, я напущу на них собак. — Опять сплошные «пщсс».

Майк направился вдоль аллеи, и остальные двинулись за ним. Их башмаки и когти собак негромко стучали по гравию дороги. Со стороны дома Стеффни донесся взрыв смеха, но сейчас он казался очень далеким.

— Значит, они пытались схватить тебя, да? — спросил Майк.

Корди сплюнула в темную траву:

— Две ночи назад Вельзевул оторвал руку тому, что было раньше Табби. Оно хотело в меня вцепиться.

— Где это было? — спросил Харлен. Он шел, непрерывно оглядываясь через плечо то вправо, то влево, ощупывая взглядом темные кусты и лужайки по обе стороны аллеи, его голова походила на метроном.

Корди не ответила на его вопрос.

— Слушайте, вы хотите увидеть чего-то позабавнее, чем ваше чучело в окне? — спросила она.

У Дейла чуть не вырвался ответ: «Нет уж, спасибо», но вслух он ничего не сказал. А Харлену, занятому разглядыванием кустов, вообще было не до разговоров.

— Где? — спросил Майк.

— Неподалеку. Конечно, если вам охота вернуться на вечеринку к мисс Шелковые Штанишки, то так и скажите.

Дейл мгновенно подумал: «Что, если это не Корди? Что, если они уже схватили ее?» Но она выглядела точно как Корди... говорила, как Корди... даже пахла, как Корди.

— Где недалеко? — настойчиво спросил Майк и остановился.

Теперь они были примерно ярдах в тридцати от сарая Стеффни, ближе к фонарному столбу в конце аллеи. Во дворах многих домов заливались лаем собаки, но Вельзевул с Люцифером игнорировали их с почти высокомерным презрением.

— В старом элеваторе, — после паузы ответила Корди.

Дейл даже вздрогнул. Зброшенные зерновые элеваторы были не меньше чем в четверти мили от того места, где они сейчас стояли. Если идти по дорожке до Каттон-роуд, затем к западу через железнодорожные пути и вдоль заросшей тропы, которая раньше соединяла город с дорогой на свалку. Элеваторы были заброше-

ны еще в начале пятидесятых, когда движение поездов по местной железной дороге было почти прекращено.

— Я туда не пойду, — быстро сказал Харлен. — И не думайте. Ни под каким видом. — И он снова оглянулся через плечо, когда какая-то собачонка, размером с голову Вельзевула, стала заходить-ся в отчаянном лае, видимо желая сразиться с огромным псом.

— А что там? — спросил Майк. Теперь он засунул револьвер за пояс джинсов.

Корди хотела было ответить, но не сразу справилась с голосом.

— Посмотрите сами, — наконец выговорила она. — Не понимаю, что это означает, но знаю, что вы все равно мне не поверите, пока не увидите все сами.

Майк еще раз оглянулся назад, из двора Стеффни до них доносился шум вечеринки.

— Но нам нужен свет.

Вместо ответа из глубин своего необъятного платья Корди достала металлический фонарик на четырех батарейках. Она нажала кнопку, и мощный луч высветил из темноты высокие кусты футов на сорок впереди них. Затем тут же выключила фонарик.

— Пошли, — решительно сказал Майк.

Дейл последовал за ними, но Харлен остановился.

— Я туда не пойду, — сказал он.

— Что ж, возвращайся назад, — пожал плечами Майк. — Револьвер я отдам тебе попозже.

Корди, Майк с Дейлом и обе собаки пошли вперед. Тогда и Харлен поспешил за ними:

— Ладно, пойду, черт с вами. Револьвер мне нужен сегодня.

Дейл решил, что тот просто не хотел возвращаться обратно в одиночестве.

По всей Каттон-роуд не горело ни одного фонаря, когда они дошли до конца аллеи и вышли на улицу. Стебли кукурузы чуть слышно шуршали, когда налетал порыв легкого ветерка, приносивший ночные запахи трав. Звезды светили очень ярко.

Корди с собаками шла впереди, ребята за ней, направляясь к железнодорожным путям и линии темных деревьев.

С крюков свисали мертвые тела.

Снаружи дверь старого элеватора казалась прочно запертой на большой замок и цепочку, но Корди показала ребятам, что ме-

таллическая планка, на которой держался замок, легко вынимается из гнилой древесины.

Собаки не шли внутрь. Они скулили, отчаянно натягивали поводки и сверкали белками глаз.

— Когда эти мертвецы ходят, то собаки не боятся их, — объяснила Корди, привязывая обоих псов к стойке у двери. — Им не нравится то, что находится там внутри. И запах.

Он и Дейлу тоже не слишком понравился. Помещение элеватора было огромным, ярдов двадцать пять — тридцать в длину и высотой в три этажа. Потолок перекрещивали железные и деревянные балки. С одной из них и свисал ряд крюков, на которых были подвешены освежаванные туши.

Корди пробежала лучом фонаря по тушам, пока мальчики, стараясь зажать носы и рты футболками, подходили поближе, задышавшись от бившего в нос зловония. В воздухе роились тучи мух.

Когда Дейл в первый раз увидел туши — висевшая кусками плоть обнажала белые кости, — он подумал, что это тела людей. Потом, приглядевшись, он разглядел, что одна принадлежит овце, другая — теленку, подвешенному за задние ноги и висевшему головой вниз, и его открытая пасть будто ухмылялась в жутком оскале; затем висела еще одна овца... большая собака... снова теленок... Здесь было по меньшей мере штук двадцать туш, висевших над длинным желобом, сделанным из канистр из-под масла.

Корди приблизилась к теленку и положила руку ему на шею:

— Видали, что они сделали? По-моему, они повесили их еще до того, как перерезали им горло. — Она показала пальцем. — Кровь стекает сюда по этой трубе, потом в канаву, чтобы они могли напиться, не таская сюда ведер.

— Напиться? — поразился Дейл, поняв, о чем она говорит. Кто-то соорудил желоб, чтобы собирать кровь в канаве... Но зачем? И откуда они брали это?

Неожиданно от зловония разложившейся плоти, тошнотворного запаха крови, жужжания миллиона мух Дейлу стало плохо и у него закружилась голова. Он добрел до окна, отодвинул защелку и поднял выдвижную раму. С жадностью вдохнув свежий воздух, он замер, глядя на темные кроны растущих рядом деревьев, на слабый свет звезд, блестевший на ржавых рельсах.

— Ты знала об этом месте? — спросил Майк у Корди. Странно, как отсутствующе звучал его голос.

Девочка пожала плечами, продолжая водить лучом по тушам.

— Уже несколько дней. Одна из моих собак отыскала его по запаху крови.

Харлен пытался воспользоваться повязкой на руке в качестве маски. Над черным шелком его лицо казалось совершенно белым.

— Ты знала об этом и никому не рассказала?

Корди повела фонариком в его сторону.

— Кому, по-твоему, я могла рассказать? — безучастно спросила она. — Нашему директору школы? Или этому говнюку Барни? А может, мировому судье, а?

Харлен отвернулся от слепящего света:

— Уж лучше это, чем вообще никому не рассказывать.

Корди пошла вдоль ряда туш, луч выхватывал из темноты торчащие ребра, месиво плоти, ржавый, покрытый кровью желоб. В его луче кровь казалась черной и густой, как патока. Сам желоб до такой степени был облеплен мухами, что казалось, он шевелится.

— Я рассказала тебе, так ведь? — спросила она. — А из-за моей последней находки мне расхотелось рассказывать об этом кому-нибудь еще.

Продолжая говорить, она дошла до конца ряда, уходящего далеко в глубину складского помещения. Тут она повела фонариком вверх.

— Матерь Божия! — воскликнул Харлен, отступая назад.

Майк выхватил револьвер и, прыгнув к Харлену, прицелился.

Человек, висевший на последнем крюке, был повешен точно так же, как остальные туши, его ноги были связаны проволокой, перекинутой через старый железный крюк, и на первый взгляд его обнаженное тело походило на тело овцы или телянка: ребра выступали под обтягивающей их кожей, горло было перерезано так глубоко, что голова едва держалась. Дейлу пришлось в голову, что перерезанное горло похоже на распахнутую пасть белой акулы, только вместо зубов торчат хрящи и обломки костей. Все лицо было так сильно залито кровью, что казалось, на него выплеснули ведро с красной краской.

Держа в руках фонарь, Корди бесстрашно приблизилась к нему, схватила за волосы и повернула раскачивающуюся голову к ним лицом.

— Господи, — простонал Дейл. Он почувствовал, что правая нога у него самопроизвольно задергалась, и прижал ее ладонью.

— Джей-Пи Конгден, — шепотом выговорил Майк. — Теперь я понимаю, почему ты не могла рассказать обо всем мировому судье.

Корди усмехнулась и отпустила волосы покойника.

— Он тут недавно, — сообщила она. — Еще вчера его не было. Подойдите-ка сюда посмотреть еще кое на что.

Мальчики подались вперед. Харлен все еще зажимал рот, Майк не выпускал из руки оружие, а Дейл употреблял все силы на то, чтобы удержаться на подгибающихся ногах. Они выстроились вдоль желоба, как люди, бывает, выстраиваются вдоль стойки бара.

— Видите? — спросила Корди, снова ухватив за волосы голову Конгдена и поднимая ее ближе к свету. — Видите?

Рот человека был широко распахнут, будто он отчаянно кричал перед смертью. Один глаз слепо смотрел на них, другой был плотно зажмурен. Все лицо было покрыто коркой крови. Но было кое-что еще. Дейлу понадобилась всего минута, чтобы разглядеть это.

Виски бывшего мирового судьи были покрыты ранами, скальп наполовину содран. Казалось, что он попал в руки индейцев, которые собирались оскальпировать его, но потом нашли себе другое занятие.

— На плечах эти отметины тоже есть. Хотите посмотреть?

Корди говорила равнодушным, но при этом озабоченным тоном, каким, по предположению Дейла, мог бы говорить отец Диггера или патологоанатом перед тем, как приступить к бальзамированию или еще чему-нибудь такому.

Дейл посмотрел. Дыры. Разрезы. Как будто кто-то раз за разом тыкал в него острым, идеально круглым лезвием. Раны не смертельные, но оттого не менее ужасные.

Майк первым понял, в чем тут дело.

— Дробовик, — бросил он двум мальчикам. — Это следы от дробы.

Теперь и Дейл все понял. Один из нападавших побежал от бивуака прямо в ту сторону, где прятался Майк. Выстрел из ружья Майка. С головы человека слетает кепка, и он падает в траву.

Мальчику снова стало плохо, и он опять подошел к окну и облокотился на пыльный подоконник, чтобы прийти в себя. Вокруг

жужжали мухи... целые полчища их стремились внутрь помещения.

Корди отпустила труп.

— Интересно, это сделали его люди или кто-то еще сражается против них?

— Пошли выйдем отсюда, — проговорил Майк, его голос вдруг дрогнул. — Там и поговорим.

Стараясь дышать поглубже, Дейл смотрел на темные деревья, давая глазам время адаптироваться к темноте, когда вдруг эта темнота взорвалась ослепительным светом и грохотом. Он бросился прочь от окна, упал на грубые доски пола и покатился.

Майк выхватил из рук Корди фонарь и вырубил свет, затем припал на одно колено и прицелился в окно. Харлен кинулся было бежать, споткнулся о желоб и чуть не рухнул прямо в него. Его здоровая рука угодила прямо в засохшую массу крови. Воздух жаждал миллионом потревоженных мух.

Все помещение внезапно осветилось ярчайшими вспышками света — сначала фосфорно-белый, затем ярко-красный, зеленый, синий высветил туши и словно облил их яркой плесенью. Снаружи из-за распахнутых Дейлом рам донесся грохот разрывов. И только Корди застыла неподвижно точно на том месте, где стояла. Она так сильно прищурила глаза, что все ее лицо сморщилось. Снаружи у двери собаки заходились в бешеном лае.

— О черт! — выдохнул Харлен, вытирая руку о джинсы. Кровь оставляла на них широкие коричневые мазки. Снаружи донесся новый взрыв, гораздо громче предыдущего. — Да это же чертов фейерверк на вечеринке у Мишель Стеффни.

Послышался общий вздох облегчения. Дейл встал на четвереньки и глянул вверх. Туши то исчезали, то снова появлялись, освещенные всполохами света, — зеленые, красные, обнаженная плоть, торчащие ребра, разверстые разрезы на шее, синие, синие, снова красные и белые, красные, красные, красные... Дейл знал, что в эту минуту он видит что-то такое, чего никогда в жизни не сможет забыть, сколько бы он ни прожил. И сколько бы он ни прожил, будет стараться забыть.

Не произнеся ни единого слова, ребята вышли наружу. Не торопясь вставили металлическую планку на место, навесили замок и побрели в город.

Глава 32

В пятницу, пятнадцатого июля, рассвет так и не наступил. Тяжелые облака лежали низко над землей, и по мере того, как утро пришло на смену ночи, небо просто поменяло свой темно-серый цвет на более светлый оттенок. Хотя все предвещало грозу, она не начиналась. Влажная жара давила все окружающее.

К десяти часам утра все мальчишки собрались на пологом склоне газона перед домом Кевина, разглядывая в бинокль здание Старой школы и тихо переговариваясь.

— Я хотел бы убедиться во всем этом собственными глазами, — говорил Кевин. На его лице застыло недоверчивое выражение.

— Вот и ступай, — огрызнулся Джим Харлен. — Я туда не собираюсь. Не хочу смотреть, как трупов становится все больше. Если пойдешь, там вполне может оказаться и твой.

— Никто никуда не пойдет, — тихо проговорил Майк.

Он не отрывал взгляда от заколоченных окон и дверей Старой школы.

— Интересно, а зачем им кровь? — поинтересовался Лоренс. Он лежал на животе и жевал, засунув в рот листик клевера.

Никто не пожелал высказывать догадку на этот вопрос.

— Зачем им кровь, это уже не важно, — заговорил Майк. — Нам известно, что эта штука внутри, замаскированная под колокол, требует жертвоприношений. Она питается болью людей и их страхом. Прочти им отрывок из той книги, что ты взял у Эшли-Монтегю, Дейл.

Харлен скептически хмыкнул:

— Правильнее было бы сказать, стащил у Эшли-Монтегю.

— Читай, Дейл. — Майк не отводил от глаз бинокль.

Дейл принялся листать страницы.

— Вот. «Смерть — венец всего, — читал он, — так сказано в „Книге закона“. Милосердие тождественно девяности трем, семь один восемь тождественно Стеле шесть, шесть, шесть. Сказано в Апокалипсисе каббалы...»

— Прочти другую страницу, — попросил Майк и опустил бинокль. Глаза у него были усталыми. — Там, где говорится про Стелу Откровения.

— Что-то вроде стишка, — объяснил Дейл и надвинул пониже на глаза козырек кепки.

— Читай, — повторил Майк.

Дейл начал читать, невольно понизив голос и произнося слова нараспев:

«Стела — это Мать и Отец Магии,
Стела — это Мать и Анус Бездны,
Стела — это Рот и Печень Осириса;
При последнем Равноденствии
Трон Осириса на Востоке
Увидит Трон Гора на Западе,
И дни будут сочтены.
И Стела потребует жертв,
Хлеба, благовоний, Скарабеев и
Крови невинных;
Стела воздаст тем,
Кто служил ей.
И в пробуждении последних дней
Стела будет создана из двух элементов —
Земли и воздуха,
И разрушена она может быть только
Другими двумя.
Для Стелы — Мать и Отец Магии;
Для Стелы — Рот и Анус Бездны».

Дети сидели молча.

— А что такое анус? — наконец подал голос Лоренс.

— Ты, конечно, — тут же вставил Харлен.

— Это планета, — ответил Дейл. — Знаешь, вроде Урана.

Лоренс серьезно кивнул, будто все понял.

— А что такое другие, — спросил Харлен, — как их там, элементы? Те, которые могут разрушить Стелу.

Кевин скрестил на груди руки.

— Земля, воздух, вода и огонь, — ответил он. — Греки и те, которые жили еще до них, верили, что эти элементы лежат в основе

всего. Земля и воздух создали эту штуку, огонь и вода могут ее разрушить.

Майк потянулся за книгой и стал разглядывать ее страницы, будто надеясь извлечь из нее еще что-нибудь полезное.

— Насколько мы с Дейлом могли судить, — медленно проговорил он, — это единственное упоминание о Стеле Откровения в книге.

— И мы только на основании записей Дуэйна можем предположить, что Стела имеет какое-то отношение к происходящему, — заметил Кевин.

— Дуэйна и его дяди Арта, — добавил Майк, откладывая книгу в сторону. — И они оба мертвы. Ладно. — Кевин взглянул на часы. — И что это нам дает?

— Расскажи нам еще раз о вашей молочной цистерне, — попросил Майк.

— Эта цистерна емкостью в две тысячи галлонов, — заученным монотонным голосом заговорил Кевин. — Сделана она из нержавеющей стали. Каждое утро отец выезжает на грузовике, кроме воскресений, и собирает молочные бидоны с ближайших ферм. Выезжает он очень рано, примерно в половине пятого утра... Он ездит по двум маршрутам, чередуя их. Кроме того, что он перевозит молоко, он еще производит его пробу, взвешивает и снабжает ярлыком. Ну и перекачивает его. В нашем грузовике установлен центробежный насос мощностью тысяча восемьсот оборотов в минуту. Это много больше, чем у электрического мотора, которым снабжен насос с принудительной подачей. У того только четыреста оборотов в минуту. Отец может перекачать почти семьдесят пять галлонов из бидонов на фермах в свою цистерну. Рабочее напряжение — двести тридцать вольт, такое же как на большинстве ферм. Грузовик снабжен установкой для отбора проб, также имеется жидкий охладитель, они в отделении в заднем отсеке грузовика. Там же расположен и насос. Задний отсек выкрашен в красный цвет, немного похож на пожарную машину. Иногда он берет меня с собой, но обычно он возвращается домой не раньше двух часов дня, а у меня есть дела по дому. Поэтому в мои обязанности входит вычистить цистерну, помыть грузовик и заправить его. — Кевин выдохся и сделал паузу.

— Покажи нам, где у вас газовый насос, — попросил Майк.

Впятером мальчишки направились мимо дома. Мистер Грумбахер выстроил металлический ангар, в котором держал грузо-

вик, и между его огромными дверями и домом располагался пятачок для маневрирования грузовика и стоял газовый насос. Дейл всегда считал, что ему крупно повезло, что по соседству с его домом располагается такая замечательная вещь.

— Оплатить эту штуку помог молочный завод, — объяснил Кевин. — Заправочная станция Эрни открывается довольно поздно, да и по выходным не работает, и они не хотели, чтоб отец гонялся в Оук-Хилл на заправку.

— Повтори-ка еще раз, — сказал Майк, — какая емкость у подземного резервуара?

— Тысяча двести галлонов, — ответил Кевин.

— Даже меньше, чем в цистерне, — поскреб нижнюю губу Майк.

— Угу.

— Но насос обычно заперт, — заметил Майк.

— Да, но ключ лежит в правом ящике отцовского стола. А ящик не запирается.

Майк кивнул, ожидая продолжения.

— Наконечник шланга утоплен в земле, — показал в ту сторону Кевин. — На нем тоже установлен замок, но этот ключ хранится на одном кольце с первым.

Мальчики минуту помолчали. Майк расхаживал взад и вперед, мягко ступая кедами.

— Думаю, это нам подойдет. — Но голос его звучал неуверенно.

— А почему в воскресенье утром? — спросил Дейл. — Почему не завтра?.. Или утром в субботу? Или сегодня?

— Воскресенье единственный день, когда отец Кевина остается дома. — Майк даже поскреб в затылке от умственных усилий. — После обеда здесь обычно крутится слишком много народу. Нам необходимо заняться нашими делами пораньше. Лучше всего сразу после восхода солнца. Если только вы не намерены являться сюда ночью.

Дейл, Кевин и Лоренс переглянулись и ничего не сказали.

— Кроме того, — продолжал Майк, — воскресенье вообще кажется самым подходящим днем. — Он посмотрел вокруг, прямо точь-в-точь сержант, оглядывающий свои войска. — Тем временем мы подготовимся.

Харлен неожиданно прицелкнул пальцами:

— Ты мне напомнил, у меня ведь есть для вас сюрприз. — И он повел всех к газону, на котором оставил свой велосипед.

К рулю велосипеда был подвешен полиэтиленовый пакет, из него мальчик достал уоки-токи. — Ты вроде говорил, что нам эта штука понадобится.

— У-у-у, — только и смог проговорить Майк, беря прибор в руку. Он осторожно нажал кнопку, и в микрофоне затрещало статическое электричество. — Тебе его что, Сперлинг отдал?

Харлен пожал плечами:

— Вчера вечером я на минутку завернул на вечеринку по дороге домой. Как раз подали торт, и все стали есть. Сперлинг оставил эту штуку на одном из столов. Ну я и подумал, что раз человек так невнимательно относится к своим вещам, то не очень-то он ими дорожит. Кроме того, это же на время. Напрокат, так сказать.

— Да-да, — кивнул Майк. Он отщелкнул панель и проверил батареи.

— Сегодня утром я вставил новые, — объяснил Харлен. — Эта штука отлично работает в радиусе одной мили. Мы с мамой сегодня проверили.

— А мама у тебя не спросила, откуда это? — поднял бровь Кевин.

Харлен улыбнулся:

— Я сказал, что получил такой приз у Стеффни. Ты же знаешь этих богачей... Большие вечеринки, большие призы.

— Давайте попробуем, — предложил Лоренс, схватил один прибор и вскочил на велосипед. Через минуту его уже не было видно.

Остальные улеглись на траву там же, где и были.

— Красный Пират вызывает штаб, — произнес Майк в микрофон. — Где ты находишься? Прием.

Голос Лоренса прозвучал тоненько, его сильно заглушали помехи, но вполне отчетливо.

— Я как раз проезжаю мимо торгового центра. Вижу там твою маму, Майк.

Харлен выхватил микрофон из рук Майка:

— Скажи «прием». Прием.

— Прием-прием? — донесся недоумевающий голос Лоренса.

— Нет, — сердито сказал Харлен. — Просто «прием».

— А зачем?

— Просто скажи это, когда закончишь говорить, чтобы мы знали. Прием.

— Прием, — сказал Лоренс. По тому, как он задыхался, видно было, что он изо всех сил нажимает на педали.

— Нет же, дурак! — прорычал Харлен. — Скажи что-нибудь, а потом уже говори «прием».

— Ясно, Харлен — дубина. Прием.

Майк отобрал радио:

— Где ты сейчас?

— Еду мимо парка по Бруд-авеню. — Голос Лоренса звучал уже много тише. И после паузы: — Прием.

— Почти мила, — довольно произнес Майк. — Неплохо. Можешь возвращаться, Красный Пират.

— Черт его подери! — послышался голос Лоренса.

— Не смей ругаться, черт подери! — Дейл выхватил микрофон из рук Майка. — Что у тебя случилось?

Теперь голос его брата был едва слышен, словно тот говорил шепотом, и это сыграло бóльшую роль, чем расстояние.

— Эй... А я знаю, где стоит труповоз.

Через полчаса все бутылки из-под кока-колы, которые запасли ребята, были заполнены бензином. Дейл принес с собой тряпки.

— А как насчет манометра? — спросил Майк. — Твой отец не заметит, что уровень бензина понизился?

— Так как топливо заливаю я, — ответил Кевин, — то и записи веду я. Пропажи нескольких галлонов отец не заметит. — Но голос его звучал расстроено, видно было, что такое мошенничество претит ему.

— Хорошо, — кивнул Майк. Он присел на корточки на дороге позади гаража Грумбахеров и стал чертить пальцем по земле, пока мальчики укладывали бутылки в металлическую сетку. — Вот, я набросал схему. — Прутиком он начертил Мейн-стрит, рядом с парком шла Бруд-авеню. Обвел кружком место, где располагался особняк Эшли-Монтегю. — Ты уверен, что грузовик здесь? — обратился он к Лоренсу. — И что это действительно труповоз?

Лоренс выглядел оскорбленным:

— Конечно я уверен.

— Вот здесь, в деревьях? В старом саду позади развалин дома?

— Ага, и он весь прикрыт ветками и всяким мусором. Еще на него наброшена сетка. Как там называется у военных...

— Камуфляж, — подсказал Дейл.

Лоренс энергично закивал.

— Ладно. — Майк минуту помолчал. — Теперь нам известно, где он находится. Вопрос в том, согласны ли мы все, что этим надо заняться сегодня?

— Мы же уже проголосовали, — огрызнулся Харлен.

— Да, проголосовали, но вы знаете, как это опасно.

Кевин присел рядом и, подобрав с земли кучу мелких камешков, стал медленно пропускать их между пальцами.

— Думаю, что еще опаснее оставлять труповоз без присмотра до субботы. Если дело дойдет до нашего плана, то он может оказаться помехой.

— Так же как и то, что появляется из-под земли, — добавил Майк. — Что бы это ни было.

Кевин задумчиво посмотрел на него:

— Да, но с этим нам ничего не поделать. Если не будет хотя бы труповоза, меньше будет неожиданностей.

— Кроме того, — прошептал Дейл, голос у него звучал ровно и безжизненно, — Ван Сайк на этом грузовике пытался убить Дуэйна. И возможно, он был там, когда Дуэйн погиб.

Майк потер лоб:

— Тогда договорились. Мы все согласны. Вопрос только в том, где и кто будет это делать. Кто будет приманкой и где будут находиться остальные.

Все четверо наклонились ниже над схемой центра города, которую набросал Майк.

Пальцем здоровой руки Харлен ткнул туда, где находился особняк Эшли-Монтегю:

— Что, если мы устроимся прямо здесь? Дом и так уже сгорел, к свиньям собачьим.

Майк задумчиво ковырял прутиком землю:

— Будет неплохо, если грузовик окажется пустым. А если в нем окажется то, что предполагаем?

— Мы могли бы забрать это, — предположил Харлен.

— Думаешь? — Серые глаза Майка внимательно оглядели друзей. — Там перед домом растут деревья, а позади дома — сад. Как же мы подберемся к нему... по путям? Но у нас же будет с собой много вещей. Плюс эти развалины находятся на краю города, а там рядом расположена пожарная часть. И там всегда кто-нибудь есть, сидят, чешут языками.

— Ну, тогда не знаю, — протянул Дейл. — Нужно еще подумать о приманке.

Майк на мгновение прикусил палец:

— Ага. Место должно быть достаточно просторным, чтобы грузовик мог развернуться. И располагаться близко к городу, чтобы мы могли убежать, если произойдет что-нибудь неожиданное.

— У бара «Под черным деревом»? — высказал предположение Кевин.

Дейл с Майком одновременно затрясли головами.

— Слишком далеко, — сказал Майк. Память о событиях предыдущего утра была еще чересчур остра.

Лоренс прочертил пальцем линию вдоль Первой авеню до самого перекрестка дороги с Джубили-Колледж-роуд.

— А как насчет водонапорной башни? — спросил он. — Мы доберемся туда через бейсбольное поле, а потом под деревьями, которые растут за ним. И назад будет легко выбираться.

Майк кивнул, оценивая идею, минуту подумал, затем покачал головой.

— Слишком открытое место, — сказал он. — Придется идти по полю, а грузовик сможет пересечь его с легкостью... и гораздо быстрее.

Мальчишки нахмурились и принялись изучать рисунок на пыльной дороге. Жара все усиливалась, низко над землей стелились тучи. Влажность накрывала ребят, словно мокрой простыней.

— А если в западной части города? — предложил Харлен. — Поближе к Клубу фермеров?

— Нет, — возразил Майк. — Тем, кто будет в засаде, придется ехать по Хард-роуд, а она прямая как стрела. Грузовик наверняка догонит их. А если нам не удастся воспользоваться велосипедами, то придется бежать мимо Протестантского кладбища.

— Нет уж, кладбища нафиг, — проворчал Дейл.

Харлен вздохнул и вытер лицо.

— Ну ладно, по-моему, моя мысль была самая лучшая. Особенно — это единственное место.

— Подождите-ка, — заговорил Майк. Он продолжил линию Бруд-авеню до Каттон-роуд, затем набросал два квартала домов вдоль нее и несколько штрихов, долженствующих изображать рельсы. — А что, если у элеватора? Он вне поля зрения... Но все-

таки находится достаточно близко, чтобы туда можно было добежать из засады.

— Но это их территория, — с ужасом проговорил Дейл. Ему стало тошно от одной мысли туда вернуться.

Майк кивнул, его серые глаза заблестели, как бывало всегда, когда ему в голову приходила удачная мысль.

— Да, но зато они будут уверены, что мы туда не побежим... К тому же тут имеются пути к отступлению... — И он снова нанес своим прутиком несколько штрихов. — К востоку от путей проходит грунтовка... Вот здесь Каттон-роуд... Вот старая дорога на свалку... А если мы будем без велосипедов, то можно убежать в лес или прямо по шпалам.

— Но труповоз может тоже проехать по шпалам, — серьезно заметил Кевин. — Колеса у него расположены достаточно широко, так что...

— Езда по шпалам не самое большое удовольствие, — сказал Харлен.

Кевин пожал плечами:

— Но он же преследовал Дуэйна по всему полю, и даже забор ему не помешал.

— Других предложений нет? — обратился к высокому собранию Майк.

Их не было. И Майк стер свой чертеж:

— Теперь о другом. Четверо будут сидеть в засаде, а один — работать приманкой. Это буду я.

Лоренс снова затряс головой.

— Нет, — сердито возразил восьмилетний мальчишка. — Это я нашел грузовик. И приманкой буду я.

— Не глупи, — улыбнулся Майк. — У тебя ведь детский велосипед. Тебе не обогнать даже инвалидную коляску.

Лоренс сжал кулаки:

— Да я в любой день обгоню твою ржавую колымагу, О'Рурк. Потому что я умею ездить.

Майк вздохнул и покачал головой.

— Он прав, — сказал Дейл, удивляясь сам себе. — У тебя действительно велосипед не из быстрых, Майк. Но только это будет не он... — И Дейл ткнул указательным пальцем в сторону младшего брата. — Это буду я. Мой велосипед самый новый. А во-вторых, тебе нужно быть здесь. Метаешь ты в тысячу раз лучше, чем я.

Майк долго думал.

— Ладно, — наконец нехотя проговорил он. — Но если, когда вы доберетесь до особняка, там никого не окажется, сообщите нам по радио, и мы присоединимся к вам. Идет? Провернем все прямо там, и плевать, что рядом пожарная команда.

Харлен поднял руку, будто он был в классе:

— По-моему, там лучше быть мне. — Голос его был едва слышен, бледные губы сжаты. — У вас, ребята, у каждого по две здоровых руки. А у меня только одна, и мне не добросить бутылку. Приманивать — это как раз для меня.

Кевин насмешливо фыркнул.

— Тому, кто будет приманкой, тоже руки не помешают, — сказал он. — Уж лучше сиди вместе с нами.

— Не жаждешь встать в ряды героев, да, Кевин?

Кевин серьезно покачал головой:

— С меня хватит и того, что будет в воскресенье.

— Если мы еще доживем до воскресенья, — пробормотал Дейл.

— Подожди-ка, — сказал Харлен. — Мы берем с собой оружие? Майк на минуту задумался.

— Да. Но без надобности использовать не будем. Элеватор все-таки не очень далеко от города. Кто-нибудь может напугаться и позвонить Барни.

— Да ну, — махнул рукой Дейл. — Все просто подумают, что это на свалке стреляют по крысам.

— Что в некоторой степени правда, — сказал Майк. И оглянулся на товарищей. — Так ведь?

Ответил ему Лоренс:

— Так вот, это я буду приманкой. Дейл может поехать со мной, если хочет, но это я нашел грузовик, и я собираюсь его проверить. И нечего тут спорить.

Харлен хмыкнул:

— А что будет, если мы не согласимся, а, малыш? Побежишь жаловаться мамочке? Или зажмешь нос рукой и откажешься дышать?

Лоренс гордо скрестил на груди руки, прищурился и улыбнулся, медленно и лениво.

Глава 33

Усевшись на велосипеды, Дейл с братом проехали по Мейн-стрит и остановились около тропинки, которая бежала вдоль западной стороны парка. Дейл передвинул приемник на живот и нажал кнопку. Пятнадцать минут, которые они дали Кевину, Майку и Харлену на то, чтобы те добрались до места, уже прошли.

— Красный Пират, говорит штаб Дрезден. Мы уже рядом с парком. Прием.

Назвать вторую команду словом «Дрезден» было идеей Кевина: во время войны его отец служил в ВВС навигатором, и их эскадрилья бомбила город с таким названием.

— Вас понял, Красный Пират. — Голос Майка с трудом пробивался сквозь электрические помехи. — Мы уже устроились.

Лоренс склонился над рулем, и на его лице появилась хищная улыбка — это означало, что он уже готов ехать, но Дейл знал, что еще рано.

— Майк, — обратился он в микрофон, отбросив все условленные клички, — они ведь могут увидеть радио.

— Могут, конечно, но тут уж ничего не поделаешь. Главное, чтоб Чак Сперлинг и Диггер не увидели.

Дейл испуганно оглянулся через плечо, но тут же понял, что это Майк так пошутил. Ха-ха.

— Красный Пират?

— А?

— Старайтесь выходить на связь, когда вас не будет видно из грузовика. А остальное время держи приемник за спиной. Тогда они его, возможно, не заметят.

— Вас понял, — ответил Дейл.

Он уже жалел, что не захватил ружье. Они решили не брать с собой двустволку, а у штаба были и револьвер Харлена, и дробовик бабушки Майка, и пистолет отца Кевина. Все оружие лежало сложенным в вещмешке. Зато у Дейла и Лоренса были их велосипеды и радио.

— Двигаемся, — скомандовал Дейл.

Он передвинул приемник за спину, сел на велосипед и вырулил на Броуд-стрит. Рядом с ним ехал Лоренс. Когда они добрались до перекрестка, где жил Сперлинг, Дейл повернулся к брату:

— Ты действительно хотел пожаловаться маме?

Лоренс усмехнулся:

— Конечно... Я обнаружил его. Это мой грузовик. И нечего было меня отодвигать.

— Пусть так, но если ты не будешь меня слушаться, то живо окажешься в кузове этого самого грузовика, вместе с остальными трупами. Схвачено?

Его младший брат пожал плечами.

Доехав до поворота на полукруглую въездную аллею, которая вела к старому особняку Эшли, они остановились.

— Отсюда его не увидишь, — прошептал Лоренс. — Надо объехать вокруг дома.

— Минуту. — Дейл опять передвинул уоки-токи на живот. От страха ему ужасно хотелось в туалет, он еле сдерживался. — Штаб Дрезден, штаб Дрезден. Выхожу на связь. Прием.

Послышалось три тихих гудка, Майк слушал их.

— Мы у подъездной дорожки. Двигаемся дальше. — Они медленно крутили педали, стараясь ехать посередине дороги, подальше от нависающих ветвей и густых кустов с обеих сторон. Внезапно Дейл остановился и, свернув, объехал дерево. Лоренс последовал за ним. — Штаб Дрезден, штаб Дрезден... Вызывает Красный Пират.

— Говори.

— Я его вижу. Как раз там, где и сказал малыш.

Лоренс довольно чувствительно ткнул брата кулаком в бок.

— Не выключай приемник, — послышался голос Майка. — Пусть работает. Так мы проверим, есть ли слышимость.

Дейл так и поступил.

— Проверка, — сказал он, чувствуя, насколько пересохло у него во рту и насколько переполнен мочевого пузырь. — Раз, два, три... — И он поднес к губам серый пластмассовый футляр.

— Отлично, Красный Пират, я вас слышу. Просто старайся говорить погромче, когда захочешь, чтобы мы тебя услышали. Мы уже приготовились, Дейл. А вы?

— Да. — Левая рука Дейла непроизвольно то сжимала, то разжимала руль.

— Помните, — снова послышался хриплый голос Майка, — никакой самостоятельности. Не думаю, что они решатся на что-нибудь серьезное в городе и среди дня. Если они отрежут вам путь, постарайся укрыться на складе или еще где-нибудь... Не приближайтесь к труповозу, даже если он не будет отвечать на ваш огонь, — продолжал Майк. Обо всем этом они договорились заранее. — Встретимся в парке. Не болтайтесь вокруг.

— Вас понял, — сказал Дейл и приглушил радио. — Мы поехали, — громко произнес он.

Лоренс ехал немного впереди, когда они вырулили на последний отрезок аллеи, сужающийся перед самым полуразрушенным крыльцом; грузовика было почти не видно, его накрыли чем-то похожим на сетку и поверх набросали ветки. Он стоял между длинным сараем и домиком садовника, рамы окон которого были выломаны, а металлический трельяж, украшавший его раньше, проржавел. Случайный прохожий мог бы принять труповоз за мертвую реликвию, вроде разрушенного особняка семьи Эшли.

Дейл от всей души надеялся, что так оно и есть.

Ребята проехали подальше и остановились позади обгоревшей груды кирпича, которая когда-то была камином. Самого дома почти не было видно под разросшимися сорняками и кустарником, из массы фундамента торчали обугленные стропила. Посреди того, что можно было принять за патию, виднелся небольшой колодец. Среди детей Элм-Хейвена гуляло предание, что в этом колодце топили беспризорных собак.

Грузовик казался раскаленным и совершенно мертвым в неподвижном мареве дня. В его стеклах отражалось серое небо.

Лоренс спешил с велосипеда и посмотрел на брата. Тот глянул через плечо, убедился в том, что аллея пуста, и сказал: «Ну, пора».

На дороге валялось множество камней, собственно, она была просто вымощена ими. Первый бросок Лоренса был довольно точным, и булыжник величиной с кулак ударился о капот машины, стоявшей в сорока футах от них. Второй угодил в крыло.

— Пока ничего, — произнес Дейл в микрофон так, чтобы его услышали на другом конце провода.

Сам он в первый раз промазал. Второй камень, брошенный им, угодил в сетку и застрял в ней. Зловоние разложившихся тел было очень сильным.

Третий камень Лоренса ударился о металлическую планку ветрового стекла. Четвертый, брошенный уверенно и сильно, пробил правую фару. Грузовик молчал, и ничто вокруг не шевелилось.

Дейл неторопливо прицеливался, Лоренс как раз начал говорить: «По-моему, здесь никого...» — когда стартер труповоза взревел, мотор заработал и грузовик с грохотом вырвался из пространства между двумя строениями. Сетка и ветки разлетелись в разные стороны, будто их кто-то сбросил.

— Дёру! — завопил Дейл, выронил камень и бросился к велосипеду.

Стараясь с ходу прыгнуть в седло, он нечаянно промазал, нога соскользнула с педали, и он сильно ударился о раму. Это был один из тех ударов в пах, после которых хочется только одного — съежиться и лежать тихо-тихо, не шевелясь, причем как можно дольше. Но Дейл взял себя в руки, почти упал на седло, пригнул голову и изо всех сил рванулся вперед, догоняя Лоренса, который был уже ярдах в трех впереди. Не оглядываясь, оба мальчика мчались по длинной дорожке под аркой зеленой листвы, а грузовик летел следом за ними, он был уже всего в полсотне ярдов позади, и скрежет и вонь догоняли их, накрывая удушливой волной.

— Кинь-ка мне зажигалки, — попросил Майк Харлена.

Они ничком лежали на металлической крыше элеватора, впереди них торчала выгоревшая вывеска. До земли было футов пятнадцать, и прямо под ними располагалась грузовая платформа. Кевин лежал напротив них, на крыше склада. Харлену было поручено принести зажигалки, и, когда они еще только встретились на Каттон-роуд, он пошарил у себя в карманах и сказал, что не забыл их.

Теперь же Харлен похлопал себя по карманам и, вытаращив глаза, прошептал:

— Кажется, я забыл их...

Майк рывком схватил мальчишку за рубашку и, почти приподняв в воздух, прошипел:

— Лучше не выкаблучивайся, Джим.

Тогда Харлен послушно вытащил из кармана все пять заново заправленных зажигалок. Отец Харлена раньше коллекционировал такие штуки, и они все три года, прошедшие после развода, спокойно пролежали в ящике стола.

Майк перекинул две из них Кевину, одну сунул в карман и лег обратно, спрятавшись за вывеску. Вдруг радио щелкнуло и голос Дейла крикнул:

— Он гонится за нами!

Грузовик ехал гораздо быстрее, чем они думали. Скрежеща коробкой скоростей, он уже приближался к ним по дороге. Даже при небольшой форе, которую они имели, он мог нагнать их прежде, чем они повернут на Мейн-стрит. Впереди расстилалась железнодорожная насыпь, слева тянулись кукурузные поля, улица, на которой стоял дом Сперлинга, была тупиком.

Дейл поравнялся с Лоренсом, чуть обогнал его, оглянулся и увидел красную кабину и ржавую решетку бампера. Грузовик занимал собой всю проезжую часть. Дейл повернул направо, срезая дорогу через парк Бандстенд, заднее крыло его велосипеда дребезжало. Оба мальчика объехали с разных сторон Военный мемориал, прошмыгнули между парковыми скамейками и стеной кафе и выехали на пешеходную часть перед кафе и пивной «У Карла».

Дейл хмурился, низко пригнувшись к рулю, напряженно крутя педали. Все шло не так, как планировалось, — они должны были ехать по Брод-авеню в северном направлении. Но теперь труповоз гнал их на восток, чуть притормозив, чтобы пропустить кативший по Мейн-стрит полутрейлер.

— Давай сюда! — крикнул Дейл брату и бросился на велосипеде через бордюр высотой восемнадцать дюймов.

Лоренс повторил тот же маневр долей мгновения позже. Полутрейлер бешено засигналил, когда они, буквально выскочив у него из-под колес, пересекли улицу. Они все еще ехали в восточном направлении, но теперь приближались к перекрестку Третьей авеню.

Теперь грузовик находился в половине квартала перед ними и мчался со скоростью не меньше тридцати миль в час. За ветровым стеклом Дейл увидел мелькание чужого лица, машина вильнула влево и помчалась прямо посередине дороги. «Ван Сайку, или кто там сидит за рулем, плевать, что его увидят, — мелькнуло в голове у Дейла. — Он намерен задавить нас прямо здесь».

Дейл крикнул что-то брату, и они свернули влево так резко, что локтями задели верхние ветки низкой изгороди участка доктора Вискеса, шины их велосипедов скрежетали по неровному тротуару. Между пешеходной дорожкой и мостовой Третьей авеню была сточная канава, и если кто-нибудь из них упадет туда, то конец. Грузовик раздавит неосторожного всмятку.

Но они не упали. Когда они мчались по Третьей авеню, направляясь на север, Дейл пропустил Лоренса вперед. Старик с тростью — Сайрус Виттакер, мелькнуло в голове Дейла — сердито погрозил им вслед, когда они вихрем проехали мимо него.

Грузовик свернул по Третьей на север.

Еще один квартал, и они поравняются с домом, в котором доктор Рун снимает комнату, затем приблизятся к Старой школе. Дейлу не хотелось видеть ни одно из этих мест, им владело сильнейшее искушение промчаться по школьному двору, срезать наискось Депо-стрит и уехать к себе домой. Мама увидит, что за ними гонится какой-то сумасшедший, она позвонит Барни или даже самому шерифу...

Дейл прокричал Лоренсу новую команду, и тот пересек Черч-стрит, направляясь к Броуд-авеню. Грузовик поравнялся с перекрестком, в шестидесяти футах позади них, ему пришлось чуть замедлить ход, чтобы пропустить пикап.

Дейл снова выехал вперед и съехал на обочину, теперь они ехали вдоль Броуд-стрит, мимо библиотеки, мимо старого оштукатуренного здания, бывшего дома-профилактория Эвалтса. Они почти поравнялись с домом миссис Даббет, когда Дейл оглянулся через плечо и увидел, что труповоз исчез. Его не было видно после того, как он свернул позади них на Черч-стрит.

— Черт! — крикнул Дейл, резко затормозив.

Лоренс остановился рядом, и они оба посмотрели назад, ожидая, что вот-вот на Черч-стрит появится кабина вызывающе красного цвета.

Грузовик выскочил из кустов рододендрона в двадцати пяти футах позади них, воровато, как кот, прошмыгнув мимо дома миссис Даббет.

Первым с места сорвался Лоренс, он бросил велосипед через бордюр на западной стороне улицы и нырнул в аллею позади здания почты. Дейл висел у него на хвосте, только успев крикнуть в микрофон, где они находятся.

Труповоз пересек Бруд-авеню и помчался по мостовой за ними, его бампер был уже меньше чем в тридцати футах от заднего колеса Дейла. Велосипед Лоренса описал широкую дугу, сам мальчик, сохраняя равновесие, отклонился в противоположную сторону, с визгом пронесся по заднему двору миссис Эндилл, затем нырнул под бельевую веревку и прочертил задним колесом глубокий след в ее огорожке. Взметнув тучу гравия, он помчался по направлению к Черч-стрит.

«Мы оторвемся от грузовика, — подумал Дейл. — Но мы опять едем на юг. Неправильное решение».

Но они не оторвались от грузовика. Он появился далеко слева позади них, двойные задние шины взметнули в воздух слой дерна на огороде миссис Эндилл. Кабина вырвала прямо из опор четыре бельевые веревки, и теперь он приближался к ним, опутанный развевающимися по бокам простынями.

Дейл и Лоренс мчались на запад по Черч-стрит. Они стояли на педалях, головы их были опущены ниже локтей. Грузовик набрал скорость, и расстояние между ними стало сокращаться. Дейл оглянулся и увидел, что одна из передних фар грузовика загорелась.

Как раз перед тем, как они достигли костела Святого Малахия, Дейл свернул налево, и они нырнули в проезд между домом и гаражом, ширина его была не более четырех футов, вихрем пронеслись между женщиной и коляской с ребенком и буквально оборвали цепь, которой был привязан огромный доберман, прежде чем собака успела понять, что какие-то незнакомцы уже во дворе. Оба велосипедиста промчались по аллее и снова свернули на восток, перед глазами Дейла мелькнул труповоз, ехавший по узкой улице, которая бежала параллельно железнодорожной насыпи в половине квартала к западу.

Они направились по Пятой авеню к Депо-стрит, оба уже тяжело дышали, Дейл чувствовал, как гаснет в нем энергия, порож-

денная первой вспышкой страха. Ноги у него дрожали. Осталось меньше половины пути.

На перекрестке Пятой и Депо-стрит они почти столкнулись с труповозом.

Дейл увидел, как красное чудовище крадется из-за угла, пересекает улицу и углубился в аллею, которая бежала позади участка Стеффни. Здесь в четверг вечером Майк видел своего друга-священника. А что, если он сейчас появится впереди них и схватит велосипед за руль?

Дейл поборол внезапную слабость и обернулся посмотреть, как там Лоренс. Лицо его брата уже приобрело свекольно-красный цвет, волосы были мокрые, как после купания, но глаза его ярко сверкали, и он радостно усмехнулся Дейлу.

Грузовик влетел в аллею позади них, его высокие борта срывали ветки и листья, когда он поравнялся с кустами. Собаки всей улицы заходились в лае.

Дейл прокричал в микрофон координаты их местоположения, когда они проезжали позади последнего дома перед Каттон-роуд. Уже было близко.

Железнодорожное полотно они пересекли на скорости не меньше тридцати миль в час, их велосипеды взвились в воздух и пролетели пятнадцать футов, прежде чем колеса снова коснулись утрамбованного грунта узкой улицы. Грузовик мчался вслед за ними, будто подстегиваемый царившим здесь безлюдьем и сумраком от развесистых деревьев.

Из густой тени внезапно выступил Солдат или еще кто-то, рот его пульсировал и вытягивался, образуя огромную воронку, в точности как это описывал Майк. Дейл еще энергичней налег на педали, крича Лоренсу:

— Жми, жми, жми, жми-и-и-и...

Они повернули к югу, на открытое место, уже показались заброшенный зерновой элеватор и здание склада. Дейл оглянулся как раз в тот момент, когда грузовик затормозил перед поворотом на дорогу. Мальчику показалось, что он похож на огромное красное принюхивающееся животное, которое хоть и знает, что его добыча загнана в угол, но все равно выжидает.

Как они и договаривались, первым проехал Лоренс, лавируя между зданием самого элеватора с его выгоревшей вывеской и длинным строением склада. Здесь проходила узкая дорожка, на

которой грузовики взвешивали и либо загружали, либо разгружали. Эта дорожка была как раз такой ширины, как грузовик. Точно такой.

Но труповоз сюда не поехал.

Дейл вильнул в сторону как раз перед платформой весов и остановился. Одной ногой он упирался в землю, другой едва касался педали. С трудом переводя дыхание, он смотрел на грузовик, стоявший в двадцати ярдах от них. Что, если у Ван Сайка есть ружье?

Двигатель взревел. До мальчиков доносилась вонь из кузова труповоза, над высокими бортами были видны задранные вверх окоченевшие ноги трупа то ли коровы, то ли лошади. Была даже видна красная волосатая ручища водителя, высунувшаяся в окошко кабины... но грузовик не двигался.

Ожидает подкрепления? Может, в этой проклятой машине есть радио? И Ван Сайк сейчас звонит Руну или другим?

Дейл спешил и стоял, придерживая велосипед рукой. Он скорее догадывался о криках друзей позади себя, чем слышал их. «Хоть бы они были здесь. Вдруг их уже схватили... И схватили Лоренса, когда он неожиданно оказался позади... А может, я тоже уже в ловушке?..»

Он стоял, глядя на грузовик, видел, как он сотрясается, словно водитель при выжатом сцеплении жмет на тормоза.

Дейл поднял руку и выставил невидимому водителю палец.

Грузовик взвыл, и гравий и пыль разлетелись во все стороны.

У Дейла не было времени даже прыгнуть в седло велосипеда. Он отшвырнул его в сторону и побежал, направляясь в проезд между элеватором и складом, громко стуча кедами по доскам деревянного настила. Он еще не добежал до конца здания, когда в проеме позади него возник грузовик.

Зажигалка сработала с первой же попытки, пропитанная бензином тряпка вспыхнула, и Майк, привстав, метнул двухлитровую бутылку из-под коки, наполненную высококачественным бензином, прямо в крышу кабины труповоза. Зрелище, которое мелькнуло перед его глазами в то мгновение, когда грузовик проезжал под ним, заставило его руку дрогнуть, он опоздал на долю секунды и промазал. Бутылка вместо кабины ударила в кузов. Грузовик был наполнен не только тушами мертвых животных,

там валялись человеческие останки, они выглядели так, будто были вырыты из старой могилы: коричневая земля, коричневые лохмотья, коричневая плоть и ослепительно-белые кости.

Майк метнул свою бутылку, Харлен секундой позже свою, и оба смотрели, как привстал на четвереньки Кевин и тоже кинул бутылку с крыши склада.

Коктейль Молотова взорвался в задней части кузова, пламя охватило раздутую тушу коровы, высохшее тело лошади и лохмотья нескольких человеческих трупов. Бутылка Харлена ударилась в заднюю стенку кабины и облила всю ее бензином, но неизвестно, почему не взорвалась. Кевин попал в левое переднее крыло кабины, и оттуда вырвался сноп пламени.

Дейл прыгнул влево, намереваясь обогнуть здание, и почти столкнулся с братом, едущим на велосипеде. Тот выглядел так, будто хотел рвануть обратно, чтобы посмотреть на горящий грузовик. Машина была объята пламенем, из переднего левого колеса летели тучи искр, резина покрышек уже плавилась.

Майк и Харлен выхватили из вещмешка еще по бутылке и подбежали к краю крыши, теперь уже ничуть не заботясь о том, что-бы прятаться.

Грузовик юзом проехал по дорожке, описав почти полный круг. Он был загнан в тупик. С запада лежал семифутовый барьер брошенных железнодорожных шпал и ржавых рельсов, сложенных в штабель длиной в пятьдесят футов вдоль берега ручья. Прямо впереди, к югу, сплошной стеной стоял лес. С востока, почти вплотную прижимаясь к складу, проходила сточная канава глубиной шесть футов, разделяя огороженный двор от насыпи железной дороги.

На секунду Майку показалось, что водитель хочет послать грузовик прямо в этот вымощенный камнем ров, но в последний миг он ударил по тормозам, и машина круто повернула влево, выполнив почти полный оборот. Пара правых задних колес, не имея под собой опоры, повисла в воздухе, и затем грузовик со скрежетом двинулся обратно, в сторону Дейла и Лоренса.

— Бегите оттуда! Двигай!

Вся тройка закричала разом, но братья, стоявшие внизу, не нуждались в советах. Велосипед Лоренса прогрохотал по деревянному настилу весовой площадки, Дейл промчался следом за ним секундой позже. Они исчезли под крышей, на которой стоял

Кевин, сжимавший в руках бутылку и зажигалку. Грузовик мчался следом за ними. Языки пламени на крыле и колесах стали меньше.

Майк понял, что Ван Сайк задумал, на секунду раньше, чем все еще дымящееся левое переднее крыло ударило в первую из опор, поддерживающих крышу, на которой стояли они с Харленом. Весовая площадка, расположенная с другой стороны, была слишком высока для грузовика, но крыша опиралась на три опорных столба, расположенных параллельно весам.

Харлен что-то прокричал, они оба подожгли тряпки и бросили припасенные снаряды. Крыша поехала под ними, вывеска оторвалась и рухнула прямо на весы. Вещмешок Майка и уоки-токи взлетели в воздух, когда южный конец кровли обрушился первым, обдав мальчиков дождем пыли.

Бутылка, брошенная Кевином, взорвалась на капоте грузовика, секундой позже второй его бросок угодил в стенку кабины и поджег ее. Кевин побежал к передней стене склада, на бегу подготавливая третью бутылку.

Грузовик набрал скорость и въехал на узкую дорожку, очевидно намереваясь раздавить Харлена и Майка, барахтавшихся в туче пыли и обломков рухнувшей кровли. Грузовик прогрохотал по железу и деревянному настилу, сминая перед собой листы крыши. Майк, тупо глядя на это, подумал о бульдозере, но несколько опорных столбов были глубоко утоплены в цемент и затормозили наступление машины.

Обломки кровли заблокировали проулок.

Майк с трудом поднялся на ноги, подхватил под одну руку Харлена, а под другую — вещмешок и заковылял к весовой площадке как раз в то время, когда труповоз, не разворачиваясь, задом ударился прямо в переднюю опору.

Левая секция лобового стекла с грохотом обвалилась, и перед глазами Майка блеснул ствол ружья и мелькнула чья-то рука. В этот момент перед весовой площадкой показались головы Дейла и Лоренса.

— Ложись! — закричал Майк.

Дейл рывком сдернул брата с велосипеда, и они оба упали позади кучи деревянных реек. Ружье выстрелило раз, другой, третий. Пыльная оконная рама позади ребят треснула и осыпала их осколками стекла.

Майк выронил зажигалку, но тут же вытащил из кармана запасную, поджег фитиль и швырнул бутылку в решетку труповоза, стоявшего в тридцати футах. Она не долетела до цели, упала на землю, покатилась и взорвалась. Сноп пламени охватил мотор и оба передних колеса. Майк схватил за руку Харлена и потянул его вниз как раз в тот момент, когда в разбитом окне снова появилось ружье и в них снова дважды выстрелили. Осколки дерева посыпались из угловой колонны склада.

Кевин бросил вторую бутылку, она попала на правую подножку, затем бросил третью — эту прямо в месиво горящих тел в кузове позади кабины.

Грузовик подался назад, развернулся и помчался по аллее, влоча за собой шлейф пламени. В конце аллеи он резко свернул, но не направо к городу, а влево.

— Мы сделали его! Сделали! — закричал Харлен, запрыгав на месте.

— Еще нет, — бросил Майк и, схватив вещмешок, побежал за велосипедом, который спрятал за элеватором.

Тут только он увидел, что пламя с грузовика перекинулось на здание и теперь горели деревянная стена элеватора и обломки обрушившейся кровли. Огонь уже распространился на стены склада, и слежавшиеся за сотню лет опилки и старое дерево вспыхнули так стремительно, будто их облили бензином.

Дейл побежал к своему велосипеду — с забавным постоянством грузовик промахивался мимо него при каждом из своих маневров, — схватился за руль и на бегу вскочил в седло. Лоренс, охваченный азартом погони, помчался за ним следом, несмотря на то что был безоружен. Майк и Харлен тоже вскочили на велосипеды и поехали прочь от склада. Пламя уже лизало окна второго этажа.

— Давайте напрямик через лес! — кричал Майк, лавируя между деревьями.

Он выбрал короткий путь через поросшую травой тропу, которая вела от элеватора к свалке. Мальчик предполагал, что грузовик может повернуть налево, к дороге на свалку, затем объехать железнодорожные пути и вдоль них направиться к депо и потом в город.

Но когда они вырвались из леса на проселочную дорогу, то увидели труповоз в сотне ярдов впереди. Он направлялся на се-

вер, в сторону свалки. Пламя и черный дым стлались за подскакивающей на рытвинах машиной.

Тогда мальчики, пригнув головы, понеслись за ним следом, стараясь ехать так быстро, как не ездили никогда прежде. Их велосипеды подпрыгивали на неровных колеях немощенной дороги, как блохи.

Майк мчался впереди всех, и наконец ему удалось догнать грузовик. Как раз в этот момент они достигли более широкого участка, где вдоль дороги стояли две лачуги — Куков и еще одного, такого же бедного семейства. Оба домишки казались заброшенными своими обитателями.

Каким-то образом Майк ухитрился вытащить бутылку, зажечь ее между левой рукой и рулем и затем вынуть зажигалку. Как раз в ту минуту он поравнялся с грузовиком.

Ствол ружья высунулся из окна кабины.

Майк тормознул и, чуть отстав, пристроился в хвост машины, и таким образом они проехали последнюю сотню ярдов, остающуюся до свалки. Дейл, Лоренс, Кевин и Харлен гуськом следовали позади них.

Снова мелькнуло длинное лицо Ван Сайка — он, как маньяк, ухмылялся сквозь языки пламени и клубы дыма, охватившие кузов его машины, — затем опять появилось ружье, и тут Майк метнул свою бутылку прямо в окно кабины.

Взрывом вырвало последние остатки ветрового стекла. Волна сумасшедшего жара заставила Майка нырнуть в сторону и укрыться позади машины, но то, что он мельком заметил в кузове, чуть было не отправило его в кювет рядом с дорогой.

Туша коровы или лошади, или и того и другого, раздувшаяся от скопившегося метана и других газов, сопровождающих распад, взорвалась, разбрасывая вокруг машины искры и куски горевшей плоти.

Но не это повергло Майка в шок.

Коричневые сгнившие части тел, которые могли принадлежать только человеку, казалось, карабкались и ползли друг на друга, когда их лизали языки пламени, будто обитатели некоего эвакуированного кладбища пытались подняться на колени, встать на ноги, но они не имели ни мускулов, ни костей, ни сухожилий, чтобы эти усилия увенчались успехом. Коричневые тела боролись

и извивались, падали навзничь, в объятия друг друга, и вся куча тел начала гореть.

Объятый пламенем грузовик на полном ходу проскочил в ворота у въезда на свалку. Обе створки их с шумом, подобным ружейному выстрелу, распахнулись, и затем большая машина уже легла по гудам мусора с пятью велосипедами на хвосте.

Грузовик уже был в самой гуще отбросов, старых использованных шин, выброшенных диванов, ржавых пружин и заплеванных пищевых отбросов, затем вильнул в сторону и замер как раз на краю сорокафутового ущелья, еще не заполненного отходами. Мальчики затормозили футах в тридцати позади него и приготовились к тому, что сейчас машина повернет и помчится на них.

Но она не помчалась. Теперь пламя окутывало кабину и кузов, деревянные перекладки заднего борта представляли собой параллельные языки пламени.

— Уцелеть тут было невозможно, — прошептал Кевин, не в силах отвести взгляд от ужасного зрелища.

И тут, будто в ответ на его слова, горящая дверца кабины распахнулась и изнутри вывалился Карл Ван Сайк. Его комбинезон был обуглен и дымился, лицо вымазано сажей, пот струился по щекам грязными потоками, руки были обожжены. Но на торжествующем лице застыла ухмылка от уха до уха. В руках было зажато ружье с оптическим прицелом.

Мальчики как по команде повернулись, чтобы прыгнуть в седла велосипедов и удрать, но до ближайшего укрытия — кукурузного поля слева от них — было шестьдесят—семьдесят футов. А до линии ближайшего леса не меньше сотни ярдов.

— Ложись! — крикнул Майк, бросил впереди себя велосипед и распростерся на куче отбросов.

Остальные ничком попадали на землю, каждый старался найти старую шину или ржавую канистру из-под бензина, чтобы укрыться за ними. В руке Харлена был револьвер, но стрелять было бесполезно — слишком большое расстояние для оружия с коротким стволом.

Ван Сайк сделал два шага от полыхавшего труповоза, поднял ружье и тщательно прицелился прямо в лицо Майка О'Рурка.

Вдруг в этой суматохе наверху самой большой кучи мусора беззвучно возникла маленькая человеческая фигурка, державшая

на поводках двух огромных псов. Высвободив их, она негромко произнесла:

— Взять его!

Ван Сайк глянул налево как раз в тот момент, когда первая из собак, доберман по кличке Вельзевул, преодолела последние двадцать футов земли между ними. Человек резко повернул ружье и выстрелил, но огромный зверь уже взвился в воздух, ударил его в грудную клетку, сшиб с ног, и они оба упали прямо внутрь пылающей кабины. Люцифер, вторая из собак, зарывав, прыгнул на молотящие воздух ноги Ван Сайка.

Майк выхватил из вещмешка дробовик Мемо, мельком увидел, что Кевин срывает с пояса отцовское ружье, а вся пятерка мальчишек понеслась вперед. Одновременно с ними с кучи мусора сбегала Корди.

Одна из брыкающихся ног Ван Сайка попала в окно дверцы, та со стуком захлопнулась, заперев в огненном вихре человека и собаку. Корди и Майк кинулись вперед, но в ту же секунду бензобак под кузовом вспыхнул и в небо взвился огромный гриб пламени высотой восемьдесят футов. Майка и девочку подняло в воздух и плашмя бросило на землю, немецкая овчарка приземлилась рядом, обожженная и рычащая. Вельзевул же оказался запертым в кабине, Дейл и Лоренс подхватили Майка с Корди под руки и потащили их назад, не сводя глаз с кабины, в которой были видны два борющихся силуэта в вихре оранжевого пламени.

Затем движение прекратилось, труповоз продолжал гореть, наполняя мир вонью горячей резины и чего-то еще гораздо худшего.

Ребята стояли поодаль, прикрывая глаза и кашляя. Они отбежали почти на сотню футов от труповоза, их прогнала страшная волна жара, катившаяся от машины. Далеко за лесом послышался звук сирены. Другой гудок раздался на дороге к свалке.

Корди, рыдая, обнимала овчарку. Шерсть несчастного Люцифера почти полностью обгорела.

— Нашли-таки мое убежище, да? — между двумя всхлипами проговорила Корди. — Не могли оставить меня в покое, да?

Харлен начал было протестовать, говоря, что они и не знали, что она живет прямо на этой проклятой свалке, но Майк оборвал его:

— Скажи, отсюда нет другой дороги? Нам нужно убраться, пока не прибыли пожарные машины.

Корди махнула рукой в сторону поля:

— Вас увидят, если вы пойдете вдоль насыпи. Но если пойти прямо и срезать поле Мичема, то примерно через полмили вы выйдете на дорогу на Оук-Хилл, недалеко от Клуба фермеров.

Майк кивнул; ему все стало ясно. Мальчики побежали к забору из колючей проволоки, перекинули через него свои велосипеды и перебрались сами.

— Ты не пойдешь с нами? — спросил Дейл у Корди.

Сирены гудели почти рядом. Несмотря на это, девочка, в мешковатом грязнушем платье, спокойно взбиралась на холм отбросов, волоча за собой большую собаку.

— Не. Идите сами. — Она обернулась и плюнула в ту сторону, где погребальным костром пылал грузовик. — По крайней мере, этот говнюк подох. — С этими словами она исчезла из виду.

Мальчики утащили велосипеды в поле как раз в тот момент, когда первая пожарная автомашина в сопровождении эскорта других вылетела из ворот свалки.

Тащить велосипеды волоком почти полмили по мягкой земле, между плотно растущими рядами кукурузы было невыносимо трудно. Но ребята сделали это.

Наконец они добрались до дороги на Оук-Хилл и свернули к югу. Быстро проехали мимо Клуба фермеров, где они когда-то собирались на бойскаутские собрания. Казалось, было это целую жизнь назад. Позади них тянувшийся вверх огромный гриб черного дыма закрывал половину неба.

Глава 34

Сразу после захода солнца, когда Майк почти дремал, сидя в кресле рядом с кроватью Мемо, в комнату вошла его сестра Маргарет и сказала, что его спрашивает отец Кавано.

Ребята добирались домой почти час. Они ненадолго заехали к Харлену, чтобы вымыться под садовым шлангом и смочить одежду, нужно было уничтожить скверный запах горелой резины. Когда мальчики заметили, что брови Майка сторели почти начисто от пламени последнего взрыва, он только пожал плечами и сказал, что ему это безразлично. Но Харлен слетал в дом и, притащив мамин карандаш для бровей, тут же нарисовал другу довольно ровные полукружия бровей. Кевин начал было подтрунивать над неожиданным опытом приятеля в этой области, но никто из ребят шуток не подхватил. Настроения смеяться не было.

После первых минут эйфории по поводу их победы, одержанной на свалке, реальность утренних событий повергла ребят в уныние. Все были потрясены, даже самый младший из них, Лоренс, а Кевин дважды съезжал с дороги в лес: его там рвало.

Все встречаемые легковые машины и грузовики, мчавшиеся по направлению к свалке, ничуть не могли снять их напряжения. В мозгу снова и снова прокручивались образы, вызывавшие ужас: тела борющихся человека и собаки, их лихорадочные движения в кабине, превратившейся в пылающий костер; доносившиеся оттуда крики человека и рычание собаки; чей-то неизвестно уже кому принадлежащий визг; зловоние горячей плоти...

— Давайте не будем ждать, — сказал Харлен, еле двигая побелевшими губами. — Давайте подождем школу сегодня после обеда.

— Нельзя, — покачал головой Кевин. Его веснушки ярко выделялись на побелевшей коже. — Отец увез цистерну на молочный завод, у них там инвентаризация.

— Тогда сегодня вечером, — уступил Харлен.

Майк глянул в зеркальце, висевшее над раковиной, пытаясь оценить красоту своих новых бровей.

— Ребята, вы правда хотите сделать это сегодня, когда стемнеет? — спросил он.

Ответом было молчание.

— Ладно, тогда завтра, — вновь проявил сговорчивость Харлен. — Завтра днем.

Кевин разобрал и разложил на столе отцовское ружье сорок пятого калибра. Сейчас он поднял от него глаза, сжимая в одной руке магазин, а в другой — маленькую пружинку.

— Отца не будет дома до четырех часов, — сказал он. — Но сначала я должен помыть цистерну и заправить ее бензином.

Харлен подпрыгнул и уселся на стол.

— Черт с ним, с этим молочным бидоном. Давайте используем эти, как их там, коктейли.

— Коктейли Молотова, — пробурчал Майк, поднимая лицо от раковины и поворачиваясь к остальным. — Вы имеете представление о том, какой толщины стены Старой школы?

— По меньшей мере фут, — сказал Дейл. Он неловко, боком, сидел на столе и был не в силах даже поднять стакан с лимонадом. Когда он шевелил пальцами ног, его мокрые кеды издавали странные хлюпающие звуки.

— Скажи лучше, два фута, — возразил Майк. — Эта чертова школа — настоящая крепость, там больше кирпича и камня, чем дерева. А так как окна заколочены, то нам нужно будет проникнуть внутрь, чтобы забросить туда коктейли Молотова. Вы хотите сделать это... проникнуть внутрь... при дневном свете?

Ему никто не ответил.

— Мы займемся этим в воскресенье утром, — с расстановкой проговорил Майк, присев на краешек стола. — Как только рассветет, но еще до того, как люди начнут съезжаться в город к утренней службе в церкви. Мы используем цистерну и шланги, как и собирались.

— Значит, еще две ночи, — прошептал Лоренс, ни к кому не обращаясь. Но слышали его все.

Серый день клонился в столь же серые сумерки, неприятную влажность не могло разогнать даже чуть усилившееся дуновение ветерка. Майк дремал, сидя у Мемо в комнате. Отец был на работе, у него шла последняя ночная смена, мать лежала в постели с одной из своих обычных мигреней. Кетлин и Бонни только что вымылись в корыте на кухне и теперь в своей комнатке наверху укладывались спать. Мэри ушла на свидание, а Пег сидела в холле, читая журнал, когда неожиданный стук у входной двери заставил Майка проснуться.

В дверь комнаты Мемо заглянула, нахмурившись, Пег:

— Майк... там отец Кавано. Он сказал, что хочет поговорить с тобой... Что это важно.

Майк даже ухватился за поручни кресла, в котором сидел. Глаза Мемо были закрыты. На ее горле билась едва видная ниточка пульса.

— Отец Кавано? — повторил он, спросонья не совсем понимая, в чем дело. — Он... он говорил с тобой?

Пег скорчила гримаску:

— Я передала тебе то, что он сказал.

Майк в панике оглянулся вокруг. Дробовик лежал в вещмешке на полу у его ног, там же был и водяной пистолет, который он зарядил святой водой. В том же мешке находились две последние бутылки с коктейлем Молотова и кусочки гостии, тщательно обернутые в чистую салфетку. Флакон со святой водой лежал на подоконнике, рядом с маленькими шкатулками Мемо, в одну из которых Майк положил еще один кусочек гостии.

— Ты не пригласила его в... — начал было он.

— Пригласила. Он сказал, что подождет на крыльце, — ответила его сестра. — Что с тобой такое?

— Отец Кавано болен, — пролепетал Майк, глядя во двор и на поле через дорогу. Было уже совсем темно, последний отблеск летнего дня угас, пока он спал.

— Ты что, боишься заразиться? — Голос Пег звучал насмешливо.

— Как он выглядит? — спросил Майк, встав с места и продвигаясь от кресла к двери.

Отсюда ему было видно следующую комнату, в которой горела одна из ламп, но не крыльцо. Никто не входил в переднюю дверь, кроме разве что почтальонов.

— Как выглядит? — Пег задумчиво прикусила ноготь. — Довольно бледный, я бы сказала. Хочешь, я скажу ему, что мама больна?

— Нет, — покачал головой Майк и втащил сестру в комнатку Мемо. — Сиди здесь. И не спускай глаз с Мемо. Что бы ты ни услышала.

— Послушай, Майкл, — возмущенно заговорила его сестра, возвышая голос.

— Я сказал тебе! — Когда в голосе Майка слышались такие нотки, даже старшей сестре спорить не приходилось. И он подтолкнул ее к стулу. — Никуда не уходи, пока я не вернусь. Поняла?

Пег беспомощно пожала плечами:

— Да, но... — Ее голос дрожал.

Но Майк уже сунул дробовик за пояс штанов, положил завернутую в тряпочку гостию на кровать Мемо и вышел за дверь.

— Здравствуй, Майкл, — произнес отец Кавано. Он сидел в плетеном кресле в дальнем конце веранды. — Подойди ко мне, присядь, — сказал он и рукой показал на бордюр у крыльца.

Майк отпустил дверь, дав ей захлопнуться, но не двинулся с места. Сядь он туда, куда показал рукой священник, тот оказался бы между ним и дверью.

Это был не отец Кавано!

Он был похож на священника, поскольку был одет в черную сутану с белым круглым воротником. Озарял веранду только слабый свет, падавший из окна сквозь занавеску, но было видно, что лицо отца Кавано совершенно белое, даже изможденное и на нем не осталось и следа тех шрамов, которые Майк видел накануне ночью, когда тот висел за окном гаража Мишель Стеффни. Висел? На чем же он висел?

— Я думал, что вы больны, — пробормотал Майк, с трудом выдавливая из себя слова.

— Отнюдь, Майкл, — едва заметно улыбнулся священник. — Никогда прежде я не чувствовал себя так хорошо.

Майк почувствовал, как встали дыбом волосы у него на шее при звуках голоса отца Кавано. Голос звучал похоже на обычный голос священника, но в то же самое время он был «неправиль-

ным» — как будто кто-то еще раньше записал на пленку голос священника и теперь прокручивал ее.

— Уходите, — прошептал Майк. Как он пожалел в ту минуту, что Дейл не взял с собой второй передатчик от уоки-токи. Сейчас бы это его выручило.

Отец Кавано покачал головой:

— Нет, Майкл. По крайней мере до тех пор, пока мы не заключим некоторое соглашение.

Майк сжал губы и ничего не ответил. Внимательный взгляд, который он бросил на лужайку перед окном комнаты Мемо, подсказал ему, что там пусто. Только на траву падал отсвет из четырехугольника окна.

Отец Кавано вздохнул и, поднявшись с места, двинулся к крыльцу.

— Подойди, сядь, Майкл. — Он постучал костяшками пальцев по пустому теперь плетеному стулу. — Нам нужно поговорить.

— Поговорить, — повторил Майк и передвинулся, став таким образом, чтобы оказаться ближе к окну.

За дорогой черной стеной темнело кукурузное поле. Несколько светляков мелькали в темном саду позади крыльца.

Отец Кавано — но это не был отец Кавано! — сделал ладонями широкий жест. Майк прежде и не замечал, какие у него длинные пальцы.

— Очень хорошо, Майкл... Я пришел, чтобы предложить тебе и твоим маленьким друзьям... как бы это сказать?.. перемирие.

— Что за перемирие? — спросил Майк, едва шевеля губами. У него было такое чувство, будто ему только что сделали укол новокаина.

Было уже настолько темно, что черное облачение священника полностью сливалось с темным фоном ночи, и только лицо и белый круг римского воротника отражали свет далекой лампы.

— Перемирие, которое поможет вам выжить, — протянул он. — Возможно.

— С чего бы нам заключать перемирие? — хмыкнул Майк, будто собираясь рассмеяться. — Вы видели, что сегодня произошло с вашим приятелем Ван Сайком?

Смутно белевшее в темноте лицо распахло рот, и оттуда исторгся смех, похожий на стук камней в пустой тычке.

— Майкл, Майкл, — отсмеявшись, тихо проговорил священник. — Ваши действия сегодня были довольно бессмысленны. Нашему приятелю, как ты его назвал, как раз сегодня вечером была уготована... отставка. В любом случае.

Майк сжал кулаки:

— Такая же отставка, какую вы приготовили старику Конгдену?

— Именно такая, — донесся из глубины горла священника невозмутимый голос. — Польза, которую он приносил, теперь вполне исчерпана. Он может послужить... э... другим целям.

— Кто же вы такой? — Майк наклонился вперед к священнику.

Опять послышался стук камней.

— Майкл, Майкл... все объяснения в мире не смогли бы привести тебя даже к грани понимания того, в какой ситуации вы оказались. Это все равно что учить катехизису кошку или собаку.

— А вы все-таки попробуйте, — прошептал Майк. — Ну-ка.

— Нет, — оборвал его жесткий голос, в котором теперь не осталось и тени той вкрадчивости, с которой он начал беседу. — Достаточно будет сказать, что если ты и твои друзья примете наше предложение, то, возможно, вам посчастливится и вы доживете до осени.

Майк почувствовал, как екнуло у него в груди сердце. Ноги у него внезапно обмякли, и ему пришлось прислониться к стене. Он только надеялся, что ему удалось это сделать в спокойной и несколько даже небрежной манере. Когда-то, когда он только начал прислуживать в храме, ему стало дурно после того, как он простоял полчаса на коленях. И теперь у него так же звенело в ушах. Нет-нет, держись. Будь настороже.

— Кто же эти «мы», о ком вы говорите? — спросил Майк, сам удивляясь тому, как уверенно звучит его голос. — Несколько воюющих трупов и колокол?

Белое лицо задвигалось.

— Майкл, Майкл... — И священник сделал к нему один шаг.

Майк резко глянул налево и увидел, как какой-то человек, примерно такого же роста, как Солдат, подкрадывается через лужайку к окну Мемо.

— Эй, отзовите-ка его! — выкрикнул Майк и выхватил из кармана водяной пистолет.

Отец Кавано медленно улыбнулся и щелкнул пальцами. Солдат мгновенно остановился там же, где стоял, под большим липовым деревом, футах в тридцати от них. Улыбка на лице священника становилась все шире и шире, уже обнажился весь ряд страшных зубов, вплоть до коренных, казалось, что лицо сейчас просто распадется на две половины, будто оно на шарнирах. Этот невозможно широкий рот все расползался и расползался, и Майк увидел, как появляется второй ряд зубов, потом еще один и еще — бесконечные белые ряды появлялись из глотки.

Тело отца Кавано теперь уже не притворялось, что говорит, шевеля челюстями. Голос раздавался прямо из живота.

— Ты сейчас уступишь мне, маленький вонючий червяк, или мы вырежем тебе сердце из груди... оторвем твои яйца, ублюдок... вырвем твои глаза из глазниц так же, как мы сделали это с твоим гнусным дружкой...

— Дуэйн, — прошептал Майк, чувствуя, как останавливается у него дыхание.

Затем в груди что-то разжалось, и он начал дышать снова. Шея и живот болели от нервного напряжения. В тени лужайки, полускрытый ветвями липы, Солдат снова начал подползать к окну Мемо.

— Ах так, — прошипел священник и снова шагнул к Майку.

Его длинные скрюченные пальцы стали еще длиннее. Лицо будто бы... растеклось, оно продолжало смотреть на мальчика... но плоть будто перетекала под кожей, хрящи и кости двигались и скользили, длинный нос и подбородок потянулись друг к другу, и вот они уже соединились в рыло. Такое же, как видел Майк у Солдата в ту ночь на кладбище. Когда они убили отца Кавано.

Черви пока не появились, но лицо священника уже вытянулось в воронку. Он еще раз шагнул к Майку, вытянув руки.

— Черт возьми! — крикнул Майк, выхватил из-за пояса водяной пистолет и нажал на спуск.

Отец Кавано — вернее, то существо, которое приняло его облик, — казалось, замер на мгновение, затем шагнул назад, рассмеялся ужасным скрежещущим смехом. Позади Майка фигура Солдата исчезла из виду, скрывшись за углом дома.

Недрогнувшей рукой Майк поднял пистолет и еще раз выстрелил струей святой воды прямо в лицо оборотня. «Ничего не получится... Я не верю».

Однажды, когда он учился в пятом классе, их учительница миссис Шривс надумала провести небольшой эксперимент. Для этого она взяла мензурку с соляной кислотой и хотела с помощью пипетки поместить несколько капель кислоты на свежий апельсин. Вместо этого старушка, случайно перевернув мензурку, облила весь апельсин, и он прямо на глазах покрылся толстым слоем мохнатого войлока.

Такой же шипящий, свистящий звук исходил сейчас от лица священника и от его одежды. Майк видел, как ужасное рыло прямо на глазах съежилось и изогнулось, будто святая вода разъела кожу. Левый его глаз зашипел и стал вытекать наружу, зрачок продолжал смотреть на Майка сквозь прижатые к лицу пальцы. Большие дыры появились на черной сутане и воротнике, и страшное зловоние обнажившейся плоти наполнило воздух.

Отец Кавано завыл совершенно так же, как были собаки Корди несколько часов назад, пригнул ставшую бесформенной голову и ринулся на мальчика.

Майк отпрыгнул в сторону, еще раз обрызгав оборотня святой водой, при этом скорчившуюся черную фигуру охватили языки пламени. Из дому послышались крики Пег, Бонни и Кетлин. Из спальни слабо донесся голос матери.

— Оставайтесь в комнатах! — закричал что было силы Майк и спрыгнул на лужайку.

Солдат уже вырвал сетку из рамы и налег на подоконник, впившись пальцами в деревянную доску. Он был почти внутри комнаты.

Майк кинулся вперед и выплеснул весь остаток святой воды ему на шею.

Солдат не завизжал. Зловоние, хуже, чем зловоние от труповоза, поднялось над ним, и Солдат свалился на землю под окном и пополз прочь в темноту, продираясь сквозь кустарник.

Майк обернулся как раз в тот момент, когда фигура отца Кавано спрыгнула с крыльца и бросилась на него. Майк увернулся от неестественно длинных рук, швырнул ставший ненужным пистолет в кусты и схватил с подоконника маленькую шкатулку Мемо.

За развешивающимися занавесками показался силуэт Пег, стоявшей в проеме двери в комнату Мемо, прижав руки ко рту.

— Майк, что?..

Длинные пальцы отца Кавано сомкнулись на плече Майка и потащили его обратно, от света, в темноту под старой липой. Высокая фигура оборотня нависла над Майком.

Майк задыхался от бьющей ему в нос вони, он смотрел в лицо, от кислоты покрывшееся шрамами, чувствовал, как под трескавшейся кожей и внутри длинного хобота что-то шевелится. И тут отец Кавано наклонился вперед, и перепонки страшного рыла запульсировали над самым лицом мальчика.

У него не было времени разглядывать это. Майк быстро распахнул шкатулку, выхватил большой кусок освященной гостии и прижал его к непристойно разверстой воронке как раз в тот момент, когда шевеление в хоботе угрожало выплеснуться наружу.

Однажды Майк видел, как Си-Джей Конгден выстрелил из ружья двенадцатого калибра в большую дыню с расстояния восемь футов.

Сейчас произошло примерно то же самое, только еще хуже.

Рыло оборотня и его лицо словно разорвались на части, куски отвратительной белой плоти разлетелись в разные стороны, обрызгав даже стену дома и листву липы. Прямо из живота этого существа раздался визг, Майк от неожиданности даже выронил гостию, и оборотень отшатнулся назад, прижав пальцы к тому, что было прежде его лицом.

Майк отпрыгнул назад, когда увидел груды коричневых, длинной до шести дюймов, червей, копошащихся и извивающихся в траве у его ног. А рядом лежала гостия и словно светилась мягким голубоватым светом. Ломти плоти отца Кавано шинели и расплывались подобно тому, как расплывается улитка в растворе соли.

Крики Пег доносились из спальни. Майк, прихрамывая, направился к крыльцу. В ту же минуту его мать вышла из дому — ее глаза были прищурены от боли, и платок обвязан вокруг лба, — и они вместе проводили глазами фигуру отца Кавано. Он ковылял в сторону Первой авеню, его руки были все еще прижаты к лицу, и из-под них раздавался жуткий вой разорвавшегося котла.

— Майк, что... — начала его мама, моргая, чтобы видеть все ясно.

Как раз в этот момент фары приближающегося автомобиля выхватили из мрака согнутую фигуру священника.

На этом перекрестке машины редко притормаживали, не смотря на то что за сотню футов до этого угла висел предупредительный знак, оповещающий о том, что скорость на этом участке ограничена тридцатью пятью милями в час. Большинство машин продолжали двигаться с прежней скоростью и только через три квартала, на углу Бруд-авеню, снижали ее. Этот же пикап делал не меньше шестидесяти миль в час. А возможно, и больше.

Отец Кавано внезапно вынырнул из тени липы, он не отнимал рук от лица и чуть не приседал от боли. Лишь в последнюю секунду, услышав визг тормозов, он успел поднять голову.

Радиатор машины ударил его прямо в лицо, и тело исчезло под кузовом грузовика, который потащил его за собой. Пег кричала и кричала, оставаясь в доме, а мама обхватила Майка обеими руками, будто защищая его.

Когда они подошли, чтобы посмотреть, что случилось, несколько человек уже вышли из домов, сирена Барни, столь редко слышная в городе, уже завывала в квартале от них, быстро приближаясь, и водитель пикапа стоял на коленях на тротуаре, склонившись над телом священника. Теперь он закрывал глаза ладонями, чтобы не видеть того, что осталось от лица отца Кавано, и все время повторял:

— Я не видел его... Я не видел его... Он вдруг выскочил...

Оглушенный шоком и ужасом, притупившими его чувства, Майк все-таки узнал водителя. Это был мистер Макбрайд, отец Дуэйна. Он рыдал, присев на подножку своей машины.

Майк отвернулся от собравшейся толпы и побрел к дому. Передними зубами он как мог сильнее прикусил большой палец правой руки. Майк боялся, что если даст себе волю, то либо разрыдается, либо разразится смехом. И уже не сможет остановиться.

Глава 35

День шестнадцатого июля, суббота, оказался настолько темным, насколько может быть день в середине лета в Иллинойсе. В Оук-Хилле, где уличные фонари включались с помощью фотоэлементов, они выключились в половине шестого утра и уже в семь пятнадцать зажглись снова. Черные тучи со всех сторон напоздали на город и словно повисали на кронах деревьев. В Элм-Хейвене, где уличное освещение регулировалось простым электротаймером, никто не подумал включить свет — и стало почти совсем темно.

Мистер Майерс открыл свою лавочку на Мейн-стрит ровно в девять и весьма удивился, увидев ранних покупателей. Стайка из четырех мальчишек — два брата Стюарт, сынок Кена Грумбахера и еще один парнишка с забинтованной рукой — поджидали открытия магазина, чтобы купить водяные пистолеты. Сразу три. Несколько минут мальчики совещались, выбирая самые надежные и с самыми большими резервуарами для воды. Мистер Майерс про себя подумал, что это довольно странно... Впрочем, он вообще находил мир сумасшедших шестидесятых довольно странным. Раньше, когда он только открыл свою торговлю, еще в середине двадцатых годов, все было понятно. Поезда ходили каждый день, и люди знали, как подобает вести себя цивилизованным существам.

Уже в половине десятого мальчики испарились, сунув свои покупки в карманы и, конечно, забыв попрощаться. Мистер Майерс крикнул им вслед, чтобы впредь не парковали велосипеды на тротуаре, поскольку это представляет риск для прохожих и является нарушением городского распорядка. Но их уже и след простыл.

Мистер Майерс вернулся за прилавок, как раз на сегодня он наметил инвентаризацию всей пыльной рухляди на полках. Изредка он выглядывал за окно и хмурился при виде низких черных туч над парком. Когда часом позже он отправился пить кофе в парковое кафе, все старожилы уже толковали о надвигающемся торнадо.

Несколько раз за субботу Майка допрашивали: сначала Барни, потом окружной шериф, а потом даже дорожный патруль, который прислал к ним домой двух офицеров в большой коричневой машине.

Мальчишка пытался сообразить, понимают ли шериф и Барни, что все происходящие события являются частями одной головоломки. Смерть Дуэйна и его дяди Арта при загадочных обстоятельствах. Смерть миссис Мун произошла вследствие причин вполне естественных, но от того способа, которым были умерщвлены ее коты, людей бросало в дрожь. Тело мирового судьи было найдено страшно обгоревшим — почти до неузнаваемости, но все-таки не совсем — на зерновом элеваторе. Окружной коронер утверждал, что у судьи было напрочь перерезано горло. Тело его дружка Карла Ван Сайка тоже обгорело до неузнаваемости, и лишь золотые передние зубы позволили его опознать. Когда его извлекли из кабины сгоревшего грузовика, которым владели на паях Ван Сайк и Конгден, там же находилось тело неизвестно кому принадлежавшей собаки.

Городские сплетники уже полностью разобрались с мотивами убийств: Конгден и Ван Сайк не поделили доходы от своих мошеннических проделок, ссора между партнерами привела к преступлению — жестокому убийству Конгдена. Затем происходит случайный инцидент с бензином, которым, как видно, Ван Сайк облил элеватор прежде, чем поджечь его. Он пытается бежать, но слишком напуган тем, что его могут застать на месте. Взрыв бензобака...

К полудню субботы объяснения имелись уже на все, кроме мертвой собаки. Ван Сайк ненавидел собак, и никто и никогда не видел его даже поблизости от какой-нибудь из них, а тем более сидящим с собакой в кабине. Но затем миссис Виттакер из салона красоты на Черч-стрит пришла к очевидному выводу: большая сторожевая собака Конгдена исчезла как раз несколько не-

дель назад. И всем стало ясно как божий день, что гадкий Карл Ван Сайк или просто украл ее, или утащил с целью выкупа и что именно обсуждение этого вопроса привело к трагическому исходу.

В Элм-Хейвене не наблюдалось настоящих преступлений уже в течение нескольких десятилетий. Горожане были шокированы и где-то даже восхищены, в особенности тогда, когда оказалось, что найден виновник ужасной гибели котов миссис Мун.

Каким образом смерть отца Кавано вписалась в эту схему, оставалось не совсем ясным. Миссис Маккафферти рассказала миссис Сперлинг, которая тут же позвонила и передала эту информацию миссис Сомерсет, что католический священник был несколько неуравновешенным человеком. Представьте, он даже старый «линкольн-меркьюри» называл папамобилем. Миссис Мейхер из дамского клуба при лютеранской церкви сообщила миссис Михан из методического собрания, что в семье отца Кавано было несколько случаев душевной болезни, к тому же сам он был шотландским ирландцем, а каждому известно, что это значит. Кроме того, совершенно очевидно, что молодой священник был сослан из большого прихода в Чикаго в порядке наказания за серьезную провинность.

Теперь уже всем стало известно, какого рода провинность была совершена: отец Кавано являлся шпионом и проникал в дома почтенных граждан с целью побольше выпытать об их жизни. И котов он убил в ходе какого-то зловещего католического ритуала. Миссис Уиттакер получила совершенно твердые подтверждения от миссис Стеффни, правда переданные через миссис Тейлор, что использование дохлых котов во время своих месс является самым обычным делом для католиков. Миссис Тейлор в свою очередь вспомнила, что ее муж сказал, что лицо священника было «совершенно растерзано и разбито в лепешку», по его собственным словам. Мистер Тейлор назвал отца Кавано «самым мертвецким покойником из всех, что он когда-либо имел печальный долг обслуживать». Епископ из митрополии позвонил утром в субботу из храма Святой Марии в Пеории и велел мистеру Тейлору не готовить тело покойного ни к какому ритуалу, кроме погрузки на корабль, и то если того пожелают родственники усопшего. Мистер Тейлор охотно согласился, но все равно добавил стоимость косметических услуг к общему счету. «Семье не выдерживать такого зрелища», — объяснил он свой поступок. Было впе-

чатление, как будто что-то взорвалось у священника внутри и вырвалось наружу. И снова слова мистера Тейлора были тут же переданы миссис Виттакер, а через нее всем остальным.

Так или иначе, люди решили, что с этой загадкой покончено. Мистер Ван Сайк, которому, как выяснилось, никто в городе давно не доверял, убил несчастного старого мирового судью из-за денег или из-за собаки. Бедный отец Кавано, которого ни один протестант не считал респектабельным человеком и уважали лишь немногие из католиков, сошел с ума вследствие наследственной склонности к умопомешательству и попытался атаковать своего алтарного служку, Майкла О'Рурка, после чего бросился под грузовик.

Горожане непрерывно звонили друг другу, телефонные провода гудели, Дженни с окружного коммутатора призналась, что в Элм-Хейвене столько телефонных звонков не было с самого наводнения тысяча девятьсот сорок девятого года. Все горожане неплохо провели время в телефонных разговорах, при этом поглядывая одним глазом на небо, пока черные тучи все приближались и приближались, нависая над полями со стороны юга и запада.

В отличие от остальных горожан шериф не был так уж твердо уверен в том, что проблемы решены. После обеда он еще раз навестил Майка, чтобы расспросить его о происшествии. Это был уже третий допрос после прошедшей ночи.

— И отец Кавано разговаривал с твоей сестрой?

— Да, сэр. Она сказала мне, что он хочет поговорить со мной и что это очень важно. — Майку было прекрасно известно, что с Пег шериф уже успел поговорить дважды.

— И отец Кавано сообщил ей, о чем бы он хотел поговорить с тобой?

— Нет, сэр. Не думаю, сэр. Вам бы лучше спросить у нее.

— Гм... — пробурчал шериф, глядя в свой блокнот. Майк тоже опустил глаза, вид этого блокнота живо напомнил ему о Дуэйне. — Скажи мне еще раз, о чем конкретно он говорил с тобой.

— Ну, сэр. Я уже говорил, что не очень хорошо понимал его. Он говорил как больной человек. Отдельные слова и фразы имели какой-то смысл, но вместе это никак не вязалось.

— Перескажи мне эти слова, сынок.

Майк задумчиво прикусил губу. Дуэйн Макбрайд когда-то рассказал ему, что, как правило, преступников выводят на чистую воду, потому что они слишком много говорят. Как бы чувствуя необходимость замаскировать факты. Невинные люди, объяснил Дуэйн, обычно менее словоохотливы. После той беседы Майку пришлось справляться в словаре, чтобы узнать, что такое «словоохотливы».

— Ну, сэр, — медленно проговорил Майк, — помню, что он несколько раз произнес слово «грех». Говорил, что все мы грешны и, следовательно, должны быть наказаны. Но у меня было такое чувство, что он говорил не о нас, а вообще о людях.

Шериф кивнул и черкнул что-то в блокноте:

— И тогда-то он и начал кричать?

— Да, сэр. Примерно тогда.

— Но твоя сестра говорит, что она слышала оба ваших голоса. Если ты не понимал, о чем говорит священник, то что же ты сам говорил?

Майк подавил желание вытереть пот с верхней губы.

— Наверное, я спросил его, как он себя чувствует. Я хочу сказать, что, когда я последний раз видел отца Кавано, он был болен. Это было во вторник, когда меня впустила к нему миссис Маккафферти. Ему тогда было очень плохо.

— И он сказал тебе, что хорошо себя чувствует?

— Нет, сэр. Он как раз начал кричать, что грядет Судный день... Это было его слово, сэр, «грядет».

— И тогда он сбежал с крыльца и бросился к окну твоей бабушки? — спросил шериф, читая что-то в блокноте. — Это так?

— Да, сэр.

Шериф медленно поскреб щеку, очевидно чем-то неудовлетворенный.

— А что ты скажешь о его лице, сынок?

— Его лице, сэр? — ответил вопросом на вопрос Майк.

— Да. Не было ли оно... немного странным? Может быть, на нем были шрамы или оно было каким-нибудь образом повреждено?

«Нет, оно не было повреждено, если вы не имеете в виду, что оно само собой превратилось в пасть миноги», — подумал про себя Майк. Вслух же он только сказал:

— Нет, сэр. Не думаю, сэр. Он был довольно бледным. Но было уже темно, и я не мог хорошо рассмотреть.

— Но ты не видел на его лице каких-нибудь шрамов или отметин?

— Что такое отметины, сэр?

— Ну, вроде глубоких порезов. Или открытых ран?

— Нет, сэр.

Шериф глубоко вздохнул и потянулся за маленькой спортивной сумкой:

— Это твое, сынок? — И он протянул Майку его водяной пистолет.

Первым побуждением Майка было ответить отрицательно.

— Да, сэр, — сказал он.

Шериф кивнул:

— Твоя сестра тоже так сказала. А тебе не кажется, что ты уже слишком большой для таких игрушек?

Майк пожал плечами и напустил на себя смущенный вид.

— У тебя он был с собой прошлой ночью, когда ты стоял на крыльце? Когда приходил отец Кавано?

— Нет, сэр, — ответил Майк.

— Ты точно знаешь?

— Да, сэр.

— Мы нашли его под окном, — проворчал шериф. Он снял с головы шляпу и улыбнулся в первый раз с тех пор, как пришел. — Я, кажется, старею и становлюсь слишком подозрительным... Я посылал эту штуку в полицейскую лабораторию в Оук-Хилле, чтобы проверить ее содержимое. Вода. Обыкновенная вода.

Майк улыбнулся ему в ответ.

— Ладно, сынок. Забирай свою игрушку обратно. Нет ли еще чего-нибудь, что ты бы мог мне рассказать? Например, откуда взялось вот это? — В руках он держал шляпу Солдата.

— Нет, сэр. Может, она валялась в кустах. Отец Кавано потерял ее, когда срывал сетку с окна.

— А не эту ли шляпу ты видел на том солдате, который подглядывал за вашим домом? Помнишь, несколько недель назад?

— Может быть, сэр. Не помню.

— Но шляпа примерно такая же?

— Да, сэр.

— Не мог ли ты принять своего священника за того солдата, когда видел его на лужайке?

Задавая этот вопрос, шериф пристально смотрел на Майка.

Майк минуту подумал, точно так же, как он делал и прошлые два раза, когда его об этом спрашивали.

— Нет, сэр, — наконец выговорил он. — Не думаю, что это был отец Кавано, сэр... Тот человек был меньше, когда я видел его в первый раз... Но было темно, и я смотрел сквозь занавеску. — Майк сделал неловкий жест руками, как бы извиняясь. — Извините, сэр.

Высокий шериф не торопясь поднялся со своего места, потрепал большой ладонью Майка по плечу и сказал:

— Все в порядке, сынок. Спасибо за помощь. Досталось тебе прошлой ночью. Сожалею. Мы могли бы так никогда и не узнать, что с тем джентльменом не все в порядке... вашим отцом Кавано. Но я сомневаюсь в том, что его поступок был преднамеренным. Что бы там доктора ни говорили о его болезни или еще о чем, не думаю, что этот джентльмен был в здравом рассудке.

— Я тоже так не думаю, сэр, — сказал Майк, провожая шерифа к двери.

Отец и мать Майка ожидали их на крыльце. Шериф спустился по ступенькам, взрослые распрощались, и все трое помахали вслед его машине, ползшей по Первой авеню.

— Давайте провернем это дело сегодня вечером, — сказал Харлен, когда часом позже все ребята сидели в шалаше на дереве.

Все, кроме Корди Кук. Харлен с Дейлом сгоняли за ней на свалку, чтобы привезти с собой, но никого не нашли. Не было и никаких следов ее пребывания на свалке, кроме нескольких рваных одеял и самодельного навеса около железнодорожной насыпи.

Майк вздохнул, он слишком устал, чтобы спорить.

— Мы уже проходили это, Джим, — вместо него ответил Дейл.

Кевин листал комикс про Скруджа Макдака — что-то про поиски золота викингов, судя по обложке, — но он отложил книжку в сторону и сказал:

— Дождемся утра. Я не собираюсь уводить отцовский грузовик прямо у него под носом. Нам нужно сделать вид, что это кто-то другой украл машину и облил здание школы бензином.

Харлен насмешливо хмыкнул:

— И кто же этот другой? Все подозрительные личности благополучно скончались. Для Элм-Хейвена прошлая неделя была самой проклятушей в жизни, и кое-кто рано или поздно догадается, что мы имеем к этому некоторое отношение...

— Не догадается, если ты не будешь трепаться, — резко сказал Дейл.

— Собрался меня поучить, Стюарт? — угрожающе начал подниматься с места Харлен.

Двое мальчишек уже готовы были затеять драку, но Майк поспешил развести их в разные стороны.

— Остыньте. — Голос у Майка был страшно усталый. — Одно можно сказать наверняка, мы должны сегодня ночью держаться вместе, чтобы они не прихлопнули нас поодиночке.

— Правильно, — снова встрял Харлен, привалясь спиной к огромному суку. — Пусть они прихлопнут нас всех разом.

Майк покачал головой:

— Мы разобьемся на две команды. Я своим уже сказал, что буду ночевать у Дейла и Лоренса. Они подумали, что я хочу быть подальше от дома после того, что произошло вчера вечером.

Мальчики ничего не сказали.

— Харлен, ты уже провентилировал этот вопрос со своей мамой? Ну, что ты будешь ночевать у Кевина?

— Ага.

— Хорошо. Таким образом, мы все сможем поддерживать связь друг с другом с помощью уоки-токи.

Дейл сорвал с дерева листок и принялся методично разрывать его на мелкие кусочки.

— Звучит неплохо. Значит, рано утром мы заправляем грузовик бензином и едем к Старой центральной? Сразу после рассвета — так?

— Так. — Майк обернулся к Кевину. — Грумбахер, ты точно умеешь водить машину?

Кевин надменно поднял бровь:

— Я уже сказал тебе, что умею. Так ведь?

— Сказал, но нам не нужно, чтобы завтра утром возникли какие-нибудь сюрпризы.

— Сюрпризов не будет, — отрубил Кевин. — Отец уже давно разрешает мне водить машину на тихих дорогах. Я умею переключать

чать скорости. Я достаю до педалей. Я запросто приведу машину в школьный двор.

— Только нужно будет делать все потише, — сказал Дейл. — Нельзя, чтобы твои предки проснулись.

Теперь Кевин надменно выдвинул вперед подбородок:

— Их спальня в подвале, и там работает кондиционер. Так что ничего они не услышат.

Лоренс, который до сих пор сидел молча, теперь наклонился к разговаривающим:

— Ребята, вы всерьез думаете, что кто, бы там в школе ни сидел, он просто сидит и ждет, когда мы туда явимся? И не будет обороняться?

Майк хрустнул веткой.

— Он будет обороняться. Разве что у него теперь мало помощников осталось.

— Никто не может найти доктора Руна, — сказал Харлен, яростно скребя гипс. Его должны были снять через несколько дней, и рука невыносимо зудела и чесалась, доводя мальчишку до бешенства.

— Та женщина, у которой он снимает комнату, говорит, что он уехал в Миннесоту, — сказал Кевин.

— Ну конечно, — протянула вся четверка разом.

— И еще Солдат, который где-то прячется, — добавил Майк.

На этот раз ребята промолчали.

— И Двойная Задница со своей подружкой, — добавил Харлен. — И те штуки, которые в земле. И Табби.

— Правда, теперь у него на одну руку меньше, — сказал Дейл. — По крайней мере, не сможет показать нам палец.

Опять никто не рассмеялся.

— Значит, их семеро, — быстро подсчитал Лоренс на пальцах. — А нас только пять.

— Плюс Корди, — возразил Дейл. — Иногда.

Лоренс скорчил презрительную физиономию:

— Девчонок я не считаю. Семеро их... не говоря уж о самом колоколе. И пятеро нас.

— Угу, — кивнул Майк. — Но у нас есть секретное оружие. — И он, вынув из-за пояса водяной пистолет, стрельнул струей воды в Лоренса.

Восьмилетний мальчишка от неожиданности отпрянул в сторону, а Дейл закричал:

— Не трать зря святую воду!

— Не бойся! — Майк снова засунул пистолет за пояс. — Это не святая вода. Ту я приберег на потом.

— А ты прихватил другую вещь? — спросил Харлен. — Ну, этот хлеб?

— Гостию, ты хочешь сказать, — важно обронил Майк. И тут же сбавил тон: — Нет. Не смог. Утром приехал отец Динмен из Оук-Хилла, чтобы служить мессу, но он сразу после службы запер церковь, и я не смог войти. Еще повезло, что я успел забрать всю святую воду.

— Но можно взять тот кусочек гостии, который лежит у твоей бабушки в комнате, — напомнил ему Дейл.

Майк медленно покачал головой:

— Ни за что. Он будет у Мемо. Хоть отец сегодня и дома, но я не могу рисковать.

Дейл хотел было что-то сказать, но в эту минуту раздался зычный крик: «КЕ-Е-ЕВИ-И-ИН!» — который эхом пронесся по Депо-стрит. Ребята стали торопливо спускаться с дуба.

— Увидимся после обеда! — на бегу крикнул Дейл Майку, когда они с братом кинулись домой.

Майк кивнул и пошел к веранде. На крыльце он чуть помедлил, глядя, как ползут по небу черные тучи. Двигались они довольно быстро, несмотря на то что не было ни малейшего ветерка. Воздух пронизывали лучи какого-то странного желтого цвета.

Майк побежал мыться и упаковывать свою пижаму и кровать-скатку.

Глава 36

Мистер Деннис Эшли-Монтегю сидел на заднем сиденье своего черного лимузина, изредка поглядывая в окошко на расстилающиеся вдоль дороги бесконечные поля. Целый час, что они ехали до Элм-Хейвена, Тайлер, его главный дворецкий, водитель и телохранитель, хранил молчание, и у мистера Эшли-Монтегю не было причин нарушать его. Затемненные окна автомобиля всякую погоду превращали в подобие ненастья, поэтому он даже не заметил необычно темного цвета неба, нависшего над полями и лесом подобно прогнившему занавесу.

Даже в этот субботний вечер Мейн-стрит была гораздо менее оживленной, чем в обычные дни. И когда мистер Эшли-Монтегю ступил на подножку автомобиля, остановившегося у парка, даже он обратил внимание на необычную для этого часа темноту. Кроме того, вместо привычной толпы рассеявшихся на траве зрителей, терпеливо ожидающих начала сеанса, лишь несколько лиц проводили взглядами Тайлера, когда он вынес из машины большой ящик с проектором. Еще несколько пикапов и легковушек припарковались у обочины, пока Тайлер устанавливал микрофоны и остальное оборудование, но все равно число зрителей, собравшихся в этот день, было самым низким за те девятнадцать лет, что мистер Эшли-Монтегю проводил в вымирающем городке субботние бесплатные сеансы.

Деннис Эшли-Монтегю вернулся в машину, захлопнул за собой дверцу и налил в высокий стакан неразбавленного шотландского виски. Бутылка всегда хранилась в специально устроенном баре-шкафчике позади сиденья водителя. Он не собирался приезжать сегодня — как и вообще не собирался проводить больше никаких киносеансов, — но традиция уходила корнями в далекое

прошное, а его собственная роль знатного сквайра, снисходительного к примитивным забавам неотесанных простаков и мужланов, самому мистеру Деннису доставляла некоторое удовольствие и даже служила своеобразной целью в его жизни.

Кроме того, он хотел бы поговорить с теми мальчишками.

Их чумазые лица, блестящие глаза, жующие попкорн рты он много раз замечал во время субботних сеансов. Они следили за действием, разворачивающимся на экране, с таким выражением на лицах, будто это какое-то чудо.. Но он никогда толком не смотрел на них, не смотрел до тех пор, пока тот толстый мальчик — про которого его друг сказал, что он был убит, — не начал задавать ему вопросы. Прямо здесь же, на эстраде парка, примерно месяца тому назад. Потом другой, тот забавный парнишка постучал в парадную дверь его особняка в Пеории.. Он еще имел безрассудство стащить переплетенное в дорожную кожу издание «Книги закона» Алистера Кроули. Странно. Сам он ничего не обнаружил в этой книге такого, что могло бы помочь мальчикам в случае, если Стела Откровения, вывезенная его дедом из Италии, действительно пробудилась от долгого сна. Впрочем, в этом случае им ничто не могло бы помочь. Ничто и никто, включая самого мистера Эшли-Монтегю.

Миллионер залпом допил виски и не торопясь зашагал к эстраде, где Тайлер уже заканчивал последние приготовления. Еще не было и половины девятого... Обычно сумерки длятся дольше в этих широтах. Должно быть, это из-за туч.

Мистер Эшли-Монтегю почувствовал, как его охватывает приступ своего рода клаустрофобии: с того места, где он стоял, город виделся как бы заключенным в тесную петлю стеной стоявшей кукурузы. С юга поля подходили вплотную к сгоревшим руинам его собственного особняка, с севера — к темному туннелю Брудавеню, на западе — к длинной, петлявшей, словно заячья тропа, Хард-роуд и на востоке — к угрюмо смотревшей провалами темных витрин Мейн-стрит. Освещение еще не было включено.

Мальчиков, которых он ждал, было не видно. На траве сидел Чарльз Сперлинг, бойкий сынок того Сперлинга, который имел наглость просить у него, Эшли-Монтегю, заем под какое-то предприятие. Рядом с ним сидел крупный для своих лет сын Тейлора. Его деду когда-то действительно удалось получить заем, причем

немалый, у дедушки мистера Денниса в обмен на кое-какую забывчивость о событиях времен Скандала.

Но других детей не было. Да и вообще людей приехало немного. Возможно, испугались надвигающейся бури.

Мистер Эшли-Монтегю еще раз взглянул на мрачное небо и вдруг осознал, что не слышит щебета птиц, которые обычно стайками сидели в верхушках деревьев, распевая по вечерам на все лады. И жужжания насекомых не было слышно. И ветер не шевелил ветки деревьев, да и сама сгущающаяся темнота носила какой-то зловеющий желтоватый оттенок.

Он зажег сигарету и, облокотившись на перила балкона, принялся лениво размышлять, куда бы ему деться, если шторм действительно разразится. В гости его тут никто не ждал, а укрываться в развалинах своего собственного старого дома он не собирался. Хоть там и сохранился в целости винный погреб, туда он не пойдет. Рабочие, расчищавшие это место, рассказывали, что прошлой осенью они обнаружили под домом подозрительные, уходящие вглубь туннели.

Нет, решил мистер Эшли-Монтегю, если будет серьезное предупреждение о том, что надвигается торнадо или сильная буря, он попросту укроется в своем автомобиле и велит Тайлеру везти его домой. Ураган может снести с лица земли такой городишко, как Элм-Хейвен, но ему ничего не сделать с мощным автомобилем на первоклассной автостраде.

Миллионер кивнул Тайлеру, тот включил проектор и запустил первый мультфильм. Горстка людей, рассевшись на одеялах и скамьях, недружно зааплодировала. Том и Джерри начали свою обычную возню, охотясь друг за другом и бегая по свежеевыкрашенному дому. Мистер Эшли-Монтегю закурил новую сигарету и устремил взгляд в небо.

— Торнадо, думаешь? — переспросил Дейл у Майка, когда они стояли на веранде дома Стюартов, глядя на Вторую авеню.

Машин на улице было очень мало, да и те ехали с зажженными фарами и страшно медленно.

— Не знаю, — пожал плечами Майк.

Прежде им случалось наблюдать торнадо — этот бич Среднего Запада, которого боялось большинство здешних жителей. Но эти багрово-черные тучи, которые, казалось, уже несколько дней на-

двигались на город с юга, ничем не напоминали обычную бурю. Освещение на небе походило на негативный отпечаток дневного света, лишь самые верхушки деревьев были озарены последними желтоватыми отблесками, само же небо представляло собой сплошную черную пелену. Слабая рябь, трепетавшая на стеблях кукурузы вдоль горизонта, напоминала сверканье молнии, но ни самих разрядов, ни вспышек видно не было. Только случайная волна зеленовато-белого фосфорического свечения накатывалась с юга. Старожилы с удовольствием толковали о шаровых молниях и прочих чудесах природы, о которых, впрочем, не имели ни малейшего представления.

Майк поднес к лицу микрофон уоки-токи и включил прибор. Послышались два щелчка, которые означали, что Кевин вышел на связь.

— Ты можешь говорить? — тихо спросил Майк. Было уже не до шифровок и паролей.

— Да, — прозвучал в ответ голос Кевина.

Хоть мальчики находились друг от друга на расстоянии чуть больше сотни футов, слышимость была отвратительной. Все время раздавалось потрескивание статического электричества и шипение, как будто в небе над ними летал невидимый реактивный самолет.

— Мы собираемся идти домой. Связь сохраняется, — сказал Майк. — Если только вы, ребята, не хотите сбегать на бесплатный сеанс.

— Ха-ха. — Харлен сделал вид, что смеется.

Майк легко представил себе, как щуплый мальчишка выхватывает микрофон у Кевина, чтобы внести свою лепту в беседу.

— Вы уже заправились? Я имею в виду, поели, — спросил Дейл, наклоняясь ближе к микрофону.

— Очень смешно, — огрызнулся Кевин. — Мы смотрим телевизор у себя в подвале. Тут какие-то плохие ребята похитили мисс Китти.

Дейл усмехнулся.

— Они похищают мисс Китти каждую неделю. По-моему, Метту пора насовсем отпустить ее с ними.

Опять послышался голос Кевина. Теперь он звучал низко и напряженно.

— Ключ, который понадобится нам утром, уже у меня, — сказал он.

Майк вздохнул:

— Принято. Желаю вам приятных снов... Только не забудьте поставить новые батарейки и оставить приемник включенным.

— Прием окончен, — лаконично буркнул Кевин.

Потрескивание и щелчки в микрофоне продолжались.

Втроем ребята поднялись в комнату Дейла и Лоренса, где миссис Стюарт поставила у окна лишнюю раскладушку для Майка. Она прекрасно понимала, как мальчик расстроен после ужасного происшествия с отцом Кавано, и ничуть не возражала против того, чтоб он у них переночевал. Завтра, сразу после обеда, должен вернуться мистер Стюарт, и, возможно, они все вместе отправятся на пикник либо на Спун, либо на Иллинойс-ривер.

Мальчики быстренько переоделись в пижамы. Они предпочли бы сегодня не раздеваться на ночь, но мама Дейла и Лоренса наверняка захочет их провести перед сном, а лишние расспросы им не нужны. Они аккуратно сложили одежду, и Дейл поставил будильник на без четверти пять. Заводя часы, он заметил, как дрожат его руки.

Мальчики устроились каждый в своей кровати, Майк — в своей раскладушке. Каждый взял с собой комикс, они лежали и болтали о чем угодно, только не о том, что занимало все их мысли.

— Жалко, что мы не пошли в кино, — сказал вдруг Лоренс. — Сегодня будут показывать новый фильм с Винсентом Прайсом «Дом Ушеров».

— «Дом Эшеров», — поправил его старший брат. — Это по рассказу Эдгара Аллана По. Помнишь, в прошлый сочельник я читал тебе его «Маску красной смерти».

При этих словах мальчика пронзила внезапная боль, и он вспомнил, что рассказал ему о чудесных рассказах и стихах Эдгара По не кто иной, как Дуэйн. Невольно он бросил взгляд на книжную полку, где стояли в ряд блокноты его погибшего друга. Неожиданно внизу зазвонил телефон, и послышался приглушенный голос мамы, отвечавшей на звонок.

— Эшеров так Эшеров, — проворчал Лоренс. — Все равно жалко, что мы не посмотрим этот фильм.

Майк отложил в сторону комикс о Бэтмене, который читал. На мальчике была синяя пижама и футболка, которую он так и не снял.

— А не хочешь возвращаться домой в полной темноте, а? — язвительно спросил он. — Хорошо еще, что ваша мама раздумала

идти в кино из-за бури. Сегодня не самая лучшая ночь для прогулок по улицам.

На лестнице послышались чьи-то шаги, и Майк покосился на свой вещмешок, в котором лежал его обрез.

— Это мама, — успокоил его Дейл.

Действительно, в дверях появилась миссис Стюарт. Она была такая красивая в белом летнем платье.

— Звонила тетя Лина. У дяди Генри опять прихватило спину... Надорвался, корчуга старые пни на дальнем пастбище. Теперь ему даже не разогнуться. Доктор Вискес прописал ему какое-то болеутоляющее, но вы же знаете, как тетя Лина боится водить машину.

Дейл даже сел в кровати:

— Но аптека уже закрыта.

— Я позвонила мистеру Аткинсу. Он выйдет и откроет ее, чтобы дать мне лекарство. — Она тревожно глянула в сторону окна, в котором виднелись далекие деревья и дома, освещенные зловещим фосфорическим блеском. — Не хочется мне что-то оставлять вас одних, когда надвигается буря. Может, вы поедете со мной?

Дейл открыл было рот, чтобы ответить, но тут же вопросительно глянул на Майка. Тот кивком указал на уоки-токи, лежащее на полу рядом с ним. Дейл понял: если они поедут к дяде Генри, то для Кевина и Харлена связь с ними станет невозможной. А они обещали не нарушать ее.

— Нет, — ответил Дейл. — Нам и тут будет хорошо.

Его мать все еще смотрела за окно, на царившую там тревожную мглу:

— Вы уверены?

Дейл улыбнулся и помахал книжкой:

— Конечно... У нас полно всякой вкуснятины, есть попкорн и комиксы... Что еще человеку нужно?

Мама в свою очередь улыбнулась:

— Ладно. Я буду минут через двадцать или около того. — И она взглянула на часы. — Сейчас почти одиннадцать. Не забудьте через несколько минут выключить свет.

Они услышали стук ее каблучков, сбегающих по лестнице, потом хлопнула задняя дверь дома, слышно было, как завелся автомобиль. Дейл встал у окна, чтобы проводить взглядом их старую

машину, когда она проехала по Второй авеню, направляясь к центру города.

— Мне это не нравится, — протянул Майк.

Дейл пожал плечами:

— Ты думаешь, что колокол, или кто он там, прикинулся старым пнем, чтобы повредить спину дяди Генри? Думаешь, это часть их плана?

— Не знаю, просто мне это не нравится, — продолжал настаивать Майк. Он встал с кровати и стал искать свои кеды. — Помогите ему, лучше запереть двери внизу.

Дейл помолчал. Это была странная мысль — они запирали двери, только когда уезжали куда-нибудь в отпуск или еще куда.

— Ладно, — сказал он наконец. — Сейчас я спущусь и закрою.

— Оставайся здесь, — возразил Майк, кивнув в сторону Лоренса, который был слишком поглощен книгой, чтобы замечать что-либо вокруг. — Я сейчас вернусь. — Он подхватил с полу свой вещмешок и прошепел по лестничной площадке и потом по лестнице.

Дейл напряженно слушал, как захлопнулась парадная дверь, потом шаги удалились в сторону кухни. Им придется дожидаться маминого возвращения, чтобы отпереть обе двери, прежде чем она пройдет к черному входу.

Дейл лег обратно в кровать. Не сводя глаз с окна, он смотрел, как бесшумное сверкание выхватывает из темноты листву на большем вязе с северной стороны дома.

— Эй, смотри-ка! — внезапно рассмеялся Лоренс.

Он читал комикс про Скруджа Макдака — самую лучшую на свете книжку, по его мнению, и теперь что-то в рассказе про золото викингов рассмешило его. Он протянул раскрытую книгу сонному брату.

Дейл уже почти спал, он хотел было взять книжку, но промахнулся, и она упала на пол.

— Я подниму, — быстро сказал Лоренс и нагнулся к полу.

Вдруг откуда-то из-под его кровати резко метнулась белая рука, и пальцы сомкнулись на запястье Лоренса.

— Эй! — успел удивленно выговорить мальчишка, и в тот же момент его резко сдернули с кровати.

Со стуком он грохнулся на пол. Белая рука поволокла его под кровать.

У Дейла даже не было времени крикнуть. Он ухватился за ноги брата и попытался удержать его. Но силы были не равны, Дейл сполз с собственной постели, простыня и одеяло запутались у него в ногах.

Лоренс вскрикнул, когда его голова очутилась под кроватью, затем там же исчезли его плечи. Дейл не отцеплялся, он пытался втащить брата обратно, но ничего не получалось. Казалось, что четверо или пятеро взрослых прячутся под полом и их сила не ослабевает. Дейл испугался, что, если не отпустит Лоренса, того просто разорвет пополам.

Набрав в грудь побольше воздуха, Дейл спрыгнул с кровати и рывком откинул постель брата в сторону. Поднялось облачко пыли — всякий раз, когда мама настаивала на том, чтобы мальчики вытряхивали по утрам свои постели, они дружно протестовали, уверяя, что это совершенно лишнее.

Теперь под кроватью была сплошная чернота — не обычный полумрак, а тьма гуще, чем тьма облаков, застывших над городом. Это был мрак пролитых на черный бархат чернил; он покрывал доски пола и закручивался в спираль, как черный туман. Из этой тьмы высывались две огромные руки и, крепко обхватив Лоренса, тащили его в дыру с той же неумолимостью, с какой дровосек подставляет бревно под нож пилы. Лоренс вскрикнул снова, но этот крик резко оборвался, когда его голова исчезла в круглом черном отверстии среди сплошной темноты. За головой последовали плечи.

Дейл снова ухватил брата за щиколотки, но хватка белых пальцев была неумолима. Медленно, брыкаясь и извиваясь, Лоренс исчезал под кроватью. Все это время, если не считать короткого крика Лоренса, в комнате стояла полнейшая тишина.

— Майк! — закричал Дейл, его голос дрожал. — Беги сюда! Быстрее!

Он выругал себя за то, что не выхватил сразу из вещмешка дробовик или водяной пистолет... Но ругать было не за что, на размышления у него не было ни секунды времени.

Тело Лоренса почти полностью исчезло под кроватью. Видны были одни ноги.

Господи боже мой! Его тащат прямо в пол! Может быть, его уже наполовину съели, пока тащили! Нет, ноги еще молотят воздух. Его брат пока жив.

— Майк!

Дейл почувствовал, как темнота начала клубиться вокруг него самого, усики и щупальца черной мглы были плотнее и холоднее зимнего тумана. Когда одно из щупалец коснулось его ноги, Дейл вздрогнул, будто на ногу ему бросили дымящийся кусок сухого льда.

— Майк!

Одна из рук внезапно высвободила щиколотку Лоренса и, резко метнувшись вперед, обхватила лицо Дейла. Длина пальцев была не меньше десяти дюймов.

Дейл отпрянул назад, выпустил лодыжки младшего брата, и на его глазах тот весь исчез в темном провале. И вот уже под кроватью нет ничего, кроме черного тумана, и тот стал постепенно редеть, невообразимо длинные пальцы скользнули вниз и пропали из виду.

Дейл бросился ничком на пол, прямо в темноту, пытаясь на ощупь найти брата. Его ладони и руки онемели от пронизывающего холода, мрак стал сгущаться и обволакивать его самого, щупальца вытягивались и завивались, как в фильме про какой-нибудь эбонитово-черный цветок, расцветающий на глазах... и вот уже остался только ровный черный круг среди полного мрака... Дыра! Дейл чувствовал, что на том месте, где должен был быть твердый пол, оказалась пустота! Тут же он был вынужден отдернуть пальцы, так как круг вдруг стал быстро затягиваться и наконец с резким металлическим стуком захлопнулся, как захлопывается пасть стального капкана. Если бы Дейл не отдернул руки так резко, пальцев у него уже не было бы...

— Что случилось? — выкрикнул Майк, врываясь в комнату с сумкой в одной руке и обрезом в другой.

Дейл стоял на ногах. Рыдая и пытаясь удержать рыдания, он тыкал рукой в пол.

Майк опустился на колени, сумка и обрез со стуком упали рядом с ним. Дейл рухнул на пол и принялся молотить кулаками по твердым доскам пола:

— Черт, черт, черт, черт!

Под кроватью уже ничего не было, кроме катышков пыли и голых досок. И оброненной Лоренсом книги.

Эхом вдруг отозвался крик, донесшийся из подвала.

— Лоренс! — закричал в ответ Дейл, кидаясь в коридор.

— Подожди минуту! Подожди! — закричал Майк, оттаскивая его назад. Он попытался подхватить с пола вещмешок Дейла и радио. — Возьми-ка свою двустволку.

— Мы не можем ждать... Там Лоренс... — выдохнул Дейл между двумя всхлипываниями, пытаясь высвободиться.

До них донесся новый крик. Кричали по-прежнему из подвала, но теперь гораздо дальше.

Майк бросил на пол свой обрез и встряхнул Дейла обеими руками:

— Заряди двустволку! Это *им* нужно, чтобы ты шел безоружным. Это *им* нужно, чтобы ты запаниковал. Соображай!

Тело Дейла содрогалось в крупной дрожи, когда он собирал ружье и затем заряжал его. Майк пристегнул к поясу два водяных пистолета, бросил Дейлу коробку с патронами, перекинул через плечо уоки-токи и сказал:

— Теперь можно спускаться.

Но крики уже прекратились.

Мальчики скатились по ступенькам, пробежали через темный холл и выскочили на площадку, на которой начиналась лестница, ведущая в подвал.

Глава 37

— Нам идти с вами? — раздался из приемника голос Кевина. Уже одетые, они с Харленом стояли наготове в спальне Кевина.

— Нет, оставайтесь где есть, пока мы не позовем, — скомандовал Майк, стоя наверху лестницы. — Я дважды нажму кнопку вызова, если вы нам понадобится.

— Идет.

Едва он успел отключить связь, как погас свет во всем доме. Майк выхватил из вещмешка фонарик и бросил на пол уже пустую сумку. Дейл помнил, что отец всегда держит фонарик на полке над лестницей, — к счастью, он и сейчас оказался там. Дейл не глядя схватил его. Кухня, как и весь дом, была погружена во мрак, но темнота, царившая в подвале, находилась за гранью возможного.

Внезапно оттуда послышался скрежещущий звук.

Дейл схватил коробку с патронами и зарядил нижний ствол дробью, оставив пустым верхний, двадцать второго калибра. Затем примкнул затвор. Луч фонарика, зажато в его руке, плясал на плитах шлакобетонной стены около нижней ступени. Из глубины подвала снова донесся этот странный звук.

— Пошли, — скомандовал Дейл, сжимая в одной руке фонарик, а в другой двустволку.

Майк следовал за ним, экипированный точно таким же образом.

Когда они, спрыгнув с нижней ступеньки, очутились на полу, в нос им ударил запах сырости, оставшийся здесь после последнего наводнения. Впереди них напротив стены виднелась горелка, отходившие от нее трубы напоминали змей, обвивающих голову

горгоны Медузы. Скрежещущий звук, доносившийся теперь справа от них, шел из низенькой двери напротив.

То есть из угольного бункера.

Дейл, войдя туда первым, пробежал лучом фонарика слева направо: бункер, серый бетон стен, маленькая горка угля, оставшегося с зимы, совок для угля, стоящий в углу, паутина на стенах, снова бункер...

Из низкого лаза, который вел к фасаду дома и каменной веранде, шел слабый свет. Собственно, это был не свет, а бледное, фосфорическое свечение, похожее на то, каким светился циферблат на часах Кевина. Дейл подошел поближе и, присев, высветил лучом фонарика низкий, затянутый паутиной лаз.

Примерно в двадцати пяти футах от него, там, где лаз заканчивался, упираясь в камень и бетон крыльца, сейчас фонарик выхватил из темноты трубчатые стенки отвесной дыры, примерно восемнадцати дюймов в поперечнике. Она была почти идеально круглой, и из нее исходил такой же отвратительный зеленоватый свет, какой они видели прежде на угольном бункере.

Дейл сбросил сумку и ружье и нагнулся, собираясь лезть в проход. Не обращая никакого внимания на опутавшую его лицо паутину, он стал продвигаться по влажному полу вперед, внутрь туннеля.

Майк схватил его за ноги:

— Пусти меня. Я полезу за ним.

Майк не стал тратить время на спор, но он рывком дернул друга назад, так что у того пижама порвалась об острый угол стены.

— Пусти меня! — закричал Дейл, пытаясь высвободиться. — Мне нужно идти за Лоренсом.

Майк зажал ему рот и с силой прижал к каменной стене:

— Мы все полезем за твоим братом. Но сейчас это именно то, чего они ожидают от тебя. Зачем ты полезешь в этот туннель? Полезешь сам именно туда, куда они уволокли Лоренса.

— Куда это? — выдохнул Дейл, он тряс головой, чтобы высвободиться от хватки Майка.

Тот отпустил его, но на шее мальчика еще долго хранился отпечаток пальцев Майка.

— А ты посмотри, куда ведет этот лаз. Продли его мысленно, — сказал Майк, махнув рукой в сторону туннеля.

Дейл неохотно повернулся в ту сторону. Теперь он смотрел на юго-запад. За школьный двор...

— Старая центральная, — еле слышно произнес он и снова покачал головой. — Может быть, Лоренс еще жив.

— Может быть. Раньше они никого не утаскивали на наших глазах, сразу убивали. Возможно, они хотят, чтобы мы последовали за ним. — Майк нажал кнопку вызова. — Кевин, Харлен, забирайте свои вещички и встречайте нас на улице около газового насоса. Минуты через три. Сейчас мы одеваемся и выходим.

Дейл резко повернулся обратно, и луч его фонарика снова уперся в жерло туннеля.

— Хорошо, но я полезу за ним. Встретимся возле школы.

— Ладно, — сказал Майк, бегом взбираясь по ступеням. — Вы с Харленом идите к школе, пока Кевин разберется со своим грузовиком. Я полезу по туннелю.

Теперь они добежали до спальни на втором этаже. Дейл быстро натянул на себя джинсы и кеды, не став тратить время на такие пустяки, как трусы и носки.

— Но ты сказал, что они ожидают, что мы пойдем к школе. Или по туннелю, или по верху.

— Да, но либо одним путем, либо другим, — ответил Майк. — Они не ожидают, что мы пойдем одновременно.

— А почему ты пойдешь туннелем? Лоренс мой брат.

— Угу, твой, — кивнул Майк. И устало выдохнул. — Но у меня больше опыта в этих делах.

Сидя на заднем сиденье своего лимузина, мистер Эшли-Монтегю выпил еще два бокала виски, пока на экране шел мультфильм и журнал. Но когда начался фильм, он вышел из машины. «Падение дома Эшеров» сейчас шло во всех кинотеатрах Пеории, и зрители его охотно смотрели. Роль Родерика Эшера исполнял вечно переигрывающий Винсент Прайс, но сам фильм был лучше многих других фильмов ужасов. Особенно мистеру Эшли-Монтегю нравились цветовые эффекты в этом фильме: явно доминировали красные и черные тона, а сверкание зловещих молний на каменных стенах особняка Эшеров делало каждый камень старинного дома рельефным и выпукло-острым.

Буря разразилась в ту самую минуту, когда закончилась первая часть. Ветки над головой стоявшего у перил эстрады мистера Эшли-Монтегю заматались из стороны в сторону, по траве парка ветер погнал обрывки бумаги и клочки мусора, а немногие зри-

тели засуетились, прикрывая головы одеялами. Некоторые бросились к машинам или по домам. Мистер Деннис поднял голову и заметил, какими низкими и угрожающе-черными оказались тучи при свете молний. Он слегка встревожился. Такую погоду его мама всегда называла «колдовская ночь», но обычно подобные бури приходились на раннюю весну или позднюю осень, но никак не на макушку лета.

На экране Родерик Эшер и его молодой гость несли массивный гроб с телом сестры Эшера в подземелье, где располагался семейный склеп. Мистеру Эшли-Монтегю было известно, что девушка жива, просто она страдает от наследственной катаlepsии, публике это тоже было понятно, так же как это было понятно и самому Эдгару Аллану По... Почему же, в таком случае, этого не знал Эшер? Возможно, он знал, подумал мистер Эшли-Монтегю. Знал. И намеренно хотел похоронить свою сестру заживо.

Первый удар грома расколол тишину бесконечных полей с южной стороны города, прокатившись над ними оглушительным зубодробительным треском, который постепенно перешел в странный вой.

— Может, хватит на сегодня, сэр? — спросил Тайлер.

Дворецкий-шофер стоял у проектора, стараясь спастись от ветра под плотной накидкой. К этому времени в парке осталось не больше четырех-пяти зрителей, да и те, чтобы досмотреть фильм, укрылись в машинах или под деревьями.

Мистер Эшли-Монтегю поднял глаза на экран. Мрачный склеп, внезапно затрясшийся гроб, окровавленные ногти высовываются из-под его крышки и пытаются приподнять ее. А наверху в доме, отделенный четырьмя этажами от подвального склепа, Родерик Эшер почти сверхъестественно обострившимся слухом ловит каждое движение сестры. Винсент Прайс картинно содрогнулся и зажал руками уши, он что-то кричал, но звук его голоса потерялся в новом раскате грома.

— Нет, — отрицательно покачал головой мистер Эшли-Монтегю. — Фильм уже заканчивается. Пусть досмотрят.

Тайлер кивнул, видимо недовольный таким решением, и плотнее запахнулся в накидку. Налетел новый порыв ветра.

— Деннис-с-с-с-с... — Станный свистящий шепот послышался из глубины кустов, растущих прямо перед эстрадой. — Деннис-с-с-с-с-с-с.

Мистер Эшли-Монтегю нахмурился и подошел к перилам. Внизу никого не было видно, хотя в общем диком шуме и почти полной темноте разобрать, есть ли кто-нибудь в кустах, было невозможно.

— Кто там? — рявкнул мистер Деннис.

Ни один человек в Элм-Хейвене не посмел бы обращаться к нему по имени. Да и на всем свете не много нашлось бы людей, осмелившихся на это.

— Деннис-с-с-с-с. — Казалось, что в кустах шепчет ветер.

Нет, мистер Эшли-Монтегю не имел ни малейшего намерения идти туда. Он повернулся и, прищелкнув пальцами, подозвал Тайлера:

— Тут какой-то шутник забавляется. Ступай посмотри, в чем дело. И прогони его.

Тайлер кивнул и легко пробежал по ступенькам. Дворецкий был старше, чем казался, в действительности он даже успел повоевать на фронтах Второй мировой войны, где он командовал небольшим отрядом, совершившим высадку в Бирме, с целью посеять панику и страх в японском тылу. После войны дела у семьи Тайлера пришли в упадок, но на службу к мистеру Эшли-Монтегю он попал исключительно из-за имеющегося у него военного опыта. Никакие гуманные соображения не могли бы заставить миллионера взять к себе в качестве телохранителя ненадежного человека.

Свирепствуя между экраном и стеной кафе, ветер разрывал полотно на части. Винсент Прайс с искаженным лицом кричал, что его сестра жива, жива, жива! Молодой джентльмен, гость Родерика Эшера, схватил фонарь и устремился в подвал, к склепу.

Вверху, над головами немногих зрителей сверкнула молния, с пугающей ясностью осветив весь город и заставив мистера Эшли-Монтегю на несколько секунд зажмуриться. Последовавший за ней удар грома был оглушительным. Последние зрители разбежались по домам или спешно попрятались по машинам, чтобы спастись от бури. Только лимузин миллионера одиноко притулился на стоянке около эстрады.

Мистер Эшли-Монтегю подошел к перилам и почувствовал, как первые холодные капли дождя стекают по его щекам подобно ледяным слезам.

— Тайлер... ладно, не важно! Давай погрузи оборудование и...

Первым, что он увидел на земле, были часы, золотой «ролекс» Тайлера блеснул при свете следующего разряда молнии. Они были надеты на запястье Тайлера, которое странным образом торчало из земли между кустами и эстрадой. Остальной части руки не было видно. В деревянной решетке, служившей фасадом эстрады, была пробита огромная дыра — пробита или... прогрызена. Оттуда доносился непонятный шум.

Мистер Эшли-Монтегю медленно отступил от перил. Он открыл было рот, чтобы закричать, но тут же сообразил, что он остался один: Мейн-стрит была совершенно пустынна, как бывает в три часа ночи. Ни одной машины не было видно и на Хардроуд. Мистер Эшли-Монтегю все равно закричал, раздавшийся в тот же миг удар грома был особенно долгим, за первым ударом немедленно последовал другой. Все небо было затянуто черными, странно подсвеченными снизу тучами, а ветер постепенно превратился в нешуточный ураган.

Мистер Эшли-Монтегю бросил взгляд на свой лимузин, припаркованный всего лишь в пятидесяти футах от того места, где он стоял. Ветки деревьев как безумные метались над головой, одна из них неожиданно обломилась и упала прямо на скамью.

«Они хотят, чтобы я побежал к машине».

Мистер Эшли-Монтегю покачал головой и не сдвинулся с места. Если он останется тут, он просто немного промокнет. Буря может прекратиться. Раньше или позже городской констебль, или шериф округа, или кто-нибудь еще проедет мимо, совершая ночной объезд, и непременно остановится, чтобы узнать, почему проектор все продолжает крутиться.

На экране возникла женщина с белым, как простыня, лицом и окровавленными пальцами, за нею развевался длинный саван. Она медленными шагами шла по тайному ходу. Увидев ее, Родерик Эшер дико заверещал.

Под ногами мистера Эшли-Монтегю деревянный пол семидесятидвухлетней эстрады неожиданно накренился, встал дыбом и рассыпался. Стук его досок вторил новому раскату грома.

У мистера Денниса Эшли-Монтегю хватило времени лишь на то, чтобы один раз взвизгнуть, когда из земли высунулась пасть огромной миноги и шестидюймовые зубы сомкнулись вокруг его голеней. Его потащили в дыру.

Подсвеченный экранными молниями дом Эшеров выглядел куда менее драматично, чем стихия, бушевавшая сейчас над Элм-Хейвеном.

— Вот наш план, — сказал Майк.

Все ребята собрались около топливного насоса рядом с гаражом во дворе Кевина. Двери в гараж были открыты, и насос включен. Дейл наполнял бензином бутылки из-под колы, но при этих словах он тоже поднял голову.

— Дейл с Харленом идут в школу. Вы знаете, как забраться внутрь?

Дейл покачал головой.

— Я знаю, — ответил Харлен.

— Хорошо, — кивнул Майк. — Начинайте с подвала. Я постараюсь встретиться с вами там. Если буду где-нибудь в другом месте, то подам условленный сигнал. Если его не будет, ищите место сами.

— У кого будет радио? — спросил Харлен.

Он снял руку с косынки, которая ее поддерживала, и теперь мог пользоваться обеими руками, только легкая повязка на руке делала движения его несколько неуклюжими.

Майк протянул свой приемник Харлену:

— У тебя и Кевина. Кев, ты знаешь, что должен делать?

Худошавый парнишка кивнул, но тут же отрицательно затряс головой:

— Получается, что вместо пары галлонов, как мы планировали, ты решил заполнить цистерну целиком?

Майк молча кивнул, он был как раз занят тем, что распахивал по карманам патроны. Водяной пистолет уже торчал у него из-за пояса.

Кевин сжал пальцы в кулак:

— Зачем? Ты же хотел всего только облить бензином окна и двери школы!

— Этот план может не удался, — ответил Майк. Склонившись над обрезом Мемо, он зарядил его и щелкнул затвором. — Я хочу, чтоб эта штука была заполнена доверху. Если понадобится, мы въедем через северный вход прямо в школу.

И он махнул рукой в сторону школьного двора, указывая, через какой именно. На улице всюду бушевал ветер, молнии поло-

совали небо, огромные, в ярд толщиной, ветви сторожевых вязов метались на ветру, как руки паралитика.

Кевин вопросительно глянул на Майка:

— И как бы это? У переднего крыльца четыре или пять ступеней. Даже если грузовик сможет проехать через эту дверь, ему никогда не взобраться по ступеням.

Майк указал на Дейла и Харлена:

— Ребята, вы видели те толстые старые доски, которые валяются около мусоросборника? Их там бросили еще в прошлом году, когда ремонтировали старое крыльцо на западном конце дома.

Харлен кивнул:

— Знаю. На них-то я и упал несколько недель назад.

— Хорошо. Мы настелем их на ступени переднего крыльца до твоего приезда. И получится что-то вроде пандуса...

— Что-то вроде... пандуса... — передразнил его Кевин, не сводя взгляда с четырехтонного грузовика отца; при каждой вспышке молнии — а они теперь сверкали, почти не переставая, — массивная цистерна из нержавеющей стали будто вспыхивала белым огнем. — Будет мне из-за вас, — пробормотал он, ни к кому в особенности не обращаясь.

— Пошли, — кинул ему Дейл. И устремился вниз с холма в сторону школы, оставив товарищей позади. — Пошли!

Машина его матери еще не появилась. Все уличные огни в этой части города погасли. Только на стенах Старой центральной школы играло то самое тошнотворное желтое свечение, которое освещало нижнюю часть облаков.

Майк ободряюще хлопнул Харлена по спине, сделал то же самое по отношению к Кеву и побежал по тропинке в сторону дома Дейла. Дейл приостановился, обернулся к Майку и что-то крикнул. Но следующий громовой раскат заглушил его слова, и до Майка донеслось только что-то невнятное. То ли это было «пока», то ли «удачи».

Майк махнул в ответ рукой и направился к подвалу.

Дейл, вздрагивая от нетерпения, ждал Харлена и, не дождавшись, побежал обратно по мощеной тропинке.

— Ты идешь или нет?

Харлен все еще крутился возле гаража Грумбахеров.

— Кев сказал, что где-то здесь должна висеть веревка, — пробормотал он. — А... вот она. — И он потянулся к двум моткам толстой веревки, висевшим на гвозде на стропилах. — Могу поспорить, что в каждом мотке футов по двадцать пять, запросто. — Он снял их с гвоздя и повесил себе на грудь. Получилось похоже на патронташ.

Дейл возмущенно отвернулся и снова зашагал по темному двору, не беспокоясь уже о том, идет ли сзади Харлен. Его брат Лоренс находился где-то в школе. Как Дуэйн...

— На кой черт тебе нужна эта веревка? — сердито спросил он Харлена, когда тот наконец поравнялся с ним.

Бедный парень даже запыхался, догоняя его.

— Если мы собираемся лезть в чертову школу, хотелось бы как-нибудь попроще, чем в прошлый раз.

Дейл молча покачал головой.

Вихрь крушил ветки деревьев и яростно швырял их на землю. Короткая трава на игровой площадке волновалась и рябила под ветром, будто по ней то и дело скользила огромная невидимая рука.

— Смотри, — прошептал вдруг Харлен.

По всей площадке в разных направлениях бежали борозды, тут и там виднелись небольшие холмики земли, превратившие шесть ярдов игровой площадки в странное геометрическое волнообразное пространство.

Дейл потянулся к поясу и отстегнул водяной пистолет, в ту же минуту почувствовав, как глупо то, что он делает. Но он включил фонарик, тоже висевший на поясе, взял в левую руку пистолет, а правой перехватил поудобнее двустолку.

— Ты не забыл волшебную воду Майка? — шепотом спросил Харлен.

— Не волшебную, а святую.

— Какая разница.

— Не забыл. Пошли, — тоже шепотом ответил Дейл.

Они шли, склонившись против ветра. Небо представляло собой сплошную массу черных, наползающих друг на друга облаков, зловеще освещенных вспышками молний. Гром грохотал подобно артиллерийской канонаде.

— Если пойдет дождь, то все, что должен сделать Кевин, накроется. Ничего у него не выйдет.

Дейл ничего не сказал. Они прошли мимо северного крыльца, нагнулись к заколоченным окнам... Дейл заметил, что ветер сорвал несколько досок, прикрывавших витраж над входом, но туда им было не забраться... Слишком высоко. Мальчики бегом добежали до угла здания, прошли мимо мусоросборника, в котором Джим не так давно пролежал десять часов без сознания, и нырнули в глубокую тень, которая царила за северной стеной огромного здания.

— Вот они, доски, — прошептал Харлен. — Хватай одну из них, мы должны положить их на ступени, как говорил Майк.

— К черту, — отмахнулся Дейл. — Покажи мне тот вход, который ты знаешь.

Харлен замер как вкопанный:

— Слушай, но это может оказаться очень важным...

— Показывай! — прорычал Дейл и, сам того не сознавая, перехватил двустволку таким образом, что теперь ее дуло смотрело прямо на Харлена.

Маленький револьверчик Харлена болтался у него за поясом, прикрытый кольцами дурацкой веревки.

— Слушай, Дейл... Я знаю, ты сходишь с ума из-за своего брата... А я вообще терпеть не могу, когда мною командуют, но тут Майк, может быть, и прав. Помоги мне с этими досками, и я покажу тебе дорогу.

Дейл чуть было не закричал от переполнявшего его негодования. Но сдержался. Вместо того чтобы вспылить, он положил на землю ружье и поднял за один конец длинную, очень тяжелую доску. Несколько дюжин этих досок притащили сюда прошлой осенью, когда ремонтировали западную веранду. С тех пор доски так здесь и валялись, мокрые и гнилые.

Мальчикам понадобилось пять минут, чтобы перенести восемь этих чертовых штуквин к северному крыльцу и свалить их на ступени.

— Эта фигня не выдержит даже велосипед, если ее использовать как пандус, — пробормотал Дейл. — Майк просто сумасшедший.

Харлен пожал плечами:

— Мы сказали, что мы это сделаем, и сделали. А теперь пошли.

Дейл чувствовал себя тревожно из-за того, что оставил двустволку без присмотра, и теперь был рад, что нашел ее на месте.

Она так и стояла, как он ее оставил, прислонив к стене. Не считая тех кратких мгновений, когда сверкание молний озаряло все вокруг мертвенным светом, за стеной школы было совершенно темно. Ни один фонарь вокруг школы и вдоль дороги не горел, но верхние два этажа здания были объаты зеленоватым свечением.

— Сюда, — прошептал Харлен.

Все окна подвала были не только забиты фанерными досками, но еще и опутаны колючей проволокой. Харлен остановился рядом с окном, которое располагалось ближе всего к юго-западному углу школы, ухватился за длинную доску, оторвал ее и пнул ногой в ржавую сетку. Та сразу подалась.

— В апреле мы с Джерри Дейзингером тут потрудились во время выходных, — объяснил он. — Давай руку.

Дейл прислонил двустволку к стене и стал отрывать сетку от стены. Поднялась туча кирпичной пыли и медленно осела на оконной раме.

— Подержи-ка, — попросил Харлен, его слова почти потонули в шквале ветра и раздавшемся в это мгновение раскате грома.

Он сел на землю, уперся спиной в стену, потянул на себя сетку и ударил ногой по раме стекла, выбив заодно и горбылек из подоконника. Таким же образом он расправился и со второй рамой, затем с третьей. Теперь была открыта половина небольшого окна, за ним царил непроницаемый мрак. Осколки стекла тускло блестели на земле при свете вспыхивавших одна за другой молний. В них отражалось сошедшее с ума небо.

Харлен с шутливым поклоном протянул в ту сторону руку:

— После вас, дорогой доктор Ватсон.

Дейл схватил свое ружье, пригнулся и перебросил ноги через подоконник. Нашел левой ногой трубу, оперся на нее, поставил рядом двустволку, чтобы освободить обе руки, и спрыгнул с трубы на пол. Высота была небольшой, не больше пяти футов от подоконника до усыпанного осколками стекла пола.

Харлен забрался следом. При свете молнии они огляделись: сплошное переплетение металлических труб, массивные стыки их соединений, красные опоры большого верстака и много, много темноты. Дейл отстегнул с пояса фонарик и на освободившееся место привесил водяной пистолет.

— Включи ты его, ради бога, — шепотом попросил Харлен. Его голос был едва слышен.

Дейл щелкнул выключателем. Они были в бойлерной, трубы закрывали потолок над их головами, два массивных металлических резервуара высились от пола до потолка. Между двумя гигантскими топками было совершенно темно; мрак гнезвился под трубами, жил в стропилах. Но еще худший мрак простирался за дверью, ведущей в коридор подвала.

— Пойдем, — шепнул Дейл, поднимая фонарик повыше.

Двустволку он держал на изготовку. Только пожалел, что зарядил ее дробью.

Первым в этот мрак направился Дейл.

— Сукин сын, — шепотом выругался Кевин Грумбахер. Он почти никогда не ругался, но тут просто невозможно было удержаться.

Все ребята бросили его, и теперь он должен сделать все от него зависящее, чтобы погубить отцовский грузовик и таким образом лишить семью средств к жизни. Его даже начало немного тошнить: он взломал насос и заправил цистерну бензином, он использовал молочный шланг для того, чтобы накачать бензин в цистерну. Теперь сколько ни чисти шланг, молоко все равно будет пахнуть бензином. А эти шланги стоят целое состояние. О том же, что теперь будет с самой цистерной, Кевину даже думать не хотелось.

Возникла еще одна проблема. Электричества не было, следовательно, не работал кондиционер в спальне родителей, и, следовательно, там было тихо и они могут проснуться довольно скоро, если этот гром будет продолжать так греметь. Отец спит очень крепко, но мама часто бродит по дому во время грозы. Ему еще повезло, что родительская спальня расположена внизу, рядом с холлом, где стоит телевизор.

Далее. Кевину нужно вывести грузовик со двора, не заводя мотор. У него был ключ, но мальчик не сомневался, что шум работающего мотора разбудил бы отца даже при включенном кондиционере. Конечно, удары грома становились все сильнее, но Кевин не был уверен, что они могут заглушить шум мотора.

К счастью, дорога шла под уклон, поэтому Кевин поставил ключ на нейтральное положение и позволил грузовику съехать футов на десять или около того, так чтобы тот оказался поближе

к насосной. Мальчик вставил шнур центробежного насоса в розетку на 230 вольт и тут же вспомнил, что электричество не работает. Великолепно. Это просто черт знает как великолепно.

В гараже у отца хранился бензиновый генератор Кольмана, но мальчик был уверен, что шуму от него будет больше, чем от самого мотора.

Что ж, попытка не пытка. Кевин щелкнул положенными переключателями, потянул соответствующие рычаги, подал на карбюратор двигателя бензин из канистры в грузовике и сильно потянул стартер. Двигатель чихнул два раза, фукнул один раз и завелся.

Не так уже громко. Не громче чем десяток камней, которых встряхивают в железной бочке.

Но во всяком случае, дверь их дома не распахнулась и отец оттуда не вылетел. В развевающемся халате и с выпученными от бешенства глазами. Пока не вылетел.

Кевин вставил провод от электропитания в соответствующую розетку, прикрыл двери гаража, чтобы заглушить шум, и попытался задвинуть крышку подземного резервуара. Для этого он воспользовался девятифутовой палкой, которую отец держал в глубине гаража для того, чтобы проверять уровень топлива. Кевин захлопнул заднюю дверцу цистерны, вытянул шланг, приладил его и скользнул вперед, к наполнителю. Шланг, развернувшийся в темноте, напугал его, напомнив о вещах, помнить о которых он совершенно не хотел.

Буря усиливалась. Березы и тополя перед домом Грумбахеров словно пытались разорваться на части, в то время как воздушное пространство чрезвычайно походило на снимки, сделанные на плохой фотопленке.

Кевин повернул рычаг наполнителя и увидел, как шланг надулся и завибрировал, когда начал работать вакуумный насос. Мальчик даже зажмурил глаза, когда высокочистый бензин заплескался в стерильно-чистой цистерне. Извините, малыши, некоторое время ваше молочко будет пахнуть бензинчиком.

Отец убьет его при всех вариантах, что бы ни случилось. Он редко показывал свой гнев, но, когда это все-таки случалось, знаменитое тевтонское бешенство пугало не только Кевина, но даже его мать, да и любого, ненароком оказавшегося в пределах досягаемости.

Кевин открыл глаза. Ветер сметал с дороги мелкий щебень и гальку, Дейла и Лоренса в школьном дворе не найти, Майк исчез в подвале дома Стюартов. Мальчик вдруг почувствовал себя ужасно одиноким. Семьдесят пять галлонов в минуту. В цистерне должно быть по меньшей мере тысяча галлонов — половина ее емкости. Значит... потребуется пятнадцать минут? Отец в жизни столько не проспит.

Шесть минут провел Кевин в гараже, слушая урчание насоса, фыркание двигателя и нарастающее крещендо урагана, до того как осмелился выглянуть наружу, во двор Старой школы.

Вся земля их игрового поля была испещрена бороздами. Это здорово походило на то, как плавники акулы вспарывают поверхность океана, а их тела оставляют глубокую-глубокую борозду. Но это был не океан. И не акулы. Что бы это ни было, сейчас оно бороздило толщу земли под игровой площадкой, направляясь к дороге, а потом к его дому.

Две волны. Две высокие борозды, словно их вызвали к существованию две гигантские землеройные машины, направлялись прямо к нему.

И двигались они довольно быстро.

Глава 38

Преодолев первый десяток ярдов, Майк нашел, что продвигаться стало много легче. Туннель стал шире, примерно тридцать дюймов в диаметре, это уже была не та узкая щель, в которую он едва сумел протиснуть плечи, как было вначале. Ребристые стенки туннеля были очень твердыми, их сформировала плотно утрамбованная земля, смешанная с каким-то серым материалом, по консистенции похожим на авиационный клей. А их поверхность напомнила Майку след от гусениц трактора или бульдозера на высохшей под солнцем земле. Он решил, что ползти по туннелю ничуть не труднее, чем по штольне из гофрированной стали, которые обычно прокладывают под дорогами.

Только штольня обычно имеет длину несколько футов, а не сотни ярдов, как здесь, если не миль.

Запах был ужасный, но на это Майк уже не обращал внимания. Свет его фонарика отражался от красных стен, по цвету похожих на кишки, огромный дьявольский кишечник, но Майк постарался выбросить подобные сравнения из головы. Боль в локтях и коленях с каждой минутой становилась все сильнее, но об этом он тоже старался не думать, все время повторяя про себя молитву «Богородица Дева, радуйся», иногда перемежая ее другой — «Отче наш». Конечно, Майк сразу же пожалел, что, вместо того чтобы взять с собой гостию, оставил ее у Мемо.

Мальчик все полз и полз дальше, он заметил, что туннель поворачивает то вправо, то влево, иногда уходя в глубину, а иногда поднимаясь к поверхности, от которой, по расчетам Майка, его отделяло не больше одного ярда. Но временами он чувствовал, что находится очень глубоко. Дважды он оказывался на перекрестках, один раз его путь пересекли другие туннели. Тогда

Майк осветил их оба лучом фонарика, подождал, приняхался и выбрал тот, который был проложен позднее. По крайней мере, запах в нем был более сильным.

При каждом повороте Майк боялся, что вот-вот путь ему преградит труп Лоренса Стюарта. Возможно, это будут кости, куски расчлененного тела... а то и что-нибудь похуже. Но если бы Майк обнаружил это, он мог бы по крайней мере вернуться и сказать ребятам, что сегодня ночью им не нужно идти в школу.

Только вот пути назад он все равно не найдет. Слишком много он миновал разветвлений и поворотов, и теперь Майк, конечно, потерялся. Он только старался не покидать главного туннеля — вернее, того, который он считал главным, продолжая продвигаться вперед. Его джинсы уже разорвались на коленях, и одна коленка принялась кровоточить. Он полз словно по острым обломкам бетона. Луч фонарика метался по стенам, то высвечивая широкий проход в двадцать ярдов, то узкий лаз шириной в двадцать дюймов. Туннель все время то нырял в глубину, то поднимался вверх, то поворачивал. За каждым углом Майк ожидал, что увидит притаившегося врага.

Водяные пистолеты, притороченные к поясу джинсов, дали течь, и Майк стал чувствовать себя ужасным дураком. «Одно дело, когда ты сражаешься с чудовищами, — думал он. — И совсем другое, когда ты делаешь это в мокрых штанах». Придя к такому выводу, он открепил один из пистолетов от пояса и взял его в зубы. Лучше мокрый подбородок, чем такой вид, будто тебе нужны пеленки.

Туннель резко свернул направо и круто пошел под уклон. Майк заскользил вперед, едва успевая тормозить на локтях, затем свет фонарика уперся в красную отвесную стенку. Майк продолжал ползти.

Его приближение мальчик почувствовал раньше, чем увидел его самого.

Чуть заметно задрожала земля. Это напомнило Майку одно давнее лето, когда они с Дейлом задержались допоздна на бейсбольном матче в Оук-Хилле и им пришлось возвращаться домой вдоль железной дороги уже при лунном свете. В какой-то момент их ноги ощутили вибрацию, передаваемую через подошвы кедров, потом мальчики прижали к рельсам ухо и только тогда почувство-

вали, как дрожит земля. Это приближался ежедневный экспресс, курсирующий от Гейлсберга до Пеории.

Сейчас было точно так же, только намного сильнее. Вибрация проникла через колени и ладони до самых костей, она заставила его позвоночник задрожать, зубы застучали. И одновременно с этой дрожью к нему подступило страшное зловоние.

Майк хотел было выключить фонарик, но потом решил, что черт с ним. Эти существа и так прекрасно видят его, так почему он должен давать им преимущество. Майк бросился ничком на землю, теперь фонарик оказался у него под подбородком, обрез Мемо он держал в правой руке, а водяной пистолет — в левой. Затем мальчик вспомнил, что ему нужно будет перезаряжать ружье, и, торопливо достав еще четыре коробки с патронами, сунул их за отворот рукава футболки. Оттуда он сможет вынуть их в один момент.

Уже в следующую секунду вибрировала вся земля вокруг него, над ним и даже позади него. На мгновение его охватила паника, он подумал, что *оно* может наброситься на него сзади и схватит его, прежде чем он успеет обернуться и прицелиться. Майк почувствовал, как, подобно темной желчи, поднимается в нем ужас, но в этот момент вибрация локализовалась и усилилась. «*Оно* впереди меня».

Он распростерся ничком, выжидая.

Оно появилось из-за ближайшего угла туннеля, футах в двадцати впереди него, и было еще страшнее, чем он мог вообразить.

Майку стало так страшно, что на мгновение он потерял контроль над собой, чуть было и вправду не намочив штаны. Но тут же взял себя в руки и сумел сосредоточиться. Все не так плохо, не так плохо, говорил он себе.

Но все было ужасно.

Оно было похоже одновременно на того угря, которого Майк как-то выловил из реки, и на миногу с ее всепоглощающей пастью и бесконечными рядами исчезающих в глубине кишки, которая и была ее телом, зубов, и на червя размером с канализационную трубу. Дрожащие отростки могли быть и тысячью коротких пальцев, окружающих ротовое отверстие, и колышущимися щупальцами, и зубчатыми губами... В эту минуту Майк не дал бы и цента за свою жизнь.

Фонарик осветил серо-розовое тело и пульсирующие кровеносные сосуды, отчетливо видимые под кожей. Никаких глаз. Зубы. Одни только зубы. Огромная, вооруженная несметным множеством зубов розовая кишка, не сильно отличающаяся от самого туннеля.

Чудовище помедлило, поводя вокруг себя щупальцами, пасть его дрожала и пульсировала, и с огромной скоростью стало двигаться на Майка.

Сначала он выстрелил из водяного пистолета — «Пресвятая и Пречистая Мать Божия, помоги!», — увидел, как выплеснулась струя воды, как зашипела розовая плоть, и понял, что *оно* слишком велико, чтобы его можно было не то что уничтожить, а даже просто вывести из строя святой водой или кислотой. Увидел, как *оно* снова двинулось на него, понял, что не успеет убежать, и выстрелил из обреза.

Выстрел оглушил и ослепил Майка.

Но, не помедлив ни секунды, он сломал казенную часть, выбросил пустую гильзу, выхватил новый патрон из рукава, послал его в ствол и снова защелкнул казенник.

Снова выстрелил, многократное эхо сделало звук выстрела оглушительным.

Чудовище остановилось... *Оно* должно было остановиться... если б *оно* не остановилось, он был бы уже у него в пасти. Луч фонаря уходил куда-то вбок. Майк еще раз перезарядил ружье, прицелился и поправил фонарик левой рукой.

Оно действительно остановилось. Меньше чем в восьми футах от него. Круглая челюсть чудовища была пробита в нескольких местах. Осколки стен туннеля вонзились в тело. Отвратительная серо-зеленая жидкость вытекала из туловища гигантского червя.

Скорее *оно* казалось удивленным, а не раненым, любопытным, а не напуганным.

— Черт тебя подери! — выкрикнул Майк между двумя молигами.

Он снова выстрелил. Перезарядил обрез, выбросил руку вперед и опять выстрелил. У него осталось еще по меньшей мере десять патронов. Он перевернулся и попытался достать коробку с патронами из бокового кармана джинсов.

Чудовище нырнуло за угол туннеля.

Продолжая кричать, Майк, скользя на локтях и коленках, последовал за ним.

— Где мы? — прошептал Дейл.

Выйдя из бойлерной, они оказались в узком коридоре, затем несколько раз повернули налево и вошли в коридор более широкий, потом снова очутились в узком. По потолку над их головами во всех направлениях шли трубы. Все пространство было уставлено сложенными штабелями партами, пустыми картонными коробками, поломанными досками. И паутина. Все, все было затянута паутиной.

— Я не знаю, где мы, — шепнул Харлен ему в ответ. Фонарики обоих были включены. Лучи их прыгали от одной поверхности к другой, как свихнувшиеся насекомые. — Западное крыло подвала — это хозяйство Ван Сайка. Никто из нас сюда никогда не входил.

Это было правдой. Все стены узкого коридора с низко нависшим потолком имели множество дверей и маленьких заслонок. Трубы источали влагу. Дейлу показалось, что это место напоминает лабиринт и что они никогда не найдут выхода отсюда в те подвальные помещения школы, которые он успел узнать за годы учебы. Лестница в подвал находилась под главной лестницей здания.

Они еще раз повернули за угол. Большой палец Дейла уже онемел: все эти долгие минуты мальчик держал его на крючке. И хоть двустволка была поставлена на предохранитель, он боялся, что в любой момент может отстрелить себе ногу. У Харлена обе руки были вытянуты вперед, одна из них сжимала фонарик, другая — револьвер тридцать восьмого калибра. Передвигался он как-то судорожно, из-за чего походил на флюгер, колеблемый сильными порывами ветра.

В подвале Старой центральной школы было шумно. Дейл слышал странный скрип, скрежет, завывания, трубы разносили по всему зданию гулкое эхо и долгие стоны, будто кто-то огромный дышал высоко над ними. Толстые кирпичные стены то отдалялись, то снова приближались, как будто с наружной стороны кто-то то надавливал на них, то отпускал.

Дейл опять свернул за угол, луч фонарика описал большую дугу, двустволку мальчик продолжал держать на плече, несмотря на боль в руке.

— Пропади оно все пропадом, — невольно вырвалось у Харлена, возникшего рядом с ним.

Сейчас они находились в главном коридоре подвала. Дейл узнал его, сюда они спускались на уроки музыки и рисования, кабинеты которых были расположены в дальнем конце длинного холла. Лестницы — по одной они спускались вниз, по другой поднимались — находились дальше, ярдах в двадцати по коридору. Может быть.

Влажные трубы обросли серыми сталактитами. Стены были покрыты чем-то похожим на пленку зеленого масла. На стенах виднелись наросты серого вещества — они возвышались подобно бесформенным сталагмитам или гигантским оплывшим свечам.

Но не это вызвало испуганное восклицание Харлена: каждая из стен была изъедена дырами, одни из них имели в поперечнике не более фута, другие простирались от пола до потолка. Эти дыры вели в туннели, которые разбегались из главного холла и исчезали в толще земли спортивной площадки. Из этих туннелей исходило слабое зеленое свечение; Дейл и Харлен могли бы погасить свои фонарики, света здесь было достаточно.

Но они не стали гасить их.

— Смотри-ка, — произнес Харлен.

Он толкнул дверь, на которой было написано «Для мальчиков». За нею находился их туалет, но в каком виде! Металлические раковины были вырваны из стен и так скручены, будто это были листы тонкого олова. Унитазы и писсуары были вырваны вместе с арматурой и брошены в кучу, высотой чуть не до потолка. Оттуда торчали трубы и какие-то металлические палки.

Вся длинная комната была забита серыми сталактитами, на полу возвышались горы мягкого зеленого воска, скатанная в рулоны паутина цеплялась за ноги. Круглое отверстие в стене слева от них имело по меньшей мере восемь футов в диаметре. Дейл почувствовал шедший отсюда одуряющий запах сырой земли и гниения. Видны были еще дюжины других туннелей, веером расходящихся от потолка и пола.

— Давай уйдем отсюда, — тихо предложил Харлен.

— Майк сказал, что будет ждать нас здесь.

— Майк может не прийти, — прошипел Харлен. — Давай раз-
ыщем твоего брата и поскорей смотаемся.

Дейл колебался только одну секунду.

Вход на лестницу находился за подвесными дверями. Одна из
них была сорвана с верхних петель и криво болталась. Дейл при-
близился к ней и осветил фонариком пространство за дверью.

Струи темной жидкости, пульсируя, стекали по ступеням,
образуя потоки между серыми наростами и гладкими, с восковой
поверхностью, стенами. Жидкость уже просочилась под дверью
и лужей стояла вокруг кедов Дейла и Харлена.

Дейл сделал три глубоких вдоха, сорвал дверь напрочь и за-
шагал вверх по ступеням по направлению к первой лестничной
площадке. Он шел, чувствуя, как чавкают на каждой ступеньке его
подолшвы. Жидкость имела тусклый красно-коричневый цвет и бы-
ла слишком густой для воды. Возможно, слишком густой и для
крови. Скорее это было похоже на машинное масло или транс-
миссионную жидкость. Воняла она, как кошачья моча.

Дейл вообразил гигантского, величиной в три этажа, кота, при-
севшего над ними, и даже хихикнул. Харлен бросил на него не-
понимающий взгляд.

— Майку придется поискать нас, — шепнул ему Дейл, не за-
бываясь о том, что его услышат. Но в эту секунду он даже не верил,
что Майк еще жив.

В двух длинных кварталах к югу от школы, за опустевшей
и темной Мейн-стрит, лежал парк Бандстенд. Совершенно пус-
тынный, в нем не было ни малейшего признака живой души. О су-
ществовании людей напоминал только черный лимузин, при-
паркованный у обочины. Проектор все еще продолжал работать,
поскольку был подсоединен к аварийному щитку добровольной
пожарной команды. Эстрада была пуста, огромную дыру, зияв-
шую в полу, можно было увидеть с одной только стороны и лишь
под определенным углом. Огромная ветка, сорванная ветром, упала
на динамики и раздробила их. Лента продолжала крутиться
в полной тишине.

Экран был частично вырван из креплений со стороны кафе,
и теперь огромное полотно величиной пятнадцать на двадцать
футов раскачивалось под порывами ветра, хлопая и щелкая, как
артиллерийская пушка. На экране мужчина и женщина боролись

друг с другом в каком-то помещении, напоминавшем склеп. Затем объектив камеры скользнул в комнату над ними. Канделябр опрокинулся, и язычок пламени лизнул тяжелую бархатную портьеру. Огонь быстро распространился, его языки уже достигли потолка.

Женщина распахнула рот, чтобы крикнуть, но ни звука не было слышно, кроме треска полотна экрана и громких ударов грома.

Длинный трейлер проехал по Хард-роуд, его металлические борта были защищены навесом от ветра, дворники скользили по стеклу, несмотря на то что дождя не было. Он не замедлил хода, хотя на дороге ясно виднелся знак «25 МИЛЬ В ЧАС. КОНТРОЛЬ СКОРОСТИ АВТОМАТИЧЕСКИЙ».

Сверкнувшая на юге молния осветила сплошную черную стену, двигавшуюся по направлению к Элм-Хейвену со скоростью лошадиной повозки. Но смотреть на нее было некому.

Языки пламени, лизавшие камни дома Эшеров, казались трехмерными. Живыми.

Кевин вспрыгнул на буфер грузовика, схватил уоки-токи и пять раз нажал кнопку «Вкл.». Полное молчание.

— Эй, Дейл... эй, кто-нибудь! Сюда что-то двигается! — закричал он в микрофон.

В ответ только потрескивание статического электричества, эхом вторившее ударам грома над головой.

Что-то действительно приближалось. Две параллельные борозды земли продвигались поперек школьного двора. Вот они исчезли под асфальтом Депо-стрит.

Как ушедшие на глубину акулы, подумал Кевин. Обеими руками он держал отцовский полуавтоматический кольт. Торопливо послав патрон в магазин, он уверенно держал рукоять в левой руке, палец на спусковом крючке. Патрон лег на место — «принято и понято», как называл этот процесс его отец. Положив большой палец на курок, Кевин ожидал появления обеих борозд на его стороне улицы.

Минуту или две ничего не было. Никакого шороха, — по крайней мере, ничего не было слышно, кроме ударов грома и монотонного гула насоса. Кевин перехватил кольт обеими руками и осторожно снял палец с крючка, чтобы не прострелить ненаро-

ком ногу. Затем перевел взгляд на насос и шланг рядом с ним, решил, что цистерна уже наполнилась, и остался на буфере, вместо того чтобы прыгнуть вниз.

Один из оборотней-миног выпрыгнул на поверхность футак в шести справа от грузовика, а другой выбросил в воздух фонтан гравия на подъездной дорожке. Тела их были длинными и сегментарными. Когда один из них проскользнул мимо, Кевин разглядел огромную пасть, увидел дрожащие щупальца и пульсирующую глотку, украшенную бесконечными рядами зубов.

Как только чудовище выпрыгнуло на поверхность, он поднял пистолет, но выстрелить не успел, и оно снова зарылось в землю. Майн готт! Руки мальчика дрожали.

То чудовище, которое только что появилось на подъездной дорожке и тут же нырнуло назад, выбросив еще большую кучу гравия, явно прокладывало невидимый путь под шлангом. Что, если оно врежется в подземный резервуар?

Кевин переполз повыше по крыше кабины и обхватил руками наполнительный клапан. Не переставая, он зывал в уоки-токи:

— Дейл... Харлен... Кто-нибудь! Помогите. Придите сюда! Прием.

Ответом было лишь наполненное электрическими разрядами молчание.

Кевин переполз по крыше поближе к ветровому стеклу и открыл с пассажирской стороны дверцу, собираясь укрыться в кабине от ветра.

Огромная минога метнулась вверх минимум футов на пять и сделала выпад. Ее пасть была распахнута больше чем на ширину ее тела, щупальца вздрагивали, пульсируя, когда она со всего размаху ударилась о дверцу с такой силой, что грузовик, весивший три с половиной тонны, содрогнулся.

Кевин выпустил дверцу и перекатился по крыше кабины, подальше от чудовища. Он готов был закричать, но не сумел издать ни звука. Теперь он лежал на крыше со стороны сиденья водителя, цепляясь ногтями за гладкую металлическую поверхность крыши. На какую-то минуту он начал было скользить вниз, но как-то сумел ухватиться за верхнюю рамку открытого окна и поймал ногами подножку. Рация упала далеко в траву.

Вторая минога взметнулась над поверхностью земли и, перепрыгнув расстояние в пять ярдов, вонзилась в траву с такой си-

лой, что дерн разлетелся футов на десять. Кевин, увидев, что она приближается, увидев, как улетела в сторону рация, бросился на капот грузовика и обхватил длинными ногами цистерну.

Второе чудовище ударилось о водительскую дверцу с той же слепой яростью, что и первое. Затем, отшатнувшись, оно выгнуло спину и задрало голову в воздух, напоминая кобру, изготовившуюся к нападению. Кевин распластался на подпрыгивавшей крыше и глянул налево: первое чудище, отступившее и на миг зарывшееся в землю, теперь выпрямилось в полный рост, чтобы еще раз ударить по дверце кабины. От удара стекло разбилось и на дверце осталась огромная вмятина.

Выбрав мгновение, когда первая минога отступила, а вторая только готовилась к прыжку, Кевин перепрыгнул с капота на саму цистерну; толчковая нога чуть не подвела его, поехав в сторону на скользкой поверхности, но он успел броситься вперед и ухватиться за цилиндрический клапан наполнителя в середине цистерны и оседлал ее.

Тело миноги развернулось как пружина, и молниеносным прыжком она метнулась к Кевину. Из ужасной пасти на мальчика пахло отвратительной вонью разложившегося трупа. Он быстро поджал под себя ноги, надеясь только на силу рук.

— Взять их! — послышался едва слышный за воем ветра голос.

Кевин глянул в ту сторону и увидел Корди Кук, стоящую рядом с гаражом. Ветер облепил ее бесформенное платье вокруг тела, и теперь оно хлопало, как коричневый флаг. Ее короткие, неровно подстриженные волосы были отброшены от лица.

Корди отпустила большую собаку, которую держала на кожаном ремешке, и та бросилась через двор к отвратительному червя у грузовика. Кевин снова поджал ноги, когда минога поднялась и опять ударилась о цистерну.

Чудовище сползло по гладкой поверхности вниз, оставив на металлическом боку слизистый след. Поверхность прогнулась, словно под ударом молота, буквально в десяти дюймах от ступни Кевина.

Пес страшно зарычал и бросился на первую миногу, его массивные передние лапы уперлись прямо в спину чудовища. Минога выгнулась и попыталась зарыться, но собака рвала ее тело мощными челюстями и страшно рычала. Затем соскочила со спи-

ны чудовища и отбежала на шесть шагов, прежде чем прыгнуть на нее снова.

— Беги сюда! — позвал Кевин девочку.

Корди пробежала несколько шагов, отделявших гараж от грузовика, запрыгнула на крыло машины — и упала бы, если бы Кевин не поймал ее за талию и не удержал. Одна из миног подпрыгнула и распахнула пасть всего в футах от голых ног девочки; спину чудовища с неистовым рычанием терзала собака. Вторая минога описывала круги на поляне, будто набирая скорость.

— Забирайся сюда, — выдохнул Кевин, втаскивая Корди на цистерну. Они выпрямились, балансируя на площадке клапана.

Одна из миног неожиданно крутанулась, и ее распахнутая пасть оказалась перед собакой быстрее, чем могла бы ударить хвостом змея. Пес успел только взвизгнуть один раз перед тем, как его голова исчезла в распахнутой пасти чудовища. Тело миноги напряглось, расширилось, и вот собака превратилась в огромный ломоть в передней части туловища гигантского червя, тут же исчезнувшего под слоем гравия.

— Люцифер! — только и сказала Корди. Она рыдала совершенно безмолвно.

— Смотри туда! — вскрикнул Кевин.

Они едва успели скользнуть вправо, когда вторая минога выпрямилась в воздухе и с силой ударила по борту цистерны, в этот раз совсем рядом с наполнительным клапаном.

Кевин и Корди оглянулись и посмотрели туда, где исчезло первое чудовище, как раз в тот миг, когда оно снова выпрыгнуло на поверхность.

Центробежный насос продолжал чавкать, а цистерна — наполняться, когда обе миноги взвились в воздух и сошлись в одной точке.

Глава 39

Дейл стал подниматься по ступенькам на первый этаж, чуть замедлив шаги на лестничной площадке и осветив фонариком углы. Темная жидкость стекала по ступеням еще более широким потоком. Перила, поручни и нижняя часть зеленых стен были вымазаны каким-то склизким веществом с восковой поверхностью, тем самым, которое они видели в подвале. Мальчики замерли на ступенях и приготовились стрелять.

На верхней площадке имелись двери, ведущие в северный холл, но сейчас обе половинки были выломаны из петель. Дейл приостановился, глядя, как густой поток сочится из-под дверей, затем наклонился и осветил лучом главный холл Старой центральной.

Луч метался по перепутавшейся массе влажных столбов и стен, которых прежде Дейл здесь не видел. У него под ухом раздался прерывающийся шепот Харлена.

— Что? — обернулся к нему Дейл.

— Я говорю, — повторил тот, тщательно выговаривая слова, — в подвале что-то движется.

— Может, это пришел Майк.

— Вряд ли, — прошептал Харлен. И посветил фонариком назад. — Вот, послушай.

Дейл прислушался. Из подвала раздавался шаркающий скрежет, будто там находился кто-то огромный и мягкий и теперь он двигал парты, поломанные доски и все остальное по полу впереди себя.

— Пошли, — шепнул Дейл и шагнул за грязную дверь.

Он услышал, как шагнул к нему Харлен, как он тоже оказался в огромном пространстве зала, но не оглянулся. Дейл не мог оторвать глаз от открывшегося перед его глазами зрелища.

Внутренняя часть Старой центральной ничем не напоминала то школьное здание, которое он оставил всего семь недель назад. У него даже онемела шея, когда он, запрокинув голову, разглядывал главную лестницу школы.

Весь пол был залит густой, почти уже высохшей жидкостью, теперь достигавшей края кедров Дейла. Стены были покрыты тонким слоем розоватого, совершенно прозрачного материала, который напомнил Дейлу обнаженную дрожащую плоть новорожденного крысенка, которого ему однажды случилось увидеть. Такие же полосы свисали с перил лестницы, паутиной обволакивали большие портреты Авраама Линкольна и Джорджа Вашингтона, еще более густым слоем затянули крючки в гардеробе, стекали с дверных ручек и висели в углах заколоченных окон, как огромная рама картины, сделанная из пульсирующей, живой плоти. По темной лестнице и бельэтажу холла эти полосы поднимались огромной массой языков и завитков.

Но то, что было над этой массой, делало сцену еще более отвратительной.

Дейл, запрокинув голову, смотрел вверх, видя, что луч фонарика Харлена присоединился к его лучику.

Балконы второго и третьего этажа были почти полностью затянуты серо-розовыми волокнами, которые чем выше, тем становились толще и толще, пересекая и закрывая темное пространство подобно мягкому покрывалу, накинутому каким-то лунатиком. Сталактиты и сталагмиты этой странной смолы были везде, стекая с темной арматуры, поднимаясь с перил и балюстрад, пересекая все пространство огромного холла, как бельевые веревки, сделанные из разорванных мышц и обнаженных хрящей.

А с этих «бельевых веревок» свисало что-то вроде тряпок, похожих на красные вибрирующие мешки студня. Фонарик Дейла задержался на одном из них, и он разглядел на этом мешке темные тени, напоминающие шрамы. Они двигались. Весь мешок пульсировал и вздрагивал, как человеческое сердце, подвешенное на окровавленной нити. Таких мешков было здесь несколько десятков.

В верхней части холла что-то шевелилось. По витражам огромных окон стекали потоки жидкости. Но Дейл не смотрел ни на что. Он смотрел только на башню.

Над площадкой третьего этажа, там, где должны были размещаться классы старшекласников, то есть в давно заколоченной

части школы, кто-то сорвал доски пола. И из этой башни шло странное сияние.

Впрочем, «сияние» неправильное слово, понял Дейл, когда он смотрел на сине-зеленое свечение, мутный свет, идущий от густой, мясистой паутины, заполнившей всю башню, и то странное красное тело, которое висело внутри ее.

Это тело можно было назвать пауком, поскольку создавалось впечатление присутствия многих ног и глаз; можно было назвать это мешочком плохо сваренного яйца, однажды на ферме дяди Генри Дейл видел разбитое оплодотворенное яйцо со странным кровавым пятнышком в белке. Можно было назвать это лицом или гигантским сердцем, поскольку вещь тошнотворно напоминала и то и другое... Но, даже находясь в сорока футах от этого странного предмета, глядя на него снизу с подступающим чувством отчаяния, Дейл знал, что это ни одно, ни другое и ни третье...

Харлен тихонько дернул его за руку. Медленно, почти неохотно Дейл Стюарт оторвал глаза от клубка паутины высоко вверх.

Здесь, на первом этаже, далеко от мерзкого свечения в башне, было очень темно, тени громоздились во мраке. И сейчас одна из этих теней стала двигаться, отделилась от затянутого паутиной кабинета первоклашек и неслышно потекла к мальчикам.

Дрожащими руками Дейл поднял двустволку, когда в фокусе его зрения оказалось белое лицо.

В десяти футах перед ними стоял доктор Рун. Его темный костюм был почти неотделим от окружавшей темноты, лицо и руки влажно блестели в свете фонарика, плясавшего в задрожавших руках Дейла. Позади него раздавался какой-то шорох, а позади мальчиков по-прежнему слышались мягкие, шлепающие звуки.

На лице доктора Руна играла такая широкая улыбка, какой Дейлу и видеть не приходилось.

— Проходите, — прошипел он, щурясь от света. Влажно и противно блеснули его зубы. — А почему вам не взглянуть вверх, а?

Дейл метнул короткий взгляд наверх, лишь на секунду отведя глаза от стоявшего перед ним человека в черном. Но то, что он увидел за эти доли секунды, заставило его забыть о докторе Руне, опустить ружье и застыть на месте, задрав голову вверх.

Там висел его брат Лоренс.

Майк решил, что, выбрав путь по туннелю, он совершил не самый умный поступок в своей жизни. Ладони и колени кровоточили, спина болела ужасно, и, кроме того, он заблудился. За те несколько часов, что он тут ползает, наверняка в школе что-то уже произошло, оборотни-миноги вот-вот вернутся, а у него почти нет патронов, батарейки в фонарике почти сели. К тому же оказалось, что он страдает клаустрофобией.

Что же касается всего остального, с насмешкой подумал он, дела идут прекрасно.

В туннеле было невероятное множество разветвлений и поворотов, и Майк был совершенно уверен в том, что сбился с дороги. Сначала выбирать главный путь было нетрудно, потому что, в отличие от ответвлений, он был плотнее утрамбован и все еще хранил зловоние огромных червей. Но теперь все туннели были такими же. За последние пятнадцать минут ему пришлось раз десять выбирать, куда поворачивать, и он не сомневался, что в конце концов выбрал неправильный. Похоже, что теперь он находится где-то около сгоревшего элеватора и продолжает двигаться на север.

Черт его подери, подумал Майк и мысленно тут же произнес молитву раскаяния, помимо тех, которые шептал постоянно.

Еще дважды на него нападали чудовища. В первый раз он услышал его приближение откуда-то сзади и успел повернуться в узком туннеле, чтобы осветить угасающим лучом фонарика проход и прицелиться из обреза Мемо. Прежде чем выстрелить, он успел разглядеть распахнутую пасть, окруженную белой пульпой присосок, похожих на белесые водоросли. Потом он выстрелил, быстро перезарядил ружье и снова выстрелил. Огромный червь стал зарываться в землю, но Майк успел еще раз выстрелить, попав ему в спину. Это было все равно что бросать гравий в металлическую пластину.

Примерно через минуту этот же червь или его двойник вывалился из свода туннеля в каких-то пяти футах от лица Майка, извиваясь и слепо ища свою добычу. Майк забыл, что эти существа не обязаны оставаться в своих старых туннелях, и эта ошибка едва не стоила ему жизни.

Майк выкинул вперед руку с ружьем прямо в пасть миноги, увидел ощеренные зубы и зев, опять выстрелил, перезарядил и снова выстрелил.

Когда он открыл глаза, почти оглохнув от грохота выстрелов, чудовище исчезло.

Мальчик снова пополз вперед, теперь уже в панике, не сводя глаз со свода туннеля и с влажной земли у себя между ладонями, ожидая появления пасти, которая наконец поглотит его.

Она и появилась секундой позже, в нескольких ярдах впереди, но не напала, а стала зарываться в землю, будто испугавшись чего-то, что увидела на поверхности.

Майк замер, почуяв знакомый запах. Господи боже мой, пахнет, как от грузовика Кевина. Жаль, что он не взял с собой радио. Интересно, а радио работает под землей? Кевин или Дуэйн мог бы ответить на этот вопрос. Затем Майк вспомнил: Дуэйн мертв. Кевин, наверное, мертв тоже.

Майк снова пополз вперед. Его тело превратилось в орган, предназначенный передавать боль от израненных конечностей к истощенному мозгу. Стало холодно. Вот бы здорово было свернуться прямо здесь в комок и заснуть. Пусть кончатся батарейки, пусть станет совсем темно... просто спать и ничего не видеть во сне.

Майк продолжал ползти вперед, заряженное ружье, пристегнутое к поясу, болталось у правой ноги. Ладони оставляли кровавые отпечатки на неровном полу туннеля.

Шум, когда он его услышал, был гораздо громче звуков предыдущих атак чудовищных миног. Похоже, что оба червя догоняют его сзади. И догоняют очень быстро, если судить по резкому нарастанию вибрации и грохота.

Майк пополз быстрее, зажав фонарик в зубах, то и дело стучаясь головой о камни или свод туннеля.

Грохот нарастал. Теперь Майк почувствовал и исходящее от них зловоние — вонь гниющих отбросов, смердение мертвой плоти, еще какой-то запах, резкий и отвратительный. Он оглянулся и увидел ослепительной яркости свечение, приближающееся к нему из-за поворота туннеля.

Майк метнулся вперед, потерял один из водяных пистолетов и даже не заметил этого. Фонарик замигал, и он отбросил его прочь: расширяющийся туннель был освещен зеленым свечением.

Что-то огромное, яркое и грохочущее настигало его, оно уже заполнило все пространство позади мальчика. Сзади накатывала

волна жара, будто пасть и глотка чудовищ превратились в пышущие пламенем топки.

Неожиданно пол туннеля ушел у него из-под ног, и Майк покатился вперед, скользя и царапаясь об острые края камней, стучаясь о холодные большие плиты. И оказался будто в большой, довольно широкой пещере, такой же темной, как туннель, но много шире. Майк перехватил поудобнее обрез Мемо и взвел курок, не переставая ползти вперед, чтобы наконец прижаться спиной к камню.

Свет из устья туннеля стал ярче, земля содрогнулась, и внезапно появилось чудовище, его щупальца и пасть дико пульсировали. Тварь пронеслась мимо Майка, словно товарный поезд-экспресс, не замедлив хода из-за такого ничтожного препятствия, как он. Светящаяся туша прогрохотала в каких-то двух футах, пока Майк тщетно пытался вжаться в твердый камень стены.

Чудовище промелькнуло мимо, сокрушив близлежащие камни, и исчезло в темноте, оставив за собой след слизи и плесени, прежде чем Майк понял две вещи: тварь горела, а он сам больше не находился в туннеле.

Майк оказался в туалете «Для мальчиков» в подвале Старой школы.

Кевин бросился в одну сторону, Корди — в другую, они балансировали на скользкой поверхности цистерны. Чудовища сшиблись в центре, там, где только что были Корди и Кевин, ударились о прочный металл и соскользнули на землю, оставив след от зубов на стенке цистерны. Одна из них зацепила шланг, выдернув его при этом из воронки в земле. Бензин полился вниз по травянистому скату.

— Черт, — прошептал Кевин.

Он кинулся вперед и заглянул в горлышко наполнителя: бензина едва больше половины емкости.

Миноги теперь кружили по мягкой земле газона, их серо-розовые спины выгибались, напоминая плохие карикатуры на лохнесское чудовище. Кевин услышал, как хлопнула дверь, и взмолился, чтобы это был не отец или мама, вышедшие взглянуть на разыгравшуюся бурю. Два шага от двери, и они увидят извивающихся на земле чудовищ, еще два шага, и перед их глазами пред-

станет грузовик, неизвестно как оказавшийся на подъездной дорожке.

— Сиди тут! — крикнул он и сполз по гладкому боку цистерны.

Опершись ногой на металлическое ребро над левым задним буфером, он спрыгнул на землю, совершив самый длинный в своей жизни прыжок. Ударился ногами и покатился к свободному концу шланга. Теперь шланг засасывал воздух, центробежный насос продолжал работать. Кевин схватил его и стал засовывать в горловину подземного резервуара.

— Справа!

Он резко развернулся и увидел, как оба чудовищных червя мчатся прямо к нему, продираясь сквозь дерн со скоростью бегущего человека.

Кевин нырнул за грузовик, инстинктивно выставив вперед руку со шлангом. Но движение правой руки, метнувшейся к тумблеру, было не совсем инстинктивным, скорее это было действие, опередившее мысленную команду.

Первое чудовище было в шести футах от Кевина, когда насос переключился и бензин струей хлынул из резервуара прямо в открытую пасть червя. Оно моментально зарылось в гравий. Кевин обдал бензином его спину и потом залил образовавшуюся в земле воронку, когда в ней исчезла минога.

Второе чудовище повернуло вправо и, сделав круг, поползло к нему. Корди закричала как раз в тот момент, когда Кевин вскинул шланг и бензиновая струя взметнулась вверх пятнадцатифутовой дугой, заливая землю перед носом червя.

Запах бензина предупредил мальчика о том, что первая минога вынырнула на поверхность у него за спиной. Кевин прыгнул к заднему буферу как раз в тот момент, когда минога слепо метнулась мимо него и впилась зубами в заднюю крышку. Струей топлива мальчик смыл ее вниз, направив затем бензин в дыру, которую она оставила после себя.

В густых парах бензина дышать было совершенно нечем. Кевин едва сумел заставить себя подбежать к задней части цистерны, снова переключить насос и затем перебежать к подземному резервуару и заправить в него шланг. Топливо снова начало наполнять цистерну. Еще три или четыре минуты. Может быть, меньше.

Кевин прыгнул на буфер с расстояния в пять футов, зная, что это слишком далеко. Но он видел горб миноги, вздымающийся из земли под грузовиком. Его ноги ударились о металлическую поверхность, соскользнули, колени подогнулись, и пальцы зацарапали металл, в безуспешной попытке отыскать хоть какую-нибудь вмятину в безупречно гладкой поверхности. Кевин опрокидывался назад, прямо в кишашую массу коричневых тел под ним.

Корди наклонилась как могла дальше, держась правой рукой за цилиндр наполнителя, и ухватила Кевиново запястье. Но его вес чуть было не перетянул ее вниз, и она, заскользив по боку цистерны, с трудом выдохнула:

— Давай, Грумяк, забирайся, черт тебя возьми.

Нога Кевина наконец нашла опору в изжеванной шине, он уперся в нее и запрыгнул вверх как раз в тот момент, когда оба чудовища подпрыгнули и ударились о крышку.

Он лежал навзничь наверху цистерны, хватая ртом воздух. Если б они сейчас прыгнули на него, ему бы пришел конец. Кевин совершенно выбился из сил, руки и ноги его дрожали, и он не мог пошевелиться.

— Они целиком облиты бензином, — выдохнул он. — Все, что от нас требуется, — это поджечь их.

Корди села, скрестив ноги, следя взглядом за тем, как извиваются на земле огромные черви.

— Замечательно было бы, — сказала она. — А у тебя есть спички?

Кевин похлопал себя по карманам в поисках отцовской золотой зажигалки. И сел, все еще держась за цилиндр.

— Она в моей спортивной сумке, — проговорил он, показывая пальцем на маленький матерчатый мешок, который он аккуратно положил на заправочную колонку в десяти футах от грузовика.

Свет луча от фонарика Харлена присоединился к лучу фонарика Дейла. Почти в сорока футах над ними Лоренс сидел на стуле, стоявшем на перилах балкона третьего этажа. Две ножки стула качались над пропастью. Мальчик казался привязанным к стулу, но «веревки» были толстыми жгутами похожего на человеческие мышцы материала, который свисал здесь отовсюду. Таким же жгутом был завязан рот Лоренса, и конец его уходил за спину мальчика.

Другой жгут, еще толще, образовал петлю вокруг его шеи и поднимался к крыше башни — в пульсирующий мешок со студнем.

Стул раскачивался на перилах. Рядом виднелась фигура взрослого человека, руки которого придерживали стул.

— Бросьте ваше оружие, — приказал доктор Рун. Его голос прозвучал как удар кнута. — Сейчас же.

— Вы убьете нас, — едва вымолвил онемевшими губами Дейл.

Он перевел луч фонарика на доктора Руна. В раздевалке позади него шевелились какие-то человеческие фигуры. Кто-то стоял и в комнате первоклассников позади директора.

Доктор Рун опять улыбнулся:

— Возможно. Но если вы не положите оружие немедленно, мы в ту же секунду вздернем вашего брата. Хозяин будет только рад новому приношению.

Дейл глянул наверх. Площадка третьего этажа словно отдалась на многие мили. Лоренс извивался, будто пытался освободиться, его глаза были широко распахнуты. В красно-зеленом свете, исходящем из башни, Дейл отчетливо видел знакомую пижаму брата. Он хотел было крикнуть ему, чтобы тот не двигался.

— Не делай этого, — прошептал позади него Харлен, целясь в длинное белое лицо доктора Руна. — Этого говнюка нужно убить.

Сердце Дейла колотилось так сильно, что в ушах шумело. Он едва слышал голос друга.

— Он убьет его, Джим. Вправду.

— Он убьет нас, — прошипел Харлен. — Нет!

Но Дейл уже положил двустволку на пол.

Рун шагнул ближе, теперь он был на расстоянии вытянутой руки.

— Твое оружие, — обратился он к Харлену, — быстрее.

Харлен помедлил, глянул наверх и положил револьвер рядом с двустволкой Дейла на скользкий пол.

— Игрушки, — велел Рун, нетерпеливым жестом указывая на водяные пистолеты в руках мальчишек.

Дейл начал опускать пластмассовую игрушку, но в последнюю секунду повернул ее дулом к Руну и выстрелил струей воды ему в лицо.

Бывший директор школы медленно покачал головой, вынул из нагрудного кармана платок, вытер лицо и снял очки, чтобы протереть и их.

— Вы глупцы, дети. Только Хозяин провел тысячу лет в центре этой веры и сохранил старые привычки. Никто из нас не имел отношения к папству. — Он снова надел очки. — В конце концов, вы же сами не верите в эту чудесно преображенную водичку, так ведь? — Он улыбнулся и без предупреждения молниеносно ударил Дейла по лицу.

От кольца на его пальце по щеке мальчика поползла длинная кровотокающая царапина.

Харлен что-то крикнул и потянулся за своим пистолетом, но человек в черном оказался быстрее. Он снова наотмашь ударил Харлена по голове с такой силой, что звук от хлопка эхом прокатился по залу. Харлен упал на колени, а Рун невозмутимо наклонился и подобрал выроненный мальчиком револьвер.

Дейл стер со щеки кровь и увидел, как из темноты под витражным окном скользит Солдат. Что-то еще, что-то более темное и длинное, возникло в пролете второго этажа. Неожиданный удар грома донесся снаружи, ничуть не ослабленный толстыми кирпичными стенами и заколоченными окнами.

Доктор Рун положил свою большую ладонь на лицо Дейла, пальцы впились в щеки и подглазья.

— Брось сюда же свое радио... вот так... хорошо.

Он опустил ладонь на шею мальчика и толкнул его вперед, так что тот перелетел через брошенное оружие и упал в густое масло, разлитое на полу. Рун схватил Харлена и потащил за собой, ногой отшвырнув рацию обратно в подвал.

Стараясь не падать — руки Руна как клещи впивались им в шею, — Дейл и Харлен стали подниматься по лестнице.

Глава 40

— Я ни за что не успею добежать до него! — прокричал Кевин, стараясь перекрыть шум бури.

От заднего буфера грузовика до насоса было всего пятнадцать футов, но миноги кружили рядом, приближаясь с каждым шагом. Он отчетливо видел, как быстро они ползают.

Бледное лицо Корди при каждой вспышке молнии освещалось зеленоватым светом. Она улыbnулась, скривив губы.

— Если только не будет этого, как его!.. — крикнула она в ответ. — Если я не отвлеку их.

Не успел Кевин и слова вымолвить, она соскочила с заднего конца цистерны на гравий и что есть силы побежала к асфальтированной дороге.

Миноги на мгновение замерли, тут же развернулись и погнались за ней, подобно акулам, почуявшим в воде кровь.

Кевин соскользнул с цистерны, перепрыгнул на задний буфер, схватил свой вещмешок и бросился обратно к грузовику как раз в тот момент, когда шланг начал засасывать воздух из пустого подземного резервуара. Вместо того чтобы взобраться обратно, Кевин круто развернулся, подобрал уоки-токи и прыгнул в кабину.

Внизу, под холмом, Корди уже добежала до мостовой Депострит, на пару ярдов опережая первую из миног. Замерев на середине дороги, Корди стала подпрыгивать, размахивая руками и подавая какие-то знаки Кевину. Из-за раскатов грома он не слышал ее криков.

Неглупо, подумал он, но в ту же секунду один из червей взломал асфальтовое покрытие на противоположной стороне улицы

и выпрыгнул на мостовую, подобно дрессированному дельфину, выскакивающему из бассейна на мокрый кафель.

Корди метнулась в сторону — страшная пасть промахнулась всего лишь на несколько дюймов от ее ноги — и побежала по дороге, уворачиваясь от подползающего чудовища. По крайней мере двадцать футов тела червя высывалось из дыры в асфальте.

Кевин, пошарив в вещмешке, нащупал зажигалку, о которой он говорил, и ключи зажигания. Мотор завелся с первого оборота. У Кевина мелькнула мимолетная мысль о том, сколько бензина пролилось на землю, о тысяче или больше литров, плещущихся в незакрытой цистерне позади него, и о шланге, который сейчас засасывал воздух... Он подумал о почти неизбежной искре, которая вполне может проскочить посреди моря бензина. «Да и плевать, — решил он, чувствуя, как адреналин наполняет его тело легкостью и неким диким эликсиром. — Если все это вспыхнет, я, по крайней мере, не узнаю об этом».

Корди ползла, опираясь на локти и пятки, по темному тротуару, отбиваясь от наползающих на нее тварей, которые крутились на месте, стараясь достать ее, их пасти были в два раза больше, чем все тело девочки.

Кевин завел машину и поехал вниз по гравийной дорожке, правя прямо на туловище одного из червей, и почувствовал, как вздрогнул грузовик, когда переехал червя, будто это был массивный телефонный кабель. Затем он высунулся из дверцы и втащил Корди внутрь, пока чудовище начало втискиваться обратно в свою дыру, как наматываемый на катушку кабель, разбрызгивая вокруг бензин.

Кевин стоял, придерживая открытую дверцу — в одной руке зажигалка, — и смотрел, как минога уползает в глубину, зная, что пламя зажигалки не продержится так долго, чтобы успеть поджечь его тело.

Корди быстро оторвала широкую полосу от платья и протянула ее Кевину.

Он пригнулся, скатал старую тряпку в шар, пользуясь открытой дверцей кабины как прикрытием от ветра. Ткань была уже достаточно пропитана бензином и вспыхнула со второй попытки.

Быстро спрыгнув с подножки, Кевин метнул пылающий шар в разверстую пасть ускользящей под асфальт миноги.

Она каким-то образом почувствовала приближение чего-то материального и совершила ошибку, развернувшись и попытавшись схватить зубами пылающий ком. Передняя часть тела червя вспыхнула гейзером пламени, и огонь пробежал по всему сегментообразному телу почти со скоростью света.

Пролитый бензин вспыхнул с громким пшиком, образовав длинный пылающий хвост, который быстро заскользил к грузовику.

Корди не стала ждать, пока он доберется до полной бензина цистерны. Она шмыгнула за руль, еще когда Кевин стоял на подножке, и теперь, с силой вдавив педаль, повела машину вдоль Депо-стрит, объехав широкое озерцо бензина за секунду до того, как оно загорелось.

Кевин вскрикнул и побежал рядом с машиной, держась пассажирской стороны; ускорив темп, он ухватился за дверцу, вскочил на подножку и головой вперед залез в кабину через окно.

— Поворачивай налево, — выдохнул он.

Рост Корди едва позволял ей доставать до педалей. Она почти стояла, кончиками пальцев нажимая на акселератор, растопырив локти, чтобы удерживать большое рулевое колесо. Грузовик ревел и подпрыгивал, двигаясь на первой скорости.

Неожиданно что-то пискнуло в наушниках уоки-токи, валявшегося на сиденье между ними. Затем прорезался голос Майка О'Рурка.

— Майк! — вскричал Кевин, хватая рацию. — Что ты делаешь с...

— Кев! — раздался дикий крик Майка; шквал электропомех прорезали крики и стрельба. — Сожги ее! Прямо сейчас! Сожги клятую школу!

— Но вы же должны оттуда выбраться! — закричал Кевин в микрофон, в то время как Корди послала машину влево, и та, завизжав тормозами, понеслась вдоль северной стены Старой центральной.

Они подскакивали на камнях и плитах пешеходной зоны. В пятидесяти футах впереди, сломав поверхность земли, наперерз им выскочила вторая чудовищная минога.

— Поджигай ее, Кев! — продолжал кричать Майк. Такого голоса Кевин у него никогда не слышал. — Поджигай сейчас же!

И радио умолкло так же неожиданно, как включилось, будто кто-то на него наступил.

Корди покосилась на мальчика, затем перевела взгляд на выползавшего из земли червя и коротко кивнула, ощерив в ухмылке грязноватые зубы.

Доктор Рун тащил Дейла и Харлена по лестнице, которая была похожа на застывший водопад расплавленного воска, витражное окно над нею напоминало разросшийся ковер грибов, под ним тянулась паутина, сотканная из сухожилий. Ребята мельком успели заметить костяные сталагмиты, а над головами свисали сталактиты из чего-то похожего на ногти. Вот они миновали бельэтаж библиотеки, площадку второго этажа и оказались в своем собственном классе. Дверь была вполтину меньше обычного размера и почти скрыта пучками черных волос, свисавших из выпуклостей в стенах. Рун втащил мальчиков внутрь, прежде чем они сумели высвободиться из его зверской хватки.

Ряды старомодных парт стояли на своих обычных местах. Стол учителя был там же, где за ним сидела миссис Даббет. Портрет Джорджа Вашингтона был точно таким, каким его запомнил Дейл.

Но все остальное было другим.

Толстый ковер грибов вырос на дощатом полу и покрыл все пространство волнистым сине-зеленым слоем. Над большинством парт вздымались небольшие холмики, как прикрытые одеялом круглые головы и острые плечи детей. В прорехах слоя ряски и плесени виднелись тускло поблескивавшие кости. Дейл чуть не задохнулся, когда омерзительный запах наполнил его легкие; он старался не дышать, но наконец вынужден был вдохнуть вонь распада и гниения.

Ему было не увидеть все помещение из-за свисавших полотнищ паутины, что затягивала окна и заполняла все двенадцатифутовое пространство между партами и потолком, огромными связками тянулась от стены к стене. Паутина походила на живую мышечную ткань, Дейл даже видел вены и артерии под влажной прозрачной поверхностью. Неожиданно что-то мягкое и колышущееся шевельнулось за широкими полотнами паутины, и чьи-то глаза мигнули при виде вошедших.

В передней части комнаты, позади учительского стола, сидели миссис Даббет и миссис Дагган. Обе были встревожены, испуганы и вполне мертвы. Миссис Дагган имела все признаки долгого пребывания в могиле. В глубине зрачка ее левого глаза шевелилось какое-то маленькое живое существо. Миссис же Даббет выглядела так, будто совсем недавно она вошла в эту комнату живой, но теперь ее глаза были затянуты мертвой пленкой и ленты ткани, напоминавшей связки человеческих мускулов, примерно в дюжине мест тянулись из ее тела к стулу, партам и стенам. Ее пальцы хищно скрючились, когда она увидела вошедших Дейла и Харлена.

Все были в сборе.

У Харлена в горле что-то пискнуло, и он повернулся к двери, будто хотел убежать.

Из-за полого волосяных пучков, которые теперь заняли место двери, выступил Карл Ван Сайк. На секунду Дейл подумал, что это негр из истории, рассказанной миссис Мун: тело Ван Сайка было совершенно черным, за исключением белков глаз, но это была чернота сожженной дотла кожи и плоти, сожженной до такой степени, что он казался лишь карикатурой на человека. Подбородка и нижней челюсти не было вовсе, от ног и рук остались, считай, только кости, пальцы превратились в скрюченные когти, которые скорее походили на абстрактную скульптуру. Когда доктор Рун толкнул мальчиков в комнату, это существо опустило голову и стало принохиваться, как охотничья собака.

Дейл схватил Харлена за руку, и они вдвоем стали пятиться, пока не уперлись в парты первого ряда. За их спинами в толще грибов что-то шевельнулось.

Табби Кук медленно поднялся из-за последней парты и встал в проходе. Распухшие пальцы его единственной руки дергались, как белые черви.

Доктор Рун вышел из-за двери:

— Займите ваши места, дети.

Не отрывая от него глаз и скользя по полу, будто машина по ледяной дороге, Дейл двинулся к своему обычному месту и сел за парту. Харлен занял свое место около доски... он сидел там, чтобы учителя могли его лучше видеть.

— Видите, — прошептал директор, — Хозяин награждает тех, кто выполняет его приказания. — Он протянул бледную ладонь

в сторону Карла Ван Сайка; тот стал приближаться, ощупывая воздух вытянутыми вперед, как у слепого, пальцами. — Для тех, кто служит Хозяину, нет смерти, — продолжил доктор Рун и встал за учительский стол.

В комнате появились Солдат и то, что когда-то было Минком Харпером. Они несли стул, к которому толстыми жгутами был привязан Лоренс. Голова у него была откинута назад, и веки трепетали.

Дейл рванулся вперед, но тут же замер, когда Ван Сайк зигзагом стал двигаться в его направлении, по-прежнему прижимаясь и ощупывая воздух впереди себя. Белое бесформенное тело, когда-то бывшее Табби Куком, полезло к нему сзади.

— Теперь, когда все готово... — начал доктор Рун, взглянув на золотые часы, которые только что вынул из жилетного кармана; затем он поднял глаза на мальчиков и улыбнулся в последний раз. — Полагаю, я мог бы объяснить... рассказать вам о том чудесном веке, который скоро настанет... побеседовать с вами о некоторых неудобствах, которые доставили нам ваши маленькие эскапады... описать, как вы будете служить Хозяину в новой форме... — Тут он щелкнул крышкой часов. — Но зачем? Игра окончена, и ваше участие в ней окончено тоже. До свидания.

Он кивнул Солдату, и тот заскользил вперед, не двигая ногами и медленно поднимая руки.

Дейл с самого начала старался не смотреть никому из присутствующих в лицо, но тут он не выдержал и поднял глаза. То, что было когда-то лицом Солдата, потеряло всякое сходство с человеческим образом: длинное рыло выглядело кратером, образовавшимся после того, как из черепа что-то со страшной силой вырвалось на поверхность. В белой плоти лица были и другие, более страшные и глубокие отверстия. Во всех них что-то шевелилось.

Солдат скользил в сторону Джима Харлена, в то время как обугленный Ван Сайк прокладывал путь к Дейлу. Доктор Рун и та почти разорванная в клочья фигура, что прежде была Минком Харпером, двигались к двери, чтобы преградить выход. Дейл все время слышал какое-то потрескивание и хруст, раздававшиеся будто прямо из стен и пола; паутина связок и волокон сделалась еще розовее. С потолка вязкими, тягучими струями стекала какая-то жидкость.

— Черт его возьми, — выговорил Харлен, выбираясь из-за парты и приближаясь к Дейлу. Его губы дрожали почти безостановочно, когда он наклонился и прошептал: — Всегда говорил, что терпеть не могу школу.

Не сговариваясь, но почти одновременно они перепрыгнули первый ряд парт и, путаясь ногами в поросли грибов, стали отступать к задней части комнаты. Солдат безучастно продолжал скользить, заходя справа. Труп Табби Кука пригнулся и нырнул под слой ряски, как ребенок, прячущийся под одеялом.

Мальчики вспрыгнули на парты, наклонив головы, чтобы не касаться бледных мешков со студнем, свисавших с потолка. Плесь облепила их джинсы и кеды длинными волокнами.

Доктор Рун, казалось, потерял терпение и щелкнул пальцами. Все здание словно затаило дыхание, когда Ван Сайк и Солдат перебрались через первый ряд парт.

Внизу раздался звук выстрела.

Добравшись до центрального подвального зала, Майк подсчитал потери: фонарик сломан, один из пистолетов со святой водой он потерял, а второй — разбил, когда катился по туннелю, брюки у него на коленях порвались, а впереди и сзади промокли. Одно хорошо: теперь вурдалаки не смогут укусить его в пах, промокший от святой воды.

Хотя в подвале окон не было, оказалось, что Майк все видит, поскольку его глаза адаптировались к фосфоресцирующему сиянию, шедшему от стен, и более яркому — от догорающего позади мертвого червя.

По крайней мере, Майк надеялся, что тварь мертва. Тело ее обуглилось во многих местах, там, где должны были быть внутренности, светились угли, и пасть застыла неподвижно. Но хоть он и считал червя мертвым, все же предпочел обойти его как можно дальше, прижимаясь к стенке туннеля и с некоторым страхом глядя на тлеющий труп. Тяжелый запах и серый дым исходили от туши.

Поднимаясь по лестнице из подвала, Майк решил пересчитать оставшиеся боеприпасы. Обрез Мемо был заряжен, и еще у него имелось четыре патрона, остальные мальчик расстрелял либо потерял, пробираясь по туннелю. Ноги кровоточили и дрожали, да и сам он дрожал всем телом, но в остальном чувствовал

себя неплохо. Добравшись до главного входа в зал первого этажа, Майк на минуту остановился.

Этого мгновения ему хватило, чтобы оценить перемены, происшедшие в Старой центральной за несколько недель лета. Он увидел красные висающие мешки и глаза, которые не отрываясь смотрели на него с высоты сорока футов. Сделав шаг, он наткнулся на Дейлов двуствольный «севидж» и в тот же миг застыл на месте, увидев, что в темноте впереди него что-то шевелится.

Из класса, где занималась с второклассниками миссис Гесслер, что-то надвигалось на него, шипя и издавая чавкающие звуки. Этот звук почти терялся среди скрипа и завываний, которыми была полна Старая школа, словно сюда проник вой бури.

Майк припал на одно колено и, быстро схватив двустволку, зажал ее в левой руке, в то время как в правой он сжимал свой обрез.

Из тени вышел отец Кавано, а те чавкающие звуки, которые слышал Майк, означали его попытки заговорить. Рта у священника не было, и в слабом свете Майк разглядел грубые швы, которые наложил мистер Тейлор, сшив челюсти мертвеца нитками. «Майкл», — силился произнести священник.

Мальчик дождался, когда тот приблизится на семь или восемь футов, затем прицелился из обреза и выстрелил священнику прямо в лицо.

Грохот и эхо выстрела были оглушающими.

Останки тела священника отбросило назад, тело повисло на лестничных перилах, а осколки черепа разметало по густой жидкости, покрывавшей пол. Но, даже лишенный головы, труп приподнялся на локтях и коленях и пополз к Майку.

Сохраняя удивительное спокойствие, Майк производил необходимые действия, в то время как его голова была занята совершенно другими мыслями. Он перекинул обрез в левую руку, отщелкнул казенник двустволки, убедился, что она заряжена, сомкнул приклад обратно и, прижав конец ствола к спине подползшего к нему вплотную тела, спустил курок.

Та мерзость, которая когда-то была его другом, выгнулась с перебитым хребтом на скользком полу, а Майк подался назад. Достав из кармана патроны, он быстро зарядил обрез Мемо и двустволку Дейла. Неожиданно его нога коснулась чего-то пластмассового, и, глянув вниз, он увидел уоки-токи. Быстро схватив ра-

цию, он отряхнул ленты паутины, успевшие обвить ее, включил кнопку передатчика и, услышав сигнал приема, закричал в микрофон.

Кевин отозвался после третьего гудка.

«Спасибо тебе, Господи милосердный», — взмолился Майк.

— Кев! — закричал он. — Сожги ее! Прямо сейчас! Сожги клятую школу!

Услышав голос Кевина, он повторил приказ и бросил уже ненужную рацию. В тот же миг со второго этажа донесся крик Дейла. Майк перехватил поудобнее оружие и бросился вверх по лестнице.

Паутина и даже стены, облепленные ею, содрогались и тряслись, будто школа была живым существом, которое вот-вот пробудится.

Майк неожиданно споткнулся и чуть было не скатился с лестницы, но быстро восстановил равновесие и прыгнул на площадку второго этажа. Красное свечение становилось сильнее с каждой секундой.

— Майк! Сюда! — вопил Дейл.

Его голос доносился из-за пелены черных волокон, затянувших дверь в класс миссис Даббет. Вдруг оттуда же раздалось дикое рычание, будто в комнате находилась свора голодных псов.

Майк знал, что если помедлит хоть секунду, то никогда не отважится войти в класс. Он рывком распахнул дверь и вкатился внутрь.

Глава 41

В гонке к школьной двери минога явно их опередит.

Корди Кук прилагала все старания, чтобы вести грузовик прямо вдоль подъездной дорожки, которая через полсотни ярдов упиралась в школьное крыльцо. Покрышка одного из левых задних колес разлетелась в клочья, и тяжелый грузовик вилял, не слушаясь руля. Кевин разрывался между попытками вызвать Майка на связь и помочь Корди.

Гигантский червь, нырнув на глубину, взметнул кучу гравия около северной двери и снова выскочил на поверхность земли в пятидесяти футах перед машиной.

Кевин увидел гнилые доски, которые Дейл с Харленом уложили на ступени, и сразу же понял, что тяжести грузовика они не выдержат ни минуты. Черт с ними. До столкновения оставались считанные секунды.

Дверцу с его стороны заклинило.

Кевин безуспешно подергал ее, затем скользнул к девочке, оттолкнув ее в сторону и одновременно потянувшись через ее колени к ручке другой дверцы.

— Какого черта ты...

— Прыгай! Прыгай! Прыгай же! — кричал Кевин, выталкивая ее из машины.

Грузовик вильнул влево, но они оба ухватились за руль и выровняли машину. В это мгновение минога бросилась на них прямо из-под земли, словно чертик из табакерки.

Корди распахнула дверцу, оба вывалились из кабины и сильно ударились о гравий. Удар был такой силы, что у Кевина вышибло зуб и сломалось запястье. Корди дважды перекувырнулась и недвижно замерла на траве как раз в тот момент, когда минога

огромным живым дротиком пронизала кабину грузовика, мчавшегося на скорости сорок миль в час.

Кевин с размаху плюхнулся на гравий, выгнув от боли шею, правая рука у него вообще не гнулась, затем опустился на колени, и, левой рукой ухватив Корди за плечо, потащил девочку к деревьям.

Грузовик врезался в крыльцо, но это было не лобовое столкновение. Левое переднее крыло машины ударилось о бетонную балюстраду крыльца, кабину развернуло так, что передняя ось уперлась в две нижние ступеньки, а то, что осталось от кабины, со всей силы обрушилось на миногу, и четырехтонная стальная цистерна встала вертикально над крыльцом, залив бензином заколоченные главные двери.

Сама цистерна была слишком широка. Ударившись о дверной проем, она смялась, как огромная пивная банка, разметав во все стороны обломки фанеры, подбросив восьмидесятилетнюю штукатурку футов на шестьдесят вверх. Тело миноги мгновенно было выдернуто из норы, подобно тому как выдергивает змею койот, и перед глазами Кевина на мгновение мелькнуло сегментарное тело, перед тем как расплющиться между дверью и грузовиком.

Воздух наполнился парами бензина, пока Кевин, хромя, ковылял оставшиеся тридцать футов до линии вязов, волоча под мышкой Корди. Он понятия не имел ни где кольт, ни где золотая отцовская зажигалка.

Зажигалка.

Кевин обернулся и застыл на месте, уже ничуть не беспокоясь о второй миноге.

Бензин не взорвался. Кевин видел струйки, вытекающие из изуродованной цистерны внутрь здания, влажные потеки на стенах, слышал журчание бензина и чувствовал его запах. Бензин не взорвался.

Черт побери, это несправедливо. Чуть ли не во всех фильмах, которые он видел, машины падали с утеса и взрывались, считай, прямо в воздухе, повинуюсь режиссерской прихоти. Тут же он угробил почти пятьдесят тысяч долларов отцовских денег, загубил четырехтонную цистерну и тысячу галлонов бензина залил в эту трухлявую коробку, именуемую школой, — и ничего! Ни единой искорки. Кевин протащил Корди еще на шестьдесят футов от машины, прислонил бесчувственную, а возможно, мерт-

вую девочку к дереву и отправился назад. Он шатался как пьяный и понятия не имел, где его зажигалка и как он добудет огонь. Или как он вернется оттуда живым, если ему удастся это сделать. Ну да что-нибудь придумает.

Услышав шаги Майка на лестнице, Дейл и Харлен закричали ему, чтоб он не входил. Оба мальчика прыгали с парты на парту, стараясь ускользнуть от Солдата и Ван Сайка. Поросль грибов на полу и старые трупы, склонившиеся за партами, затрудняли погоню за мальчиками. Но вот белый оборотень, который был когда-то Табби, протянул с пола руку, пытаясь схватить их за ноги.

Доктор Рун и Минк Харпер двинулись с обеих сторон к двери, поджидая Майка. Они схватили его в ту же секунду, когда он вкатился в проем. Доктор Рун оказался более проворным, он схватил дуло двустолки как раз в тот момент, когда Майк спустил курок. Вместо того чтобы разmozжить его лицо, пуля сорвала плотный ком паутины с потолка, мешок студня взорвался, и целая охапка связок и сухожилий закачалась над головами.

Минк Харпер был не таким проворным. Своими скрюченными пальцами он ухватил правое запястье Майка, останки его лица стали вытягиваться в длинное рыло, но мальчик успел в последнюю минуту взвести курок обреза, приставить восемнадцатифутовое дуло к животу Минка и спустить курок. Тело словно взмыло в воздух и повисло на проводах, тянувшихся от лампочки к портрету Джорджа Вашингтона работы Гилберта Стюарта. Немедленно оттуда повисли волокна паутины и вонзились в тело Минка. Майк сунул руку в карман, нащупал два оставшихся патрона, освободил казенник двустолки от пустой гильзы и загнал туда новый патрон.

Доктор Рун издал странный звук и отбросил ружье почти без всякого усилия. Он изо всей силы хлопнул мальчика по голове, сбив его с ног, и приставил дуло к его виску.

— Нет! — закричал Дейл.

Они с Харленом были всего в нескольких шагах от Ван Сайка, перепрыгивая через парты по направлению к поджидавшему их Солдату. Но вот Дейл взметнулся в воздух над протянутыми к нему руками Солдата. Он ударился о плечо доктора Руна, сбив тому прицел, затем о дверной косяк и откатился в сторону как раз

в тот момент, когда ружье в руках директора выстрелило. Пуля попала прямо в грудь миссис Дагган, разорвав остатки ее погребального наряда и пригвоздив ее к классной доске. Но ее трясущиеся руки медленно вытянулись вперед и стали нащупывать учительский стол.

Тело миссис Даббет стало подниматься, полосы мясистой паутины разорвались с тихим чавкающим звуком. Ее веки бешено мигали над белыми глазницами. Лоренс изо всех сил пытался вырваться из опутывавших его веревок, когда учительница направилась к нему.

Доктор Рун поднял Дейла за воротник рубашки и принялся трясти.

— Будь ты проклят, — выдохнул он прямо в лицо Дейла. И, выбросив его за дверь, шагнул следом.

Черный силуэт Ван Сайка склонился над Майком.

Джим Харлен перепрыгнул через парту первого ряда, пытаясь прийти друзьям на помощь, но из-за висевшего у него на плече тяжелого мотка веревки потерял равновесие и упал. Мальчик попытался подняться, ухватившись за нить тонкой паутины, но только увлек ее за собой, упав на ковер грибов между рядами парт. Паутина была теплой на ощупь и сочилась влагой.

Когда Солдат склонился над ним, Харлен истошно закричал.

На лестничной площадке, за дверями класса, Дейл успел увидеть брата, все еще борющегося с веревками, которые держали его прикованным к стулу, но в ту же минуту доктор Рун набросился на него, схватив за горло, поднял в воздух и перекинул через перила.

Дейл услышал, как его собственные каблуки ударились о перила, и увидел, что висит над двадцатипятифутовой пропастью, а в его горло глубоко впились пальцы директора. Дейл отбивался и царапался, пытаясь дотянуться до его лица, но доктор Рун, казалось, не чувствовал боли. Он смахнул кровь с глаз и еще сильнее сжал горло мальчика. Дейл почувствовал, как темнота застилает глаза, поле зрения неожиданно резко сузилось, и в ту же минуту все здание содрогнулось. Рун отшатнулся от перил, продолжая сжимать Дейлово горло, лестничная площадка вибрировала, как утлое суденышко в бурном море, и оба покатились по старым половицам, когда вонь бензина заполнила воздух.

Борясь с головокружением и контузией, Кевин пытался рассуждать логически. Прежде всего его интересовало, почему, несмотря на невообразимый грохот удара грузовика о стену школы, здесь еще не собралась толпа. Тут мальчик моргнул от новой ослепляющей вспышки молнии и оглушительного удара грома и глубокомысленно кивнул сам себе. Ага. Понятно.

И снова стал размышлять. Ему необходимо пламя, вспышка... что могло бы воспламенить бензин? Конечно, отцовская зажигалка, но она где-то потерялась. Кроме того, вспышку могли бы обеспечить твердый камень и лист стали. Кевин пошарил в карманах, но не нашел там ни камня, ни стали. «Что, если я буду стучать камнем по стальной цистерне, пока не появится искра?» Неплохая мысль, но не совсем правильная. Кевин решил отложить ее в качестве альтернативного плана.

Он подошел на двадцать футов ближе к грузовику, шлепая босыми ступнями по лужам бензина. Босые ноги. Каким-то образом он лишился башмаков, выбираясь в спешном порядке из кабины. Кожей он чувствовал холод бензина, но там, где были царапины, жидкость обжигала. Правое запястье стало распухать, рука висела неловко и как-то неправильно.

«Рассуждай логически», — велел себе Кевин Грумбахер. Он сделал еще несколько шагов и присел на относительно сухой участок тротуара, чтобы подумать. Ему необходимо пламя или искра. Как он может их добыть?

Мальчик задумчиво глянул в небо, но молния не собиралась ударять прямо в грузовик, хотя разряды ее были чудовищно сильны. Пока не собиралась. Возможно, позже.

Как насчет электричества? Он мог бы пробраться в кабину и включить ключ зажигания, посмотреть, не дадут ли искру батареи. Судя по запаху, одной искры было бы вполне достаточно.

Нет, это не подходит. Даже с того места, где он сидел, футов в шестидесяти от машины, Кевин видел, что кабина покорежена и смята под тяжестью самой цистерны. И возможно, она вся забита дохлой миногой.

Кевин нахмурился. Не исключено, что, если он приляжет и несколько минут спокойно отдохнет, ответ явится сам собой. Участок, на котором он сидел, выглядел вполне удобным и располагающим к отдыху.

Он сдвинул в сторону камень и опустил голову на бетон. Какой-то предмет, похожий на камень, мешал ему устроиться удобнее.

Кевин снова сел, подождал следующей вспышки молнии, пронзившей ночь, и поднял с гравия отцовский полуавтоматический кольт сорок пятого калибра. На рукоятке треснула накладка, полированную сталь избороздили царапины.

Кевин отер кровь, заливавшую глаза, и прищурился на протекавшую цистерну, находившуюся в двадцати ярдах от него. «Почему я должен сделать это с отцовским грузовиком?» Но ответ не казался важным. Возможно, он подумает об этом потом. Сначала нужно добыть искру или пламя.

Он повертел в руках пистолет, уверился, что ствол не забит грязью, и старательно стер с него пыль. Кажется, положить оружие обратно, без того чтобы отец не заметил, что его кто-то брал, уже невозможно.

Кевин поднял пистолет и снова опустил его. Он уже загнал патрон в патронник? Нет, вряд ли. Отец предпочитал носить оружие на предохранителе и досылать патрон в ствол, уже когда они приезжали на пруд Хартли поупражняться в стрельбе.

Кевин зажал пистолет между колен и левой рукой передернул затвор. Патрон вывалился и покатился по тротуару, стала видна влажная щель магазина. Проклятье. Все-таки дослал заранее. Сколько же их там осталось? Надо подумать... семизарядный магазин минус один патрон... В данный момент с математикой у Кевина не ладилось. Возможно, позже.

Левой рукой он поднял пистолет и прицелился в цистерну. На фоне грянувшего в это мгновение грома выстрел прозвучал слабым щелчком. Если не можете попасть в дверь сарая, то лучше даже не пытаться. Ладно, это потому, что он слишком далеко.

Кевин попробовал подняться, но голова сильно кружилась, и он без сил опустился обратно. Хорошо, он будет стрелять отсюда.

Он вспомнил, что теперь надо передернуть затвор, и снова прицелился, глядя прищуренным глазом над мушкой. Интересно, от удара пули возникает искра или открытое пламя? Никак не вспомнить. Что ж, есть только один способ проверить.

Отдача сотрясла здоровое запястье. Он опустил пистолет и глянул на цистерну. Ни искры, ни пламени. Или он просто про-

мазал? Мальчик снова поднял дрожавшей рукой пистолет и дважды выстрелил. Ничего.

Сколько пуль у него теперь осталось? Две или три. По меньшей мере.

Кевин тщательно прицелился в кружок стали, видневшийся над мушкой вдоль продолжения ствола, и медленно, как учил отец, спустил курок. Раздался звук, похожий на удар молотка по железному листу, и Кевин торжествующе усмехнулся. Но усмешка тут же сменилась гримасой разочарования.

Ни пламени. Ни искры. Ни большого взрыва.

Сколько еще пуль у него осталось? Возможно, ему следует вынуть магазин, высыпать пули и пересчитать их. Нет, лучше не так, лучше пересчитать гильзы, вывалившиеся на тротуар. Вон две или три из них поблескивают в свете фонаря, но потратил ли он только их?

Ладно, по крайней мере одна у него осталась. Может быть, две.

Кевин поднял пляшущей рукой пистолет и снова выстрелил. В то же мгновение, когда спускал курок, он уже знал, что взял слишком высоко. Промахнулся не только мимо цистерны, но и мимо самой школы.

Он попытался вспомнить, зачем это делает. Мысль не давалась, но он знал, что это очень важно. Что-то связанное с его друзьями.

Кевин перекатился на живот, положил пистолет на больное запястье и снова спустил курок, почти уверенный в том, что раздается всего лишь пустой щелчок бойка.

В руку ударила отдача, пламя вспыхнуло как раз около наполнительного цилиндра наверху цистерны, и восемь тонн бензина мгновенно взорвались.

Доктор Рун как раз поднимался на ноги, когда взрыв разнес лестничные перила на тысячу кусков и в открытом лестничном проеме повис огромный гриб пламени. Рун почти спокойно отступил и прижался к стене, глядя с чуть ли не академическим интересом на двухфутовую палку балюстрады, пронзившую ему грудь, словно кол. Он протянул руку к концу ее, но вытащить не попытался. Вместо этого он сполз по стене и медленно сел на пол.

Дейл покатился по полу и, прижавшись к двери, прикрыл голову руками. То, что осталось от перил, было охвачено огнем, книж-

ные полки в нижнем этаже полыхали в костре, витражное стекло лопнуло и осыпалось вниз, и каждый дюйм пола второго этажа дымился и обугливался.

В шести футах от глаз Дейла задымились брюки доктора Руна, а подошвы его башмаков стали мягкими и бесформенными.

В открытом лестничном марше в десяти футах от мальчика пламя охватило розовые мясистые волокна паутины, и они обвисли, как бельевые веревки рядом с многоквартирным домом. Шипенье мягкого материала напоминало визг.

Дейл поднялся и, шатаясь, пошел к двери, из которой вырвались клубы дыма.

Класс был в огне. Взрыв свалил с ног каждого, кто здесь находился, — как живых, так и мертвых, — но Харлен помог Майку встать на ноги, и теперь они оба торопливо разрывали путы, стягивавшие тело Лоренса. Дейл подхватил ружье Майка с пола и присоединился к ним, разматывая затвердевшие веревки с рук и шеи брата. Дейл рывком поднял Лоренса на ноги, пока Харлен отбрасывал в сторону стул. Часть веревок осталась на месте, но теперь Лоренс мог стоять и говорить. Он закинул одну руку за шею Дейла, а другую — за шею Майка, плача и смеясь в одно и то же время.

— Позже, — крикнул Дейл, указывая на горящую массу парт и темноту там, где Солдат и Ван Сайк силились встать на ноги. Табби тоже был где-то поблизости.

Майк смахнул с глаз пот и кровь и вынул из кармана последний патрон для обреза. Затем забрал обрез у Дейла и зарядил его.

— Пошли, — скомандовал он. — Выбирайтесь отсюда. Я вас прикрою.

Дейл полувывел-полувynes брата на лестничную площадку. Руна здесь не было. Край площадки превратился в стену пламени, в которое сверху один за другим падали мешки со студнем и пучки паутины.

Дейл и Харлен побрели к лестнице, волоча между собою Лоренса.

Бельэтаж библиотеки и лестница под ними провалились вниз, где метались тридцатифутовые языки пламени. Похоже было, что вся лестница ухнула в подвал. Кирпичи раскалились до такой степени, что казались прозрачными и белыми.

— Наверх, — скомандовал Дейл.

Майк выскочил следом за ними из классной комнаты и присоединился к ним, когда ребята стали быстро подниматься по лестнице. Сначала на лестничную площадку, затем на третий этаж, который был закрыт уже в течение многих лет.

Из «пустых» комнат для старших классов, погруженных в мрак и паутину многие десятилетия, слышалось шипение и вопли. Мальчики не стали задерживаться, чтобы выяснить, в чем там дело.

— Дальше. — На этот раз говорил Майк, указывая в направлении узкой лестницы, ведущей в башню.

Доски под ногами дымились и частью уже обуглились, когда они стали взбираться вверх. Вдруг до ушей Дейла донесся страшный грохот, который, видимо, означал, что центральная лестница обвалилась в преисподнюю, которой стал первый этаж.

Они шли по узким мосткам, обегавшим башню с внутренней стороны. Доски под ногами были насквозь прогнившими и чрезвычайно узкими. Один раз Дейл заглянул сквозь щели в них и увидел языки пламени, плясавшие в пятидесяти футах внизу и тем не менее обжигавшие. Больше он старался вниз не смотреть.

Вместо этого он уставился на предмет, свисавший из центра башни прямо перед ним, весь опутанный паутиной.

Круглый прозрачный мешок имел форму колокола. Мальчику даже показалось, что он видит крепления и петли колокола там, где тот крепился с помощью пучков волокон и паутины. Это было не важно.

То, на что он смотрел сейчас, смотрело на него... на всех них... смотрело тысячью глаз и чавкало сотней пульсирующих ртов. Дейл отчетливо почувствовал негодование, которое испытывал этот предмет, полное неверие в то, что десять тысяч лет спокойного владычества могут внезапно окончиться подобным фарсом... Но сильнее всего до мальчика доносились гнев этого предмета и его сила.

«Вы еще можете послужить мне. Век Мрака может еще наступить».

Дейл, и Лоренс, и Харлен смотрели, не отводя глаз, на колокол. Они ощущали огромную, подавляющую волну жара, исходящую от него... Это был не тот жар, который гнало на них пламя, но более глубокая, пылающая волна уверенности, что они

могут быть полезны Хозяину, возможно, даже спасут его ценой своих жизней.

Одновременно, словно они были одним существом, все трое приблизились на два шага к краю прохода. На два шага ближе к Хозяину.

Майк поднял обрез Мемо и выстрелил прямо в мешок с расстояния шести футов. Мешок лопнул, и его содержимое со страшным шипением изверглось в бушующее пламя.

Майк оттащил друзей назад и пошел впереди них, постукивая прикладом по доскам пола, чтобы определить надежные, а ненадежные миновать.

Корди очнулась как раз вовремя, чтобы оттащить потерявшего сознание Грумбахера от костра, в который превратилось крыльцо школы. Вся его одежда спереди обуглилась, брови обгорели, и было похоже, что взрывом мальчика отбросило на довольно приличное расстояние.

Она прислонила его к вязу и принялась хлопать по щекам. Хлопала до тех пор, пока веки мальчика не дрогнули. Вместе они стали смотреть во все глаза на маленькие фигурки, появившиеся на крыше горевшей школы.

— Черт, — сказал Харлен, неожиданно соскользнув с острого зубца крыши к краю ската. — Кажется, я уже видел такое в «Могучем Джо Янге»¹.

Они все вместе стояли на кромке крыши с южной стороны, схватившись за поручни, которые кое-где здесь имелись. С высоты четырех этажей они смотрели на твердый утрамбованный грунт спортивной площадки и бетонные дорожки, пересекавшие ее.

— Одно хорошо, — выдохнул Дейл и указал Харлену вниз. — По крайней мере, теперь мы используем эти веревки, которые ты всю дорогу таскал.

Лоренс изо всех сил цеплялся за дыру в кровельной дранке, которой была покрыта крыша.

Харлен принялся торопливо разматывать первый из двух мотков троса. Частично тот обгорел и совсем не выглядел надежным.

¹ Выпущенный в 1949 г. фильм Эрнеста Шодсака о воспитанной людьми горилле, которая оказывается в Лос-Анджелесе. В 1998 г. вышел римейк.

— Угу, — буркнул он себе под нос. — Только каким образом?

— Гм... — неопределенно промычал Майк. Ухватившись за трубу дымохода, он разглядывал только что пройденный ими путь.

Внезапно позади них из дымящегося прохода башни вынырнула высокая фигура.

Дейл не мог разобраться, кто это, ему был виден только темный силуэт.

— Кто это? Солдат? Ван Сайк? — тревожно спросил он.

— По-моему, нет, — покачал головой Майк. — Это, наверное, Рун. Мне кажется, что остальные не могут ни передвигаться, ни действовать без воли Хозяина. А сейчас он мертв. Они были лишь частями чего-то куда большего.

Мальчики следили, как темная фигура довольно быстро продвигается к ним. Вот она исчезла позади конька кровли. Майк обернулся к Харлену и спокойно сказал:

— Если хочешь успеть воспользоваться этой веревкой, я бы посоветовал тебе поторопиться.

Харлен только что закончил завязывать скользящий узел и теперь трудился над петлей:

— Я хочу закинуть это лассо вон на ту ветку, потом мы раскачаемся и спрыгнем.

Дейл, Лоренс и Майк одновременно глянули на ветви высокого вяза, росшего недалеко от школы. Но до него было по меньшей мере тридцать футов, и ветки были слишком тонкими, чтобы выдержать даже одного из них.

На крыше позади них из-за среднего конька снова вынырнула темная фигура и направилась по тому же пути к южному скату крыши, которым прошли они сами. Из всех отверстий в кровле струился густой дым, наполовину скрывая очертания человека, но Дейлу казалось, что он видит черный костюм доктора Руна и черты его окровавленного лица.

Жар от полыхавшего огнем северного крыла здания становился нестерпимым. Когда огонь охватил всю башню, мальчикам пришлось отвернуться и отступить к краю крыши.

— Эй, — окликнул их Лоренс. — Смотрите-ка.

В двух или трех милях от них, освещенный дикими разрядами молний, из тучи в юго-западной стороне неба вдруг возник смерч и понесся в их сторону. Его огромная, упирающаяся в землю воронка то расширялась, то сужалась и поднималась выше. Одну

бесконечно долгую секунду мальчики просто не могли оторвать от страшного зрелища глаз. Дейл поймал себя на мысли, что он даже хочет, чтобы смерч нагрянул сюда и погубил все окружающее в завершающем водовороте разрушения.

Смерч взмыл кверху, затем нырнул за кромку леса и полей далеко на востоке, снова упал вниз где-то позади города и унесся в темноту, двигаясь на север. Неожиданно налетел сильный ветер, с бешеным неистовством осыпал мальчиков листьями и обломанными ветвями, угрожая сбросить их с того ненадежного выступа карниза, на котором они стояли.

— Дай мне, — строго сказал Майк Харлену.

Он вынул из его рук веревку, завязал потуже узел, перебросил конец через довольно высокий дымоход и соскользнул ближе к краю, чтобы связать оба каната вместе надежными узлами. Быстро управившись, он дернул, проверяя веревку, и через карниз сбросил один ее конец вниз.

— Ты первый, — обратился он к Дейлу.

Они услышали, как карабкается черный человек по дранке кровли с другой стороны конька позади них.

Дейл не стал спорить или колебаться. Он перелез через водосточную трубу, глянув мельком вниз, убедился, что под ним ничего нет, кроме воздуха, обхватил ногами веревку и спрыгнул. Канат слегка раскачивало ветром, и, крепко держась за него руками, Дейл чувствовал, как царапает его ладони жесткая поверхность веревки.

Харлен помог Лоренсу подползти к краю крыши, тот ухватился за веревку, и оба брата стали спускаться вместе. Дейл действовал в качестве тормоза для более легкого младшего братишки. Он чувствовал, как его ладони сначала стали саднить, а потом закровоточили.

— Теперь ты, — сказал Майк. Он не сводил глаз с конька крыши, но Рун еще не появлялся.

— Моя рука, — жалобно прошептал Харлен.

Майк кивнул и шагнул к краю. Дейл и его брат были уже в двадцати футах от крыши и продолжали медленно спускаться. Веревка не доставала до земли, но Майк не мог бы сказать, как высоко она кончается.

— Мы будем спускаться вместе, — сказал Майк Харлену. Он встал впереди Харлена и завел его руки вокруг себя. — Будешь висеть на мне. Я только беспокоюсь, выдержит ли веревка.

Доктор Рун появился из-за острого конька — двигаясь на четвереньках, он походил на огромного паука, потерявшего две из шести конечностей. Кол из обломанной доски перил торчал по-прежнему из его груди. Он задыхался и рычал, рот его был широко распахнут.

— Держись, — бросил Майк, хватаясь за веревку и повиснув над краем.

Теперь уже дымилась и тлела вся поверхность крыши: огонь достиг аттика. Сам дымоход раскалился и, как был уверен Майк, вполне мог прожечь веревку.

— У нас ничего не получится, — выдохнул Харлен прямо в ухо Майку.

— Получится, — ответил Майк, зная, что у них нет времени на нормальный спуск, поскольку Рун уже схватился за веревку над их головами. Все, что ему нужно сделать, — это ее перерезать.

Дейл и Лоренс уже добрались до конца веревки. Сейчас они были на уровне первого этажа, футах в пятнадцати над землей.

— Это пустяки, — прошептал Лоренс. — Прыгай.

Они оба прыгнули в одну и ту же секунду, ударились и покатались по песку спортивной площадки. И вправду пустяки.

Мальчики поднялись на дрожащие ноги и побежали подальше от пламени, вырывающегося из окон и южной двери. Дейл прикрыл рукой глаза и посмотрел на силуэт двух мальчишек, отчетливо видневшийся на фоне пылающего белым калением кирпича. Они уже были на половине пути вниз, все еще футах в тридцати от земли. Харлен цеплялся за плечи Майка изо всех своих сил.

— Быстрее! Спускайтесь быстрее! — кричали оба брата Майку, когда черный человек появился у края крыши.

Майк глянул вверх, обхватил веревку руками и ногами, так чтобы она оказалась между лодыжками и локтями, шепнул Харлену: «Держись крепче» — и заскользил вниз, пропуская веревку между ладонями.

Дейл и Лоренс в ужасе смотрели, как Рун, немного поколебавшись у края крыши, глянул назад на пламя, ревущее уже на крыше, затем быстро обернул петлю веревки вокруг запястья. Двигаясь быстро, как черный паук, Рун шагнул через карниз крыши к Майку. И начал быстро спускаться.

— О черт, — прошептал Лоренс.

Дейл стал кричать Майку, указывая рукой на Руна. Над карнизом, там, где веревка была привязана к дымоходу, там, где ни

Майку, ни быстро спускавшемуся Руну не было видно, неожиданно появились языки пламени. Подобно кусочку подожженной фотопленки, почернев, свернувшись и расплавляясь, загорелся конек крыши. И резко рухнул вниз, внутрь здания, послав в небо сноп искр. Дымоход несколько секунд постоял, качаясь, словно огненный палец в гейзере огня, и затем тоже ухнул вниз.

— Прыгай! — завопили Дейл и Лоренс разом.

Майк и Харлен упали с высоты шести или семи футов на твердую землю и покатались по глубокому песку.

Над ними силуэт опускавшегося Руна неожиданно взвился вверх: упавший дымоход дернул за веревку, привязанную к его запястью, Рун попытался высвободить руку, и в последнюю секунду, перед тем как исчезнуть в пламени, ему это удалось. Но было поздно: подобно насекомому, извивающемуся на нитке, его швырнуло в пламя пожарища.

Дейл и Лоренс бросились вперед, прикрываясь руками от нестерпимого жара, и потащили Дейла и Харлена подальше от огня, в канаву на углу Скул-стрит. Описав большой круг, к четверым приближались Кевин и Корди.

Неожиданно все уличные фонари Элм-Хейвена зажглись. Дети сбились в кучу, Корди оторвала последнюю полосу от платья и стала перевязывать содранные ладони Майка. Ни один из них даже не глянул ни на ее серого цвета исподнее, ни на босые кровоточащие ноги Кевина, ни на то, что остальная четверка была похожа на попавших в беду, покрытых сажей трубочистов. Неожиданно Лоренс все-таки хихикнул, и все остальные тут же разразились смехом. Они смеялись чуть не до слез, держась за руки и хлопая друг друга по спине.

Затем, когда смех замер, чуть не завершившись слезами, Майк стал что-то шептать, притянув к себе Кевина.

— Ты услышал, что кто-то вывел со двора грузовик отца, — говорил он между припадками кашля. Мальчик наглотался слишком много дыма. — Ты позвонил нам по уоки-токи, и мы все попытались его поймать. Нам показалось, что за рулем сидит доктор Рун. Затем грузовик врезался в школу, и все загорелось.

— Нет, — довольно тупо помотал головой Кевин, потирая висок. — Было не совсем так...

— Кевин! — выговорил Майк, ухватившись за футболку мальчика окровавленными руками и тряся его.

Глаза Кевина прояснились.

— Ага-а-а, — медленно повторил он. — Кто-то украл папин грузовик. Я отправился вдогонку.

— Но мы не смогли догнать его, — подсказал Дейл.

— Потом начался пожар, — продолжил Лоренс. Прищурившись, он смотрел в ту сторону: крыша обвалилась, башня исчезла из поля зрения, стены рухнули. — Из-за этого воришки.

— Мы не знаем из-за кого и почему, — опять захлебнулся кашлем Майк, садясь на траву. — Мы пытались вытащить этого парня из грузовика и поэтому все перемазались. Но больше мы ничего не знаем.

Довольно далеко завывали две сирены — на берегу реки сирена гражданской службы, предупреждая о буре, которая уже кончалась, и высокий, дрожащий гудок сирены добровольной пожарной команды примерно в половине квартала от школы. Фары машины появились в начале Второй авеню, и ребята слышали грохот приближающихся тяжелых грузовиков. На тротуаре и аллеях возле домов стали появляться люди.

Поддерживая один другого, шестеро ребят стали отступать по направлению к приветливым окнам своих домов, где некоторых из них ждали родители. Тени протянулись по площадке до самых языков пламени, вырывающихся из догорающего здания.

Глава 42

В пятницу, 12 августа тысяча 1960 года, спутник связи «Эхо» был успешно запущен с мыса Канаверал.

В тот день ребята отправились на велосипедах к дяде Генри и тете Лине, где они продолжали свои раскопки в поисках затерянной пещеры бутлегеров. Было ужасно жарко.

Незадолго до обеда появилась Корди Кук и стала наблюдать за их стараниями. Ее семья вернулась в прежний дом возле дороги на свалку, и все дети в городке с удивлением отметили, как много она стала проводить времени в компании Майка и его друзей.

Раскопки продвигались медленно. Повязку на руке Харлена сняли почти две недели назад, а небольшую шину на запястье Кевина как раз через неделю после него. Все ребята, кроме Харлена, залечили шрамы на ладонях. Но с лопатой каждый из них обращался довольно осторожно.

К общему изумлению, как раз перед обедом — к дому дяди Генри только что подъехал фургон родителей Дейла и Лоренса и засигналил мальчишкам — лопата Майка провалилась в пустоту.

Застоявшимся, спертым воздухом подудло из дыры размером дюймов в десять. Всегда настроенный оптимистично Лоренс прихватил с собой фонарик, и теперь пришло время воспользоваться им. Мальчики немного расширили дыру и направили туда луч света.

Это была далеко не норка суслика. Сразу у входа валялись пыльные бутылки и другой брошенный впопыхах материал. За ним просматривалось огромное темное пространство. Видны были обломки черного дерева, которые походили на поломанную стойку бара или на стол. Рядом валялся черный круг, видимо ста-

рая автомобильная шина. Дядя Генри всегда утверждал, что в пещере постоянно находился автомобиль.

Мальчики принялись раскапывать дыру, расширяя ее, сбрасывая вниз к ручью глыбы земли и камни. Вдруг работа замерла, будто бы по молчаливому соглашению. Корди, сидевшая в тенечке на противоположном берегу, подняла голову. На ней были новые джинсы из магазина Майерса, топорщившиеся и до смешного нагнувшиеся. Она заботливо отряхнула пыль с новеньких сандалий.

Майк вытянул из ямы лопату и глянул на остальную четверку.

— Это уже не шутка, — прошептал он. Затем отбросил лопату в сторону и потер подбородок. — Только давайте без спешки, ладно?

Кевин облокотился на свою коротенькую, почти игрушечную лопатку и запустил пятерню в волосы. Шрам у него на виске был совсем небольшим, уже побелевшим и почти незаметным.

— Не вижу, зачем нам торопиться, — сказал он. — Это пролежало там тридцать с чем-то лет. Может полежать и дольше.

Дейл кивнул:

— Дяде Генри и вправду не понравится, если тут набегут репортеры, туристы и всякое такое. По крайней мере, сейчас. Пока его спина не выздоровела.

Харлен вызывающе скрестил на груди руки.

— Ну, не знаю, — сказал он, переводя глаза с одного на другого. — Может, тут и вправду что-то ценное.

Лоренс пожал плечами и усмехнулся. Только что он с бешеной энергией раскапывал землю, чтобы расширить вход в пещеру, теперь он с такой же энергией принялся забрасывать комки грязи обратно.

— Оно ведь никуда не убежит, так, Джим? Тут и останется. Если все это чего-то стоит даже сейчас, то представляешь, сколько это будет стоить, когда мы вернемся сюда через пару лет и выкопаем его? — И он стал продолжать свое занятие. — Это будет нашим секретом, — улыбнулся он ребятам. — Только нашим.

Ребята работали, чтобы спрятать вход в туннель подальше от посторонних глаз, с таким же усердием, с каким прежде разыскивали его. Они забросали вход в туннель землей, утрамбовали ее, вернули на место тяжелые камни, вкатив их по склону, повтыкали в землю все деревца и кусты, которые раньше вырыли, и даже установили обратно огромный пень, который незадолго до этого

долго и трудолюбиво вытаскивали из земли. Потом отошли обратно, чтобы полюбоваться своей работой, — земля выглядела сырой, но пройдет неделя-другая, и все станет как прежде, а к осени никому и в голову не придет, что здесь когда-то работали лопатой.

Затем ребята засобирались к обеду.

Майк чуть задержался на коровьей тропе, ведущей вверх по холму, и глянул на Корди. Девочка спокойно сидела на противоположном берегу и обрывала листы с веточки.

— Пошли? — позвал он ее.

— Ребята, — отозвалась она, с насмешкой покачав головой, — когда Господу стало скучно, Он создал тупиц вроде вас.

Стоя в тени, они ждали, пока она перейдет по бревну через ручей и заберется по холму, чтобы присоединиться к ним.

Расследование тех странных событий, которые происходили с десятого по шестнадцатое июля, тщательно велось в течение нескольких недель и все еще продолжалось, хоть и много менее интенсивно.

Главным событием оказалось исчезновение мистера Денниса Эшли-Монтегю и его телохранителя. Как только в парке Бандстенд обнаружили брошенный автомобиль, что произошло вскоре после полуночи в ночь пожара, и увидели, что проектор странным образом продолжает работать, а на стене кафе так же пляшет белый прямоугольник света, в расследование включились спецотдел шерифа, полиция Оук-Хилла и даже ФБР. Не меньше недели людей ФБР, в одинаковых темных костюмах, потрепанных черных галстуках и начищенных ботинках, можно было видеть фланирующими по улицам Элм-Хейвена, слоняющимися возле кафе и даже попивающими пепси в пивной «У Карла» и в баре «Под черным деревом». Это называлось «смешаться с коренным населением» с целью собрать местные сплетни.

Ну а местных сплетен было достаточно.

Было выдвинуто не меньше миллиона теорий, объясняющих факт похищения грузовика Кена Грумбахера, наверняка совершенного доктором Руном, бывшим директором школы, а также возникновение пожара, пропажу нескольких трупов из похоронного бюро мистера Тейлора и исчезновение миллионера — благодетеля города Элм-Хейвен. По слухам, судебные эксперты обнаружили на месте пожара не только кости доктора Руна и несколь-

ко мертвых тел, пропавших из похоронного бюро, но и еще столько скорченных обгоревших трупов, что можно было подумать, будто в ту ночь занятия в школе шли полным ходом. Несколькими днями позже в парикмахерской и салоне красоты стало доподлинно известно, что, согласно проверке, многие из костей принадлежали давно умершим людям, что привело к тому, что центром сплетен оказалось странное поведение бывшего зрителя Страстного кладбища и бывшего школьного надзирателя Карла Ван Сайка. Миссис Виттакер получила достоверную информацию от своего кузена, работающего в полицейском участке Оук-Хилла, о том, что по золотому зубу, найденному в обгоревшем дочерна черепе, тело Ван Сайка было идентифицировано.

Десять дней спустя после пожара, как раз в тот день, когда на место пожарища прибыли бульдозеры и грузоподъемные краны, по единственной уцелевшей обгорелой стене в первый раз ударили молотом, а оказавшиеся на удивление глубокими подвалы Старой центральной школы стали заполняться битым кирпичом, стало известно, что в полицейском расследовании достигнуты определенные успехи. Оказалось, что черный «шевроле» выпуска пятьдесят седьмого года, принадлежавший мировому судье Конгдену, видели на Гранд-Вью, около особняка мистера Эшли-Монтегю, как раз четыре дня назад, именно в тот день, когда предположительно был убит Джей-Пи Конгден, то есть за четыре дня до пожара на зерновом элеваторе и за пять дней до того, как сгорела Старая центральная. Другими словами, незадолго до исчезновения миллионера. Мистер Каспар Джонатан (Си-Джей) Конгден был вызван для допроса в ФБР.

Возможно, что последним человеком, видевшим Си-Джея, был Джим Харлен, — Джим видел того, когда он мчался по Хардроуд в своем черном «шевроле» примерно в десять утра. Назад он не вернулся.

Кевин рассказал полиции, спецотделу шерифа, ФБР и своему отцу историю о том, как они с Харленом проснулись от звука заработавшего мотора и выскочили из дому как раз вовремя, чтобы увидеть заворачивающий за угол грузовик. Ни один из мальчиков не мог с уверенностью сказать, что заставило водителя свернуть к Старой центральной.

Через несколько дней после пожара не кто иной, как шериф, обнаружил, что в обломках цистерны застряли гильзы от пуль

сорок пятого калибра. Кевин незамедлительно признался, что, как только он увидел, что грузовик похитили, тут же побежал домой, схватил отцовский кольт и несколько раз выстрелил вслед грузовику. Он не думает, что это могло заставить водителя потерять контроль над управлением, но точно не уверен.

Кен Грумбахер раскричался на сына за подобную безответственность и на неделю запер его дома, но выглядел страшно гордым, когда обсуждал случившееся за утренним кофе с приятелями и во время развозки молока в новеньком, с иголки, грузовике. Как оказалось, старый был застрахован на недурную сумму.

Все остальные ребята — кроме Корди, которая растворилась в темноте, когда весь город оказался разбуженным сиренами пожарной команды, и которой не было затем видно ближайшие несколько дней, — были допрошены полицией и родителями. Родители Майка, Дейла и Лоренса были в шоке, когда увидели шрамы и ожоги, которые их чада получили, когда пытались открыть заклинившую дверь загоревшегося грузовика, чтобы спасти водителя. Впрочем, идентифицировать его личность дети наотрез отказывались. Джим Харлен провел всю субботнюю ночь в участке, и его мама получила свою порцию впечатлений, только когда прибыла домой на следующее утро.

Бабушка Майка, Мемо, не умерла. Наоборот, она стала поправляться и ко второй неделе августа смогла прошептать несколько слов и чуть пошевелить правой рукой.

— Некоторые немножко пожилые люди, — заявил доктор Вискес родителям Майка, — они имеют хорошие силы драться.

После чего родители Майка обратились к доктору Стеффни, чтобы он порекомендовал им хорошего специалиста по интенсивной терапии и уходу за пожилыми людьми.

Спустя неделю после пожара мальчики уже снова без конца играли в бейсбол — иногда по десять-двенадцать часов без перерыва. И это именно Майк отправился к Донне Лу Перри домой, чтобы извиниться перед ней и пригласить на место питчера в его команде. Девочка, правда, захлопнула перед его носом дверь, но ее подруга Сэнди Виттакер уже на следующий день начала с ними играть, а скоро несколько самых спортивных девчонок явились утром пораньше, чтобы выбрать себе команду. Мишель Стеффни оказалась довольно приличным третьим полевым игроком.

Корди Кук в бейсбол не играла, но она ходила с мальчишками в походы, а в дождливые дни часто молча сидела рядом, когда они сражались в «Монополию» или торчали в курятнике. Ее брат Теренс был официально зачислен в списки «предавшихся бродяжничеству» отделом шерифа и дорожной полицией. Мистер Грумбахер принял участие в делах семьи Кук, когда стало известно, что их папаша ударился в бега в поисках лучшей доли, а несколько дам из лютеранского благотворительного комитета нанесли визиты несчастному семейству, каковое, впрочем, не казалось очень несчастным, и одарили его продуктами и другими мелочами.

Отец Динмен приезжал из Оук-Хилла служить мессу только по средам и субботам, и Майк продолжал свою службу алтарным служкой. Сам он полагал, что закончит ее в октябре, когда придет новый, назначенный епархией священник.

Шли дни. Кукуруза подрастала. Кошмары, мучившие мальчиков по ночам, не исчезли совсем, но стали менее тяжелыми.

Ночи становились все длиннее и длиннее, но казались короче.

Мистер и миссис Стюарт приехали к дяде Генри на ферму на праздничный обед, захватив с собой Грумбахеров и О'Рурков. Мама Харлена приехала попозже в сопровождении джентльмена, с которым она теперь постоянно «встречалась». Этот джентльмен, которого звали Купер, оказался высоким спокойным человеком, и вправду слегка смахивавшим на Гэри Купера, если не обращать внимания на то, что у него отсутствовал один из передних зубов. Может, поэтому он и улыбался так редко. Впервые приехав к ним в гости, он подарил Харлену настоящую бейсбольную перчатку, как у Микки Мэнтла¹, и смущенно улыбнулся, когда они обменялись рукопожатием. Харлен пока имел на его счет некоторые сомнения.

Ребята, расправившись с огромными ломтями мяса, разложенными по бумажным тарелкам, и напившись свежего молока и лимонада, побежали на крышу гаража. После обеда, пока взрослые болтали, сидя в патио, мальчики оккупировали гамаки и, разлегшись в них, стали рассматривать звезды.

¹ Микки Мэнтл (1931–1995) — знаменитый бейсболист, выступал за команду «Нью-Йорк янкиз»

Во время глубокомысленной дискуссии о внеземных цивилизациях, предметом которой было, в частности, обсуждение вопроса, имеются ли там учителя, Дейл сказал:

— А я вчера навещал мистера Макбрайда.

Майк закинул руку за голову и принялся раскачиваться сильнее.

— Я думал, что он уехал в Чикаго или куда-то еще.

— Он и уехал, — кивнул Дейл. — Вчера. Будет жить со своей сестрой. Я застал его как раз перед отъездом. Сейчас их дом стоит пустой.

Пятеро мальчишек и девочка помолчали. Где-то у горизонта бесшумно мелькнул метеорит.

— О чем же ты ему рассказывал? — после паузы спросил Майк.

Дейл серьезно посмотрел на него:

— Обо всем.

Харлен, как раз пытавшийся завязать шнурки на кедах, поднял голову:

— И он поверил тебе?

— Поверил, — кивнул Дейл. — Он отдал мне все блокноты Дуэйна. Все те старые блокноты, которые он вел так много лет.

Опять наступило молчание. Тихий разговор взрослых заглушало стрекотание цикад и хор лягушек из пруда.

— Одно я знаю точно, — нарушил молчание Майк. — Не хочу я быть фермером, когда вырасту. Слишком много работы. Может, строителем, может, еще кем-нибудь вроде этого. Но не фермером.

— И я, — подхватил Кевин. Из рта у него торчал хвостик редиски. — Лучшее для меня — это технический колледж. По ядерной энергетике. Может, я пойду служить на подводную лодку.

Харлен перебросил ноги через перила и раскачал свой гамак посильнее.

— А я намерен заняться чем-нибудь, что принесло бы мне побольше денег. Например, недвижимостью. Или банковским делом. Билл — банкир.

— Билл? — поднял брови Майк.

— Билл Купер, — пояснил Харлен. — А может, я буду бутлегером.

— Но виски теперь продают свободно, — возразил Кевин.

Харлен усмехнулся:

— Виски — да, но есть много другого, что не продается свободно. Люди всегда готовы будут отвалить огромные деньги за то, от чего глупеют.

— А я буду играть в бейсбол в большой лиге, — слышался голос Лоренса с перил, на которых он сидел. — Возможно, кетчером. Как Йоги Берра¹.

— Как же, — раздался хор скептических голосов. — Уж конечно.

Корди сидела на перилах рядом с Лоренсом. Задрав голову, она разглядывала звезды, но сейчас перевела взгляд на Дейла:

— А ты кем хочешь быть?

— Писателем, — тихо ответил тот.

Ребята уставились на него. Дейл прежде ничего такого не говорил. Смутившись, он вытащил из кармана один из блокнотов Дуэйна, которые теперь все время носил с собой.

— Вам бы не мешало прочесть все это. Правда. Дуэйн целыми часами... да что там часами — годами... записывал все о том, как люди выглядят, что они говорят, как они ходят... — Он помолчал, чувствуя, как глупо звучат его слова, но не заботясь об этом. — Ну прямо как будто он точно знал, кем будет и как долго надо к этому готовиться... годы работы и тренировок перед тем, как просто попытаться написать настоящий рассказ. — Дейл бережно прикоснулся к блокноту. — Все это здесь. Во всех его блокнотах.

Харлен с сомнением прищурился в его сторону:

— И ты хочешь написать его книгу? То, что он не написал?

— Нет, — тихо сказал Дейл, покачав головой. — Я напишу мою собственную историю. Но я не забуду Дуэйна. И постараюсь научиться тому, чему учился он... тому, что он умел...

Лоренс казался заметно взволнованным:

— И ты хочешь написать о том, что тут случилось? О том, что тут вправду было?

Дейл был явно смущен, и по всему было видно, что он хотел бы закончить разговор на эту тему.

¹ *Йоги Берра* (1925–2015) — популярный бейсболист, знаменитый своими многолетними успехами в Национальной бейсбольной лиге. 14 раз (с 1947 по 1963 г.) играл в финалах сезона за «Нью-Йорк янкиз». Кроме того, Йоги Берра — автор множества популярных афоризмов.

— Если я и решу писать о чем-нибудь, дуралей, так это о том, какие большие и оттопыренные у тебя уши. И какие при этом крохотные мозги...

— Смотрите! — прервала его Корди, показав на небо.

Все подняли головы как раз вовремя, чтобы увидеть спутник «Эхо», молчаливо скользивший по небу. Даже взрослые прервали беседу, чтобы проводить глазами яркую звездочку спутника, плывущую между звездами.

— Ничего себе, — прошептал Лоренс.

— Вот дела, правда? — будто в ответ ему пробормотала Корди. Ее лицо выглядело странно мягким и словно сияющим в свете звезд.

— Как раз в том месте и в то время, когда говорил Дуэйн, — прошептал Майк.

Дейл тихо опустил голову, зная, что все это — спутник, и пещера бутлегеров, и многое-многое другое — может повториться и завтра, и через неделю, но что этот момент — кружок друзей, едва слышные шорохи летней ночи, голоса родителей снизу, чувство какой-то бесконечности лета, которое, как обычно, принес август, — что этот момент единственный и неповторимый. И что он должен быть сохранен.

И пока Майк и Лоренс, Кевин, Харлен и Корди провожали глазами светлую точку, на их запрокинутых лицах читалась вера в то, что начинается новая эра. Дейл молча следил за ними. Он думал о своем друге Дуэйне и о том, как можно описать то, что видишь, словами, как это делал Макбрайд.

И затем, инстинктивно зная, что такие минуты нужно замечать, но нельзя губить их наблюдением, Дейл присоединился к друзьям, провожая взглядом «Эхо», уже коснувшийся горизонта и начавший тускнеть. Минутой позже они уже жарко спорили о бейсболе и орали друг на друга, обсуждая вопрос о справедливости пенальти в последней игре в Чикаго, и Дейл лишь краем сознания ощущал едва заметный ветерок, пробежавший по бесконечному полю и зашуршавший шелковыми метелками на початках, будто обещая еще многие-многие недели лета. Многие-многие жаркие дни. И завтра после короткой интерлюдии ночи тоже наступит жаркий и ясный летний день.

Симмонс Д.

С 37 **Лето ночи** : роман / Дэн Симмонс ; пер. с англ. О. Брусовой, Д. Кальницкой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 736 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-16582-3

«Лето ночи» — от Дэна Симмонса, прославленного автора «Террора» и «Друда», «Пятого сердца» и «Темной игры смерти» и знаменитой эпопеи «Гиперион» / «Эндимион». Это книга о последнем лете детства. О том времени, когда мы тесной компанией пропадали в лесу и на речке, наперегонки гоняли на велосипедах, пугали друг друга страшилками про гроб на колесиках и черную руку. Ведь еще чуть-чуть — и каждый пойдет своей дорогой; а потом будет всю жизнь вспоминать это особенное время, когда мы были безоглядно счастливы и абсолютно свободны, а за каждым углом поджидали небывалые приключения. Атмосферу провинциального городка Симмонс воспроизводит с той же любовью и яркостью, с какой Брэдбери в «Вине из одуванчиков» изображал свой Гринтаун. И вот ты уже готов поверить в зло, древнее, как боги Египта, и коварное, как семейство Борджа...

Перевод публикуется в новой редакции, с авторским предисловием для юбилейного издания.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ДЭН СИММОНС
ЛЕТО НОЧИ

Ответственный редактор Александр Гузман

Художественный редактор Илья Кучма

Технический редактор Татьяна Тихомирова

Компьютерная верстка Ирины Варламовой

Корректор Ирина Киселева

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 04.06.2019. Формат издания $60 \times 90 \frac{1}{16}$.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 46. Заказ № 6671.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):



ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в ООО «Тульская типография»

300026, г. Тула, пр. Ленина, 109



Y-ABB-25042-01-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new.authors/

thebigbook.

Для тех из нас, кто превыше всего ценит
хорошую прозу, имя Дэна Симмонса —
непременный знак качества.

Харлан Эллисон

Если вам нравятся «Оно» и «Сердца в Атлантиде»
Стивена Кинга, тогда «Лето ночи» — книга для вас.

Rocky Mountain News

Симмонс мастерски воспроизводит страхи, так пугавшие всех нас
в детстве, да и до сих пор не отпустившие: чудовище под кроватью,
темнота в шкафу, не вполне человеческое лицо за окном...

Los Angeles Daily News

С момента публикации «Лета ночи» я получил столько писем
с отзывами об этом романе, сколько не получал ни об одном другом
(за исключением, возможно, «Гипериона»). Самое интересное,
что эти отправленные из разных уголков мира послания пишут
люди приблизительно моего возраста, которые помнят свое детское
лето 1960-го и которых чтение тронуло до такой степени, что им
хочется рассказать, насколько ощущение свободы из их детских
воспоминаний похоже на свободу описанных в «Лете ночи» детей.
А потом мои корреспонденты жалуются, что у их детей и внуков
такой свободы нет. Мне всегда странно думать: как так вышло,
что у человека, выросшего во Франции, России, Японии
или Израиле, детство оказалось похожим на детство моих
героев в маленьком американском городке в 1960 году?

Дэн Симмонс

© shutterstock.com/bacilloz/Microstocker 1/EPproductions
OlanaN/Isacco/Pixel-Shot/Cory Seamer

ISBN 978-5-389-16582-3 01



9 785389 165823

www.azbooka.ru